1839

СТО РУССКИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ.

ИЗДАНІЕ
КНИГОПРОДАВЦА А. СМИРДИНА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

АЛЕКСАНДРОВЪ.
БЕСТУЖЕВЪ.
ДАВЫДОВЪ.
ЗОТОВЪ.
КУКОЛЬНИКЪ.

ПОЛЕВОЙ.
ПУШКИНЪ.
СВИНЬИНЪ.
СЕНКОВСКІЙ.
ШАХОВСКОЙ.

Санктпетербургъ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМИРДИНА.
1839.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 30 сентября, 1838 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

АЛЕКСАНДРОВА *Александра Андрѣевича (Дѣвицы-кавалериста)*:

Сѣрный ключъ. Черемисская повѣсть . . . 553.

БЕСТУЖЕВА *Александра Алвксандровича (Марлинскаго)*:

Мулла Нуръ. Заключеніе . . . . 139.

Месть. Повѣсть (неоконченная). . . . . . . 159.

Сонъ. Стихотвореніе . . . . 181.

ДАВЫДОВА *Дениса Васильевича*:

Тильзитъ въ 1807 году . . . . 97.

ЗОТОВА *Рафаила Михайловича*:

Пріѣздъ вице-губернатора . . . . 187.

КУКОЛЬНИКА *Нестора Васильевича*:

Іоаннъ Антонъ Лейзевицъ, драматическая фантазія въ пяти актахъ, съ эпилогомъ . 599.

ПОЛЕВАГО *Николая Алексѣевича*:

Дурочка. Повѣсть . . . . 449.

О бумагахъ и замѣткахъ, оставшихся по кончинѣ Петра Великаго въ Его собственномъ кабинетѣ . . . . 527.

ПУШКИНА *Александра Сергѣевича:*

Каменный гость . . . . 49.

Одна глава изъ неоконченнаго Романа . . . 87.

СВИНЬИНА *Павла Петровича:*

Александръ Даниловичь Меньшиковъ, драматическое представленіе въ трехъ картинахъ . . . . 275.

СЕНКОВСКАГО *Осипа Ивановича:*

Превращеніе головъ въ книги и книгъ въ головы . . . . 1.

ШАХОВСКАГО *Кн. Александра Александровича:*

Маруся. Малороссійская повѣсть . . . . . . 769.

ПРЕВРАЩЕНІЕ
ГОЛОВЪ ВЪ КНИГИ
И
КНИГЪ ВЪ ГОЛОВЫ.

ПРЕВРАЩЕНІЯ

ГОЛОВЪ ВЪ КНИГИ

И

КНИГЪ ВЪ ГОЛОВЫ.

Пусть люди бы житья другъ другу не давали:
Да ужъ и черти-то людей тревожить стали!

Хемницеръ.

Теперь и я начинаю вѣрить въ ночныя чудеса!

Ночь была самая бурная, самая осенняя. Страшный вѣтеръ съ моря ревѣлъ по длиннымъ улицамъ Петербурга и, казалось, хотѣлъ съ корнемъ вырвать Неву и разметать ее по воздуху. Облака быстро протекали передъ блѣдною луной, которая, сквозь туманную ихъ пелену, являла только видъ свѣтлаго пятна безъ очертанія. По-временамъ крупныя капли дождя съ силою ударяли въ стекла моихъ оконъ. Мы сидѣли вдвоемъ, передъ каминомъ, одинъ молодой поэтъ и я. Изъ уваженія къ хронологіи, безъ которой нѣтъ исторіи, я долженъ прибавить, что это было вчера.

Поэтъ былъ уже великій, но еще безъименный. Онъ еще подписывался тремя звѣздочками; однакожъ читатели, при видѣ этихъ трехъ звѣздочекъ, всякій разъ приходили въ невольный трепетъ: столько всегда, подъ этою таинственною вывѣской, было тмы, ада, вѣдьмъ, чертей, мертвецовъ, бурь, громовъ, отчаянія, проклятій и угрозъ человѣчеству, которое его не понимало! О, какъ краснорѣчиво ругалъ онъ «общество»! Да какъ огненно описывалъ «дѣву»! Великій поэтъ! Óнъ подавалъ о себѣ самыя мрачныя надежды. Мой собесѣдникъ долго не говорилъ ни слова; но я примѣчалъ, что, при каждомъ сильномъ порывѣ вѣтру, онъ приходилъ въ безпокойство. Я приписывалъ это особенному нервическому его расположенію. Вдругъ изъ крыши вырвало часть жолоба, который съ грохотомъ упалъ на мостовую передъ самыми окнами. Поэтъ вскочилъ.

— Пойдемъ гулять! вскричалъ онъ. Пойдемте гулять на набережную!

— Гулять? сказалъ я. Въ бурю, въ двѣнадцатомъ часу ночи?

— Чтó нужды? возразилъ поэтъ. Какъ можно сидѣть дома въ такую погоду!... Развѣ вы не находите ни какого удовольствія смотрѣть на эту великолѣпную борьбу стихій? Развѣ вамъ не веселѣе любоваться на волны разъяренной Невы чѣмъ на эти пестрыя толпы ничтожествъ съ разстроенными желудками, которыя каждый день передъ обѣдомъ разносятъ ихъ церемоніально по тротуару Невскаго Проспекта и безсмысленно улыбаются одно другому? Пойдемте. Вы еще не знаете наслаж-

денія гулять въ бурю! Скоро полночь..... Тѣмъ лучше! По-крайней-мѣрѣ мы не удивимъ людей.

— Вы рѣшительно не любите людей? спросилъ я, смѣясь.

—Я ихъ презираю! отвѣчалъ поэтъ торжественнымъ тономъ.—Видъ ихъ для меня ужасенъ, прибавилъ онъ, надѣвая палевыя перчатки: я ихъ ненавижу, да и не нахожу, чтобы вы съ своей стороны имѣли много поводовъ обожать людей.

— Я всегда очень хорошо уживался съ людьми, возразилъ я хладнокровно.

— Да развѣ еще мало зла сдѣлали вамъ люди?... или по-крайней-мѣрѣ старались сдѣлать?

— Люди? Не говорите этого, мой другъ! Вы, вѣрно, хотѣли сказать «литераторы»: а это большая разница!... Я нахожу, что люди всегда были слишкомъ, слишкомъ благосклонны и добры для меня.

—Ну, такъ по-крайней-мѣрѣ вы не встрѣтите теперь литераторовъ. Пойдемте!

Не знаю, эта ли причина, или другіе болѣе краснорѣчивые доводы поэта, убѣдили меня согласиться на его странное предложеніе, но дѣло въ томъ, что я, дѣйствительно, по его примѣру вооружился галошами, надѣлъ плащъ, и мы вышли на Англійскую Набережную. Безполезно было бы описывать всѣ мученія подобной прогулки, во время которой одною рукою надобно было держать шляпу на головѣ, а другою безпрестанно закутываться въ плащъ, срываемый съ плечъ вѣтромъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ вдоль набережной, я остановился и рѣшительно объявилъ поэту, что не пойду противъ вѣтру;

*

что если ему угодно продолжать прогулку, то я предлагаю поворотить къ бульварамъ адмиралтейства и итти на Невскій Проспектъ, гдѣ по-крайней-мѣрѣ строенія заслонятъ насъ нѣсколько отъ бури. Кажется, что великолѣпная борьба стихій скоро надоѣла и самому поэту, потому что онъ безъ труда согласился съ моимъ мнѣніемъ, давъ мнѣ только замѣтить красоту огромныхъ черныхъ волнъ Невы, которыя въ это время были освѣщены луною, освободившеюся на мгновеніе отъ тучъ. Мы благополучно достигли бульвара. Поэтъ разсказалъ мнѣ здѣсь много прекрасныхъ вещей о лунѣ, которыхъ я, для краткости, не повторяю.

Мы скоро очутились на Невскомъ Проспектѣ. Во все время нашего странствованія не встрѣчали мы ни живой души. Улицы были совершенно пустыя, о́кна домовъ совершенно темныя. Дошедши до Большой Морской, я поворотилъ въ эту улицу, чтобы подъ защитою ея домовъ пробраться до своей квартиры, когда мой товарищъ внезапно былъ пораженъ необыкновеннымъ освѣщеніемъ одного изъ домовъ Невскаго Проспекта по-ту-сторону Полицейскаго Моста. Онъ остановилъ меня. Дѣйствительно, домъ былъ весь въ огнѣ. Сначала мнѣ казалось, что этотъ яркій свѣтъ разливался изъ оконъ Дворянскаго Собранія, но поэтъ, который превосходно зналъ топографію Невскаго Проспекта, скоро убѣдилъ меня, что освѣщенный домъ долженъ лежать гораздо ближе. Всѣ соображенія мѣстности приводили насъ обоихъ къ заключенію, что это былъ тотъ самый домъ, въ которомъ находятся магазинъ и библіотека Смирдина. Но что́ значитъ такое освѣщеніе послѣ по-

луночи? Разныя предположенія, одно страннѣе другаго, приходили намъ въ голову и, послѣ тщательнаго разбора, были поочередно отвергаемы какъ неправдоподобныя. Я видѣлъ, что поэту страхъ хотѣлось рѣшить загадку личнымъ удостовѣреніемъ, и самъ предложилъ ему перейти черезъ Полицейскій Мостъ, чтобы посмотрѣть вблизи на предметъ нашихъ ипотезъ.

Съ моста уже были мы въ состояніи убѣдиться самымъ положительнымъ образомъ, что освѣщеніе, которое насъ такъ поражало, въ самомъ дѣлѣ происходило изъ магазина и библіотеки Смирдина. Но удивленіе наше возрасло еще болѣе, когда, пройдя нѣсколько шаговъ, мы примѣтили первыя кареты длиннаго ряда экипажей, уставленныхъ въ три линіи вдоль всего тротуара. Не оставалось болѣе ни какого сомнѣнія, что въ залахъ Александра Филипповича Смирдина происходитъ чтó-то необычайное, — собраніе, — быть-можетъ балъ, — или по-крайней-мѣрѣ свадьба. По мѣрѣ того какъ мы подвигались впередъ, форма экипажей и упряжи, наружность лошадей, кучеровъ, лакеевъ, болѣе и болѣе приводили меня въ недоумѣніе: это были по большей части старинные рыдваны, кареты и линейки готическаго фасона съ дивными украшеніями, кони непомѣрной величины въ збруяхъ прошедшаго столѣтія, люди тощіе, длинные, блѣдные, въ допотопныхъ ливреяхъ и съ ужасными усами. Я обратилъ вниманіе моего спутника на это странное обстоятельство: онъ посмотрѣлъ, и вздрогнулъ. Уста его дрожали.

— Чего вы перепугались? спросилъ я.

—Ничего! бодро отвѣчалъ поэтъ.—Ничего, такъ, при-

бавилъ онъ, спустя нѣсколько мгновеній, но уже измѣненнымъ голосомъ, и схватилъ меня подъ руку; я примѣтилъ, что онъ дрожитъ.—Рокъ! рокъ!.... продолжалъ онъ именно тѣмъ голосомъ, который въ стихахъ своихъ называлъ «гробовымъ». Пойдемте! Нечего дѣлать..... Пойдемте, это собраніе относится къ одному изъ насъ. Я и забылъ, что обѣщалъ быть въ немъ сегодня!

И говоря это, онъ сильно жалъ мою руку и увлекалъ меня ко входу въ освѣщенный домъ.

— Такъ что̀ же оно значитъ? спросилъ я, нѣсколько встревоженный его отчаяннымъ тономъ.

— Увидите! Увидите! Это любопытно, очень любопытно!.... это поучительно!.... Вы узнаете много новаго. Мнѣ обѣщали открыть одну великую тайну....

— Кто обѣщалъ?

— Кто! воскликнулъ онъ печально. Кто!... Тотъ, кому она какъ-нельзя лучше извѣстна. Тотъ, кто.... Не спрашивайте, ради Бога! Вы его увидите сами.

— Да кто же эти люди? Откуда эти уродливые экипажи?

—Кто эти люди?... Разумѣется, петербургскіе жители. Мало ли въ городѣ старинныхъ экипажей?... Вы видите, что между ними есть и новыя кареты. Посмотрите, какая щегольская коляска! Эй, кучеръ!.... чья коляска?

Кучеръ назвалъ одного изъ извѣстнѣйшихъ поэтовъ нашихъ.

— Видите ли?.... и онъ здѣсь! Пойдемъ скорѣе.

Отвѣтъ кучера нѣсколько успокоилъ меня. Любопытство мое возбуждено было въ высочайшей степени, тѣмъ болѣе, что я ничего не слыхалъ о приготовленіяхъ къ

этому празднику, и что онъ былъ для меня совершенною нечаянностью. Правда, мѣсто, гдѣ онъ происходилъ, и имя, которое только-что я услышалъ, заставляли думать, что это должно быть литературное собраніе, а въ моей частной философіи есть коренное правило, никогда не купаться въ морѣ между акулами и не бывать въ подобныхъ собраніяхъ,—два мѣста, гдѣ, того и гляди, отхватятъ вамъ ногу острыми зубами или кусокъ добраго имени дружескимъ поцѣлуемъ; но на этотъ разъ я готовъ былъ, впервые въ жизни, нарушить мудрое правило, чтобы узнать причину столь многочисленнаго ночнаго конгресса. Мы взошли на подъѣздъ, который былъ ярко освѣщенъ и покрытъ тѣснившимся народомъ. Въ дверяхъ стояли два человѣка: они, казалось, раздавали билеты входящимъ, и одинъ изъ нихъ громко повторялъ: «Пожалуйте, господа; пожалуйте скорѣе; представленіе начинается.»

—Представленіе? вскричалъ я. Что̀ это значитъ? Какое представленіе?

— Да, да! представленіе! отвѣчалъ поэтъ дрожащимъ голосомъ. Я давно уже получилъ приглашеніе.

—Да кто же здѣсь даетъ представленія послѣ полуночи? спросилъ я довольно громко.

Вопросъ мой, видно, былъ услышанъ однимъ изъ раздававшихъ билеты, потому что онъ оборотился ко мнѣ и сказалъ съ важностью:

— Синьоръ Маладетти Морто, первый волшебникъ и механикъ его величества короля кипрскаго и іерусалимскаго, будетъ имѣть честь показывать различныя

превращенія.....Пожалуйте, господа! пожалуйте скорѣе! представленіе начинается!

Говоря это, онъ почти насильно всунулъ намъ въ руки два билета, и толпа, тѣснившаяся сзади, втолкнула насъ въ двери. Это имя, признаться, нѣсколько зловѣщее, страшное лицо и хриплый голосъ раздавателя билетовъ, странныя фигуры, которыя насъ окружали въ сѣняхъ и всходили съ нами по лѣстницѣ, все это способно было внушить нѣкоторый страхъ и самому храброму. Я сообщилъ сомнѣнія свои поэту, и не рѣшался итти далѣе. Онъ засмѣялся надъ моей трусостью, но какимъ-то глухимъ, отчаяннымъ смѣхомъ, и опять потащилъ меня по лѣстницѣ. Не скрываюсь, что въ это время любопытство мое совершенно пропало, и только ложный стыдъ заставилъ меня повиноваться моему спутнику. Мы достигли входа въ книжный магазинъ. Здѣсь два другіе человѣка перемѣнили у насъ билеты и просили итти далѣе. У дверей первой залы не было никого: мы вошли безъ всякихъ обрядовъ; никто не потребовалъ съ насъ платы за входъ, и это меня удивило еще болѣе. Зала была освѣщена множествомъ кенкетовъ, уставлена во всю длину частыми рядами стульевъ, и по-крайней-мѣрѣ три четверти ихъ заняты были посѣтителями обоего пола. Книги съ прилавковъ были убраны и всѣ шкафы завѣшены красными занавѣсами. Огромный занавѣсъ такого же цвѣту закрывалъ всю глубину залы со стороны Конюшенной Улицы. Передъ нимъ находился длинный столъ, на которомъ въ разныхъ мѣстахъ стояли инструменты и ящики. За столомъ важно расхаживалъ человѣкъ въ черномъ фракѣ, и по-временамъ

отдавалъ приказанія служителямъ. Изъ всего можно было заключить, что это самъ синьоръ Маладетти Морто, первый волшебникъ и механикъ его величества короля кипрскаго и іерусалимскаго. Желая взглянуть ближе на него и на его зрителей, я подошелъ къ первымъ рядамъ стульевъ. Лицо этого человѣка, кромѣ пронзительнаго взора и насмѣшливой улыбки, сросшейся съ его тонкими губами, не представляло ничего примѣчательнаго. Передъ нимъ, на двухъ первыхъ рядахъ стульевъ, сидѣли, въ глубокомъ молчаніи, Александръ Филипповичъ Смирдинъ, очень блѣдный лицомъ, и почти всѣ свѣтила нашей поэзіи и прозы,—люди съ геніями столь необъятными, что сознаніе ничтожества моего подлѣ нихъ съ силою электрическаго удара оттолкнуло меня на противоположный конецъ залы, гдѣ я скрылся и пропалъ въ толпѣ. Никогда еще не видалъ я такой массы ума и славы. Великолѣпное зрѣлище! Въ разстройствѣ отъ своего уничиженія, я потерялъ изъ виду поэта, и, смиренно занявъ мѣсто въ одномъ изъ послѣднихъ рядовъ, съ нетерпѣніемъ ждалъ начала представленія. Надобно замѣтить, что между геніями первыхъ рядовъ я видѣлъ множество напудренныхъ парриковъ: при бѣгломъ взглядѣ, который успѣлъ я бросить на нихъ, находясь еще въ главномъ концѣ залы, мнѣ показалось, будто эти почтенныя лица не совсѣмъ мнѣ незнакомы, и что я встрѣчалъ ихъ иногда въ какихъ-то картинкахъ; но краткость времени не дозволяла мнѣ собрать и привесть въ порядокъ своихъ воспоминаній, вокругъ меня не было ни одного знакомаго человѣка, у котораго могъ бы я распросить, а между-тѣмъ и

представленіе уже начиналось. Раздался звонъ колокольчика. Все утихло. Человѣкъ въ черномъ фракѣ, расхаживавшій за столомъ, остановился и привѣтствовалъ собраніе тремя поклонами.

«Милостивые государи и государыни! сказалъ онъ: недавно пріѣхавъ въ эту великолѣпную столицу и не имѣя счастія быть вамъ извѣстнымъ, я долженъ прежде всего сказать нѣсколько словъ о себѣ. Видя меня въ этомъ магазинѣ, вы, можетъ-быть, полагаете, что я писатель. Нѣтъ, я давно отказался отъ притязаній на авторскую славу: я былъ авторомъ, но теперь я волхвъ и колдунъ. Хотя природа и надѣлила меня всѣми способностями для того, чтобъ быть славнымъ сочинителемъ повѣстей и былей, я однако жъ предпочелъ этому званію другое, болѣе выгодное. Не спорю, что иногда очень пріятно шалить съ веселою, беззаботною Сатирой и смотрѣть на движенія своихъ ближнихъ въ свѣтѣ какъ на игру безконечной комедіи, нарочно для васъ представляемой вашимъ родомъ, и самому смѣяться, и разсказывать про свой смѣхъ тѣмъ, которые сидятъ подлѣ васъ, но пришли въ этотъ огромный театръ безъ очковъ. Но это ремесло имѣетъ разныя свои неудобства. Разскажите дѣло, какъ его видишь, какъ оно было или какъ быть могло: одинъ сердится на васъ, зачѣмъ оно такъ было, другой, зачѣмъ оно такъ можетъ быть; тотъ думаетъ, что вы разсказываете лучше его и бѣсится на васъ за то, что разсказъ вашъ не совсѣмъ глупъ, иной находитъ сочиненіе ваше глупымъ, и бранитъ васъ за то, что, какъ ему кажется, самъ онъ написалъ бы его гораздо лучше. Путешествуя по разнымъ странамъ міра, я рѣшительно убѣдился, что для людей пи-

сать не возможно. И, видя передъ собою такое блестящее собраніе авторскихъ геніевъ всѣхъ возможныхъ разборовъ, я дерзаю даже удивляться, какъ вы, милостивые государи, рѣшились на такое скучное, непріятное, безполезное ремесло! Зачѣмъ вамъ быть писателями, когда вы можете прослыть отличнѣйшими шарлатанами? Посмотрите на меня: я шарлатанъ!...и чрезвычайно доволенъ моимъ званіемъ. Прекрасное званіе! веселое званіе! благородное званіе! Сдѣлайтесь и вы, всѣ до единаго, шарлатанами: для васъ это будетъ очень легко, — вы уже сочинители; первый шагъ сдѣланъ. Я говорю по опыту. Нарядитесь всѣ фиглярами, паяцами, шутами: какъ вы тогда будете хорошо понимать другъ друга! какъ вамъ будетъ ловко жить съ себѣ подобными! какъ явно будете обманывать другъ друга и всѣхъ на свѣтѣ! Да какъ потомъ будете вы смѣяться!.... Главная трудность жизни, повѣрьте, происходитъ единственно оттого, что люди одѣваются не въ свои платья. Если бы каждый изъ васъ нарядился соотвѣтственно своимъ дѣяніямъ или писаніямъ.... Вотъ, для представленія вамъ образчика дѣла, я тотчасъ переодѣнусь въ шутовское платье, и вы меня мигомъ поймете. Какъ прикажете нарядиться? Геніемъ?...философомъ?... глубокомысленнымъ ученымъ?

Нѣтъ! Все это костюмы слишкомъ старые, слишкомъ обыкновенные, изношенные и запачканные дураками...

Вотъ... на нынѣшній вечеръ... и только для васъ.... наряжусь я человѣкомъ ко всему способнымъ. Нарядъ, правда, ужъ слишкомъ пестрый, немножко каррикатур-

ный, но онъ теперь въ большой модѣ, и притомъ самый удобный для производства тѣхъ чудесныхъ явленій, которыя хочу имѣть честь вамъ представить. Дайте мнѣ только время принарядиться, какъ слѣдуетъ: увидите, какіе покажу я вамъ фокусы!... О, вы любите фокусы! Вы сами дѣлаете ихъ превосходно; однако жъ такихъ какъ тѣ, которые я вамъ сегодня представлю, надѣюсь, вы еще не производили и не видали. Вы уже горите нетерпѣніемъ? Изъ глазъ вашихъ брызжетъ любопытство? Вы сомнѣваетесь въ возможности превзойти васъ на этомъ благородномъ поприщѣ?... Погодите. Сейчасъ, сейчасъ!..... Между-тѣмъ, милостивые государи и государыни, извольте занимать мѣстà: представленіе будетъ разнообразно и великолѣпно.

Вотъ мой костюмъ. Дѣлая все основательно, прежде всего, —не при васъ будь сказано, —я надѣваю панталоны... парадные, полосатые, разноцвѣтные... сшитые, какъ изволите видѣть, изъ историческихъ атласовъ и статистическихъ таблицъ: теперь, если мнѣ или вамъ понадобятся справки для глубокомысленныхъ соображеній, онѣ всѣ тутъ. .. Вотъ на этой ногѣ, годы, мѣсяцы и числа дѣяній народовъ... Вотъ, здѣсь, раскрашенныя картины ихъ исторической жизни... А тамъ точное показаніе рогатаго и безрогаго скота, состоящаго сегодня на-лицо у вышеупомянутыхъ народовъ. Одну ногу сую въ сапогъ, выкроенный изъ романовъ, другую обуваю въ драматическій котурнъ. Жилетъ у меня цвѣту германской философіи съ мелкими умозрительными пуговками. На шеѣ повязываю себѣ большимъ бантомъ промышленость и торговлю. Кафтанъ надѣваю анти-

кварскій. Волосы намазываю технологіей, и причесываю подъ изящныя искусства....

Нарядъ, какъ изволите видѣть, отмѣнно идетъ мнѣ къ лицу.... Но, чтобъ предстать передъ васъ полнымъ, ко всему способнымъ шутомъ, надѣваю еще на голову, вмѣсто колпака, химическую реторту, и начинаю говорить съ вами на двѣнадцати языкахъ, которыхъ ни я ни вы не понимаемъ.

Теперь я готовъ къ вашимъ услугамъ. Милостивые государи и государыни, пожалуйте сюда скорѣе, торопитесь, не зѣвайте. Есть еще десятокъ билетовъ. Цѣна за входъ весьма умѣренная: съ дамъ и мужчинъ не беремъ ни копѣйки, дѣти платятъ половину. Приходите! Право, не будете раскаяваться, что пожертвовали своимъ временемъ. Вы, можетъ-быть, спросите, какъ можемъ мы давать представленія такъ дешево? скажете, что мы должны быть въ убыткѣ? Конечно, съ перваго взгляда, оно такъ бы казалось, но мы отъигриваемся на большомъ числѣ ротозѣевъ, и хотя съ нихъ получается очень мало, ровно нуль, однакожъ множество нулей съ однимъ искуснымъ шарлатаномъ впереди составляетъ огромную сумму. Этотъ разсчетъ мы, шарлатаны, понимаемъ прекрасно.

Приходите же, пожалуйте: здѣсь показываются невиданныя и неслыханныя штуки, про которыя не снилось ни Месмеру, ни Каліостро, ни даже знаменитому Пинетти, моему покойному дядѣ, шурину, брату, куму и наставнику. Эй, честные господа! Эй почтенныя, прекрасныя госпожи! живѣе, проворнѣе... Не скупитесь, берите остальные билеты: вы увидите здѣсь дивы див-

ныя и чудеса сверхъестественныя. Здѣсь показываютъ не мосекъ, одѣтыхъ историческими лицами, не обезьянъ, наряженныхъ въ бальное платье: представленіе наше новаго и гораздо высшаго роду, приспособленное къ понятіямъ и потребностямъ людей, столь знаменитыхъ и столь образованныхъ какъ вы, милостивые государи и государыни, приведенное въ уровень съ вѣкомъ, подобрано къ росту современныхъ идей. Всѣ новыя изобрѣтенія и открытія прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ вѣковъ, были призваны нами для сообщенія ему занимательности и совершенства, достойныхъ такого умнаго и глубокомысленнаго собранія... потому что я и мои собратія, шарлатаны всѣхъ родовъ и названій, обожаемъ всякія открытія, лишь бы эти открытія насъ не закрывали.

Спѣшите, господа! спѣшите! Представленіе начинается. Кому еще угодно къ намъ пожаловать?... Еще есть два порожнія мѣста. Никого нѣтъ болѣе?... Разъ, два, три! Поднимайте занавѣсъ.

И такъ какъ, милостивые государи и государыни, вы удостоили наше представленіе блистательнаго и многочисленнаго присутствія, то я сперва покажу вамъ мой кабинетъ заморскихъ рѣдкостей. Если вамъ случалось прежде посѣщать эту залу, то вы помните, что всѣ эти шкафы, которыми стѣны такъ плотно обставлены, всегда были открыты и наполнены книгами. Въ эту минуту онѣ завѣшены, и заключаютъ въ себѣ мой физіологическій кабинетъ, составленный изъ рѣдкостей, какихъ нѣтъ, не бывало и никогда не будетъ на свѣтѣ. Что, если я доложу вамъ, что теперь, на этихъ полкахъ,

вмѣсто книгъ стоятъ головы, которыя сочиняютъ книги? Вы уже удивляетесь, слыша, что мой кабинетъ, который тотчасъ откроется взорамъ вашимъ, состоитъ исключительно изъ человѣческихъ головъ всякаго роду, разбору, калибра, вѣсу, объема, виду и достоинства. Но вы удивитесь еще болѣе, когда я почтеннѣйше доведу до вашего свѣдѣнія, что ихъ у меня двѣнадцать тысячъ. Вы скажете: не правда! быть не можетъ! Вы подумаете, что я туманю, и спросите, откуда взялъ я столько головъ! На все есть у меня отвѣтъ ясный и удовлетворительный. Прошу благосклонно выслушать.

Безсмертный мой дядя, шуринъ, братъ, кумъ и наставникъ, Джироламо-Франческо-Джакомо-Антоніо-Бонавентура Пинетти, о которомъ вы сами иногда разсказываете такія чудеса, что не знаешь въ какую упрятать ихъ голову, путешествуя по различнымъ странамъ, землямъ и народамъ, однажды заѣхалъ нечаянно на самый край свѣта. Онъ увидѣлъ себя въ баснословномъ африканскомъ государствѣ, называемомъ между нами учеными Голкондою,—гдѣ алмазы растутъ точно, какъ у насъ огурцы,—гдѣ за желѣзный гвоздь даютъ топоръ чистаго золота,—гдѣ книги пишутся съ одного конца, а понимаются съ другаго. Тамъ царствовалъ тогда мудрый, знаменитый и могущественный султанъ, Шагабагамъ-Балбалыкумъ, славившійся на цѣломъ Востокѣ своимъ правосудіемъ. Однажды, за столомъ, онъ такъ взбѣсился на своего повара, который прислалъ ему пережаренную куропатку, что приказалъ обезглавить его, всю кухню, весь свой дворъ, все свое государство, которое впрочемъ было очень невелико. Въ восточныхъ го-

сударствахъ эти вещи случаются почти ежедневно. Въ правосудномъ гнѣвѣ своемъ, мудрый султанъ, Шагабагамъ-Балбалыкумъ, явился столь неумолимымъ, что когда, по обезглавленіи всего государства, предстали передъ него съ донесеніемъ два его палача, онъ приказалъ, чтобы и они срубили другъ другу головы, что́ и было исполнено со всею надлежащею строгостью. Будучи на другой день безъ завтрака и безъ подданныхъ, — во всей Голкондѣ оставались въ живыхъ только мудрый султанъ Шагабагамъ-Балбалыкумъ и мой незабвенный учитель, Джироламо-Франческо-Джакомо-Антоніо-Бонавентура Пинетти, — онъ наименовалъ послѣдняго своимъ первымъ поваромъ, каммердинеромъ, евнухомъ, секретаремъ, казначеемъ, визиремъ, комендантомъ всѣхъ морскихъ и сухопутныхъ силъ, и единымъ другомъ; и трое сутокъ жили они очень весело. Султанъ царствовалъ въ пустомъ государствѣ со славою, мой наставникъ управлялъ на славу пустымъ государствомъ; оба они начинали уже прославляться въ Африкѣ, какъ однажды зашелъ у нихъ любопытный разговоръ.

— Мудрый султанъ Шагабагамъ-Балбалыкумъ! воскликнулъ Пинетти.

— Что́, мой любезный Пинетти? воскликнулъ султанъ.

— Вы вчера изволили лестно отзываться о моемъ управленіи.

— Я очень доволенъ твоимъ усердіемъ. Моя Голконда явно приходитъ въ цвѣтущее состояніе. Но скажи мнѣ, пожалуй, какъ ты это дѣлаешь?

— Посредствомъ политической экономіи, мудрый султанъ Шагабамъ-Балбалыкумъ.

— Политической экономіи? повторилъ мудрый султанъ. Чтó это за чертовщина?

— Это наука, нарочно выдуманная у насъ, на Западѣ, для обогащенія пустыхъ государствъ посредствомъ разныхъ пустяковъ.

— Такъ у насъ есть и такая наука? вскричалъ изумленный султанъ. Аллахъ великъ, мой любезный Пинетти!

— Очень великъ, отвѣчалъ Пинетти. При помощи этой удивительной науки, три великія промышлености, сельское хозяйство, ремесленность и торговля, оказываютъ неимовѣрные успѣхи въ торжественныхъ рѣчахъ и книгахъ, такъ, чтó въ три дня любой народъ можетъ сдѣлаться не обыкновенно богатымъ по теоріи, умирая съ голоду въ практикѣ. Великія истины этой науки, которыя быстро и успѣшно распространяю я въ Голкондѣ....

— Вотъ этимъ я не совсѣмъ доволенъ, мой любезный Пинетти. Я не люблю истинъ, и въ особенности великихъ.

— Мудрый султанъ, Шагабагамъ-Балбалыкумъ! истины этой науки только баснословныя истины; да притомъ такъ называемыя великія истины вредны тогда только, когда онѣ могутъ закрадываться въ головы; а такъ какъ вы, благоразумною и рѣшительною мѣрой, изволили устранить навсегда это неудобство......

— И то правда! Ну, такъ очень радъ, что великія истины политической экономіи быстро и успѣшно распространяются внѣ головъ. Однако жъ, скажи мнѣ, кто

собственно имъ вѣритъ у насъ, если онѣ такъ успѣшно и быстро распространяются?

— Никто, мудрый султанъ Шагабагамъ-Балбалыкумъ.

— Жалую тебѣ за это почетную шубу! вскричалъ султанъ въ восхищеніи.

— Вообще, все идетъ такъ прекрасно, продолжалъ Пинетти, что наша политическая система найдетъ себѣ подражателей на всемъ Востокѣ и ваше имя, какъ перваго ея изобрѣтателя, будетъ вѣчно жить въ потомствѣ. О, эта система производитъ сильное удивительное впечатлѣніе во всей Африкѣ! Вы однимъ ударомъ опрокинули всѣ прежнія политическія теоріи, и открыли новую, удивительно простую и ясную. Одного только недостаетъ въ этой чудесной системѣ: сегодня по утру, я, какъ вашъ верховный визирь, чтобы показать всю энергію моей администраціи, призналъ необходимымъ, какъ у насъ говорится, frapper quelques grands coups d'état, то есть, для примѣра отколотить кого-нибудь по пятамъ; и.....

— И что̀ жъ? вскричалъ султанъ.

— Не кого колотить, отвѣчалъ мой учитель, скромно потупивъ глаза.

— Досадно! сказалъ мудрый султанъ. За всѣ твои необыкновенные подвиги я отъ души желалъ бы доставить тебѣ это истинно визирское удовольствіе, тѣмъ болѣе, что и мѣра сама по себѣ спасительна: но какъ же быть теперь? откуда взять для тебя пятъ, pour frapper de grands coups d'état, какъ у васъ говорится? Не хочешь ли употребить на это твои собственныя?..... Я самъ готовъ взять палку и для примѣра отвалять тебя на-славу.

— Я счелъ бы себя счастливѣйшимъ изъ людей...... отвѣчалъ мой наставникъ въ нѣкоторомъ затрудненіи: но.... но боюсь...

— Чего боишься?

— Того, что эта мѣра можетъ быть непонята, перетолкована неблагонамѣренно..... Скажутъ, что мудрый султанъ Шагабагамъ - Балбалыкумъ собственноручно изволилъ наказывать своего визиря за разныя несообразности, что дѣла у насъ идутъ дурно; что политическая экономія никуда не годится.....

— Правда! правда! вскричалъ султанъ. Ты правъ, Пинетти! Ты удивительно мудрый и дальновидный человѣкъ! Самъ Гарунъ - аль-Рашидъ не имѣлъ такого остроумнаго визиря. Но какъ же быть съ пятами, которыя, какъ я самъ знаю, необходимо нужны тебѣ для успѣшнаго хода нашей восточной администраціи? Было у меня нѣсколько карманниковъ.....позорившихъ всю мою голкондскую литературу....Какъ жаль, что я велѣлъ ихъ обезглавить вмѣстѣ съ прочими! Я бы теперь съ удовольствіемъ предоставилъ ихъ тебѣ, чтобы ты порядкомъ отколотилъ ихъ по пятамъ, для примѣра всей африканской пустыни.

— Карманниковъ?.... Это терминъ голкондскій?

— Ну, да! голкондскій. Карманниковъ, то есть, изобрѣтателей системы «битья по карманамъ»..... людей, которые, алчнымъ перомъ своимъ, посягали на чужіе карманы и производили настоящій грабежъ. Да правду сказать, они не стоили и палки! Какъ быть однако жъ?

— Не прикажите ли оживить кого-нибудь изъ Голкондцевъ? Я берусь, если вамъ угодно, извѣстными

мнѣ средствами поставить на ноги всѣхъ обезглавленныхъ.

— Я уже вчера думалъ объ этомъ, и былъ увѣренъ, что ты въ состоянiи сдѣлать это. Вы, Западные, собаку съѣли на всѣ науки. Сколько ты ихъ знаешь?

— Сто осемьдесятъ.

— Я такъ и полагалъ. Сто осемьдесятъ наукъ! Знаешь ли, любезный Пинетти, что съ этою пропастью наукъ можно было бы, мнѣ кажется, поставить ихъ на ноги безъ головъ.

— И очень легко!

— Неужели?..... Но какъ же они будутъ жить безъ головъ?

—Нынче у насъ доказано, что голова совсѣмъ не нужна человѣку, и что онъ можетъ все слышать, видѣть и обонять посредствомъ желудка, который даже въ состоянiи узнавать людей сквозь стѣны, читать письма, спрятанныя въ карманѣ, описывать событiя, происходящiя за тысячу миль, и съ точностью предсказывать будущее, чего головамъ никогда не удавалось сдѣлать удовлетворительно, даже когда онѣ пытались только предсказывать перемѣны погоды съ помощiю лучшихъ барометровъ.

— Аллахъ, Аллахъ! вскричалъ изумленный султанъ. Вотъ ужъ этого никакъ я не думалъ, чтобъ желудокъ былъ умнѣе головы! Аллахъ, Аллахъ! Нѣтъ силы ни могущества кромѣ какъ у Аллаха! И, слѣдственно, когда я въ Голкондѣ стану царствовать желудкомъ, оно выйдетъ еще мудрѣе нынѣшняго царствованiя моею головою?

— Гораздо мудрѣе, если только это возможно. Ваше царствованіе будетъ тогда магнитическое, ясновидящее.

— Ясновидящее! Ахъ, какъ ты меня обрадовалъ! Знаешь ли, любезный Пинетти, я давно уже.... съ тѣхъ поръ какъ въ нашихъ африканскихъ пескахъ распространились ваши западныя умозрѣнія и разные прочіе вздоры.... я давно желалъ имѣть хорошенькое царство, составленное изъ людей, преобразованныхъ по новому плану; изъ людей основательныхъ и положительныхъ, которые бы разсуждали и управлялись желудками. Я примѣтилъ, что у меня въ Голкондѣ всѣ глупости происходили изъ головъ; да и на всемъ Востокѣ онѣ происходятъ оттуда же.... не знаю, какъ у васъ на Западѣ?

— У насъ, на Западѣ, глупости происходятъ изъ желудка.

— У насъ, на Востокѣ, желудки, слава Богу, отличны, но головы крѣпко поразстроены теоріями.

— У насъ, на Западѣ, головы, слава Богу, отличны, но желудки всѣ вообще ужасно разстроены и алчны, и производятъ страшныя потрясенія, перевороты, революціи.....

— Если бъ я былъ султаномъ на Западѣ, я бы велѣлъ всѣмъ вамъ отсѣчь желудки.

— Вы такъ мудры, великій султанъ Шагабагамъ-Балбалыкумъ!......

— Такъ ты мнѣ возвратишь ихъ въ цѣлости, только безъ головъ?

— Извольте.

— Я награжу тебя за то по-султански.

— Я увѣренъ въ вашей неисчерпаемой щедрости!

— Дарю тебѣ всѣ головы моихъ Голкондцевъ.

Пинетти, въ знакъ благодарности, упалъ къ ногамъ мудраго и великодушнаго султана Голконды, и съ благоговѣніемъ поцѣловалъ его туфли.

Мой незабвенный наставникъ, конечно, ожидалъ гораздо значительнѣйшей милости за свою услугу: но что̀ прикажете дѣлать съ такимъ своенравнымъ африканскимъ властителемъ! При помощи извѣстныхъ себѣ секретовъ статистики, исторіи, политической экономіи, умозрительной физики и разныхъ другихъ несомнѣнныхъ наукъ, также при могущественномъ пособіи животнаго магнитизма, мой безсмертный учитель въ однѣ сутки надушилъ всѣ эти мертвыя туловища летучими жидкостями и динамическими теоріями, возбудилъ дѣятельность ихъ желудочныхъ нервныхъ узловъ, открылъ въ ихъ подложечныхъ областяхъ чувства зрѣнія, слуха, обонянія, память, предчувствіе, воображеніе, и прочая, и прочая, и, приведши тѣла въ сообщеніе съ небольшимъ Вольтовымъ столбомъ, поднялъ всѣхъ Голкондцевъ на̀ ноги. По данному знаку, они встали, и пошли кланяться, интриговать, рѣшать дѣла, писать ученыя книги, читать вздорные романы, — какъ будто ни въ чемъ не бывали! — не примѣчая даже, что ни у одного изъ нихъ нѣтъ головы на плечахъ. Мудрый султанъ Шагабагамъ-Балбалыкумъ помиралъ со смѣху, смотря на свое магнитическое государство. Съ тѣхъ поръ любимая его забава состояла въ томъ, чтобы, лежа на софѣ и куря трубку, двухъ главныхъ своихъ карманниковъ сперва заставить дружески цѣловаться и взаимно превозносить себя похвалами, а потомъ, искусно поссо-

ривъ ихъ между собою, довести до драки въ своемъ присутствіи: и когда одинъ изъ нихъ, вздумавъ дать пощечину другому, замахнется для нанесенія обиднаго удара и рука его, не встрѣчая лица, опишетъ по пустому воздуху полукружіе надъ шеей противника, тогда-то мудрый султанъ Шагабагамъ-Балбалыкумъ хохочетъ, бывало, до слезъ и потѣшается надъ своимъ ясновидящимъ народомъ! Такъ какъ онъ теперь надѣялся одинъ съ нимъ управиться, то мой незабвенный наставникъ, собравъ всѣ подаренныя себѣ головы, счелъ приличнымъ скорѣе унести оттуда свою собственную. Онъ нагрузилъ ими десять кораблей, но впослѣдствіи оказалось, что девять-десятыхъ изъ нихъ не стоили и гроша, и онъ побросалъ ихъ въ море, оставивъ себѣ двѣнадцать тысячъ головъ, отличнѣйшихъ въ цѣломъ государствѣ, изъ которыхъ и состоитъ великолѣпный кабинетъ физіологическихъ рѣдкостей, находящійся нынче въ моемъ владѣніи.

Теперь, какъ уже вамъ извѣстна исторія моего кабинета, какъ вы уже знаете, что̀ это за головы, и не сомнѣваетесь въ томъ, что это настоящія людскія головы, не телячьи, не бараньи, не сахарныя или капустныя, то я скажу вамъ еще, милостивые государи и государыни, для личнаго вашего свѣдѣнія и соображенія, что онѣ по-сю-пору совершенно какъ живыя и, силою нашей промышлености, сохранены въ первобытномъ состояніи, безъ малѣйшей порчи, какъ-будто сегодня были сорваны съ плечъ. Онѣ разобраны по родамъ и видамъ, согласно своей прочности, логикѣ и склонностямъ, и расположены систематически въ этихъ закрытыхъ шка-

фахъ, какъ банки въ аптекѣ, съ приличными надписями на ярлычкахъ, приклеенныхъ къ ихъ носамъ. Каждый шкафъ содержитъ въ себѣ отдѣльный классъ головъ, и снабженъ, какъ вы изволите видѣть, особенною надписью на шести извѣстныхъ и шести неизвѣстныхъ языкахъ, изображающею общее наименованіе класса. Наконецъ, мой наставникъ и я, послѣ долгихъ и томительныхъ опытовъ, съ помощію безчисленныхъ наукъ, и преимущественно умозрѣній, имѣли счастіе изобрѣсти магнитный жезлъ чудесныхъ свойствъ, котораго прикосновеніе мигомъ заставляетъ эти головы говорить совершенно такъ, какъ говорили онѣ при жизни, когда ѣздили верхомъ на людяхъ.

Смотрите же теперь, милостивые государи и государыни! Вотъ шкафъ No 1. Я не изъ тѣхъ шарлатановъ, которые начинаютъ свои представленія мелкими, обыкновенными фокусами, чтобы утомить вниманіе зрителей для удобнѣйшаго расположенія ихъ къ дальнѣйшимъ производствамъ. Съ перваго слова я открываю шкафъ No 1, и показываю все, что́ у меня есть лучшаго и достойнѣйшаго любопытства.... Теперь вы убѣдились, что это въ самомъ дѣлѣ головы?.... Прошу взглянуть на нихъ поближе: я не боюсь близкаго осмотру; у меня нѣтъ обмана. Всё головы, — тамъ, гдѣ прежде были книги! Если вы охотники до чтенія, то можете вмѣсто книгъ читать эти головы: онѣ раскладываются и читаются подобно книгамъ, какъ вы въ томъ скоро удостовѣритесь сами. Но взгляните только на ихъ мины: какая осанка! какая важность! сколько благородной гордости! Какъ онѣ свѣжи, румяны, вымыты, завиты, при-

чесаны, напудрены! Какъ настроены на глубокомысленную ноту, величавы, казисты! Да какъ хорошо пахнутъ!.... Славныя головы! Рѣдкія головы! Онѣ высоко цѣнились въ Голкондѣ, и употреблялись для сужденія о всѣхъ другихъ сортахъ головъ. Такихъ головъ не увидите вы нигдѣ на свѣтѣ! Это головы такъ называемыя «*пустыя*», какъ о томъ свидѣтельствуетъ и надпись шкафа на двѣнадцати языкахъ; а если угодно, можно справиться и съ моимъ каталогомъ: я не люблю морочить. Но вотъ лучшее доказательство: беру съ полки наудачу которую-нибудь изъ нихъ, дую ей въ ухо,– пуфъ!–вѣтеръ выходитъ въ другое ухо. Теперь дую въ ноздри,—пхъ!—вѣтеръ вылетаетъ въ оба уха. Слѣдственно, совершенно пусты! Тутъ нѣтъ никакого подлогу. Можно еще постучать въ нихъ пальцемъ: слышите? — звенятъ какъ стаканы. Совершенно пусты! Теперь беру мой волшебный жезлъ, и, какъ скоро проведу имъ по ихъ устамъ, произнося извѣстныя халдейскія слова, которымъ выучилъ меня незабвенный мой наставникъ, онѣ тотчасъ станутъ разсуждать, какъ разсуждали на шеѣ у Голкондцевъ. Шамбара-мара-фарабамбаламбалыку! почтенныя головы № 1, разсуждайте!.... О, видите! всѣ вдругъ разѣваютъ рты! Слушайте со вниманіемъ.»

Головы на полкахъ. А!–Э?—Мгъ!—Э!

«Вотъ всѣ опять закрыли уста, ничего не сказавши! Жаль!... Не приписывайте этого однако жъ, милостивые государи и государыни, недѣйствительности моего магнитическаго жезла: онъ тутъ ни сколько не виноватъ, и я не стану васъ обманывать. Хотя это очень до-

рогія головы, однако жъ онѣ именно столько умѣли сказать и при жизни. Оно, конечно, не много, но чтó прикажете дѣлать!.... Поэтому, онѣ всегда подавали мнѣнія свои письменно. Теперь, прошу почтенное собраніе подойти поближе къ шкафу, и читать ярлыки, прилѣпленные къ носамъ: вы увидите, кому онѣ принадлежали. Прошу, безъ церемоніи!... Постойте: одна изъ нихъ, на верхней полкѣ, хочетъ сказать чтó-то любопытнаго.»

Одна изъ головъ. А я согласна съ мнѣніемъ тѣхъ, которыя сказали—Э!

«Видите ли, какъ славно разсуждаетъ! Погодите: я сейчасъ сниму ее, и скажу вамъ, чья она. Ахъ, какое несчастіе!.... ярлычокъ куда-то отвалился, и я теперь не припомню имени почтеннаго мужа, на чьихъ плечахъ она процвѣтала. Но знаю навѣрное, что она украшала какого-то почтеннаго мужа; въ этомъ шкафу всё порядочныя головы, всё No 1, которыя то-и-дѣло подавали мнѣнія свои о другихъ головахъ.

А между-тѣмъ, какъ эти господа изволятъ любоваться на сокровища моего перваго шкафа, за который лѣтъ шесть тому назадъ давали мнѣ два милліона наличными въ Белгіи,—тамъ тогда нужно было разсуждать о разныхъ высокихъ предметахъ и былъ большой запросъ на головы,—между-тѣмъ я покажу собранію шкафъ No 2, съ надписью — головы кукушки, съ умомъ, сзерновавшимся въ одно неподвижное понятіе. Вотъ онѣ. Рѣдкія головы! на-видъ онѣ похожи на обыкновенныя головы; но отличаются отъ всѣхъ прочихъ тѣмъ удивительнымъ свойствомъ, что всю жизнь кукаютъ одною

какой-нибудь идеей, которая свила себѣ гнѣздо въ ихъ мозгу и, при всякомъ случаѣ, высунувъ сквозь ротъ голову, поетъ всегдашнюю свою пѣсенку. Я бы заставилъ ихъ показать свое искусство, но это не очень любопытно: о чемъ бы вы ни разсуждали съ ними или въ ихъ присутствіи, одна изъ нихъ, регулярно всякую четверть часа, пропоетъ вамъ: Куку, мануфактура!—другая: Куку, акупунктура!—иная: Куку, Шеллингъ!—эта: Куку, Бентамъ, куку!.... Вы можете повѣрить мнѣ на слово: тутъ нѣтъ обмана. Вся занимательность въ томъ, что онѣ здѣсь подобраны всѣ одинаковаго свойства: въ Голкондѣ, гдѣ часы еще не были изобрѣтены, ихъ употребляли вмѣсто стѣнныхъ часовъ, и у мудраго султана Шагабагамъ-Балбалыкумъ въ каждомъ углу безчисленныхъ его палатъ стоялъ одинъ Голкондецъ съ такою головой; въ Европѣ, я продаю ихъ довольно выгодно въ разные комитеты и ученыя общества.

Лучше перейдемъ къ слѣдующему шкафу. Шкафъ No 3, «головы всеобщія», иначе называемыя головы мельницы, съ умомъ о двѣнадцати жерновахъ. Я въ двухъ словахъ изображу вамъ ихъ необыкновенное устройство, но напередъ сниму съ одной изъ нихъ черепъ, и попрошу васъ вгзлянуть на ихъ умъ. Онъ состоитъ весь изъ зубчатыхъ колесъ, поршней и вертящихся камней. Теперь онъ въ бездѣйствіи, и вы не видите въ немъ ни слѣда мысли; но заговорите только съ этого роду головою: всѣ идеи, какія въ нихъ ни бросите, хоть бы онѣ были тверже алмаза, мигомъ будутъ раздавлены и смолоты. И чѣмъ болѣе станете подсыпать понятій, своихъ или изъ какой-нибудь книги, тѣмъ быстрѣе вер-

тятся въ нихъ жернова, производя страшный стукъ и шумъ мельницы въ полномъ движеніи. Превративъ всѣ предметы, попавшіеся подъ ихъ тяжелые камни, въ крупу, въ муку, которая кругомъ сыплется изъ нихъ на полъ; запыливъ васъ ею съ ногъ до головы, выбросивъ все изъ себя, онѣ опять останавливаются: загляните въ нихъ въ то время, и вы опять не найдете ни одной щепотки мысли или матеріяла къ разсужденію. Ужасныя головы! Онѣ ничего не создаютъ, ничего не въ состояніи создать, но все портятъ, ломаютъ, уничтожаютъ. Въ Африкѣ, онѣ вторглись въ словесность, подъ предлогомъ безпристрастныхъ критикъ, и переломали всѣ идеи, всѣ таланты, всѣ вдохновенія таланта; ничего благороднаго, ничего прекраснаго не оставили онѣ въ своей отечественной литературѣ; все истерли, превратили въ пыль: когда мой безсмертный учитель туда пріѣхалъ, въ книжныхъ магазинахъ на полкахъ стояли только мѣшечки отрубей, которыя продавались вмѣсто изящнаго. Ужасныя головы!

Но вотъ отдѣленіе, достойное всего вашего вниманія: «головы механическія», иначе головы ящики, съ умомъ на пружинѣ. Это головы знаменитыхъ хронологовъ, историковъ, лексикографовъ, грамматиковъ, законовѣдцевъ и библіографовъ Голконды. Возьмемъ одну изъ нихъ, напримѣръ эту, съ большимъ краснымъ носомъ, и, для удобнѣйшаго объясненія, снимемъ также съ нея черепъ, примѣчательный своею толщиной. Господа, прошу сюда поближе! Это голова славнаго африканскаго библіографа. Извольте замѣтить, что она внутри имѣетъ видъ шкатулки, со множествомъ перегородокъ

и ящиковъ, которые биткомъ набиты заглавьями и форматами книгъ, книжечекъ, брошюръ, уставовъ, уложеній, положеній и учрежденій всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ народовъ. Эти заглавія теперь перемѣшаны и лежатъ въ безпорядкѣ по разнымъ ящикамъ, потому что въ такомъ же видѣ они всегда лежали въ головѣ и при жизни глубоко-ученаго законовѣдца. Вы, можетъ-статься, думаете, что подобныя головы ни къ чему не годятся?..... Вы ошибаетесь: въ нужныхъ случаяхъ съ ними дѣлаютъ чудеса. Такъ напримѣръ, этотъ глубоко-ученый библіографъ имѣлъ обыкновеніе сверлить пальцемъ въ ухѣ при всякомъ затруднительномъ случаѣ: ему довольно было повернуть палецъ извѣстнымъ образомъ, и эти заглавія и форматы вдругъ приходили въ броженіе, ворочались, шевелились съ шопотомъ какъ раки въ кострюлѣ, перескакивали изъ ящика въ ящикъ, строились въ шеренги, укладывались дивными узорами. Я могу показать вамъ это на опытѣ. Вотъ, кладу палецъ въ ухо этой головѣ, и какъ скоро поверну имъ въ одну сторону,—кракъ!—смотрите, всѣ изданія расположились въ головѣ по алфавитному порядку!.... Чтó жъ вы скажете о такой головѣ? Теперь, поверну пальцемъ въ противную сторону,—кракъ!—ну, чтó, видите ли?... тѣ же изданія построились въ хронологическій порядокъ, по годамъ своего выхода въ свѣтъ. Посверлю ей въ ухѣ еще иначе: вотъ хронологическій порядокъ оборачивается вверхъ-дномъ, и всѣ книги ложатся отдѣленіями, по содержанію. Удивительная голова! Однако жъ, обманывать васъ не стану: она способна только къ такимъ фоку-

самъ; въ дѣло употребить ея никакъ не возможно. Подобнымъ образомъ, и эта плоская, тощая, блѣдная голова голкондскаго грамматика и лексикографа. Позвольте снять съ нея очки и паррикъ.... Теперь вскройте ее и посмотрите: она верхомъ насыпана голкондскими словами разной длины, толщины и всѣхъ возможныхъ видовъ, и теперь кажется вамъ четверикомъ, наполненнымъ рубленою соломой; эта солома — весь запасъ ея свѣдѣній.....Голова умомъ не богатая, но, когда я захочу, она представитъ вамъ чудеса, еще удивительнѣе тѣхъ, которыхъ уже были вы свидѣтелями. Пожмите ее подъ правымъ ухомъ!—всѣ слова пришли въ алфавитный порядокъ, и вы имѣете словарь. Потащите за лѣвое ухо!— они жужжатъ, движутся, перепрыгиваютъ и становятся подъ своими корнями. Не угодно ли кому-нибудь покачать ее тихонько въ обѣ стороны?.... Вотъ они начинаютъ склоняться: *Сей*, *сія*, *сіе; сего*, *сей*, *сего*.... *оный*, *оная*, *оное*; *онаго*, *оной*... Какой шумъ, гамъ! Вы слишкомъ сильно ее качнули. Теперь не удержишь ея ни чѣмъ въ свѣтѣ: бѣда, раскачать грамматическую голову!... Какъ она раздувается! Увидите, что она лопнетъ! Гдѣ буравчикъ? дайте скорѣе буравчикъ!... Надо спасать голову! Вотъ какъ ихъ лечатъ въ Голкондѣ: какъ можно скорѣе сверлятъ имъ во лбу дирочку... дирочка готова, и сквозь дирочку сыплются на столъ исключенія и изъятія. Посмотрите, какая куча грамматическихъ неправильностей навалилась изъ нея въ одну минуту! Не открой я имъ отверзтія, онѣ разорвали бъ ее въ дребезги, и я лишился бы лучшей въ моемъ собраніи машины для чески языковъ и нарѣчій. Прошу, госпо-

да, поосторожнѣе съ моими головами; не шевелите ими такъ сильно: вѣдь это людскія головы!..... Но я вамъ покажу голову еще любопытнѣе этой. Вотъ она. Голова тяжелая, плоскодонная, какъ всегда грамматическія головы. Она совсѣмъ похожа на предъидущую, съ тѣмъ только различіемъ, что, кромѣ рубленной соломы, составляющей единственно ея богатство, есть здѣсь еще разныя презлыя ухищренія механики. Посмотрите въ этотъ уголокъ..... самый темный уголокъ головы, которая впрочемъ вся не очень свѣтла. Въ немъ стоитъ чудная машинка.... Это модель машины для битья по карманамъ, потому что голова эта принадлежала главному изъ голкондскихъ карманниковъ. Въ противоположномъ уголку, какъ вы изволите видѣть, виситъ мѣшечекъ съ ядомъ, выжатымъ изъ злобы и мщенія, для смазки колесъ и пружинъ машины. Жаль, что у васъ, милостивые государи, нѣтъ съ собою ни одного лишняго кармана, а то бы я просилъ васъ одолжить меня имъ и показалъ на опытѣ образъ дѣйствованія этой машинки. Впрочемъ онъ такъ безнравственъ и отвратителенъ, что вы не много потеряете, если его и не увидите. Двѣ другія головы того же сорту, находившіяся въ моемъ собраніи, были, вмѣсто рубленой соломы, набиты такими мерзостями, что, когда мой почтенный наставникъ выбросилъ ихъ въ море, даже акулы гнушались ими и не хотѣли пожрать ихъ.

Открываю шкафъ No 4,—головы шифоньерки, съ заднимъ умомъ, не совсѣмъ пріятнаго виду, немножко похожія на филиновъ, но тѣмъ не менѣе достопримѣчательныя. Приподнявъ крышку, вы видите въ нихъ....

Объ чемъ изволите вы спрашивать?—гдѣ умъ этой головы?... Умъ остался назади, за семь столѣтій отсюда: его никогда нѣтъ дома..... Вы видите въ ней только кучу обломковъ и лоскутковъ; но если вступите въ разговоръ съ нею, она вамъ съ точностью скажетъ, къ чему принадлежалъ такой-то обломокъ, отъ чего оторванъ лоскутокъ, и какое было назначеніе ихъ во время оно. Въ Голкондѣ, люди складывали въ эти головы всѣ изношенныя, вышедшія изъ моды или негодныя къ потребленію, понятія. Если, копая землю, случайно отрывали старый горшокъ, кусокъ башмака или вилки, то и это прятали туда же. Головы этого роду очень полезны для опрятности общественнаго разума, который безъ нихъ былъ бы загроможденъ изломанною рухлядію прошедшей образованности или прошедшаго варварства, былъ бы засоренъ черепками давно оставленныхъ прихотей. Я продалъ нѣсколько этихъ шифоньерокъ въ Германіи: къ сожалѣнію, тамъ цѣна на нихъ теперь упала, а здѣсь даже не знаютъ ихъ достоинства; но въ Голкондѣ, гдѣ очень любятъ порядокъ, головы такія были разставлены по всему протяженію общества въ извѣстныхъ дистанціяхъ, какъ у насъ по деревнямъ бочки съ водой, и жители сбрасывали въ нихъ все вещественное и умственное старьё. Благодаря этому заведенію, ни какая человѣческая глупость не терялась въ томъ краю, и казна не издерживала ни копѣйки на археологическіе поиски. Люди, смышленые подобно намъ, вытаскивали изъ нихъ по-тихоньку эти тряпки, и, промывъ ихъ, подкрасивъ, продавали тѣмъ же жителямъ за новыя идеи: этотъ порядокъ водится и те-

перь во многихъ африканскихъ земляхъ, и называется тамъ «безконечнымъ совершенствованіемъ человѣчества». Ахъ, милостивые государи и государыни, сколько дивныхъ вещей, которыми васъ здѣсь морочатъ мои почтенные собратія, шарлатаны, узнали бы вы настоящимъ образомъ, если бъ рѣшились съѣздить лѣтомъ въ Голконду!.. Я открываю вамъ чистосердечно всѣ тайны ремесла, потому что у меня нѣтъ обмана.

Въ этомъ шкафу, подъ No 5, хранятся головы собачки, съ передовымъ умомъ, который тоже никогда не бываетъ у себя дома; но онъ не тащится за своей головою въ тысячѣ верстъ назади, какъ предъидущій, а обгоняетъ ее нѣсколькими вѣками,—или по крайней мѣрѣ однимъ столѣтіемъ,—и мчится впередъ, не оглядываясь. Страшныя головы! Онѣ совершенно противоположны тѣмъ, которыя имѣлъ я честь показывать вамъ недавно: всегда въ движеніи, всегда забѣгаютъ впередъ своему вѣку, скачутъ ему на шею и лаютъ, подобно моськамъ, опережающимъ бѣгущихъ лошадей. Онѣ не помнятъ и не знаютъ, ни того, что̀ есть, ни того, что̀ было; всё рвутся впередъ, всё силятся поймать зубами за пяту будущность, которая отъ нихъ уходитъ. Вамъ, можетъ-статься, никогда не приводилось замѣтить,—теперь вы видите собственными глазами! — что родятся на свѣтѣ головы съ такимъ умомъ, изъ котораго для настоящаго времени нельзя даже сварить каши: онъ или будетъ годенъ къ употребленію черезъ тысячу лѣтъ, или бы годился десять вѣковъ тому назадъ. «Шифоньерки» — смирныя и полезныя головы, но «собачки» ужасно скучны и несносны. Онѣ безпрерывно лаютъ на настоящій вѣкъ, куса-

ютъ ноги своего общества, и предсказываютъ ему будущее, обдѣланное по ихъ желаніямъ и понятіямъ. Въ Голкондѣ не знали, что̀ съ ними дѣлать. Наконецъ, мудрый султанъ Шагабагамъ-Балбалыкумъ, видя, что онъ напрасно тратятъ время на пророченіе того, что̀ сбудется едва за сто тысячъ лѣтъ, а можетъ-быть и никогда не сбудется, пожелалъ употребить ихъ прорицательный даръ на что̀-нибудь полезное, и велѣлъ имъ предсказывать погоду. Плохо шли ихъ предсказанія въ Голкондѣ. Мудрый султанъ велѣлъ ихъ высѣчь по пятамъ, и съ тѣхъ поръ, если случалось, что онъ страдалъ безсоницею, то призывалъ ихъ къ себѣ и заставлялъ разсуждать подъ своею кроватью о будущемъ возрожденіи мужчинъ посредствомъ женщинъ, что̀ всегда усыпляло его черезъ пять минутъ. Вы изволите видѣть два пустыя мѣста въ этомъ шкафу: здѣсь были двѣ головы этого разбору; я продалъ ихъ, почти за безцѣнокъ, одну господину Морфи въ Англіи, а другую профессору Штифелю въ Германіи: они надѣли ихъ себѣ на плеча, и сочиняютъ теперь календари съ означеніемъ на цѣлый годъ впередъ хорошей и дурной погоды.

Вотъ новый классъ головъ. Головы, технически называемыя у насъ балаганами. Позвольте поставить нѣсколько ихъ на этомъ столѣ, и снять съ нихъ крышки для вашего удовольствія, потому что это чрезвычайно любопытныя головы. Прошу посмотрѣть въ середину. Онѣ пусты внутри; въ этой пустотѣ туго натянута ниточка, наподобіе каната въ балаганѣ Лемана; но это не ниточка, а идея.... и всегда чужая идея. Въ этой, напримѣръ, головѣ натянута идея—умственное движеніе;

во второй—средніе вѣка; въ третьей—время и пространство; въ четвертой—новая драма; въ пятой—промыслъ народовъ, и такъ далѣе. Умовъ теперь не видно, потому что они за кулисами; но какъ скоро я подамъ знакъ своимъ жезломъ, они вдругъ выскочатъ, наряженные паяцами, и начнется представленіе. Шамбара-мара-фара!... смотрите, смотрите въ эту голову! Натянутая въ ней ниточка названа въ моемъ каталогѣ, кажется, германскою философіей. Видите ли этотъ маленькій, блѣдный, худощавый умъ? Видите ли, какъ онъ ловко вскочилъ на свою идею, и какъ проворно пляшетъ по ней, безъ шеста?... Какъ прыгаетъ, ломается, кувыркается?... Какія дѣлаетъ сальто-мортале?... Вотъ онъ беретъ стулъ и столикъ, ставитъ ихъ на этой паутинной ниточкѣ, и будетъ завтракать! Вотъ схватилъ скрипку и пустился плясать въ присядку на канатѣ! Вотъ поскользнулъ и свалился на землю,—и въ два прыжка опять очутился на своей идеѣ,—и танцуетъ по-прежнему! Это голова одного отчаяннаго писателя: когда, бывало, станетъ онъ прыгать по какой-нибудь тоненькой чужой идеѣ, вся Голконда не можетъ налюбоваться на его искусство.

Теперь, господа, пожалуйте въ эту сторону: я представлю вамъ самую богатую часть моего собранія,—четыре шкафа головъ, названныхъ въ моемъ каталогѣ горшками, съ умомъ водянистымъ. Онъ жидокъ, прозраченъ и безвкусенъ какъ вода, и стоитъ въ нихъ тихо, пока вы не приведете ихъ въ соприкосновеніе съ теплотою какой-нибудь модной идеи. Я могу показать вамъ небольшой опытъ съ ними: у меня есть для этого пол-

ный приборъ, очагъ съ длинною плитой, въ которой подѣланы отверзтія, какъ для кострюль. Беру изъ шкафовъ двадцать четыре головы-горшки, и ставлю ихъ въ эти отверзтія. Сперва вскрываю черепы, чтобъ вы удостовѣрились, что всѣ они налиты чистымъ умомъ изъ холодной воды, и что тутъ нѣтъ обмана. Потомъ высѣкаю огонь, зажигаю одинъ романъ Вальтера Скотта, и подкладываю его подъ плиту. Прошу обратить вниманіе: по мѣрѣ того какъ огонь согрѣваетъ, вода болѣе и болѣе шевелится,—и вотъ всѣ горшки вдругъ закипѣли историческимъ романомъ! Слышите ли, какъ въ нихъ клокочетъ историческій романъ?... Теперь надо скорѣе закрыть горшки крышками и поставить назадъ въ шкафы: а то будутъ кипѣть, кипѣть, пока весь ихъ умъ не испарится, и въ другой разъ нельзя будетъ употребить ихъ для опытовъ! Это, изволите видѣть, головы голкондскихъ подражателей.

Вотъ еще любопытныя вещи: головы мортиры, съ умомъ параболическимъ. По нимъ, все дрянь: онѣ знаютъ, какъ все лучше сдѣлать. Но онѣ не такъ глупы, какъ кажутся, и дѣла свои умѣютъ обдѣлывать прекрасно: чтобы казаться глубокомысленнѣе, онѣ порицаютъ и унижаютъ все, что̀ въ нихъ не вмѣщается. Первое ихъ правило — ничему не удивляться. Приведите ихъ подъ Тенерифъ, и онѣ вамъ мигомъ проглотятъ Тенерифъ какъ пилюлю, и спросятъ: «Гдѣ же Тенерифъ? И что̀ находили вы въ немъ высокаго или удивительнаго?» А если имъ не удастся проглотить, то вотъ какъ онѣ дѣйствуютъ. Онѣ никогда не прицѣливаются умомъ прямо въ предметъ, но стрѣляютъ имъ вверхъ, какъ бомбою,

и стараются попасть въ цѣль вертикально, описавъ напередъ по воздуху огромную параболу: само собою разумѣется, что онѣ никогда въ нее не попадаютъ,—всегда или заходятъ далѣе, или лопаютъ съ трескомъ въ половинѣ пути, исчертивъ воздухъ лентами сѣрнаго пламени и наполнивъ его умозрительнымъ дымомъ. Въ Голкондѣ это называется — бросать высшіе взгляды: не знаю, какъ здѣсь?.... Но смотрѣть на это очень забавно, особенно въ темную ночь, когда эти головы, ополчившись, осаждаютъ другую голову, которой ума онѣ боятся. Мудрый Султанъ Шагабагамъ-Балбалыкумъ чрезвычайно любилъ тѣшиться этимъ зрѣлищемъ: онъ готовъ былъ оставить самый великолѣпный фейерверкъ, и ѣхать смотрѣть на бомбардировку высшими взглядами, чтобы хохотать надъ самонадѣянностью этихъ «мортирей» и надъ ихъ безконечными промахами. Обезглавивъ все свое царство, онъ вовсе не раскаявался въ этомъ ужасномъ поступкѣ, и, когда мой незабвенный наставникъ возвратилъ ему подданныхъ, султанъ всего болѣе радовался тому, что они возвращены ему безъ головъ. Однако жъ, при разставаніи, онъ сказалъ ему со вздохомъ: «Увы! теперь моимъ Голкондцамъ не изъ чего даже бросать высшіе взгляды!.... Ну, да они народъ смышленый, и, спохватясь, что у нихъ нѣтъ головъ, навѣрное придумаютъ средство стрѣлять высшими взглядами изъ сапога.»

Показывать ли вамъ еще разныя другія рѣдкости моего кабинета, головы, называемыя **плавиленными печами**, съ умомъ бѣлокаленымъ, на который всякое брошенное понятіе мигомъ испаряется въ газъ, и вы видите отъ него только туманъ, мглу, ничто, умозрѣніе; го-

ловы насосы, съ умомъ изъ грецкой губки, которою вбираютъ онѣ въ себя всякія чужія мысли: наполнившись ими, онѣ выжимаютъ ихъ въ грязный ушатъ своей прозы, чтобъ опять вбирать другія мысли и сдѣлать изъ нихъ то же употребленіе; головы шпули, которыя безконечно навиваютъ одну и ту же идею; головы шампанскія рюмки, которыя, безъ всякой видимой идеи, быстро пускаютъ изъ дна искры пьянаго газа и пѣнятся шумнымъ слогомъ; головы лужи, съ студенистымъ умомъ, который безпрерывно трясется,—это называютъ онѣ по-голкондски юмористикой,—ни къ чему неспособенъ, ничего не производитъ, а только, если чужая репутація ступитъ на него неосторожно, онъ тотчасъ поглощаетъ ее въ свою нечистую бездну или забрызгиваетъ своею грязью; головы мѣшки, которыя, выбросивъ изъ себя мысли, насыпаются фактами; головы волынки, на которыхъ играютъ похвалу только всѣмъ глупостямъ; головы туфли, головы вертѣла, барабаны, термометры, крысы, и прочая, и прочая?.... Я думаю, вы утомились ихъ осмотромъ, и ожидаете отъ меня новыхъ доказательствъ моего искусства. Слѣдственно, собираю всѣ мои головы въ корзины, и высыпаю ихъ передъ вами на середину залы.

Вы имѣете передъ собою огромную груду головъ разнаго разбору и свойства; груду головъ сваленныхъ, перемѣшанныхъ, перепутанныхъ, опрокинутыхъ, тѣснящихъ, давящихъ одна другую,—точный образъ благоустроеннаго и просвѣщеннаго общества, или кучи лицъ. Что̀ изъ нихъ сдѣлать? Къ чему годятся людскія головы?.... Изъ туловища можно сдѣлать важнаго че-

ловѣка; изъ головы — ничего!.... Вотъ три большіе колпака: прошу посмотрѣть, — въ нихъ ничего нѣтъ! Изъ этой груды беру три головы, – три какія-нибудь, – для меня всё равно: одну напримѣръ изъ «балагановъ», другую изъ «мортирей», третью изъ «плавиленныхъ печей». Каждую изъ нихъ накрываю однимъ колпакомъ. Всѣ вы изволили видѣть, что подъ каждый колпакъ положилъ я по одной головѣ: теперь назначьте сами, подъ которымъ колпакомъ должны эти три головы очутиться: подъ первымъ, подъ вторымъ, или подъ третьимъ?... Подъ вторымъ? Извольте! Поднимаю второй колпакъ: вотъ всѣ три головы подъ однимъ колпакомъ..... Ахъ, да это не головы! Это книги!.... Головы превратились въ книги!....Какое странное явленіе! Такъ изъ людскихъ головъ можно по-крайней-мѣрѣ дѣлать книги? Кому угодно раскрыть эти толстыя, прекрасныя сочиненія, и посмотрѣть ихъ содержаніе? Вы помните, что я взялъ три головы: въ одной изъ нихъ умъ, наряженный паяцомъ, прыгалъ по тоненькой идеѣ, натянутой въ видѣ каната; другая стрѣляла высшими взглядами; третья, съ умомъ бѣлокаленымъ, мигомъ превращала понятія въ паръ, въ туманъ. Поэтому, если я не подмѣнилъ головъ благовременно приготовленными книгами, если я дѣйствительно въ состояніи дѣлать чудныя превращенія, эти три книги должны соединить въ себѣ свойства трехъ умовъ, вынутыхъ мною на выдержку изъ груды. Милостивые государи!..... позвольте спросить.... нѣтъ ли здѣсь между вами читателя?.... Никто не отликается?.... Вотъ это досадно! Кто жъ будетъ читать книгу, которую мы состряпали?.... Госпо-

да! скажите по совѣсти.... не стыдитесь.... кто изъ васъ читатель? Нѣтъ ни одного?»

— Есть одинъ..... Я читатель.

«Ахъ, какъ вы насъ обрадовали! Великодушный человѣкъ!.... Благосклонный читатель, пожалуйте сюда поближе; благоволите прочитать почтенному собранію заглавіе этого сочиненія.»

— *Исторія судебъ человѣческихъ*.....

«Исторія судебъ человѣческихъ? Какое замысловатое заглавіе! Эти голкондскія головы какъ-будто нарочно созданы для заглавій!.... Загляните теперь въ содержаніе: вы найдете тамъ и пляску на одной идеѣ, и высшіе взгляды, и туманъ, и разныя разности, о которыхъ и говорить нечего въ такой честной и благородной компаніи. Ну, что̀, есть ли?... Есть! Тѣмъ лучше. Видите, что я не обманываю. Кто хочетъ купить у меня эту исторію? Господа, не угодно ли подписываться на эту любопытную исторію? Теперь у меня только одинъ экземпляръ; но вы видите, какая здѣсь куча головъ: все это литература!.... я въ минуту сдѣлаю изъ любой головы точно такую же исторію. Прошу подписываться! Кто желаетъ?... Никто?... Такъ надо приняться за другой фокусъ. Прикажите же теперь сами, что̀ долженъ я сдѣлать изъ этой исторіи. Сударыня, что̀ вамъ угодно, чтобъ я изъ нея сдѣлалъ.»

— Романъ.

«Хорошо. А вы, почтенный и добродѣтельный мужъ, что̀ желаете изъ нея сдѣлать?»

— Нравоученіе.

«Очень хорошо! А вы, прекрасный юноша?»

— Портфель съ деньгами.

«Безподобно! Я получилъ отъ васъ три различныя требованія; но всѣхъ ихъ не возможно вдругъ исполнить: одно даже совершенно неудобоисполнимо. Изъ исторіи вы хотите сдѣлать нравоученіе: этого и самъ Великій Албертъ, постигшій всѣ тайны природы, никогда не дѣлывалъ. Видно, что почтенный и добродѣтельный мужъ, который предложилъ мнѣ это требованіе, никогда самъ лично книгами не занимался, а производилъ чтеніе посредствомъ секретарей. Согласитесь, что исторія и нравоученіе двѣ вещи слишкомъ противоположныя, чтобъ одну изъ нихъ можно было превращать въ другую: если бъ люди дѣйствовали по нравоученію, исторіи не было бъ на свѣтѣ,—было бы только нравоученіе; и, обратно, если бъ они вели себя по исторіи, нравоученіе было бы наукою, совершенно излишнею: довольно бъ было поступать по исторіи. Такимъ образомъ простите меня, почтенный и добродѣтельный мужъ, если я предпочту приказаніе этой дамы: прошу пожаловать мнѣ сочиненіе, которое сдѣлалъ я изъ трехъ голкондскихъ головъ. У кого оно?....Прошу также посмотрѣть, что у меня нѣтъ ничего въ рукахъ и рукава засучены: беру эти три книги, которыя вы уже видѣли, и какъ скоро на нихъ подую..... Разъ, два, три! — Пхъ!... Извольте читать, сударыня!»

— *Судьбы человѣческія, Романъ въ трехъ частяхъ.*

— Подмѣнилъ заглавіе! Подмѣнилъ заглавіе!

«Кто говоритъ, что я подмѣнилъ заглавіе? Какъ вамъ не стыдно, господа, клеветать на меня такъ ужасно! Вы изволили быть свидѣтелями, что у меня ничего не было

въ рукахъ. Разумѣется, что самое простое средство сдѣлать изъ исторіи романъ, это перемѣнить заглавіе; но я не такой человѣкъ..... Я не употребляю такихъ грубыхъ обмановъ. Это волшебныя превращенія, искусство дѣлать изъ людскихъ головъ разныя вещи, и вы сами видите, что, съ помощію этого искусства, сочиненіе чрезвычайно улучшилось и усовершенствовалось, потому что теперь вы читаете его съ любопытствомъ, тогда какъ за исторію не хотѣли мнѣ дать ни копѣйки..... Прошу однако жъ отдать мнѣ мой романъ: я хочу показать его прекрасному юношѣ..... Прекрасный юноша, вы отъ меня чего-то требовали: извольте взять въ свои руки этотъ романъ и держать его крѣпко, а когда я на него подую.... Разъ, два, три! — Пхъ! — Посмотрите, что̀ у васъ въ рукахъ?»

— Ахъ!.... толстый портфель!... съ ассигнаціями!

«Вѣдь вы требовали портфеля съ деньгами! Чему же тутъ удивляетесь? Все это превращенія людскихъ головъ и ума человѣческаго; превращенія странныхъ образовъ мыслей въ исторію, — исторіи въ романъ, — романа въ деньги, — а денегъ..... Пожалуйте мнѣ портфель обратно. Почтенный и добродѣтельный мужъ благоволитъ взять этотъ портфель и положить его себѣ въ карманъ. Берите смѣло; не бойтесь...ну, такъ! хорошо! Застегните плотно платье, чтобъ кто-нибудь не вытащилъ у васъ этого клада. Я, между-тѣмъ, милостивые государи и государыни, покажу вамъ новое чудо моего искусства. Видите ли эту груду головъ? Все это головы, принадлежащія моему собранію рѣдкостей: ихъ должно быть двѣнадцать тысячъ, безъ трехъ головъ, которыя употре-

билъ я для вашей потѣхи на выдѣлку разныхъ творенiй..... Почтенный и добродѣтельный мужъ, возвратите мнѣ портфель съ деньгами: онъ мнѣ крайне понадобился.»

— Съ удовольствiемъ.

«Съ удовольствiемъ? Я не думаю! Деньги никогда не возвращаются съ удовольствiемъ, даже чужiя. Чтò жъ вы это мнѣ возвращаете?.... Вѣдь это не портфель, а какая-то книжка? Посмотримъ заглавiе... *Искусство брать взятки, правоучительная повѣсть.* Прекрасно! Вы кладете въ карманъ деньги, и изъ того же кармана, вмѣсто денегъ, вынимаете и дарите почтеннѣйшей публикѣ правоучительное слово противъ взятокъ! А, господа! если вы такъ составляете литературу, то я удивляюсь, какъ еще находите вы читателей! Теперь, для удостовѣренiя васъ, что здѣсь не было никакого обмана, я сожигаю эту книжечку, обращаю ее въ золу, подливаю немножко воды, дѣлаю изъ всего этого тѣсто, раздѣляю его на три шарика, беру три стеклянныя трубочки, конецъ каждой изъ нихъ упираю въ одинъ шарикъ, и, соединивъ во рту моемъ три другiе конца, при вашихъ же глазахъ начинаю дуть... Смотрите, смотрите, какъ мои шарики раздуваются, растутъ, растутъ, растутъ!..Вы думаете, можетъ-быть, что это мыльные пузыри?.... Нѣтъ! Погодите, позвольте мнѣ еще немножко подуть.... Узнаёте ли теперь, чтò это такое?.... Три человѣческiя головы! Извольте разсмотрѣть ихъ со вниманiемъ: вы опять имѣете передъ собою тѣ же самыя три престранныя головы, которыя недавно превратили мы въ исторiю судебъ человѣчества, которая превратилась въ романъ, который пре-

вратился въ деньги, которыя превратились въ нравоученіе, которое превратилось въ прахъ, который превратились опять въ авторскія головы. Здравствуйте, мои любезныя головы! Наконецъ вы возвратились ко мнѣ изъ своего литературнаго путешествія! Наконецъ я вижу васъ снова, цѣлыми, здоровыми, свѣжими, румяными! Но чтó проку! Мы изъ васъ выработали-было кучу денегъ, толстый портфель, набитый ассигнаціями: а теперь за васъ же почтеннѣйшая публика не дастъ мнѣ и трехъ рублей, зная внутреннее устройство ваше!..... Идите же, бѣдныя головы мои, опять въ груду; дополните собою число двѣнадцати тысячъ головъ, надъ которыми обѣщалъ я показать послѣдній и самый удивительный примѣръ моего искусства..... Милостивые государи и государыни! Вы видите эту груду головъ? При третьемъ ударѣ по ней моимъ волшебнымъ жезломъ всѣ онѣ исчезнутъ, а вы извольте тотчасъ смотрѣть на эти шкафы....»

Сказавъ это, синьоръ Маладетти Морто взялъ жезлъ свой обѣими руками, и отвѣсилъ имъ три удара по грудѣ головъ,—два первые слегка, а третій изо всей силы,—и въ то же самое мгновеніе головы разлетѣлись во всѣ стороны и начали укладываться на пóлкахъ шкафовъ съ страшнымъ шумомъ и стукомъ. Родъ грома раздался по всему зданію. Казалось, будто обрушилась крыша. Всѣ спавшіе въ домѣ выскочили изъ постелей. Александръ Филипповичъ Смирдинъ вбѣжалъ въ залу черезъ боковую дверь, въ халатѣ и ночномъ колпакѣ. Онъ показался мнѣ ужасно испуганнымъ, и нѣсколько времени стоялъ какъ

окаменѣлый, не будучи въ состояніи произнести ни одного слова. Производитель фокусовъ продолжалъ:

«Гдѣ же мои головы? Ихъ нѣтъ! Головы пропали! Вы видите только шкафы, а въ шкафахъ пòлки, а на пòлкахъ книги. Это книги почтеннаго здѣшняго хозяина, Александра Филипповича Смирдина, котораго имѣемъ честь привѣтствовать здѣсь лично. И теперь, какъ представленіе кончилось, я долженъ объявить почтенному собранію, что головы, которыя вы здѣсь видѣли, были головы не Голкондцевъ, а самихъ сочинителей двѣнадцати тысячъ твореній, красующихся на пòлкахъ этого магазина. Мы, силою нашего волшебнаго искусства, сперва превратили книги въ головы, потомъ показали вамъ тайное устройство этихъ головъ, и наконецъ снова повелѣли быть имъ книгами. Теперь, милостивые государи и государыни, наслаждайтесь ими. Желаю вамъ много удовольствія и спокойной ночи.»

Во время этого послѣдняго монолога, я подбѣжалъ къ Александру Филипповичу, который всё еще въ изумленіе стоялъ у боковыхъ дверей. Я хотѣлъ спросить его о причинѣ его страннаго костюма; но, минуя первые ряды стульевъ, вдругъ увидѣлъ другаго Александра Филипповича, сидящаго на томъ же мѣстѣ, гдѣ я замѣтилъ его еще до начала представленія.

— Чтò это за исторія! вскричалъ я въ остолбененіи. Александръ Филипповичъ!.... васъ здѣсь двое? ... Посмотрите на вашего двòйника!

— Вижу, вижу! отвѣчалъ онъ дрожащимъ голосомъ, и повелъ взоромъ по всему собранію. Боже мой, чтò это

значитъ? Откуда весь этотъ народъ?..... Да вѣдь и вы здѣсь въ двухъ экземплярахъ?

Я оглянулся, и дѣйствительно увидѣлъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, точный образъ собственной моей персоны, сидящій на стулѣ между зрителями. Я былъ пораженъ ужасомъ, и, въ моемъ смущеніи, съ трудомъ разслышалъ только послѣднія слова производителя волшебныхъ представленій, который говорилъ моему спутнику, поэту: — «Ну, милостивый государь! мы пришли сюда за вами. Вы не забыли обѣщанія вашего на кладбищѣ? Мы сдержали свое слово: вы, по хирографу, написанному нами на бычачьей шкурѣ и собственноручно подписанному вами, воспѣвали мертвецовъ, адъ, вѣдьмъ, мы доставляли вамъ благосклонныхъ читателей и славу, и еще, на придачу, дали великолѣпное представленіе. Вы желали узнать великую тайну литературы. Теперь вы ее знаете. Мы льстимъ себя надеждою, что и вамъ самимъ не захочется, послѣ этого, оставаться здѣсь долѣе. Скоро станутъ звонить къ заутрени; намъ пора домой. Не угодно ли пожаловать съ нами?» И, говоря это, производитель волшебныхъ превращеній схватилъ моего поэта одною рукой за волосы; стекло въ окнѣ лопнуло, и зазвенѣло по полу; фокусникъ, поэтъ и все собраніе, улетѣли въ это отверзтіе. Все это сдѣлалось такъ мгновенно, что мы едва могли примѣтить, куда они дѣвались. Въ залѣ остались только Александръ Филиппович, два его прикащика, прибѣжавшіе подобно ему на стукъ, произведенный возвращеніемъ книгъ въ шкафы, и я.

Безполезно было бы изображать наше изумленіе и

пересказывать разговоръ, который вслѣдъ за этимъ начался между нами. Александръ Филипповичъ Смирдинъ увѣрялъ меня, что въ этомъ ночномъ обществѣ онъ ясно видѣлъ почти всѣхъ живыхъ и умершихъ сочинителей и сочинительницъ, которыхъ портреты висятъ у него на стѣнахъ, и что сверхъ-того узналъ тутъ-было множество лучшихъ его покупщиковъ книгъ.

Я примѣтилъ на полу что́-то бѣлое. Взявъ свѣчу, мы подошли къ этому мѣсту, и нашли три звѣздочки, безъ-сомнѣнія послѣдній земной слѣдъ великаго безъименнаго поэта...... Я не шучу. Александръ Филипповичъ— свидѣтель.

Сегодня по-утру онъ и его прикащики осторожно разспрашивали у многихъ изъ писателей и покупщиковъ, видѣнныхъ нами въ залѣ во время представленія, о томъ, что́ они дѣлали и гдѣ были прошедшую ночь? Всѣ божатся, что они были дома и спали.

Рѣшительно чудеса! Впрочемъ я читалъ что́-то подобное въ «Черной Женщинѣ».

А между-тѣмъ великій безъименный поэтъ пропалъ безъ вѣсти! Его нигдѣ не отыскали сегодня.

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ.

LEPORELLO.

O statua gentilissima
Del gran commendatore!......
Ah, padroni!

DON GIOVANNI.

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ.

СЦЕНА I.

Ночь. Кладбище близъ Мадрита.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Дождемся ночи здѣсь; мы наконецъ
Достигли до воротъ Мадрита. Скоро
Я полечу по улицамъ знакомымъ,
Усы плащемъ закрывъ, а брови шляпой.
Какъ думаешь: узнать меня нельзя?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Да! Донъ-Жуана мудрено признать!
Такихъ, какъ онъ, такая бездна!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Шутишь?
Да, кто жъ меня узнаетъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Первый сторожъ,
Гитана, или пьяный музыкантъ,
Иль свой же братъ нахальный кавалеръ
Со шпагою подъ мышкой и въ плащѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что за бѣда хоть и узнаютъ. Только бъ
Не встрѣтился мнѣ самъ Король. А впрочемъ
Я никого въ Мадритѣ не боюсь.

ЛЕПОРЕЛЛО.

А завтра же до Короля дойдетъ,
Что Донъ-Жуанъ изъ ссылки самовольно
Въ Мадритъ явился — что тогда, скажите,
Онъ съ вами сдѣлаетъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Пошлетъ назадъ.
Ужь вѣрно головы мнѣ не отрубятъ.
Вѣдь я не государственный преступникъ.
Меня онъ удалилъ въ мою же пользу,
Чтобы меня оставила въ покоѣ
Семья убитаго....

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ну то-тожъ;
Сидѣли бъ вы себѣ спокойно тамъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Слуга покорный! Я едва, едва
Не умеръ тамъ со скуки. Что за люди,
Что за земля! А небо?.. Точный дымъ.
А женщины? Да, я не промѣняю,
Вотъ видишь ли, мой милый Лепорелло,

Послѣдней въ Андалузіи крестьянки
На первыхъ тамошнихъ красавицъ; право,
Онѣ, сначала нравилися мнѣ
Глазами синими, да бѣлизною,
Да скромностью — а пуще новизною;
Да, слава Богу, скоро догадался;
Увидѣлъ я, что съ ними грѣхъ и знаться;
Въ нихъ жизни нѣтъ, все куклы восковыя;
А наши!... Но послушай: это мѣсто
Знакомо намъ; узналъ ли ты его?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ не узнать. Антоньевъ монастырь
Мнѣ памятенъ. Ѣзжали вы сюда,
А лошадей держалъ я въ этой рощѣ —
Проклятая, признаться, должность. Вы
Пріятнѣе здѣсь время проводили,
Чѣмъ я, повѣрьте.

ДОНЪ-ЖУАНЪ *задумчиво.*

Бѣдная Инеза!
Ее ужь нѣтъ! Какъ я любилъ ее!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Инезу черноглазую?... О, помню!
Три мѣсяца ухаживали вы
За ней; на силу-то помогъ лукавый.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Въ Іюлѣ... ночью. Странную пріятность
Я находилъ въ ея печальномъ взорѣ
И помертвѣлыхъ губкахъ. Это странно.
Ты, кажется, ее не находилъ

Красавицей. И точно, мало было
Въ ней истинно прекраснаго. Глаза,
Одни глаза, да взглядъ... Такого взгляда
Ужь никогда я не встрѣчалъ. А голосъ
У ней былъ тихъ и слабъ — какъ у больной;
А мужъ ея былъ негодяй суровый;
Узналъ я поздно.... Бѣдная Инеза!...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что жъ, вслѣдъ за ней другія были.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Правда.

ЛЕПОРЕЛЛО.

А живы будемъ, будутъ и другія.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

И то.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Теперь, которую въ Мадритѣ
Отыскивать мы будемъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, Лауру!
Я прямо къ ней бѣгу являться.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Дѣло.

ДО Ъ-ЖУАНЪ.

Къ ней прямо въ дверь; а если кто нибудь
Ужь у нея — прошу въ окно прыгнуть!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Конечно. Ну, развеселились мы.
Недолго насъ покойницы тревожатъ.

Кто къ намъ идетъ?

Входитъ монахъ.

МОНАХЪ.

Сей часъ она пріѣдетъ
Сюда. Кто здѣсь? Не люди ль Доны-Анны?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ, сами по себѣ мы господа.
Мы здѣсь гуляемъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А кого вы ждете?

МОНАХЪ.

Сейчасъ должна пріѣхать Дона-Анна
На мужнину гробницу.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Дона-Анна
Де Сольва! Какъ! Супруга Командора,
Убитаго... не помню кѣмъ?

МОНАХЪ.

Развратнымъ,
Безсовѣстнымъ, безбожнымъ Донъ-Жуаномъ

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ого! вотъ какъ! Молва о Донъ-Жуанѣ
И въ мирный монастырь проникла даже;
Отшельники ему хвалы поютъ.

МОНАХЪ.

Онъ вамъ знакомъ, быть можетъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Намъ? Нимало.
А гдѣ-то онъ теперь?

МОНАХЪ.

Его здѣсь нѣтъ,
Онъ въ ссылкѣ далеко.

ЛЕПОРЕЛЛО.

И слава Богу!
Чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше. Всѣхъ бы ихъ,
Развратниковъ, въ одинъ мѣшокъ, да въ море.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что, что ты врешь?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Молчите: я нарочно......

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Такъ здѣсь похоронили Командора?

МОНАХЪ.

Здѣсь; памятникъ жена ему воздвигла,
И пріѣзжаетъ каждый день сюда
За упокой души его молиться,
И плакать.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что за странная вдова!
Не даромъ же покойникъ былъ ревнивъ.
Онъ Дону-Анну въ заперти держалъ;
Никто изъ насъ не видывалъ ея.
И не дурна?

МОНАХЪ.

Мы красотою женской,
Отшельники, прельщаться не должны;
Но лгать грѣшно: не можетъ и угодникъ
Въ ея красѣ чудесной не сознаться.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я съ нею бы хотѣлъ поговорить.

МОНАХЪ.

О, Дона-Анна никогда съ мужчиной
Не говоритъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А съ вами, мой отецъ?

МОНАХЪ.

Со мной иное дѣло: я монахъ.
Да, вотъ она.

Входитъ Дона-Анна.

ДОНА-АННА.

Отецъ мой, отоприте.

МОНАХЪ.

Сей часъ, сеньора; я васъ ожидалъ.

Дона-Анна идетъ за монахомъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что, какова?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ее совсѣмъ не видно
Подъ этимъ вдовьимъ чернымъ покрываломъ.
Чуть узенькую пятку я замѣтилъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Довольно съ васъ. У васъ воображенье
Въ минуту дорисуетъ остальное;
Оно у васъ проворнѣй живописца.
Вамъ все равно съ чего бы ни начать,
Съ бровей ли, съ ногъ ли.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Слушай, Лепорелло:

Я съ нею познакомлюсь.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Вотъ еще!

Куда какъ нужно! — Мужа повалилъ,
Да хочетъ поглядѣть на вдовьи слезы.
Безсовѣстный!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Однако ужъ и смерклось.

Пока луна надъ нами не взошла
И въ свѣтлый сумракъ тмы не обратила,
Войдемъ въ Мадритъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Испанскій грандъ, какъ воръ,

Ждетъ ночи и луны боится — Боже!
Проклятое житье! Да, долго ль будетъ
Мнѣ съ нимъ возиться? Право, нѣтъ ужь силъ.

СЦЕНА II.

Комната. Ужинъ у Лауры.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Клянусь тебѣ, Лаура, никогда
Съ такимъ ты совершенствомъ не играла!
Какъ роль свою ты вѣрно поняла!

ВТОРОЙ.

Какъ развила ее! Съ какою силой!

ТРЕТІЙ.

Съ какимъ искусствомъ!

ЛАУРА.

Да, мнѣ удавалось
Сегодня каждое движенье, слово.
Я вольно предавалась вдохновенью.
Слова лились, какъ будто ихъ рождала
Не память рабская, но сердце.....

ПЕРВЫЙ.

Правда.
Да и теперь глаза твои блестятъ
И щеки разгорѣлись. Не проходитъ
Въ тебѣ восторгъ. Лаура! не давай
Остыть ему безплодно — спой, Лаура,
Спой что нибудь!

ЛАУРА.

Подайте мнѣ гитару.

Поетъ.

ВСѢ.

О, brava! brava! Чудно, безподобно!

ПЕРВЫЙ.

Благодаримъ, волшебница. Ты сердце
Чаруешь намъ. Изъ наслажденій жизни
Одной любви музыка уступаетъ;
Но и любовь мелодія..... Взгляни:
Самъ Карлосъ тронутъ, твой угрюмый гость.

ВТОРОЙ.

Какіе звуки! Сколько въ нихъ души!
А чьи слова, Лаура?

ЛАУРА.

Донъ-Жуана.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Что? Донъ-Жуанъ!...

ЛАУРА.

Ихъ сочинилъ когда-то,
Мой вѣрный другъ, мой вѣтреный любовникъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Твой Донъ-Жуанъ безбожникъ и мерзавецъ,
А ты — ты дура.

ЛАУРА.

Ты съ ума сошелъ!
Да, я сейчасъ велю тебя зарѣзать
Моимъ слугамъ, хоть ты Испанскій грандъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ *встаетъ.*

Зови же ихъ.

ПЕРВЫЙ.

Лаура! перестань;
Донъ-Карлосъ! не сердись. Она забыла......

ЛАУРА.

Что? что Жуанъ на поединкѣ честно
Убилъ его роднаго брата? Правда, жаль,
Что не его!

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Я глупъ, что разсердился.

ЛАУРА.

Ага! самъ сознаешься, что ты глупъ.
Такъ помиримся.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Виноватъ, Лаура!
Прости меня. Но знаешь: не могу
Я слышать это имя равнодушно.....

ЛАУРА.

А виновата ль я, что поминутно
Мнѣ на языкъ приходитъ это имя?

ГОСТЬ.

Ну, въ знакъ, что ты совсѣмъ ужь не сердита,
Лаура, спой еще.

ЛАУРА.

Да, на прощанье.
Пора — ужь ночь. Но что же я спою?
А, слушайте!

Поетъ.

ВСѢ.

Прелестно, безподобно!

ЛАУРА.

Прощайте жъ, господа.

ГОСТИ.

Прощай, Лаура!

Выходятъ. Лаура останавливаетъ Донъ-Карлоса.

ЛАУРА.

Ты, бѣшеный, останься у меня;
Ты мнѣ понравился; ты Донъ-Жуана
Напомнилъ мнѣ, какъ выбранилъ меня
И стиснулъ зубы съ скрежетомъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Счастливецъ!

Такъ ты его любила?

Лаура дѣлаетъ утвердительно знакъ.

Очень?

ЛАУРА.

Очень!

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

И любишь и теперь?

ЛАУРА.

Въ сію минуту?
Нѣтъ, не люблю. Мнѣ двухъ любить нельзя.
Теперь люблю тебя.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Скажи, Лаура,
Который годъ тебѣ?

ЛАУРА.

Восьмнадцать лѣтъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Ты молода..... и будешь молода
Еще лѣтъ пять, иль шесть. Вокругъ тебя
Еще лѣтъ шесть они толпиться будутъ,
Тебя ласкать, лелѣять и дарить,
И серенадами ночными тѣшить,
И за тебя другъ друга убивать
На перекресткахъ ночью. Но когда
Пора пройдетъ, когда твои глаза
Впадутъ, и веки, сморщась, почернѣютъ,
И сѣдина въ косѣ твоей мелькнетъ,
И будутъ называть тебя старухой,
Тогда — что скажешь ты?

ЛАУРА.

Тогда? Зачѣмъ

Объ этомъ думать? Что за разговоръ?
Иль у тебя всегда такія мысли?
Поди, открой балконъ. Какъ небо тихо!
Недвижимъ теплый воздухъ — ночь лимономъ
И лавромъ пахнетъ; яркая луна
Блеститъ на синевѣ густой и темной,
И сторожа кричатъ протяжно: *ясно*!
А далеко, на сѣверѣ — въ Парижѣ —
Быть можетъ, небо тучами покрыто,
Холодный дождь идетъ и вѣтеръ дуетъ.
А намъ какое дѣло? Слушай, Карлосъ,
Я требую, чтобъ улыбнулся ты.
Ну, то-то-жъ!

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Милый демонъ!

Стучатъ

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Гей, Лаура!

ЛАУРА.

Кто тамъ? Чей это голосъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Отопри.....

ЛАУРА.

Ужели..... Боже!.....

Отпираетъ двери. Входитъ Донъ-Жуанъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Здравствуй.....

ЛАУРА.

Донъ-Жуанъ!....

Лаура кидается ему на шею.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Какъ? Донъ-Жуанъ!.....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Лаура, милый другъ!......

Цѣлуетъ ее.

Кто у тебя, моя Лаура?

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Я,

Донъ-Карлосъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вотъ нечаянная встрѣча!

Я завтра весь къ твоимъ услугамъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Нѣтъ!

Теперь — сей часъ.!

ЛАУРА.

Донъ-Карлосъ! перестаньте!

Вы не на улицѣ — вы у меня —

Извольте выйти вонъ!

ДОНЪ-КАРЛОСЪ *не слушая ее.*

Я жду. Ну, что жъ?

Вѣдь ты при шпагѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ежели тебѣ

Не терпится — изволь.

Бьются,

ЛАУРА.

Ай, ай! Жуанъ!.....

Кидается на постелю. Донъ-Карлосъ падаетъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вставай, Лаура — кончено!

ЛАУРА.

Что тамъ?

Убитъ? Прекрасно! Въ комнатѣ моей!

Что дѣлать мнѣ теперь, повѣса, дьяволъ?

Куда я выброшу его?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Быть можетъ,

Онъ живъ еще.

Осматриваетъ тѣло.

ЛАУРА.

Да! живъ! Гляди, проклятый,

Ты прямо въ сердце ткнулъ — не бось не мимо

И кровь нейдетъ изъ треугольной ранки.

А ужь не дышитъ — каково?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что дѣлать!

Онъ самъ того хотѣлъ.

ЛАУРА.

Эхъ, Донъ-Жуанъ,

Досадно, право. Вѣчныя проказы —

А все не виноватъ..... Откуда ты?

Давно ли здѣсь!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я только что пріѣхалъ,

И то тихонько — я вѣдь не прощенъ.

ЛАУРА.

И вспомнилъ тотчасъ о своей Лаурѣ?

Что хорошо, то хорошо. Да, полно,
Не вѣрю я. Ты мимо шелъ случайно
И домъ увидѣлъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, моя Лаура,
Спроси у Лепорелло. Я стою
За городомъ, въ проклятой вентѣ. Я Лауры
Пришелъ искать въ Мадритѣ.

Цѣлуетъ ее.

ЛАУРА.

Другъ ты мой!......
Постой..... при мертвомъ!......Что намъ дѣлать съ нимъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Оставь его — передъ разсвѣтомъ, рано,
Я вынесу его подъ епанчею
И положу на перекресткѣ.

ЛАУРА.

Только
Смотри, чтобъ не увидѣли тебя.
Какъ хорошо ты сдѣлалъ, что явился
Одной минутой позже! У меня
Твои друзья здѣсь ужинали; только
Что вышли вонъ. Когда бъ ты ихъ засталъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Лаура! и давно его ты любишь?

ЛАУРА.

Кого? Ты видно бредишь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А? Признайся:

А сколько разъ ты измѣняла мнѣ
Въ моемъ отсутствіи?

ЛАУРА.

А ты, повѣса?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Скажи..... Нѣтъ послѣ переговоримъ.

СЦЕНА III.

Памятникъ Командора.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Все къ лучшему: нечаянно убивъ
Донъ-Карлоса, отшельникомъ смиреннымъ
Я скрылся здѣсь — и вижу каждый день
Мою прелестную вдову, и ею —
Мнѣ кажется, замѣченъ. — До сихъ поръ
Чинились мы другъ съ другомъ, но сегодня
Пущуся въ разговоры съ ней - пора!
Съ чего начну? «Осмѣлюсь».....или нѣтъ:
«Сеньора»...... Ба! что въ голову придетъ,
То и скажу, безъ предуготовленья,
Импровизаторомъ любовной пѣсни.....
Пора бъ ужь ей пріѣхать. Безъ нея —
Я думаю, скучаетъ Командоръ.
Какимъ онъ здѣсь представленъ исполиномъ!
Какія плеча! Что за Геркулесъ!....

А самъ покойникъ малъ былъ и щедушенъ.
Здѣсь, ставъ на цыпочки, не могъ бы руку
До своего онъ носа дотянуть.
Когда за Эскурьяломъ мы сошлись,
Наткнулся мнѣ на шпагу онъ, и замеръ,
Какъ на булавкѣ стрекоза — и былъ
Онъ гордъ и смѣлъ — и духъ имѣлъ суровый......
А! вотъ она.

Входитъ Дона-Анна.

ДОНА-АННА.

Опять онъ здѣсь. Отецъ мой!
Я развлекла васъ въ вашихъ помышленьяхъ —
Простите!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я просить прощенья долженъ
У васъ, сеньора. Можетъ, я мѣшаю
Печали вашей вольно изливаться.

ДОНА-АННА.

Нѣтъ, мой отецъ, печаль моя во мнѣ;
При васъ мое моленье можетъ къ небу
Смиренно возноситься. Я прошу
И васъ свой голосъ съ нимъ соединить.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Мнѣ — мнѣ молиться съ вами, Дона-Анна!
Я недостоинъ участи такой.
Я не дерзну порочными устами
Мольбу святую вашу повторять;
Я только издали, съ благоговѣньемъ,
Смотрю на васъ, когда склонившись тихо,

Вы кудри черныя на мраморъ блѣдный
Разсыплете — и мнится мнѣ, что тайно
Гробницу эту ангелъ посѣтилъ.
Въ смущенномъ сердцѣ я не обрѣтаю
Тогда моленій. Я дивлюсь безмолвно,
И думаю: «счастливъ, чей хладный мраморъ,
Согрѣтъ ея дыханіемъ небеснымъ
И окропленъ ея любви слезами»....

ДОНА-АННА.

Какія рѣчи странныя!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Сеньора!

ДОНА-АННА.

Мнѣ......Вы забыли....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что? Что недостойный
Отшельникъ я, что грѣшный голосъ мой
Не долженъ здѣсь такъ громко раздаваться?

ДОНА-АННА.

Мнѣ показалось — — я не поняла — —

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ахъ! вижу я: вы все, вы все узнали!

ДОНА-АННА.

Что я узнала?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Такъ — я не монахъ!
У вашихъ ногъ прощенья умоляю.

ДОНА-АННА.

О Боже! встаньте, встаньте..... Кто же вы?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Несчастный, жертва страсти безнадежной!

ДОНА-АННА.

О Боже мой! и здѣсь, при этомъ гробѣ!
Подите прочь!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Минуту, Дона-Анна,
Одну минуту!

ДОНА-АННА.

Если кто войдетъ!.....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Рѣшетка заперта — одну минуту!

ДОНА-АННА.

Ну, что? Чего вы требуете?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Смерти!
О пусть умру сей часъ у вашихъ ногъ,
Пусть бѣдный прахъ мой здѣсь же похоронятъ,
Не подлѣ праха милаго для васъ,
Не тутъ — не близко — далѣ гдѣ нибудь,
Тамъ — у дверей — у самаго порога,
Чтобъ камня моего могли коснуться
Вы легкою ногой, или одеждой,
Когда сюда, на этотъ гордый гробъ,
Пройдете кудри наклонять и плакать!

ДОНА-АННА.

Вы не въ своемъ умѣ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Или желать
Кончины, Дона-Анна, знакъ безумства?

Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ хотѣлъ
Въ живыхъ остаться, я бъ имѣлъ надежду
Любовью нѣжной тронуть ваше сердце.
Когда бъ я былъ безумецъ, я бы ночи
Сталъ провождать у вашего балкона,
Тревожа серенадами вашъ сонъ!
Не сталъ бы я скрываться — я, напротивъ,
Старался бъ быть вездѣ замѣченъ вами!
Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ не сталъ
Страдать въ безмолвіи.....

ДОНА-АННА.

И такъ-то вы
Молчите?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Случай, Дона-Анна, случай
Увлекъ меня! Не то, вы бъ никогда
Моей печальной тайны не узнали.

ДОНА-АННА.

И любите давно ужь вы меня?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Давно или недавно самъ не знаю.
Но съ той поры лишь только знаю цѣну
Мгновенной жизни, только съ той поры
И понялъ я, что значитъ слово «счастье.»

ДОНА-АННА.

Подите прочь — вы человѣкъ опасный!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Опасный! чѣмъ?

ДОНА-АННА.

Я слушать васъ боюсь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я замолчу, лишь не гоните прочь
Того, кому вашъ видъ одна отрада.
Я не питаю дерзостныхъ надеждъ,
Я ничего не требую, но видѣть
Васъ долженъ я, когда уже на жизнь
Я осужденъ.

ДОНА-АННА.

Подите — здѣсь не мѣсто
Такимъ рѣчамъ, такимъ безумствамъ. Завтра
Ко мнѣ придите. Если вы клянетесь
Хранить ко мнѣ такое жь уваженье,
Я васъ приму — но вечеромъ — позднѣе —
Я никого не вижу съ той поры,
Какъ овдовѣла.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ангелъ, Дона-Анна!
Утѣшь васъ Богъ, какъ сами вы сегодня
Утѣшили несчастнаго страдальца!

ДОНА-АННА.

Подите жь прочь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Еще одну минуту.

ДОНА-АННА.

Нѣтъ, видно, мнѣ уйти..... Къ тому жъ моленье
Мнѣ въ умъ нейдетъ. Вы развлекли меня
Рѣчами свѣтскими; отъ нихъ ужь ухо
Мое давно, давно отвыкло — завтра
Я васъ приму.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Еще не смѣю вѣрить,
Не смѣю счастью моему предаться —
Я завтра васъ увижу! — И не здѣсь
И не украдкою!

ДОНА-АННА.

Да, завтра, завтра.
Какъ васъ зовутъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Дiего де-Кальвадо.

ДОНА-АННА.

Прощайте, Донъ-Дiего.

Уходитъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Лепорелло!

Лепорелло входитъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что вамъ угодно?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Милый Лепорелло!
Я счастливъ! — Завтра — вечеромъ — позднѣе.....
Мой Лепорелло, завтра — приготовь —
Я счастливъ, какъ ребенокъ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Съ Доной-Анной
Вы говорили? Можетъ быть, она
Сказала вамъ два ласковыя слова,
Или ее благословили вы...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, Лепорелло, нѣтъ! она свиданье,
Свиданье мнѣ назначила!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Неужь-то!

О вдовы! всѣ вы таковы!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я счастливъ!

Я пѣть готовъ, я радъ весь міръ обнять!

ЛЕПОРЕЛЛО.

А Командоръ? Что скажетъ онъ объ этомъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ты думаешь онъ станетъ ревновать?
Ужь вѣрно нѣтъ; онъ человѣкъ разумный
И вѣрно присмирѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ умеръ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ! посмотрите на его статую.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что жь?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Кажется, на васъ она глядитъ
И сердится.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ступай же, Лепорелло,
Проси ее пожаловать ко мнѣ —
Нѣтъ не ко мнѣ, а къ Донѣ-Аннѣ завтра.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Статую въ гости звать! За чѣмъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ужь вѣрно
Не для того, чтобъ съ нею говорить —
Проси статую завтра къ Донѣ-Аннѣ

Придти попозже вечеромъ, и стать
У двери на часахъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Охота вамъ
Шутить! И съ кѣмъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ступай же.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Но......

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ступай!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Преславная, прекрасная статуя!
Мой баринъ Донъ-Жуанъ покорно проситъ
Пожаловать...... Ей Богу! не могу,
Мнѣ страшно.....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Трусъ! вотъ я тебя!.....

ЛЕПОРЕЛЛО.

Позвольте.
Мой баринъ Донъ-Жуанъ васъ проситъ завтра
Придти попозже въ домъ супруги вашей,
И стать у двери......

Статуя киваетъ головой въ знакъ согласія.

Ай!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что тамъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ай, ай!.....
Ай, ай!..... умру!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что сдѣлалось съ тобою?

ЛЕПОРЕЛЛО, *кивая головой.*

Статуя...... Ай!.....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ты кланяешься!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ!

Не я — она!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Какой ты вздоръ несешь?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Подите сами.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ну, смотри жь, бездѣльникъ!

Статуѣ.

Я, Командоръ, прошу тебя придти
Къ твоей вдовѣ, гдѣ завтра буду я,
И стать на стражѣ у дверей. Что? Будешь?

Статуя киваетъ опять.

О Боже!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что? Я говорилъ......

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Уйдемъ!

СЦЕНА IV.

Комната Доны-Анны.

ДОНЪ-ЖУАНЪ и ДОНА-АННА.

ДОНА-АННА.

Я приняла васъ, Донъ-Діего; только
Боюсь, моя печальная бесѣда
Скучна вамъ будетъ: бѣдная вдова,
Все помню я свою потерю. Слезы
Съ улыбкою мѣшаю, какъ Апрѣль.
Что жь вы молчите?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Наслаждаюсь молча
Глубокой мыслью быть наединѣ
Съ прелестной Доной-Анной, здѣсь — не тамъ,
Не при гробницѣ мертваго счастливца;
И вижу васъ уже не на колѣняхъ
Предъ мраморнымъ супругомъ.

ДОНА-АННА.

Донъ-Діего,
Такъ вы ревнивы? Мужъ мой и во гробѣ
Васъ мучитъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я не долженъ ревновать:
Онъ вами выбранъ былъ...

ДОНА-АННА.

Нѣтъ, мать моя
Велѣла мнѣ дать руку Донъ-Альвару.
Мы были бѣдны, — Донъ-Альваръ богатъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Счастливецъ! онъ сокровища пустыя
Принесъ къ ногамъ богини — вотъ за что
Вкусилъ онъ райское блаженство! Если бъ
Я прежде васъ узналъ — съ какимъ восторгомъ
Мой санъ, мое богатство, все бы отдалъ,
Все за единый благосклонный взглядъ!
Я былъ бы рабъ священной вашей воли;
Всѣ ваши прихоти я бъ изучилъ,
Чтобъ ихъ предупреждать, чтобъ ваша жизнь
Была однимъ волшебствомъ безпрерывнымъ ....
Увы! судьба судила мнѣ иное!

ДОНА-АННА.

Діего! перестань же — я грѣшу
Внимая вамъ — мнѣ васъ любить нельзя:
Вдова должна и гробу быть вѣрна.
Когда бы знали вы, какъ Донъ-Альваръ
Меня любилъ! О, Донъ-Альваръ ужъ вѣрно
Не принялъ бы къ себѣ влюбленной дамы,
Когда бъ онъ овдовѣлъ — онъ былъ бы вѣренъ
Супружеской любви....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не мучьте сердца
Мнѣ, Дона-Анна, вѣчнымъ поминаньемъ
Супруга. Полно вамъ меня казнить,
Хоть казнь я заслужилъ, быть можетъ....

ДОНА-АННА.

Чѣмъ же?

Вы узами не связаны святыми
Ни съ кѣмъ — не правда ль? Полюбивъ меня,
Вы предо мной и передъ Небомъ правы.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Предъ вами?... Боже!

ДОНА-АННА.

Развѣ вы виновны
Передо мной? Скажите, въ чемъ-же — въ чемъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ!... никогда!

ДОНА-АННА.

Дiего! что такое?
Вы предо мной виновны? Въ чемъ, скажите?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ! ни за что!

ДОНА-АННА.

Дiего! это странно......
Я васъ прошу, я требую.....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ!

ДОНА-АННА.

А! такъ-то вы моей послушны волѣ?
А что сей часъ вы говорили мнѣ:
Что вы бъ рабомъ моимъ желали быть?
Я разсержусь, Дiего. Отвѣчайте:
Въ чемъ предо мной виновны вы?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не смѣю.

Вы ненавидѣть станете меня.

ДОНА-АННА.

Нѣтъ, нѣтъ! Я васъ заранѣе прощаю,
Но знать желаю.....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не желайте знать
Ужасную, убійственную тайну!

ДОНА-АННА.

Ужасную! Вы мучите меня.
Я страхъ какъ любопытна — что такое?
И какъ меня могли вы оскорбить?
Я васъ не знала — у меня враговъ
И нѣтъ и не было. Убійца мужа
Одинъ и есть.

ДОНЪ-ЖУАНЪ, *про себя.*

Идетъ къ развязкѣ дѣло!
Скажите мнѣ: несчастный Донъ-Жуанъ
Вамъ незнакомъ?

ДОНА-АННА.

Нѣтъ, отъ роду его
Я не видала.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вы въ душѣ къ нему
Питаете вражду?

ДОНА-АННА.

По долгу чести.
Но вы отвлечь стараетесь меня
Отъ моего вопроса, Донъ-Діего —
Я требую.....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что если бъ Донъ-Жуана
Вы встрѣтили?

ДОНА-АННА.

Тогда бы я злодѣю
Кинжалъ вонзила въ сердце!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Дона-Анна!
Гдѣ твой кинжалъ? Вотъ грудь моя!

ДОНА-АННА.

Діего!
Что вы?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я не Діего — Донъ-Жуанъ!

ДОНА-АННА.

О Боже! нѣтъ, не можетъ быть, не вѣрю!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я Донъ-Жуанъ!

ДОНА-АННА.

Не правда!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я убилъ
Супруга твоего! и не жалѣю
О томъ — и нѣтъ раскаянья во мнѣ!

ДОНА-АННА.

Что слышу я? Нѣтъ, нѣтъ! не можетъ быть.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я Донъ-Жуанъ, и я тебя люблю!

ДОНА-АННА, *падая.*

Гдѣ я?....гдѣ я?... мнѣ дурно, дурно!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Небо!

Что съ нею? Что съ тобою, Дона-Анна?
Проснись, опомнись: твой Діего,
Твой рабъ у ногъ твоихъ!

ДОНА-АННА.

Оставь меня.

Слабо.

О! ты мнѣ врагъ — ты отнялъ у меня
Все, все, что въ жизни — ……

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Милое созданье!

Я всѣмъ готовъ ударъ мой искупить.
У ногъ твоихъ жду только приказанья:
Вели — умру; вели дышать, я буду
Лишь для тебя….

ДОНА-АННА.

Такъ это Донъ-Жуанъ?…

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не правда ли: онъ былъ описанъ вамъ
Злодѣемъ, извергомъ —

О, Дона-Анна!

Молва, быть можетъ, несовсѣмъ неправа;
На совѣсти усталой много зла
Быть можетъ, тяготѣетъ; но съ тѣхъ поръ,
Какъ васъ увидѣлъ я, все измѣнилось:
Мнѣ кажется, я весь переродился;
Васъ полюбя, люблю я добродѣтель,
И въ первый разъ смиренно передъ нею
Дрожащія колѣна преклонилъ.

ДОНА-АННА.

О, Донъ-Жуанъ краснорѣчивъ — я знаю,
Слыхала я: онъ хитрый человѣкъ.....
Вы, говорятъ, безбожный развратитель,
Вы сущій демонъ. Сколько бѣдныхъ женщинъ
Вы погубили?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ни одной донынѣ
Изъ нихъ я не любилъ.

ДОНА-АННА.

И я повѣрю,
Чтобъ Донъ-Жуанъ влюбился въ первый разъ,
Чтобъ не искалъ во мнѣ онъ жертвы новой?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Когда бъ я васъ обманывалъ, сеньора,
Признался ль бы, сказалъ ли бъ я то имя,
Котораго не можете вы слышать?
Гдѣ жь видны тутъ обдуманность, коварство?

ДОНА-АННА.

Кто знаетъ васъ? — Но какъ могли придти
Сюда? Узнать могли бы люди васъ
И ваша смерть была бы неизбѣжна.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что значить смерть? За сладкій мигъ свиданья,
Безропотно отдамъ я жизнь.

ДОНА-АННА.

Но какъ же
Отсюда выдти вамъ, неосторожный?

ДОНЪ-ЖУАНЪ, *цѣлуя ей руки.*

И вы о жизни бѣднаго Жуана
Заботитесь? Такъ ненависти нѣтъ
Въ душѣ твоей небесной, Дона-Анна?

ДОНА-АННА.

Ахъ! если бъ васъ могла я ненавидѣть!
Однакожь надобно разстаться намъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Когда жъ опять увидимся?

ДОНА-АННА.

Не знаю.....
Когда нибудь.....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А завтра?

ДОНА-АННА.

Гдѣ же?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Здѣсь.

ДОНА-АННА.

О Донъ-Жуанъ! какъ сердцемъ я слаба.....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Въ залогъ прощанья мирный поцѣлуй......

ДОНА-АННА.

Пора, поди!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Одинъ, холодный, мирный......

ДОНА-АННА.

Какой ты неотвязчивый! На, вотъ онъ —
Что тамъ за стукъ?...... О, скройся, Донъ-Жуанъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Прощай же, до свиданья, другъ мой милый!

Уходитъ и вбѣгаетъ опять.

А!......

ДОНА-АННА.

Что съ тобой? — А!......

Входитъ статуя Командора. Дона-Анна падаетъ.

СТАТУЯ.

Я на зовъ явился.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О Боже! Дона-Анна!

СТАТУЯ.

Брось ее.

Все кончено. Дрожишь ты, Донъ-Жуанъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я? Нѣтъ! Я звалъ тебя и радъ что вижу.

СТАТУЯ.

Дай руку!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вотъ она...... О, тяжело
Пожатіе твое! Оставь! Пусти!
Я гибну — кончено — о, Дона-Анна!

Проваливаются.

4-го Ноября, 1836.

ОДНА ГЛАВА

ИЗЪ

НЕОКОНЧЕННАГО РОМАНА.

ОДНА ГЛАВА

из

НЕОКОНЧЕННАГО РОМАНА.

Гости съѣзжались на дачу ***. Зала наполнялась дамами и мужчинами, пріѣхавшими въ одно время изъ театра, гдѣ давали новую Итальянскую оперу. Каждый гость, пробравшись до круглаго стола, гдѣ разливали чай, спѣшилъ поклониться хозяйкѣ и потомъ исчезнуть въ толпѣ. Мало по малу порядокъ установился. Дамы заняли свои мѣста по диванамъ. Около нихъ составился кружокъ мужчинъ. Висты учредились. Осталось на ногахъ нѣсколько молодыхъ людей, и смотръ Парижскихъ литографій замѣнилъ общій разговоръ.

На балконѣ сидѣли двое мужчинъ. Одинъ изъ нихъ, путешествующій Испанецъ, казалось, живо наслаждался прелестью Сѣверной ночи. Съ восхищеніемъ глядѣлъ онъ на ясное, блѣдное небо, на величавую Неву, озаренную свѣтомъ неизъяснимымъ, и на окрестныя дачи,

рисующіяся въ прозрачномъ сумракѣ. «Какъ хороша ваша Сѣверная ночь,» сказалъ онъ наконецъ, «и какъ не жалѣть объ ея прелести даже подъ небомъ моего отечества!» — Одинъ изъ нашихъ поэтовъ, — отвѣчалъ ему другой, — сравнилъ ее съ Русской бѣлобрысой красавицей; признаюсь, что смуглая, черноглазая Итальянка, или Испанка, исполненная живости и полуденной нѣги, болѣе плѣняютъ мое воображеніе. Впрочемъ, давнишній споръ между la brune et la blonde еще не рѣшенъ. Но кстати: знаете ли вы, какъ одна иностранка изъясняла мнѣ строгость и чистоту Петербургскихъ нравовъ? Она увѣряла, что наши зимнія ночи слишкомъ холодны, а лѣтнія слишкомъ свѣтлы. Испанецъ улыбнулся. — «И такъ, благодаря вліянію климата», сказалъ онъ, «Петербургъ есть обѣтованная земля красоты, любезности и безпорочности? — Красота дѣло вкуса — отвѣчалъ Русской — но нечего говорить объ нашей любезности. Она не въ модѣ; никто объ ней и не думаетъ. Женщины боятся прослыть кокетками, мужчины уронить свое достоинство. Всѣ стараются быть ничтожными со вкусомъ и приличіемъ. Что жь касается до чистоты нравовъ, то чтобы не употребить во зло довѣрчивости иностранца, я разскажу вамъ..... — И разговоръ принялъ самое сатирическое направленіе.

Въ сіе время двери въ залу отворились, и Вольская вошла. Она была въ первомъ цвѣтѣ молодости. Правильныя черты, большіе черные глаза, живость движеній, самая странность наряда, все по неволѣ привлекало вниманіе. Мужчины встрѣтили ее съ какой-то шутливой привѣтливостью, дамы съ замѣтнымъ недоброжелательствомъ, но Вольская ничего не замѣчала; отвѣчая

криво на общіе вопросы, она разсѣянно глядѣла во всѣ стороны; лицо ея, измѣнчивое какъ яблоко, изобразило досаду; она сѣла подлѣ важной княгини Г. и какъ говорится, *se mit à bouder*.

Вдругъ она вздрогнула и обернулась къ балкону. Безпокойство овладѣло ею. Она встала, пошла около кресελъ и столовъ, остановилась на минуту за стуломъ стараго генерала Р., ничего не отвѣчала на его тонкій мадригалъ, и вдругъ скользнула на балконъ.

Испанецъ и Русской встали. Она подошла къ нимъ и съ замѣшательствомъ сказала нѣсколько словъ по Русски.

Испанецъ, полагая себя лишнимъ, оставилъ ее и возвратился въ залу.

Важная княгиня Г. проводила Вольскую глазами и въ полголоса сказала своему сосѣду: «Это ни на что непохоже.

— Она ужасно вѣтрена — отвѣчалъ онъ. — «Вѣтрена? Этого мало. Она ведетъ себя непростительно. Она можетъ не уважать себя, сколько ей угодно, но свѣтъ еще не заслуживаетъ отъ нея такого пренебреженія. Минскій могъ бы ей это замѣтить.»

— Il n'en fera rien, trop heureux de pouvoir la compromettre. Между тѣмъ, я бьюсь объ закладъ, что разговоръ ихъ самый невинный.

«Я въ томъ увѣрена..... Давно ли вы стали такъ добродушны?

— Признаюсь, я принимаю участіе въ судьбѣ этой молодой женщины. Въ ней много хорошаго и гораздо менѣе дурнаго, нежели думаютъ. Но страсти ее погубятъ.

«Страсти! Какое громкое слово! Что такое страсти? Не воображаете ли вы, что у ней пылкое сердце, романическая голова? Просто, она дурно воспитана..... Что это за литографія? Портретъ Гуссейнъ-Паши? Покажите мнѣ его.

Гости разъѣзжались; ни одной дамы не оставалось уже въ гостиной; лишь хозяйка съ явнымъ неудовольствіемъ стояла у стола, за которымъ два дипломата доигрывали послѣднюю игру въ экарте. Вольская вдругъ замѣтила зарю и поспѣшно оставила балконъ, гдѣ она около трехъ часовъ сряду находилась наединѣ съ Минскимъ. Хозяйка простилась съ нею холодно, а Минскаго, съ намѣреніемъ, не удостоила и взгляда. У подъѣзда нѣсколько гостей ожидали своихъ экипажей. Минскій посадилъ Вольскую въ ея карету. «Кажется твоя очередь,» сказалъ ему молодой офицеръ. — Вовсе нѣтъ — отвѣчалъ онъ. — Она занята; я просто ея наперсникъ, или что вамъ угодно. Но я люблю ее отъ души: она уморительно смѣшна.

Зинаида Вольская лишилась матери на шестомъ году отъ рожденія. Отецъ ея, человѣкъ дѣловой и разсѣянный, отдалъ ее на руки Француженкѣ, нанялъ учителей всякаго рода, и послѣ ужь объ ней не заботился. Четырнадцати лѣтъ, она была прекрасна и писала любовныя записки своему танцмейстеру. Отецъ объ этомъ узналъ, отказалъ танцмейстеру и вывезъ ее въ свѣтъ, полагая, что воспитаніе ея кончено. Появленіе Зинаиды надѣлало большаго шуму. Вольскій, богатый молодой человѣкъ, привыкшій подчинять свои чувства мнѣнію другихъ, влюбился въ нее безъ памяти. Онъ сталъ сва-

таться. Отецъ обрадовался случаю сбыть съ рукъ молодую невѣсту. Зинаида горѣла нетерпѣніемъ быть за мужемъ, чтобы видѣть у себя весь городъ. Къ тому же Вольской ей не былъ противенъ, и такимъ образомъ участь ея была рѣшена.

Ея искренность, неожиданныя проказы, дѣтское легкомысліе, производили сначала пріятное впечатлѣніе, и даже свѣтъ былъ благодаренъ той, которая поминутно прерывала важное однообразіе аристократическаго круга. Смѣялись ея шалостямъ, повторяли ея странныя выходки. Но годы шли, а душѣ Зинаиды все еще было четырнадцать лѣтъ. Стали роптать. Нашли, что Вольская не имѣетъ никакого чувства приличія, свойственнаго ея полу. Женщины стали отъ нея удаляться, а мужчины приблизились. Зинаида подумала, что она не въ проигрышѣ, и утѣшилась.

Молва стала приписывать ей любовниковъ. Злословіе, даже безъ доказательствъ, оставляетъ почти вѣчные слѣды въ свѣтскомъ уложеніи. Правдоподобіе равняется правдѣ, и быть предметомъ клеветы унижаетъ насъ въ собственномъ мнѣніи. Вольская, въ слезахъ негодованія, рѣшилась возмутиться противъ власти несправедливаго свѣта. Случай скоро представился.

Между молодыми людьми, ее окружающими, Зинаида отличила Минскаго. По видимому, нѣкоторое сходство въ характерахъ и обстоятельствахъ жизни должно было ихъ сблизить. Въ первой молодости, Минскій, порочнымъ своимъ поведеніемъ заслужилъ также порицаніе свѣта, который наказалъ его, клеветою. Минскій оставилъ его, притворясь равнодушнымъ. Страсти на время заглупи-

ли въ его сердцѣ угрызенія самолюбія, но усмиренный опытами, явился онъ вновь на сцену общества, и принесъ ему, уже не пылкость неосторожной своей юности, но снисходительность и благопристойность эгоизма. Онъ не любилъ свѣта, но не презиралъ, ибо зналъ необходимость его одобренія. Со всѣмъ тѣмъ, уважая вообще, онъ не щадилъ его въ особенности, и каждаго члена его готовъ былъ принести въ жертву своему злопамятному самолюбію. Вольская нравилась ему, за то, что она осмѣливалась явно презирать ненавистныя ему условія. Онъ подстрекалъ ее ободреніемъ и совѣтами, сдѣлался ея наперсникомъ, и вскорѣ сталъ ей необходимъ.

Б ** нѣсколько времени занималъ ея воображеніе. «Онъ слишкомъ для васъ ничтоженъ,» сказалъ ей Минскій. «Весь умъ его почерпнутъ изъ Liaisons dangereuses, такъ же какъ весь его геній выкраденъ изъ Жомини. Узнавъ его короче, вы будете презирать его тяжелую безнравственность, какъ военные люди презираютъ его пошлыя разсужденія.»

— Мнѣ хотѣлось бы влюбиться въ Р.,–сказала ему Зинаида. «Какой вздоръ!» отвѣчалъ онъ. «Охота вамъ связываться съ человѣкомъ, который краситъ волосы, и каждыя пять минутъ повторяетъ съ упоеніемъ: *quand j'etois à Florence*..... Говорятъ, его несносная жена влюблена въ него; оставьте ихъ въ покоѣ: они созданы другъ для друга.

— А баронъ W.?

«Это дѣвочка въ мундирѣ. Что въ немъ? Но знаете ли что? Влюбитесь въ Л. Онъ займетъ ваше воображеніе: онъ также необыкновенно уменъ, какъ необыкновенно

дуренъ, et puis c'est un homme à grands sentiment, онъ будетъ ревнивъ и страстенъ; онъ будетъ васъ мучить и смѣшить — чего вамъ болѣе?

Однакожъ Вольская его не послушалась. Минскій угадывалъ ея сердце; самолюбіе его было тронуто; не полагая, чтобъ легкомысліе могло быть соединено съ сильными страстями, онъ предвидѣлъ связь безъ всякихъ важныхъ послѣдствій, лишнюю женщину въ спискѣ вѣтренныхъ своихъ любовницъ, и хладнокровно обдумывалъ свою побѣду.—Вѣроятно, если бъ онъ могъ вообразить бури, его ожидающія, то отказался бъ отъ своего торжества, ибо свѣтскій человѣкъ легко жертвуетъ своими наслажденіями и даже тщеславіемъ лѣни и благоприличію.....

Денисъ Давыдовъ

ТИЛЬЗИТЪ

ВЪ 1807 ГОДУ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ МОИХЪ ВОЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

I.

1807 года 2-го Іюня ознаменовано было неимовѣрною храбростію, неимовѣрными усиліями войскъ нашихъ, и при всемъ томъ, этотъ день былъ днемъ бѣдственнымъ для нашего оружія. Пораженная подъ Фридландомъ, армія наша тянулась къ Прегелю, чтобы оградить себя отъ дальнѣйшихъ покушеній непріятеля.

Не забуду никогда тяжкой ночи, смѣнившей этотъ кровавый день. Арьергардъ нашъ, измученный десятисуточными битвами и ошеломленный послѣднимъ ударомъ, разразившимся болѣе на немъ, чѣмъ на другихъ войскахъ, прикрывалъ отступленіе арміи, нѣсколько часовъ предъ тѣмъ столь грозной, стройной и красивой.

Физическія силы наши гнулись подъ гнетомъ трудовъ, нераздѣльныхъ со службою передовой стражи. Всегда бодрый, всегда неусыпный, всегда выше всякихъ опасностей и бѣдствій, Багратіонъ командовалъ этою частію войскъ, но и онъ, подобно подчиненнымъ своимъ, изнемогалъ отъ усталости и изнуренія. Сподвижники его, тогда только начинавшіе знаменитость свою, — Графъ Паленъ, Раевскій, Ермоловъ, Кульневъ, исполняли обязанности свои также черезъ силу; пѣхота едва тащила ноги; всадники дремали, шатаясь на коняхъ.

На разсвѣтѣ армія прибыла въ Велау, и въ продолженіи дня перешла черезъ Прегель; арьергардъ, соединясь съ нею, истребилъ мостъ. Все войско, сколько позволило время, устроилось и пошло далѣе на Топлакенъ, Клейнъ, Широу и Попелкенъ, въ направленіи къ Тильзиту. Порядокъ марша былъ слѣдующій: впереди гвардія со всею баттарейною артиллеріею; за ними два полка легкой кавалеріи праваго фланга (остальною кавалеріею этого фланга Беннингсенъ усилилъ арьергардъ); потомъ вся тяжелая кавалерія обоихъ фланговъ; наконецъ вся пѣхота и легкая артиллерія, и съ ними главная квартира; арьергардъ заключалъ шествіе.

Но прежде чѣмъ продолжать очеркъ этого отступленія, необходимо взглянуть на предшествовавшія оному стратегическія распоряженія обоихъ полководцевъ.

Наполеонъ стоялъ на Пассаргѣ. Передовой корпусъ его арміи, — корпусъ Нея, находился въ Гутштадтѣ и окрестностяхъ.

Беннингсенъ избралъ новую черту дѣйствія. Онъ рас-

положилъ войска свои по теченію Алле, отъ окрестностей Гутштадта до Шипенбелля, занимая ими Гейльсбергъ и Бартенштейнъ; назначилъ Гейльсбергъ пунктомъ соединенія всѣхъ силъ своихъ для генеральнаго сраженія, и покрылъ возвышенія, облегающія городъ, многочисленными укрѣпленіями. Распорядокъ этотъ не подлежалъ бы осужденію, если бъ черта дѣйствія, избранная Беннингсеномъ, заслоняя естественное основаніе арміи нашей, Нѣманъ и Россію, заслоняла вмѣстѣ съ тѣмъ и магазины, на Нѣманѣ, или между Нѣманомъ и нашей арміею расположенные. Но никакихъ магазиновъ не существовало по этому направленію. Напротивъ, Беннингсенъ отстранилъ ихъ отъ естественнаго и истиннаго основанія своего, и заслоняя Нѣманъ и Россію, оставилъ и даже умножилъ съѣстные и боевые запасы въ Кенигсбергѣ, находившемся на правомъ флангѣ арміи и почти внѣ круга боевыхъ происшествій. Такимъ распорядкомъ, онъ подвергъ и магазины и подвозы, высылаемые изъ нихъ въ армію, неминуемой гибели, при первой необходимости оставить Гейльсбергъ, при первомъ шагѣ его на правый берегъ Алле.

Это не могло укрыться отъ проницательнаго и всеобъемлющаго взгляда полководца, каковъ былъ Наполеонъ. Онъ рѣшился воспользоваться ошибкою не только потому, что долгъ всякаго военачальника пользоваться ошибками противника, но и по необходимости. Область, которую изнуряли войска его, расположенныя на кантониръ-квартирахъ въ теченіи двухъ мѣсяцовъ, и область, столько же времени изнуряемая войсками нашими по тѣмъ же причинамъ, и въ которую онъ намѣревался

вторгнуться, не представляли никакого средства къ пропитанію. Надлежало имѣть заранѣе устроенные магазины, и эти магазины, какъ я выше сказалъ, устроены были только нами въ Кенигсбергѣ. Разумѣется, что Наполеонъ немедленно опредѣлилъ въ мысли своей городъ этотъ предметомъ своего дѣйствія. Но чтобы овладѣть Кенигсбергомъ, не подвергая себя той же самой опасности, въ коей находился Беннингсенъ во время зимней кампаніи, надлежало выбить армію нашу изъ Гейльсбергскихъ укрѣпленій и отбросить ее на правый берегъ Алле. Средство это не было упущено изъ вида. Французская армія, перейдя чрезъ Пассаргу, подходила къ Гейльсбергу, обнимая лѣвымъ крыломъ своимъ наше правое крыло. Три способа представлялись Беннингсену къ сохраненію, хотя на нѣкоторое время, Кенигсберга: одинъ въ отраженіи Наполеона отъ Гейльсбергскихъ укрѣпленій, разбитіи его арміи и преслѣдованіи ее за Пассаргу и далѣе къ Вислѣ; другой въ перемѣщеніи всей арміи нашей къ Фришгафскому заливу, не принимая сраженія подъ Гейльсбергомъ (движеніе тогда уже опасное, и отъ смежности съ непріятелемъ почти невозможное); наконецъ, третій, въ направленіи прямо въ Кенигсбергъ, вмѣсто всей арміи нѣкоторой части оной. Беннингсенъ избралъ послѣдній, тѣмъ болѣе, что и самое положеніе дѣлъ сему способствовало. Прусскій корпусъ Лестока, дѣйствовавшій на Нижней Пассаргѣ у Спандена, былъ отрѣзанъ отъ нашей арміи движеніемъ лѣваго крыла Французской арміи отъ Эльдитена къ Гутштадту. То же произошло и съ Русскимъ отрядомъ Графа Каменскаго, возвращавшимся изъ подъ Данцига, послѣ попытки про-

биться въ эту крѣпость, прежде покоренія ея Французами. Беннигсенъ воспользовался обоими обстоятельствами. Лестокъ, усиленный Русскимъ отрядомъ Каменскаго, что составило около 12-ти тысячъ человѣкъ, поспѣшилъ къ Кенигсбергу.

Въ это время Наполеонъ аттаковалъ армію нашу, защищавшую Гейльсбергскія укрѣпленія, и послѣ неимовѣрныхъ усилій, продолжавшихся до глубокой ночи, былъ отбитъ съ чрезвычайнымъ урономъ.

Мы побѣдили не наступательно, а оборонительно, но побѣдили, и слѣдственно, могли на другой день пользоваться побѣдою, – аттаковать непріятеля. Беннигсенъ простоялъ весь этотъ день въ укрѣпленіяхъ, и на третій, съ арміею, ободренною успѣхомъ, мало понесшею урона и ни сколько не разстроенною, перешелъ на правый берегъ Алле, вдоль котораго потянулся къ Прегелю. Наполеонъ достигъ до своего предмета не побѣдою, а неудачею.

Между тѣмъ какъ мнѣніе о чрезвычайной предпріимчивости противника своего принуждало Беннигсена уклоняться отъ генеральнаго сраженія, съ Наполеоновой стороны увѣренность въ недостаткѣ предпріимчивости Беннигсена увлекала его въ самыя опрометчивыя дѣйствія. Онъ видѣлъ уронъ, разстройство, и слѣдственно нѣкоторое потрясеніе духа въ большой части своей арміи, что нераздѣльно со всякимъ неудачнымъ приступомъ. Онъ видѣлъ армію нашу отступавшею послѣ успѣха своего, не отъ безсилія, не отъ разстройства, не отъ боязни, – чего никогда не бываетъ въ самыхъ посредственныхъ войскахъ, зарытыхъ по горло въ смертоносныхъ

укрѣпленіяхъ и отразившихъ отъ сихъ укрѣпленій непріятеля, штурмовавшаго ихъ съ чистаго и открытаго мѣстоположенія. Онъ видѣлъ все это, и не принялъ въ уваженіе ничего имъ видѣннаго. Онъ, какъ кажется, не хотѣлъ сознаться, что оставленіе нами Гейльсбергскихъ укрѣпленій и отступленіе наше вдоль Алле къ Прегелю ни что иное, какъ слѣдствіе исполненія воли, управляющей нами, а не побѣды его надъ нами; что ничего окончательнаго еще не воспослѣдовало, и что разсѣченіе Гордіева узла еще впереди, слѣдственно, для сего переда надо болѣе войскъ. Безъ такого предположенія нельзя повѣрить, чтобы этотъ великій полководецъ рѣшился отрядить Мюрата, съ корпусами Сульта, Даву и большею частію кавалеріи и артиллеріи, всего около 50 тысячь человѣкъ, въ слѣдъ за Лестокомъ, и только что съ двумя третями арміи приступилъ бы къ рѣшенію участи войны, впервые для него болѣе полугода продолжавшейся (*).

Нѣтъ сомнѣнія, что вѣрнѣе и безопаснѣе было бы Наполеону, оставя безъ вниманія Лестока въ Кенигсбергѣ, итти всѣми силами вслѣдъ за нашей арміей къ Нижней Алле, и только по одержаніи надъ ней побѣды, отдѣлить отъ главныхъ своихъ силъ корпуса, отдѣленные имъ еще изъ подъ Гейльсберга. Единымъ направленіемъ ихъ отъ Нижней Алле черезъ Тапіо въ Лабіо, онъ безпрепятственно и вдругъ достигъ бы до двухъ предметовъ: до овладѣнія Кенигсбергомъ безъ выстрѣла

(*) Не есть ли это обстоятельство, что война длилась полъ года, лучшее опроверженіе нападковъ автора на Беннингсена, генерала, какихъ въ Россіи было немного?

и до неминуемой гибели корпуса Лестока, коему кромѣ Лабіо не было другаго выхода.

Лестокъ узналъ 4-го числа о пораженіи Беннингсена подъ Фридландомъ и объ отступленіи арміи нашей къ Тильзиту. Онъ немедленно оставилъ Кенигсбергъ и поспѣшилъ къ Лабіо, чтобы оттуда выйти на Тильзитскій путь. Постигая всю опасность положенія своего, онъ не шелъ, онъ летѣлъ туда безъ отдыховъ. Мюратъ, овладѣвъ магазинами нашими въ Кенигсбергѣ, оставилъ при нихъ корпусъ Сульта, и отославъ Даву черезъ Тапіо въ главную армію Наполеона, пустился въ погоню за Лестокомъ съ одною кавалеріею. Онъ догналъ его, но тогда уже, какъ Лестокъ прошелъ открытое мѣстоположеніе, и у Лабіо вступилъ въ лѣса и болоты, гдѣ кавалерія была безполезна. Между тѣмъ, 3-го числа, Наполеонъ направилъ изъ Фридланда корпусъ Нея на Инстербургъ, и слѣдовалъ за нами съ главными силами.

Не зная объ оставленіи Сульта въ Кенигсбергѣ и о примкнутіи Даву къ Наполеону, и увлеченный мнѣніемъ, что при малѣйшемъ медленіи въ отступленіи, Ней съ собственнымъ корпусомъ и Мюратъ съ корпусами Даву и Сульта могутъ прибыть на Тильзитскій путь и стать между нами и Тильзитомъ, Беннингсенъ разсудилъ, что большая опасность предстоитъ арміи нашей въ нападеніи на нее войсками Нея и Мюрата съ тыла, чѣмъ въ напорѣ всей Французской арміи спереди отъ Велау. Это, въ нѣкоторомъ отношеніи, весьма справедливое, разсужденіе едва не рѣшило Беннингсена, всею громадою войскъ, безъ исключенія, достигнуть поспѣшнѣе до узла путей,

исходящихъ изъ Инстербурга и Лабiо и соединяющихся съ Тильзитскимъ путемъ, при деревняхъ Ваннаглаукенъ и Шиллупишкенъ. Но такой родъ отступленiя произвелъ бы другаго рода опасность. Главная масса Французской армiи, не встрѣчая ни преградъ, ни отпоровъ отъ арьергарда нашего, который поступилъ бы тогда въ составъ главныхъ силъ, могла, какъ говорится, сѣсть намъ на плеча, и жаркими, неотступными натисками довершить нашу гибель, прежде чѣмъ достигли бы мы до праваго берега Нѣмана. Чтобы сколько нибудь укротить стремленiе Наполеона со стороны Велау, и вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгнуть преграды, которую могли воздвигнуть намъ Мюратъ и Ней на пути отступленiя нашего къ Тильзиту, приходилось жертвовать арьергардомъ. Багратiонъ оставленъ былъ при Таплакенѣ, съ повелѣнiемъ отражать натиски Наполеона и отступать какъ можно медленнѣе за армiею, которая въ то же время усилила переходы свои. Такъ полтора года передъ тѣмъ, Кутузовъ, въ такой же почти крайности и по тѣмъ же причинамъ, оставилъ съ шеститысячнымъ арьергардомъ того же Багратiона подъ Голлабрюномъ и Шенгробеномъ, противъ огромныхъ корпусовъ Ланна, Сульта и Мюрата. Но какъ тамъ, такъ и тутъ, та же звѣзда горѣла надъ питомцомъ Суворова. Казалось, что Провидѣнiе хранило его до Бородинскаго дня, чтобы сочетать великое событiе съ великою жертвою, отпоръ другому Аннибалу со смертiю другаго Павла Эмилiя.

Въ теченiе всего 3-го числа, преслѣдованiе производилось безъ сильныхъ натисковъ, безъ той наглости, которая отличала Французскiя войска при малѣйшей

удачѣ. Но 4-го, мы примѣтили умноженіе силъ въ преслѣдовавшихъ насъ войскахъ и почувствовали желѣзную волю ихъ верховнаго предводителя. Аррьергардъ нашъ былъ жестоко тѣснимъ при Клейнъ-Широу, Битененѣ Попелкенѣ. Узелъ путей, соединяющихся въ Ваннаглаукенѣ и Шиллупишкенѣ, былъ отъ насъ еще далеко; главная армія еще далѣе. О войскахъ Лестока, также и о посланныхъ партіяхъ для надзора за движеніемъ и направленіемъ Нея, мы не получали никакого извѣстія. Было отъ чего прійти въ отчаяніе!

Въ этотъ день прибыло въ аррьергардъ нѣсколько Башкирскихъ полковъ, только что пришедшихъ въ армію. Вооруженные луками и стрѣлами, въ вислоухихъ шапкахъ, въ какихъ-то кафтанахъ въ родѣ халатовъ и на лошадяхъ неуклюжихъ, малорослыхъ и тупыхъ, они пущены были въ дѣло, но мало принесли пользы. Французы прозвали ихъ Сѣверными купидонами (les Amours du Nord)..................................

Вечеромъ много было разсказовъ о приключеніяхъ съ Башкирцами въ теченіе этого дня. Что касается до меня, я былъ очевидцемъ одного только случая, весьма забавнаго.

На перестрѣлкѣ взятъ былъ въ плѣнъ Французскій Подполковникъ, котораго имя я забылъ. Къ несчастію этого Подполковника, природа одарила его носомъ чрезвычайнаго размѣра, а случайности войны пронзили этотъ носъ стрѣлою *на сквозь*, — но *не на вылетъ*; стрѣла остановилась ровно на половинѣ длины своей. Подполковника сняли съ лошади и посадили на землю, что-

бы освободить его отъ этого безпокойнаго украшенія. Много любопытныхъ, между коими и нѣсколько Башкирцевъ, обступили страдальца. Но въ то время, какъ лекарь, взявъ пилку, готовился пилить на двое стрѣлу, возлѣ самаго пронзеннаго носа, такъ, чтобы вынуть ее справа и слѣва, что почти не причинило бы боли и еще менѣе ущерба этой громадной выпуклости, одинъ изъ Башкирцевъ узнаетъ оружіе, ему принадлежащее, и хватаетъ лекаря за обѣ руки. «Нѣтъ!» говоритъ онъ — «нѣтъ, бачька! не дамъ рѣзать стрѣлу мою; не «обижай, бачька! не обижай! Это моя стрѣла; я самъ ее выну.....» — «Что ты врешь» — говорили мы ему — ну, какъ ты вынешь ее.» — «Да, бачька! возьму за одинъ конецъ» — продолжалъ онъ — «и вырву вонъ; стрѣла цѣла будетъ.» — «А носъ?» спросили мы. — «А носъ?» отвѣчалъ онъ — «чортъ возьми носъ!».....

Можно вообразить хохотъ нашъ.

Между тѣмъ Подполковникъ, не понимая Русскаго языка, угадывалъ однакожъ о чемъ идетъ дѣло. Онъ умолялъ насъ отогнать прочь Башкирца, что мы и сдѣлали. Долгъ платежемъ красенъ; тутъ въ свою очередь Французскій носъ восторжествовалъ надъ Башкирскою стрѣлою.

5-го числа положеніе наше не улучшилось. То же невѣдѣніе о Лестокѣ и Неѣ, та же неотвязчивость авангарда въ преслѣдованіи, тѣ же усилія, то же самоотверженіе войскъ нашихъ при отраженіи натисковъ непріятеля! Разсуждая объ ожидающей насъ участи съ однимъ изъ ближайшихъ тогда пріятелей моихъ, Гвардіи Семеновскаго полка штабсъ-капитаномъ Барономъ Ди-

бичемъ (*), мы какъ-то нечаянно и въ одно время оглянулись вправо, и увидѣли около пятидесяти Прусскихъ гусаровъ, скакавшихъ къ правому флангу нашей позиціи. Я ѣзжалъ на конѣ не манежно, но бойко на казацкую руку и конь подо мной былъ залетный. Въ одно мгновеніе я уже съѣхался съ Пруссаками и немедленно прискакалъ съ ними къ Багратіону. Они объявили ему, что Лестокъ благополучно прошелъ черезъ Гроссъ-Баумвальдскій лѣсъ, что Французы далеко отъ него отстали, что они еще далѣе отстанутъ, по причинѣ плотины, разсѣкающей этотъ лѣсъ, болѣе чѣмъ на двѣ мили, плотины узкой и сверхъ того изломанной и изрытой въ разныхъ мѣстахъ войсками Лестока. Мы ожили! Но судьба не удовольствовалась однимъ подаркомъ. Въ ту же минуту пришло донесеніе не менѣе счастливое: партіи наши, посланныя къ сторонѣ Инстербурга для наблюденія Нея, прислали извѣстіе, что онъ, не обращаясь уже къ Тильзитскому пути, взялъ направленіе къ Гумбинену; слѣдственно, и съ этой стороны горизонта небо прояснилось. Дѣла наши приняли иной оборотъ. Спасеніе наше было уже несомнѣнно!

Наконецъ того же дня къ вечеру, Тильзитъ и Нѣманъ достигнуты арміею нашею. Всѣ войска, составлявшія ее, расположились боевымъ порядкомъ у Дранговской кирхи, для прикрытія начавшейся уже переправы тяжестей.

(*) Покойнымъ Генералъ-Фельдмаршаломъ Графомъ Дибичемъ-Забалканскимъ. Онъ тогда приписанъ былъ на весь походъ къ Генеральному Штабу Гвардейской Дивизіи, и по приказанію Оберъ-Квартирмейстера оной, полковника Довре, находился нѣсколько часовъ этого дня въ аррьергардѣ, для извѣщенія Довре о томъ, что у насъ происходитъ.

Эти важныя для насъ событія развязали руки Багратіону. Онъ избавился отъ обязанности удерживать въ самомъ дальномъ разстояніи отъ нашей арміи, вдесятеро противъ аррьергарда сильнѣйшія громады войскъ, предводимыхъ самимъ Наполеономъ. Ней и Мюратъ не угрожали уже тылу его, и дѣйствіе его могло ограничиваться одними легкими и обыкновенными отпорами непріятеля, напиравшаго на фронтъ его отъ Велау.

Въ такомъ положеніи были дѣла наши, когда я, 6-го по утру, посланъ былъ къ Беннингсену съ увѣдомленіемъ о прекращеніи опасности аррьергарду съ тыла, о сохраненіи войсками и устройства и бодрости духа, о соединеніи Мюрата съ главною арміею и направленіи корпуса Нея на Гумбиненъ.

Я не засталъ уже арміи нашей у Дранговской кирхи. Переправя тяжести свои черезъ Нѣманъ, она сама предприняла переправу, и главная квартира перешла въ Тильзитъ. Проѣхавъ за кирху, я повстрѣчалъ, скакавшаго отъ Беннингсена въ аррьергардъ, маіора Эрнеста Шёпинга, одного изъ остроумнѣйшихъ нашихъ товарищей и собесѣдниковъ. «Что новаго, Шёпингъ?» спросилъ я его.—«Новое то»—отвѣчалъ онъ мнѣ—«что я везу письмо отъ Беннингсена къ Багратіону. Беннингсенъ предписываетъ ему войти черезъ меня въ сношеніе съ Французами и предложить имъ перемиріе, пока приступимъ къ переговорамъ о мирѣ. Вотъ тебѣ все новое. Прощай!» Нѣтъ! не могу выразить, что произвело во мнѣ это извѣстіе! Я не скажу, чтобы въ отношеніи собственно къ себѣ, мнѣ противны были и перемиріе и самый миръ. Напротивъ, безпрерывныя отступленія, даже послѣ ус-

пѣховъ, безпрерывныя занятія новыхъ позицій, будто неприступныхъ, а между тѣмъ при появленіи непріятеля немедленно оставляемыхъ, и рѣшительное отсутствіе наступательнаго дѣйствія, приводили меня въ отчаяніе. Мнѣ такого рода война истинно надоѣла, даже опостылѣла, но тутъ дѣло шло не о моихъ вкусахъ, а о чести оружія еще неотмщеннаго за Фридландъ.....

Извѣстіе, привезенное мною о безопасномъ положеніи, въ которое вступилъ аррьергардъ, было, какъ казалось, пріятнымъ подаркомъ для Беннингсена; взоръ его прояснился. Послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ и отвѣтовъ моихъ аудіенція кончилась, и я возвратился къ своему мѣсту.

Между тѣмъ армія наша все 6-е и часть 7-го числа безпрерывно переходила на правый берегъ Нѣмана, подъ прикрытіемъ аррьергарда, который, не взирая на предложеніе Беннингсена, давно уже полученное Наполеономъ, тѣснимый авангардомъ его, продолжалъ сражаться. Наконецъ, всѣ войска безъ исключенія перешли черезъ Нѣманъ, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ казаковъ, ближайшихъ къ фланкерамъ непріятельскимъ и съ ними перестрѣливавшихся. Послано было приказаніе имъ примкнуть поспѣшнѣе къ войскамъ, перешедшимъ уже за рѣку. Въ самую эту минуту Французскіе конно-егери и драгуны показались въ городѣ и бросились за ними. Казаки скакали, не примѣчая, что передовой изъ преслѣдователей, съ саблею на голо, былъ самъ Мюратъ, но они успѣли уже коснуться до праваго берега Нѣмана, когда онъ только что вскакалъ на мостъ. Мостъ вспыхнулъ почти подъ мордой красиваго коня его и въ мигъ

обнялся пламенемъ. Опрометчивый паладинъ остановился, круто поворотилъ коня назадъ и шагомъ возвратился въ городъ. Нѣманъ раздѣлилъ сражавшихся. Во время перемирія въ Тильзитѣ Мюратъ хвасталъ этою погонею, и увѣрялъ, что онъ хотѣлъ особою своею перескакать черезъ мостъ и показаться на нашемъ берегу. «Жаль, что этого не было, Ваше Высочество» — отвѣчалъ ему кто-то изъ нашихъ — «мы имѣли бы лишняго плѣннаго.»

Армія наша расположилась такъ: главная квартира въ Амтъ-Бауленѣ.

Пѣхота и регулярная кавалерія между Погегеномъ и Вилькишкеномъ.

Гвардія въ Бенниккайтенѣ.

Прусскій корпусъ Лестока въ Амтъ-Винге.

14-я Русская пѣхотная дивизія противъ Рагнита (куда прибылъ корпусъ Нея), простираясь до Юрбурга.

Все казачье войско на заливныхъ лугахъ Нѣмана, противъ сожженнаго моста.

Авангардъ и квартира Багратіона помѣстились сначала въ деревнѣ Шаакенѣ, на дорогѣ, проходящей изъ Амтъ-Бауленa въ Вилькишкенъ, на берегу одного изъ заливовъ Нѣмана, но за нѣсколько дней до заключенія мира авангардъ былъ распущенъ, а квартира Багратіона переведена въ Погегенъ.

Тѣмъ кончилась война 1806 и 1807 годовъ.

Какой чудесный переворотъ, менѣе чѣмъ въ два года!

1805-го въ Августѣ мѣсяцѣ, Франція, сопредѣльная другимъ государствамъ, изъ которыхъ каждое обладало подобными и ни въ чемъ не уступавшими ей средствами

и могуществомъ, покоилась въ границахъ своихъ за Рейномъ.

1807-го въ началѣ Іюня, не существовало уже между Франціею и Россіею ни одного государства вполнѣ независимаго; всѣ они, болѣе или менѣе, покорялись одной волѣ, волѣ завоевателя, который съ высокихъ береговъ Нѣмана пожиралъ уже ненасытнымъ взоромъ землю Русскую, синѣющую на горизонтѣ.

II.

8-го числа по утру, я былъ въ главной квартирѣ, въ Амтъ-Бауленѣ. При мнѣ пріѣхалъ туда съ отвѣтомъ на предложенное Беннингсеномъ перемиріе, Адьютантъ Маршала Бертье, Луи Перигоръ (племянникъ Талейрана). Я зналъ его за три года прежде въ Петербургѣ, когда онъ числился при Французскомъ Посольствѣ. Но тамъ я видалъ его мальчишкою и во фракѣ, а тутъ увидѣлъ его возмужалымъ и въ гусарскомъ платьѣ. Онъ былъ не дуренъ собою, и казался еще красивѣе въ черномъ ментикѣ, который весь горѣлъ золотомъ, въ красныхъ шароварахъ и въ медвѣжьей шапкѣ, что Французы называютъ kolbac.

Перигоръ принятъ былъ весьма вѣжливо, не взирая, что онъ вошелъ въ горницу въ шапкѣ, и не снималъ ее

даже за обѣдомъ Беннингсена, подъ предлогомъ, что военный уставъ Французской арміи запрещаетъ снимать шапки и каски офицерамъ, когда на нихъ лядунки, означающія время службы.

Того же дня, въ 6 часу по полудни, отправился въ Тильзитъ генералъ-лейтенантъ Князь Лобановъ-Ростовскій, для переговоровъ о перемиріи, которое заключено было 9-го числа и ратификовано Наполеономъ 10-го. Важнѣйшія статьи условія состояли въ опредѣленіи демаркаціонной черты обѣихъ противныхъ армій по талвегу или срединѣ Нѣмана; въ начатіи военныхъ дѣйствій (въ случаѣ несогласія обѣихъ договаривавшихся сторонъ), не прежде истеченія одного мѣсяца, считая отъ дня объявленія, о прекращеніи перемирія съ Прусскою арміею особо отъ Россійской, и въ принятіи всѣхъ возможныхъ мѣръ къ поспѣшнѣйшему заключенію окончательнаго мира.

Послѣдняя статья была необходима для Наполеона. Не взирая на побѣду его подъ Фридландомъ и на угрозительное пребываніе его на Нѣманѣ, обстоятельства его были въ существѣ своемъ не такъ благопріятны, какъ казались. Впереди Россія, съ ея неисчислимыми средствами для себя, безъ средствъ для непріятеля, необъятная, бездонная. Позади Пруссія, безъ арміи, но съ народомъ оскорбленнымъ въ своей чести, ожесточеннымъ, доведеннымъ до отчаянія насиліями завоевателей, съ народомъ не подымающимъ оружія потому только, что не къ кому еще пристать и ожидающимъ съ минуты на минуту возстанія Австріи. Съ своей стороны Австрія, потрясенная Ульмомъ и Австерлицомъ, но обла-

дающая еще 340 тысячною арміею (*), готовою къ военнымъ дѣйствіямъ, и коей 80-тысячный авангардъ двинутъ уже былъ къ сѣвернымъ границамъ Богеміи, въ область, прилегавшую къ путямъ сообщенія Наполеона съ Франціею. Вотъ положеніе, которое безпокоило сего великаго полководца въ Тильзитѣ, и которое понуждало его къ требованію поспѣшнѣйшаго заключенія мира.

Императоръ Александръ находился тогда недалеко отъ главной квартиры своей арміи.

11-го, въ 3 часа по полудни, Наполеонъ послалъ Оберъ-Гофмаршала Двора своего, Дюрока, къ Его Величеству съ привѣтствіями и съ ратификованнымъ имъ актомъ перемирія. Государь весьма милостиво принялъ Дюрока и съ своей стороны ратификовалъ актъ, имъ привезенный. Кажется, тогда же назначено было то достопамятное свиданіе, которому мы были свидѣтелями.

13-го былъ этотъ торжественный и любопытный день. Такъ какъ демаркаціонная черта проходила по талвегу или срединѣ Нѣмана, то на самой этой срединѣ, возлѣ сожженнаго моста, построены были два павильона, въ родѣ строящихся на рѣкахъ купаленъ, четверо-угольныхъ и обтянутыхъ бѣлымъ полотномъ. Одинъ изъ нихъ былъ и обширнѣе и красивѣе другаго. Онъ опредѣленъ былъ для двухъ Императоровъ; меньшій для ихъ свитъ. Павильоны эти построены были, по приказанію Наполеона, командовавшимъ артиллеріею его арміи, генераломъ Ларибоассьеромъ. На одномъ

(*) Mémoires tirés des papiers d'un Homme d'Etat (Hardenberg). Tom. 9.

изъ фронтоновъ большаго, видно было, съ нашей стороны, огромное А; на другомъ фронтонѣ, со стороны Тильзита, такой же величины литера N., искусно написанныя зеленою краскою. Двѣ большія, но обыкновенныя барки съ гребцами приготовлены были на обоихъ берегахъ рѣки для поднятія обоихъ Монарховъ съ ихъ свитами и доставленія ихъ къ павильонамъ.

Правый берегъ Нѣмана, занятый тогда нами, луговой и пологой, слѣдственно, уступающій въ высотѣ лѣвому берегу, принадлежавшему тогда Французамъ. Это мѣстное обстоятельство было причиною, что все пространство земли, отъ самаго города до первыхъ возвышеній, на коихъ лежали селенія Амтъ-Баубленъ, Погегенъ и другія, все было для нихъ открыто и видимо, тогда какъ мы ничего другаго не могли видѣть, кромѣ Тильзита, торчащаго на хребтѣ высокаго берега, и потомъ сходящаго по скату его къ Нѣману. Однако намъ ясно представлялось все, что происходило въ этой части города. Мы видѣли толпы жителей; мы могли даже различать мундиры всякаго рода войскъ, тамъ роившихся, и любоваться стоявшею по обѣимъ сторонамъ главной улицы, отъ сгиба оной до берега Нѣмана, старой гвардіей, которой часть построена была нѣсколькими линіями, обращенными лицомъ въ нашу сторону. Все это войско ожидало появленія непобѣдимаго вождя своего, громоноснаго своего полу-бога, чтобы привѣтствовать его въ минуту быстраго его проскока къ пристани.

Съ нашей стороны никакихъ приготовленій не было сдѣлано, кромѣ барки съ гребцами, и въ видѣ коп-

воя, одного полуэскадрона кавалергардскаго полка и одного полуэскадрона, или полнаго эскадрона, Прусской конной гвардіи. Войска эти расположены были на берегу рѣки, правымъ флангомъ противъ сожженнаго моста, лѣвымъ, къ нѣкогда богатой крестьянской усадьбѣ, называемой Оберъ-Мамельшенъ-Кругъ, и находящейся почти у самаго берега, на поворотѣ дороги, проложенной мимо ея изъ Тильзита въ Амтъ-Бауленъ. Эта усадьба назначена была мѣстомъ кратковременнаго пріюта для Императора Александра, дабы прибыть ему къ баркѣ, и потомъ къ павильону, не ранѣе и не позже Наполеона. Долго искали красивѣе пристанища, но никакого уже строенія на берегу не существовало; всѣ разобраны были на бивачные костры, да и это строеніе представляло вмѣсто крыши одни стропилы, ибо вся солома, служившая крышею, снята была войсками для кормленія лошадей, нуждавшихся не только въ сѣнѣ, но и въ соломѣ.

По утру нѣкоторые изъ главныхъ генераловъ нашихъ съѣхались верхами въ Амтъ-Бауленъ, гдѣ находился уже Императоръ. Князь Багратіонъ туда же пріѣхалъ, и я, пользуясь званіемъ его адьютанта и жаждавшій быть свидѣтелемъ такого необыкновеннаго зрѣлища, слѣдовалъ за нимъ, одѣтый въ богатомъ лейбъ-гусарскомъ ментикѣ.

Всѣ были въ парадной формѣ, по возможности. Государь имѣлъ на себѣ Преображенскій мундиръ, покроя того времени. На каждой сторонѣ воротника онаго вышито было по двѣ маленькихъ золотыхъ петлицы такого же почти рисунка, какой теперь на воротникахъ Прео-

браженскаго мундира, но несравненно меньше. Эксельбантъ висѣлъ на правомъ плечѣ; эполетовъ тогда не носили. Панталоны были лосинныя бѣлыя, ботфорты короткіе. Прическа тѣмъ только отличалась отъ прически нынѣшняго времени, что покрыта была пудрою. Шляпа была высокая; по краямъ оной выказывался бѣлый плюмажъ, и черный султанъ вѣялъ на гребнѣ ея. Перчатки были бѣлыя лосинныя, шпага на бедрѣ; шарфъ вокругъ таліи и Андреевская лента чрезъ плечо. Такъ былъ одѣтъ Александръ.

Теперь одежда эта показалась бы нѣсколько странною, но тогда она всѣмъ нравилась, особенно на тридцати-лѣтнемъ мужчинѣ такой чудесной красоты, стройности и ловкости, какими одаренъ былъ покойный Императоръ.

Около 11-ти часовъ утра, Государь, Прусскій Король, Великій Князь Константинъ Павловичъ и нѣсколько генераловъ, назначенныхъ сопровождать Государя на баркѣ, сѣли въ коляски и отправились къ берегу Нѣмана, по Тильзитскому тракту. Прочіе генералы съ адьютантами своими скакали верхами по обѣимъ сторонамъ колясокъ; эта процессія, безъ сомнѣнія, видна была изъ Тильзита.

Такъ прибыли мы въ Оберъ-Мамельшенъ-Кругъ. Коляски остановились и всѣ вошли въ огромную сельскую горницу. Государь сѣлъ близъ окна, лицомъ ко входу. Онъ положилъ свою шляпу и перчатки на столъ, стоявшій возлѣ него. Вся горница наполнилась генералами, съ нимъ пріѣхавшими и у коляски его прискакавшими. Мы, адьютанты, вошли въ слѣдъ за нашими

генералами и помѣстились на днѣ картины, у самаго входа.

Не прошло получаса какъ кто-то вошелъ въ горницу и сказалъ: «Ѣдетъ, Ваше Величество.» Электрическая искра любопытства пробѣжала по всѣхъ насъ. Государь всталъ съ своего мѣста, взялъ шляпу и перчатки свои, и вышелъ съ спокойнымъ лицомъ и обыкновеннымъ шагомъ вонъ изъ горницы. Мы бросились изъ нея во всѣ отверзтія, прибѣжали на берегъ и увидѣли Наполеона, скачущаго во всю прыть между двухъ рядовъ старой гвардіи своей. Гулъ восторженныхъ привѣтствій и восклицаній гремѣлъ вокругъ него и оглушалъ насъ, стоявшихъ на противномъ берегу. Конвой и свита его состояли по крайней мѣрѣ изъ 400 всадниковъ.

Почти въ одно время оба Императора вступили каждый на свою барку. Государя сопровождали: Великій Князь Констaнтинъ Павловичъ, Беннигсенъ, Графъ (что нынѣ Князь) Ливенъ, Князь Лобановъ, Уваровъ и Будбергъ, Министръ Иностранныхъ дѣлъ. Съ Наполеономъ находились: Мюратъ, Бертье, Бессьеръ, Дюрокъ и Коленкуръ. Въ этотъ день Король Прусскій не ѣздилъ на свиданіе; онъ оставался на правомъ берегу рѣки, вмѣстѣ съ нами.

О какъ явственно — не взирая на мою молодость — какъ явственно поняла душа моя глубокое, но нѣмое горе этого истиннаго отца своего народа, этого добродѣтельнѣйшей жизни человѣка! Съ какими полными слезъ глазами, но и съ какимъ восторгомъ глядѣлъ я на Монарха, сохранившаго все наружное безмятежіе,

все достоинство высокаго сана своего, при погибели, казалось, неотразимой и окончательной!

Но вотъ обѣ Императорскія барки отчалили отъ береговъ и поплыли. Въ эту минуту огромность зрѣлища восторжествовала надъ всѣми чувствами. Всѣ глаза обратились и устремились на противный берегъ рѣки, къ баркѣ, несущей этого чудеснаго человѣка, этого невиданнаго и неслыханнаго полководца со временъ Александра Великаго и Юлія Цезаря, коихъ онъ такъ много превосходилъ разнообразностію дарованій и славою покоренія народовъ просвѣщенныхъ и образованныхъ.

Я глядѣлъ на него въ подзорную трубку, хотя разстояніе до противнаго берега было не велико, и хотя оно сверхъ того уменьшалось по мѣрѣ приближенія барки къ павильону.

Я видѣлъ его, стоявшаго впереди государственныхъ сановниковъ, составлявшихъ его свиту — особо и безмолвно. Время изгладило изъ памяти моей родъ мундира, въ которомъ онъ былъ одѣтъ, и въ запискахъ моихъ, писанныхъ тогда на-скоро, этого не находится; но сколько могу припомнить, кажется, что мундиръ былъ на немъ не конно-егерскій, обыкновенно имъ носимый, а старой гвардіи. Помню, что на немъ была лента Почетнаго Легіона, чрезъ плечо по мундиру, а на головѣ та маленькая шляпа, которой форма такъ извѣстна всему свѣту. Меня поразило сходство его стана со всѣми печатными изображеніями его, тогда вездѣ продаваемыми. Онъ даже стоялъ со сложенными на груди руками, какъ представляютъ его на картинкахъ. Къ сожалѣнію, отъ неимѣнія опоры, подзорная трубка колеба-

лась въ моихъ рукахъ, и я не могъ разсмотрѣть подробности чертъ его такъ явственно, какъ бы мнѣ того хотѣлось.

Обѣ барки причалили къ павильону почти одновременно, однако барка Наполеона немного прежде, такъ, что ему достало нѣсколько секундъ, чтобы соскочивъ съ нея, пройти скорыми шагами сквозь павильонъ и принять Императора нашего при самомъ сходѣ его съ барки; тогда они рядомъ вошли въ павильонъ. Сколько помнится, всѣ особы обѣихъ свитъ не входили въ малый павильонъ, а оставались на плоту большаго, знакомясь и разговаривая между собою. Спустя около часа времени, они позваны были въ большой павильонъ къ Императорамъ. Тамъ-то Наполеонъ, сказавъ каждому изъ нихъ по привѣтствію, болѣе чѣмъ съ другими говорилъ съ Беннингсеномъ. Между прочимъ, онъ сказалъ ему: «Вы были злы подъ Эйлау» (Vous étiez méchant à Eilau)! выражая симъ изрѣченіемъ упорство и ярость, съ какими дрались войска наши въ этомъ сраженіи, и заключилъ разговоръ съ нимъ этими словами: «Я всегда «любовался вашимъ дарованіемъ — еще болѣе вашею «осторожностію.» (J'ai toujours admiré votre talent, — votre prudence encore plus).

Такъ какъ Наполеонъ встрѣтилъ Императора Александра при выходѣ его изъ барки, то этикетъ требовалъ, чтобы Императоръ Александръ проводилъ Наполеона до той барки, на которой онъ пріѣхалъ, что и было сдѣлано, и тѣмъ заключилось первое свиданіе.

Французы ликовали.

Музыканты сочиняли и играли марши и танцы разнаго рода, въ честь достопамятнаго свиданія, въ честь дружбы великихъ Монарховъ, и проч.

Стихотворцы сочиняли романсы, стансы и пѣсни на тѣ же предметы.

У меня остался въ памяти отрывокъ одной изъ нихъ, Le radeau.

Sur un radeau
J'ai vu deux maitres de la terre,
Sur un radeau
J'ai vu la paix, j'ai vu la guee
Et le sort de l'Europe entiere
Sur un radeau.

Слѣдующихъ куплетовъ не припомню, но вотъ конецъ послѣдняго:

....
....
....
Je gâgerai que l'Angleterre
Craindroit moins une flotte entiere
Que ce radeau.

Что касается до насъ, одно любопытство видѣть Наполеона и быть очевидными свидѣтелями нѣкоторыхъ подробностей свиданія двухъ величайшихъ Монарховъ въ мірѣ, нѣсколько развлекало чувства наши, но тѣмъ и ограничивалось все наше развлеченіе. Общество Французовъ намъ ни къ чему не служило; ни одинъ изъ насъ не искалъ не только дружбы, даже знакомства ни съ однимъ изъ нихъ, не взирая на ихъ стараніе — въ слѣдствіе тайнаго приказа Наполеона, — привлекать насъ

всякаго рода привѣтливостями и вѣжливостью. За привѣтливости и вѣжливость, мы платили привѣтливостями и вѣжливостію — и все тутъ. XII-й годъ стоялъ уже посреди насъ Русскихъ, съ своимъ штыкомъ въ крови по дуло, съ своимъ ножемъ въ крови по-локоть.

Я не буду описывать свиданія, смѣнившаго на другой день первое свиданіе; это значило бы повторять мною сказанное. Разница между ними состояла въ томъ только, что въ послѣднемъ участвовалъ Король Прусскій; что нѣкоторые изъ особъ свиты Императора уступили мѣста свои на баркѣ другимъ особамъ, и что Государь и Прусскій Король приглашены были на жительство въ Тильзитъ.

Спѣша привести въ исполненіе послѣднее обстоятельство, Наполеонъ въ то же утро приказалъ вывести часть гвардіи своей изъ половины Тильзита и приготовить эту половину города нашей гвардіи. Тамъ же приказалъ онъ отвести два лучшіе дома для обоихъ Монарховъ.

Того же дня, въ 6 часовъ по полудни, Государь переѣхалъ въ Тильзитъ. Наполеонъ встрѣтилъ Его Величество у самаго берега, при выходѣ его изъ лодки. Вся Французская, пѣшая и конная гвардія стояла въ парадѣ по обѣимъ сторонамъ главной улицы, отъ пристани до Наполеоновой квартиры, куда Государь пріѣхалъ верхомъ, рядомъ съ Наполеономъ. Тамъ былъ обѣденный столъ, къ которому приглашены были только Великій Князь Константинъ Павловичъ и Мюратъ.

Вечеромъ вступила въ половину города, оставленную Французскою гвардіею, часть нашей гвардіи, назначен-

ная находиться при Высочайшей Особѣ. Она состояла изъ 1-го баталіона Преображенскаго полка, подъ командою того же полка полковника Графа Воронцова (нынѣ Генералъ-Губернаторъ Новороссійскихъ губерній); изъ одного полуэскадрона кавалергардскаго полка, подъ командою того же полка ротмистра Левашова (нынѣ генералъ отъ кавалеріи и графъ); изъ одного полуэскадрона, или взвода лейбъ-гусарскаго полка, подъ командою того же полка штабъ-ротмистра Рейтерна (умеръ генералъ-лейтенантомъ), и изъ нѣсколько лейбъ-казаковъ.

Домъ, который занималъ Государь, находился на большой улицѣ, и отстоялъ отъ дома, занятаго Наполеономъ, саженяхъ въ 80, или во стѣ. Онъ былъ двухъэтажный, хотя весьма не огромнаго объема; имѣлъ парадное крыльцо, впрочемъ довольно тѣсное, но украшенное четырьмя колоннами. Всходъ на это крыльцо былъ прямо съ улицы, по тремъ или четыремъ ступенямъ, между двухъ изъ среднихъ колоннъ его фасада. Крыльцо это примыкало къ довольно просторнымъ сѣнямъ, представляющимъ три выхода, одинъ въ правыя, другой въ лѣвыя комнаты нижняго этажа, и третій прямо, на довольно благовидную и опрятную лѣстницу, ведущую въ верхній этажъ, обитаемый самимъ Государемъ. Войдя въ этотъ этажъ, на право находилась общая комната; она была въ симметріи съ внутреннимъ покоемъ Государя и соединялась съ этимъ покоемъ проходною комнатою, изъ коей была дверь на балконъ, поддерживаемый колоннами параднаго крыльца.

Кромѣ упомянутой мною части гвардіи, находившей-

ся въ Тильзитѣ съ Воронцовымъ, Левашовымъ и Рейтерномъ, никому не было позволено, ни изъ нашихъ, ни изъ Прусскихъ войскъ, пріѣзжать въ Тильзитъ. Разумѣется, что изъ того числа исключены были адъютанты, по случаю необходимыхъ иногда сношеній арміи съ Императорскою главною квартирою; разумѣется, что я не преминулъ воспользоваться этой привиллегіею. Впрочемъ, любопытство видѣть Наполеона восторжествовало надъ всѣми надзорами. Множество нашихъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, для избѣжанія препятствій, одѣвались въ партикулярныя платья и проживали въ Тильзитѣ по нѣсколько сутокъ. Послѣ кампаніи столько тяжкой и продолжительной, Тильзитъ казался намъ земнымъ раемъ. Что же касается до высокихъ гостей этого города, я полагаю, что не взирая на взаимное ихъ согласіе, привѣтливости, угожденія, и, если смѣю прибавить къ сему священное слово—дружбу, по крайней мѣрѣ наружную,—я полагаю, что родъ жизни, которую вели они, не соотвѣтствовалъ нраву и привычкамъ ни того, ни другаго. Дни шли за днями почти однообразно. Въ полдень, или въ часъ по полудни, завтракъ, въ родѣ обѣда. Въ 6 часовъ, или Императоръ Александръ пріѣзжалъ къ Наполеону верхомъ съ малочисленными своими конвоемъ и свитою, или Наполеонъ пріѣзжалъ къ Александру, также верхомъ, съ огромною своею свитою и съ огромнымъ своимъ конвоемъ. Потомъ отправлялись они вмѣстѣ на маневры какихъ либо Французскихъ войскъ, или всей гвардіи вообще, или гвардіи же по частямъ, или корпуса Даву. Замѣтить надо, что не взирая на близкое

расположенiе корпуса Ланна отъ Тильзита, этотъ корпусъ ни разу не былъ представленъ Государю, потому, что состоялъ изъ однихъ обломковъ, оставшихся послѣ понесеннаго имъ урона подъ Гейльсбергомъ и Фридландомъ. По окончанiи маневровъ, Наполеонъ обыкновенно приглашалъ Государя къ себѣ, гдѣ въ 8 часовъ, они садились за трапезу. Почти ежедневно въ 10, или въ 11 часовъ вечера, Наполеонъ посѣщалъ Государя безъ этикета, по дружески, пѣшкомъ, одинъ, безъ свиты, безъ охранной стражи, въ той исторической шляпѣ, въ томъ историческомъ сѣромъ сертукѣ, отъ коихъ земля дрожала, и которые, казалось, курились еще дымомъ сраженiй на самыхъ дружескихъ бесѣдахъ. Тамъ онъ пилъ чай и оставался съ глазу на глазъ съ Государемъ до часа, а иногда до 2 часовъ за полночь.

Король Прусскiй переѣхалъ въ Тильзитъ 16-го, и съ того дня часто провождалъ время съ Александромъ и Наполеономъ, — кромѣ вечернихъ бесѣдъ. Королева прибыла 25-го, за два только дня до заключенiя мира.

Все, что происходило явно и торжественно, имѣло очевидными свидѣтелями не одного меня, и потому можно надѣяться, что кто нибудь и дополнитъ и исправитъ мною забытое, или ошибочно представленное. Достойно сожалѣнiя, что ни кому нельзя описать происшествiй гораздо важнѣйшихъ: разговоровъ обоихъ Императоровъ съ глазу на глазъ, при первой встрѣчѣ ихъ въ павильонѣ и на упомянутыхъ вечернихъ бесѣдахъ. Все это происходило безъ свидѣтелей, и, слѣдственно, осталось безъ историка. Вотъ невозвратная утрата!

Другiя происшествiя, гораздо менѣе любопытныя,

но много еще занимательныя, и потому драгоцѣнныя для исторіи, имѣя свидѣтелей, могли бъ быть описаны ими со всѣми подробностями: это сношенія обоихъ Монарховъ, не совсѣмъ тайныя, не совсѣмъ публичныя, разговоры, шутки, пролетныя мнѣнія, и иногда невольно вырывавшіяся предположенія ихъ, словомъ: разныя мысли, которыя они сообщали одинъ другому во время прогулокъ, на маневрахъ, за обѣдами, — вездѣ куда мы, молодые офицеры, не имѣли ни права, ни средствъ проникнуть. Къ сожалѣнію (по крайней мѣрѣ, относительно этого предмета), многихъ изъ этихъ свидѣтелей нѣтъ уже на свѣтѣ.....

Имѣя нѣкоторое право посѣщать Тильзитъ, я просилъ Князя Багратіона о дозволеніи мнѣ ѣздить туда какъ можно чаще. Князь, столько же взыскательный начальникъ во всемъ, что касалось до службы, сколько снисходительный и готовый на одолженіе подчиненныхъ своихъ во всякомъ другомъ случаѣ, согласился на мою просьбу безъ затрудненія, и почти ежедневно посылалъ меня съ разными препорученіями къ разнымъ особамъ, проживавшимъ тогда въ Тильзитѣ. Это обстоятельство представило мнѣ средство видать почти ежедневно Наполеона, и часто на разстояніи одного или двухъ шаговъ отъ себя, не далѣе.

Чтобы избѣжать повтореній, я опишу только первую мою встрѣчу съ нимъ; прочія, кромѣ кой-какихъ особенностей, недостойныхъ вниманія, во всемъ сходствовали съ этою первою встрѣчею.

Не помню котораго числа, знаю только, что скоро послѣ переѣзда Государева въ Тильзитъ, Князь Багра-

тіонъ послалъ меня съ запискою къ одному изъ чиновниковъ Императорской главной квартиры. Я нарядился въ парадный лейбъ-гусарскій мундиръ и переѣхалъ черезъ Нѣманъ на лодкѣ. Особа, къ которой я посланъ былъ, находилась въ общей комнатѣ дома, занимаемаго Государемъ. Я нашелъ въ этой комнатѣ Князя Куракина и Князя Лобанова, уполномоченныхъ тогда при переговорахъ о мирѣ, Прусскаго Фельдмаршала Калькрейта, нѣкогда покорителя Маинцской крѣпости, и свѣжаго еще и знаменитаго защитника Данцига, множество министровъ и другихъ государственныхъ сановниковъ. При мнѣ вошелъ Коленкуръ, съ какою-то особаго рода надмѣнною и наглою учтивостью. Онъ присланъ былъ Наполеономъ съ приглашеніемъ Государя на маневры въ 6 часовъ и къ его обѣденному столу послѣ маневровъ. Спѣсивая осанка временщика этого переступила мѣру терпимости. Послѣ, во время посольства своего въ Петербургѣ, онъ былъ еще напыщеннѣе и неприступнѣе; но — Боже мой! Надо было видѣть его семь лѣтъ послѣ, подъ Парижемъ, въ утро побѣднаго вступленія нашего въ эту столицу!

Исполня данное мнѣ препорученіе, я пошелъ къ однополчанамъ моимъ, конвойнымъ лейбъ-гусарамъ, гдѣ пробылъ до 6-го часа въ нетерпѣніи и въ надеждѣ разсмотрѣть Наполеона лучше, чѣмъ я видѣлъ его плывшаго на баркѣ.

Въ 6-мъ часу, я уже былъ на парадномъ крыльцѣ дома Государя.

Не прошло получаса, какъ услышалъ я топотъ многочисленной конницы и увидѣлъ толпу Его Величе-

ства. Это былъ Наполеонъ, окруженный своею свитою и конвоемъ.

Толпа, сопутствовавшая ему, состояла, по крайней мѣрѣ, изъ трехъ сотъ человѣкъ. Впереди скакали конные егеря; за ними всѣ, облитые золотомъ, въ звѣздахъ и крестахъ, маршалы и императорскіе адьютанты (то же что у насъ генералъ-адьютанты). За этою блестящею толпою скакала, не менѣе ее блестящая, толпа императорскихъ ординарцевъ (officiers d'ordonnance, родъ нашихъ флигель-адьютантовъ), перемѣшанныхъ со множествомъ придворныхъ чиновниковъ, маршальскихъ адьютантовъ и офицеровъ Генеральнаго Штаба, также чрезвычайно богато и разнообразно одѣтыхъ. Вся эта кавалькада замыкалась нѣсколькими десятками другой части, изъ скакавшихъ впереди конныхъ егерей. Въ самой срединѣ этой длинной колонны, между маршалами, скакалъ самъ Наполеонъ.

И вотъ онъ у крыльца. Одинъ изъ двухъ безсмѣнныхъ пажей его, Мареско, сынъ славнаго инженернаго Генерала, хорошенькій мальчикъ, лѣтъ семнадцати, одѣтый въ гусарскомъ коричневомъ долманѣ съ золотомъ, и въ треугольной шляпѣ съ-поля,—соскочилъ съ лошади своей, бросился передъ лошадь Наполеона и схватилъ ее обѣими руками подъ уздцы. Наполеонъ сошелъ, или лучше сказать, спрыгнулъ съ нея, и такъ быстро взбѣжалъ на крыльцо и прошелъ мимо меня къ лѣстницѣ, ведущей въ Государевы покои, что я едва могъ замѣтить его. За нимъ пошли маршалы и адьютанты его, но всѣ прочіе чиновники, свита и конвой его остались верхами на улицѣ. Мюратъ, шедшій въ

слѣдъ за Наполеономъ, встрѣтясь у крыльца съ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, занялся съ нимъ разговорами и не пошелъ далѣе. Я долго смотрѣлъ на этого Мюрата, на этого, безъ сомнѣнія, одного изъ блистательнѣйшей храбрости военачальниковъ Европейскихъ конницъ. Его красивость стана и лица, его карусельный родъ одежды, со всѣмъ тщаніемъ, со всѣмъ кокетствомъ модной красавицы носимый, бросались въ глаза. Извѣстно, что онъ наряжался богатѣе и великолѣпнѣе на тѣ сраженія, въ которыхъ онъ предвидѣлъ болѣе опасности. Но извѣстно также, что при этомъ рыцарскомъ духѣ, дарованія его ограничивались яростію въ сѣчахъ, картинною наружностію и однимъ навыкомъ механическаго построенія громадъ кавалеріи и дѣйствіемъ ими на пункты, указанные Наполеономъ.

Мареско вошелъ на крыльцо и остановился возлѣ меня, препоруча придворному, распудренному и покрытому галунами, конюшему держать Наполеонову лошадь у самыхъ ступеней крыльца. Я помню, что лошадь эта была рыжая, очень небольшаго роста, но чистѣйшей Арабской крови и съ длиннымъ хвостомъ. Сѣдло на ней было бархатное малиновое; чепракъ такой же, золотомъ шитый; сголовье изъ золотаго галуна; удила и стремяна изъ литаго золота.

Вдругъ зашумѣло на Государевой лѣстницѣ. Маршалы и адьютанты сходили съ нея не останавливаясь и быстро шли къ лошадямъ своимъ. Мареско предупредилъ ихъ. Онъ стремглавъ бросился съ крыльца къ Наполеоновой лошади, которую, принявъ отъ конюшаго,

взялъ подъ уздцы, какъ прежде. Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ республиканецъ, нѣсколько часовъ передъ тѣмъ гордый вельможа,–Коленкуръ, въ богатомъ оберъ-шталмейстерскомъ мундирѣ и съ двумя звѣздами на груди, держалъ одной рукою стремя для Наполеоновой ноги, другою хлыстъ для руки его, ожидая подхода барина своего къ лошади.

Наполеонъ вышелъ изъ сѣней на крыльцо, рядомъ съ Государемъ, и отъ тѣсноты крыльца остановился, такъ близко ко мнѣ, что я принужденъ былъ попятиться, чтобы какъ нибудь случайно не толкнуть его. Онъ разсказывалъ что-то Государю весело и съ жаромъ. Я ничего не слыхалъ. Я весь былъ зрѣніе. Я пожиралъ его глазами, стараясь впечатлѣть въ памяти моей всѣ черты, всѣ измѣненія физіогноміи, всѣ ухватки его. Къ счастію моему, онъ, какъ будто въ угожденіе мнѣ, заговорился болѣе, чѣмъ обыкновенно говаривалъ на ходу къ какому нибудь предмету, и отъ того пробылъ возлѣ меня, конечно, болѣе двухъ минутъ. Я былъ доволенъ, но не совсѣмъ. Мнѣ непремѣнно хотѣлось видѣть явственнѣе цвѣтъ глазъ и взглядъ его, и онъ въ эту минуту, какъ бы нарочно, обратилъ голову на мою сторону и прямо взглянулъ мнѣ въ глаза. Взглядъ его былъ таковъ, что во всякомъ другомъ случаѣ я, конечно, спустилъ бы вѣки, но тутъ любопытство мое все превозмогло. Взоръ мой столкнулся съ его взоромъ и остановился на немъ твердо и неколебимо. Тогда онъ снова обратился къ Государю, съ отвѣтомъ на какой-то вопросъ Его Величества, сошелъ съ ступеней крыльца, надѣлъ шляпу, сѣлъ на лошадь, толкнулъ ее шпорами

*

и поскакалъ, какъ пріѣхалъ, почти во всѣ поводья. Все это было сдѣлано одно за другимъ, безъ антрактовъ. Въ ту же секунду, всѣ впереди его, всѣ вокругъ него, всѣ позади его стоявшіе всадники, различныхъ чиновъ и званій, разомъ двинулись съ мѣста, также во всѣ поводья, и все великолѣпное зрѣлище, какъ блестящій и громозвучный метеоръ, мгновенно исчезло изъ вида.

Я уже сказалъ, сколько пораженъ я былъ сходствомъ стана Наполеона со всѣми печатными, и тогда вездѣ продаваемыми, изображеніями его. Не могу того же сказать о чертахъ его лица. Всѣ видѣнные мною до того времени портреты его не имѣли малѣйшаго съ нимъ сходства. Вѣря имъ, я полагалъ Наполеона съ довольно большимъ и горбатымъ носомъ, съ черными глазами и волосами, словомъ — истиннымъ типомъ Итальянской физіогноміи. Ничего этого не было.

Я увидѣлъ человѣка малаго роста, ровно двухъ аршинъ шести вершковъ, довольно тучнаго, хотя ему было тогда только 37 лѣтъ отъ роду, и хотя образъ жизни, который онъ велъ, не долженъ бы, казалось, допускать его до этой тучности. Я увидѣлъ человѣка, державшагося прямо, безъ малѣйшаго напряженія, что впрочемъ есть принадлежность всѣхъ почти людей малаго роста. Но вотъ что было его собственностію: это какая-то самовитость благородно-воинственная, и безъ сомнѣнія, происходившая отъ привычки господствовать надъ людьми и чувства моральнаго надъ ними превосходства. Не менѣе замѣчателенъ онъ былъ, какъ непринужденностію и свободою въ обращеніи, такъ и безыскуственною и

натуральною ловкостію въ самыхъ пылкихъ и быстрыхъ пріемахъ и ухваткахъ своихъ, на ходу и стоя на мѣстѣ. Я увидѣлъ человѣка лица чистаго, слегка смугловатаго, съ чертами весьма регулярными и красивыми. Носъ его былъ небольшой и прямой, на переносцѣ котораго едва примѣтна была весьма легкая горбинка. Волосы на головѣ его были не черные, но русые, брови же и рѣсницы ближе къ черному, чѣмъ къ цвѣту головныхъ волосовъ, и глаза голубые, что отъ его почти черныхъ рѣсницъ придавало взору его чрезвычайную пріятность. Наконецъ, сколько разъ не случалось мнѣ видать его, ни разу не примѣтилъ я тѣхъ нахмуренныхъ бровей, которыми одаряли его тогдашніе портретчики-памфлетисты.

Въ этотъ день, и впрочемъ во всѣ послѣдовавшіе дни, мундиръ на немъ былъ конно-егерскій, темнозеленый, съ красной выпушкою и съ отворотами на искось срѣзанными, такъ, чтобы видѣнъ былъ бѣлый казимировый камзолъ съ маленькими мундирными пуговицами. Эполеты на немъ были золотыя полковничьи, подобныя нынѣшнимъ нашимъ эполетамъ полныхъ генераловъ, безъ звѣздочекъ. На мундирѣ его были звѣзда и крестикъ Почетнаго Легіона. Нижнее платье бѣлое казимировое; ботфорты выше колѣна, изъ мягкой кожи, весьма глянцовитые и съ легкими золотыми шпорами. Шпага на бедрѣ; шляпа въ рукѣ, пока не подошелъ онъ къ лошади.

Изъ свиты его замѣтилъ я Маршала Ланна, человѣка сухощаваго и съ физіогноміею, поражавшею стойкостію, предпріимчивостію и рѣшимостію, и Маршала Даву,

дебелаго, довольно высокаго роста, лысаго, съ очками на носу, и по наружности своей мало достойнаго внимания, но уже знаменитаго воина по Ауэрштетской побѣдѣ, собственно ему принадлежащей. О Бертье и о прочихъ маршалахъ и генералахъ я умолчу: время изгладило образы ихъ изъ моей памяти.

Для дополненія описанія наружности Наполеона, я представлю здѣсь, мало кому извѣстное письмо остроумнаго Принца де-Линя, видѣвшаго его нѣсколькими только днями послѣ меня. Изъ этого письма перевожу на Русскій языкъ тѣ только мѣста, которыя относятся единственно до Наполеоновой особы.

«Наконецъ я видѣлъ этого дѣлателя и раздѣлывате-«ля Королей. — Узнавъ, что послѣ побѣдъ своихъ, сви-«даній и заключенія мира, онъ возвращается въ Парижъ «и будетъ проѣздомъ въ Дрезденѣ, я изъ Теплица прі-«ѣхалъ туда $^{17}/_{5}$ Іюля. Мы съ Герцогомъ Веймарскимъ «втерлись въ толпу народа, стоявшаго у дворцовой «лѣстницы.

«Императоръ съ Королемъ всходили на нее такъ «медленно, отъ многочисленности и неловкости Сак-«сонскихъ низкопоклонниковъ, что безъ труда могъ я «осмотрѣть перваго изъ нихъ съ ногъ до головы. Мнѣ «понравились положеніе головы его и осанка его, бла-«городно-воинственная. Это не осанка великихъ господъ «по дипломамъ, обыкновенно пышущая презрѣніемъ, «или наглостію, которыя принимаются за благородство. «Взглядъ его былъ твердъ, тихъ и величественъ. Каза-«лось, что онъ мыслилъ о многихъ важныхъ предме-«тахъ, что давало величавое спокойствіе физіогноміи его,

«и она была въ истинномъ и естественномъ положенiи «своемъ. Но физiогномiя эта не понравилась мнѣ на другой день, отъ принужденной улыбки ложнаго добродушiя, чувствительности и покровительства, улыбки, «которою онъ, во время посѣщенiя своего картинной «галлереи, угощалъ народную сволочь, и меня вмѣстѣ «съ нею.

....

....

«Я не отставалъ отъ него и всегда находился на «одной высотѣ съ нимъ, позади толпы, между которою «онъ шелъ. Я былъ похожъ на влюбленнаго человѣка, «который, чтобы не спустить съ глазъ милую свою, тан«цующую экоссезъ, слѣдуетъ за ней внизъ и вверхъ ря«довъ экоссеза. Такъ, я не терялъ ни единаго взгляда, «ни единаго звука голоса его. Звукъ этотъ показался «мнѣ не много простонароденъ. Онъ бросилъ нѣсколько «вопросовъ и замѣчанiй отрывисто, и, что меня удиви«ло — на манеръ Бурбоновъ, съ коими онъ также сход«ствуетъ и нѣкоторымъ качаньемъ съ боку на бокъ, на «ходу и стоя на мѣстѣ. Что производитъ это? Престолъ «Францiи или умышленность.

«Все замѣчательно въ человѣкѣ, который ни говоритъ, «ни дѣлаетъ ничего даромъ и безъ цѣли. Такъ, напри«мѣръ, я примѣтилъ, что онъ удостоивалъ легкимъ вни«манiемъ Магдалину Корреджiеву, картины Тицiановы, «трехъ Грацiй, прелестный эскизъ Рубенса, и проч и «останавливался передъ обыкновенными картинами, «представляющими сраженiя, или какiя нибудь важ«ныя историческiя событiя. Опять спрошу: какъ это

«случалось — само собою или съ намѣреніемъ? Нѣтъ «сомнѣнія, что это было дѣлано для зрителей.

....

....

....

«Наполеонъ купался, давалъ аудіенціи въ ваннѣ, «просыпался и вставалъ въ 5 часовъ, навѣщалъ въ го«спиталяхъ раненыхъ подъ Іеной, осматривалъ укрѣпле«нія города и кадетскій корпусъ, гдѣ экзаменовалъ ка«детовъ, держа каждаго экзаменуемаго за ухо.

«Странная эта привычка, или ухватка! Онъ тоже «дѣлалъ съ Княземъ Лихтенштейномъ, при мирныхъ пе«реговорахъ въ Брюнѣ. Случилось, что не соглашаясь «на нѣкоторыя статьи, на которыя прежде былъ согла«сенъ, онъ вздумалъ по прежнему взять за ухо упол«номоченнаго генерала. Лихтенштейнъ, отстранясь, ска«залъ ему: *Если герой нашего вѣка не то говоритъ во «вторникъ, что говорилъ онъ въ понедѣльникъ, — онъ «вѣроломствуетъ и мрачитъ свою славу; военному че«ловѣку не пристойно имѣть съ нимъ дѣло: я при«шлю къ нему министра*. Это побѣдило Наполеона.

....

....

....

«Вотъ другое обстоятельство, которое отвлекло меня «отъ представленія къ нему, и въ Вѣнѣ и въ Дрезденѣ: «онъ обошелся бы со мною, или очень ласково, или очень «грубо. Въ первомъ случаѣ я потерялъ бы уваженіе къ «самому себѣ и между своими; во второмъ, онъ смутилъ «бы меня упреками за мои шутки на его счетъ (ибо ему

«все извѣстно). Что бы отвѣчалъ я ему, если бы онъ «сказалъ мнѣ: «То вы, сударь, называете меня сатаною «первымъ, то землетрясеніемъ, то чортомъ-человѣ-«комъ, то Магометомъ-Калліостро?»

«Онъ, можетъ быть, не знаетъ всего удивленія, всего «восторга, питаемаго мною къ нему, — чудеснѣйшему «существу, которому подобнаго не бывало еще въ этомъ «мірѣ.»

Наконецъ, 27-го Іюня заключенъ былъ миръ. Войска наши выступили въ Россію. Князь Багратіонъ отправился въ Петербургъ и я туда же. Отдыхъ нашъ былъ не продолжителенъ: въ Январѣ мѣсяцѣ мы уже были съ войсками, воюющими въ Финляндіи. Это напоминаетъ мнѣ слова незабвеннаго моего друга, моего боеваго собрата Кульнева. «Матушка Россія — говаривалъ онъ тогда — тѣмъ хороша, что все таки въ какомъ нибудь углу ея, да дерутся.» Въ то время былъ еще другой уголъ, гдѣ дрались: это Турція, куда Князь, слѣдственно, и я за нимъ, явились по прекращеніи военныхъ дѣйствій въ Финляндіи.

Блаженная была эпоха для храбрости! Широкое было поприще для надеждъ честолюбія!

МУЛЛА-НУРЪ.

МУЛЛА-НУРЪ.

ЗАКЛЮЧЕНIЕ.

Оджахъ - данъ чихаръ дюшманъ (*)
Изъ роднаго племени возникаютъ враги.

Пословица.

Меркло. Тучи плескались, какъ волны по небу — грозили залить ледяной островъ Шахъ-дага. Только одно его темя блистало еще снѣгами, пылало огнемъ солнца, какъ душа поэта, какъ жерло волкана. Другiе хребты, слѣва, справа, отвсюду вздымались великанскими головами одинъ надъ другимъ, одинъ за другимъ, все выше, и синѣе и мрачнѣе, подобны чудовищнымъ валамъ, вздутымъ Божiимъ гнѣвомъ въ страшный день потопа. Подъ кипучею пѣною облаковъ, казалось, они идутъ, идутъ, грозные, крутятся, падаютъ горами, разступаются без-

(*) *Оджахъ*, нашъ очагъ, пепелище, каминъ (âtre); въ переносномъ смыслѣ: семья, родъ, племя. У насъ есть паракъ этой Татарской пословицѣ: не вспоя, не вскормя, ворога не сыщешь.

днами, прыщутъ и воютъ! Ливень бичуетъ, хлещетъ, гонитъ ихъ, догоняетъ насъ. Дорога шумитъ и несется водопадомъ.... проливается небо, земля тонетъ!... Это уже не обманъ зрѣнія! Скорѣе, скорѣй, Чапаръ-ханъ, скачемъ въ гору! – Еще мигъ и намъ не выбиться изъ этого незапнаго озера!

Слава Богу! долина за нами! Мы ѣдемъ уже по суходолу. Кони храпятъ и дымятся; дайте вздохнуть конямъ! Люблю встрѣтить бурю лицомъ къ лицу; любуюсь ея гнѣвомъ, какъ гнѣвомъ красавицы, и радостно крещусь, привѣтствуя первый громъ. Привольно, весело мнѣ, свѣжо на сердцѣ. Съ наслажденіемъ глотаю капли дождя — эти ягоды полей воздушныхъ. Полной грудью вдыхаю вихорь.... О, въ бурѣ есть что-то родственное человѣку! Дремлетъ чайка въ затишьѣ, но чуть взыграло море — она встрепенется, раскинетъ крылья на высь, съ радостнымъ крикомъ зрѣжетъ вѣтеръ, смѣло поцѣлуется съ бурунами. Таковъ и духъ мой. Съ самаго младенчества, я любилъ грозы. Громъ для меня всегда былъ милѣе пѣсни, молнія краше радуги. Бывало, когда всѣ бѣжали подъ кровлю, я подъ дождемъ бродилъ по цѣлымъ часамъ, прислушиваясь къ говору и реву тучь, или стоялъ, томясь желаніемъ уловить памятью дивный узоръ, которымъ перунъ вышивалъ черный плащъ бури.

Ахъ! посмотрите сюда — взгляните сюда, ради Бога: небо прорвалось на западѣ, и раздѣленные лучи его просыпались, какъ огненныя стрѣлы изъ колчана Архангеловъ. А тамъ, а кругомъ еще клубятся сизыя тучи, распадаются, разматываются прядями ливня, и вѣтеръ,

то волнуетъ, то разбрызгиваетъ ихъ своимъ крыломъ. Вдругъ все затихло — дождь пересталъ, вѣтеръ палъ ницъ, будто со страха — и не даромъ.... ужасный ударъ перуна разразился надъ головою, упавъ въ двадцати шагахъ впереди. Всѣ кони сѣли назадъ, какъ убитые въ лобъ; оглушенный, я схватился рукой за глаза: мнѣ показалось — они сожжены молніею!.. Открываю ихъ, озираюсь: всѣ цѣлы, только разбитый дубъ курится вблизи какимъ-то сѣрнымъ дымомъ, да земля дрожитъ еще — гулитъ еще робкимъ отвѣтомъ на грозный зовъ грома. Львиной страстью любитъ небо землю нашу: поцѣлуй его — всепронзающая молнія; его ласки развѣваютъ въ прахъ утесы, плавятъ металлы, какъ воскъ. Но развѣ не такова любовь всего великаго, всего сильнаго на землѣ? Земная скудель не выдерживаетъ небеснаго пламени; алмазъ таетъ въ лучахъ солнца, и все равно — вырывается ли она изъ сердца, или пріемлется другимъ сердцемъ — погибнутъ оба! Молнія разторгаетъ, и облако, въ которомъ родилась, и скалу, на которую пала. Пепелъ и развалины слѣдъ ея.

Но кто дерзкій осмѣлится сказать, что гроза безполезна? что природа разрушаетъ не для того, чтобы творить? Отвѣтствуй за нее разливъ Нила и пожаръ Москвы. Пусть даже на цѣлый вѣкъ осудитъ природа какой нибудь край на пустыню, или кого нибудь на гибель, въ страшный часъ своихъ переворотовъ... Это лишь жертва очистительная, это урокъ смертнымъ. Не безпокойтесь о погибшемъ! У насъ одна жизнь — у Бога двѣ для насъ. У насъ одинъ свѣтъ — у Бога вселенная, у Бога вѣчность въ запасѣ. Думаете ль вы, что напрасно для

міра, что случайно отрытъ былъ изъ подъ-лавы и столѣтній трупъ Геркуланума — этотъ городъ-мумія?

Порочны люди, окруженные всѣми угрозами законовъ и стихій; можно судить, что бы изъ нихъ было, если бы Океанъ не грозилъ залить ихъ, а землетрясеніе поглотить каждый мигъ, если бы они ходили не подъ топоромъ и не по могилѣ. Какъ ни привычны мы къ напоминаніямъ о смерти голосомъ природы, но я не вѣрю, чтобы самый закоренѣлый злодѣй не вздрогнулъ, когда труба Страшнаго Суда воетъ раскаленною лавою, или когда перстъ необычайной бури пишетъ молніей по ночи зловѣщій приговоръ Вальтазара.

Если бы грозы и не очищали воздуха, не приносили никакой вещественной пользы для земли, то уже одно нравственное впечатлѣніе на умы людей ставитъ ихъ въ число величайшихъ явленій природы. Сѣмяна Божьяго страха глубоко западаютъ въ сердца, размягченныя перуномъ, и если хоть одно раскаяніе зазеленѣетъ на нихъ добрымъ намѣреніемъ, заколосится добрымъ дѣломъ — человѣчество больше выиграло, чѣмъ напоеніемъ цѣлой нивы.

Стихаетъ.... Изрѣдка свѣтлыя капли дождя носятся, перепадаютъ по воздуху. Какъ изорванныя знамена послѣ боя, вѣютъ тучи. Громъ, будто рокотъ бѣгущихъ съ горъ колесницъ, гудя, исчезаетъ въ отдаленіи. — Ущелье вторитъ послѣднему храпѣнію умирающаго тамъ вѣтра. Вотъ и пелена новорожденнаго солнца—радуга; вотъ и само солнце — дитя бури; но гдѣ же буря? Не говорилъ ли я, что все прекрасное гибельно лону, въ которомъ оно зачато! — Посмотрите! Этотъ чинаръ рас-

кололь корнемъ гору, а она лелѣяла его, когда онъ былъ ничтожнымъ жолудемъ и нѣжнымъ стеблемъ. Рожденіе Цезаря стало смертнымъ приговоромъ его матери.

Чтобы дать жизнь, надобно отдать жизнь. Мысль убиваетъ блескомъ своимъ, чувство жаромъ, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ сильнѣе оба.

Но тотъ, кто оставилъ послѣ себя хоть одну свѣтлую новую мысль, хоть одинъ полезный для человѣчества подвигъ, не умеръ бездѣтенъ. Воспоминаніе тоже потомство.

«Куда ты ведешь меня?» закричалъ я проводнику, замѣтивъ, что онъ своротилъ вправо. «Въ гору,» отвѣчалъ тотъ, не вынимая изъ рта своей трубки. «Рѣка теперь отъ дождей непроѣздима. Лучше дать агача два крюку по хребту, чѣмъ сидѣть у берега и ждать покуда стечетъ вода». — Я не буду сидѣть и не буду ждать; поѣзжай на Тенгинское ущеліе... Ну!...

Татаринъ поглядѣлъ на меня съ головы до ногъ, пожалъ плечами, и проворчавъ *сеньмъ ахтіарыкъ* (твоя воля), поѣхалъ влѣво.

Скоро, сквозь обнаженный еще лѣсъ, приблизились мы къ берегу, издали встрѣченные шумомъ спертыхъ каменными воротами водъ. Потомъ влажный холодъ повѣялъ въ лицо съ отвѣсныхъ скалъ противолежащаго берега; наконецъ я въѣхалъ въ тѣнь самаго ущелія.

Гляжу вверхъ — и роняю шапку, прежде чѣмъ глазъ мой досягаетъ до гребня стѣнъ, построенныхъ приро-

дою; гляжу подъ ноги — и сердце замираетъ, прежде чѣмъ ступить въ разъяренный потокъ. Страшно тяготѣютъ надо мной эти громады; мнится, хотятъ упасть, ужь зыблются; ужь страшно кипитъ, и плещетъ и воетъ Теньга, огрызаясь волнами на плиты, замедляющія бѣгъ ея. Сыро, душно, темно въ тѣснинѣ—она глядитъ полуразверстою могилою; но есть и у могилы, какъ у всякой бездны, свое обаяніе.... что-то невольное манитъ, тянетъ туда броситься.... Я брошусь туда!..«Чапаръ! ступай впереди! показывай бродъ! День вечерѣетъ, а мнѣ пора!»

— «Нѣтъ, Ага,» хладнокровно отвѣчалъ проводникъ, «нашъ староста при тебѣ мнѣ наказывалъ не ѣздить по рѣкѣ — я не смѣю ослушаться! Ты утонешь, тебѣ ничего, а съ меня вѣдь спросятъ отвѣта, за чѣмъ я ввелъ тебя въ бѣду. Да, правду сказать въ такую полноводь я и самъ къ молодой женѣ ѣхать бы не рѣшился.»

Я показалъ ему червонецъ.

«Дай хоть пулю, не только монету — и тогда не поѣду. Мнѣ своя голова еще не надоѣла. Посмотри на скалы: черной полосы нигдѣ не видать; значитъ — вода все идетъ на прибыль.»

«Послушай, пріятель,» сказалъ я ему, «если ты не поѣдешь впереди, то посмотрѣлъ бы я, какъ ты не поѣдешь за мною.»

И съ этимъ словомъ поскакалъ я къ берегу, но подъѣхать къ нему было гораздо легче, нежели съ него съѣхать. Проклятое четвероногое, на которомъ сидѣлъ я, видно тоже помнило наказъ Рустамскаго (*) старосты,

(*) Деревня Русты лежитъ верстъ 18 отъ Кубы, на долинѣ между хребтомъ и ею. Тамъ я перемѣнилъ лошадей.

и никакъ не хотѣло купаться въ мутныхъ волнахъ Теньги. Однакожъ нѣсколько ударовъ нагайки придали ему достаточное количество бодрости, чтобы спрыгнуть въ воду, но никакъ не болѣе. Упершись по груди въ водѣ, оно съ стоическимъ хладнокровіемъ выносило градъ ударовъ острыми Турецкими стремянами въ бока, да семихвостой Персидской плетью по крестцу, не включая въ то число браней на всѣхъ Готическихъ и Семитическихъ языкахъ. Эта борьба не могла длиться; я принужденъ былъ поднять коня на дыбы, и въ этотъ мигъ ринуть его впередъ силою всѣхъ подстрѣканій; онъ пошелъ не хотя, но пошелъ. За мной, съ кислыми, длинными лицами готовились съѣзжать гуськомъ, одинъ за однимъ, двое Руских и Татаринъ проводникъ, споря кому послѣднему.

Не успѣлъ я проѣхать пяти шаговъ противъ теченія, вдругъ какой-то всадникъ, вооруженный съ головы до ногъ, схватилъ за усдцы моего коня. До сихъ поръ не могу объяснить себѣ: откуда онъ взялся и отъ чего я такъ внезапно его увидѣлъ? Вывернулся ли онъ изъ-за утеса, обогналъ ли онъ меня, или встрѣтилъ? Ничего не знаю. Знаю только, что когда я поднялъ на него изумленные взоры, онъ стоялъ передо мной смѣло, на сильномъ конѣ. Эриванскій папахъ, закинутый назадъ, вполнѣ открывалъ его загорѣлое, но пріятное лицо, опушенное короткою, черною бородою. Онъ былъ средняго роста, широкоплечъ, строенъ. Изъ подъ чухи съ откидными рукавами сверкала кольчуга съ бляхами, насѣченными золотомъ. Кромѣ ружья, за спиной его, на крюкѣ, прицѣпленъ былъ коротенькій мушкетонъ, какіе носятъ одни только Турки. Въ петлѣ пояса надъ кинжаломъ

выглядывалъ пистолетъ; два подобныхъ висѣли въ сквозныхъ кубурахъ сѣдла.

«*Ахылсизъ-ми-сенъ?*» — сказалъ онъ мнѣ, не отнимая съ поводовъ руки, одѣтой стальнымъ налокотникомъ и кольчатою наручью. — «Развѣ ты безуменъ?»

Желѣзное кольцо правой руки моей невольно упало на курокъ пистолета (*). Я всталъ на стременахъ, чтобы измѣрить дерзкаго; гнѣвъ отнялъ у меня слова. Я нескоро нахожусь въ нежданныхъ порывахъ гнѣва.

Впрочемъ, этотъ всадникъ очень мало заботился о моемъ пистолетѣ и негодованіи. Онъ преспокойно оборотилъ моего коня, и можно сказать, вытащилъ меня на берегъ. Потомъ слѣзъ съ сѣдла, отдалъ подержать своего жеребца проводнику, и подошедши ко мнѣ, учтиво молвилъ:

«Не сердитесь, Ага, на мой поступокъ. Это было не только для пользы — для спасенія вашего (**). Рѣка бушуетъ необычайно отъ снѣговыхъ и дождевыхъ потоковъ — дотого, что проѣздъ по ней въ этотъ часъ, просто, невозможенъ. Я жилецъ этихъ скалъ; конь мой знаетъ это ущеліе, лучше нежели свою торбу. Но я развѣ отъ смерти рѣшился бы отважиться на немъ проѣхать по Тенгѣ за хребетъ. Переждите часъ, много два; я самъ провожу васъ; пусть только на пядь стечетъ вода.»

---

*) По Дагестанской привычкѣ, я ношу на большомъ пальцѣ желѣзное кольцо, *для* удобнѣйшаго взвода тугихъ курковъ Азіятскаго оружія.

(**) Хотя мѣстоименіе *ты* не считается у Татаръ неучтивостію, но люди образованные предпочитаютъ въ разговорахъ, съ равными и высшими, мѣстоименіе *вы* — *сизъ*.

Спутники мои, хваля добраго человѣка, уже треножили коней. Мнѣ самому смѣшно стало сидѣть надувшись верхомъ и держаться за курокъ, когда никто не грозитъ нападеніемъ, или обидою. Я спрыгнулъ на землю, сбросилъ съ плеча бурку, и пригласивъ знакомъ руки незнакомца сѣсть рядомъ, сказалъ, складывая подъ себя ноги......

«Дѣлать нечего. Волею и неволею остаюсь здѣсь. Я никакъ не думалъ, что Тенга ѣстъ гостей своихъ, и что у ней есть пріятели, которые встрѣчаютъ этихъ гостей не очень ласково.»

Незнакомецъ мрачно улыбнулся.

«Я горецъ, Ага,» возразилъ онъ, «я всегда считалъ лучшимъ вытащить изъ воды человѣка, хоть за бороду, чѣмъ утопить его за ноги. Персіяне золотятъ для женъ своихъ миндаль, за то золотятъ на нихъ и кинжалы. Горецъ подаетъ не крашеную (*), но вѣрную руку на пріязнь, и не кланяется врагу, подбираясь ловчѣй поразить его въ сердце. Впрочемъ, если я непривѣтливо помѣшалъ вамъ утонуть – *таксырумданъ кечь* (извините меня)! Я мало жилъ съ Рускими, и давно забылъ то, что зналъ.»

Горячая мысль промелькнула у меня въ головѣ: эта встрѣча, эти пріемы, эти рѣчи?... «Твое имя?» спросилъ я быстро и неожиданно.

Незнакомецъ въ это время высѣкалъ огонь на трубку. «Мое имя?» отвѣчалъ окъ......» Я еще не сдѣлалъ

(*) Прошу вспомнить моихъ почтенныхъ читателей, что на всемъ Востокѣ мода красить концы пальцовъ хиною, или, какъ тамъ зовутъ, тагарахною.

его (*). Я хотѣлъ бы, чтобы мое имя могло смущать и страшить цѣлыя дружины, какъ пушка тревоги; чтобы каждый злодѣй блѣднѣлъ, слыша его, какъ внимая шелесту крылъ Ангела смерти! — Не воли, а силы не достало такому желанію, и меня теперь, вмѣсто: блистательный, щедрый, правдивый, побѣдитель Мулла-Нуръ, зовутъ, очень просто, разбойникомъ Мулла-Нуромъ!»

— Ты Мулла-Нуръ? — вскричалъ я, вскочивъ съ бурки и хватаясь за шашку. Въ моей головѣ закрестили разныя мысли..... схватить, убить его..... Онъ былъ одинъ, а насъ четверо. Съ другой стороны, думалъ я, кто далъ мнѣ право убивать беззащитнаго? А взять его открытою силою живьемъ — нечего было и думать. Притомъ, за что бы сталъ я преслѣдовать человѣка, который оказалъ мнѣ услугу?......

Мулла-Нуръ, хладнокровно, однакожъ пристально глядѣлъ на меня, и какъ будто угадавъ мое колебаніе, положилъ трубку на землю и дважды хлопнулъ въ ладоши! Слѣдуя взоромъ за его взорами, я взглянулъ вверхъ: болѣе десяти ружей, изъ-за камней на утесахъ, изъ-за пней деревьевъ наведены были прямо мнѣ въ голову..... Спутники мои уже спали, закрывшись бурками.....я вздрогнулъ.—«Это,» сказалъ онъ улыбаясь, «для того, чтобы доказать тебѣ, что мнѣ нечего бояться. Онъ хлопнулъ..... стволы исчезли—«а это—чтобы показать тебѣ, что при мнѣ ты безопасенъ. Людская честность не совсѣмъ еще для меня изверилась, однакожъ я нахо-

*) Надобно пояснить, что *имя* и *слава* однозначащи на Татарскомъ языкѣ, и оба выражаются однимъ словомъ — *адъ*.

жу: кольчуга самая прочная рубашка, а пистолетъ самое мягкое изголовье, и всегда держусь правила: вѣрь не многимъ, а берегись всѣхъ! Если я когда нибудь погибну измѣною, то, конечно, не въ западнѣ довѣрчивости. Это не касается до тебя.... я не зналъ тебя въ лицо, не помню твоего имени, но я знаю твою душу, и помню все, что про тебя мнѣ разсказывали. Вчерась я былъ въ Кубѣ и свѣдалъ: ты скоро долженъ отправиться въ Шамаху; стало быть я ждалъ тебя; ты гость мой, и дорогой, хотя невольный гость.»

Онъ хлопнулъ три раза, и черезъ двѣ минуты сталъ передъ нами, сбѣжавъ съ утеса, молодой Татаринъ, щегольски одѣтый. Шубка его была подбита хорьковымъ мѣхомъ, чуха обложена широкими галунами, и пряжки на перевязяхъ патроницы и рога, надѣтыхъ накрестъ, сверкали золотою насѣчкою. Мулла-Нуръ ласково глядѣлъ на него, когда онъ, разостлавъ маленькую скатерть, положилъ на нее чурекъ, сыръ и нѣсколько яблоковъ. – «Буюръ, ага (*)!» сказалъ онъ мнѣ, предлагая вечерю. «Не чуждайся ни чьего хлѣба — это даръ Аллаха, а не человѣка, и переломивъ его со мной, ты не обяжешся мнѣ пріязнью. Этимъ же самымъ кинжаломъ, которымъ отрѣжешь ты кусокъ, можешь пробить мое сердце, когда служба твоя того потребуетъ, и я не обвиню тебя. Аллахъ, Аллахъ! — Люди сосутъ одну грудь, и потомъ отравляютъ другъ друга, а я стану ждать дружбы отъ пришлеца, за то только, что онъ вкусилъ отъ одного со мной хлѣба!...»

(*) Буюръ значитъ: «прикажите, благозолите, не угодно ли,» а иногда, такъ-же какъ слово *бали* (такъ), значитъ: что угодно? чего изволите?

— *Яхши олсунъ!*» примолвилъ я, ломая чурекъ. (Да будетъ во благо).

Съ каждымъ мгновеніемъ любопытство мое, узнать этого человѣка покороче, выростало. Изучить дикій умъ, сбросившій съ себя всѣ условные путы общества, вглядѣться въ игру страстей, отданныхъ собственной волѣ— да, это находка, которая не всякому дается, или, по крайней мѣрѣ, не всякимъ ловится!

«Знаешь ли, Мулла-Нуръ,» сказалъ я ему, «что я очень хотѣлъ, даже искалъ тебя увидѣть, и очень радъ, что неожиданный случай свелъ насъ?»

— Только увидѣть, только поглядѣть на меня, какъ на ручнаго тигра, желалъ ты, наравнѣ со многими своими земляками? — Да, вотъ судьба моя: одни бѣгутъ меня изъ страха; другіе слѣдятъ изъ любопытства! Никто не придетъ пожалѣть, утѣшить меня. Впрочемъ, сожалѣніе и утѣшеніе сносны только изъ устъ друга. Не прошу ихъ, не хочу ихъ! Извини меня.... Въ одиночествѣ, Богъ знаетъ откуда, берутся чудныя прихоти, странныя мысли; онѣ сыплются невольно на голову перваго встрѣчнаго, какъ осенніе листья съ дерева.

Видно было, что Мулла-Нуръ тронутъ..... Онъ поникъ головою.... потомъ весело взглянулъ и примолвилъ, желая перемѣнить разговоръ. «Ты глядишь наѣздникомъ..... у тебя вѣрно хорошее оружіе?» И въ разсѣянности протянулъ онъ руку къ моему пистолету, заткнутому за поясомъ.

Ружья у обоихъ насъ были уже сняты и дружно висѣли на одномъ сучкѣ; этого требовалъ Азіятскій этикетъ. Слѣдственно очевидно было, что отдавая свой писто-

лѣтъ Мулла-Нуру, я безусловно предавался его власти. Кромѣ очень двусмысленной славы, ничто не ручалось мнѣ за честь разбойника, а богатая оправа, подъ золотомъ и чернетью, дорогаго Венеціянскаго ствола, еще болѣе умножала искушеніе. Я очень хорошо зналъ, что самый безкорыстный Азіятецъ растаетъ при видѣ отличнаго оружія, неподкупный прежде ни чѣмъ, зналъ, что за оружіе на Кавказѣ не рѣдко льются рѣки крови, продаются деревни и цѣлыя стада, но показать недовѣрчивость значило бы признаться въ робости...... Всѣ эти мысли вмѣстились въ одинъ мигъ; я вынулъ пистолетъ изъ чехла и подалъ Мулла-Нуру.

Я увѣренъ, что онъ безъ всякой думы попросилъ посмотрѣть мое оружіе, но потомъ взвѣсилъ важность своей выходки, и уже съ намѣреніемъ длилъ опытъ. Нѣсколько разъ взводилъ и опускалъ онъ курокъ, уставя на меня дуло, а между тѣмъ взглядывалъ на меня изъ подлобья. Но будь онъ въ десять разъ проницательнѣе, онъ и тогда не увидалъ бы на лицѣ моемъ тѣни того, что происходило внутри; я спокойно курилъ трубку. Никто въ свѣтѣ не цѣнитъ лучше Азіятцевъ полнаго довѣрія и отваги. Я замѣтилъ уже, что Мулла-Нуръ былъ самъ не свой отъ удовольствія. Когда онъ отдалъ мнѣ пистолетъ, глаза его сверкали.

«Чудная вещь!»сказалъ онъ, «желѣзо и оправа стóятъ другъ друга, а въ твоей рукѣ стóятъ вѣрно двухъ!»

—Ты еще не замѣтилъ въ немъ лучшаго-молвилъ я-этой полки съ пружиною, новой Кубачинской выдумки; пожми огниво — изъ него отпадаетъ на полку золоченая покрышка, чтобы порохъ не развѣялся и не отсы-

рѣлъ, а при выстрѣлѣ она сама входитъ въ прежнее мѣсто. — Я показалъ ему секретъ этой выдумки, и онъ очень занимался ею, вскрывалъ, закрывалъ — Азіятецъ ребенокъ когда дадутъ ему въ руки оружіе. Онъ дивился также пистонному ружью моему; выстрѣлъ безъ кремня былъ для него непонятнымъ чудомъ. Впрочемъ, ему гораздо болѣе понравилось мое Азіятское, съ золочеными кольцами, ружье.

«Вотъ это иное дѣло,» говорилъ онъ, «легко, ловко на конѣ — не то что твое Фиренкское, съ лопатой вмѣсто приклада.»

Спустивъ на ноготь лезвіе моего кинжала, и щелкнувъ въ него раза два надъ ухомъ, съ видомъ знатока, онъ съ нѣжностію вертѣлъ его въ рукахъ.

«Настоящій Базалай, отецъ Базалай!» сказалъ онъ. «Знаешь ли, какую штуку выкинулъ онъ въ Дербентѣ съ поддѣльными подъ его имя клинками? Разъ толкается онъ на базарѣ, а носячій кричитъ: «Кинжалы, Базалаевскіе кинжалы!» Покупщики кинулись къ нему на пробой — подходитъ и самъ мастеръ, а его никто не зналъ въ лицо. Досада взяла его, что всякій кузнецъ подрываетъ его славу; онъ вынулъ свой кинжалъ, пересѣкъ болѣе дюжины самозванцевъ-клинковъ, легче свѣчекъ, и бросилъ ихъ пристыженному обманщику въ лицо. Конечно, у него былъ завѣтный клинокъ, однако и твой хорошъ — онъ мнѣ очень, очень нравится!»

Не надобно долго жить съ Азіятцами, чтобы понять этотъ намѣкъ. Я отстегнулъ съ пояса ножны, и приложивъ правую руку къ сердцу, поднесъ лѣвою кинжалъ

Мулла-Нуру. *Пешкешъ сана*, сказалъ я (Прошу принять). Онъ разсыпался въ благодареніяхъ.

«Это будетъ мнѣ всегдашній памятникъ по тебѣ; въ замѣну, ты позволишь, ага, предложить тебѣ мой. Онъ, правда, не такъ красивъ; на немъ не написаны золотомъ молитвы; за то ни какая молитва не спасетъ, ни какая кольчуга не удержитъ отъ его удара!»

И Мулла-Нуръ положилъ серебряный рубль на пень, взмахнулъ кинжаломъ — и двѣ половинки упали на земь.

Я конечно не потерялъ въ промѣнѣ. Кромѣ внутренняго достоинства, странность его полученія отъ знаменитаго разбойника, навѣрно, чего нибудь, да стоитъ. Я буду хранить его всегда.

«А вотъ,» сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, снимая съ сучка свою винтовку—«вотъ причина всѣхъ моихъ бѣдъ, всѣхъ грѣховъ моихъ!..... Она мнѣ досталась отъ отца, какъ семейная святыня, и я сберегъ ее, какъ святыню!»

Онъ одушевлялся глядя на свое сокровище, бросая его на прикладъ, лаская рукой блестящій серебро-струйный стволъ. На другой сторонѣ рѣки, на высокомъ бѣломъ камнѣ, бѣгала маленькая сѣренькая птичка; Мулла-Нуръ приложился по ней — выстрѣлилъ, и птичка безъ головы упала на мѣстѣ. Съ самодовольнымъ видомъ взглянулъ онъ на меня; потомъ, заряжая снова, примолвилъ медленно:

«Да, это ружье дороже крови, за него пролитой! Многимъ оно стоило жизни; мнѣ болѣе чѣмъ жизни — счастья — болѣе нежели счастья — родины!»

Я съ участіемъ глядѣлъ на Мулла-Нура. Тяжкая тоска отзывалась въ послѣднихъ словахъ его, тоска, глухо ревущая изъ сердца, какъ левъ, замкнутый въ пещерѣ обрушенною скалою. Бурныя чувства вздымали грудь его, зажигали взоръ, струились по лицу.

— Это тайна?» спросилъ я Мулла-Нура.

«Что на свѣтѣ есть тайнаго, кромѣ нашего сердца. Разсвѣтаетъ ночь, крывшая злодѣйство; дремучій лѣсъ находитъ голосъ на обвиненіе; разступается хлябь моря и выдаетъ утопленное хищниками добро. Могилы, самыя могилы не скрываютъ во мракѣ своемъ преступленій, и съ червями зараждаются въ нихъ мстители. Я видѣлъ: Рускіе узнавали по внутренностямъ жертвъ прошлое, какъ идолопоклонники предки наши угадывали по нимъ будущее. А когда можно заставить говорить мертвецовъ, кто заставитъ молчать живыхъ?..... Тайное скоро становится явнымъ, и базарная молва нерѣдко трубитъ о томъ, что было шепотомъ сказано между двоими. Нѣтъ! моя жизнь не тайна — мои похожденія можетъ разсказать тебѣ послѣдній мальчикъ въ Кубѣ — «Онъ убилъ своего дядю и бѣжалъ въ горы!» вотъ вся повѣсть обо мнѣ, и она не ложь, но полна ли она? но справедливо ли осудитъ меня по этимъ словамъ всякій, кто ихъ услышитъ? — На это могу отвѣчать только я. Пусть отрубятъ мнѣ голову — что жъ найдетъ въ этой головѣ судья для объясненія моего преступленія? Пусть вырѣжутъ сердце — какъ отгадаетъ въ немъ врачъ пружины, которыя двинули на убійство?... А въ этомъ вся важность для меня! Только это зову я на судъ совѣсти — все остальное дѣло случая — все остальное, пусть какъ хо-

тятъ судятъ въ людскомъ диванѣ! Тяжело мнѣ думать объ этомъ, еще тяжелѣе разсказывать — и между тѣмъ оно меня душитъ!..... Мучительно вырывать зубчатую стрѣлу изъ раны, но и оставлять въ ней нестерпимо....»

Мулла-Нуръ опустилъ голову на грудь и трудно дышалъ..... Съ безмолвнымъ участіемъ глядѣлъ я на него, не желая неумѣстными вопросами пѣнить желчи, и безъ того кипучей.

И вотъ онъ будто пробудился изъ глубокаго сна, повелъ взорами окрестъ, покачалъ головою, и потомъ, устремивъ свои черныя, выразительныя очи на меня, молвилъ:

«Я положу свое сердце на ладонь твою — я разскажу тебѣ все.»

И онъ разсказалъ главные случаи своей жизни. Но только сначала обращался онъ ко мнѣ; потомъ, разгараясь на бѣгу, подобно колесницѣ, разсказъ его превратился въ какую-то жалобу, въ какую-то прерывчатую исповѣдь, въ чудный разговоръ съ самимъ собою!..... Казалось, онъ вовсе забылъ, что тутъ есть слушатель. Была ли то необходимость облегчить сердце, сбросивъ съ него накипь страстей, была ли то жажда оправданія, безотчетная, но святая дань мнѣнію, равно общая и невинно-страждущимъ и отъявленнымъ злодѣямъ? Не знаю. Не смѣю увѣрять, что я записалъ разсказъ Мулла-Нура вполнѣ, еще менѣе во всей силѣ..... Я многаго могъ не понять, многое забыть. Притомъ, какъ передамъ я обаяніе истины чувствъ, невыраженныхъ, а вырвавшихся изъ возмущенной души? Чѣмъ замѣню ужасно-живописную природу, передъ лицомъ которой была встрѣча эта? Холоднымъ ли черниламъ блеснуть горючею слезою?

Враны ли буквы, на бѣломъ полѣ безжизненной, снѣжной бумаги, нарисуютъ въ воображенiи эти громады горъ, проливающихъ на насъ влажныя, гробовыя тѣни свои, и Теньгу, вырывающуюся изъ удушающихъ объятiй великановъ-утесовъ? Рѣка стекала. Грозно перекликались надъ головою орлы. Мулла-Нуръ съ жаромъ разсказывалъ мнѣ свою повѣсть, и рѣчь его походила на бушеванье горнаго потока, на крикъ пустыннаго орла при добычѣ..............................

....

....

9 Апрѣля Кубинскiй
Кунакентъ. Ночь.

МЕСТЬ.

МЕСТЬ.

Надо было обѣими руками держать сердце, чтобы не упорхнуло оно въ встрѣчу или въ слѣдъ Надеждѣ Петровнѣ Зоричъ, когда она явилась на балъ къ Австрійскому Посланнику, помните, что давалъ онъ на минувшей масляницѣ.

Не смѣю сказать, что она была прелестнѣе всѣхъ, что ея туалетъ былъ свѣжѣе прочихъ. По крайней мѣрѣ, когда черное море мужчинъ разхлынуло передъ нею, а цвѣтникъ дамъ принялъ ее въ свое радужное лоно—казалось, ропотная зыбь пролетѣла по волнамъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ вѣтерокъ закачалъ прелестными головками дѣтей Флоры.

Лучшій тонъ слишкомъ вѣжливъ, и въ вслухъ не высказываетъ своихъ мнѣній, но мужчины значительно мѣнялись взглядами, а дамы гордо сжимали губки, и чуть замѣтнымъ движеніемъ рѣсницъ указывали подругамъ на новую гостью, на опасную соперницу. Однимъ словомъ, все ожило, все засверкало отъ пролета этого метеора, все—звуки сердца и взоры! Худо скрытая досада и слишкомъ явное одобреніе доказывали, что Надина

мила, какъ нельзя болѣе, а по моему, это стóитъ гораздо болѣе многихъ прилагательныхъ превосходной степени.

И въ самомъ дѣлѣ, отъ прически Эліо до башмачка Соболева, все было очарованіе въ этомъ очаровательномъ созданіи. Какъ просто и мило коса, заплетенная вѣнкомъ, возникала надъ ея свѣтлорусыми волосами, причесанными вгладь, а конецъ этой косы разсыпался гроздомъ кудрей, съ немногими цвѣтками, не привитыми, а будто забытыми ненарочно! Тонкая золотая цѣпочка, работы воздушныхъ фей, бѣжала по двойной дорожкѣ, проложенной гребенкою художника, и смыкалась на высокомъ лбу красавицы ферроньеркою изъ трехъ грушевидныхъ жемчужинъ; онѣ мерцали, онѣ дрожали на опаловомъ шатонѣ. Серьги вились змѣйками, съ изумрудными чешуями, впивались въ розовыя ушки, и казалось, нашептываютъ имъ обольстительныя повѣсти, учатъ дивнымъ хитростямъ. Два фермуара на ожерельѣ... Да, мое ли дѣло толковать о драгоцѣнныхъ украшеніяхъ? Пускай ее свирѣпствуетъ мода обвѣшивать себя алмазами, какъ на продажу. Пускай эта мода украшаетъ невѣстъ всею прелестью разсчета мнимыхъ количествъ. Надина не была ужь невѣстою, а для меня эти многоцѣнные замки надъ скрытыми прелестями, все равно, что чугунные замки надъ несмѣтнымъ сокровищемъ — раждаютъ во мнѣ одно желаніе — сломать и сбросить ихъ долой. Да, и кто изъ самыхъ корыстолюбивыхъ бароновъ Остъ-Зейскихъ провинцій сталъ бы цѣнить украшенія, глядя на эти каріе съ поволокою глаза, которые словно таютъ огнемъ нѣги, на эти губки, съ которыхъ хочетъ сорваться поцѣлуй, на эти щечки съ улыбкою утра, съ жаромъ

полудня! Я не смѣю и заговаривать объ этихъ полненькихъ, пухленькихъ, румяныхъ плечикахъ, съ которыхъ скользятъ рукава..... объ этой искусительной ножкѣ, которая напрасно прячется въ атласный башмачокъ!...... Не смѣю потому, что у меня въ глазахъ роятся звѣзды и занимается духъ, вспоминая объ однихъ плечикахъ: я бы въ нихъ выцѣловалъ ямочки, если бы тамъ ихъ не было прежде! Или объ одной маленькой, миленькой ножкѣ..... Вообразите, что она вся укладывалась на моей ладони— и столько, столько разъ была согрѣта моимъ дыханіемъ!..Вотъ почему ненавижу я коварные башмаки Соболева и спадающіе рукава мадамъ Сихлеръ.

Эта обувь, этотъ покрой платья — измѣнники! Они, или обличаютъ вамъ то, чего не стóитъ видѣть, или напоминаютъ того, чего ужь вамъ не видать.

Да, и одни ли плечики Надины могли свести съ ума любаго изъ платоническихъ мудрецовъ, искусить самаго постнаго изъ отшельниковъ міра? Одинъ уже станъ ея, который можно было два раза обвить руками, одна уже грудь ея, которой могла бы гордиться шестнадцатилѣтняя дѣвушка, грудь какъ заря, чуть подернутая кружевнымъ туманомъ, какъ волна перекатная, что падаетъ, возникаетъ, прыщетъ вешнею свѣжестью и манитъ каждаго, какъ Гётева рыболова, утонуть въ завѣтномъ своемъ лонѣ! Вы сказали бы, что платье ея выткано вѣтромъ юга изъ облаковъ и лучей. Вы подумали бы, что цвѣтокъ, приколотый на лѣвой сторонѣ,пробился сквозь снѣгъ газа прямо изъ ея жаркаго сердца. Прибавьте къ этому пріемы, нарѣчіе и всѣ маленькія дарованія лучшаго общества, въ которомъ она росла и расцвѣла При-

бавьте къ этому угадъ людей, довольно тонкій чтобы цѣнить ихъ по достоинствамъ, но еще не довольно опытный чтобы презирать по заслугамъ. Прибавьте къ этому нравъ живой и чувства жадныя впечатлѣній, совсѣмъ не по наущенію дерзкаго, безпокойнаго ума, а по собственной наклонности, совсѣмъ не изъ любопытства узнать, а изъ необходимости почувствовать.

Она разрѣшила загадку жизни и цѣль бытія словомъ: *наслаждайся!* словомъ, которое насилу отрыли мы изъ пыли архивовъ, изъ тисковъ опыта, изъ подъ корней вѣковыхъ дубовъ и костей допотопныхъ животныхъ, словомъ, за которое платили мы кусками сердца, годами жизни, спасеніемъ души!. .... Но ему выучиваются женщины вдругъ, на-бѣло, по вдохновенію, въ открытой академіи природы, а не подъ копотными сводами университетовъ, не на скамьѣ школьника и не на doскѣ труженика, а въ вихрѣ танцовъ и на бархатной подушкѣ дивана.

Правду сказать, что ни философамъ ни дамамъ не открылось при этомъ геніяльномъ изобрѣтеніи бездѣлицы: *какъ* и *сколько*? Но тѣмъ не менѣе Надина была изъ числа самыхъ плѣнительныхъ обитательницъ Петербурга, изъ числа тѣхъ не многихъ Сѣверныхъ женщинъ, которыя носятъ сердце подъ корсетомъ, а не подъ шляпкою. Подъ вѣнецъ всѣхъ такихъ прелестей, ей было не болѣе двадцати лѣтъ, и она уже два года, и только два года, была женой, женой ближняго!

Вполнѣ ли вы чувствуете магнитную силу обручальнаго кольца, центровлекущую силу женщины, оправленной въ завѣтное мѣстоименіе *моя*?

Если нѣтъ — значитъ вы крещены въ рюмкѣ мороженаго, или десять лѣтъ прожили въ Тифлисѣ.

Такъ, по крайней мѣрѣ, не думалъ ни одинъ изъ молодыхъ корифеевъ бала, и всѣхъ менѣе капитанъ конныхъ гренадеровъ Змѣевъ.

Надина произвела на него въ этотъ вечеръ необыкновенное впечатлѣніе; ему казалось, что она сей часъ родилась для любви и поклоненія свѣта. Онъ дивился, какъ до сихъ поръ не вспало ему на умъ приволокнуться за такою свѣжею красотою, которая, кромѣ супружеской завѣтности, очерчена была еще болѣе завѣтнымъ, стало быть еще болѣе заманчивымъ, кругомъ любви къ лучшему его другу, Платону Радову.

«Княгиня Софья надоѣла мнѣ своими притязаніями на безусловное рабство,» думалъ онъ. «Мое 30 Іюля не далеко, а тамъ къ чьимъ стопамъ положу я свою желѣзную корону? Надо попытать счастья въ Надинѣ..... Она такъ еще пылка, такъ прекрасна. Притомъ какая слава выбить изъ ея сердца Платона!... Правда, Платонъ человѣкъ не дюжинный, и страсти, имъ внушенныя, не пламя соломы.... Надина любитъ его безъ памяти... Но развѣ она не женщина? Развѣ не два уже мѣсяца, какъ онъ въ отлучкѣ, а и десятой части этого времени слишкомъ, чтобы испарить самую постоянную изъ свѣтскихъ страстей. У женщинъ чуть долой съ глазъ — вонъ изъ сердца! И тотъ вѣчно виноватъ, кого здѣсь нѣтъ!

«Но чѣмъ же виноватъ передо мной Платонъ? Чѣмъ кромѣ своей довѣренности? Впрочемъ, не лучше ли взять урокъ въ познаніи женщинъ отъ друга, чѣмъ отъ какого нибудь негодяя? По крайней мѣрѣ, ему останется

утѣшенье, что эта жемчужина досталась въ руки достойнаго наслѣдника!»

И Змѣевъ всталъ съ видомъ человѣка, готоваго на приступъ.

«Почему знать,» говорилъ онъ самъ себѣ, охорашиваясь, «можетъ статься, Надина сдѣлаетъ мнѣ радостный сюрпризъ и отправитъ на траву своимъ отказомъ. Какихъ чудесъ не бываетъ въ свѣтѣ! Какихъ причудъ въ женщинѣ!..... Во всякомъ случаѣ, подкопъ подъ счастіе друга — премилое развлеченіе.»

И пусть тотъ, кто пилъ молоко и вино свѣта, подыметъ камень на своего брата, на своего товарища! Книжники и Фарисеи! неужели думаете вы, что здравость вашихъ рѣчей уничтожаетъ заразу вашего примѣра? Шейте изъ красныхъ словъ себѣ епанчу — изъ-подъ ней все будутъ видны козлиныя ноги. Кричите противъ развращенія нравовъ, но знайте, что этимъ вы только докажете чужую вину, а не правоту свою.

Не хуже другаго видѣлъ Змѣевъ что хорошо, что худо. Но дѣлая доброе, онъ не хвалился имъ; дѣлая зло, не скрывалъ его подъ личиной незнанія. Въ немъ осталось сознаніе всего высокаго, всего прекраснаго въ другихъ, но ни сколько силы, чтобы осуществить это самому. Честолюбивая дѣятельность, безъ рѣшимости на трудъ, поглощена была свѣтскою ничтожностію, обратилась въ какое-то лихорадочное безпокойство всюду кидаться и всего отвѣдывать. Иступивъ свои чувства прежде крѣпости, изсушивъ сердце ранѣе полноты, онъ жаждалъ обновить ихъ новыми ощущеніями, окунуть въ источникъ молодости, хотя бы онъ кипѣлъ кровью, или

крѣпкой водкою, хотя бы туда нужно было бросить честь женщины и счастье друга! И все это готовъ былъ онъ сдѣлать безъ малѣйшей злобы, скорѣе по модѣ, чѣмъ по собственному убѣжденію. Но хотя рабъ моды въ мнѣніяхъ, навѣянныхъ изъ Парижа, онъ былъ властелиномъ ея въ мелочахъ Петербургскаго военнаго дендизма. Султанъ его рѣшалъ участь всѣхъ Австрійскихъ и Польскихъ пѣтуховъ на цѣлую зиму, смотря по длинѣ перьевъ, пущенныхъ въ славу. Эполеты à la Zmeyoff продавались пятью рублями дороже прочихъ. Его визитныя карточки служили образцомъ вкуса и почерка; даже фасонъ его дрожекъ и наборъ на хомутахъ бывали предметомъ толковъ и подражаній для щеголей. Не говорю уже объ его умѣньи войти и поклониться, начать и разорвать кстати разговоръ — тянуть или закруглять пріятно звуки — все уловки, которыя мѣнялъ онъ ежемѣсячно, чтобы сбить съ толку своихъ подражателей.

И въ этотъ вечеръ, Змѣевъ былъ одѣтъ, какъ всегда, сохраняя le juste milieux между изысканностію щегольства и неумолимостью формы. Мундиръ его позволялъ себѣ кое гдѣ живописную складку, и такъ же далекъ былъ отъ лощеной новизны прапорщика, только что выпущеннаго изъ школы юнкеровъ, какъ и отъ поблеклой небрежности усача, засѣвшаго въ ротмистрахъ. Перчатки его бѣлѣли, какъ серебро; серебро сверкало, какъ хрусталь. Ни какихъ затѣй въ плетенкахъ эполетовъ, ни какихъ цѣпочекъ на груди — этихъ гремушекъ, столь любимыхъ пѣхотными франтами! Однимъ словомъ, въ одеждѣ, въ поступи, въ рѣчахъ его было замѣтно —

Сліянье бранной простоты
Съ непринужденностію свѣтской,
И безъ Французской суеты
И безъ недвижности Нѣмецкой.

И между тѣмъ Змѣевъ въ душѣ смѣялся своимъ успѣхамъ, потому, что самолюбіе не погасило въ немъ самосознанія.

«Какъ мало надобно свѣту, чтобы попасть въ образцы...... и какъ малъ, какъ мелоченъ этотъ свѣтъ, когда такіе образцы его чаруютъ!» думалъ онъ, пробираясь съ гордою скромностью въ гостиную на поклоны.

Если хочешь, чтобы люди тебѣ вѣрили, кажись будто ты имъ вѣришь, а главное презирай ихъ, какъ возможно учтивѣе.

Вы видите, если бы одна хитрость рѣшала производство въ Англійскіе министры, Змѣеву недалеко бы махнуть въ лорды. Жаль, право, что онъ до сихъ поръ шпоритъ только лошадей.

И балъ уже клонился къ западу. Уже вечернимъ свѣтомъ мерцали свѣчи. Шары лампъ лили матовый блескъ на огнедышащія груди, на томныя лица танцующихъ. Усталая музыка растягивала ноты; ножки не летали, а шаркали по паркету. Крахмалъ и помада измѣняли; ленты и кудри падали развитыя, смятыя — былъ недалекъ уже рѣшительный мигъ, когда всѣ единодушно, хотя безмолвно,сознаются, что пора поужинать или пора заснуть, мигъ, въ который червонцы гремятъ на столахъ виста, когда слухъ кавалеровъ охотнѣе ловитъ звуки тарелокъ въ сосѣдней залѣ, чѣмъ кудрявыя фразы своихъ дамъ, а вѣера дамъ совершаютъ частыя путеше-

ствія къ губкамъ, не смотря на любезность кавалеровъ.

Со всѣмъ тѣмъ часъ, предтеча этого перелома самый счастливый часъ для ловитвы сердецъ. Въ началѣ, покуда блестя красотою и властью, дама принимаетъ первый привѣтъ отъ зеркалъ передней, покуда надежды на побѣды свѣжи у ней, какъ букетъ цвѣтовъ, поднесенный ей при появленіи въ залъ, покуда еще шесть контродансовъ и двѣ мазурки вьются и сплетаются передъ ней въ будущемъ съ орденскими лентами, съ канителью эксельбантовъ, съ цвѣтами золотаго шитья, покуда тщеславіе ея зыблется на пуху бѣлыхъ султановъ, играетъ съ лучами кованыхъ звѣздъ — о, тогда для ней нужны цѣлые хоры похвалъ, цѣлыя толпы поклонниковъ! Одинокій голосъ не отзовется у ней въ сердцѣ, одинокій взоръ не проникнетъ туда! И можетъ ли быть оно иначе?

При началѣ красавица слишкомъ занята желаніемъ выказать свой нарядъ, или разщипать глазами чужой. Желанье заполонить общее вниманіе и страхъ не успѣть въ этомъ поглощаютъ ее съ душой и съ сердцемъ. Никогда опытный остроумецъ, ни опытный волокита не изберутъ этой поры одинакого эгоизма для лестнаго привѣта, или пламеннаго объясненія... его не оцѣнятъ тогда, потому, что не почувствуютъ, а не почувствуютъ потому, что не замѣтятъ. Дайте поле новичкамъ въ любви и въ свѣтѣ, дайте имъ показать свои эполеты и жилеты! Позвольте имъ выстрѣлять свои застарѣлые комплименты и новопривезенныя остроты... Выдержите молча и хладнокровно кокетство и наѣздничество безъ цѣли — и будьте увѣрены, что въ теченіе двухъ часовъ

самолюбіе дамъ будетъ пресыщено, любопытство утомлено, умъ соскученъ пошлостями... холостая перестрѣлка эта станетъ рѣдѣть, умолкать... хорошенькіе глазки найдутъ васъ гдѣ нибудь въ уголку—миленькій голосокъ назоветъ по имени — тогда — о, тогда часъ вашъ насталъ....

Поздно приходитъ къ дамамъ разсудительность, однако приходитъ, и онѣ постепенно склоняются отъ собирательныхъ именъ къ собственнымъ, отъ множественнаго числа къ единственному. Души ихъ расплавляются наконецъ въ аристократической атмосферѣ бала, напоенпаго благовоніями и вздохами. Сердца, будто райскія птички, напорхавшись вдоволь, ищутъ отдыха на рукѣ какого нибудь счастливца. Счастливцы, или по крайней мѣрѣ, искатели счастія! ловите же этотъ часъ на лету! Отцвѣтъ бала — все равно, что отцвѣтъ женщины, все равно, что ея тридцатилѣтній возрастъ. Въ обоихъ случаяхъ, она становится необыкновенно чувствительна — она ярче, она жарче вспыхиваетъ передъ прощаньемъ. Ангелъ, лучъ за лучемъ, сбрасываетъ свое сіяніе, свиваетъ крылья и удостоиваетъ ступить на землю, удостоиваетъ раскрыть сердце свое земнымъ чувствамъ, сѣмянамъ всего прекраснаго и опаснаго.

Змѣевъ зналъ эту стратегію, конечно, не хуже моего, и вотъ почему только вскользь бросилъ двѣ, или три ракеты привѣтствій Надинѣ, когда она пріѣхала, но явился передъ ней съ требованіемъ на пятый Французскій кадриль уже въ то время, когда мраморныя стѣны и зеркала потускли и тщеславіе женское, по необходимости, должно было искать отраженія въ глазахъ своего партнера.

«Можетъ быть, Надежда Петровна удостоитъ взглянуть на свои таблетки,» сказалъ онъ, почтительно. «Я жду, какъ *нежившая душа*, своего призыва къ жизни!»

— Нежившая или отжившая, капитанъ, во всякомъ случаѣ вы можете быть увѣрены, что мнѣ не нужно прибѣгать къ воспоминаніямъ изъ слоновой кости, когда дѣло идетъ о васъ. Я думаю даже, что если бы мнѣ случилось ошибиться въ очереди, конечно, не вы бы въ этомъ проиграли.

«О конечно не я, сударыня! Впрочемъ, я слишкомъ совѣстливъ для желанія вамъ проигрыша!.. И такъ пусть старшинство рѣшитъ производство въ счастливцы — точно ли мнѣ предназначена эта четверть часа?....

—Вамъ, капитанъ, вамъ, по праву и по волѣ—отвѣчала Надина, подавая ему нераскрытыя таблетки.—Убѣждены ль вы теперь, господинъ маловѣрный?—примолвила она, вставая и ласково опершись на его руку.

«Тысячу извиненій, сударыня! Я такъ мало избалованъ счастіемъ, что ему всего менѣе вѣрю.»

И хитрецъ выискалъ для vis-à-vis чуть ли не самаго плохаго танцора, а ужь даму его можно было назвать живою антитезою красоты, и все это для того, чтобы ярче выказать прелесть Надины и собственную ловкость.—Змѣевъ повелъ атаку не хуже Карно и Кормонтаня, если бы Карно и Кормонтань занимались осадою слабостей, вмѣсто осады крѣпостей.

«Въ первой параллели надо быть забавнымъ,» говаривалъ онъ, «во второй занимательнымъ, въ третьей трогательнымъ, и только въ рѣшительный часъ демаскировать брешъ-баттарею. Приступы въ нашъ вѣкъ самый глупый

анахронизмъ — при неудачѣ стыдъ, и нѣтъ возврата! То ли дѣло капитуляція. Поспорятъ, погрозятъ — и обѣ стороны довольны.»

Надина была большая охотница посмѣяться, и конечно, никто лучше Змѣева не съумѣлъ бы насказать болѣе забавныхъ замѣчаній и эпиграммъ, въ краткіе промежутки между шассе и балансе. Началась безконечная мазурка, и полувлюбленный капитанъ усѣлся рядомъ съ Надиною, по неволѣ уступивъ сердечную ея сторону танцующему съ ней кирасиру.

Скрестивъ руки на груди, молча устремилъ онъ на нее глаза свои, и молчаніе его былъ одинъ изъ самыхъ лестныхъ его привѣтовъ.

Румянецъ удовлетвореннаго самолюбія разгарался на миломъ личикѣ Надины отъ Конгревовскихъ взоровъ сосѣда.

— Вы не танцуете?—сказала ему она, поправляя свое оплечье, чтобы имѣть предлогъ взглянуть туда, куда ужь давно прильнуло ея вниманіе.

Капитанъ склонился надъ кругленькимъ плечикомъ Надины, такъ, что его дыханіе зашевелило кружева оборки, такъ, что за нѣсколько лѣтъ тому назадъ подобнымъ положеніемъ напрашивались на разрывъ съ дамою своихъ мыслей, или на дуэль съ мужемъ ея, и компрометировали бы даже собственную жену. Autres temps autres soins! Въ то время, какъ мы юными Французскими фразами бранимъ юную словесность, жены наши (слава Богу! не мои) вводятъ въ моду совершенно райское обхожденіе—un laisser faire, un laisser aller, достойные острововъ Тихаго Океана.

«У меня не достало дерзости уморить со скуки даму, которая бы, въ забытьѣ отъ Бога и добрыхъ людей, рѣшилась со мной на мазурку,» отвѣчалъ Змѣевъ. «Когда не мнѣ выпала доля танцовать ее съ вами, слишкомъ жестоко было бы требовать жертвы танцовать ее съ другою. *Все или ничего*-надпись моего щита, сударыня.

—Какъ вы добры къ той, которую не выбрали! Какъ злы для всѣхъ, которыхъ собрали въ одно слово, чтобы всѣхъ уничтожить однимъ словомъ! Впрочемъ, я хорошо понимаю вашъ разсчетъ, капитанъ. Вы хотите служить при этой мазуркѣ волонтеромъ, чтобы не имѣя ни какихъ обязанностей пользоваться всѣми выгодами. — Посмотрите, если полная красавица Лелѣева не выберетъ васъ.....

«Неужели она хочетъ обмануть? Такъ ли глядитъ она, чтобъ обманывать!»

— Можетъ быть, она хочетъ быть обманутою.

«Нѣтъ-съ, этого не можетъ быть, сударыня, даже и этого... Но она въ самомъ дѣлѣ катится на меня!....

—Къ вамъ, капитанъ, да вамъ эта чаша здравія, увитая цвѣтами, какъ на Греческихъ пирахъ...

«Я бы не желалъ пить изъ этой чаши!» вскричалъ Змѣевъ, комически сплеснувъ руками...

—Будьте миловиднѣе, кажитесь бодрѣе идучи на казнь.

«Если бъ вы приняли мою исповѣдь, если бъ вы напутствовали меня, я бы сложилъ мою голову героемъ,» сказалъ Змѣевъ, натягивая перчатку и извиняясь поклонами передъ избравшей его дамой. Grace donc, ou coup de grace!

Онъ медленно, мѣрными шагами возвратился на свое мѣсто.

«Теперь я покойникъ, сударыня,» молвилъ онъ, «отнынѣ вамъ грѣхъ будетъ говорить, или думать обо мнѣ что нибудь дурное.

— Я сбираюсь написать вамъ эпитафію, капитанъ.

«Безконечно обязанъ за честь!... Это хоть кому дастъ желаніе убраться на тотъ свѣтъ, какъ можно скорѣе; со всѣмъ тѣмъ, ради Бога — прочь эпитафію! Лучшая изъ нихъ лесть, а лесть — одна изъ граней лжи. Какая жъ радость обманывать послѣ смерти?

— А, такъ вамъ радостно обманывать во время жизни? Очень благодарна вамъ за эту искренность того свѣта! Я однакожь въ этомъ свѣтѣ ею воспользуюсь.

Разговоръ прерывался каждый мигъ. — Змѣевъ проклиналъ докучныхъ дамъ и кавалеровъ, вмѣстѣ съ безвременными ихъ выборами, и не скрывалъ этого отъ своей миленькой сосѣдки.

— Вы неблагодарный - сказала она. Эти частые призывы должны льстить вашей любви къ самому себѣ.

«Но знаете ли, сударыня, что истинная любовь уничтожаетъ всякую другую? Пусть вы сочли бы меня за чудовище самолюбія, пусть бы я сталъ имъ въ самомъ дѣлѣ, однакожь и тогда я не промѣнялъ бы радости сердца на удовольствіе ногъ. Вотъ почему, тѣ дамы, которыя теперь выбираютъ меня — конечно, дѣлаютъ мнѣ честь, но признаюсь — тѣ, что меня обходятъ, дѣлаютъ мнѣ милость, мало этого — благодѣяніе!

— Вы можете быть убѣждены, что впередъ я не выберу васъ ни разу.

«Лишь бы мнѣ оставаться близъ васъ, слушать васъ, любоваться вами!... Странная вещь, сударыня: когда я вижу, какъ вы порхаете въ танцахъ, во мнѣ вспыхиваетъ желаніе быть вамъ волной морскою, которая вѣчно играетъ съ вѣтромъ и свѣтомъ. Когда жь слышу серебристый, пѣвучій голосъ вашъ, я бы хотѣлъ назвать васъ райскою птичкою, чтобы имѣть отговорку прослушать васъ цѣлый вѣкъ — и не очнуться!

Надина, съ лукавымъ удивленіемъ, раскрыла глаза.

— Да, это чистѣйшая чувствительность, капитанъ! Это жемчугомъ низанная поэзія Востока!! Вы, право, станете для меня знакомымъ незнакомцемъ! Вы ли это холодный, насмѣшливый капитанъ Змѣевъ?

—Капитанъ и кавалеръ, сударыня! Кто жь виноватъ, если порой воскресаютъ въ немъ чувства невѣдомыя, или давно забытыя? Кто?... Знаете ли, вѣрите ли вы, что есть особы, отмѣченныя Небомъ: онѣ скажутъ вамъ слово, подадутъ руку въ танцахъ, взглянутъ мимолетомъ — и вы сердцемъ постигаете, что поэзія не выдумка. Что-то заныв аетъ, закипаетъ въ груди и пробивается наружу...

—Очень знаю и крѣпко вѣрю, капитанъ. Но въ такомъ случаѣ поэзія не спрашиваетъ у памяти своихъ вдохновеній. А то, что вы сказали теперь, было изъ памяти — не изъ сердца. Вы, который такъ хорошо умѣете говорить премилыя, преострыя вещи, когда дѣло идетъ на привѣтствія — зачѣмъ занимаете вы въ долгъ нарѣчіе чувства? Гдѣ-то и давно читала я это..... Это такъ старо!

«Такъ старо, что по очереди сдѣлаться новымъ. Да, и

вольно жь было господамъ сочинителямъ высказать ранѣе меня то, что я чувствую! Впрочемъ, сравненіе, которое такъ вамъ къ лицу - взялъ я у моего пріятеля Марлинскаго. Онъ, порой, щечится отъ меня острымъ словцомъ. Я въ свою очередь потаскиваю изъ него фразы и оба не въ накладѣ. — Что за дѣлежъ между пріятелями,» прибавилъ онъ съ злою улыбкою. «Слова: *твое* и *мое*, должны быть изгнаны изъ дружбы!»

— Въ самомъ дѣлѣ, капитанъ?... Въ самомъ ли дѣлѣ вы такъ думаете? Довольны ли будутъ друзья ваши подобною сдѣлкою?

«Если нѣтъ — тѣмъ хуже для нихъ.

— Я бы желала, чтобы княгиня Софья слышала ваше мнѣніе.

И она, гордо вздернувъ носикъ, подала руку тому, кто спросилъ ее: какое угодно вамъ будетъ выбрать для себя качество вмѣсто имени?

— *Недѣлимость!* — сказала она, бросивъ значительный взглядъ на Змѣева.

«Эге, душенька!» подумалъ Змѣевъ. «Да, это никакъ зачатки ревности? Ну, такъ будетъ прокъ! *Недѣлимость*! Гмъ..... Хорошо, я добрый малой, г-жа Недѣлимая; я пожалуй возьму васъ себѣ цѣлкомъ, не выдѣляя ни одной частички ни вашему супругу, ни моему легковѣрному другу. — Недѣлимая!... Это и затѣйливо и оригинально, жаль только, что не совсѣмъ справедливо. Да, впрочемъ, гдѣ теперь найдешь справедливость? Называетъ же князь Борисъ жену своею любезною половиною, а въ ней не принадлежитъ ему и сотой доли!»

Надина воротилась на свое мѣсто, но неудостоила разговоромъ Змѣева; она, какъ говорится, на него дулась.

Кавалеръ ея подалъ знакъ жизни нѣсколькими словами, однако, подобно тающему въ зимній Петербургскій полдень жолобу, журчанье его замолкло въ минуту.

Какая-то невѣдомая грусть отяготѣла надъ Надиною — она сидѣла безмолвно, склоня голову; — взоры ея упали долу. Мечтала ли она о томъ, кто далеко, или хотѣла заставить мечтать того, кто близко? — Было ли то глубокое чувство разлуки, доступное душѣ самой свѣтской женщины, или только игра кокетства, траурный нарядъ, дающій такую неотразимую прелесть лицу? Китайское опахало ея скользнуло изъ невольно распущенной ручки и давно было поднято Змѣевымъ. Два раза подводили ей на выборъ кавалеровъ, и два раза миновали ее съ лукавою улыбкою.... Казалось, она никого не видала, ничего не слышала.

О, какъ очаровательны бываютъ женщины въ минуты такой невольной, грустной разсѣянности, такого уединенія посреди блеска и шума свѣта! Хочется тогда подкрасться къ нимъ на цыпочкахъ, и на колѣняхъ прислушаться къ ихъ дыханію, къ бою сердца, разгадать тайную думу по летучему румянцу щекъ, по содроганію рѣсницъ и губокъ предугадать въ ней приговоръ собственной судьбы....

Что-то юношеское, что-то бывалое встрепенулось въ груди Змѣева. Ему показалось, будто онъ чувствуетъ, что недавно сказалъ онъ, и всего страннѣе — онъ этому повѣрилъ, онъ, который не вѣрилъ даже въ себѣ ни чему хорошему.

Не надолго однакожъ природа поборола привычку.

«Любить мнѣ и не шутя любить? Да, это достойно будетъ тѣхъ блаженныхъ временъ, когда любезники изъяснялись пѣснею: «Я не скажу тебѣ люблю, всеобщей модѣ подражая»—временъ, когда еще велась подстольная страсть сапоговъ къ башмакамъ! — Женщины — существа шаткія по природѣ и тщеславныя по воспитанію — вотъ двѣ дороги къ обладанію ими. Но такъ какъ имъ пріятнѣе обманывать, чѣмъ обманываться — что я за глупецъ поддаваться, когда могу распоряжать? Пушкинъ не даромъ сказалъ:

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ больше нравимся мы ей.....

«А я хочу нравиться и понравиться Надинѣ, во что бы ни стало. Какъ ни бойка она, какъ ни начитана разсказовъ своихъ многоопытныхъ подругъ, которыхъ не надуешь вздохами, да слезами на розовой водѣ, или объясненіями на розовой бумажкѣ — со всѣмъ тѣмъ сердце у двадцати-лѣтней женщины вѣрно мягче головы... *Несгараемыхъ* билъ я картечью остроумія — эту надо зажечь калеными ядрами чувства.»

И яркіе глаза его впились въ Надину. Я увѣренъ, что женщина чувствуетъ даже во снѣ, не только въ задумчивости, струю взора наэлектризованнаго страстью.

Надина вздрогнула, прежде чѣмъ Змѣевъ произнесъ надъ ухомъ ея, почтительно подавая вѣеръ.

— Вы его уронили.

«Благодарю васъ. Но скажите правду, хоть одинъ разъ въ жизни — вы вѣрно смѣялись про себя моей неумѣстной задумчивости?

—Задумчивости? Скажите, какой я недогадливый! – Я вѣдь думалъ, что благодаря нашему любезному сосѣдству, вы просто дремали, а я очень уважаю крѣпкій сонъ — признакъ чистой совѣсти. Нѣтъ, Надежда Петровна, я былъ далеко отъ насмѣшекъ, глядя на васъ. Я, напротивъ, горько жалѣлъ, что не живописецъ. Будь я Брюловъ, или Кипренскій, я написалъ бы съ васъ спящую Душеньку на диво всему свѣту. Да, вы спите съ открытыми глазами до сихъ поръ — и я увѣренъ, что всѣ мы кружимся и проходимъ передъ вами, какъ сны!

«Что же вся жизнь наша, что люди, въ особенности, что такое вы мужчины, какъ не обманчивые сны?» сказала со вздохомъ Надина.

— А вѣрите ли вы снамъ, сударыня?

«Вѣрю, когда они не льстятъ мнѣ.

— Такъ я очень радъ, что вовсе не похожъ на льстивый сонъ, сударыня! Взглядитесь въ меня хорошенько и сознайтесь, что я сегодня грозенъ и мраченъ, какъ самый страшный, самый зловѣщій сонъ полночнаго царства. И этотъ сонъ вѣщуетъ бѣду вашему сердцу, сударыня — и въ этотъ разъ я не шучу, сударыня!

Надина пристально посмотрѣла на Змѣева, но лицо Змѣева, въ самомъ дѣлѣ, выражало какое-то печальное чувство, какое-то искреннее участіе. Она отворотилась, будто могильный вѣтеръ дунулъ на нее.

«Я не люблю зловѣщихъ сновъ,» сказала она, «я стараюсь забыть ихъ, если вижу.

— Прежде чѣмъ забыть, надо разгадать ихъ, а прежде чѣмъ разгадать, надо ихъ узнать. Впрочемъ, грѣхъ бросать черныя тѣни на яркую картину бала. Спите сномъ

счастія, сударыня. Самыя запоздалыя худыя вѣсти приходятъ всегда слишкомъ рано.

Любопытство Надины затронуто было за живое. Опасенія ея проснулись... Она знала, что Радовъ очень друженъ съ Змѣевымъ, что они живутъ вмѣстѣ.... Двойная мысль: не сталось ли чего нибудь съ Платономъ, и не разсказалъ ли онъ чего нибудь своему товарищу, какъ двойное жало змѣи, кольнула ее въ сердце. Но ей не хотѣлось выказать этого, а Змѣевъ, разъ уклонившись отъ предмета, ускользалъ изъ рукъ побочнаго допроса.

Положивъ слѣдокъ на слѣдокъ, онъ хладнокровно поигрывалъ ключикомъ часовъ, и отрывчатыми фразами отвѣчалъ на слова Надины.

— Вы спрашиваете, какъ мнѣ нравится туалетъ Княгини Полинской? Очень блистателенъ. Жаль только, что онъ измятъ еще при Варшавскомъ приступѣ. За то нарядъ генеральши Кноксъ, безъ метафоры, свѣжѣе весны — въ Якутскѣ. Ни кто не скажетъ, чтобы на ней малѣйшее украшеніе, кромѣ ея улыбки, пережило два бала. — Но ея вѣчная улыбка... Боже мой! скоро ли она износитъ эту улыбку!

«Скажите ей это на ухо, и будьте увѣрены, что она, по крайней мѣрѣ, на четверть часа забудетъ усмѣхаться. — Но оставимте дамъ въ покоѣ. — Не правда ли, что кавалеръ, съ которымъ я сей часъ танцовала, былъ бы...

— Плѣнителенъ, если бы его создала природа, а не портной, хотите вы сказать..... Я съ вами согласенъ. Въ Англіи хотятъ воздвигнуть монументъ механику Ватту; у насъ слѣдовало бы воздвигнуть памятникъ ватѣ....

СОНЪ.

СОНЪ.

За чѣмъ зарницею безъ гула
Исчезла ты, любви пора,
И птичкой юность упорхнула
Въ невозвратимое вчера?
Давно ль на юношу, давно ли,
Обѣтомъ счастія горя,
Цвѣтами радости и воли
Дождила свѣтлая заря?
Давно ль съ родимаго порога
Сманила жизнь на пышный пиръ,
И какъ безгранная дорога,
Передо мной открылся міръ,
И случай, преклоняя темя,
Держалъ мнѣ золотое стремя,
И гордо бросивъ повода̀,
Я поскакалъ туда – туда?
Летимъ!... Сорвалъ бразды шелковы
Неукротимый конь судьбы,
И брызжутъ пламенемъ подковы,
Гремя о плиты и гробы.

Я обезумѣлъ! — Воздухъ свищетъ.....
Все вдаль и вдаль — надежда прочь!....
И вотъ на насъ упала ночь,
И подъ скалою бездна прыщетъ;
Надъ головой разшибся громъ,
И конь и всадникъ, прянувъ съ края,
Кусты и глыбы отрывая,
Въ пучину ринулись кольцомъ!
Замлѣло сердце.... Вихрь кончины
Мнѣ обуялъ и взоръ и умъ;
Раздавленъ, на брегу пучины,
Едва я слышу ревъ и шумъ.
Вотъ набѣгаютъ грозно, жадно,
За валомъ валъ наперерывъ!
Ужь мой отчаянный призывъ
Стихаетъ, залитъ пѣной хладной....
И вдругъ съ утеса на утесъ,
Какъ звѣрь, потокъ меня понесъ!..
....
Очнулся я отъ страшной грезы,
Но все душа тоски полна.
И мнилось, гнутъ меня желѣзы
Къ веслу убогаго челна....
Вдаль — отуманеннымъ потокомъ,
Межь сокрушающихся льдинъ,
Заботно озираясь окомъ,
Плыву я грустенъ и одинъ.....
На чуждомъ небѣ — тма ночная...
Какъ сонъ бѣжитъ далекій брегъ,
И шуму жизни чуть внимая,
Стремлю туда невольный бѣгъ,
Гдѣ вѣченъ ледъ и вѣчны тучи,

И вѣчно сѣемая мгла,
Гдѣ жизнь, зачахнувъ, умерла
Среди пустынь и тундръ зыбучихъ,
Гдѣ небо, степь и лоно водъ
Въ безрадостный сліяны сводъ,
Гдѣ въ пустотѣ блуждаютъ взоры
И даже нѣтъ стопѣ опоры! ....
Плыву.... На сжатомъ сердцѣ хладъ;
Дремотой лѣни тяжки вѣжды,
И звѣзды искрами надежды
Въ угрюмомъ небѣ не горятъ.
Забвенья токъ меня лелѣетъ;
Мечта уснула надъ весломъ,
И время тихо въ парусъ вѣетъ
Своимъ мирительнымъ крыломъ,
Все мертво у меня кругомъ,
И близко бездна океана
Бѣлѣетъ саваномъ тумана....

Рафаилъ Михайловичъ
Зотовъ.

ПРІѢЗДЪ

ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРА.

ПРІѢЗДЪ

ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРА.

ГЛАВА I.

═

— Нѣтъ, любезный мой племянникъ! Когда мы съ великимъ Суворовымъ....

«Били Французовъ въ Италіи.... Знаю, знаю, милый дядинька! Вы мнѣ это сегодня ужь въ восемдесять девятый разъ повторяете, хоть оно и вовсе посторонняя вещь въ моемъ дѣлѣ.»

— Какъ быть, любезный Владиміръ! Это моя старая пѣсня, мой припѣвъ.— Мнѣ ужь поздно учиться вашему модному краснорѣчію. Когда мы съ великимъ Суворовымъ били Французовъ въ Италіи, то протверживали тоже однѣ старыя пѣсни, которыя твердо съ нимъ заучили въ Турціи и Польшѣ....

«Я очень уважаю, дядинька, и ваши подвиги и вашу поговорку. Дай Богъ и мнѣ въ свое время имѣть

право на такой же припѣвъ. Но Суворова побѣды вовсе нейдутъ къ тому, что вы мнѣ доказать хотите.»

— Ошибаешься, другъ — Суворовъ идетъ ко всему. Если онъ всѣхъ билъ, то почему и мнѣ его именемъ не побѣдить спорщика - племянника, который не хочетъ послушаться своего дяди?

«Я радъ повиноваться вамъ всегда и во всемъ. Вы были моимъ вторымъ отцомъ, вы воспитали меня, образовали и вся жизнь моя принадлежитъ вамъ. Но есть непреодолимыя склонности, которыхъ не должно оспоривать у молодыхъ людей. Это ихъ судьба, это невидимый путь, по которому они должны слѣдовать. Если вы ихъ собьете съ этой дороги, то они уже сдѣлаются ни къ чему неспособными.»

— Э, э! пріятель — да ты несешь околесную! Вотъ ваше модное воспитаніе! Склонности молодыхъ людей! Судьба ихъ! — Нѣтъ, братъ, это просто гиль. Молодой человѣкъ все равно, что невыѣзженная лошадь. Если ее не крѣпко держать на мундштукѣ, если ей дать волю, то она занесетъ тебя въ оврагъ, въ рѣку, и сама погибнетъ. Понимаетъ ли молодость свои обязанности? Можетъ ли она судить, куда приведутъ ее *непреодолимыя ея склонности?* Охъ! ужь вы мнѣ ученые! Выскочилъ въ свѣтъ прямо титулярнымъ совѣтникомъ, да и думаетъ, что ужь умнѣе всѣхъ стариковъ въ свѣтѣ! — Нѣтъ, другъ! Когда мы съ великимъ Суворовымъ.....

«Знаю, дядинька, знаю, и не только не почитаю себя умнѣе почтенныхъ и опытныхъ людей, но даже готовъ слѣдовать всякому доброму и благонамѣрен-

ному совѣту. - Столько разсудка есть еще у меня, чтобы *всѣ* свои склонности не выдавать за приговоръ судьбы».....

— Да! напримѣръ твоя глупая любовь къ этой Нѣмкѣ, къ актрисѣ, дошла, братъ, и до насъ.....

«Эхъ, милый дядинька, не вспоминайте мнѣ объ этой глупости. Надо же было заплатить дань первому впечатлѣнію неопытнаго сердца? Это была страсть, сумасбродство, болѣзнь. — Я наказанъ за нихъ всеобщими насмѣшками цѣлой столицы и собственнымъ моимъ чувствомъ Слава Богу, что и она, ужь съ годъ, какъ уѣхала изъ Петербурга. Но нынѣшняя моя склонность вовсе непохожа на романическую любовь. Нынѣшняя моя страсть не унизитъ, не обманетъ меня. Страсть къ познаніямъ самое благородное чувство въ человѣкѣ. Оно доказываетъ стремленіе души его ко всему лучшему, изящному, высокому.»

— Ну, ну! закидалъ, братецъ, словами. Когда мы съ великимъ Суворовымъ били Французовъ въ Италіи, то дѣйствовали не рѣчами, а штыкомъ, брали свое не словами, а дѣломъ. Что ты мнѣ хочешь доказать? Тебѣ припала охота потаскаться по свѣту, повояжировать, какъ вы это называете. Ты это называешь склонностью, страстью къ познаніямъ. А сказать ли тебѣ, какъ это называется по нашему, по старинному, по Суворовски? Это просто лѣнь, тунеядство. Тебѣ служить не хочется. Ты выучился всякимъ наукамъ, и твоей философіи стыдно теперь сидѣть за краснымъ сукномъ и писать экстракты, да отношенія. Тебѣ прямо бы въ губернаторы, или въ министры. —Охъ, вы всезнайки, *бештимзагеры*,

унтеръ-кунфтщики! Нѣтъ, любезный! Когда мы съ великимъ Суворовымъ....

«Били Французовъ въ Италіи... Знаю, дядинька, и увѣряю васъ, что вы ошибаетесь. Я вовсе не зараженъ, ни философскими бреднями, ни либеральными идеями. Я Руской, и знаю, что мой первый и единственный долгъ служба Царю и Отечеству. Знаю, что въ мои лѣта и въ моемъ чинѣ не дѣлаются ни министрами, ни губернаторами, и что прежде чѣмъ подписывать бумаги, надобно ихъ умѣть писать. Повѣрьте, что я радъ служить, и буду всю жизнь служить. Но мнѣ двадцатый годъ. Моя служба не можетъ еще принести государству ни какой пользы, а путешествіе можетъ быть самому мнѣ очень полезнымъ. Позвольте мнѣ потаскаться, какъ вы говорите, года два-три по бѣлу свѣту, и тогда я, воротясь, съ полною охотою примусь за экстракты и отношенія, если не буду годенъ ни къ чему лучшему. Согласитесь, милый дядинька! Именемъ доброй моей покойной маменьки умоляю васъ объ этомъ. Когда я былъ еще въ Лицеѣ, то она знала о моемъ желаніи, и благословила меня. Богу не угодно было, чтобы она»....

На этомъ мѣстѣ разговоръ пресѣкся. Глаза молодаго человѣка наполнились слезами, грудь его стѣснилась, и онъ замолчалъ. Дядя опустилъ также голову, и послѣ минутной задумчивости, почувствовалъ, что и его глаза отъ чего-то мокры. Со вздохомъ протянулъ онъ племяннику руку и сказалъ:

— Добрая моя сестра, бѣдная Анна! Не допустилъ тебя Богъ порадоваться на твоего Владиміра! Какъ быть!

Все въ его святой волѣ. Но если она тебя благословила, то я не могу противиться. Поѣзжай, братецъ. Богъ съ тобой! Хоть мнѣ это и не нравится, но авось судьба устроитъ все къ лучшему. Авось ты не заразишься иноземною чумою и воротишься опять на грудь дяди чистымъ Русскимъ человѣкомъ и вѣрнымъ подданнымъ. Вотъ одно, о чемъ я тебя прошу, и съ этимъ только условіемъ благословляю тебя именемъ покойнаго твоего отца и моей доброй Анны!

Владиміръ бросился въ объятія старика.

«Повѣрьте, дядинька, что я не постыжу ни имени моихъ родителей, ни вашего благословенія. Мнѣ, признаюсь, даже грустно слышать ваши разсужденія и подозрѣнія на счетъ нашей молодежи. Вы все воображаете, что науки и литература дѣлаютъ насъ вольнодумцами. Напрасно.—Мы, во первыхъ, слишкомъ живо чувствуемъ все, чѣмъ обязаны благотворнымъ попеченіемъ Государя, который насъ воспиталъ, образовалъ, создалъ. Каждый нашъ шагъ, каждая мысль должны во всю жизнь стремиться къ тому, чтобы доказать ему нашу благодарность и усердіе. И повѣрьте, что истинно-просвѣщенный человѣкъ всегда, всѣмъ сердцемъ преданъ своему Отечеству и Государю. Всѣ тѣ, которые своимъ вольнодумствомъ и космополитствомъ такъ напугали стариковъ, въ такомъ же презрѣніи между нами, какъ и у всѣхъ порядочныхъ людей. Эти люди наклепали на себя ученость и просвѣщеніе; другіе имъ повѣрили, и пустое болтовство ихъ, взятое не изъ собственной головы, а изъ ничтожныхъ книжонокъ мнимыхъ философовъ, опасно только слабымъ головамъ.

Повѣрье стариковъ обидно для насъ. Истинное просвѣщеніе ведетъ не къ злоупотребленіямъ ума, а къ истребленію ихъ. Познанія служатъ не къ прикрытію пороковъ, а къ уничтоженію тѣхъ, которые вкоренились въ обществѣ. И вы, живучи здѣсь въ губерніи, вѣрно знаете многихъ изъ должностныхъ лицъ, которымъ бы нужно было исправленіе въ нравственныхъ качествахъ гражданина и человѣка.»

— Да!.... Оно конечно не безъ того. У насъ таки любятъ взятки — и правосудіе часто хромаетъ отъ ссылокъ на указы. . . Ну, да гдѣ же этого нѣтъ! Кто Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ?

«И этими-то отговорками стараются извинить всѣ проступки, всѣ низкія склонности. Нѣтъ, дядюшка! Между нашею молодежью вы не услышите подобныхъ сужденій. Насъ можетъ увлечь минутная страсть, пылъ молодости; мы сдѣлаемъ вамъ, можетъ быть, нѣсколько глупостей, но ни одной подлости.»

— Ну, ладно, ладно! Перестань. Я не люблю сплетней. Много, правда, и между нашею братьею найдешь дурнаго, но ужъ за то ни слова вольнодумнаго. Все по старинѣ. У всякаго на языкѣ услышишь святыя слова: Богъ и Государь!

«Жаль только, дядинька, что эти истинно-Русскія слова, по большей части, на *языкѣ* у нихъ, а не въ *сердцѣ*. Всякій неправосудный судья, ограбя невиннаго самымъ низкимъ образомъ, думаетъ потомъ набожностью и постомъ загладить свой грѣхъ и преступленіе»....

— Да, перестань же, Владиміръ. Вотъ вѣдь ужъ куда разговоръ нашъ зашелъ! — Пора остановиться. *Не осу-*

ждай, да не осужденъ будеши. Аминь! Ты ѣдешь путешествовать, и я на это согласенъ; дамъ тебѣ, разумѣется, на дорогу подкрѣпленіе.... Но, послушай: вѣдь еще ни гдѣ не горитъ? Куда тебѣ торопиться? Останься здѣсь у насъ недѣли на двѣ. Я тебя познакомлю со всѣмъ нашимъ городомъ, со всею роднею, а у насъ ее человѣкъ двадцать. Мы старинные друзья съ Губернаторомъ. Я тебя туда представлю. Ты увидишь истинно-Русское семейство, доброе, честное, радушное. У Губернатора двѣ дочери,—сущіе ангелы!.... Кто знаетъ?—Можетъ быть, тебѣ и понравится наше житье; можетъ быть, и ты раздумаешь таскаться по свѣту...

« Никогда, дядюшка».....

— Ну, ну, я вѣдь такъ только сказалъ. Я вѣдь согласился. Согласись же и ты теперь.

« Съ большимъ удовольствіемъ, дядинька. Всякое ваше желаніе для меня законъ. Я готовъ у васъ прожить хоть мѣсяцъ. Мой заграничный паспортъ данъ на два года, и я еще успѣю насмотрѣться на чужое.»

Дядя снова обнялъ племянника.

«Кто жь они были?» спросятъ, можетъ быть, читатели. Изъ разговора ихъ, конечно, уже можно было догадаться о многомъ. Но, извольте — скажемъ и остальное.

Отставной за ранами маіоръ Лаврентій Ѳедоровичъ Скульскій, прослужа весь свой вѣкъ въ военной службѣ, доживалъ бодрую свою старость въ губернскомъ городѣ. Грудь его украшалась орденомъ Св. Побѣдоносца Георгія, который получилъ онъ при Нови, взлетѣвъ первый съ своею ротою на высоты. При переходѣ черезъ Сенъ-Готаръ былъ онъ раненъ, и съ тѣхъ

поръ сдѣлавшись неспособнымъ къ продолженію службы, уѣхалъ въ свой родимый городъ, близъ котораго было у него 500 душъ и съ дюжину близкихъ родственниковъ.

Родная сестра его Анна была замужемъ за какимъ-то статскимъ совѣтникомъ Грушовымъ, служившимъ въ Петербургѣ начальникомъ отдѣленія. Но когда онъ умеръ, то вдова переѣхала жить къ своему брату, который отдалъ единственнаго сына ея Владиміра въ Лицей, и содержалъ тамъ на своемъ иждивеніи. Передъ самымъ выпускомъ сына скончалась она. У Владиміра ничего не было, кромѣ добраго дяди, но тотъ почиталъ его за собственнаго своего сына, и назначилъ ему въ наслѣдство все свое имѣніе.

Молодой человѣкъ, получившій отличное образованіе, и одаренный отъ природы самыми лучшими качествами, приписался по выпускѣ въ одно министерство и ожидалъ ваканціи. Но какъ онѣ случаются не такъ-то часто и получаются не такъ-то легко, то и рѣшился онъ путешествовать, имѣя къ тому давнишнюю склонность. Ему данъ былъ отпускъ, дано нѣсколько рекомендательныхъ писемъ, и онъ отправился къ своему дядѣ за самыми нужными пособіями для путешествія.

Дядя чрезвычайно обрадовался его пріѣзду, но огорчился намѣреніемъ. Онъ истощилъ все свое Суворовское краснорѣчіе, чтобы отклонить его отъ путешествія, но мы уже видѣли, что племянникъ восторжествовалъ надъ всѣми силлогизмами дяди, напомня ему, что покойная мать благословила это намѣреніе еще при жизни своей.

Храбрый маіоръ впрочемъ вовсе не изъ скупости противился желанію племянника, но онъ ожидалъ, что молодой, ученый человѣкъ, начавшій свою служебную жизнь съ важнаго чина титулярнаго совѣтника, въ нѣсколько лѣтъ явится губернаторомъ въ родимый свой городъ, а путешествіе явно отнимало два года изъ итога надеждъ его. Принужденный уступить просьбамъ молодаго человѣка, онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, блеснуть имъ въ кругу своего губернскаго города, и былъ очень радъ согласію племянника: прожить у него недѣли двѣ, и даже мѣсяцъ.

Впрочемъ, безъ пособія журналовъ и газетъ, нигдѣ новости такъ скоро не расходятся, какъ въ маленькихъ городахъ, и вѣсть о прибытіи молодаго лицеиста, С. Петербургскаго титулярнаго совѣтника, успѣла уже занять словоохотное общество провинціяловъ. Тотчасъ же начались приватные толки о цѣли его прибытія. Старушки, у которыхъ было много дочерей и мало приданаго, увѣряли, что онъ хочетъ жениться въ томъ самомъ городѣ, гдѣ родилась его мать. Городничій и Попечитель Богоугодныхъ заведеній шептали между собою, что это тайный ревизоръ. Молодые чиновники, отъ секретаря при губернаторѣ до повытчика Казенной Палаты, чувствовавшіе, что пріѣзжій затмитъ ихъ передъ городскими красавицами, съ насмѣшкою разсказывали вездѣ, что Владиміръ пріѣхалъ нарочно въ ихъ городъ, чтобы послѣ описать всѣхъ въ журналахъ, или выставить въ какой нибудь комедіи. Слѣдственно, пріѣздъ Владиміра произвелъ выгодное впечатлѣніе толь-

ко на дамъ и дѣвицъ. Всѣ прочіе видѣли въ немъ какую-то зловѣщую комету.

— Ну, Владиміръ, — сказалъ дядя, сидя вечеромъ за чаемъ — «завтра повезу я тебя съ визитами ко всѣмъ властямъ здѣшняго города, и къ нѣкоторымъ важнѣйшимъ родственникамъ, а послѣ завтра къ остальной роднѣ. Готовься, братъ, на инспекторскій смотръ. Блесни-ко передъ здѣшнимъ обществомъ. Только предупреждаю тебя, что здѣсь судятъ гораздо строже, нежели у васъ въ Петербургѣ. Здѣсь до послѣдней нитки разберутъ тебя. Каждый твой шагъ, твое слово, ужимка, улыбка, будутъ по всѣмъ химическимъ правиламъ разложены, разсмотрѣны, обсужены, и всегда почти въ невыгодную сторону. Берегись же. Не осрами своего Петербурга и Лицея.

«Я радъ, дядюшка, куда вамъ угодно. Но предупреждаю васъ, что дѣлаю это изъ любви и повиновенія къ вамъ. До вашего же провинціальнаго ареопага мнѣ, право, очень мало нужды. Пусть судятъ обо мнѣ, какъ хотятъ. Чтобы имъ понравиться, я не сдѣлаю ни одного лишняго шагу, не скажу ни одного слова. — Что мнѣ до нихъ за дѣло? Добрыхъ людей готовъ я любить и уважать отъ всего сердца, а злыхъ и пустыхъ.... Богъ съ ними!»

— Оно, конечно, и такъ, а все лучше, другъ мой, чтобы всѣ тебя любили и хвалили. Мы не знаемъ, кто намъ на свѣтѣ пригодится.

«Нѣтъ! извините, дядюшка. Я ни за что въ свѣтѣ не хочу искать любви и похвалы бездѣльника. Это унизило бы, и меня, и васъ, и моихъ родителей. Я хочу пріобрѣсть уваженіе только честныхъ и благомысля-

щихъ людей. А тотъ, кого всѣ равно хвалятъ, вѣрно, пустой человѣкъ.»

— Ну, ты опять зафилософствовалъ! Перестань пожалуста. А лучше выслушай, къ кому я тебя повезу. Это все таки тебѣ пригодится. Вопервыхъ, разумѣется, мы поѣдемъ къ Губернатору. Вотъ самый рѣдкій, самый достойный человѣкъ. Когда мы съ великимъ Суворовымъ били Французовъ по Италіи, то этотъ Губернаторъ былъ тогда поручикомъ у меня подъ командою. Теперь онъ далеко ушелъ впередъ, но вовсе не зазнался, и мы съ нимъ частехонько сидимъ въ двоемъ по вечерамъ и перебираемъ славныя старинныя времена. Онъ послѣ меня долго служилъ въ военной. Два раза ходилъ подъ Французовъ, а въ достопамятный 1812-й годъ отличился на славу и весь увѣшанъ орденами. Вотъ ужь два года, какъ онъ здѣсь, и всѣ не могутъ имъ нахвалиться....

Тутъ Владиміръ не могъ скрыть насмѣшливой улыбки. Старикъ, глядѣвшій всякому въ глаза, съ кѣмъ разговаривалъ, замѣтилъ ее, понялъ и продолжалъ — Не улыбайся, другъ мой. Конечно, злые люди хвалятъ его изъ боязни, но добрые и бѣдные видятъ въ немъ отца. Онъ вдовъ; у него двѣ дочери, Любушка и Лизанька. Ну, послѣдней еще только 13 лѣтъ, и она не въ счетъ, зато первая чудо-дѣвушка. Воспитывалась въ Екатерининскомъ, умна, добра, мила.... Берегись, Владиміръ! Она свела съ ума всю нашу губернію....

«Не безпокойтесь, дядинька. Я не слишкомъ влюбчивъ, и вовсе не намѣренъ, какъ водится въ свѣтѣ, составить себѣ карръеръ женитьбою.

— Опять философія! Когда мы съ великимъ Суворовымъ.....

Владиміръ опять улыбнулся — и старикъ остановился на минуту.

— Вы, однако, молодые люди, очень странны. Поговорки стариковъ вамъ тягостны, а сами въ тысячу разъ несноснѣе. Твоя философія, напримѣръ. Вѣдь о чемъ ни заговори, у тебя тотчасъ готово какое нибудь злое сужденіе или насмѣшливая улыбка. Ну, да я незлопамятенъ.

«Я молчу, милый дядинька. Вѣдь только съ вами-то я и разговорчивъ, а съ другими у меня по часу слова не добьетесь.»

— И это худо, другъ мой. Одни примутъ это за невѣжество, другіе за глупость.

«Кто меня не знаетъ, тотъ пусть думаетъ, какъ хочетъ, а кто знаетъ».....

— Когда мы съ великимъ Суворовымъ били Французовъ въ Италіи, то дѣйствовали такъ, чтобы насъ равно знали и друзья и непріятели. Да, ты однако меня опять сбилъ. На чемъ бишь я остановился?

«На красотѣ Любушки, дочери Губернатора.»

— Ну, это хорошій знакъ, что ты вспомнилъ. Я только хотѣлъ испытать тебя. И такъ эта Любушка.... Постой-ко однако. Дай мнѣ сдѣлать Бонапартевскій маневръ. Отложимъ-ко на минуту Любушку, и разскажи мнѣ свою Петербургскую исторію съ своею Нѣмочкою.

«Э! дядинька. Полно пожалуста! Охота вамъ заниматься такимъ вздоромъ...»

— А, вотъ тутъ не философствуешь и покраснѣлъ,

какъ Англійскій мундиръ. Но мы одни. Я твой дядя и даже могу назваться отцомъ. Говори же. Я самъ былъ молодъ, любилъ поволочиться, и когда мы съ великимъ Суворовымъ......

«Ну, если вы непремѣнно требуете моей исповѣди — извольте. Грустно разсказывать о своей глупости, но и она имѣетъ свои пріятныя воспоминанія. Разсказъ мой будетъ коротокъ. Когда я вышелъ изъ Лицея, то часто видѣлся со многими прежними своими товарищами. Одинъ изъ нихъ имѣлъ большія знакомства по театрамъ, и водилъ меня часто въ Кушелевскій театръ (*). Тамъ бывалъ я съ нимъ часто за кулисами, влюбился въ одну пѣвицу, вообразилъ себѣ по ея улыбкамъ и любезности, что и она ко мнѣ не равнодушна, и этого было довольно для сердца неопытнаго юноши. Я вздыхалъ, не спалъ, не пилъ, не ѣлъ и сходилъ съ ума. Всѣ надо мною смѣялись, но Эмилія — это имя актрисы — принимала мои посѣщенія, подавала мнѣ отдаленныя надежды, и я былъ ея невольникомъ. Наконецъ, друзья надо мною сжалились, открыли мнѣ глаза; я узналъ, что служу предметомъ насмѣшекъ этой женщины, что у нея есть другой любовникъ, а было прежде и полдюжины. Я взбѣсился, изобличилъ презрѣнную женщину, и совершенно удалился отъ общества. Это глупое происшествіе наиболѣе подало мнѣ мысль ѣхать путешествовать. Вскорѣ я узналъ, что она сама куда-то уѣхала. Это еще болѣе облегчило меня,

(*) Тамъ, гдѣ нынѣ Главный Штабъ, былъ нѣкогда Нѣмецкій театръ, сперва подъ управленіемъ антрепренеровъ, а потомъ уже сдѣлался Императорскимъ.

потому, что сколько ни ненавижу ее за обманъ, а все таки первая страсть не скоро изгладится изъ сердца. Вотъ и все, дядинька. Исторія самая простая и пустая.»

— И ты, въ самомъ дѣлѣ, былъ въ дуракахъ. Пріѣзжій жидъ Лайба, который у насъ поселился, разсказывалъ здѣсь эту продѣлку, но выставилъ однакожь тебя не совсѣмъ несчастливымъ.

— «Ахъ, Боже мой! да этотъ жидъ здѣсь? Теперь я вспомнилъ и объ немъ. Онъ вездѣ вертѣлся по переднимъ.... Его звали Лайбою, но онъ, кажется, перекрестился и ходилъ во фракѣ. — Тотъ ли это?»

— Тотъ самый. Онъ у васъ тамъ понажился у откуповъ, записался въ гильдію и сюда ужь пріѣхалъ чиновникомъ. Онъ ужь, братъ, канцеляристъ, почти офицеръ.....

Въ эту минуту, вошедшій слуга доложилъ Маіору, что Левъ Львовичъ пріѣхалъ.

— Легокъ же на поминѣ! — вскричалъ Маіоръ. — Зови его. Ну, вотъ онъ и самъ.

— «Кто, дядинька?

— Твой знакомецъ Лайба. Только, ради Бога, не напомни ему ни прежняго имени, ни вѣроисповѣданія. Онъ на этотъ счетъ ужасно щекотливъ.

«Потому то бездѣльники всегда хотятъ казаться честными.»

Едва Владиміръ успѣлъ окончить свою фразу, какъ уже гость явился. Низенькій, толстенькій человѣчикъ, лѣтъ сорока, въ модномъ парикѣ, прикрывающемъ Еврейскую лысину, съ сѣрыми бѣглыми и безпрестан-

но моргающими глазами, коварно-подлою улыбкою, склонившеюся отъ привычки головою, и повидимому, одаренный резинною спинною костью, быстро вошелъ на цыпочкахъ, и минутъ съ пять шаркалъ и говорилъ привѣтствія, какъ хозяину, такъ и пріѣзжему.

Когда этотъ приготовленный потокъ рѣчей окончился, то дядя указалъ гостю стулъ и велѣлъ человѣку подать ему чаю. Это двойное вниманіе Маіора заслужило новую благодарственную рѣчь жида канцеляриста, которую точно также дали ему высказать, не прерывая. Впрочемъ, сколько привычки и усилія Лайбы ни старались скрыть въ выговорѣ Еврейское происхожденіе, но оно очень часто проскакивало, къ видимой досадѣ говорившаго.

— Ну, что̀ скажешь новенькаго, любезный Левъ Львовичъ — спросилъ Маіоръ.

«Всѣ новости теперь у васъ, васе высокоблагородіе, какъ въ тоцкѣ»... Онъ остановился и закусилъ губу, высказавъ однимъ духомъ два раза Еврейскую свою родословную.

— Ты вѣрно говоришь о племянникѣ — продолжалъ Маіоръ. — Да! любезный, вотъ онъ! Рекомендую.

«Если бъ я смѣлъ думать, что Владиміръ Алексѣевичъ помнитъ меня, то я бы оцень былъ счастливъ...

— Память у меня не такъ плоха, Левъ Львовичъ, — отвѣчалъ Владиміръ — а счастьемъ знакомства намъ обоимъ нельзя похвастать. Мы оба съ вами играли тогда незавидныя роли.

«А, помилуй Богъ!» вскричалъ Лайба.

«Вы и тогда были такой же прекрасный и бравый молодой целовѣкъ»....

— Покорно благодарю за похвалу; она не очень лестна. Я очень знаю, что тогда былъ въ пошлыхъ дуракахъ.

«Ай! какъ-зе мозно!... Лайба опять замолчалъ, съ досадою на самого себя за двукратное *з*.

— Ну, да что говорить о старомъ — прибавилъ Маіоръ. — Поговоримъ-ко лучше о новомъ. Я хочу, Левъ Львовичъ, возить племянника ко всѣмъ здѣшнимъ властямъ и родственникамъ, и вы очень кстати пожаловали. Я васъ попрошу предупредить всю нашу родню о моихъ визитахъ. Вѣдь у насъ это такъ водится. Что всѣ ли они здоровы? Я давно съ ними не видался. Раненая моя нога не пускала меня недѣли двѣ со двора....

Лайба, съ озабоченнымъ видомъ, подбѣжалъ къ ногѣ Маіора, и съ участіемъ разсматривалъ ее, говоря: «Ахъ! берегите себя, васе высокоблагородіе! Вы здѣсь отецъ всѣхъ бѣдныхъ. Безъ васъ сотни семействъ умрутъ съ голоду»....

— «Э Левъ Львовичъ! гораздо меньше. Даже я думаю, что ни одного. Но не въ томъ дѣло. Я у васъ спросилъ, всѣ ли мои родные въ добромъ здоровьѣ?

«А казется всѣ.... Позвольте. Сила Ивановичъ изволилъ вчера обѣдъ давать его высокородію г. Вице-Губернатору. Прасковья Григорьевна ѣздила вчера въ Пафнутьевскій монастырь, и въ добромъ здоровьи возвратилась. Сильвестръ Прокофьевичъ».... Тутъ Лайба закашлялся.

— Что, братъ, отъ этого поперхнулось? — весело сказалъ Маіоръ.

«Ай! Бозе сохрани. Целовѣкъ почтенный, достойный..... Ну, а кто жь себѣ и не желаетъ добра?» прибавилъ онъ, съ лукавою миною, осматриваясь во всѣ стороны.

— Не бойся, мы изъ избы сору не вынесемъ. Моего троюроднаго братца, попечителя богоугодныхъ заведеній, Сильвестра Прокофьевича, грѣхъ поклепать добромъ. — Ну далѣе!

«Его высокоблагородіе Иванъ Ивановичъ вчера засѣдалъ въ Земскомъ Судѣ, и хотя раза два изволилъ уснуть на судейскихъ креслахъ, но это не отъ болѣзни.... хотя онъ правда и сыръ немножко.... Много изволитъ кушать»....

— И запивать — договаривай. Ну, а охотникъ мой, Григорій Григорьевичъ, вѣрно, на отъѣзжемъ полѣ?

«Нѣтъ-съ! Вчера изволилъ воротиться. Сестрица Анна Григорьевна послала ему вѣстоцку, что пріѣхалъ Владиміръ Алексѣевичъ.»

— Это на что? — вскричалъ Владиміръ.

«Она первая получаетъ всѣ городскія новости, и уже потомъ разсылаетъ ихъ по роднымъ и знакомымъ.».....

— Съ разными примѣчаніями и дополненіями — прибавилъ со смѣхомъ Маіоръ, и Лайба, въ знакъ согласія, униженно поклонился.

—Ну, вотъ, кажется, всѣ главные родственники; прочіе сами придутъ..... А что Каролина Карловна? Я ее давно не видалъ. Что она подѣлываетъ?

Быстро Лайба взглянулъ на Владиміра, и съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ отвѣчалъ, что она нездорова.

— Какъ жаль! — вскричалъ Маіоръ. — А къ этой тоже надобно бъ было сдѣлать визитъ. Преумная женщина, и овладѣла всѣмъ городомъ. Она вдова какого-то Баварскаго ротмистра, который подъ Пультусскомъ взятъ былъ въ плѣнъ и умеръ у насъ въ плѣну. Она было къ нему пріѣхала, но не найдя уже его, принуждена была остаться въ Россіи и заняться воспитаніемъ дѣтей. Вотъ ужь съ годъ, какъ она здѣсь, завела пансіонъ, и всѣ отъ нея безъ ума. Такая бойкая, свѣтская женщина, самой строгой нравственности. Всѣ наши отдали къ ней дочерей своихъ и не нахвалятся ею. Она у всѣхъ принята и принадлежитъ къ городскимъ властямъ. Всѣ съ нею совѣтуются, всѣ ее слушаются.

«Да, ваше высокоблагородіе! Прекрасная женщина! Жаль, что сдѣлалась очень не здорова, ни кого не принимаетъ»....

— Ну, а наше красное солнышко, Александръ Григорьевичъ Загибалкинъ, здоровъ ли тѣломъ и карманомъ? — спросилъ Маіоръ.

«Тѣломъ-то здоровъ, но вчера опять не посчастливилось. Двѣ тысячи спустилъ нашему Прокурору.»

— Ну, да вѣдь не заплатилъ?

«Конечно-сь.—Оно пошло въ записную книжку.

— Несчастный человѣкъ! вскричалъ Маіоръ. -Вотъ, Владиміръ, урокъ всѣмъ молодымъ людямъ. У этого Александра Григорьевича не было съ молода ни гроша. Вдругъ какой-то дядя откупщикъ, или заводчикъ, въ Сибири, умеръ и оставилъ ему чистоганомъ полтора

миллiона въ наслѣдство. Что жъ, сударь? Въ двѣ недѣли эти денежки улетѣли въ бѣлокаменной Москвѣ! Искусные люди очень удобно перевели ихъ въ свои карманы, посредствомъ невиннаго искуства передержки и подрѣзныхъ картъ. Бѣдный Александръ Григорьевичъ, очертя голову, пустился играть далѣе, проигралъ еще, и когда потребовали съ него заплаты, то онъ откровенно сознался, что у него гроша нѣтъ, и что онъ только хотѣлъ отыграться. Подлецы, обыгравшiе его, поступили съ нимъ не очень учтиво, но онъ долженъ былъ все стерпѣть и молчать. Бѣднякъ совсѣмъ бы погибъ, но, слава Богу, какой-то добрый вельможа взялъ его въ свое покровительство и далъ ему здѣсь тепленькое мѣстечко, которое его кормитъ.

«Говорятъ, ваше высокоблагородiе,» лукаво прибавилъ Лайба, «что вельможа оказалъ свое покровительство не даромъ»....

— Э! Левъ Львовичъ! это сплетни Московскихъ вѣстовщицъ. Его Луиза Павловна самая почтенная женщина, была воспитана въ какомъ-то знатномъ домѣ, и живетъ теперь самымъ благочестивымъ образомъ. Даже старается исправить мужа отъ чарки и проклятыхъ картъ. Я тебя, Владимiръ, свожу и къ нему. Онъ нашъ дальнiй родственникъ.

«Не очень лестное знакомство,» отвѣчалъ племянникъ. «Не понимаю, какъ можно ввѣрять какое нибудь мѣсто, да еще, по вашему, *тепленькое*, подобному человѣку, какъ вашъ Александръ Григорьевичъ. Мотъ и пьяница можетъ ли быть вѣрнымъ гражданиномъ и хорошимъ чиновникомъ?»

— Владимiръ! опять за философiю! Эй, братецъ, берегись и не суди другихъ такъ строго. Кто знаетъ, можетъ быть, и тебя будутъ когда нибудь судить?

«За проступки сердца, но не за низости, дядюшка, и я вамъ повторяю»....

Маiоръ, видя, что племянникъ хочетъ что-то съ жаромъ говорить, и не довѣряя такому свидѣтелю, каковъ Лайба, пресѣкъ его краснорѣчивую тираду въ самомъ началѣ, обыкновенною своею поговоркою: «когда мы съ великимъ Суворовымъ,» и прочее, а догадливый Лайба, боясь самъ слушать рѣчи, противныя духу чинопочитанiя, всталъ и началъ раскланиваться. Это все окончило. — Лайба взялся объѣздить всѣхъ родственниковъ и предупредить ихъ о визитахъ дяди съ племянникомъ.

Когда Лайба ушелъ, то Владимiръ смиренно выслушалъ наставленiе Маiора, и долженъ былъ дать ему обѣщанiе впредь быть осторожнѣе въ рѣчахъ, когда они не одни. — Вскорѣ они разошлись по своимъ комнатамъ, чтобы лечь спать.

Тутъ Владимiру подалъ каммердинеръ его записку.

«Отъ кого?»

— Не могу знать?

«Да кто принесъ?»

— Давишнiй гость?

«Какой? Жидъ Лайба?»

—Не могу знать.

«Какъ не можешь знать, дуракъ? Да, вѣдь другаго гостя не было?»

— У насъ вѣдь это, сударь, былъ Левъ Львовичъ.

Владимiръ развернулъ записку. Рука была женская.

Огонь обхватилъ весь его составъ. Глаза едва могли разобрать слова письма. Онъ опустился въ кресла и долго, долго устремлялъ безчувственный взоръ на видимыя строки.

«Непостижимо!» сказалъ онъ наконецъ, со вздохомъ. «Неужели судьба будетъ вездѣ меня преслѣдовать? Что мнѣ дѣлать?»

— Прикажете раздѣваться? — спросилъ Прошка.

«Убирайся, дуракъ, къ чорту!»

— Слушаю-съ.

«Нѣтъ, постой! Дай мнѣ одѣться.»

Прошка стоялъ разинувъ ротъ и не двигался съ мѣста.

«Что жъ ты сталъ, болванъ?»

— Да, вѣдь вы изволите спать ложиться?

«Не разсуждай, дуракъ, и дѣлай что̀ велятъ.»

— Слушаю-съ.

Черезъ пять минутъ, переодѣтый Владимiръ надѣлъ плащъ и пошелъ ночью по темнымъ улицамъ незнакомаго ему города, приказавъ Прошкѣ ждать его возвращенiя у воротъ, чтобы стукомъ не разбудить дяди.

Едва успѣлъ Владимiръ пройти улицу, въ которой жилъ дядя, какъ человѣкъ, ждавшiй, повидимому, его появленiя, подошелъ къ нему и тихо сказалъ: «Владимiръ Алексѣевичъ! Вы ли это?»

— Я, я. Ты кто?

«Каролина Карловна просила меня проводить васъ до ея квартиры.»

Молча пошелъ онъ за своимъ вожатымъ.

ГЛАВА II.

Когда Владимiръ съ провожатымъ подошли къ дому Каролины Карловны, калитка отворилась безъ малѣйшаго шума, и они, по темной лѣстницѣ, вошли въ пустую переднюю, слабо освѣщенную ночникомъ. Пройдя потомъ еще двѣ, три темныя комнаты, отворили они дверь въ небольшой кабинетъ, который былъ освѣщенъ столовою лампою, прикрытою зонтикомъ и стоявшею на столѣ передъ зеркаломъ. Въ углу на диванѣ сидѣла женщина, въ довольно небрежномъ положенiи, легкомъ пеньуарѣ, и съ роскошно распущенными волосами, которые локонами разбросаны были по плечамъ. Таинственный свѣтъ лампы обнаруживалъ, что женщина эта была собою очень не дурна, хотя уже и не въ первой молодости.

При входѣ Владимiра (провожатый остался за дверьми), сидѣвшая женщина не перемѣнила своего положенiя, но сдѣлала ему молча знакъ, чтобы онъ подлѣ нея сѣлъ. Владимiръ безмолвно повиновался. Съ минуту продолжалось обоюдное молчанiе. Наконецъ хозяйка начала разговоръ, и, если это нужно знать читателю, то мы прибавимъ, что разговоръ происходилъ на чувствительномъ Нѣмецкомъ дiалектѣ.

— Любезный Владимiръ! вы должны быть очень на меня сердиты, и я въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, виновата передъ вами. Но вы еще очень молоды, вы не

знаете, какое несчастное существо на свѣтѣ женщина; не знаете, ни печальныхъ обстоятельствъ моей жизни, ни причинъ, которыя принуждали меня отказаться отъ вашей любви. Впрочемъ, я принесла ей величайшую жертву—оставила свое поприще и кругъ столицы, и скрылась въ неизвѣстный городъ, чтобы строгою жизнію и твердыми правилами вознаградить прежніе проступки. Здѣсь никто меня не знаетъ и не будетъ знать подъ моимъ прежнимъ именемъ. Я приняла имя перваго своего мужа, Баварскаго капитана, и рѣшилась посвятить себя воспитанію дѣвицъ. Но если кто нибудь узнаетъ отъ васъ о моемъ прежнемъ званіи, то я погибла. Стыдъ и бѣдность будутъ моимъ удѣломъ. Нарочно хотѣла я васъ видѣть, чтобы ввѣрить вамъ свой жребій. Захотите ли вы изъ низкаго мщенія погубить женщину, которая хочетъ обратиться на строгій путь добродѣтели? Или будете довольно великодушны, чтобы забыть все прежнее, и не обнаружить передъ здѣшнимъ обществомъ, ни нашего знакомства, ни моей прежней жизни?

«Будьте спокойны, сударыня,» отвѣчалъ съ твердостію Владиміръ, послѣ минутнаго молчанія. «Мщенія отъ меня вы никогда не должны были ожидать. Надъ женщиною оно унизительно. Вашъ поступокъ со мною извѣстенъ и этого довольно. Если собственное ваше сердце можетъ что нибудь чувствовать, то оно отмстить за меня. Если же вы искренно раскаялись, и хотите вести жизнь тихую и полезную для общества, то я еще менѣе захочу вамъ въ томъ препятствовать. Будьте спокойны. Если мы здѣсь гдѣ нибудь встрѣтим-

ся, ни однимъ взглядомъ не обнаружу я прежняго нашего знакомства. Но вспомните однако, что я буду всегда служить для васъ грознымъ привидѣніемъ, которое будетъ слѣдовать за всѣми вашими поступками. Вы здѣсь приняли на себя очень важную обязанность. На вашемъ попеченіи будетъ нравственное образованіе цѣлаго поколѣнія здѣшняго города, и честь моихъ соотечественниковъ слишкомъ дорога для меня. Берегитесь же. При первомъ извѣстіи о самомалѣйшемъ вашемъ проступкѣ, я поступлю съ вами немилосердо. Согласны ли вы на это условіе?»

— Оно обнаруживаетъ благородную вашу душу, и я съ радостію соглашаюсь на него. Да, и въ какомъ же отношеніи могу я теперь быть виновною? Если я сама рѣшусь выйти здѣсь замужъ, а мнѣ уже нѣкоторые изъ здѣшнихъ жителей предлагали свою руку, то это будетъ, вѣрно, не проступокъ, а самое лучшее доказательство моего обращенія. Что же касается до молодыхъ моихъ питомицъ, то онѣ самый священный для меня залогъ.

«Я не разсуждаю, Эмилія, въ чемъ именно могутъ состоять будущіе ваши проступки, и только предупреждаю васъ, что буду неумолимъ противъ нихъ. Прошедшее же все забыто. Повторяю вамъ только, что вы со мною дурно поступили: я васъ любилъ до безумія и никогда не перестану любить васъ, но хотя бы мы жили въ одной комнатѣ, вы для меня будете такъ же далеки, какъ будто бы жили на вершинѣ Четыръ-Дага. — Прощайте!»

Онъ всталъ, хотѣлъ уйти, но забывшись, по прежней

привычкѣ, протянулъ ей руку, когда она подала ему свою, и это волшебное прикосновеніе потрясло всѣ его фибры. Онъ остановился, взглянулъ на нее–еще хуже! Взглядъ на прелестное лицо обворожительницы приковалъ его на мѣстѣ. Онъ молча продолжалъ стоять и смотрѣтъ ей въ глаза. Она улыбнулась, притянула его къ себѣ, и пламенный поцѣлуй юноши обнаружилъ всю слабость человѣческой природы. Онъ опустился на диванъ, склонилъ голову свою на ея плечо и осыпалъ руку ея самыми жаркими поцѣлуями. Грудь обоихъ волновалась, вздохи стѣсняли грудь, но Эмилія была слишкомъ опытна, и спѣшила прекратить этотъ опасный нѣмой разговоръ. Она протянула другую свою руку къ стоявшему подлѣ дивана маленькому столику, и звонъ серебрянаго колокольчика заставилъ Владиміра мгновенно опомниться. Онъ вскочилъ съ дивана, и въ туже минуту вошелъ въ кабинетъ человѣкъ, провожавшій его въ ночномъ его походѣ. Невольно бросилъ онъ на него взглядъ — это былъ Лайба.

«Любезный Левъ Львовичъ,» сказала Эмилія, «сдѣлайте одолженіе, проводите Владиміра Алексѣевича домой; онъ еще не знаетъ здѣшнихъ улицъ. Прощайте, Владиміръ, и помните, что Эмиліи нѣтъ уже на свѣтѣ. Каролина Карловна Мортенъ проситъ васъ удостоить ее вашимъ знакомствомъ.» — Она протянула ему еще разъ руку, которую онъ еще разъ поцѣловалъ, только пятьюдесятью градусами холоднѣе прежняго, и вышелъ не сказавъ ни слова.

Лайба, по прежнему, проводилъ Владиміра, и хотя дорогою начиналъ съ нимъ нѣсколько разъ разговари-

вать, но не добился отъ него ни одного слова. Прошка сладко дремалъ у воротъ, отперъ ихъ, и на этотъ разъ уже безъ спроса началъ раздѣвать барина, лукаво иногда на него поглядывая.

Долго Владиміръ не могъ заснуть. Свиданіе съ Эмиліею сильно взволновало въ немъ кровь. Чувство страсти вспыхнуло въ молодомъ сердцѣ, и первые лучи восходящей зари застали его обдумывающимъ въ трехъ-сотый разъ, какой бы разговоръ онъ долженъ былъ вести съ Эмиліею, и какія измѣненія могли бы произойти тогда въ прощальномъ поцѣлуѣ?—Наконецъ природа побѣдила, и онъ заснулъ.

— Помилуй, братецъ, да пора ужь къ Губернатору, а ты еще спишь. Нѣтъ, любезный! Когда мы съ великимъ Суворовымъ били Французовъ въ Италіи, то не спали до девяти часовъ» — вскричалъ дядя, входя къ Владиміру въ девять часовъ утра, и этотъ голосъ прервалъ самый сладкій сонъ, самое пріятное мечтаніе юноши. Онъ вскочилъ, извинялся лѣнивыми привычками столицы, и черезъ четверть часа былъ уже готовъ.

У дяди въ комнатѣ напились они чаю. Маіоръ надѣлъ свой Суворовскій мундиръ, и оба отправились къ Губернатору.

Онъ уже зналъ о визитѣ, и тотчасъ же ихъ принялъ. Владиміръ нашелъ въ немъ, дѣйствительно, самаго почтеннаго человѣка, внушающаго къ себѣ любовь и уваженіе съ перваго взгляда. Распрося молодаго человѣка объ его дальнѣйшихъ намѣреніяхъ по службѣ, удивился онъ, что Владиміръ на два года ѣдетъ путешествовать, уговаривалъ скорѣе воротиться и переселить-

ся къ нимъ въ губернію, гдѣ обѣщалъ дать наилучшее мѣсто. Владиміръ благодарилъ Губернатора со всѣмъ жаромъ искренности, и объявилъ, что всѣ мечты служебнаго его честолюбія простираются не болѣе, какъ до званія вице-губернатора, и что если онъ когда нибудь достигнетъ до сей цѣли, то непремѣнно будетъ проситься въ тотъ городъ, гдѣ родилась его мать, гдѣ живетъ его второй отецъ, и гдѣ главнымъ начальникомъ такой почтенный и благородный человѣкъ, какъ Губернаторъ. Старикъ пожелалъ ему скорѣйшаго исполненія его желаній, а себѣ долголѣтней жизни, чтобы до этого дождаться.

При прощаньи, Губернаторъ пригласилъ дядю и племянника къ себѣ въ тотъ же день обѣдать, и визиты продолжались далѣе.

Прежде всѣхъ, по богатству и родству, принадлежалъ визитъ Силѣ Ивановичу Скульскому, двоюродному брату Маіора и первому богачу по всей губерніи. Проведя всю жизнь въ разныхъ откупахъ, онъ нажилъ себѣ огромное состояніе, и добившись еще въ молодости кое какъ до титулярныхъ совѣтниковъ, спѣшилъ выйтти въ отставку съ вожделѣннымъ чиномъ ассессора. Съ тѣхъ поръ исключительно занялся онъ приращеніемъ своего имѣнія, и всѣ его старанія и желанія клонились къ тому, чтобы изъ шести цыфръ добиться до семи. Наконецъ, въ незабвенную годину 1812 года, когда тысячи раззорились, онъ былъ изъ числа немногихъ, которые обогатились. Поставки на армію удвоивали безпрестанно его капиталы и въ 1816.... (Авторъ виноватъ: онъ вѣдь и забылъ сказать, что дѣйствіе происходитъ около

этого времени) явилась наконецъ въ итогѣ наличности блаженная, и такъ жадно желаемая, седьмая цыфра.

Съ этой радостной минуты, онъ ограничился самыми вѣрными поставками и откупами, желая уже не пріобрѣтенія, а сохраненія.

Такая черта, выходившая изъ предѣловъ обыкновенной природы человѣческой, которая всегда почти ничѣмъ не бываетъ довольна, а проситъ себѣ еще горсточку, такая черта обнаруживала въ немъ уже не жаднаго скупца, а богача честолюбца, который имѣлъ въ виду собственную свою цѣль, и достигнувъ до нея, хочетъ уже наслаждаться пріобрѣтеннымъ, а не мучить себя новою жадностью и предпріятіями. И дѣйствительно, Сила Ивановичъ представлялъ феноменъ въ быту богачей. У насъ всегда богачи безчувственны, и дѣлаютъ изрѣдка добро изъ тщеславія, а у Силы Ивановича было доброе и сострадательное сердце. Онъ зналъ бѣдныхъ во всей губерніи и каждому изъ нихъ помогалъ. Но всего страннѣе было при томъ, что онъ строго запрещалъ каждому изъ нихъ разглашать, отъ кого они получаютъ пособія. И онъ не скрывалъ отъ этихъ людей, что требуетъ ихъ молчанія, не по христіанскому чувству скромности, а по разсчету, чтобы къ нему не обратилось гораздо большее число бѣдныхъ и не раззорило бы его

Въ обращеніи Сила Ивановичъ былъ обыкновенно ласковъ и разговорчивъ, но богатство составляло въ глазахъ его первое право на уваженіе. Это былъ термометръ, по которому невольно размѣрялъ онъ свою ласковость со всякимъ. У кого было болѣе ста тысячь капитала, тотъ могъ быть увѣренъ въ его дружбѣ и

услужливости. Мелкопомѣстныхъ иногда угощалъ онъ, говорилъ съ ними, но все это было съ высока и съ видомъ покровителя.

Маіоръ, какъ ближайшій родственникъ и владѣтель пятисотъ незаложенныхъ душъ, былъ съ нимъ всегда на дружеской ногѣ, но когда Лайба возвѣстилъ ему о посѣщеніи дяди съ племянникомъ, то Сила Ивановичъ задумался, какъ ему принять молодаго человѣка, у котораго было только восемдесятъ душъ, которыя Владиміръ уже заложилъ для расходовъ на путешествіе? Качества *Петербургскаго* и *ученаго*, которыя такъ привлекательны для прочихъ провинціяловъ, вовсе не трогали Силы Ивановича. Онъ очень хорошо зналъ, что съ капиталомъ, прелестною седьмою цыфрою, онъ и въ Петербургѣ будетъ во всеобщемъ уваженіи, не хуже всякаго ученаго. А потому, когда Маіоръ съ Владиміромъ пріѣхали къ нему послѣ Губернатора, то Сила Ивановичъ былъ въ нѣкоторомъ смущеніи, принимая ихъ въ великолѣпной своей гостиной. Когда же дядя представилъ Владиміра, какъ будущаго вояжера по всей Европѣ, а, можетъ быть, и далѣе, то Сила Ивановичъ былъ радъ, найдя при этомъ случай хотя о чемъ нибудь разговориться съ молодымъ человѣкомъ. Онъ надавалъ ему порученій узнать о цѣнахъ поставокъ и откуповъ въ главнѣйшихъ столицахъ, и о главныхъ источникахъ частнаго богатства въ настоящую эпоху. Этотъ разговоръ внушилъ ему мысль, дать молодому путешественнику какое нибудь пособіе на дорогу, но при первыхъ словахъ объ этомъ предметѣ дядя обидился, а племянникъ очень учтиво отказался.

Разумѣется, что при прощаньи пригласилъ Сила Ивановичъ, и дядю и племянника къ себѣ обѣдать. Но при словѣ «Губернаторъ», Сила Ивановичъ почтительно отступилъ и просилъ пожаловать завтра.

Третій визитъ былъ къ двоюродной сестрѣ Прасковьѣ Григорьевнѣ, почтенной 63-хъ лѣтней дѣвѣ, у которой всѣ занятія болѣзненной страсти состояли въ томъ, чтобы дома кормить трехъ мосекъ и двухъ котовъ, изрѣдка для развлеченія наказывать своихъ людей, и мучить всѣми капризами власти и старости молодую племянницу Сашу, которая у нея была въ опекѣ, и которой, при развивающейся необыкновенной красотѣ, и при 16 годахъ можно бъ было найтти занятіе гораздо пріятнѣе и приличнѣе, нежели всякій день чесать частымъ гребнемъ трехъ мосекъ и двухъ котовъ, и ходить безпрестанно съ ключами по кладовымъ, отпускать масло, муку и другіе припасы.

По предувѣдомленію Лайбы, Прасковья Григорьевна уже ожидала посѣтителей, и Саша еще по утру раздала людямъ по ея приказанію новую ливрею, которая была спита при восшествіи на престолъ Александра Павловича, и постоянно три раза въ годъ выдавалась изъ кладовой, а именно, въ Рождество, на Святой и 14-го Октября, въ день ангела хозяйки. Дѣвкамъ приказано было сидѣть въ дѣвичьей и на всякій случай быть всѣмъ обутымъ. Даже самой Сашѣ приказано было надѣть розовое ситцовое платье и голубой тафтяный передникъ. «Кто знаетъ?» думала старуха—«можетъ быть, Петербургскій шематонъ и влюбится въ ея питомицу?»

которой она до сихъ поръ никуда не пускала, кромѣ церкви.

Ужаснѣйшій трехъ-голосный лай встрѣтилъ посѣтителей, но какъ Маіоръ, по причинѣ раненой ноги, всегда ходилъ съ толстою камышевою палкою, то собачій тріумвиратъ и обратился на Владиміра, который, раскланиваясь передъ дамами, не имѣлъ другой защиты, кромѣ шляпы. Впрочемъ, псы успѣли только раза два въ нее вцѣпиться; Прасковья Григорьевна отозвала свою придворную стражу, приказавъ Сашѣ уложить ихъ на диванъ.

Усадивъ подлѣ себя Владиміра, старуха начала его распрашивать о Петербургѣ и Петербургскихъ домахъ, о хозяйствѣ, наконецъ о моськахъ, и съ удивленіемъ видѣла, что человѣкъ, котораго дядя заранѣе разславилъ въ городѣ, какъ ученѣйшаго профессора, совершенный невѣжа во всѣхъ этихъ предметахъ.

«Чему жь это, батюшка, васъ учатъ въ Питерѣ-то?» сказала она, покачавъ головою.

— Всему полезному и нужному для хорошаго гражданина, — отвѣчалъ Владиміръ, нѣсколько сухо.

«То есть, я у тебя спрашивала о пустомъ и безполезномъ? Такъ ужь, вѣрно, учтивость и уваженіе у васъ тоже лишнее?»

— Напротивъ, сударыня, это первая обязанность нашего возраста и званія, и я моимъ отвѣтомъ не смѣлъ и думать огорчить такую почтенную особу, какъ вы. Я только хотѣлъ и долженъ былъ защитить мудрое и благотворное попеченіе объ насъ Правительства. Оно, вѣрно, знаетъ, чему мы должны учиться.

«Конечно, батюшка.... виновата!... Мы ужь старухи выживаемъ изъ ума....»

Тутъ дядя вступился въ разговоръ, и кое-какъ уладилъ дѣло, которое начинало принимать очень дурной оборотъ.

Во время дипломатическихъ переговоровъ стариковъ, Владиміръ, украдкою, очень умильно взглядывалъ на Сашу, которая съ своей стороны тоже отправляла по секрету свои взгляды къ миловидному Петербургскому юношѣ.

Когда миръ былъ заключенъ, дядя, боясь новыхъ аттакъ со стороны старухи и философскихъ отвѣтовъ со стороны племянника, всталъ и раскланялся. Тутъ приглашенія на обѣдъ не было — это былъ бы необычайный расходъ и переворотъ во всемъ домѣ—но просто звали когда нибудь ввечеру на чашку чаю. За то самъ дядя взялъ со старухи обѣщаніе пріѣхать къ нему обѣдать съ племянницею, когда онъ назначитъ день. Послѣ того посѣтители, сопровождаемые завываніями мосекъ, отправились на четвертый и послѣдній визитъ.

Это было къ Сильверсту Прокофьевичу Сумскому, надворному совѣтнику и попечителю богоугодныхъ заведеній. Мы уже видѣли, что самъ Левъ Львовичъ поперхнулся при имени этого человѣка. Дѣйствительно, то былъ одинъ изъ такихъ выродковъ природы, которымъ какъ будто бы отъ рожденія не дано ни одной способности, ни одного чувства добра. О чемъ бы его ни спросили, мнѣніе его напередъ было извѣстно - самое злое, самое вредное. Всѣ его боялись, и всѣ однакожь принимали его, и даже старались задобрить, чтобы чѣмъ

нибудь смягчить злость его языка. Появленіе въ городѣ ихъ Петербургскаго пріѣзжаго, молодаго и ученаго, было новою пищею его злости и насмѣшкамъ. Онъ обѣщалъ всему губернскому обществу такъ отдѣлать эту залетную пташку, что она впередъ не заглянетъ къ нимъ.

Когда дядя съ племянникомъ къ нему пріѣхали, то онъ, по прекрасной провинціяльной привычкѣ, собирался уже обѣдать. Это былъ первый часъ, и разумѣется, подобная помѣха еще болѣе растравила его злость. Съ холодною вѣжливостью встрѣтилъ онъ посѣтителей, и спросилъ ихъ: не обѣдать ли они къ нему пріѣхали?

«О нѣтъ!» отвѣчалъ дядя: «Мы сегодня обѣдаемъ у Губернатора, а къ тебѣ, братецъ, заѣхали только, чтобы по долгу учтивости и родства рекомендовать тебѣ молодаго человѣка...»

— Благодаренъ, очень благодаренъ. Нынче учтивость между молодыми людьми въ рѣдкость, и нашъ пріѣзжій гость будетъ пріятнымъ исключеніемъ изъ общаго правила. Садитесь, господа, садитесь. У меня Степка и подогрѣетъ обѣдъ.»

«Зачѣмъ, братецъ. Мы не хотимъ тебя задерживать...»

— Да, вѣдь не на показъ же ты привелъ племянника? Ему, вѣрно, самому хочется по пристальнѣе разглядѣть и послушать провинціяловъ, чтобы послѣ написать на нихъ сатиру, или комедію, въ которой будутъ гуртомъ помѣщены всѣ дядюшки и тетушки.

«Вы ошибаетесь, Сильверстъ Прокофьевичъ,» отвѣчалъ Владиміръ. «У насъ пишутъ не на лица, а на пороки.

Тѣмъ хуже, кто узнаетъ себя въ какой нибудь каррикатурѣ, но всякія личности у насъ строго запрещены Правительствомъ.»

— Да, будто вы, господа, и сознаетесь въ своихъ христіанскихъ намѣреніяхъ? Вы рады присягнуть, что всѣ эти каррикатуры родились у васъ въ головѣ, а въ самомъ-то дѣлѣ выставили какого нибудь пріятеля, или родственника, на посмѣшище черни. Скажите ко, напримѣръ, откровенно: вы сколькихъ людей перепятнали своимъ перомъ?

«Я еще не имѣлъ надобности въ подобныхъ занятіяхъ,» отвѣчалъ Владиміръ. «Есть и безъ меня тысячи людей, которые находятъ удовольствіе и пользу марать и злословить. Подражать имъ я не намѣренъ; изобличать не вижу надобности; наказывать не имѣю права.»

— А какъ бы хорошо было сдѣлать васъ Римскимъ Ценсоромъ: вы, думаю, передѣлали бы нравы и обычаи всей Руси!

«Во всякой должности буду я умѣть исполнять ее съ честью и благонамѣренностью, а теперь покуда, я ни что иное, какъ мирный путешественникъ, который ищетъ познаній и просвѣщенія.»

— Охъ! вы молодые люди! Все въ чужіе краи, все за-море! Какъ будто тамъ только и солнце свѣтитъ! Нѣтъ, сударь, по нашему Русскому образу мыслей, знаете ли въ чемъ состоитъ ключь всѣхъ человѣческихъ познаній и истиннаго просвѣщенія? Это, сударь, Священное Писаніе. Займитесь ко имъ хорошенько, и вамъ не нужно будетъ проматывать послѣдней копѣйки

по заморскимъ гостинницамъ, въ которыхъ вы ищете новыхъ познаній.

«Слова ваши, Сильверстъ Прокофьевичъ, хоть и горьки, но совершенно справедливы,» отвѣчалъ Владиміръ, кипя внутренно негодованіемъ. «Слово Божіе служитъ первымъ основаніемъ всякой человѣческой мудрости, а въ особенности лучшимъ поученіемъ всеобщей нравственности. Но между тѣмъ, каждый вѣрный гражданинъ обязанъ имѣть и другія свѣдѣнія въ наукахъ, которыми онъ можетъ быть полезенъ своему Правительству. Всѣ народы въ свѣтѣ связаны между собою политическими и нравственными узами; всѣ перенимаютъ другъ у друга полезныя изобрѣтенія въ наукахъ, художествахъ и ремеслахъ, и безъ путешествій Великаго Преобразователя Россіи, она, можетъ быть, не была бы еще на нынѣшней степени величія и могущества. Слѣдственно, путешествія полезны, и я по возвращеніи своемъ постараюсь заслужить отъ васъ лучшее мнѣніе противъ нынѣшняго. Въ правилахъ же своей религіи я такъ же твердъ и свѣдущъ, какъ и другіе, съ тою разницею, что слишкомъ молодъ, и не могу говорить одно, а чувствовать другое, тогда какъ, по несчастію и къ стыду человѣчества, есть множество мнимонабожныхъ людей, у которыхъ одно на языкѣ, а другое на сердцѣ.»

Маіоръ, видя, что философія племянника готовитъ новую бурю, всталъ, желая прервать разговоръ, но, не зная какъ это сдѣлать, началъ своею обыкновенною фразою:

«Любезный Сильверстъ Прокофьевичъ! когда мы съ

великимъ Суворовымъ били Французовъ въ Италіи.....»

— То вѣрно не давали простывать своему обѣду? перебилъ его хозяинъ.—Я сдѣлаю тоже, не смотря на занимательность и поучительность нашего разговора съ Владиміромъ Алексѣевичемъ. Впрочемъ, я увѣренъ, что онъ еще посѣтитъ меня, когда окончитъ всѣ свои важные визиты. Не помнишь ли ты братъ, Лаврентій Ѳедоровичъ! — прибавилъ онъ, обратясь къ Маіору—который я у васъ по счету?

«Я, братъ Сильверстъ, люблю свою родню не по списку, а по доброй ихъ душѣ. А потому ты самъ лучше можешь разсчесть, который ты придешся. Прощай, дружище! До свиданія — я знаю, что ты человѣкъ добрый, но языкъ у тебя презлой!»

Тутъ они разстались.

ГЛАВА III.

Обѣдъ у Губернатора — дѣло важное. Каждый вечеръ и каждое утро, всѣ провинціяльныя общества разсуждаютъ о тѣхъ, кто былъ приглашенъ, и о тѣхъ, которые надѣялись быть приглашенными. Обѣдавшіе счастливцы вырастаютъ въ тотъ день вершка на два, а обойденные отпускаютъ сатирическія замѣчанія на суету мірскаго честолюбія.

И теперь, обѣдъ, къ которому былъ приглашенъ Вла-

димірѣ на другой день своего пріѣзда, сдѣлался предметомъ всеобщихъ разговоровъ. Загадки и намѣки раздавались шопотомъ во всякомъ углу. Перебрали всѣ возможныя возможности, а объ настоящей причинѣ никто и не подумалъ. Она была слишкомъ проста. Губернаторъ былъ одинъ изъ почтенныхъ людей стариннаго покроя, которые и при титлѣ превосходительства не забываютъ своихъ товарищей веселыхъ временъ поля ратнаго. Онъ искренно любилъ Маіора; часто проводилъ съ нимъ вдвоемъ вечера, и радъ былъ принять его племянника, не такъ какъ Петербургскаго пріѣзжаго и лицеиста, а просто, какъ сына своего друга. И обѣдъ былъ вовсе незваный, а совершенно семейный. Кромѣ дяди съ Владиміромъ и Секретаря не было никого, и послѣ первыхъ минутъ необходимаго этикета, Владиміръ вполнѣ былъ счастливъ, видя искреннюю доброту сердца и радушіе почтеннаго хозяина. Обѣ дочери его также скоро сблизились съ Петербургскимъ гостемъ. Живость, веселость и простота составляли главное основаніе ихъ характеровъ, но старшая, Любушка, уже чувствовала, что она довольно важное лицо въ обществѣ своего города, и знала сверхъ того, что собою очень хороша. Эти двѣ точки самопознанія придавали ей отчасти оттѣнокъ важности и кокетства, которыя такъ милы въ дѣвицѣ, если не перешли за черту любезности. Младшая же, Лиза, которую отецъ, безпрестанно лаская, прозвалъ бѣсенкомъ, по чрезвычайной ея живости, была еще полуребенокъ по обращенію, но уже часто переходила въ нѣжный возрастъ дѣвицъ по взглядамъ.

Владимiръ вскорѣ очутился, какъ будто въ кругу роднаго семейства. Когда старики послѣ обѣда пошли въ кабинетъ читать газеты и дремать, онъ остался съ дочерьми за фортепiано, и удивилъ ихъ музыкальными своими познанiями. О молодые люди! учитесь музыкѣ, а особливо играйте на фортепiано. Танцы, конечно, полезны, но старинный Русскiй поэтъ сказалъ: *гудки съ двора и жаръ простылъ*, тогда, какъ музыка всего лучше сближаетъ васъ съ прекраснымъ поломъ. А прекрасный полъ всегда будетъ правителемъ и законодателемъ обществъ. Вмѣсто того, чтобы сидѣть съ товарищами въ табачной атмосферѣ и ждать своей участи за занятiями зеленаго стола, учитесь музыкѣ: это всего вѣрнѣе, всего прiятнѣе доведетъ васъ до счастiя семейственнаго и политическаго. Я сказалъ бы наставленiе и о Французскомъ языкѣ, но это выйдетъ анахронизмъ. Онъ уже нынѣ такъ сдѣлался повсемѣстнымъ, что совѣстно становится и говорить на этомъ дiалектѣ.

Къ счастiю, Владимiръ обладалъ этимъ нужнымъ качествомъ. Мудрено ли, что къ вечеру Любушка и Лиза разговаривали съ нимъ, уже какъ съ другомъ своего дѣтства? Притомъ же Французскiй языкъ ужасно какъ вкрадчивъ. И нѣжности и остроты выходятъ всегда на Русскомъ страхъ какъ приторны, а на миломъ Французскомъ можно говорить всякiй вздоръ, и всѣ будутъ тебя слушать. Блаженный языкъ! когда-то пройдетъ на тебя мода. Булгаринъ сказалъ, что черезъ тысячу лѣтъ у насъ будетъ моднымъ языкомъ Арабскiй. Хорошо бы до этого дожить, хоть для повѣрки его словъ.

Послѣ чаю Маіоръ съ племянникомъ раскланялись, и Губернаторъ взялъ съ обоихъ обѣщаніе обѣдать у него всегда за просто, когда они ни куда не отозваны.

«Ну что́, дружище,» спросилъ дядя у Владиміра, протягиваясь въ большихъ Вольтеровскихъ креслахъ и съ нѣжностію няни къ больному ребенку складывая раненую свою ногу на мягкую скамейку — что — понравилось ли тебѣ семейство Губернатора?»

— Рѣдкій человѣкъ! Рѣдкое семейство! Не много такихъ найдется. Я завидую вамъ и вашему городу.

«И вотъ, братецъ, по чему мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты остался съ нами. Мы пріискали бы тебѣ хорошенькое мѣстечко... А тамъ, кто знаетъ?.... Ну, а каковы дочки?

—Прелестныя дѣвушки! Онѣ обошлись со мною, какъ съ роднымъ.

«Вотъ видишь ли, дружище... Когда мы съ великимъ Суворовымъ били Французовъ въ Италіи, то не любили терять даромъ словъ. А потому я спрошу тебя на-прямки: не хочешь ли жениться на Любушкѣ? Я берусь за это.»

— Вы ужасно какъ скоро дѣйствуете, дядюшка. Женитьба не такая вещь, чтобы въ одинъ день рѣшиться на участь всей жизни.

«Напротивъ, любезный другъ. Хорошаго дѣла никогда не надобно откладывать. Я знаю образъ мыслей Генерала, и увѣренъ, что онъ меня не выдастъ. А тебѣ развѣ можно гдѣ нибудь сыскать невѣсту лучше этой?»

— Нѣтъ, дядюшка. Такая партія представляетъ всѣ выгоды и все счастіе. Но.... я знаю, вы меня забрани-

те, назовете дуракомъ, философомъ.... Эти-то самыя выгоды, которыя мнѣ представляетъ такая женитьба, и которыя получая, самъ съ своей стороны ничего дать не могу, которыя сдѣлаютъ меня всегдашнимъ должникомъ жены моей, могутъ навлечь на меня упреки злыхъ языковъ, что я возвысился чрезъ жену и выгодную свадьбу.....

«Ну, голубчикъ, занесъ околесную! Ужь подлинно что дуракъ или философъ — вѣдь это все равно?»

— Виноватъ, милый дядинька! Чувствую, что вы мнѣ желаете всевозможнаго добра, но быть не можетъ, чтобы въ глубинѣ своего сердца не оправдали вы моей щекотливости! Послушайте. Я теперь отправлюсь путешествовать. Надѣюсь чрезъ то пріобрѣсть вниманіе своего начальства и быть чѣмъ нибудь полезнѣе нынѣшняго. Если во все время моего отсутствія сердце Любушки останется свободнымъ, если вы успѣете покуда уладить все дѣло, то воротясь, почту я себя счастливымъ, если такой почтенный человѣкъ, какъ Губернаторъ, приметъ меня въ свое семейство.

Дядя задумался, выколотилъ свою трубку, набилъ ее табакомъ, раскурилъ и выпустилъ нѣсколько кружковъ табачнаго дыма, сохраняя молчаніе. Наконецъ, устремя большіе свои глаза на племянника, сказалъ ему:

«Когда мы съ великимъ Суворовымъ... Да дѣло не въ томъ. Я все таки повторю, что ты дуракъ. Счастье не любитъ отсрочекъ. Когда оно у тебя на носу, хватай его — иначе ужь не поймаешь. — Два года!... Шутка!.... Да, въ два года, можетъ быть, и губернаторство его улетитъ, не только сердце дѣвушки....»

—Все равно, дядинька. Я тогда еще съ большею охотою женюсь на Любушкѣ, потому, что никто не будетъ имѣть права сказать мнѣ, что я женился по разсчету.

«Такъ я, пожалуй, вотъ какъ дѣло улажу. Завтра же пущусь съ сватовствомъ къ Губернатору, и если мы поладимъ, то скажу, что свадьба будетъ черезъ два года. Хочешь ли?»

—За что жъ, дядюшка, хотите вы отнять у почтеннаго семейства волю, а, можетъ быть, и счастіе? Если въ это время дѣвушка дѣйствительно полюбитъ кого нибудь другаго, если отецъ ея найдетъ другую партію выгоднѣе, нежели со мной, то за что же они должны жертвовать своимъ счастіемъ данному въ торопяхъ слову?

«Оно, конечно. Но если бы ты сейчасъ рѣшился, то всѣ бы концы въ воду. Охъ! ужь мнѣ ваша философія! Ну, да Богъ съ тобой! Видно ужь ты такъ уродился... Но, однако, послушай. Какъ скоро ты уѣдешь, я объявлю обо всемъ Губернатору и Любушкѣ....»

— Тогда можете, потому, что слова ваши никого не свяжутъ, а только будутъ служить испытаніемъ намъ обоимъ.

«Вотъ еще романическая мысль!.. Испытаніе! Ты, пожалуй, готовъ переодѣться, какъ въ комедіяхъ, и испытать сердце своей возлюбленной?»

—Врядъ ли, дядюшка, я на это рѣшусь. Нынѣ испытанія не въ модѣ, потому, что рѣдко удаются.

Разговоръ кончился. Владимиръ простился съ дядею и пошелъ въ свою комнату.

Прошка не хотѣлъ на сей разъ попасть по вчерашнему въ просакъ, и уже приготовилъ Владиміру другой фракъ и чистое бѣлье для переодѣванья.

«Что́ это значитъ?» спросилъ Владиміръ.

— Да, какъ же-съ — съ лукавою улыбкою сказалъ Прошка, почесывая затылокъ. — Вѣдь вы, вѣрно, опять отправитесь по вчерашнему...

«Куда?

— Не могимъ знать-съ, это не наше дѣло.

«Ты дуракъ.... Давай раздѣваться; я спать хочу.»

— Вотъ что-съ. — Слушаю. — И безъ дальнѣйшихъ разсужденій началъ онъ его раздѣвать.

И вторую ночь суждено было Владиміру проводить безъ сна. Любушка, Лиза, Губернаторъ, предложенія дяди, все это сливалось въ прелестныхъ мечтахъ его воображенія, и взволнованная кровь его опять помѣшала ему заснуть. Наконецъ, всѣ мечты смѣшались въ какой-то чудный хаосъ; призраки воображенія умножились, сдѣлались не явственнѣе, страннѣе, и онъ заснулъ.

На другое утро проснулся онъ гораздо ранѣе вчерашняго, и лежа въ постелѣ, перебралъ еще разъ въ умѣ свои сны минувшей ночи. Съ большимъ удивленіемъ вспомнилъ онъ теперь, что заснулъ въ мечтахъ о Любушкѣ, а проснулся съ яснымъ воспоминаніемъ о Сашѣ, образъ которой принимало во снѣ каждое существо, порождаемое блуждающею его фантазіею. Это заставило его задуматься....

«Ну, братецъ! Мнѣ ужъ скучно стало» — вскричалъ

вошедшій дядя. «Пора вставать. Путешественники должны дорожить временемъ.»

— Виноватъ, дядюшка. Я такъ дурно спалъ... Такіе все сны....

«Понимаю. Любушка вскружила тебѣ голову. Эй, братецъ! подумай, и примись теперь за мой совѣтъ.»

—Ну, что ужь передумывать, дядинька. А точно я отъ этого долго не могъ уснуть, и вообразите, видѣлъ цѣлую ночь во снѣ не ее, а совсѣмъ другую.

«Ну, ужь вѣрно какую нибудь Петербургскую... Ради Бога — не актрису-ли свою?..»

Владиміръ покраснѣлъ. — «О, нѣтъ, дядинька! Богъ съ ней! А мнѣ все снилась Саша, племянница Прасковьи Григорьевны.»

—Она, конечно... дѣвушка очень милая... но все тебѣ не пара. Безъ воспитанія, душъ пятдесятъ не больше... Что тутъ хорошаго?... Ну, однакожь одѣвайся, пора съ визитами, а то опять застанемъ кого нибудь за обѣдомъ, какъ вчера брата Сильверста.

Черезъ полчаса они отправились.

На этотъ разъ визиты были второкласные и вовсе незанимательные. — Иванъ Ивановичъ Заѣдаловъ весь состоялъ изъ желудка. Все занятіе жизни его было въ томъ, чтобы ѣсть и пить, и ужь, по необходимости, и спать. Шарообразная его фигура съ трудомъ сама собою двигалась. На лѣстницу встаскивали его два дюжіе лакея; по улицамъ возили четвероногіе, а по комнатѣ гулялъ онъ иногда въ Вольтеровскихъ креслахъ на колесахъ. Онъ радъ былъ гостямъ, потому, что имѣлъ лишній случай поѣсть. Весь его разговоръ состоялъ изъ

похвалы разнымъ винамъ, блюдамъ и наливкамъ, и когда онъ узналъ, что молодой его родственникъ отправляется путешествовать, то его просилъ провезти ему описанія лучшихъ заморскихъ блюдъ, настоекъ и наливокъ.

Отъ Ивана Ивановича Заѣдалова отправились Маіоръ съ племянникомъ къ Григорью Григорьевичу Атуеву. Они застали его посреди собакъ и псарей, и вмѣсто всякаго привѣтствія посѣтителямъ, онъ началъ имъ разсказывать подвиги своихъ борзыхъ. Прослушавъ около получаса эту занимательную исторію, и видя, что Григорій Григорьевичъ не приглашаетъ въ комнаты, а переведя духъ, сбирается начать новую охотничью повѣсть, они спѣшили ему раскланяться, и отправились къ —

Александру Григорьевичу Загибалкину.

Человѣкъ сказалъ имъ при входѣ, что баринъ въ кабинетѣ, и занимается. Они пошли въ кабинетъ, и, дѣйствительно, застали его въ самомъ поучительномъ занятіи. Онъ самъ себѣ металъ банкъ.

«Здорово, дружище, Лаврентій Θедоровичъ,» вскричалъ онъ, увидя входящаго Маіора. Вообрази, какое счастіе! Девять картъ сряду взялъ не отгибаясь.

—Поздравляю, братецъ—отвѣчалъ Маіоръ.—Этакъ тебѣ недолго и отыграться. А ты, я слышалъ, опять спустилъ.....

«Да! проклятый Прокуроръ надулъ. Двѣ тысячи схватилъ....»

—То есть, записалъ?—Схватить-то было не изъ чего.

«Все равно, братецъ! Вѣдь надо же будетъ платить.»

—Эхъ, братъ, Александръ, жаль мнѣ тебя, а пора бы перестать тебѣ... Ну, да, не мое дѣло. Рекомендую тебѣ племянника...»

«А, очень радъ! Слышалъ, знаю... прямо въ титулярные... Славно! Нашъ братъ, такъ лѣтъ десять тянулъ лямку до этого чина, и если бы не благодѣтель, то и теперь сидѣлъ бы я, можетъ быть, въ этомъ чинѣ.»

— На службу тебѣ пѣнять нечего. Везетъ. Мѣстечко тепленькое, и кабы не картишки, такъ бы могъ жить припѣваючи.

«Да! раззоряютъ злодѣи, но, авось, счастіе и повернется ко мнѣ. Ужь тогда дамъ же я и себя знать.»

—А до тѣхъ поръ будешь безъ куска хлѣба ....

«Вотъ еще! А мѣсто-то развѣ не вѣрный доходъ? Хоть нынѣ и начинаютъ присматривать за нашимъ братомъ, да я не боюсь — благодѣтели защитятъ..... Ну, что жь вы не сядете, молодой человѣкъ,» сказалъ онъ, обратясь къ Владиміру. «Чѣмъ же вы занимаетесь? Поигрываете ли въ карточки? Какую игру больше любите?

— Я неохотникъ до картъ — отвѣчалъ Владиміръ.

«Э, вздоръ! при дядюшкѣ притворяется. Быть не можетъ, чтобы молодой человѣкъ не любилъ картъ. Да, это душа общества. Чѣмъ лучше снискиваются знакомства, какъ не картами? Кого вездѣ принимаютъ и уважаютъ, какъ не игрока? Не слушайте, молодой человѣкъ, брюзгливыхъ наставленій дядюшекъ и тетушекъ. Играйте вездѣ и всегда. Это самое лучшее средство выйти въ люди.»

— Или попасть въ тюрьму — прибавилъ Маіоръ.

«Э! братецъ, какой вздоръ! А благоволители-то на что? Выручатъ. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, молодой человѣкъ, неужели вы ни во что не играете? Я научу васъ — три, четыре урока, и вы смѣло можете являться въ любое общество. Не хотите ли начать? Сыграемте во что нибудь, хоть по бездѣлицѣ....»

— Нѣтъ, братецъ, намъ еще надобно кончить визиты. Прощай. На этихъ дняхъ я попрошу тебя къ себѣ обѣдать.

«Очень радъ — только, пожалуста, устрой игру, да, позначительнѣе.

— Ну, ужь это твое дѣло. Прощай!

Визиты родственные были кончены, но дядя не утерпѣлъ, чтобы не завезти Владиміра къ Каролинѣ Карловнѣ, только узнать объ ея здоровьѣ. Къ удивленію Маіора, она приняла ихъ, и казалась совершенно здоровою.

Можно вообразить себѣ замѣшательство Владиміра при вопросахъ и обращеніи Эмиліи, не обнаружившей ни однимъ взглядомъ, что она когда нибудь его видала! Онъ внутренно удивлялся способности женщинъ къ притворству.

Наконецъ всѣ визиты были окончены. Начались обратныя посѣщенія. Всѣ лица, одинъ за однимъ, являлись къ Маіору — даже самъ добрый Губернаторъ зашелъ въ вечеру и просидѣлъ часа три.

Когда и это было кончено, то Маіоръ задалъ пиръ на весь міръ. Все лучшее общество губернскаго города съѣхалось на обѣдъ, и отъ всей души веселилось,

вплоть до полуночи. Самъ Сильверстъ Прокофьевичъ ни съ кѣмъ не ссорился, и запивалъ злость свою наливкою, которая была у Маіора отличная. И Каролина Карловна, какъ членъ лучшаго общества, участвовала въ этомъ праздникѣ, и чего не могла объяснить дурнымъ своимъ Русскимъ языкомъ, то досказывала глазами, которые говорили на всѣхъ языкахъ.

И Прасковья Григорьевна съ Сашею пріѣхала на этотъ обѣдъ. То былъ удобный случай для Владиміра дѣлать сравненія и наблюденія надъ обѣими красавицами. Такъ какъ, не считая Прасковьи Григорьевны, за ея почтенныя лѣта, и Каролины Карловны, по другимъ причинамъ, только и было три женщины въ гостяхъ у Маіора, то онѣ невольно между собою сблизились. Когда, послѣ обѣда, все общество разбрелось по разнымъ занятіямъ, картъ, трубокъ, или отдыха, наши три дѣвицы и Владиміръ гуляли по саду, отдѣльно отъ всѣхъ, и разсуждали о Петербургскихъ увеселеніяхъ, театрахъ, балахъ, концертахъ, и проч. — Но о сравненіяхъ нельзя было и думать; превосходство воспитанія брало слишкомъ явный верхъ. Любушка рѣшительно уничтожала свою соперницу. Сколько Владиміръ ни старался вводить Сашу въ общій разговоръ, она краснѣла и молчала. Кончилось тѣмъ, что Лиза овладѣла Сашею и вела съ нею отдѣльно самый бѣглый разговоръ, — а Владиміръ остался наединѣ съ Любушкою. Рѣчь зашла о Сашѣ и ея застѣнчивости. Владиміръ старался защищать ее.

«Кажется, она васъ очень интересуетъ,» сказала съ улыбкою Любушка.

— Она очень милая дѣвушка — отвѣчалъ Владимiръ — и мнѣ очень жаль ее. Если бы вы видѣли образъ ея жизни у этой тетушки: моськамъ и котамъ гораздо тамъ лучше, нежели бѣдной Сашѣ.

«Ah? comme vous êtes méchant (Какъ вы злы)!»

— Избави Боже! я вовсе не хочу остриться на счетъ ея участи. Мнѣ, напротивъ, искренно жаль ее.

«А, можетъ быть, и больше, нежели жаль?»

— Я еще слишкомъ мало знакомъ здѣсь, и не могу принимать большаго участiя въ чьей либо судьбѣ. Да, я же скоро и уѣду, такъ обо мнѣ скоро и забудутъ здѣсь.

«А это ужь рѣшеное и безвозвратное дѣло? Вы непремѣнно уѣдете?»

Владимiръ отвѣчалъ однимъ только знакомъ.

«И вы точно увѣрены,» продолжала Любушка, «что васъ здѣсь скоро забудутъ? И вамъ самимъ никого не жаль?»

—Это было бы слишкомъ неблагодарно съ моей стороны. Вашъ батюшка принялъ меня съ такою благосклонностью и радушiемъ, что я во всю жизнь не забуду его ласки. Вы сами удостоили обойтись со мною, какъ съ роднымъ, и гдѣ бы я ни былъ, повѣрьте, что ни время, ни разстоянiе мѣстъ не истребятъ во мнѣ пламеннѣйшихъ чувствъ благодарности.»

«А все бы, кажется, лучше не ѣхать.... Если вамъ здѣсь нравится, то я не понимаю: куда ѣхать и чего искать вамъ? — Не могу вамъ совѣтовать, да вы и не послушаетесь.....»

—Напротивъ, если бы что нибудь могло отклонить ме-

ня отъ предпринятаго намѣренія, то, конечно, ваше участіе во мнѣ и ваша воля — но я не смѣю быть столь дерзкимъ, чтобы надѣяться на такое счастіе....

Любушка опустила голову и замолчала. Чувство приличія говорило ей, что она уже довольно сказала. Подождавъ нѣсколько времени какого нибудь отвѣта, Владиміръ продолжалъ:

«Притомъ же, если бы я и могъ искать чьего либо участія, то хочу напередъ сдѣлаться того достойнымъ какими нибудь заслугами.

Любушка продолжала молчать.

«Впрочемъ, по отъѣздѣ моемъ, оставляю я здѣсь самаго вѣрнаго уполномоченнаго. Добрый мой дядюшка взялся быть ходатаемъ въ томъ, чего я самъ никогда бы не осмѣлился сказать.»

Владиміръ осмѣлился взять руку Любушки и поцѣловать. Она молчала, не отнимала руки и примѣтно вздохнула. А Владиміръ? Онъ горѣлъ—и тоже молчалъ. Вдругъ увидѣли они, что Саша и Лиза бѣгутъ къ нимъ на встрѣчу по аллеѣ. Любушка быстро вырвала у Владиміра руку, и подавляя глубокій вздохъ, шопотомъ сказала ему: «А все бы лучше не ѣхать.....»

— Насъ зовутъ чай пить! — вскричала Лиза.

Смущенная Любушка рада была случая уйти, и схвативъ Лизу за руку, быстро побѣжала съ нею по аллеѣ къ дому, а Владиміръ, въ глубокой задумчивости, пошелъ самыми медленными шагами, вовсе не примѣчая, что Саша идетъ подлѣ него.

«О чемъ это вы такъ задумались, Владиміръ Алексѣ-

евичъ?» спросила она его, и этотъ вопросъ разбудилъ его мгновенно.

— Виноватъ, Александра Ивановна !.... Я думалъ... такъ... объ разныхъ предметахъ... о моемъ путешествіи...

«Ахъ! какъ жаль, что вы ѣдете! Здѣсь всѣ васъ такъ полюбили... Конечно, вамъ, Петербургскимъ, всѣ здѣшніе кажутся скучными, не интересными....»

— Вы ошибаетесь, и сами себѣ не отдаете справедливости. Вы первая могли бы привлечь всякаго жителя столицы...

«Что вы, Владиміръ Алексѣевичъ? Да, на меня и здѣсь-то никто не смотритъ, а ужь въ Петербургѣ, вѣрно, всѣ лучше меня.»

— Напротивъ, Александра Ивановна. Могу увѣрить васъ честью, что вы составили бы украшеніе всякаго столичнаго общества.

«Полно-те шутить. Я сама знаю, что я ни чему не училась и ни о чемъ говорить не умѣю. Вотъ — то ли дѣло Любовь Осиповна — и по Французски говоритъ, и поетъ, и танцуетъ... и дочь Губернатора...»

— Конечно, надобно отдать ей справедливость: прекрасная дѣвушка, и все семейство чудесное.

«Правда ли, что вы женитесь на ней?»

— Кто это вамъ сказалъ? — быстро спросилъ Владиміръ, удивленный, и даже испуганный такимъ внезапнымъ и добродушнымъ вопросомъ.

«Я слышала, какъ вчера въ вечеру тетинька разговаривала объ этомъ со Львомъ Львовичемъ.»

— Какъ же это можетъ быть? Вѣдь вы знаете, что я на два года ѣду въ чужіе края?

«Они говорили, что если дѣло уладится, такъ вы и не поѣдете.»

— Они очень ошибаются. Объ этой женитьбѣ никто и не думаетъ; она только въ головѣ вѣстовщицъ и сплетниковъ!

«Да, за что жъ вы сердитесь? Тутъ ничего нѣтъ худаго, и васъ была бы очень милая пара. Я даже сама думаю, что эти слова не совсѣмъ ложны.....»

— Почему же вы это думаете?

«Когда мы прибѣжали съ Лизаветой Осиповной, вы держали Любушку за руку; она была очень смущена и спѣшила уйти отсюда, чтобы скрыть свое смущеніе.»

— Это вамъ такъ показалось. Мы, дѣйствительно, говорили съ нею о моемъ отъѣздѣ, и она, такъ же какъ и вы, говорила, что я напрасно ѣду отсюда. Вотъ и все.

«Не правда! Вы ужь думаете насъ, провинціялокъ, можно увѣрить въ чемъ угодно?»

— Въ вашей волѣ вѣрить мнѣ или нѣтъ, но я не вижу надобности сочинять самому на себя планы, которыхъ у меня нѣтъ въ головѣ.

«Однакожь, признайтесь — вѣдь вы ее любите?»

— Кого?

«Ахъ, Боже мой! да, Любовь Осиповну!»

Владиміръ улыбнулся.

— Это удивительно! — отвѣчалъ онъ.

— Давича, какъ вы съ Лизаветою Осиповною ушли отъ насъ, и мы остались одни съ Любушкой, она точно

такъ же, какъ и вы теперь, съ полчаса распрашивала меня, очень-ли я интересуюсь вами!

«Вы мною? Ахъ, Боже мой! Какой вздоръ! Да, ей какая нужда.... Ну, а что жь вы отвѣчали?»

— Что вы одна изъ самыхъ прелестнѣйшихъ дѣвушекъ, которыхъ я видалъ, и заслуживаете всевозможное участіе.

«Ну, а она что?»

— Ничего.... Шутила на счетъ моей къ вамъ привязанности..

«Э, полноте, Владиміръ Алексѣевичъ! какъ будто я вамъ въ чемъ нибудь и повѣрю!

— Почему жь вы не хотите и вѣрить? Развѣ вы въ чемъ нибудь замѣтили, что я солгалъ?

«Боже сохрани! Напротивъ, я вамъ, кажется, больше всѣхъ въ свѣтѣ повѣрю — но только не на счетъ...» Она остановилась. Не смотря на всю свою неопытность, она тоже почувствовала, что неловко быть слишкомъ откровенной.

Хотя Владиміръ и чувствовалъ себя гораздо смѣлѣе съ Сашею, но разговоръ, вѣроятно, тутъ бы и окончился, если бы вовсе неожиданное происшествіе не дало ему совсѣмъ другаго направленія. Дорожки сада у Маіора хотя и были усыпаны пескомъ, особливо для праздника, но онѣ вовсе не имѣли той гладкости, къ которой Владиміръ привыкъ въ Царскосельскомъ саду. Разговаривая съ Сашею, онъ не замѣтилъ, что кучка песку прикрывала большой пень, давно уже срубленный, но довольно высоко выдавшійся надъ поверхностію земли. Споткнувшись на него, и вовсе не

съ Петербугскою ловкостію, онъ не могъ удержаться на ногахъ и стремглавъ полетѣлъ. Но въ туже самую секунду Саша, испустивъ вопль, бросилась предъ нимъ на колѣни и хотѣла удержать его въ паденіи. Желаніе ея было гораздо лучше придумано, нежели исполнено. Она, разумѣется, оказалась слишкомъ слабою, и избавя Владиміра отъ небольшаго ушиба, сама подверглась сильнѣйшему. Владиміръ увлекъ ее въ своемъ паденіи. Ударъ оглушилъ ее, и когда вскочившій на ноги Владиміръ спѣшилъ поднять ее, то она съ минуту была въ какой-то безчувственности. По счастію вблизи была дерновая скамья; Владиміръ не придумалъ въ ту минуту ничего лучшаго, какъ перенести ее туда, и, въ торопяхъ ли, или въ самомъ дѣлѣ полагая, что это хорошее лекарство отъ ушиба, онъ съ большею нѣжностію началъ цѣловать ея руку. Саша дѣйствительно пришла вскорѣ въ себя, и не мѣшая Владиміру въ лечѣніи, поднялась и положила на его плечи утомленную свою голову. Огненная струя пробѣжала по жиламъ юноши. Онъ осмѣлился обхватить ея талію и напечатлѣть на челѣ ея самый пламенный поцѣлуй.

Это послѣднее лекарство, вѣрно, было сильнѣе прежняго, потому, что Саша съ испугомъ вскочила, и глядя на него кротко-укоризненнымъ взоромъ, тихо сказала: «Что вы дѣлаете, Владиміръ Алексѣевичъ? Вы забыли, что у бѣдной дѣвушки нѣтъ ничего кромѣ добраго ея имени!»

«Но если я это имя соединю съ моимъ? Если....»

Прежде чѣмъ онъ успѣлъ окончить фразу, Саша уже была посреди аллеи и быстро оправляла свою приче-

ску и стряхивала песокъ съ платья. Она уже видѣла, что Лиза бѣжитъ по аллеѣ.

«Что это вы тутъ дѣлаете? — закричала она имъ. «Васъ вездѣ ищутъ. Ступайте.»

— Чего, Лизавета Осиповна! — споткнулась на пень и упала. Спасибо еще, Владимiръ Алексѣевичъ немножко поддержалъ.....

«Ахъ, Боже мой! да, не ушиблась ли?» спросила Лиза.

— Немножко.... Да пройдетъ. Ступайте, Владимiръ Алексѣевичъ, впередъ. Лизавета Осиповна поправитъ мнѣ волосы, и мы сей часъ придемъ.

Владимiръ повиновался и дорогою размышлялъ о тонкости чувствъ самой наивной дѣвушки. Она не хотѣла разсказывать о паденiи Владимiра, а приняла все это на себя и услала его впередъ, чтобы воротиться не съ нимъ, а съ Лизою, которую въ это время, разумѣется, успѣла убѣдить во всемъ, что было нужно.

Когда онъ явился къ обществу, то дѣло шло о музыкѣ, и Любушка, бывшая первою музыкантшею въ городѣ, объявила, что Владимiръ гораздо ея сильнѣе. Она требовала, чтобы за нимъ послали. Дѣйствительно, онъ такъ нуженъ былъ ей по музыкальной части, или она вспомнила, что онъ остался съ Сашею — это ужь ея тайна.

Тотчасъ же занялись музыкою, пѣнiемъ, и виртуозы были, разумѣется, безпрестанно осыпаемы рукоплесканiями, и кстати и не кстати. Въ это время Саша и Лиза, вовсе незамѣтно, присоединились къ обществу. Прасковьѣ Григорьевнѣ было вовсе не до племянницы; у нея стояло два ремиза, и она безпрестанно ворча-

ла на неучтивость и предательство кавалеровъ, которые не идутъ къ дамѣ въ вистъ.

Наконецъ всѣ разъѣхались и праздникъ кончился. Нѣсколько дней поговорили объ немъ въ городѣ. Нѣсколько разъ являлся еще Владиміръ къ Губернатору и къ Прасковьѣ Григорьевнѣ; но хотя и часто оставался (или былъ оставляемъ) наединѣ съ Любушкою и съ Сашею, но избѣгалъ всякаго рѣшительнаго объясненія. Онъ самъ себя еще не понималъ, самъ не могъ дать себѣ вѣрнаго отчета въ своихъ чувствахъ. Напрасно дядя добивался отъ него рѣшительнаго признанія, что онъ влюбленъ въ Любушку; напрасно онъ самъ себя испытывалъ. Казалось, что сердце его превращено было въ вѣсы, и Саша съ Любушкою составляли двѣ совершенно равныя тяжести. Наскуча мучить самъ себя, онъ предоставилъ все судьбѣ и путешествію. «Два года большое дѣло,» думалъ онъ, «я еще успѣю узнать, которая меня больше любитъ.»

Исполнивъ опять по порядку всѣ прощальные визиты, и съ искренною грустію простясь съ дядею, онъ наконецъ отправился въ путь.

ГЛАВА IV.

═

По Русской поговоркѣ: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Владиміръ ѣздилъ, смотрѣлъ, распрашивалъ, записывалъ, истратилъ всѣ

деньги и воротился. Разумѣется, прежде всего явился онъ въ С. Петербургъ къ своему начальству и представилъ, какъ ему, такъ и другимъ знатнымъ лицамъ, результаты своего путешествія. По разнымъ счастливымъ случаямъ, имя Русскаго путешественника часто упоминалось тогда въ иностранныхъ газетахъ; любознаніе его вездѣ было удовлетворяемо, и когда онъ воротился, то донесенія нашихъ посольствъ уже п едварили все высшее сословіе, что Владиміръ путешествовалъ съ искреннимъ желаніемъ пользы своему отечеству. Привезенныя же и представленныя имъ записки еще болѣе удостовѣрили въ томъ. Многія новыя открытія и усовершенствованія, которыя онъ собралъ, тотчасъ же послужили къ общественной пользѣ. Это обратило всеобщее вниманіе на Владиміра. Получивъ за выслугу лѣтъ чинъ во время своего отпуска, онъ теперь получилъ другой, въ награду за свое усердіе. Ему поручили привести въ исполненіе нѣкоторыя части изъ привезенныхъ имъ свѣдѣній, и неутомимость его при томъ еще болѣе заслужила ему благосклонность начальства. За одно изъ подобныхъ порученій получилъ онъ орденъ Св. Владиміра 4-й степени, а за другое Св. Анны 2-го класса.

Между тѣмъ мысли его обращались иногда и на тотъ городъ, изъ котораго сердце его взяло съ собою столько пріятныхъ воспоминаній. Пріѣхавши изъ чужихъ краевъ, онъ нѣсколько разъ писалъ къ дядѣ, но къ удивленію не получалъ отвѣта. Собираясь нечаянно обрадовать его счастливыми перемѣнами, случившимися въ судьбѣ его, онъ ни слова не говорилъ о повышеніяхъ

и орденахъ, а описывалъ только искреннее свое желаніе пріѣхать къ нему, и справлялся обо всѣхъ своихъ прежнихъ знакомыхъ. Не получая отвѣтовъ, онъ уже хотѣлъ написать къ Губернатору, чтобы узнать здоровъ ли его дядя. Но когда онъ началъ справляться, то узналъ, что въ томъ городѣ уже другой Губернаторъ, а прежній тамъ же остался жить въ своихъ деревняхъ. Это остановило его, и онъ рѣшился еще разъ написать къ дядѣ, прося городскую почтовую контору, что буде его дядя куда нибудь выѣхалъ, или боленъ, или даже скончался, то, чтобы кто нибудь изъ родственниковъ прислалъ ему отвѣтъ на это письмо. Такой способъ удался. Черезъ три недѣли получилъ онъ отъ Сильверста Прокофьевича слѣдующій отвѣтъ:

«*Милостивый Государь*

Владиміръ Алексѣевичъ.

Здѣшній почтмейстеръ доставилъ мнѣ, какъ ближайшему родственнику, ваше письмо къ Лаврентію Ѳедоровичу Скульскому. Съ искреннѣйшимъ соболѣзнованіемъ въ долгѣ нахожусь васъ увѣдомить, что уже болѣе года, какъ дядюшка вашъ, волею Божіею, помре отъ апоплексическаго удара. А какъ при осмотрѣ мѣстнымъ начальствомъ бумагъ покойнаго, не оказалось никакого особеннаго завѣщанія, то, на основаніи существующихъ законовъ, я, какъ ближайшій по мужескому колѣну родственникъ покойника, и вступилъ въ законное обладаніе его имѣнія движимаго и недвижимаго. Вмѣстѣ съ симъ нужнымъ считаю васъ увѣдомить, что какъ вы, на взносъ въ казну процентовъ за заложенное вами имѣніе

80 душъ, доставшееся вамъ по смерти покойной вашей родительницы, ни кому не оставили надлежащаго капитала, то оно и было продано съ публичнаго торга, а чтобы имѣніе нашего рода не перешло въ чужія руки, то я оное и купилъ, предоставляя вамъ впрочемъ право выкупить оное у меня, съ надлежащими процентами. Впрочемъ, потеря столь незначительнаго имѣнія не можетъ, вѣроятно, быть вамъ чувствительною. Путешествуя близъ трехъ лѣтъ въ чужихъ краяхъ, вы вѣрно привезли съ собою гораздо драгоцѣннѣйшія сокровища.

Бывшій вашъ знакомецъ, его превосходительство Осипъ Петровичъ уже давно не губернаторомъ у насъ, и изволитъ только на осень и зиму пріѣзжать въ нашъ городъ изъ своихъ деревень. Старшая его дочь, Любовь Осиповна, еще въ прошломъ году сочеталась законнымъ бракомъ съ Силою Ивановичемъ Скульскимъ, но доселѣ еще Богъ не даровалъ имъ дѣтей. Младшая дочь его превосходительства изволитъ еще въ дѣвичествѣ обрѣтаться.

Впрочемъ, всѣ ваши родственники живы и здоровы (кромѣ Прасковьи Григорьевны, которая съ полгода изволила скончаться) и вамъ кланяются. Если вамъ когда нибудь вздумается посѣтить нашъ городишко, то мы съ подобающею честію рады будемъ принять любезнаго родственника, такъ долго бывшаго въ чужихъ краяхъ.

Съ достодолжнымъ почтеніемъ и преданностію, честь имѣю быть, и проч.

Сильверстъ *Сумскій*
надворный совѣтникъ и кавалеръ.

Долго смотрѣлъ Владиміръ на это письмо, и слезы нѣмой горести наполнили его глаза.

«Добрый мой дядюшка! И тебя ужь нѣтъ! Миръ праху твоему, добродѣтельный человѣкъ! Тебѣ, конечно, лучше *тамъ*, нежели на этой землѣ, между людьми подобными Сумскому!

Какую неожиданную во всемъ перемѣну нашелъ онъ! Добрый дядя его скончался; благодѣтельнаго Губернатора нѣтъ уже. Прасковья Григорьевна умерла...... Но гдѣ же Саша? — При этой мысли сердце его забилось. — А Любушка! — Она польстилась, вѣрно, на богатство Силы Ивановича. Пятидесятилѣтній милліонеръ привлекательнѣе двадцатилѣтняго юноши.

Владиміру не жаль было имѣнія дяди, но прискорбно, что оно досталось злодѣю. А его собственное? Онъ просилъ при отъѣздѣ дядю взнести за первый годъ проценты, надѣясь ко второму сроку самъ воротиться. Добрый старикъ, вѣрно, не успѣлъ исполнить и перваго срока, а Сумскій, какъ воронъ, ждалъ добычи.

Все это взволновало мысли Владиміра. Нѣсколько дней провелъ онъ въ мрачной задумчивости, не зная на что рѣшиться. Наконецъ остановился на одной идеѣ, и ухватился за исполненіе ея со всѣмъ жаромъ молодости.

Вдругъ внезапная перемѣна въ судьбѣ его произвела совершенный переворотъ въ чувствахъ и надеждахъ Владиміра. Далѣе мы увидимъ, въ чемъ эта перемѣна состояла.

Въ одно холодное, дождливое Сентябрьское утро, Сила Ивановичъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, и допивалъ по

маленьку пятый свой стаканъ чаю, прокладывая на счетахъ, вѣроятно, барыши свои текущаго года. Молодая его сожительница, Любовь Осиповна сидѣла на диванѣ, поджавши одну ножку, и читала какой-то Русской чувствительный романъ, который въ числѣ прочихъ былъ присланъ къ нимъ отъ Московскаго книгопродавца Логинова. Она старалась, правда, заговаривать изрѣдка съ своимъ супругомъ, но его односложные отвѣты вскорѣ отняли у нея охоту къ подобнымъ попыткамъ.

Вдругъ обоюдныя молчаливыя занятія были прерваны возгласомъ вошедшаго лакея: «Владимiръ Алексѣевичъ Грушовъ желаетъ васъ видѣть.»

Книга выпала изъ рукъ Любушки. Сила Ивановичъ остановился указательнымъ пальцомъ на счетахъ, и приподнявъ удивленное свое лицо, сказалъ: «Проси! Что жь тутъ за доклады?»

Любушка спѣшила было уйти въ свою спальню, но Сила Ивановичъ сказалъ ей: — Ты куда, душенька? Останься! Вѣдь ты его тоже я думаю помнишь....»

Она что-то хотѣла сказать въ свое оправданiе, что не одѣта, не причесана, но въ эту самую минуту вошелъ Владимiръ, и изумленiе приковало ее къ мѣсту. Самъ хладнокровный Сила Ивановичъ, хотѣвшiй встать съ своихъ креселъ, при входѣ Владимiра невольно опустился назадъ, взглянувъ на него. Въ дурномъ, изношенномъ, измокшемъ и забрызганномъ грязью сертучонкѣ, съ небольшимъ узелкомъ, составлявшимъ, повидимому, все его имѣнiе, — вошелъ онъ, и всеобщее молчанiе встрѣтило его вмѣсто привѣтствiя.

«Любезный дядюшка, Сила Ивановичъ,» сказалъ полужалобнымъ голосомъ Владимiръ, «вы вѣрно меня не узнали?»

— Узнать-то, братецъ, узналъ, только виноватъ — немножко сконфузился! Чтò значатъ твоя одежда и узелокъ?

«Какъ быть, дядюшка! Все суета на свѣтѣ. Судьба мнѣ не поблагопрiятствовала, а съ нею бороться невозможно.»

— Что жъ такое случилось?

«Вы ужь, конечно, знаете, что наслѣдство добраго моего дядиньки, Лаврентiя Ѳедоровича, перешло не ко мнѣ, а къ Сильверсту Прокофьевичу....»

— Да!... знаю.... Жаль конечно — но это было дѣло законное. За чѣмъ старикъ не сдѣлалъ за ранѣе завѣщанiя?

«Знаете тоже, что и мое собственное маленькое имѣнiе продано съ публичнаго торга, и ему же досталось?....»

— Да! я съ нимъ вмѣстѣ торговался, и потому только уступилъ ему, что онъ далъ мнѣ слово возвратить тебѣ имѣнiе, если ты внесешь ему деньги, которыя онъ заплатилъ на публичныхъ торгахъ.

«Это, конечно, милостиво, но я никогда не буду въ состоянiи этого сдѣлать. Я доведенъ до крайности.»

— Да, вѣдь ты служилъ въ Петербургѣ, и имѣлъ, говорятъ, порядочное мѣсто?

«И даже видное и выгодное... Но что дѣлать? Судьба!... Не поладилъ съ начальникомъ, повздорилъ съ нимъ... однимъ словомъ — меня уволили.»

—Ну такъ! Вотъ ваши науки, ваше просвѣщеніе! Самъ, я думаю, во всемъ виноватъ, а сваливаетъ на начальниковъ. Охъ! ужь вы молодежъ! Самъ наговорилъ, я думаю, грубостей....

«Признаюсь... Тяжело было вытерпѣть несправедливость...»

— Да, конечно! У васъ все несправедливости! Вы все хотите, чтобы начальники вамъ кланялись, чтобы съ вами были за панибрата.... Эхъ, братъ Владиміръ! худо, худо!

«Да, признаюсь, Сила Ивановичъ, не очень-то хорошо...»

—Ну, такъ что жь ты не искалъ тамъ другаго гдѣ нибудь мѣста? Вѣдь ты учился, путешествовалъ... Петербургъ не клиномъ сошелся... Много мѣстъ....

«Конечно, дядинька! Но вездѣ надобны протекціи, связи или другія средства... а у меня ничего нѣтъ. Я побѣгалъ мѣсяца три по всѣмъ министерствамъ и видя, что все безполезно, продалъ весь свой гардеробъ, мебели, и отправился сюда къ вамъ. Здѣсь всѣ мои родственники. Они, вѣрно, думалъ я, не откажутъ мнѣ въ помощи, и на васъ первыхъ основывалъ я мои надежды. Ваше доброе сердце....»

— Эхъ, братецъ! Сердце-то у меня доброе, да ты-то видно не путемъ напроказилъ. Пришла же мысль сюда пріѣхать! Кабы прежній Губернаторъ, такъ выпросилъ бы какъ нибудь и мѣсто, а теперь... право я не знаю что̀ съ тобою дѣлать. Чѣмъ же ты здѣсь жить будешь?

«Вся надежда на васъ, Сила Ивановичъ. Вѣрно, вы не оставите меня своею помощію....»

—Да я... пожалуй... готовъ помочь... хоть и мои доходы теперь ужь не то, что прежде... Но разумѣется я помогу. Только и ты долженъ же пріискать себѣ какое нибудь занятіе, мѣсто... Я право не знаю.

«Не потрудитесь ли вы, дядинька, собрать всю мою родню и предложить имъ печальное мое состояніе? Можетъ быть, они общимъ совѣтомъ и стараніями...»

—О, братъ! какая у тебя плохая надежда! Вся эта родня смотритъ сама, какъ бы сорвать что нибудь. Впрочемъ, пожалуй, я ихъ завтра по утру нарочно соберу, предложу имъ, подамъ имъ примѣръ, и мы увидимъ.... Эхъ, братъ, Владиміръ, жаль мнѣ тебя! Ты мнѣ казался такимъ солиднымъ молодымъ человѣкомъ, а вышелъ такой же шалунъ, какъ и всѣ. Дурно, очень дурно!

«Чувствую всю справедливость вашихъ упрековъ — и молчу. Не оставьте только своею помощію....»

—Я, братецъ, никого не оставлялъ; но не буду же и тебя кормить, какъ тунеядца. Тебѣ надобно непремѣнно пріискать какое нибудь занятіе, мѣсто... Гдѣ ты присталъ?

«На постояломъ дворѣ, въ посадѣ; впрочемъ со мною все мое имѣніе» — прибавилъ Владиміръ, указывая на свой узелокъ.

Сила Ивановичъ покачалъ головою.—Я право не знаю, куда бы мнѣ помѣстить тебя. У меня въ домѣ такъ мало мѣста, а впрочемъ, дѣлать нечего...

«Да, за чѣмъ же вамъ безпокоиться, дядинька? До завтра я могу еще пробыть на моемъ постояломъ дворѣ. А завтра явлюсь сюда, чтобы узнать: чѣмъ родственный совѣтъ рѣшитъ мою участь — и тогда...»

«И тогда будетъ, братецъ, тоже, что и сегодня. Ты на нихъ надѣешся, а я такъ ни на копѣйку. Впрочемъ, до завтра разумѣется недалеко, и мы увидимъ... Приходи въ эту пору....»

Съ минуту продолжалось обоюдное молчаніе. Это было яснымъ знакомъ Владиміру, что пора уйти. Онъ шаркнулъ ногою и со вздохомъ сказалъ: «Прощайте, дядинька. Богъ, да пошлетъ вамъ благія мысли.»

Онъ ужь повернулся и хотѣлъ уйти, но Сила Ивановичъ остановилъ его.

«Постой-ко, Владиміръ. У тебя я чай, бумажникъ пустъ. Вотъ, возьми покуда... а тамъ увидимъ, что Богъ дастъ!

При этомъ онъ раскрылъ свое бюро, вытащилъ оттуда за уголъ бѣленькую ассигнацію, и протянулъ руку къ племяннику. Владиміръ съ жаромъ взялъ и ассигнацію и руку.

«Богъ да наградитъ васъ, добрый человѣкъ!» сказалъ онъ съ чувствомъ, и быстро вышелъ изъ комнаты.

Задумчиво посмотрѣлъ Сила Ивановичь вслѣдъ за Владиміромъ и покачалъ головою. Въ эту самую минуту воротилась въ кабинетъ Любовь Осиповна, которая при первомъ взглядѣ на костюмъ Владиміра и поклоны его непримѣтно ушла, но, подстрѣкаемая женскимъ любопытствомъ, оставалась у дверей и ожидала его ухода.

«Ты куда вскрылась, Люба?» спросилъ Сила Ивановичъ. «Видѣла ты, слышала?»

Она пожала плечами, прибавя: «Вѣрно, самъ виноватъ!»

—Разумѣется. — А все таки жаль! Чтобы намъ придумать ему здѣсь? Онъ надѣется на родню, и я согласился созвать ихъ, для того только, чтобы дать урокъ молодому человѣку. Я ихъ хорошо знаю. Они его осмѣютъ, обругаютъ, а особливо этотъ Сильверстъ... Это будетъ для него торжество. Онъ и безъ того всегда ругалъ Владиміра, а теперь... Ну да, увидимъ...—Потрудись-ко, Люба, написать къ нимъ, ко всѣмъ, записочки, чтобы они съѣхались у меня завтра въ 10 часовъ утра.

«Да что я имъ буду писать? Пошли человѣка...»

—Ну ужь и это лѣнь сдѣлать! Охъ! ужь вы мнѣ знатныя барыни...

«Позови-ко Сашу; она мнѣ все сдѣлаетъ.»

Любушка позвонила и приказала позвать, а сама опять сѣла, поджавши ножку, за свой чувствительный романъ. Сила Ивановичъ покосился на нее, покачавъ головою, но не сказалъ ни слова.

Чрезъ минуту вошла Саша.

Читатель вѣрно не забылъ ее. Это та самая Саша, которая занималась чесаньемъ мосекъ у Прасковьи Григорьевны, а теперь по временамъ исправляла у Силы Ивановича должность секретаря. По смерти тетки взялъ ее къ себѣ въ опеку и въ домъ Сила Ивановичъ, и бѣдная дѣвушка была очень счастлива, потому, что здѣсь ее не заставляли, ни чесать мосекъ, ни бѣгать по кладовымъ; позволяли одѣваться всякій день въ розовое ситцовое платье; по праздникамъ давали даже шелковое (которое уже не угодно было носить самой супругѣ Силы Ивановича), и только изрѣдка должна была

она разгонять скуку Любови Осиповны, читая ей Московскіе романы, а для Силы Ивановича должна была писать иногда записки и счеты.

«Напиши, душенька, пожалуста, записки ко всѣмъ нашимъ родственникамъ» — сказалъ ей Сила Ивановичъ при входѣ, «и попроси, чтобы они завтра поутру въ 10 часовъ ко мнѣ всѣ пожаловали.»

— Слушаю-съ, — отвѣчала она и сѣла къ бюро.

«Помнишь ты, Саша, года три или четыре тому, былъ здѣсь пріѣзжій изъ Петербурга, нашъ родственникъ, Владиміръ Алексѣевичъ Грушовъ?»

Саша вспыхнула, опустила перо, и съ недоумѣніемъ посмотрѣла на Силу Ивановича, не отвѣчая однако ни слова.

«Вѣрно забыла!.. А онъ опять сюда пріѣхалъ.»

Саша продолжала смотрѣть на дядю.

«Только въ какомъ положеніи, бѣдняжка! Безъ мѣста, ни гроша за душею, смотрѣть даже больно... Вотъ для него-то я и собираю завтра всю родню. Подумаемъ: чѣмъ бы помочь ему?»

Не сказавъ ни слова, Саша повернулась опять и скрыла выступившія слезы, начавъ поспѣшно писать.

Покуда она занималась этими циркулярами, Сила Ивановичъ, взволнованный такимъ нечаяннымъ событіемъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, и передумывалъ: какое бы занятіе пріискать Владиміру, такъ чтобы онъ могъ обойтись безъ его помощи? Но онъ уже давно не занимался столь трудною работою — думаньемъ, и потому, безполезно прошагавъ около получаса по комнатѣ, обратился къ Любушкѣ, чтобы она ему помогла.

«Помилуй, Силочка! мое ли это дѣло? Ты его дядя и богатый человѣкъ. Ты обязанъ помочь ему — а мнѣ какая нужда думать объ этомъ!»

—Вотъ женщины! —сказалъ сердито Сила Ивановичъ. —Цѣлый вѣкъ толкуютъ о своей чувствительности, падаютъ въ обморокъ при видѣ мыши, или лягушки, а объ несчастіи своего родственника, не только не пожалѣютъ, да и думать не хотятъ.»

«Онъ, кажется, вамъ родственникъ, а не мнѣ,» сухо отвѣчала Любушка.

—Это по вашему значитъ, что вы знатная барыня, а я у васъ управитель? Нѣтъ, сударыня, ошибаетесь. Пора вамъ выкинуть изъ головы эти Петербургскія идеи. Я вашъ мужъ, и все что мнѣ близко, дорого, пріятно, или на оборотъ, должно быть точно тѣмъ же и для васъ. Вы моя жена. —Если вы дочь генерала, то у меня слишкомъ миллъонъ капитала, а это вѣрно не меньше стоитъ....

Послѣднихъ словъ Любушка не дослушала. Видя мужа своего не въ духѣ и готоваго разразиться сильною рѣчью противъ ея рода и аристократическихъ идей, она поспѣшно встала, и вздернувъ носикъ, ушла въ свою спальню, а Сила Ивановичъ продолжалъ ворчать отрывисто, поглядывая на дверь, въ которую она ушла.

«Что, небойсь — не нравится?.. Ужь эти мнѣ знатныя барышни... Дуракъ нашъ братъ, коли навяжетъ себѣ эту обузу на шею.... Вѣдь такими ангелами прикинутся въ дѣвкахъ — а только что надѣнутъ чепчикъ, такъ откуда явятся, прости Господи, всѣ дьявольскіе капризы....»

—Вотъ, дядюшка, пять записокъ: къ Сильверсту Прокофьевичу, Ивану Ивановичу, Григорью Григорьевичу, Александру Григорьевичу и Аннѣ Григорьевнѣ. Прикажете ли еще кого нибудь звать?

«Да, кого жь еще, душенька? Мелкую-то родню ?Богъ съ ней! И отъ этой бѣдный Владиміръ не порадуется, а утретъ кулакомъ слезы. — Нѣтъ! довольно. Вѣдь еще насъ здѣсь трое: я, жена и ты. Вѣдь и ты ему дальняя родственница.»

— Дядинька, милый, добрый дядинька! — сказала Саша, подходя къ нему съ робостію.

«Что, душенька?»

— У меня есть просьба до васъ — не откажите.

«Что? Обновку какую нибудь? Пожалуй. Ты у меня добрая дѣвушка. Дай Богъ, чтобы Любка была на тебя похожа. Ну, что жь тебѣ надобно?»

— Дядинька!... Вы мой опекунъ.

«Знаю — ну, такъ что?»

— Вы вѣдь меня не оставите, позволите жить всегда у васъ?

«Что за вопросъ? Разумѣется.»

— Дядинька! у меня, кажется, сорокъ душъ....

«Сорокъ четыре души и двѣ пустоши — ну, такъ что жь изъ этого?»

— Дядинька! сдѣлайте милость!

«Какую? Что съ тобою?»

—Продайте мое имѣнье.

«Это на что?»

— И отдайте деньги Владиміру Алексѣевичу.—Заливаясь слезами, бросилась она въ его объятія.

Съ минуту Сила молчалъ отъ удивленія.

«Что ты, что ты, дурочка? Какъ это можно?» вскричалъ онъ потомъ, стараясь принять на себя сердитый тонъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнимая ее съ самыми нѣжными ласками.

— Дядинька! Милый дядинька! не откажите!

«Да, этого нельзя сдѣлать, моя милая — да, и къ чему?... Доброе мое дитя» — прибавилъ онъ, обнимая ее отъ всей души. «Какой урокъ ты намъ даешь! И на вѣрное можно предсказать, что не только никто не захочетъ подражать тебѣ, но даже никто и не похвалитъ. Нѣтъ, моя милая! твоего пожертвованія, ни я не позволю, ни Владимiръ не приметъ.... Да, какимъ образомъ? Ужь въ это время, какъ онъ здѣсь былъ, не приглянулся ли онъ тебѣ, не приволокнулся ли за тобою? Ну, вотъ и покраснѣла! Полно, душенька! Я твой дядя, опекунъ, отецъ — говори всю правду.»

Саша снова упала въ его объятія — и молчала. Сила Ивановичъ понялъ отвѣтъ, настаивалъ, чтобы она ему все подробно разсказала — но Саша краснѣла и молчала.

«Охъ! ужь мнѣ эти дѣвушки! Никогда отъ нихъ порядкомъ не добьешся толку! Ну, да дѣло еще не ушло. Увидимъ.... авось уладимъ, а это бы не дурно... Привяжемъ вѣтрогона на веревочку. Онъ бы и не стоилъ такого счастія, потому, что настоящій кладъ—ну, да, Богъ съ нимъ! Вѣдь и онъ малый не дурной. Немножко переучился, да мы исправимъ.»

Онъ ее обнялъ еще разъ, велѣлъ разослать записки, и до завтра никому не говорить о бывшей теперь сценѣ.

Лишь только Саша ушла, какъ доложили Силѣ Ивановичу о пріѣздѣ Льва Львовича.

Если читатели помнятъ прежняго полужида Лайбу, то очень ошибутся, ожидая и теперь того же низкопоклоннаго и услужливаго человѣка. Три года съ половиною совершенно его измѣнили. Теперь уже онъ былъ чиновникъ, и прошелъ уже много важныхъ должностей. Онъ уже былъ коллежскимъ регистраторомъ и повытчикомъ въ Нижнемъ Земскомъ; потомъ былъ квартальнымъ надзирателемъ; тутъ съ нимъ произошло самое непріятное происшествіе: городничій съ чего-то взялъ, что онъ грабилъ свой кварталъ и кралъ казенныя деньги. Какъ ни защищался бѣдный Лайба, но принужденъ былъ на время скрыться отъ гнѣва сильныхъ. Когда же гроза прошла, то онъ опять втерся въ милость къ городскимъ властямъ. Сильверсту Прокофьевичу нужно было въ то время погубить какого-то честнаго человѣка. Отставной нашъ квартальный какъ тутъ явился, составилъ доносъ, пріискалъ свидѣтелей — и дѣло было слажено. Лайба получилъ опять мѣсто, сперва кое-какое незначущее, а потомъ уже и *хлѣбное*. Онъ былъ сдѣланъ смотрителемъ запасныхъ магазиновъ, возвысился до губернскихъ секретарей, и даже сочетался бракомъ, который придалъ ему въ городѣ много вѣса. Супругою его сдѣлалась извѣстная Каролина Карловна, или Эмилія, или какъ угодно назвать — и съ этой минуты прежній Лайба уже не ходилъ сгорбясь, по привычкѣ къ поклонамъ. Онъ уже смѣло смотрѣлъ каждому въ глаза, и хотя по прежнему готовъ былъ на *всякія* услуги — но это уже дѣлалось, какъ

бы по дружбѣ и за какія нибудь видимыя выгоды, а не по Израильской натурѣ.

Созданіе происковъ, онъ по необходимости вездѣ былъ принятъ между губернскимъ дворянствомъ, и мало по малу, онъ поставилъ себя совсѣмъ на такую ногу, что прежнее *ты* превратилось уже въ полубоязненное *вы*. Одинъ Сила Ивановичъ не подвергся всеобщей перемѣнѣ. У него Лайба все еще былъ — *ты*, дружище и кварташка. За то у Силы Ивановича было семь цыфръ въ капиталѣ, а эти магическіе знаки имѣли уже нѣсколько тысячь лѣтъ силу надъ всѣмъ человѣчествомъ.

«Здравствуй, дружище, что́ новаго?» сказалъ Сила Ивановичъ, при входѣ Лайбы.

—Важная новость, Сила Ивановичъ! Я сей часъ былъ въ канцеляріи у Губернатора. Полученъ былъ пакетъ изъ Петербурга, и мнѣ за секретъ сказалъ правитель канцеляріи, что присланъ указъ о новомъ Вице-Губернаторѣ.

«Ну, что жъ? Милости просимъ... А какъ фамилія?»

—Этого онъ не сказалъ, а приказывалъ при мнѣ объявить Казенной Палатѣ и всѣмъ подвѣдомственнымъ лицамъ, чтобы готовы были явиться къ нему по пріѣздѣ.

«Очень радъ! Познакомимся. Вице-Губернаторъ *намъ* человѣкъ нужный. Ты, братъ, Левъ Львовичъ, поразвѣдай хорошенько: кто, откуда, съ кѣмъ здѣсь знако́мъ, богатъ ли? Ну, да ты вѣдь знаешь, все, что нужно.»

—Для васъ, Сила Ивановичъ, радъ стараться.... Увѣ-

ренъ, что и вы меня въ случаѣ нужды не оставите. Прошу прощенія!....

«Куда жъ ты?»

— Да надобно и другимъ сообщить это извѣстіе...

«Да, разумѣется... Ну, Богъ съ тобою, ступай.... А то и у меня была новость, только домашняя и не очень пріятная.»

Лайба остановился. Любопытство очень сильно дѣйствуетъ въ провинціяхъ, потому, что новости тамъ рѣдки.

—Что такое случилось, Сила Ивановичъ?

«Помнишь ты племянника покойнаго маіора Скульскаго — Владиміра?»

—Какъ не помнить! Я его еще въ Петербургѣ зналъ.

«Ну, такъ онъ пріѣхалъ.

—Неужли! Какъ же? За чѣмъ?

«Да ужь стыдно и сказать. Пріѣхалъ искать здѣсь хлѣба и помощи. Тамъ лишился мѣста, чрезъ какую-то неорзитность — и безъ гроша дотащился сюда.»

Лайба съ какою-то злорадною недовѣрчивостію смотрѣлъ на Силу Ивановича.

— Боже мой, Боже мой! возможно ли это? Такой умный, ученый молодой человѣкъ... Вотъ, Сильверстъ Прокофьевичъ и правъ вышелъ!

«Къ несчастію злые языки гораздо чаще правы на свѣтѣ, потому что люди вездѣ дѣлаютъ глупости. Завтра у меня по утру родственный совѣтъ. Я предложу всей роднѣ помочь ему, и мы авось придумаемъ что нибудь въ пользу бѣдняка, котораго мнѣ искренно жаль.»

—Я, конечно, не имѣю чести принадлежать къ высокимъ родственникамъ Владиміра Алексѣевича, но, какъ я и супруга моя очень коротко знали его еще въ Петербургѣ, то если бъ вы позволили и намъ участвовать въ этомъ собраніи....

«Пожалуй, братецъ. Умъ хорошъ, а два лучше. Жена же твоя, я думаю, поумнѣе всей нашей родни. Пріѣзжайте.»

— Счастливо оставаться!

Лайба ушелъ, а Сила Ивановичъ усѣлся въ свои кресла и опять принялся за Русскую ариѳметику на счетахъ. Въ такомъ пріятномъ занятіи застала его дремота.

ГЛАВА V.

Важно засѣдало родственное собраніе на другое утро, расположась въ гостиной Силы Ивановича. Даже Любушка и Саша усѣлись къ Каролинѣ Карловнѣ, и смѣялись надъ каррикатурами собравшагося общества. Явился наконецъ и самъ Владиміръ. Костюмъ на немъ былъ вчерашній, хотя голова причесана и сапоги вычищены. Никто не привѣтствовалъ его при входѣ, кромѣ Силы Ивановича, да и этотъ съ такимъ видомъ сожалѣнія, что не могъ утѣшить бѣдняка. Водворилось всеоб-

щее молчаніе. Сила Ивановичъ, видя, что при всеобщемъ засѣданіи, одинъ Владиміръ, какъ подсудимый, стоитъ, указалъ ему молча у окна стулъ, и тотъ со вздохомъ сѣлъ.

Тогда Сила Ивановичъ, откашлянувшись, началъ говорить собранію довольно продолжительную рѣчь, которую онъ цѣлыя сутки заранѣе обдумывалъ; описалъ несчастіе, постигшее Владиміра, изобразилъ горестное его положеніе, лишеніе небольшаго своего имущества и надежду, которая у него единственно оставалась на помощь родственниковъ.

Когда Сила Ивановичъ окончилъ, то взоры всего собранія обратились на Сильверста Прокофьевича. Какъ старшій и значительнѣйшій человѣкъ, онъ долженъ былъ прежде всѣхъ отвѣчать. Онъ дѣйствительно и началъ:

«Всѣ мы здѣсь видѣли Владиміра Алексѣевича въ первый его сюда пріѣздъ, и всѣ дивились безразсудному его намѣренію ѣхать въ чужіе края, и три года неглижировать службою. Не смотря на нашу провинціяльную глупость, о которой подобные ему господа безпрестанно твердятъ въ Петербургѣ, оказалось, что на этотъ разъ умъ былъ не на его сторонѣ. Чрезъ эту поѣздку потерялъ онъ собственное свое имѣніе, просроча взносъ процентовъ въ казну; потерялъ наслѣдство покойнаго Лаврентья Ѳедоровича, не умѣвши заблаговременно выманить у него духовной; потерялъ здѣсь въ городѣ и другое кое-что... (при этомъ онъ лукаво взглянулъ на Любушку, которая вся вспыхнула) — но это не мое дѣло — наконецъ, вѣроятно, чрезъ это поте-

рялъ и службу, потому, что привыкнувъ три года тунеядствовать по трактирамъ и проѣзжимъ дорогамъ въ чужихъ краяхъ, онъ не могъ быть дѣловымъ человѣкомъ и хорошимъ чиновникомъ. Просвѣщеніе и науки, которыми онъ такъ величался, довели его до того, что онъ забылся передъ своимъ начальствомъ, и, разумѣется, его выгнали. Теперь онъ сюда пріѣхалъ, и чрезъ почтеннаго нашего Силу Ивановича проситъ нашей помощи. Признаюсь, я съ моей стороны, единственно изъ почтенія къ хозяину, котораго вся наша губернія уважаетъ за наличныя его достоинства, рѣшился разсуждать о подобномъ дѣлѣ. Но теперь, такъ какъ мы уже собрались, то позвольте мнѣ раздѣлить все дѣло на два вопроса: 1) заслуживаетъ ли Владиміръ Алексѣевичъ, по своему образу мыслей и поведенію, чтобы ему подали какую нибудь помощь? И когда почтенное собраніе рѣшитъ этотъ первый вопросъ, то я предложу второй. Угодно ли?»

Всѣ молчали.

«Позвольте же, я буду отбирать голоса. Сила Ивановичъ! вы что скажете?»

— Что твой вопросъ, братецъ, вовсе не родственный.

«Я постараюсь сдѣлать второй помягче — но это вопросъ дѣловой. Прошу всѣхъ отвѣчать искренно. И такъ, Сила Ивановичъ: заслуживаетъ ли Владиміръ Алексѣевичъ, по своимъ поступкамъ, чтобы мы ему помогли?»

— Помощь заслуживаетъ всякій, кто впалъ въ несчастіе, — отвѣчалъ Сила Ивановичъ. — Мы христіане и не должны разбирать причинъ несчастія. Кто упалъ

въ яму, того надобно вытащить, а не распрашивать отъ чего онъ свалился.

«Вы отклоняетесь отъ вопроса, Сила Ивановичъ. И такъ я вамъ скажу, что второй вопросъ мой будетъ состоять въ томъ, что несмотря на проступки Владиміра Алексѣевича, кто изъ насъ хочетъ и чѣмъ именно помочь ему? Слѣдственно, вы видите, что первый мой вопросъ оффиціяльный, а второй будетъ семейный.»

— Ну, въ такомъ случаѣ я согласенъ. Тебѣ, я вижу, ужасно хочется, чтобы бѣдный малый былъ осужденъ всѣми за свой вояжъ и отставку. Пожалуй, это торжество я готовъ допустить для тебя, и увѣренъ, что при второмъ вопросѣ ты отложишь въ сторону свою злость на него и будешь вполнѣ и христіаниномъ и родственникомъ.

«И такъ вы отвѣчаете на первый мой вопросъ: да, или нѣтъ?»

—Пожалуй, нѣтъ!

«Я говорю тоже нѣтъ!» прибавилъ Сильверстъ Прокофьевичъ. «Вы, АлександръГригорьевичъ!»—спросилъ онъ, обратясь къ извѣстному игроку, который и черезъ три съ половиной года еще не отыгрался. Тотъ очень спокойно отвѣчалъ тоже: «Нѣтъ.»

«Вы, Григорій Григорьевичъ?

— Нѣтъ!

«Вы, Иванъ Ивановичъ?.... Ба! да, онъ ужь заснулъ въ ожиданіи рѣшенія; растолкайте его покуда.»

Сосѣди растолкали его.

«Вашего мнѣнія спрашиваютъ, Иванъ Ивановичъ!»

— Въ ссылку! отвѣчалъ тотъ съ просонковъ, воображая, что сидитъ въ Уголовной Палатѣ.

«Какъ въ ссылку? вскричалъ Сила Ивановичъ... Ну, да что, братецъ Сильверстъ, длить по пустому время... Всѣ мы видимъ, чего тебѣ хочется — ну, пожалуй, всѣ и будутъ по твоему. Съ нашими голосами разумѣется всѣ согласятся. Слѣдственно, первый твой вопросъ...»

— Всѣ сказали, нѣтъ! Объявляй же второй, и собирай голоса христіанской и родственной любви. Это гораздо пріятнѣе, и намъ, и бѣдняку.»

— Хорошо! Слѣдственно все родственное собраніе присудило, что Владиміръ Алексѣевичъ отнюдь не заслуживаетъ нашей помощи; что вояжъ его былъ сумазбродство; что ученость его вздоръ, а важная служба, которую онъ великолѣпно началъ съ титулярнаго совѣтника, тѣмъ и кончилась, потому, что онъ вообразилъ себя умнѣе всего свѣта. Вотъ что нужно было ему доказать и объявить. Теперь, если онъ самъ признается съ достодолжнымъ смиреніемъ, что это совершенная правда, то я приступлю ко второму вопросу — но неиначе.

«Это ужь, братецъ, жестоко» — сказалъ Сила Ивановичъ.

— Какъ вамъ угодно, Сила Ивановичъ, но безъ этого никто изъ насъ не согласится подать ему какой нибудь помощи. Пожалуйте сюда, Владиміръ Алексѣевичъ! Вы все слышали, и знаете: чего мы отъ васъ требуемъ? Тяжело, можетъ быть, сознаваться въ своихъ проступкахъ, но это первый признакъ раскаянія.

— Итакъ скажите намъ: признаете ли вы наше рѣшеніе

справедливымъ, и сознаетесь ли во всемъ, что я сказалъ?

«Я совершенно въ вашей власти, и противорѣчіе мое не послужило бы ни къ чему, кромѣ моего вреда — отвѣчалъ смиренно Владиміръ. А потому, я, какъ несчастный, который ожидаетъ единственно отъ васъ себѣ помощи, соглашаюсь на все — съ однимъ условіемъ, что если вы, движимые христіанскою любовію, сами въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ возвратите мнѣ назадъ мое сознаніе и отречетесь отъ своихъ требованій, то я приму это, какъ доказательство вашего родственнаго великодушія.»

— Ну, этого не случится, — отвѣчалъ Сильверстъ. — Сознаніе ваше слишкомъ дорого для всѣхъ. И такъ вы сознаетесь? Извольте сѣсть на свое мѣсто. А мы, господа, займемся вторымъ вопросомъ, именно: сколько каждый изъ насъ согласенъ пожертвовать для прокормленія бѣдняка родственника?

Всѣ замолчали. — Сильверстъ продолжалъ:

«Конечно, и въ этомъ дѣлѣ не можетъ быть равнаго раздѣла. Есть небольшая разница въ средствахъ каждаго изъ насъ. Александръ Григорьевичъ, покуда еще не отыгрался, не можетъ дать того же, что легко дать Силѣ Ивановичу. И такъ сперва положимъ:

Что нужно для прокормленія бѣднаго?—а тамъ уже и разложимъ кому сколько придется платить. — Я полагаю, господа, что человѣкъ, впавшій въ несчастіе по собственной своей винѣ и проступкамъ, не захочетъ жить роскошно. Ему только нуженъ насущный хлѣбъ. На это я полагаю довольно... одного рубля въ день.

Сколько есть на свѣтѣ людей, которые и этого не имѣютъ, и были бъ счастливы подобною помощью! Впрочемъ, это мое личное мнѣніе. Если кто захочетъ послѣ дать и больше самъ отъ себя, тотъ всегда властенъ, но родственное собраніе хочетъ только *пропитать* Владиміра Алексѣевича. И такъ я кладу по рублю въ день на пищу, по рублю еще на одежду, квартиру и дрова, и по полтинѣ на карманныя издержки. И того по два съ полтиною въ день. Ей Богу! этого не получаютъ многіе изъ людей не хуже нашего родственника — а живутъ же! Согласны ли вы, господа?»

Всѣ наклонили головы въ знакъ согласія.

Теперь распредѣлимъ, сколько каждый изъ насъ будетъ давать.

«Вы, Александръ Григорьевичъ?

— Я бы радъ, да у меня у самаго ничего нѣтъ, а, пожалуй, я его беру себѣ въ долю въ игрѣ.

«И того у него будетъ нуль,» отвѣчалъ Сильверстъ.

«Вы, Григорій Григорьевичъ?»

— Да и у меня своего ничего нѣтъ. Все сестрино....

«Постойте, господа, вскричалъ съ досадою Сила Ивановичъ. Мнѣ ужь совѣстно и слышать все это!»

«Я даю всѣ два съ полтиною, по родственному рѣшенію и столько же отъ себя. — Нѣтъ, господа! плохая на васъ надежда. Я по собственной просьбѣ этого бѣдняка собралъ васъ, хотя и напередъ зналъ, что изъ того ничего не будетъ. Вы собрались только, чтобы подъ руководствомъ злаго языка Сильверста обругать бѣднаго малаго. Пусть же это ему въ наказаніе послужитъ. Но далѣе я не намѣренъ, ни обижать его, ни позволять,

чтобы его оскорбляли. — И безъ всѣхъ насъ, онъ уже вчера нашелъ помощь въ сорокъ четыре души и двѣ пустоши. Вотъ эта добрая дѣвушка, Саша, просила меня со слезами, чтобы я имѣніе ее продалъ и отдалъ деньги ему. Вотъ, господа, родство, вотъ чувство! А вы.... Ну, да Богъ съ вами. Пусть Онъ васъ судитъ, а не я.»

Всѣ обратили взоры на Сашу, которая вся покрылась пурпуромъ стыдливости. Владимiръ вскочилъ со своего стула и неподвижно остановилъ свои взгляды на доброй своей благодѣтельницѣ.

«Это, конечно, очень похвально,» сказалъ съ злою улыбкою Сильверстъ. «Но вѣдь чувство добра всегда бываетъ съ примѣсью. Иной дѣлаетъ для того добро, чтобы прославиться; другой, чтобы получить большiя выгоды, нежели помощь его стоитъ; третiй, чтобы овладѣть сердцемъ той особы, которой помогаетъ. Не знаю, къ которому разряду принадлежитъ Александра Ивановна, но хвалю однакожь ея намѣренiе. Оно заслуживаетъ того успѣха, котораго она втайнѣ отъ него желаетъ. И такъ господа, наше засѣданiе кончилось. Мы даромъ проѣздились, и почтенный Сила Ивановичъ изволилъ надъ нами позабавиться. Онъ собралъ насъ для того только, чтобы показать, что у него больше нашего денегъ. Это мы и прежде знали. Впрочемъ, это сказано не для ссоры. Боже сохрани! Я еще ни съ кѣмъ не ссорился. Прощайте же, господа. Мнѣ пора въ Палату. Говорили, что сегодня прiѣдетъ новый Вице-Губернаторъ.»

—Пусть его прiѣзжаетъ - отвѣчалъ Сила Ивановичъ — а безъ завтрака я васъ не пущу. Сильверстъ на меня

разсердился напрасно. Но за рюмкою вишневки помиримся. Эй! малый! неси сюда завтракъ.

Всѣ чрезвычайно одобрили это распоряженіе.

Въ то время Владиміръ подошелъ къ Силѣ Ивановичу и началъ его благодарить за оказываемыя милости. Старикъ обнялъ его и хотѣлъ указать ему на главную виновницу, на Сашу, но та уже исчезла при первомъ возгласѣ о завтракѣ.

Впрочемъ въ Турецкой книгѣ судебъ было написано, что завтракъ Силы Ивановича пропадетъ. Едва только лакеи уставили столъ, едва только гости собрались приступить къ пріятному занятію, какъ вдругъ Левъ Львовичъ, который на родственное засѣданіе отпустилъ только одну свою супругу, а самъ оставался караулить пріѣздъ Вице-Губернатора, вбѣжалъ въ залу и провозгласилъ, что Его Высокоблагородіе изволилъ прибыть. Все взволновалось, засуетилось и оставило мысль о завтракѣ. Самъ Сила Ивановичъ, вовсе по видимому равнодушный, велѣлъ человѣку, чтобы заложили ему дрожки и приготовили одѣваться. Покуда однакожь не разошлись, онъ успѣлъ провозгласить, чтобы отъ Вице-Губернатора всѣ къ нему съѣхались обѣдать.

Въ этой суматохѣ Лайба подошелъ (съ супругою) къ Владиміру и протянулъ ему руку. Съ улыбкою презрѣнія отступилъ тотъ, и сказалъ: «А! это ты, Лайба!»

—Какой Лайба! съ дерзостію отвѣчалъ квартальный. —Вы забываетесь, молодой человѣкъ. Я губернскій секретарь Левъ Львовичъ Карташевъ — такое же *ваше благородіе*, какъ и вы, и при вашемъ жалкомъ поло-

женіи вы должны бъ были искать моего знакомства и покровительства!

Супруга Лайбы, при первыхъ словахъ тирады его, повернулась и отошла, а Владиміръ, скрѣпя сердце, сдѣлалъ тоже, будучи преслѣдуемъ насмѣшками полужида.

Наконецъ всѣ разъѣхались и Владиміръ пошелъ въ кабинетъ Силы Ивановича, который торопился своею переодѣвкою, не желая явиться послѣднимъ къ Вице-Губернатору.

—Послушайте, любезный дядинька, – сказалъ онъ ему.

— Мнѣ нужно еще съ вами переговорить....

«Хорошо! Послѣ — теперь нѣкогда.»

—Да мнѣ бы хотѣлось разсказать вамъ....

«Послѣ, братецъ—теперь, ты видишь, я тороплюсь.»

—Вотъ отъ того-то и мнѣ бы хотѣлось....

«Эхъ, братецъ, какой ты! Говорятъ тебѣ, что нѣкогда. Слышишь — Вице-Губернаторъ пріѣхалъ.»

— Слышалъ и знаю, но вамъ-то не за чѣмъ торопиться...

«Все таки, братецъ, надобно... Прощай! Подожди меня здѣсь, я сей часъ ворочусь.»

— Дядинька! да, выслушайте меня.

«Надоѣлъ, братецъ! Развѣ можно слушать твой вздоръ, когда спѣшишь къ важному дѣлу?»

—Да, вѣдь и мое важное... всего двѣ минуты....

«Я теряю всякое терпѣніе... Ну, что тебѣ надобно?— говори.»

— Я только хочу вамъ сказать, чтобы вы понапрасну не ѣздили къ Вице-Губернатору. Вы его тамъ не найдете.

«Гдѣ тамъ? Ты почему знаешь?»

— Да, повѣрьте мнѣ, я это лучше другихъ знаю. Вице-Губернаторъ у васъ въ домѣ остановился... Однимъ словомъ — Вице-Губернаторомъ сдѣланъ я!

Сила Ивановичъ остолбенѣлъ. Но мысль ужасная мелькнула въ его головѣ, что Владиміръ съ ума сошелъ. Во время обоюднаго молчанія, Владиміръ вынулъ какую-то бумагу, подалъ дядѣ и снялъ бѣдный свой сюртукъ.

Передъ Силою Ивановичемъ стоялъ съ важнымъ видомъ чиновникъ, съ Анною на шеѣ и съ Владиміромъ въ петлицѣ, а бумага, которую онъ въ рукахъ держалъ, была копія съ указа о назначеніи Надворнаго Совѣтника Владиміра Грушова въ должность Вице-Губернатора въ ... ской губерніи.

Еще нѣсколько секундъ продолжалось молчаніе. Потомъ Владиміръ бросился въ объятія старика, и тотъ принужденъ былъ опуститься въ кресла, тихо повторяя: «Это непостижимо! Это безподобно!»

Тутъ Владиміръ разсказалъ ему все, и признался, что выпрося себѣ это мѣсто, чтобы прожить съ своими родственниками всю свою жизнь, онъ хотѣлъ прежде испытать доброту сердца каждаго изъ нихъ.

«Это было очень зло придумано!» сказалъ старикъ, выслушавъ весь его разсказъ — «но я радъ за тебя.. и еще за одну особу.»

—Ахъ! да, за этого ангела, за Сашу. Ради Бога, дядинька, сосватайте насъ. Я буду самымъ счастливымъ человѣкомъ.

«Вы оба стóите другъ друга.» Тотчасъ же позвали

Сашу, и кто вообразитъ себѣ ея счастіе, изумленіе и восторгъ! Слезы отвѣчали за все. Союзъ сердецъ подтвержденъ былъ взаимнымъ объятіемъ.

Послали за Любушкою и она должна была благословить ихъ, вмѣстѣ съ Силою Ивановичемъ.

Въ это время доложили о пріѣздѣ Лайбы. — Сила Ивановичъ вышелъ къ нему, а Владиміръ остался въ кабинетѣ съ Сашею и Любушкою.

Много надобно бы страницъ, чтобы изслѣдовать и описать чувства ихъ.

Черезъ полчаса воротился Сила Ивановичъ, и почтительно доложилъ Владиміру, что всѣ родственники, узнавъ о счастливомъ его возвышеніи, явились съ поздравленіями и просятъ позволенія засвидѣтельствовать ему свое почтеніе.

«Пойдемъ те, дядюшка. И вы тоже придите туда, Александра Ивановна. Я долженъ и васъ рекомендовать всему родственному собранію.»

Онъ уже хотѣлъ идти, но Сила Ивановичъ остановилъ его.

«Послушай, Владиміръ: теперь ты еще въ кабинетѣ мнѣ племянникъ. Тамъ ты уже будешь Вице-Губернаторомъ, передъ которымъ я долженъ стоять съ почтеніемъ. Послушай старика. Не плати зломъ за обиды. Пусть родня твоя съ тобою дурно поступила, — но предоставь это на судъ Богу....»

—Дядинька! я не думалъ, чтобы вы меня почитали такимъ дурнымъ человѣкомъ. Вспомните мою мать, моего добраго дядю, взгляните на Сашу и самихъ себя. Развѣ мало мнѣ примѣровъ и уроковъ добра, если бы я-

имѣлъ и самое злое сердце. Нѣтъ, дядюшка! Я помню одно добро — и вашего съ Сашею никогда не забуду.

«Пойдемъ-те къ гостямъ.»

Дверь въ гостиную распахнулась, и Владиміръ вышелъ во всемъ блескѣ къ собранію, робко прижавшемуся въ отдаленіи.

«Любезные мои родственники!» сказалъ онъ имъ, «простите меня за пустую шутку и испытаніе. Я виноватъ передъ вами. Забудемъ все прошедшее, и я даю вамъ слово, что въ будущемъ вы всегда найдете во мнѣ самаго добраго родственника и искренняго друга, который во всемъ и всегда радъ вамъ помогать. Вы, Сильверстъ Прокофьевичъ, очень возставали противу вояжей и учености, а послѣ моего сегоднишняго сознанія, сознайтесь и сами, что науки и просвѣщеніе бываютъ иногда и полезны (Сильверстъ молча поклонился). Вы, Александръ Григорьевичъ, забудьте свои прежнія неудачи и перестаньте отыгрываться. Вы, Иванъ Ивановичъ, постарайтесь не спать въ судейскихъ креслахъ, чтобы съ просонковъ не объявлять рѣшеній противныхъ законамъ и вашему доброму сердцу. Вы, Григорій Григорьевичъ, удѣляйте службѣ половину усердія вашего къ охотѣ — и вы будете отличный чиновникъ.....»

Обходя во время этого разговора все собраніе и видя послѣдняго Лайбу, который все это время кланялся ему, Владиміръ молча прошелъ мимо его и не обратилъ на него ни одного взгляда.

Но Лайба былъ не изъ тѣхъ людей, которые пришли бы въ замѣшательство отъ подобной встрѣчи. Онъ преслѣдовалъ Владиміра самыми низкими поклонами, и

наконецъ, коснувшись рукою сапоговъ, принудилъ остановиться.

«Я Лайба, прежній вашъ знакомецъ!» проговорилъ онъ, самымъ жалобнымъ голосомъ. — «Я самый усердный и преданный вамъ слуга. При радостной встрѣчѣ Вашего Высокоблагородія, я обязанъ донести вамъ, что вы здѣсь вовсе не лишились наслѣдства дядюшки вашего Лаврентья Ѳедоровича. Онъ оставилъ духовную... но вотъ кто утаилъ ее!» При этомъ онъ указалъ на Сильверста.

Тотъ побагровѣлъ со злости, но не теряя присутствія духа закоренѣлыхъ злодѣевъ, очень важно сказалъ:

«Ты лжешь, бездѣльникъ! Духовная не утаена. Она лежитъ въ Палатѣ подъ зерцаломъ; я все въ цѣлости сохранилъ Владиміру Алексѣевичу, и сегодня же отдалъ бы ему все. Ты же за дерзость свою и ложный доносъ будешь наказанъ по всей строгости законовъ.»

—Любезный Сильверстъ Прокофьевичъ! - сказалъ Владиміръ - надѣюсь, что будете вы подражать мнѣ и забудете все прошедшее. Я даже и не слыхалъ словъ Лайбы — и разумѣется гораздо болѣе повѣрю вамъ. Впрочемъ, какъ ни пріятно мнѣ сохраненіе имѣнія покойнаго дядюшки, но я уже успѣлъ пріобрѣсти здѣсь сокровище, которое выше всякихъ богатствъ. Вотъ оно, господа. Рекомендую вамъ.

Послѣ этого онъ взялъ за руку Сашу, вошедшую непримѣтно въ залу, и представилъ ее собранію, какъ нареченную свою невѣсту.

«Съ двумя стами тысячь приданаго, которыя я ей отдаю» — прибавилъ Сила Ивановичъ.

Всѣ поклонились ей съ подобострастіемъ.

Пав. Свиньинъ.

АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЪ

МЕНЬШИКОВЪ.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ

ВЪ ТРЕХЪ КАРТИНАХЪ

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

вмѣсто предисловія.

Занимаясь составленіемъ Исторіи ПЕТРА Великаго въ продолженіе болѣе десяти лѣтъ, я имѣлъ возможность изучить характеры и его знаменитыхъ сподвижниковъ. Многіе, дѣйствительно, заслуживаютъ удивленіе, но если кто изъ нихъ поражаетъ наблюдателя избыткомъ силъ умственныхъ и превратностію своей судьбы, то, конечно, лучшій другъ его сердца — Князь Александръ Даниловичъ Меньшиковъ.

Недостатки сего любимца счастія уже давно указаны исторіею, но немногіе изъ дѣеписателей отдали должную дань справедливости умилительному концу его земнаго поприща, на коемъ Меншиковъ явилъ себя выше многихъ древнихъ и новѣйшихъ героевъ, испытавшихъ непостоянство счастія. Меньшиковъ, низвергнутый съ высоты, до какой только можетъ достигнуть подданный, въ одно мгновеніе лишенный всего для него драгоцѣннаго, милаго, разочарованный, опозоренный, нуждающійся даже въ пропитаніи, въ одеждѣ — не только не упалъ подъ бременемъ золъ, на него низвергнувшихся, но еще возмужалъ, еще возвысился духомъ..... Не ропотъ на судьбу исторгался изъ груди его, а сердечное раскаяніе, не отчаяніе овладѣло душею его при неожиданномъ ударѣ, а твердая покорность волѣ Провидѣнія.

Однимъ словомъ, Меньшиковъ, по моему мнѣнію, ближе всѣхъ другихъ къ героямъ Шекспировскимъ, и скорѣе всѣхъ можетъ воспламенить дарованіе поэта. Счастливымъ почту себя, если опытъ мой выказать въ дѣйствіи главныя эпохи драматической жизни сего необыкновеннаго человѣка, его возвышенія, земнаго величія и упадка, проложатъ стезю для лучшихъ, совершенныхъ произведеній въ семъ родѣ. Исторія Русская изобилуетъ великими событіями и сильными характерами, которые, бывъ выведены мощною рукою таланта на сцену, могли бы обогатить репертуаръ отечественнаго театра.

П. Св.

РАЗНОЩИКЪ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

(Москва въ 1693 году.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Марья Сергѣевна Меньшикова, вдова.

Александръ Даниловичъ Меньшиковъ, сынъ ея, юноша 19 лѣтъ.

Василій Матвѣевичъ Пушкинъ, полковникъ Стрѣлецкій, голова заговора.

Елена Александровна Пушкина, жена его.

Михаилъ Яковлевичъ Арсеньевъ, Бояринъ.

Аксинья, карлица.

Обухъ, Стрѣлецъ.

Борисовъ, Тысяцкій Сухарева полку.

Филиповъ.
Проворъ. } Сотники того же полку.

Кузьминична.
Устиновна. } нищія старухи.

Стрѣльцы.

Потѣшные.

Раскольники съ топорами.

Нищие.

РАЗНОЩИКЪ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Театръ представляетъ убогую хижину.)

МАРЬЯ СЕРГѢЕВНА МЕНЬШИКОВА.

Посмотрѣвъ въ окошко, садится за прялку.

Чу! и на Иванѣ Великомъ заревѣлъ къ достойнѣ, ровно въ гусли заигралъ, золотой Реутъ батюшка. Чудное дѣло! За голоскомъ его смолкли всѣ сорокъ сороковъ бѣлокаменной Москвы; словно за соловушкомъ не слыхать пѣсенъ другихъ пташекъ, какъ защелкаетъ, засвиститъ онъ на зарѣ утренней! — Гуди, гуди, родимый, на радость православныхъ, на спасенье душъ грѣшныхъ! Шестой десятокъ доживаю, пятый себя помню, а, по милости твоей, не проспала ни одной заутрени, даромъ, что весь вѣкъ промаялась въ нуждѣ, да въ трудѣ за покойнымъ Даниломъ Васильевичемъ! Царство

ему небесное! (Утираетъ слезу и смотритъ опять въ окошко). Не въ-давнѣ съ голоскомъ твоимъ возвращался и мой Алексаша изъ-подъ Дѣвичья за свѣжимъ товарцемъ..... (вздыхая.) Но, видно, мы прогнѣвали Господа Бога; видно, по старому, придется биться съ копѣйки на копѣйку, кланяться рыжему лабазнику Еремѣ за фунтикъ пшеничной..... (задумывается).

ЯВЛЕНІЕ II.

Меньшикова и Аксинья.

АКСИНЬЯ.

Что такъ пригорюнилась, Марья Сергѣевна? Аль не можешь дождаться дорогаго своего Александра Даниловича?

МЕНЬШИКОВА.

Оно то и есть, мое дитятко.

АКСИНЬЯ.

Стóитъ же о чемъ кручиниться! Богъ съ нимъ! Онъ у насъ такой разумный, да удалый; изъ воды сухъ выскочитъ. Вотъ того и смотри, что вернется за свѣжимъ товарцемъ; было бы у тебя готово.

МЕНЬШИКОВА.

Прошло то золотое времячко, другъ мой Аксиньюшка! Нашлись злые люди, завидливые глаза, да и молвили Александру-то: «Стыдно-де тебѣ, братецъ, обманывать нищую братью!» Онъ и пересталъ съ той поры

ходитъ подъ Дѣвичье. — Да какой тутъ обманъ, Боже милосердый! что подложу въ оладушки пахтанья вмѣсто масла. Да, отъ того они здобнѣе и мягче, а беззубымъ то и по зубамъ; на носъ же они не чутки....

АКСИНЬЯ.

Да, и денежка-то у нихъ не трудовая. Изъ алтына не грѣхъ пролакомить деньгу, а Софья Алексѣевна жалуетъ по алтыну, въ крестовые же праздники и по пирогу. Полъ-Москвы кинулось къ Дѣвичьему за такою благостыней. Сухаревцы на силу отбиваются, когда народъ кинется къ обдѣлу: легко сказать, матка, даромъ взять алтынъ! Да иной купецъ не выручитъ столько въ цѣлый день, таскаясь съ товаромъ по улицамъ. За то, какъ и молятъ Бога, православные, за нее матушку-заключенницу!

МЕНЬШИКОВА.

Дай ей Богъ долгія лѣта здравствовать, да надъ Москвою царствовать, и я по милости ея, матушки, стала было отдыхать. Бывало, Саша то и дѣло бѣгаетъ изъ подъ Дѣвичья за товарцемъ домой; успѣвай лишь стряпать, съ шестка кидать на лотокъ. А съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ ходить въ Преображенское, къ Потѣшнымъ, почасту ворочается безъ выручки. Вишь, то оладьи черствы, то блины не масляны....

АКСИНЬЯ.

Зазнались щелкоперы. Экіе шематоны! Вѣдь, матка, на половину нехристей, такъ вѣстимо, что не понутру имъ православное кушанье....

МЕНЬШИКОВА.

Добра не будетъ съ ними. Ужь эти заморскіе! Да ужь объ нихъ нечего и говорить: они родились нехристями, А то вѣдь и наши туда жь — не хотятъ жить по старинѣ. Новины-то, новины сколько входитъ, Господи ты, Боже мой! скоро всѣ невидимо какъ обусурманимся....

АКСИНЬЯ (*значительно*).

А можетъ, все будетъ и опять по старинѣ....

МЕНЬШИКОВА.

Давай-ка Богъ! Пора, право, проводить эту бусурманщину за моря океаны. Посмотрѣла бы ты, Аксиньюшка, когда подъ вечеръ Александро вернется изъ Преображенскаго: то повѣситъ головушку, ни слова ему не скажи; то, не перекрестясь, схватитъ кочергу и учнетъ ходить изъ угла въ уголъ, притопывая, инда изба дрожитъ; иль выпрямится, вытянется, словно лучинка, и станетъ швырять кочергою съ плеча на плечо, да выкликать что-то мудреное....

АКСИНЬЯ.

Ну! ни дать ни взять, какъ Потѣшные потѣшаютъ Царя въ Преображенскомъ.

МЕНЬШИКОВА.

Это бы ничего, моя красавица, да вотъ что худо: къ Александру-то повадился ходить по ночамъ какой-то чернокнижникъ съ Сухаревой башни... какъ бишь его имя, проклятаго? Кажись, Мясницкой, иль Магницкой, такой страшный, высокій, словно лѣшій, прости Го-

споди! Вотъ они, мать моя, и засядутъ въ двоемъ въ каморку, дверь на крюкъ, да до зари все перебираютъ листы въ какихъ-то книжицахъ, только не во псалтырѣ и не въ часословѣ — я высмотрѣла въ щелку....

АКСИНЬЯ (*крестится*).

Съ нами, сила крестная! Погубитъ онъ, сердечный, свою душеньку, спознавшись съ этими бусурманами!

МЕНШИКОВА (*плачетъ*).

Упаси его, Господь! Всего же хуже, Аксиньюшка, Саша сталъ совсѣмъ не свой. — Намедни я намѣкнула ему о помолвкѣ: «Пора де, Сашинька, озакониться; мясоѣдъ доходитъ и невѣста поизъянилась.» — Какъ онъ на меня вскинется, да вскрикнетъ: «Грѣхъ тебѣ, матушка, торговать мною! Ужели тебѣ хочется изъ меня сдѣлать посмѣшище! Ну, какая мнѣ невѣста убогой человѣкъ, увѣчная, старая кошка, горбу....

АКСИНЬЯ (*перебивая съ сердцемъ*).

Какъ! Что такое? Почему я ему не невѣста? Что я за старуха, за увѣчная? Да, мнѣ стоитъ захотѣть, такъ поглаже его, нищаго, найду себѣ жениха; за меня сваталась и изъ Панскаго ряду и изъ Холопьяго Приказа. Вспомнилъ бы онъ, лукавый, что я изъ жалости къ вашему убожеству, да за спасибо, что вынесъ меня изъ пожарища, шла къ вамъ въ домъ, выкупала васъ изъ бѣдъ и напастей, одѣла васъ съ ногъ до головы... Нѣтъ, Марья Сергѣевна! я не дамъ себя въ обиду, не погублю своего добра, дойду и до губнаго старосты!

МЕНЬШИКОВА (*испугавшись*).

Не изволь гнѣваться, Аксинья Кирьяковна! Саша былъ сердитъ, а въ сердцахъ, сама знаешь, скажется многое на обумъ. И я промолвилась къ слову, а не то что въ правду.....

АКСИНЬЯ.

Ну, это другое дѣло! И впрямъ пора бы намъ кончить затѣянное, а то все кормите завтраками. — Вотъ тебѣ, матушка Марья Сергѣевна, два рублевика на дѣвишникъ и на красный столъ; не пожалѣю вдвое на свадьбу, только поскорѣе....

МЕНЬШИКОВА (*обрадовавшись деньгамъ*).

Кончу, кончу, мое дитятко, въ три дня! Да, найти ли намъ другой такой красавицы во всей бѣлокаменной? Богъ послалъ намъ такое сокровище за наше сиротство. Сохрани его, Господи, ослушаться! Да я его прокляну на семъ свѣтѣ и въ будущемъ!

АКСИНЬЯ.

Я отдамъ тебѣ подъ сохраненіе и Устюжскую свою коробочку: считай себѣ денежки, да береги.

МЕНЬШИКОВА (*кидается ее цѣловать*).

Ахъ! ты моя ненаглядная! да я завтра же скручу свадьбою — не посмотрю на его нѣканье.

Слышанъ стукъ у калитки.

АКСИНЬЯ.

Матушка! стучатся въ ворота и очень прытко.

МЕНЬШИКОВА (*глядя въ окошко*).

Сей часъ, отецъ мой, въ минуточку сбѣгу къ тебѣ! —

Охъ-ти мнѣ! бояринъ Василій Матвѣевичъ вдругорядь изволитъ жаловать, а Саши все еще нѣтъ дома!

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

АКСИНЬЯ.

Экъ ему, сердечному, гребтится! Да впрямъ, и есть отъ чего: коли Сашу не уломаемъ теперь — нечего и начинать. Спасибо, добрые люди бросили вѣсточку, что Борисовъ велѣлъ за мною присматривать ужо на обдѣлѣ, такъ въ петлю не кинусь на обумъ. Пирога съ аршинной грамоткой не проглотишь за разъ.... Ужь ни за что бы на свѣтѣ не послушалась, кабы, прости Господи, не differentiate зазнобила своего ретиваго. На Сергѣвну худа надежда; пришлось держаться Боярскаго слова, хотя, правду сказать, и имъ не больше довѣряю, даромъ что оба выбожились на образѣ Николая Чудотворца!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Пушкинъ, Меньшикова и Аксинья.

МЕНЬШИКОВА.

Милости просимъ, батюшка Василій Матвѣевичъ! Алексаша тотчасъ вернется.

ПУШКИНЪ *(увидя Аксинью).*

Ба! и невѣста наша здѣсь! — Смотри, Марья Сергѣевна, позови меня на свадьбу. Вмѣсто коровая поздравлю молодаго десятникомъ въ Сухаревъ полкъ; онъ у те-

бя парень вострый, смышленый, отважный, разомъ попадетъ въ сотники.

МЕНЬШИКОВА.

Много благодарствуемъ, отецъ нашъ! Просимъ только уволить отъ такой великой милости.

ПУШКИНЪ.

Какъ? неужели Александръ твой не радъ будетъ Царской милости? (съ улыбкою) Да, за чинъ-то десятника на съѣзжемъ дворѣ не пожалѣла бы иная матушка и двадцати рублевиковъ. Стрѣльцы служатъ изъ него по пятнадцати лѣтъ.

МЕНЬШИКОВА.

Не диво, отецъ мой, но Саша еще молоденекъ, чтобъ закабалить его....

ПУШКИНЪ.

Какой вздоръ! Молоденекъ для Царской службы, а не молоденекъ ходить на Болотѣ стѣною противъ Стрѣльцовъ, да биться въ кулачки съ Цыганомъ Биткою!

МЕНЬШИКОВА.

Дѣло молодое, кормилецъ; пусть себѣ потѣшается!

ПУШКИНЪ.

Хороша потѣха, какъ придетъ безъ глаза, либо безъ носа!

АКСИНЬЯ.

Сохрани Боже! И впрямъ, долго ли имъ, проклятымъ, пустить Александрушку калѣкою! Я умру съ тоски и печали....

ПУШКИНЪ (*насмѣшливо*).

Матушка, видно, потатчица, такъ хоть бы ты, Аксиньюшка, унимала женишка своего отъ отваги, чтобы послѣ не плакаться.

МЕНЬШИКОВА.

Ну, батюшка, женится — перемѣнится.

ПУШКИНЪ.

Ты, чай, слышала Марья Сергѣевна, какъ сынокъ твой въ ростополь выкупался на Крымскомъ броду? Да ужь и подивилъ православныхъ! Я ѣхалъ въ Дѣвичей монастырь, какъ вижу, что народъ бѣжитъ къ рѣкѣ; я за народомъ. Оба берега покрыты были мужиками и бабами; всѣ кричали, учили утопленицу выбраться изъ проруби, въ которую она попала, торопясь къ обдѣлу перебираясь черезъ рѣку, но никто не выискивался помочь ей на дѣлѣ; ледъ жутко несло по рѣкѣ. На шумъ и толковню подходитъ твой сынокъ. Взглянулъ на погибавшую старуху, не вымолвилъ ни слова, бросилъ свой лотокъ въ сторону, отыскалъ жердь, и выждавъ первую большую льдину, вскочилъ на нее и пошелъ перепрыгивать съ одной на другую. Правда, онъ не разъ уходилъ подъ лёдъ, но поставилъ на своемъ: добрался до утопленицы, мигомъ выхватилъ ее на льдину и пустился по струѣ, прочищая себѣ шестомъ дорогу. У торговыхъ бань, онъ благополучно причалилъ къ берегу.

МЕНЬШИКОВА.

Не совсѣмъ-то благополучно, отецъ мой: пришелъ безъ шапки и объ одной рукавицѣ; слышь потопилъ.

ПУШКИНЪ.

За то, какъ показался у Дѣвичьяго съ пирогами, мигомъ расхватали ихъ, даромъ что простыли.... Чай, принесъ охапку денегъ?

МЕНЬШИКОВА.

И, батюшка! одежи сгубилъ вдвое болѣе, чѣмъ выручилъ барыша! Да ужь у него такой обычай: какъ услышитъ про чужую бѣду, свою забываетъ. — Вотъ и намедни, о пожарѣ подъ Новинскимъ, сгубилъ оладушковъ на цѣлый алтынъ. Я только наложила на лотокъ горяченькихъ, инъ послышался набатъ. Саша швырнулъ товаръ подъ лавку, да и кинулся изъ избы, словно угорѣлый. Кричу, зову — не тутъ-то было, и слѣдъ простылъ.

ПУШКИНЪ.

Да, это не тогда ли, какъ горѣлъ домъ Боярина Арсеньева въ Кречетникахъ? (Съ насмѣшкою) По крайней мѣрѣ, Александръ твой не даромъ обгорѣлъ, бросясь въ полымя: вынесъ себѣ изъ огня невѣсту, да еще и съ желѣзною коробкою.

АКСИНЬЯ.

Сгорѣла бы, отецъ родной, сгорѣла начисто, кабы не Александръ Даниловичъ! Не успѣла я взбѣжать на чердакъ за коробчишкой, какъ обхватило весь домъ, что не стало выходу. Кинусь къ дверямъ, къ другимъ, къ окошку, на лѣстницу–здѣсь дымъ не пускаетъ, тамъ полымя отталкиваетъ. Я и завопила... Больше ничего не слыхала, опомнилась ужь на другой день въ чужой избѣ!

ПУШКИНЪ *(съ насмѣшкою).*

Какъ, чай, онъ обрадовался, вытащивъ тебя вмѣсто Дарьи Михайловны, а зѣваки проврали, будто въ дому захватило огнемъ боярышню...

МЕНЬШИКОВА.

И Сашѣ, вишь, тоже сболталъ сосѣдъ нашъ, Ерема лабазникъ....

ПУШКИНЪ.

Ну, видишь ли сама, Марья Сергѣевна, что Александру-то твоему не пристало шататься съ пирогами? То ли дѣло быть Стрѣльцомъ! *(На ухо)* И поторговать-то привольнѣй будетъ.....

МЕНЬШИКОВА.

Вѣстимо такъ, батюшка бояринъ! Да вишь добрые люди на Кукуѣ толкуютъ, что молодой Царь Петръ Алексѣевичъ хочетъ известь Стрѣлецкое войско: такъ, чтобы не попасть въ опалу?

ПУШКИНЪ *(въ сторону).*

Увидимъ, удастся ли? *(Къ ней)* И, тетушка, не всякому слуху вѣрь: Царю войско наше нужно и противу Басурманъ и противу Ляховъ.

МЕНЬШИКОВА.

Да, вишь, баютъ еще: боится-де онъ другаго отъ Стрѣльцовъ бунта, чтобы не вздумали опять посадить на царство матушку Софью Алексѣевну.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Меньшиковъ (бросаетъ на лавку пустой лотокъ).

ПУЩКИНЪ.

Чай, Александръ, ты не думалъ найти у себя столько гостей?

МЕНЬШИКОВЪ.

Признаюсь, бояринъ, не полагалъ, чтобы ты такъ рано изволилъ пожаловать.

ПУШКИНЪ.

Что за рано! Вотъ, видишь, добрые люди успѣли уже опорожнить твой лотокъ. (*Оборачиваясь къ матери*) Припаси-ка, дорогая хозяюшка, и намъ свѣженькихъ, да горяченькихъ; да пошли хоть Аксинью на Кружечный Дворъ за красоулею пѣнничка. Мы къ вамъ заразъ прійдемъ въ свѣтёлку. Теперь вѣдь не середь зимы,—и тамъ тепло.

АКСИНЬЯ (*съ сердцемъ*).

Я еще не успѣла переговорить съ Александромъ.

ПУШКИНЪ.

Успѣешь и послѣ. (*По тихоньку*) Глупенькая! да я за тебя же хочу похлопотать. Вишь, какимъ звѣремъ на тебя смотритъ. Надо его уломать съ глазу на глазъ.

АКСИНЬЯ (*подозрительно*).

Полно, не затѣмъ-ли, бояринъ, изволишь выгонять насъ?

Уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Пушкинъ и Меньшиковъ.

ПУШКИНЪ *(затворяя двери на крюкъ и оглядываясь съ осторожностію).*

Александръ! время дорого,–пора рѣшиться.

МЕНЬШИКОВЪ.

Признаюсь, бояринъ, что я долго бы не рѣшился на ваши предложенія и обѣщанья, кабы не новая обида лишила меня послѣдней надежды....

ПУШКИНЪ *(съ усмѣшкою).*

Отгадываю: тебѣ не удалась новая попытка попасть въ Потѣшные.–Ха! ха! ха! Вѣдь я говорилъ тебѣ не разъ, что эти заморскія птицы народъ смышлёный: имъ не надо людей съ своею волею, съ царемъ въ головѣ, а паче которые умѣютъ понимать ихъ.... (*Серьёзно*) Благодари скорѣе Бога, Александръ, что не допустилъ тебя стать въ ряды этихъ нехристей. Но дѣло уладится. Софья Алексѣевна потихоньку выйдетъ изъ своего заточенья черезъ проломъ, и не сдѣлаетъ ни какого худа Петру Алексѣевичу, а граматка, которую принесетъ отъ нея въ пирогѣ Аксинья, заключаетъ только отвѣтъ на увѣдомленіе, чтобы къ четыремъ часамъ ночи она была готова.

МЕНЬШИКОВЪ.

Всё-таки я долженъ буду измѣнить дружбѣ, обмануть лучшаго своего друга, Борисова....

ПУШКИНЪ.

Какой тутъ обманъ,—на нѣсколько минутъ пѣснями и прибаутками отвлечь вниманіе стражей Царевны отъ карлицы! Вѣдь ты не станешь ихъ увѣрять, не станешь имъ клясться въ чемъ ни есть ложномъ? Но, если и послѣ этого, ты считаешь еще себя измѣнникомъ, то утѣшься по крайней мѣрѣ мыслію, что измѣнишь дружбѣ—для любви.

МЕНЬШИКОВЪ *(подумавъ.)*

Василій Матвѣевичъ! Я вашъ....

ПУШКИНЪ *(обнимая его).*

Поздравляю тебя, Александръ, съ собственнымъ твоимъ счастіемъ. Я боялся, что ты отъ него откажешься, потеряешь его. Признайся однако: ты оттого долго не рѣшался, что злые люди тебя сбивали? Но, неужли ты кому ни есть открылся въ любви своей?

МЕНЬШИКОВЪ.

Никому.

ПУШКИНЪ.

И хорошо сдѣлалъ. Знаешь ли, Меньшиковъ, что на Руси не было еще другаго смѣльчака, который бы дерзнулъ влюбиться въ дочь первостепеннаго боярина? (*Съ коварною улыбкой*) И по-чести, надобно родиться въ рубашкѣ, чтобы такая дерзость, не только сошла съ рукъ, но и увѣнчалась успѣхомъ. Завтра же сама Государыня Софья Алексѣевна поздравитъ тебя Сотникомъ и женихомъ Дарьи Михайловны. — Скажи, однако, какъ забрела эта блажь въ башку твою?

МЕНЬШИКОВЪ.

Я самъ не понимаю, какъ это случилось! Я самъ долго боялся угадать себя! Хотя съ малолѣтства я началъ таскаться съ лоткомъ по улицамъ и домамъ, и меня зазывали почасту на женскія сѣни, ласкали за мои пѣсни и присказки, но отъ природы я былъ робокъ и застѣнчивъ, особенно съ дѣвушками: я не смѣлъ взглянуть на нихъ, не только пошутить съ ними. О Троицынѣ Днѣ будетъ годъ, какъ пошелъ я помолиться къ Спасу въ Кречетникахъ; приложась къ святому кресту, я спѣшилъ выйти изъ церкви, чтобы поспѣть съ товаромъ въ Дѣвичій Монастырь, до выхода народа отъ поздней обѣдни. На паперти одѣляла убогую братью какая-то боярышня. Пробиваясь сквозь толпу нищихъ, я толкнулъ неосторожно одну старуху: она заворчала и стукнула меня крѣпко клюкою по головѣ; я хотѣлъ отплатить ей добрымъ тузомъ, какъ ненарокомъ взглянулъ на боярышню: взоры наши встрѣтились и – рука моя опустилась.....

ПУШКИНЪ (*насмѣшливо*).

Чудные, право, глаза у Дарьи Михайловны! Ужо нарочно съѣзжу къ Михайлу Яковлевичу, чтобы взглянуть на нихъ....

МЕНЬШИКОВЪ.

Мало этого! Какой-то огонь пробѣжалъ по всему существу моему.. Съ тѣхъ поръ, беззаботный, веселый, счастливый, я сдѣлался задумчивъ, мраченъ, безпокоенъ. Ощущенія, то сладкія, то мучительныя, наполняли мое сердце; мечты дальнія, думы незнаемыя

волновали мою душу: я сталъ недоволенъ собой, сталъ стыдиться своего невѣжества, своего состоянія; однимъ словомъ, я весь перерodился.

ПУШКИНЪ.

И кинулся въ Преображенское?

МЕНЬШИКОВЪ.

Да, Василій Матвѣевичъ! Я думалъ дорогою чести, труда, просвѣщенія сдѣлаться скорѣе достойнымъ руки дочери боярина Михайла Яковлевича....

ПУШКИНЪ.

Да за тебя не отдалъ бы бояринъ Арсеньевъ своей дочери, хотя бъ ты сдѣлался вторымъ по Лефортѣ. — (*Лукаво*) Но увѣренъ ли ты, братъ, что Дарья Михайловна пойдетъ за тебя?

МЕНЬШИКОВЪ.

Думаю, бояринъ, что я ей непротивенъ, хотя правду сказать, ни какого намѣку не видалъ отъ нея, ни слова не слыхалъ....

ПУШКИНЪ (*въ сторону*).

Слава Богу! Я боялся, что Душа отвѣчаетъ его безумной страсти. (*Къ нему*) Ну, а ежели ты ошибешься въ чувствахъ ея къ тебѣ?....

МЕНЬШИКОВЪ.

Безъ сомнѣнія, ты по себѣ знаешь, Василій Матвѣевичъ, что въ любви слова послѣднее дѣло; языкъ любви гораздо краснорѣчивѣе: одинъ взглядъ часто говоритъ болѣе, чѣмъ можно пересказать въ цѣлый часъ

словами; одно движеніе руки, появленіе, уходъ милаго человѣка объясняютъ цѣлый рядъ недоумѣній, вопросовъ, желаній....

ПУШКИНЪ.

Нѣтъ, братъ Меньшиковъ; прошу меня уволить изъ числа вашей братьи, заморскихъ воздыхателей. Я любилъ по старинному, православному обычаю и женился не вѣдая мукъ любви.

МЕНЬШИКОВЪ *(съ жаромъ).*

Жалѣю о тебѣ, Василій Матвѣевичъ: не зная мукъ любви, ты не испилъ чары истиннаго блаженства жизни; не испытавъ отравъ неизвѣстности, таинственности, страха надеждъ и отчаянія, ты не существовалъ душею въ семъ прекрасномъ мірѣ....

ПУШКИНЪ *(въ сторону).*

Экой краснобай! Ужо увидимъ, также ли заговоритъ въ застѣнкѣ! (*Къ нему*) Удивительно мнѣ только, какъ Аксинья попустила обманывать себя, словно пошлую дуру,—какъ она не замѣтила твоего лукавства?

МЕНЬШИКОВЪ.

Повѣришь ли, бояринъ, что почасту она бываетъ мнѣ жалка, и мнѣ бы хотѣлось вывесть ее изъ заблужденія! По крайней мѣрѣ, я чистъ предъ нею совѣстью: я никогда ея не обманывалъ, никогда не подавалъ ей ни малѣйшей надежды, и если впередъ не буду въ силахъ возблагодарить ее, то, кажется, достаточно уже поплатился съ нею спасеніемъ ея во время пожара.....

ПУШКИНЪ *(съ издѣвкою).*

Хотя по ошибкѣ.....

МЕНЬШИКОВЪ (*съ досадою*).

Нѣтъ! Выносся ее изъ полымя, я могъ разглядѣть свою ношу....

ПУШКИНЪ.

Ну! я вѣдь пошутилъ, любезный! Впрямъ, стоитъ ли этотъ уродъ быть женою такого молодца, какъ нашъ будущій Стрѣлецкій Сотникъ. Пускай себѣ лопнетъ ужо съ досады, лишь бы теперь повѣрнѣе, да поискуснѣе послужила намъ. Пойдемъ къ нимъ въ свѣтёлку, да уговоримся во всемъ пообстоятельнѣе. (*Шутливо*) Смотри, не пожалѣй ласковаго словечка, чтобы скружить дурѣто голову: вѣдь за одинъ умильный взглядъ твой, она полѣзетъ въ огонь и въ воду, перевернется мелкимъ бѣсомъ, — ха! ха! ха!

КОНЕЦЪ I-ГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ Дѣвичій Монастырь; у воротъ стоитъ стража изъ Стрѣльцовъ Сухарева полку, и толпятся нищіе.

Тысяцкій Борисовъ и Сотники Проворъ и Филиповъ.

БОРИСОВЪ.

Братцы! должно глядѣть въ оба глаза. Дошли слухи о новомъ заговорѣ.

ПРОВОРЪ.

Увѣряю тебя, Василій Петровичъ, что съ тѣхъ поръ, какъ моя сотня стоитъ на стражѣ, въ монастырь не пробралась ни одна душа безъ царскаго ярлыка.

БОРИСОВЪ.

Смотрите: не переносятъ ли граматокъ эти бродяги? Вѣдь все продажныя душонки; за алтынъ не постоятъ за отца роднаго.

ФИЛИПОВЪ.

И между ними есть истинно несчастные и честные люди.

БОРИСОВЪ.

То-то не извольте полагаться на честность этихъ Божіихъ Людей. Лучше осматривать ихъ при первомъ подозрѣніи. Стыдно будетъ, если мы не оправдаемъ довѣренности да прозѣваемъ.

ФИЛИПОВЪ.

Будь спокоенъ, Василій Петровичъ; мы ничего не упустимъ для поддержанія чести Сухаревскаго полку.

БОРИСОВЪ.

Я на тебя полагаюсь, какъ на каменную стѣну.

ПРОВОРЪ.

Правду сказать, одна горбушка изъ этой честной братіи крѣпко смахиваетъ на переноцицу... Я ее не разъ видывалъ, какъ она перешоптывалась съ Царевниною Постельницею, чтò раздаетъ милостыню послѣ обѣденъ.

БОРИСОВЪ.

Ну, схватить ее безъ околичностей, и обыскать! Не велика бѣда, коли и ошибемся.

ПРОВОРЪ.

Она жалуетъ за алтыномъ съ первымъ благовѣстомъ къ достойнѣ. Ужъ я не просмотрю ея; даромъ, что изъ травы чуть выставляется, какъ дождевой пузырь, – ха, ха, ха!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Меньшиковъ (съ лоткомъ).

БОРИСОВЪ (*жметъ ему руку*).

А, нежданый гость! въ кои вѣки пожаловалъ! А мы думали, что ты давно маршируешь, да повертываешься въ рядахъ Преображенскихъ Потѣшныхъ?

ПРОВОРЪ.

Нѣтъ! отъ Потѣшныхъ-то мало потѣхи: такъ при-

шлось приняться съизнова за хворыхъ калѣкъ, да за старыхъ рубакъ,-ха, ха, ха!

БОРИСОВЪ.

Право, Меньшиковъ, мнѣ за тебя стыдно! Не совѣстно ли такому молодцу гулять съ лоткомъ, а не съ бердышемъ въ рукахъ?

ФИЛИПОВЪ.

Да, вишь, онъ знаетъ, что бердышемъ-то скорѣе натрешь мозоли, чѣмъ лоткомъ съ масляными пирогами.

МЕНЬШИКОВЪ (*весело*).

Ну, братцы, кажись вы довольно надо мною погуляли; теперь моя очередь (*Поетъ*:)

Кто блинка, блиночка,
Съ пылу съ огонёчка?
Бѣлы, хороши,
Точно дѣвицы души
Румяная щёчка!

Слышенъ благовѣстъ.

БОРИСОВЪ (*киваетъ головою Провору*).

За благовѣстомъ не услышишь твоихъ пѣсенокъ; повремени немножко.

МЕНЬШИКОВЪ.

Коли любы, подойдите поближе; берегите только, братцы, волосъ на головѣ: отъ прибаутокъ моихъ чтобъ не повыскакали...

(*Продолжаетъ пѣть.*)

Эй! честные господа,
Торопитесь-ка сюда:

Прибауточекъ послушать,
Пирожковъ моихъ покушать!
Есть съ разсыпчатой крупой,
Есть съ малиной медовой;
Пышны, словно подъ фатой
Горожанки молодой....
Не доскажемъ мы словечка....
Кто уменъ, тотъ самъ смѣкнетъ!
Лишь отвѣдай — заберетъ
Пирожокъ мой за сердечко.
Разбирайте же скорѣй,
Покупайте тороватѣй,
Набивайте ротъ плотнѣй:
Заживете побогатѣй.
Кто ихъ больше возметъ,
Тотъ, посмотришь, махнетъ
Изъ подьячихъ въ дьяки,
Къ богачу въ свояки;
Сынъ боярскій за разъ
Будетъ знатенъ какъ князь;
А стрѣльцы,
Молодцы!
Ой, люли, припѣвай,
Да на усъ свой мотай....
Не съ большимъ черезъ годъ
Смѣнятъ всѣхъ воеводъ.
Что жъ дѣвицамъ сулить?
Имъ лишь стоитъ купить
У меня пирожковъ;
Поглядятъ: женишковъ,
Соколовъ молодыхъ,
Щеголей удалыхъ,

Отыщу всѣмъ на славу,
На добро, на забаву!

Стрѣльцы окружаютъ Меньшикова и безпечно лакомятся пирогами и оладьями. Между тѣмъ у воротъ, съ возвышенія, Царевнина Постельничья одѣляетъ нищихъ деньгами и пирогами. Аксинья съ величайшею осторожностію приближается къ Постельницѣ и, схвативъ пирогъ, пробирается сквозь толпу, толкаетъ старухъ; тѣ бранятся, ворчатъ, а она въ половинѣ пѣсни Меньшикова скрывается.

Оладушки, оладьи,
Отъ бабушки Маланьи!
А бабушка моя
Слыветъ ворожея.

Къ ней сбираются въ стряпухи
Въ полночь вѣщія старухи,
Съ Брянскихъ, съ Муромскихъ лѣсовъ,
Изъ-за Кіевскихъ песковъ.
Вотъ Кикимора явился
На чурилкѣ къ ней верхомъ.
Домовой въ трубу клубкомъ
Прикатился, провалился.
Упырь, чтобъ не опоздалъ,
Съ неба звѣздочкой упалъ.
Громъ гремитъ, гроза блистаетъ,
То Ягая подъѣзжаетъ
Въ ступѣ каменной своей;
Пестомъ ступу погоняетъ—
Бѣсы прыгаютъ предъ ней,
А за нею вереница
Чудъ, русалокъ и чертей!
Что за рожи, что за лица
У Маланьиныхъ гостей!

Тотъ съ хвостомъ, другой съ рогами,
Тотъ съ кабаньими клыками,
Съ синей, рыжей бородой,
То горбатой, то кривой.
Сядутъ чинно тутъ уроды
Вкругъ трескучаго огня,
Словно пиръ у воеводы,
И тотчасъ пойдетъ стряпня!
Вдругъ кукуреку раздалось....
Все поднялось, все убралось,
Все исчезло—на лоткѣ
Лишь оладушки однѣ!
Ну! скорѣй ихъ разбирать!
А прошу лишь только знать,
Что не менѣе, какъ съ пары
Совершатся съ вами чары
И начнутся чудеса;
Выщуритъ слѣпой глаза,
А безногой встанетъ,
И нѣмой затянетъ
Пѣсню подъ гудокъ.
У горбатаго горбокъ
Сгинетъ словно, какъ грибокъ.
За десятокъ—всѣ сѣдины
Пропадутъ на бородахъ;
У старушекъ—на щекахъ
Всѣ изгладятся морщины!
Ну! да, полно-те зѣвать,
А извольте поспѣшать,
Разбирать товарецъ,
Вытряхать карманецъ!

ПРОВОРЪ.

Ай да, Саша! собаку съѣлъ! Да откуда ты, братъ, набрался такой чертовщины?

ФИЛИПОВЪ.

Я насилу очнулся отъ страха! И впрямъ волосы такъ и топорщились, слушая его.

БОРИСОВЪ (*шутливо*).

Не даромъ же говорятъ въ народѣ, что къ нему ходитъ по ночамъ какой-то чернокнижникъ съ Сухаревой Башни! Ха, ха, ха! Ну-ка, Саша, покажи, чему еще ты у него выучился? Ты нынче сталъ рѣдокъ. Богъ знаетъ, когда опять тебя дождешься!

МЕНЬШИКОВЪ (*шутливо*).

Будетъ съ васъ и этого: «хорошаго понемногу», говоритъ пословица; лоткà не разобрали, даромъ, что отдавалъ въ долгъ, да за полцѣны. Пойду-ка къ Божьимъ людямъ,—они васъ тороватѣе.

(Приближается вмѣстѣ съ Стрѣльцами къ нищимъ, которые его окружаютъ. Между тѣмъ на сцену отдѣляются изъ толпы двѣ старухи.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Двѣ старухи.

ПЕРВАЯ.

Даромъ что̀ у меня одинъ глазъ, Кузминишна, а я вострѣе всѣхъ васъ вижу.

ВТОРАЯ.

Скажи, матка, что̀ ты видѣла?

ПЕРВАЯ.

А что̀ дашь?

ВТОРАЯ.

Да, было бы за что̀ дать, Савишна!

ПЕРВАЯ.

А вотъ за что̀: на каждомъ обдѣлѣ впередъ пріидется тебѣ, не двѣ деньги, а цѣлый алтынъ.

ВТОРАЯ.

Коли въ правду баешь, достальную копѣйку возьми.

ПЕРВАЯ *(схватываетъ съ жадностію деньги).*

Неужто ты не видала, что ключница Царевнина, то кивнетъ головою, то мигнетъ глазомъ, да и словечко молвитъ, коли зазѣваются Стрѣльцы, съ этою проклятою горбушей, что свалилась съ неба обирать насъ, бѣдныхъ сиротъ?

ВТОРАЯ.

Ужь не та ли эта гадина, прости Господи, что въ чоботахъ гуляетъ за милостыней?

ПЕРВАЯ.

Она, она, матка, заѣдаетъ наши денежки! Царевна-то, слышь, выдаетъ въ воскресные дни по алтыну на человѣка, а въ крестовые праздники еще по пирогу; а намъ, сама вѣдаешь, съ зимняго Николы, какъ повадилась жаловать эта ехидна, еле достается по двѣ деньги, да по двѣ крохи; а коли опоздала руку протянуть, то и безъ всего домой уйдешь. Вѣстимо, что къ ней, проклятой! переходятъ наши крохи.

ВТОРАЯ.

Ахъ, она безпутная, незваная, непрошеная! Ино стояла бы еще позади, анъ на выскочку впередъ всѣхъ, словно двадцать лѣтъ промышляетъ! Видно, косточки еще не ломаны; палка объѣзжаго не ходила по спинѣ. Нѣтъ, Савишна! Я ужь лѣтъ съ пятокъ не суюсь въ другорядь за милостыной, хоть по пятаку раздавай. Прежде, нече грѣха таить, коли Господь поможетъ, и три, бывало, схватишь.

ПЕРВАЯ.

Помню, помню, Кузминишна! Какъ стаивала у Иверской — куда удалà ты была! Ужь никто проворнѣе тебя не высунетъ лѣвши изъ-за новичка, а правая-то своимъ чередомъ получаетъ.

ВТОРАЯ.

Хила стала: того и боюсь, что въ давкѣ собьютъ съ ногъ, да затопчутъ. Да, не молвишь ли Кондратьичу о незваной-то гостьѣ? Онъ бы ее путемъ пугнулъ, перестала бы чужой хлѣбъ ѣсть.

ПЕРВАЯ.

Что ты, матка, въ умѣ ли? Возьмется ли Кондратьичъ за такое большое дѣло!

ВТОРАЯ.

А для чего не такъ? Онъ такой сердитый, да голосистый; то и дѣло горланитъ, да лупитъ клюкой нашу братью, старухъ беззащитныхъ. Страхъ боюсь его!...

ПЕРВАЯ.

Да, пойдетъ ли онъ въ улики, когда самъ того и смотритъ, чтобы его не уличили. Онъ вѣдь, матка, бѣглый холопъ.

ВТОРАЯ.

Неужь-то?

ПЕРВАЯ.

Рѣшеточный два раза жутко къ нему добирался; анъ богатъ, проклятый! отсыпался, а съ уличными живмя живетъ на Кружечномъ Дворѣ. Боится лишь Сухаревцовъ; они его однажды порядкомъ пугнули. Вишь, ходилъ онъ прежде на деревяшкѣ, съ заплатою на глазу, а о Рождествѣ вдругъ пожаловалъ на клюкахъ. Растравилъ руку бодягой, да оплѣшивѣлъ отъ щелоку, инъ и думаетъ всѣхъ обмануть. Нѣтъ, голубчикъ! меня и сѣрый волкъ Анкудиновичъ не обморочивалъ: выведу разомъ твои проказы на свѣжую воду, только задѣнь меня!...

ВТОРАЯ.

Какъ же дѣду-то помочь, Савишна, чтобы моя копѣйка не пропала даромъ?

ПЕРВАЯ.

Нишкни! Я наткну на эту ворону яснаго сокола. Еще вчера шепнула Сотнику Провору, что она съ Постельницей шепчется. Вѣдь никому не велѣно болтать съ нею.

ВТОРАЯ.

Отучилъ бы ее толкать старѣе себя!

ПЕРВАЯ.

Такъ и ты видѣла, какъ даве подхватила она пирогъ, чуть не въ аршинъ длины, да и учала локтями-то про-

биваться назадъ, какъ будто кто гонится за нею отымать его,—того въ бокъ, того въ брюхо! Счастлива, что меня не тронула; посмотрѣла бы я, чѣмъ начиненъ ея пирожокъ, выпотрошила бы изъ него наши денежки.... Да, не въ домёкъ ли тебѣ, матка, зачѣмъ она, проклятая, сегодня пожаловала въ шушунѣ и въ кичкѣ, какъ будто о Святкахъ нарядилась?—Насилу узнала ее.

ВТОРАЯ.

А вотъ узнаемъ. Побѣжимъ поскорѣе къ нашимъ; тамъ что-то толпятся. Коли не захватимъ ея теперь, то авось наткнется завтра. И впрямъ, матка, это неспроста!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Театръ представляетъ опочивальню богатаго Русскаго боярина; у окошка пяльцы.

АКСИНЬЯ.

Елена Александровна ни слова не изволила вымолвить и вышла въ образную. Вѣрно ужь провѣдала про затѣи своего сожителя, и меня боится. Но лишь бы вышла поскорѣй, я ее утѣшу, матушку. Окаянный! Не додѣлалъ дѣла, да и показалъ волка въ овечьей шкурѣ! Увидимъ, удадутся ли тебѣ твои хитрости, Василій Матвѣевичъ? Я открою глаза Сашѣ; разскажу ему, какъ ты, съ радостей что обманулъ насъ, потѣшался даве съ бояриномъ нашимъ. Ужь мы и глупые, и смѣшные, и слѣпые, и такіе и сякіе, и что Сашу женишь, вмѣсто боярышни, на осиновой перекладинѣ, а меня выдашь за

водянаго дѣдушку съ каменнымъ ожерельемъ въ пудъ! Авось, Господь не допуститъ клятвопреступникамъ погубить беззащитныхъ сиротъ. Они, проклятые, и не замѣтили, что двери-то въ палатѣ не притворили, и я могла слышать весь разговоръ ихъ. Саша долженъ скоро пройти по здѣшней улицѣ; надо его перехватить подальше отъ дому нашего, пока можно дѣло поправить. Отъ нихъ кромѣ бѣды нечего ждать другаго. Какова пора не мѣра, я проберусь сама къ молодому Царю, покаюсь въ моемъ проступкѣ, и въ награду за открытіе заговора выпрошу, чтобы приказалъ тотчасъ же Меньшикову на мнѣ жениться. Вотъ и боярыня, да съ пустыми руками, и какая же печальная, какая грустная! Видно, сердце ея чуетъ про новую напасть Петру Алексѣевичу.

ЯВЛЕНІЕ V.

Аксинья и Елена.

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА *(садится машинально за пяльцы и разговариваетъ сама съ собою).*

Тайна, ужасная тайна! Ахъ! зачѣмъ я узнала, зачѣмъ я желала проникнуть тебя, не имѣя ни силъ отвратить злодѣяніе, ни средствъ къ спасенію его отъ руки убійцы! (*Съ злобною усмѣшкою*) Понимаю теперь причину неожиданной довѣренности вашей, Василій Матвѣевичъ. Злодѣй! ты ввѣрилъ мнѣ кровавую тайну свою, чтобы растерзать это бѣдное сердце, чтобы насладиться

его безсильнымъ мученіемъ! Заставя меня обѣщать молчаніе передъ Распятіемъ, ты отгадалъ, жестокій! что только страхъ клятвопреступницы въ состояніи удержать меня отъ пожертвованія собою для него, что однѣ духовныя узы могутъ оковать уста мои и ноги.... Но неужели муки ада еще сильнѣе терзаній, раздирающихъ мою душу? неужели онѣ вѣчныя? (*Падаетъ наколѣни*) Боже милосердый! пролей каплю утѣшенія въ мое растерзанное сердце. Нѣтъ! просвѣти, вразуми слабое, ничтожное твореніе Свое! (*Послѣ нѣкотораго молчанія, вскакиваетъ*) Такъ! я слышу гласъ Твой, Господи! Такъ, клятва, исторгнутая злодѣемъ для сокрытія злодѣйства, отринута Тобою, открытіе ея не есть преступленіе. Такъ, я разрѣшена отъ своего обѣта,—я могу принесть себя для него на жертву.... (*Молчаніе*). Но что же могу сдѣлать, несчастная? Какъ отвращу ужасное бѣдствіе, угрожающее Петру и Святой Руси? Если мнѣ удастся обмануть моихъ надсмотрщиковъ, то гдѣ я найду его, какъ дойду до него?

АКСИНЬЯ.

Пошли меня, матушка боярыня; я сослужу тебѣ вѣрою и правдою.

ЕЛЕНА (*испугавшись*).

Какъ? Ты не ушла еще, Аксинья?

АКСИНЬЯ.

Да, ты, матушка, не пожаловала мнѣ мантильи, за которою боярышня моя, Дарья Михайловна, изволила прислать къ тебѣ. Приказала подождать, да и заговорилась съ собою...

ЕЛЕНА (*вспоминая*).

И ты все слышала?

АКСИНЬЯ.

Все, все, Елена Александровна! Да не бойся: я много слышу, но мало говорю.

ЕЛЕНА.

Господи! не она ли орудіе, ниспосылаемое Твоею премудростью для уничтоженія ужаснѣйшаго злодѣянія? Не Ты ли избралъ жалкое созданіе Свое для совершенія дѣла великаго? Да, тому такъ быть должно; чувствую какое-то невольное довѣріе къ этой презираемой мною донынѣ карлицѣ. (*Къ ней*) Аксинья! чѣмъ докажешь, что не предашь меня, что оправдаешь мое предчувствіе?

АКСИНЬЯ.

Довольно ли будетъ, боярыня, коли скажу тебѣ, что черезъ меня ты не попала въ царицы?...

ЕЛЕНА.

Возможно ли!

АКСИНЬЯ.

Да, я жила тогда въ сказочницахъ у Царицы Натальи Кириловны. Ты на самомъ первомъ смотру приглянулась пуще всѣхъ молодому Царю, а Нарышкинымъ хотѣлось женить его на Лопухиной.

ЕЛЕНА.

Довольно! Не вспоминай мнѣ моего несчастія.

АКСИНЬЯ.

Нѣтъ! дослушай, чтобы дать мнѣ вѣру....

ЕЛЕНА.

Только, ради Бога, поскорѣй....

АКСИНЬЯ.

Вотъ и велѣли мнѣ подлѣзть подъ твою кроватку, и научили кашлять по-чахоточному, когда Царь будетъ выходить съ матушкою изъ невѣстиной опочивальни, а его и увѣрили, что ты еле дышишь на ладонъ отъ лихой хворости и не доживешь до весенняго Миколы.

ЕЛЕНА.

Правда! Легко было обмануть его; я еще не оправилась отъ жестокой болѣзни, когда привезли меня въ царицыны палаты....

АКСИНЬЯ.

Да, это не помогло бы намъ уломать его, да вишь сказали, что ты захворала отъ того, что отецъ твой и матушка не согласились выдать тебя за какого-то Нелидова-Отрепьева...

ЕЛЕНА (*съ жаромъ*).

Ложь, совершенная ложь! Я никого еще не любила.

АКСИНЬЯ.

Мало того! Показали ему письмо твое къ Ромодановскому, гдѣ ты просилась въ монастырь, если не выдадутъ тебя по твоему желанію....

ЕЛЕНА.

Еще клевета! Я просила крестнаго не велѣть выдавать меня за Василья Матвѣевича, которой и въ женихахъ былъ мнѣ противенъ....

АКСИНЬЯ.

Да, вишь, Суднаго Приказа подъячій Волкъ такъ искусно добавилъ, что нужно было, что ты и сама вклепалась бы въ свой почеркъ....

ЕЛЕНА.

Богъ вамъ судья за мое горе....

АКСИНЬЯ.

Тутъ ужь Петръ Алексѣевичъ и пересталъ пѣть прежнюю пѣсенку: «Не хочу, да не хочу Лопухиной; дайте мнѣ въ жены Аленушку; съ ней одной буду счастливъ»...

ЕЛЕНА (*зарыдавъ*).

Полно, Аксиньюшка, говорить о томъ, чего не воротишь. Ахъ, люди! люди! зачѣмъ вы лишили меня счастія любить любовью сладкою, чистою, непорочною, не скрывать, а гордиться своею страстью?... Зачѣмъ вы у меня отняли мое блаженство? Ахъ! какъ-бы я любила въ немъ моего мужа, какъбы стала утѣшать его въ горестяхъ и неудачахъ, лелѣять послѣ трудовъ и безпокойствъ! Я ловила бы каждое его желаніе, я отгадывала бы каждый взглядъ его. Ни стужа, ни раннее время дня не помѣшали бы мнѣ провожать его съ крыльца, усадить своими руками въ сани, насмотрѣться на него, сколь можно дольше... Сердце сторожило бы возвратъ его; не упреки, ни слезы встрѣчали бы его на порогѣ; нѣтъ!=объятія, самыя жаркія, пламенныя! Онъ отдыхалъ бы на груди моей; на себѣ переносила бы гнѣвъ его; поцѣлуи мои разогрѣвали бы его серд-

це, растерзанное, ожесточенное неблагодарностью людей. Онъ выходилъ бы отъ себя добрѣе, милосердѣй.... Но я забылась, а время летитъ.... (*Въ изступлении бросается обнимать Аксинью*) Аксиньюшка, душа моя, золотая, серебряная! скажи, увѣрь меня, что ты въ состояніи дать вѣсть Петру Алексѣевичу объ угрожающей бѣдѣ?

АКСИНЬЯ.

Успокойся, матушка боярыня, дѣло ближе полуночи не сдѣлается... А послѣ вечерень я увижусь съ Сашею Меньшиковымъ, и съ нимъ придумаемъ, какъ дѣлу помочь....

ЕЛЕНА (*испугавшись*).

Какъ! Ты хочешь открыть столь великую тайну негодяю, который, подъ видомъ продажи блиновъ и оладьевъ, торгуетъ гнусною измѣной!...

АКСИНЬЯ.

Не обвиняй, матушка Елена Александровна, такъ поспѣшно моего Сашу, а лучше пожалѣй объ немъ; его, бѣднаго, путаютъ разными обманами и ухищреніями, и отводятъ отъ Петра Алексѣевича, а онъ всею душею ему преданъ.

ЕЛЕНА.

Ты меня часъ отъ часу удивляешь болѣе! Или какой духъ вѣщаетъ устами твоими?....

Въ это время слышатся на улицѣ пѣсни Меньшикова.

АКСИНЬЯ.

Если тебѣ угодно убѣдиться въ словахъ моихъ, позволь позвать сюда Меньшикова!

ЕЛЕНА.

Сохрани Боже! Ты, видно, не знаешь ревниваго нраву моего мужа. Мы обѣ погибнемъ при одномъ подозрѣніи. Братъ родной не бывалъ въ моемъ теремѣ!...

АКСИНЬЯ (*въ сторону*).

И впрямъ, Саша такой пригоженькой! И, боярыня, Василью Матвѣевичу теперь не до насъ; у него дѣла большія идутъ: онъ домой и не заглянетъ.... Послушайся меня, позволь мнѣ кликнуть его; каяться не будешь....

ЕЛЕНА.

Ну, дѣлай что̀ знаешь.

Аксинья выходитъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЕЛЕНА.

Не понимаю, что я дѣлаю, что слышу, что вижу: отдаюсь въ руки предателей, и, къ большей странности, чувствую къ нимъ какое-то непостижимое довѣріе; какія-то сладкія надежды наполняютъ мое сердце, незнавшее малѣйшей отрады....

ЯВЛЕНІЕ VII.

Елена, Аксинья и Меньшиковъ.

ЕЛЕНА.

Аксинья ручается, что я могу ввѣрить тебѣ мою тайну.

МЕНЬШИКОВЪ.

Много благодаренъ Аксиньѣ Кирьяковнѣ за доброе слово; но смѣю ли спросить, боярыня, чѣмъ могу служить тебѣ?

ЕЛЕНА.

Нѣтъ! напередъ дай слово, поклянись, что не предашь меня!

МЕНЬШИКОВЪ (*съ досадою*).

Предателемъ, боярыня, я никогда не бывалъ, да и въ чужія дѣла мѣшаться неохотникъ. – Не прикажешь ли пирожковъ, оладышекъ, блинковъ? Горяченькіе, съ пылу, съ огонёчка...

ЕЛЕНА.

Я не то сказала что̀ хотѣла: правду ли Аксинья говоритъ, что ты любишь Петра Алексѣевича?

МЕНЬШИКОВЪ (*посмотря съ недовѣрчивостію*).

Если Аксинья открыла ужь тебѣ мою завѣтную тайну, то и мнѣ не приходится скрывать отъ тебя, что я любилъ, очень любилъ молодаго Царя....

ЕЛЕНА (*прерывая*).

И могъ разлюбить?

МЕНЬШИКОВЪ.

Признаюсь, сперва мнѣ очень хотѣлось попасть въ ряды Потѣшныхъ. Я почасту бѣгивалъ въ Преображенское, и чуть съ ума не сошелъ, глядя на ученье этихъ молодцовъ! (*Забывшись*) Какъ они проворно выкидываютъ мушкетонами, поворачиваются во всѣ стороны, словно пухъ по вѣтру, палятъ изъ сотни пищалей какъ изъ одной, а какъ пойдутъ стѣною въ штыки, то земля

дрожитъ; кажись ни что не устоитъ отъ Русской груди: Фроловскую башню своротятъ.... А Петръ-то Алексѣевичъ летаетъ впереди своихъ соколовъ, словно орелъ поднебесный!

АКСИНЬЯ (*смотря въ окошко*).

Матушка Елена Александровна! Василій Матвѣевичъ изволилъ подъѣзжать къ воротамъ и съ моимъ бояриномъ, Михайломъ Яковлевичемъ, а за ними хвостъ-то изъ холопей — конца нѣтъ! Ну, настоящіе столбовые дворяне!

ЕЛЕНА (*испугавшись*).

Бѣда, бѣда, если они прійдутъ сюда! Богъ знаетъ, что подумаетъ мужъ мой, найдя здѣсь мужчину.... Онъ убьетъ всѣхъ насъ до смерти!

МЕНЬШИКОВЪ.

Не изволь безпокоиться, боярыня: я съ лоткомъ своимъ вхожъ во многіе боярскіе домы, и у Михайла Яковлевича зазываютъ меня нерѣдко на женскія сѣни, полакомиться сладенькими пирожками. Спроси у Аксиньи.... Василій Матвѣевичъ также ко мнѣ милостивъ.

ЕЛЕНА.

Быть можетъ; но ты не знаешь обычая Василья Матвѣевича: отъ одного подозрѣнія онъ приходитъ въ бѣшенство, не помнитъ самого себя, никого не узнаетъ, ничего не слушаетъ, во всякомъ видитъ посланца отъ Петра Алексѣевича. Однажды, отца духовнаго Максима чуть не ушибъ онъ лавкою, не спознавъ съ перваго разу...

МЕНЬШИКОВЪ.

Коли такъ, боярыня, то, вѣстимо, мнѣ лучше отсюда убраться, чѣмъ наводить тебѣ напрасное горе....

АКСИНЬЯ.

Не спустить ли его въ окошко?

ЕЛЕНА.

Невозможно; окна у насъ всѣ съ желѣзными рѣшетками.

АКСИНЬЯ.

Елена Александровна! бояре идутъ сюда по лѣстницѣ.

ЕЛЕНА (*указывая на боковую дверь*).

Спрячь его пока въ образной.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Елена, Аксинья, Пушкинъ и Арсеньевъ.

ПУШКИНЪ (*оглядываясь подозрительно*).

Здѣсь слышались разные голоса; съ кѣмъ изволила разглагольствовать?

ЕЛЕНА (*указывая на карлицу*).

Вотъ съ кѣмъ!

ПУШКИНЪ (*съ недовѣрчивою улыбкой*).

Голосиста стала, сударыня, не хуже нашего Успенскаго дьячка за Апостоломъ! (*Къ Аксиньѣ весело*) А ты, мать моя, усѣлась у окна-то, словно новая печка выросла въ свѣтлицѣ и заслонила свѣтъ Божій. Вишь, какъ раздулась отъ Сашкиныхъ блинковъ,—ха, ха, ха!

АКСИНЬЯ.

Нехудо бы и тебѣ, дядюшка, отвѣдывать почаще его блинковъ: авось одѣлъ бы ты свои косточки по-человѣчьи, а теперь изволь-ка взглянуть на себя: похожъ скорѣе на пугало, чѣмъ на христіанина. Зачто, право, Елена-то Александровна тебя любитъ!

ПУШКИНЪ (*съ притворною веселостію*).

А тебѣ, чай, хотѣлось бы всѣхъ выкроить по рожѣ своего любезнаго! Нечего сказать, смазливъ, лукавый, но того и смотри что увернется! (*Хохочетъ*) И коробка твоя не поможетъ; даромъ, что свела съ ума его матушку....

АКСИНЬЯ (*въ сторону*).

Проговорился, окаянный! Надо ему отплатить порядкомъ! (*Къ Пушкину*) А врядъ ли, дядюшка, моя коробка, не понадежнѣе золотыхъ горъ, что̀ насулилъ ты Меньшикову?

ПУШКИНЪ (*въ сторону*).

Проклятая колдунья! Ужъ не провѣдала ли она чего? Надо пришибить ей языкъ, пока еще не испортила дѣла. (*Обращаясь къ ней съ прежнею веселостію*) А лучше бы тебѣ, Аксиньюшка, положиться на насъ съ бояриномъ Михайломъ Яковлевичемъ, чѣмъ на свою красоту и коробочку, —ха, ха, ха! (*Схватя себя за ротъ*) Опять проболтался!

АКСИНЬЯ (*съ злостію*).

И, батька, тебѣ много будетъ хлопотъ и съ своею невѣстой!

АРСЕНЬЕВЪ.

Цѣлый часъ васъ слушаю и ничего не понимаю: вы разговариваете какими-то загадками, а до дѣла еще не добрались. Просто бы тебѣ, Василій Матвѣевичъ, спросить дуру: какъ она зашла сюда?

АКСИНЬЯ.

А дура бы просто отвѣчала: ногами.

ПУШКИНЪ (*сердито*).

Дурь въ сторону! Зачѣмъ изволила сюда пожаловать?

АКСИНЬЯ.

«Много будешь знать, рано состарѣешся; а у кого жена молодая, тому не къ рожѣ борода сѣдая».

ПУШКИНЪ.

Полно врать, дура; отвѣчай, о чемъ спрашиваютъ.

АКСИНЬЯ.

А ты, умникъ, «какъ Федулъ и губы надулъ». Инъ «правда глаза колетъ!»

ЕЛЕНА (*въ сторону*).

Шутками своими она выведетъ его изъ терпѣнія. (*Къ мужу*) Дарья Михайловна прислала Аксинью за мантильей, въ которой я была намедни въ ассамблеѣ у Франца Яковлевича.

ПУШКИНЪ (*злобно*).

Которая такъ всѣмъ приглянулась на ассамблеѣ, что иные не посовѣстились хвалить тебя въ глазахъ мужа... (*Въ сторону*) Ужь эти намъ ассамблеи! (*Къ женѣ* За-

чѣмъ же дѣло стало? Вынула бы изъ сундука мантилью, да и отослала бы поскорѣй къ Дарьѣ Михайловнѣ.

АКСИНЬЯ.

Больно торопливъ, дядюшка, а торопливость, говорятъ добрые люди, годна только людей смѣшить. Ха, ха, ха! «Тишеѣдешь, дальше будешь», а лучше бы поучился ты у меня, дуры, уму разуму. Вѣдь съ начала я доложила бояринѣ о своей нуждицѣ; потомъ начала ей сказочку про Кощея Безсмертнаго, да ты помѣшалъ....

ПУШКИНЪ *(приходя болѣе и болѣе въ ярость).*

Елена! отдай сейчасъ дурѣ мантилью, да прикажи согнать со двора, чтобы черезъ минуту духу ея здѣсь не пахло!

Елена уводитъ Аксинью.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Пушкинъ и Арсеньевъ.

ПУШКИНЪ.

Замѣтилъ ли ты, Михайла Яковлевичъ, злые намёки этой колдуньи? Ужь не затѣваютъ ли они чего недобраго съ женою моей?

АРСЕНЬЕВЪ.

А неуже ли ты открылъ нашу тайну женѣ своей?

ПУШКИНЪ.

Признаюсь, бояринъ, я сдѣлался клятвопреступникомъ. Но не бойся: мною взяты такія мѣры, что ни од-

ного слова не выйдетъ за эту стѣну: муха отсюда не вылетитъ!

АРСЕНЬЕВЪ.

Ну, Василій Матвѣевичъ, не думалъ я, чтобы до такой степени былъ ты слабъ, что не могъ не разболтать женѣ своей такой важной тайны! Да зачѣмъ было сказывать? Чѣмъ она поможетъ намъ?

ПУШКИНЪ.

Ты не станешь больно обвинять меня, бояринъ, когда узнаешь, что причиною мнимой нескромности были выгоды для общаго блага. Есть причины подозрѣвать Елену въ привязанности къ Петру. Вотъ и мнѣ хотѣлось откровенностью вывѣдать изъ нея: не имѣетъ ли Царь на насъ какого подозрѣнія?

АРСЕНЬЕВЪ.

Худо же ты знаешь женщинъ! Шестнадцати-лѣтняя дѣвка перехитритъ самого опытнаго изъ сѣдыхъ бояръ думныхъ.

ПУШКИНЪ.

Нѣтъ, Михайла Яковлевичъ, я этого не опасался; открывая женѣ моей нашу тайну загадками, не вдругъ, я трогалъ сильнѣйшую струну женскаго сердца: заставлялъ ее сгарать отъ нетерпѣнія и любопытства, а для удовлетворенія того и другаго, женщина готова на всякое сознаніе.

АРСЕНЬЕВЪ.

Что же ты узналъ отъ жены своей?

ПУШКИНЪ.

Мы можемъ быть спокойны. Теперь, признаюсь, бояринъ, хотѣлосъ бы мнѣ жену свою изобличить въ предательствѣ, и, если я не ошибаюсь, судьба подаетъ къ тому счасливый случай. Позволь только попытать твою карлицу?

АРСЕНЬЕВЪ.

И, Василій Матвѣевичъ, статочное ли это дѣло! Выберетъ ли Елена Александровна безчестную, жадную дуру на такое дѣло? Да она за деньгу продастъ не только ея, отца роднаго. Развѣ ты ничего не открылъ женѣ своей про пирожника?

ПУШКИНЪ.

Я долженъ былъ сказать ей объ орудіи нашего успѣха; умолчалъ лишь, какихъ хлопотъ и пожертвованій стоило намъ уговорить этого сорванца служить правому дѣлу.

АРСЕНЬЕВЪ.

Надѣюсь, Василій Матвѣевичъ, что моя жертва болѣе всѣхъ другихъ, и будетъ уважена Царицею. По совѣту твоему, не только терпѣлъ я этого холопа въ моемъ домѣ, но сквозь пальцы смотрѣлъ на дерзкіе его замыслы.

ПУШКИНЪ.

Для пользы общественной, мы обязаны всѣмъ жертвовать. Но ты, безъ сомнѣнія, самъ увѣренъ, что его глупые замыслы лопнутъ, какъ мыльные пузыри, коль скоро....

АРСЕНЬЕВЪ.

Ну, конечно, а между тѣмъ мало ли что могутъ сказать злые люди про дочь мою....

ПУШКИНЪ.

Будь спокоенъ, Михайла Яковлевичъ: никому не прійдетъ въ голову такая блажь, чтобы пирожникъ могъ посягнуть жениться на дочери столбоваго боярина. Скажу тебѣ, для смѣху, еще лучше: въ послѣдній разъ я долженъ былъ обѣщать Меньшикову, подъ клятвою, руку Дарьи Михайловны.

АРСЕНЬЕВЪ.

Ну! ужь это черезъ-чуръ.

ПУШКИНЪ.

Что дѣлать! Я вынужденнымъ нашелся пружиною обольстительной надежды заставить его дѣлать то, къ чему ни какія убѣжденія, ни какіе соблазны не могли его принудить.

АРСЕНЬЕВЪ.

Но искренно ли онъ предался Царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, и повѣрилъ ли всему, что̀ мы ни сказали о молодомъ Царѣ?

ПУШКИНЪ.

Кажется. Но ни что въ свѣтѣ, ни самое удовлетвореніе несбыточныхъ требованій этого честолюбца, не могло бы преклонить его измѣнить дружбѣ: одна любовь въ состояніи была побѣдить его непреклонную душу.

АРСЕНЬЕВЪ.

Неужели и впрямъ, Василій Матвѣевичъ, этотъ удалецъ осмѣлился любить мою дочь?

ПУШКИНЪ.

Оно, конечно, было бы невѣроятно отъ всякаго другаго, подобнаго ему, парня; но Меньшиковъ, бояринъ, изъ числа тѣхъ пролазовъ, которые кончаютъ свои замыслы или въ золотой рубахѣ, или на плахѣ. Не смотря на низкое свое ремесло и званіе, онъ возбуждаетъ какую-то осторожность въ словахъ, какъ съ нимъ разговариваешь; должно съ нимъ лукавить. И повѣришь ли, что я какъ будто не посмѣлъ открыть ему настоящаго дѣла?

АРСЕНЬЕВЪ.

Какъ же ты сказалъ ему?

ПУШКИНЪ.

Я увѣрилъ его, и даже поклялся, что перемѣна въ дѣлахъ произведется безъ кровопролитія.

АРСЕНЬЕВЪ (*шутливо*).

За такую чувствительность, право, сто́итъ онъ ужъ первой награды.

ПУШКИНЪ (*весело*).

То есть, висѣть на первой осинѣ. Ха, ха, ха!

АРСЕНЬЕВЪ.

Нѣтъ! это безпокойно! Лучше, ха, ха, ха! усадить его на первый сосновый колъ. (*Смотря въ окошко*) Посмотри-ка, Василій Матвѣевичъ, у тебя глаза-то помоложе моихъ, да и на дворѣ темненько становится: ужь не

моя ли Аксинья изволитъ переваливаться съ ноги на ногу, вонъ тамъ, въ концѣ улицы?

ПУШКИНЪ (*кинувшись къ окну*).

Она!... Она, точно она! Только теперь сошла со двора и поворачиваетъ не домой. – Видишь ли, бояринъ, что подозрѣнія мои основательны? Даве бы должно было скрутить ее, – но, все къ лучшему!

АРСЕНЬЕВЪ.

Прикажи жь поскорѣй вернуть ее.

ПУШКИНЪ.

Сію минуту!

Хлопаетъ въ ладоши.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Стрѣлецъ звѣрскаго виду.

ПУШКИНЪ.

А! это ты, Обухъ? Кстати явился за задаткомъ. Но прежде сослужи мнѣ еще службицу: бѣги во всю молодецкую прыть по Мясницкой, и догони карлицу боярина Михайла Яковлевича: вѣдь ты знаешь эту гадину? Вонъ она поворачиваетъ на Покровку. Вели ей именемъ боярина вернуться сюда, а если не послушаетъ, притащи ее силою, свяжи, - ну, какъ знаешь, — только мигомъ поставь сюда!

СТРѢЛЕЦЪ.

Будетъ выполнено, полковникъ.

ПУШКИНЪ.

Да, смотри, чтобъ она не передала чего кому нибудь, или не юркнула въ сторону.

СТРѢЛЕЦЪ.

Слушаю-съ!

(Уходитъ).

ПУШКИНЪ *(смотря въ окошко).*

Ха, ха, ха! Посмотри, бояринъ, какъ онъ обнялъ твою красавицу, какъ она барахтается у него въ охапкѣ, деретъ ему рыжую бороду! — (*Смѣется*) Но, нѣтъ! у этого молодца и соколъ не увернется, не только такая ворона.

АРСЕНЬЕВЪ.

Кажется, можно поручиться, что промаха не дастъ.

ПУШКИНЪ.

А коли дастъ, то палачъ безъ промаху смахнетъ его буйную головушку. Петръ не таковъ, чтобы простилъ въ друго-рядь.

АРСЕНЬЕВЪ.

Помню, помню: это вѣдь тотъ брадобрѣй, который спасъ Трубецкаго, отведя нашихъ въ сторону.... Какъ же вы могли ему ввѣриться?

ПУШКИНЪ.

О, съ тѣхъ поръ онъ столько напроказилъ, что ему остается одно средство быть нашимъ, чтобы не быть повѣшену!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Стрѣлецъ съ Аксиньею, (которую вносятъ на рукахъ).

СТРѢЛЕЦЪ.

Изволь принять, полковникъ; насилу одолѣлъ эту гадину: такъ и царапается, да еще вздумала кусаться.

ПУШКИНЪ.

Ха, ха, ха! Ну, это нехорошо, Аксинья Кирьяковна!

АРСЕНЬЕВЪ.

Развѣ онъ не объявилъ тебѣ моего приказа?

АКСИНЬЯ.

Да, онъ напалъ на меня, какъ разбойникъ, и учалъ грабить.

СТРѢЛЕЦЪ.

Изволите видѣть: какъ я догналъ ее и велѣлъ вернуться, то она и запихай себѣ что-то въ ротъ. Я и подумалъ, что она прячетъ отъ меня золотой, и учалъ разжимать ей пасть; но проклятая проглотила; даромъ, что трижды давилась, какъ отъ щучьей кости.

ПУШКИНЪ.

Она, братъ, скушала бумажку, а не золотой! (*Къ Аксиньѣ грозно*) Говори, гадина, какую ты записку проглотила?

АКСИНЬЯ (*шутя*).

У меня брюхо-то не боярское, чтобы всякую дрянь трескать.

ПУШКИНЪ.

Шутками не отдѣлаешься. Признавайся скорѣе, а не то Обухъ вывѣдаетъ по своему и изъ брюха вытащитъ.

АКСИНЬЯ (*насмѣшливо*).

Чуръ, бояринъ, не отнимать! (*показывая золотой*) Видишь ли, какъ я провела твоего посланца: вотъ его золотой, а твоя граматка.

ПУШКИНЪ.

Брешь, окаянная, новыя плутни! Да, кто тебѣ далъ золотой?

АРСЕНЬЕВЪ (*бьютъ часы*).

Э, полно, Василій Матвѣевичъ, теряешь золотое время съ дурою: слышь бьетъ на Фроловской два часа ночи! Вели ее покрѣпче запереть въ чуланъ, а ужо на досугѣ все выпытаемъ.

ПУШКИНЪ.

И впрямъ! А потомъ въ куль, да въ воду. (*Тащитъ карлицу къ дверямъ образной, толкаетъ ее туда и запираетъ дверь*). Отсюда не выползешь, обернись хоть въ змѣю; не выпорхнешь, ударься хоть въ сороку. Ха, ха, ха. (*Стрѣльцу*) Позови, братъ Обухъ, мою боярыню сюда.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Арсеньевъ, Пушкинъ, а потомъ Елена Пушкина.

АРСЕНЬЕВЪ.

Кажись, мы шли отдохнуть и собратъся съ духомъ для великаго дѣла, а доселѣ не начинали ни того ни другаго.

ПУШКИНЪ.

Прости, ради Бога, бояринъ. Самъ видѣлъ, что не я тому причиною. Да, вотъ, кстати, и жена. Она намъ поднесетъ заповѣднаго. (*Взглянувъ на нее пристально, въ сторону*) Глядитъ виновницею–испытаю! (*Съ злобною улыбкою*) Ты, сударыня, худаго выбрала посланника: вмѣсто того, чтобы доставить твою граматку куда слѣдуетъ, онъ вернулся и ждетъ тебя въ молельной досказать сказочку про Кощея Безсмертнаго, которую я даве помѣшалъ окончить.

ЕЛЕНА (*въ сторону*).

Боже, укрѣпи меня! – Что ты хочешь сказать, Василій Матвѣевичъ? Я тебя не понимаю.

ПУШКИНЪ.

То, сударыня, что Аксинья твоя перехвачена, и сидитъ вотъ тутъ, за этимъ ключемъ.

ЕЛЕНА (*въ сторону*).

Все пропало! – Для меня все равно: ты не мнѣ сдѣлалъ досаду, а Дарьѣ Михайловнѣ.

АРСЕНЬЕВЪ.

Вотъ ты, Василій Матвѣевичъ, опять затѣваешь розыски, а главнаго дѣла не дѣлаешь.

ПУШКИНЪ.

Еще разъ виноватъ, бояринъ! –Сходи-ка, Елена Александровна, въ мой теремъ, да вынь изъ дубоваго шкафа серебряную кандею съ Фряжскимъ напиткомъ; да нацѣди побольше стопу сладкаго липцу и почести дорогаго гостя; только поскорѣе изволь поворачиваться.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же, безъ Елены.

АРСЕНЬЕВЪ.

Чу! бьетъ на Фроловской башнѣ два съ половиною ночи, а въ четыре, кажись, положено начинать?

ПУШКИНЪ.

Точно такъ! Въ три пріидутъ мои молодцы, которымъ поручено зажечь городокъ отъ Болота. Я обѣщалъ имъ отсчитать въ задатокъ по 50 рублевиковъ, да поднесть по доброй красаулѣ романеи, а Обуху вдвое того и другаго.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и Елена, съ подносомъ, на которомъ огромная серебряная фляга и двѣ кружки.

ПУШКИНЪ.

Подноси дорогому гостю, да, по старинному, православному обычаю, нагни-ка головку пониже, поклонись въ поясъ, да подставь обѣ щечки. Мы съ бояриномъ не очень жалуемъ вашихъ Нѣмецкихъ, какъ бишь, книксеновъ, что ли? И на что похоже! Отъ сотворенія міра люди кланяются впередъ; одни Нѣмцы вздумали учить своихъ женъ и дочерей присядать назадъ.

АРСЕНЬЕВЪ (*прихлѣбывая*).

Славное винцо, нечего сказать! Да, откуда Богъ тебѣ далъ такое сокровище?

ПУШКИНЪ.

Цесарскій посланникъ подѣлился, какъ въ послѣдній разъ провожалъ я его до границы Литовской, тремя фляжечками; я ихъ какъ глаза берегу, для самыхъ дорогихъ, задушевныхъ друзей. – Но, дастъ Богъ, скоро станемъ ѣздить къ тебѣ, бояринъ, лакомиться заморскими-то напитками, да сахарными яствами, какъ посадимъ въ Посольскій Приказъ.

АРСЕНЬЕВЪ *(начиная пьянѣть).*

Нѣтъ, Василій Матвѣевичъ, не прійдется ни кому и ни въ чемъ перещеголять тебя. Къ Головѣ Стрѣлецкаго войска, которымъ завтра же поздравимъ тебя, по милости Государыни Царицы Софьи Алексѣевны, тащитъ всякой все, что ни есть лучшенькаго: бояре, купцы и самые монастыри шлютъ лакомый кусочикъ. Помню, бывало, по недѣлѣ мы пировали у Щегловитаго надъ сороковыми бочками Французскаго, да Греческаго, закусывая сахарными ковригами, въ пудъ вѣсомъ.

ПУШКИНЪ *(приходя также въ опьянѣлость).*

Прикушай-ка, дорогой тестюшка, вотъ изъ стопочки-то: настоящій Литовскій липецъ, и пуще винограднаго придастъ силы и бодрости. Я, кажись, теперь пошелъ бы съ сотнею моихъ головорѣзовъ на всѣхъ его Потѣшныхъ храбрецовъ!

АРСЕНЬЕВЪ.

И у меня, кажись, винцо твое лѣтъ двадцать съ костей смыло! Теперь давай работу. Однако не грѣхъ бы тебѣ, Василій Матвѣевичъ, отпустить съ будущимъ

твоимъ тестемъ двухъ, или трехъ изъ молодцовъ своихъ, какъ пойдемъ къ Москвѣ рѣкѣ встрѣчать Царевну. Признаюсь, плоха надежда на Черновыхъ стрѣльцовъ; падки, пострѣлы, къ хмѣльному! Сохрани Богъ, коли наткнутся въ монастырскихъ-то подвалахъ на бочку съ виномъ — перепьются всѣ наповалъ, да, пожалуй, еще и завздорятъ между собой. А по-моему, послать бы опять Сашку Меньшикова заговаривать Борисова, какъ станемъ ломать монастырскую стѣну...

ПУШКИНЪ (*хохочетъ*).

Видно Фряжское-то, дорогой тестюшка, вмѣсто отваги, навело на тебя труса! Чего тебѣ бояться, батюшка: стѣна давно проломана снутри; осталось вынуть полсотни кирпичей, и затворницы выйдутъ на Божій свѣтъ. Пусть себѣ Борисовъ съ своими Сухаревцами сторожитъ ихъ, какъ журавлей, и смотритъ во всѣ буркалы на башни Новодѣвичьяго!

АРСЕНЬЕВЪ.

Дай Богъ, чтобы такъ было, а я стою на своемъ, о чемъ твердилъ прежде, что вмѣсто Чернова лучше бы тебѣ велѣть стеречь проломъ изъ монастыря. Мало будетъ намъ корысти, коли Сухаревцы захватятъ Царевну....

ПУШКИНЪ.

Этого не можетъ статься! Если бы, паче чаянія, подстерегли васъ Сухаревцы и осилили, то батька Сидоръ явится на выручку съ своими Аввакумцами; вѣдь онъ сидитъ недалеко, у Воробьевыхъ Горъ въ оврагѣ, и вый-

детъ изъ засады, кой часъ послышитъ голосъ Реута. Да, что калякать о пустякахъ, дорогой тестюшка! Выпьемъ-ка лучше по красаулѣ и чокнемся за будущее родство наше! (*Пьютъ*).

АРСЕНЬЕВЪ.

Я давно люблю тебя, какъ сына, Василій Матвѣевичъ, и радъ породниться съ тобою. Ну! да коли Даша не захочетъ за тебя пойти?

ПУШКИНЪ.

Стыдись, бояринъ, такъ говорить! Или ужь и ты набрался проклятаго заморскаго духу, и станешь спрашиваться у дочки въ дѣлѣ, которое вовсе до нея не касается? или память тебя оставила, и ты забылъ про свою собственную свадьбу, и какъ женились православные отцы наши и дѣды? Признайся лучше, что ты меня морочишь; что у тебя на умѣ другой женихъ для Дарьи Михайловны.... (*Съ издѣвкою*). Ужь не обѣщалъ ли ты Дарьѣ Михайловнѣ принять въ сынки Сашу Меньшикова?

АРСЕНЬЕВЪ.

Ты обижаешь меня и дочь мою, Василій Матвѣевичъ! Страшно подумать, чтобы Даша могла раздѣлять преступную и безумную любовь пирожника!

ПУШКИНЪ.

Побожись, что не лукавишь!

АРСЕНЬЕВЪ.

Я готовъ поклясться хоть надъ иконою Святаго Николая Чудотворца.

ПУШКИНЪ.

Посмотримъ, вотъ я схожу въ образную! (Встаетъ со стула шатаясь).

АРСЕНЬЕВЪ.

Подавай, подавай, да не забудь, что ты сватаешься отъ живой жены!

ПУШКИНЪ (*останавливается*).

Я ужь сказывалъ тебѣ, Михайла Яковлевичъ, что жена моя въ числѣ опальныхъ, и коли завтра же волею не нарядится въ черную рясу, то разомъ надѣнутъ на нее бѣлую мантилію (смѣется).

ЕЛЕНА (*громко*).

Боже! Какое злодѣйство!

ПУШКИНЪ (*прійдя въ себя*).

И такъ, Елена, ты услышала приговоръ свой нѣсколькими часами ранѣе? Тѣмъ для тебя лучше! (*Насмѣшливо*) Будешь имѣть довольно времени приготовиться къ воспріятію ангельскаго лика. Пойдемъ, бояринъ, въ мою свѣтлицу; чай, наши ужь собрались,—пора начинать....

Уходятъ шатаясь.

ЯВЛЕНІЕ XV.

ЕЛЕНА (*прислушиваясь къ ихъ шагамъ*).

Онъ заперъ дверь! Нѣтъ ни какой возможности спасти его! Ахъ! что я вытерпѣла! (*Подходя съ поспѣшностію къ дверямъ образной*) Боже! и здѣсь замокъ на двери! Что мнѣ дѣлать! — Умереть.....

АКСИНЬЯ *(за дверью)*.

Не отчаявайся, боярыня, Богъ милостивъ!

ЕЛЕНА.

Ахъ! Аксинья – это ты? я было о тебѣ и забыла! а Меньшиковъ гдѣ?

АКСИНЬЯ.

Здѣсь же.

ЕЛЕНА.

Какъ я за него перепугалась! Василій Матвѣевичъ чуть не вошелъ въ образную.

АКСИНЬЯ.

Мы слышали.

ЕЛЕНА.

Я ничѣмъ не могу пособить вамъ: я такъ же заперта какъ и вы – мы всѣ погибли!....

АКСИНЬЯ.

А можетъ, нѣтъ!

ЕЛЕНА.

Возможно ли?

АКСИНЬЯ.

Очень возможно! Саша доламываетъ послѣдній прутъ желѣзной рѣшетки въ окошкѣ.

Слышанъ трескъ.

МЕНЬШИКОВЪ.

Кончилъ! Елена Александровна! благодари Господа, что открылъ мнѣ глаза во-время, и чуднымъ образомъ сохранилъ отъ тяжкаго преступленія: я все слышалъ, образумился и бѣгу къ Царю Петру Алексѣевичу, отнести ему повинную свою голову и спасти его и оте-

чество.... Молись – еще успѣю! Прощай, боярыня, не отчаявайся, – скоро обо мнѣ услышишь.

ЕЛЕНА.

Бѣги, бѣги, Александръ, не теряй минуты, а обо мнѣ не думай.

АКСИНЬЯ.

Сашинька, душа моя! Да взгляни на меня помилѣе, хоть въ послѣдочки!(*Плачетъ*)Да не сгуби своей буйной головушки! Я умру съ тоски, съ печали. Не скачи еще, ради Бога, еще ужасъ какъ высоко; возьми вотъ два платочка; свяжи ихъ съ концемъ своей веревочки, такъ будетъ она подлиннѣе!.... Ну, что не берешь! аль не слышишь? Сердце замираетъ отъ страха! Онъ переломитъ себѣ ногу! Охти мнѣ!... Ну! спрыгнулъ.... перекрестился, полетѣлъ, какъ изъ лука стрѣла – пропалъ изъ глазъ.....

Слышны тихіе звуки набата.

ЕЛЕНА (*падаетъ на колѣни*).

Господи! неужели Ты попустишь совершиться замысламъ злодѣевъ? Неужели не совершатся великія намѣренія Помазанника Твоего, столь щедро одареннаго Тобою всѣмъ, что ни есть прекраснаго, благороднаго, возвышеннаго, созданнаго Тобою для украшенія міра сего, низпосланнаго въ образецъ человѣчеству?
(Набатъ увеличивается; въ окошкахъ мелькаетъ зарево пожара).

(*Занавѣсъ опускается*).

КОНЕЦЪ II-ГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

Прежняя сцена у Дѣвичьяго Монастыря. Стрѣльцы стоятъ въ рядахъ.

Борисовъ, Филиповъ и Проворъ.

БОРИСОВЪ.

Кажется, пожаръ у Солянаго Городка? Не худо бы послать провѣдать.

ФИЛИПОВЪ.

Я ужь отправилъ молодца; духомъ слетаетъ!

БОРИСОВЪ.

Мнѣ сдается, что это не даромъ. Боюсь, не дали ли мы маха, что даве не захватили карлицу?

ПРОВОРЪ.

Я было жутко сторожилъ ее во все время, и хотѣлъ только дослушать прибасенку Меньшикова объ оладьяхъ, чтобы схватить ее, какъ она съ глазъ сгинула, словно сквозь землю провалилась!

ФИЛИПОВЪ.

Воля твоя, Василій Петровичъ, а мнѣ сдается — ужь не подсыльнымъ ли приходилъ къ намъ Меньшиковъ?

БОРИСОВЪ (*съ жаромъ*).

Быть не можетъ, я за него ручаюсь. Даромъ, что онъ ремесломъ пирожникъ, а въ честности не уступитъ столбовому боярину, и ни за какія сокровища не посягнетъ на предательство, а еще пуще не измѣнитъ дружбѣ.

ПРОВОРЪ.

А отъ чего же, впрямъ, онъ былъ больно тороватъ въ послѣдній разъ? Бывало, на деньгу не отпуститъ въ долгъ, а тутъ хоть на алтынъ бери…

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Меньшиковъ (*вбѣгаетъ запыхавшись*).

МЕНЬШИКОВЪ.

Что, братцы, еще не ударили въ Реутъ! Я бѣжалъ, какъ безумный, и не слыхалъ набату….

БОРИСОВЪ.

Нѣтъ еще.

МЕНЬШИКОВЪ (*говоритъ скоро*).

Ну, слава Богу! Не опоздалъ. Я сейчасъ изъ Кремля Двѣ роты Потѣшныхъ побѣжали къ Воробьевымъ Горамъ забирать Аввакумцевъ, а намъ велѣно захватить Царевну.

БОРИСОВЪ (*схвативъ его за руку*).

Саша! Саша! образумься, успокойся! – Въ умѣ ли ты?

МЕНЬШИКОВЪ (*продолжая говорить скоро*).

Успокоиться мнѣ некогда и было бы грѣшно, а что я въ умѣ, въ полномъ умѣ, то сейчасъ докажу…. За мной, друзья! Только тише!

БОРИСОВЪ (*удерживая его*).

Нѣтъ, другъ, большія дѣла такъ не дѣлаются! Хоть я совершенно увѣренъ, что ты человѣкъ честный, что ты

насъ не предашь, мнѣ не измѣнишь, но другіе Богъ знаетъ что̀ думаютъ, что̀ говорятъ....

МЕНЬШИКОВЪ (*какъ пораженный громовымъ ударомъ*).

Думаютъ, говорятъ, что я измѣнникъ, что я предатель! – Да, они правы! Да, я обманулъ тебя, Василій, я измѣнилъ дружбѣ – для любви! Но я образумился, я раскаялся! Богъ посылаетъ мнѣ возможность искупить мое преступленіе. Царь уже простилъ мою слабость; неужели другъ будетъ неумолимѣе?

БОРИСОВЪ.

Скажи, по крайней мѣрѣ, въ чемъ дѣло?

МЕНЬШИКОВЪ.

Послѣ все узнаешь, все разскажу; теперь некогда, и если ты меня любишь искренно, если хочешь спасенія отечеству, ступай за мною слѣпо, немедленно; каждая минута дорога!

БОРИСОВЪ (*въ сторону*).

Испытаніе, жестокое испытаніе! — Меньшиковъ! Неужели ты заставишь меня раскаяться, что я былъ тебѣ другомъ? Идемъ!

Меньшиковъ кидается ему въ объятія, и потомъ съ поспѣшностью взлѣзаетъ на стѣну. За нимъ Борисовъ и нѣсколько Стрѣльцовъ. Стоя на краю зубцовъ, онъ указываетъ имъ что-то на низу и скрывается. Борисовъ сходитъ, и взявъ нѣсколько Стрѣльцовъ, спускается въ подземелье; сцена освѣщается заревомъ пожара. — Послышался голосъ Реута на Ивановской колокольнѣ и вслѣдъ за нимъ множество выстрѣловъ. Меньшиковъ выходитъ изъ подземелья и проходитъ сцену, защищая

женщину высокаго росту подъ покрываломъ, которую стараются отбить Стрѣльцы и мужики, вооруженные топорами и нападающіе съ ожесточеніемъ. Стрѣльба и крики усиливаются. Занавѣсъ опускается.

ЯВЛЕНІЕ III.

Прежняя опочивальня.

ЕЛЕНА (*смотритъ въ окно*).

Тихо, безмятежно взошло красное солнышко, какъ будто миръ и спокойствіе ни на одно мгновеніе не оставляли несчастной столицы въ его отсутствіе; какъ будто страсти, самыя низкія, самыя преступныя, не волновали сердецъ ея жителей. Увы! можетъ быть, эта мертвая тишина есть предтеча новой, ужаснѣйшей бури; можетъ быть, ты, красное солнышко, освѣтишь новые токи невинной крови! Спасенъ ли Петръ? Гдѣ онъ? Успѣлъ ли Меньшиковъ открыть Ему заговоръ благовременно? Неизвѣстность мучительнѣе будущей моей участи, ужаснѣе самой смерти! Петръ однимъ взглядомъ прочтетъ его мысли, однимъ словомъ проникнетъ въ его душу, разгадаетъ его помыслы! О, кто умѣетъ глубоко читать въ сердцѣ человѣческомъ, тотъ понимаетъ силу любви, тотъ повѣритъ, что для любви и преступленіе возможно и преступленіе извинительно! О, Петръ и отечество спасены! Упоительныя мечты! не покидайте хоть вы несчастную до роковой минуты. Но отпираются затворы тюрьмы моей.... Не страшусь моей судьбы, лишь бы сбылись мои надежды!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Елена Александровна и Меньшиковъ *(въ одеждѣ Потѣшнаго).*

МЕНЬШИКОВЪ.

Кажись, боярыня, ты меня не узнала, а я недавно отъ тебя ушелъ, и далъ слово, что ты скоро обо мнѣ услышишь.

ЕЛЕНА *(обрадовавшись).*

Меньшиковъ! это ты, и въ кафтанѣ Потѣшнаго?

МЕНЬШИКОВЪ.

Да, Елена Александровна! Петръ Алексѣевичъ, не только простилъ меня за минутное заблужденіе, но наградилъ Своею милостью.

ЕЛЕНА.

Я была совершенно въ томъ увѣрена. Царь нашъ умѣетъ отличать слабость отъ преступленія, заблужденіе отъ порока, ошибку отъ злодѣянія.

МЕНЬШИКОВЪ.

А какъ умѣетъ Онъ однимъ словомъ, однимъ взглядомъ полонить душу, навѣкъ приковать къ Себѣ сердца самыя неопытныя!

ЕЛЕНА *(тяжело вздохнувъ и утирая выкатившуюся слезу).*

Да, что же ты не скажешь мнѣ доселѣ, гдѣ Государь нашъ? здоровъ ли Онъ? безопасенъ ли? Говори, говори скорѣе и больше....

МЕНЬШИКОВЪ.

Благодаря Бога, здоровъ и внѣ всякой опасности; заговорщики схвачены, и Царевна Софья Алексѣевна сегодня же, вмѣсто тебя, надѣнетъ черную рясу.

ЕЛЕНА.

Какъ мнѣ жаль ее!...

МЕНЬШИКОВЪ.

Не жалѣй. Это оставалось единственнымъ способомъ усмирить властолюбивую душу Софіи. Иначе не было бы покоя для государства, и безопасности для Царя. Мужъ твой оговорилъ тебя въ участіи съ нимъ на жизнь Царскую, но Петръ Алексѣевичъ узналъ истину, и не только тебя оправдалъ, но повелѣлъ объявить тебѣ Свою милость.

ЕЛЕНА.

Понимаю, кому обязана я этою справедливостію.

МЕНЬШИКОВЪ.

Я исполнилъ только долгъ свой, а вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворилъ чувству благодарности. Если бы не ты, меня могли бы увлечь злодѣи и погубить мою душу безвозвратно.

ЕЛЕНА.

Не меня слѣдуетъ благодарить тебѣ, Александръ: мы оба были орудіемъ Святаго Промысла, располагающаго судьбами царствъ и малѣйшими дѣйствіями человѣка.

МЕНЬШИКОВЪ.

Теперь, Елена Александровна, позволь обратиться къ тебѣ съ моею собственною просьбой.

ЕЛЕНА.

Говори, Александръ, требуй смѣло: чѣмъ я могу быть тебѣ полезна?

МЕНЬШИКОВЪ.

Заступи, боярыня, мѣсто посаженой матери сиротѣ, Дарьѣ Михайловнѣ.

ЕЛЕНА.

Какъ! А родная мать ея?

МЕНЬШИКОВЪ.

Она въ числѣ опальныхъ, и хотя Государь по милости Своей обѣщалъ даровать животъ будущему моему тестю и тещѣ, но до окончанія розысковъ, они останутся подъ стражею.

ЕЛЕНА.

Велики Его Царскія милости! Знаешь ли, что будущій твой тесть былъ въ числѣ главныхъ заговорщиковъ и умышленниковъ на жизнь Его и царство?

МЕНЬШИКОВЪ.

Царь нашъ, боярыня, столь же щедръ и скоръ на милости, сколь осторожен и медлителенъ въ наказаніяхъ. Онъ оказалъ эту неслыханную милость безъ моей просьбы: я не посмѣлъ бы, не только выговорить, но и помыслить объ ней....

ЕЛЕНА.

Таковъ Петръ! таковъ Царь Русскій!...

МЕНЬШИКОВЪ.

Когда Государь повелѣлъ объявить мнѣ чистосердечно, чѣмъ можетъ наградить меня, и я, бросясь къ Нему

въ ноги, признался въ любви къ дочери боярина Арсеньева: то Царь, подумавъ съ минуту, поднялъ меня съ полу и спросилъ: «Да она-то любитъ ли тебя?» — Когда же получилъ удовлетворительный отвѣтъ, то изволилъ сказать: «Хорошо, братецъ, Я буду твоимъ сватомъ.» И тотчасъ же отправилъ деньщика за бояриномъ Михайломъ Яковлевичемъ.

ЕЛЕНА.

Остальное немудрено отгадать: боярская спѣсь спала.

МЕНЬШИКОВЪ.

Государь приказалъ свадьбѣ быть завтра же, и Самъ будетъ моимъ посаженымъ отцемъ.

АКСИНЬЯ (*за дверьми*).

Бога не боишься, Александръ Даниловичъ! За что ты сгубилъ мою молодость? за что сокрушилъ мое ретивое?....

ЕЛЕНА.

Право, Бога мы не боимся, что оставляемъ доселѣ въ заперти нашу добрую Аксинью.

МЕНЬШИКОВЪ

Позволь, боярыня, я и безъ ключа выпущу на бѣлый свѣтъ Аксинью Кирьяковну.

(Сбиваетъ эфесомъ замокъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Аксинья.

ЕЛЕНА.

Аксинья! ты теперь свободна, и вмѣсто того, чтобы

готовиться въ куль, да въ воду, можешь спокойно оставаться жить у меня. Поблагодари за то друга своего.

АКСИНЬЯ.

Да, какъ же, Елена Александровна? Матушка его обѣщала, что Саша непремѣнно на мнѣ женится? Вѣдь я передавала ей всѣ мои денжонки, не разъ выкупала ихъ изъ бѣды....

МЕНЬШИКОВЪ.

Дастъ Богъ, Аксинья Кирьяковна, я все тебѣ со сторицею заплачу. По милости Великаго Царя нашего, впередъ отцы да матери не станутъ торговать на Руси дѣтьми своими безъ ихъ согласія.

ЕЛЕНА.

Я, Аксиньюшка, на себя беру ихъ долгъ.

МЕНЬШИКОВЪ.

А мы съ тобою, Аксинья Кирьяковна, останемся друзьями.

АКСИНЬЯ.

То такъ, Александръ Даниловичъ, да мнѣ вишь будетъ жаль тебя, сердечнаго, коли ты не будешь счастливъ съ боярскою дочерью. «Не въ свои сани не садись», говоритъ пословица.

ЕЛЕНА (*съ жаромъ*).

При взаимной любви, Аксиньюшка, пословица твоя никуда не годится. Любовь равняетъ всѣ состоянія, особенно въ супружествѣ. По милости ея забываются всѣ прочіе разсчеты; въ любимомъ человѣкѣ видишь всѣ совершенства, всѣ достоинства.

МЕНЬШИКОВЪ.

А у Царя нашего, какъ у Господа Бога, по заслугамъ: «Послѣдніе будутъ первыми, а первые послѣдними». Въ утѣшеніе боярина Михайла Яковлевича, Государь изволилъ сказать ему съ улыбкою, указывая на меня: «Видишь ли, братецъ: онъ Мнѣ теперь товарищъ, «такой же солдатъ, какъ Я; а коли будетъ служить честно и вѣрно, пожалуй обгонитъ обоихъ Насъ и въ «знати и богатствѣ».

Поетъ.

О, всеблагое Провидѣнье!
Пріими обѣтъ души моей:
Да всѣ дѣла, всѣ помышленья,
Послѣдній вздохъ въ юдоли сей,
Все посвящу — Царю родному!

Онъ, какъ отецъ, любимъ сынами,
Сильнѣй, могучей всѣхъ царей!
Пусть Ханы съ дикими ордами,
Пускай Солтанъ со тмой своей,
Нагрянутъ на святое царство;

Пускай и Ляхъ, Сарматъ мятежный,
Съ надменнымъ Шведомъ съединясь,
Съ вершинъ накликавъ бѣлоснѣжныхъ
Весь хищный, буйственный Кавказъ,
Ворвутся въ Русь со всѣхъ предѣловъ,

Пусть Нѣмецъ кличъ себѣ скликаетъ,
Съ заморской сволочью прійдетъ,

Онъ вѣрность Русскую узнаетъ,
Онъ стѣну изъ сердецъ найдетъ,
Надежнѣе стѣны гранитной;

Пусть сѣти злобою плетутся,
Царю не страшенъ тайный ковъ —
О грудь сыновъ въ мигъ разорвутся!
Любовь народа — лучшій кровъ
Для нашего Царя-Отца,
Для нашего Царя-Отца!

КОНЕЦЪ III-го ДѢЙСТВІЯ И ПЕРВОЙ КАРТИНЫ.

ВЕЛЬМОЖА.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

С.-Петербургъ, въ 1727 году.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Князь Александръ Даниловичъ Меньшиковъ, Генералиссимусъ, опекунъ юнаго Императора.

Княгиня Дарья Михайловна Меньшикова, супруга его.

Княжна Марья Александровна Меньшикова, невѣста Императора Петра II.

Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, оберъ-камергеръ . . .
Князь Алексѣй Сергѣевичъ Долгорукій, двоюродный братъ его, влюбленный въ Княжну Меньшикову, оберъ-егермейстеръ.
} любимцы юнаго Императора.

Баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ, оберъ-гофмейстеръ.

Дежурный Каммергеръ.

Балагиревъ, шутъ Петра Великаго.

Два часовыхъ.

Гайдуки.

Придворные.

Коммиссары.

Пажи Меньшикова.

Его тѣлохранители.

ВЕЛЬМОЖА.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Театръ представляетъ великолѣпно позлащенную комнату передъ кабинетомъ Князя Меньшикова. Утро.

ЯВЛЕНІЕ I.

Князь Иванъ Алексѣевичъ и Князь Алексѣй Долгорукіе.

КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ (*насмѣшливо*).

Неужели и послѣ втораго учтиваго пріема сіятельнымъ плебеемъ любимцевъ Императорскихъ, Князей Долгорукихъ, своихъ благодѣтелей, ты не выкинешь изъ головы глупаго своего намѣренія?

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ.

Ахъ! если бъ оно было только въ головѣ, а не въ сердцѣ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Полно ребячиться, братъ Алексѣй! Сердце государственнаго человѣка, временщика, должно любить одного себя, не знать ни какихъ чувствъ и слабостей, кромѣ собственнаго своего честолюбія, возвышенія и обогащенія своихъ родныхъ и ближнихъ.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ.

Жалѣю о такихъ бездушныхъ счастливцахъ. Сталобыть, я не рожденъ быть любимцемъ Государевымъ, не могу быть человѣкомъ государственнымъ: сердце мое любитъ, имѣетъ нужду любить, кромѣ себя самого, существо себѣ подобное, равное, раздѣляющее мое чувство. Однимъ словомъ, братецъ, ты знаешь степень моей любви къ Маріи Александровнѣ Меньшиковой, и неужели спѣсь, свойственная выходцу при новомъ, неожиданномъ возвышеніи, можетъ раздражить или огорчить меня?

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Согласенъ; но всѣ ли узнаютъ, что ты доставилъ Меньшикову титулъ Генералиссимуса, котораго тщетно онъ добивался еще при жизни покойной Императрицы? Но повѣрятъ ли въ свѣтѣ, что ты возвысилъ непримиримаго врага Долгорукихъ, во вредъ родныхъ и друзей своихъ? Признаюсь, я думалъ, что Самъ Императоръ почтетъ тебя за сумасшедшаго, когда вмѣсто того, чтобы воспользоваться вызовомъ Его Величества, сдѣлать для тебя все, что̀ ни попросишь, ты потребовалъ выполненія несбыточнаго желанія честолюбца.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ.

А я, напротивъ, думаю, что тѣмъ оказалъ большую услугу роднымъ своимъ. Поспѣшность Государя въ исполненіи моей просьбы показываетъ, что онъ оцѣнилъ мое безкорыстіе, а Меньшикову, конечно, послужитъ она лучшимъ ручательствомъ въ искренности примиренія съ нимъ Долгорукихъ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Но имѣемъ ли мы право безчестить родъ Долгорукихъ? Не отнесутъ ли къ торжеству Меньшикова и паденію Долгорукихъ, когда увидятъ насъ здѣсь ожидающихъ, въ толпѣ льстецовъ и прихлѣбниковъ, пробужденіе новаго Генералиссимуса?

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ.

Любезный Иванъ! вполнѣ чувствую все, чѣмъ ты для меня жертвуешь; но, благодѣтельствуя брату, ты вмѣстѣ дѣлаешь услугу отечеству. Потерпимъ еще немного!

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Для того и другаго я готовъ унизиться еще больше, чѣмъ попусту продежурить вчера до полуночи, а сегодня опять съ зарею явиться въ передней у Меньшикова; но можешь ли ты поручиться, что жертвы наши будутъ имѣть ожидаемый успѣхъ?

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ.

О, конечно! Александръ Даниловичъ съ удовольствіемъ пріиметъ сватовство твое за человѣка, который имѣлъ уже счастіе доставить ему то, чего онъ желалъ такъ пламенно, тѣмъ болѣе еще, что ему открыта взаимная любовь наша съ его дочерью, и Княгиня Дарья

Михайловна увѣряла, что онъ ожидаетъ только твоего посредничества для благословенія нашего брака. Что касается до пользы общественной, то всѣмъ извѣстно, сколько терпитъ государство отъ безпрерывныхъ перекоровъ его съ Долгорукими и противорѣчій въ думѣ Царской.

КНЯЗЬ ИВАНЪ (*съ улыбкою*).

Ты, я вижу, доселѣ еще не знаешь Меньшикова. Титло Генералиссимуса, не только не удовлетворитъ его честолюбія, но увеличитъ жажду къ домогательству дальнѣйшихъ, невозможныхъ возвышеній; онъ не только не умѣетъ любить того, кто сдѣлалъ ему добро, но станетъ стыдиться его, преслѣдовать; въ Думѣ Царской онъ еще болѣе потребуетъ безусловнаго повиновенія его мнѣніямъ, его дерзкимъ затѣямъ и алчности, когда не будетъ опасаться Долгорукихъ! (*Изъ дверей кабинета показалась странная фигура и опять дверь захлопнулась*). Ба! не кунштикъ ли какой изволитъ съ нами строить его свѣтлость? Видѣлъ ли ты, какая фигура выглянула изъ кабинета и опять спряталась?

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ.

Можетъ быть, Меньшиковъ поручилъ кому-нибудь посмотрѣть: здѣсь ли мы еще, и безъ сомнѣнія, тотчасъ позовутъ насъ къ нему.

ЯВЛЕНІЕ II

Тѣ же и Балагиревъ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Ба! это! ты, Балагиревъ? А мы было тебя и не узнали

(Иронически) Скажи, любезный, долго ли намъ еще здѣсь дожидаться?

БАЛАГИРЕВЪ.

Слишкомъ нетерпѣливъ, mein Herr! Намъ съ Данилычемъ было не до васъ, придворной челяди; мы давали аудіенцу амбасадеру заморскому. Избаловался, братъ Иванъ: ходишь къ Императору безъ доклада во всякое время; такъ, вишь, тяжело подождать въ передней часика два у Генерала-уса, который у насъ-то вѣдь одинъ!

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Ха, ха, ха! Нѣтъ скажи, пожалуста, минъ-геръ Гофъ-Наръ, неужели Князю о насъ еще не докладывали?

БАЛАГИРЕВЪ.

А хотя бы и докладывали, невелика бѣда! И почище васъ, нѣмецкіе жиды вонъ съ часъ трясутся на холоду у задняго подъѣзда, словно въ лихорадкѣ; того и смотри, что въ карманахъ у нихъ запляшутъ желтенькіе голландцы. Коли васъ, братцы, охота взяла поранѣе другихъ забѣжать къ вельможному Генералу-усу, то вы бы заслали, какъ Андрюшка баранъ.... тфу пропасть!... Баронъ Остерманъ, золотаго пѣтушка похлопотать за себя. Ха, ха, ха!... а то прикатили съ пустыми руками.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ.

Балагиревъ! твои шутки становятся несносны и пахнутъ клеветою.

БАЛАГИРЕВЪ.

А! Еруслануніка, и ты запѣлъ, а то все смотрѣлъ въ землю медвѣдемъ. Ха, ха, ха! а ваши-то и вздернули носы вверхъ. Хорошо! Подставляйте, братцы, карманы. Генералъ-усъ и не съ васъ посбавитъ спѣси. Но, вишь, умны, опомнились, а Данилычъ у насъ такой добрый, жалостливой, пожалуй спуститъ на первый разъ: чуръ только вдругорядь не водить Государя по медвѣжьимъ травлямъ. Вамъ забава, а пестуну отвѣтъ....

КНЯЗЬ ИВАНЪ (*съ сердцемъ*).

Князь Алексѣй! не правду ли я говорилъ, что спасеніе тобою жизни Государя и благородный подвигъ безкорыстія будутъ умѣть перетолковатъ намъ всѣмъ въ укору? Дуракъ рѣдко болтаетъ безъ умыслу.

БАЛАГИРЕВЪ.

Да! дуракъ свиснетъ, а умный смыслитъ! А не хуже бы, mein Freund, не горячиться, да намъ поклониться.... Мы съ Данилычемъ заготовили на каждаго изъ васъ по дюжинѣ заморскихъ умницъ, что въ мутной водѣ не замутятъ, рта не разинутъ, не поморщатся, хоть на лбу у нихъ орѣхи щелкай. Ха, ха, ха! Все да-съ, да таксъ-съ....

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Что за околесную несешь ты, Балагиревъ?

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Баронъ Остерманъ.

ОСТЕРМАНЪ.

Неожиданная встрѣча! Какимъ образомъ я нахожу здѣсь Долгорукихъ?

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Правда, Баронъ, странно найти Долгорукихъ въ передней Меньшикова? *(Съ насмѣшкою)* Повѣришь ли, Андрей Ивановичъ, что болѣе часа мы дожидаемся позволенія войти въ кабинетъ его свѣтлости?

ОСТЕРМАНЪ *(оглядываясь)*.

Кажется, и не дождетесь.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Что это значитъ?

ОСТЕРМАНЪ *(съ осторожностію)*.

Прочти вотъ этотъ указъ. Я везу его объявить Правительствующему Сенату.

КНЯЗЬ ИВАНЪ *(читаетъ)*.

«Княжна Марья Александровна Меньшикова объя-
«вляется всенародно нарѣченною невѣстою Государя
«Императора Петра Алексѣевича.» Какое вѣроломство! Какое предательство!

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ *(выхватываетъ бумагу)*.

Возможно ли? Нѣтъ! я не вѣрю глазамъ своимъ. Это ужасно, убійственно! И послѣ того, какъ ему извѣстна

взаимная страсть наша, какъ еще вчера онъ обѣщалъ мнѣ руку Маріи, когда я уговорилъ брата принесть мнѣ въ жертву справедливую ненависть Долгорукихъ, когда Долгорукіе уполномочили его заключить миръ отъ имени ихъ, Меньшиковъ такъ дерзко измѣнилъ своей клятвѣ, такъ обидно обманулъ Долгорукихъ!

БАЛАГИРЕВЪ.

О, го! го! брудеръ Алексѣй! да какъ же ты расхорохорился за бездѣлицу, будто Генералъ-усъ задѣлъ тебя впрямъ по усу!

КНЯЗЬ ИВАНЪ (*насмѣшливо*).

Надѣюсь, Князь Алексѣй Сергѣевичъ, служба моя здѣсь кончена! Ты меня уволишь изъ передней Меньшикова и убѣдишься с   въ справедливости моихъ сомнѣній?

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ (*съ жаромъ*).

Сейчасъ бѣгу къ Государю, упаду къ нему въ ноги, открою нашу тайну и измѣну Меньшикова! Онъ, конечно, не захочетъ обладать Маріею безъ ея сердца.

ОСТЕРМАНЪ.

А если ты, Князь Алексѣй, ошибешься. Корона имѣетъ такую привлекательность....

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ.

Нѣтъ! не ошибусь въ чувствахъ моей Маріи: она не измѣнитъ мнѣ ни для кого на свѣтѣ, ни для какихъ на свѣтѣ благъ! Сердце ея такъ благородно, такъ возвышенно, душа ея такъ чиста!...

ОСТЕРМАНЪ.

Князь Иванъ Алексѣевичъ! вразуми своего кузена, растолкуй ему, что Генералиссимусъ не приступилъ бы къ столь важному дѣлу безъ воли Его Величества, (*съ улыбкою*) не удостовѣрясь въ возможности отразить непріятеля.... (*Тихо*) Лучше тише, тише, осторожнѣе, — понимаешь ли меня?

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и дежурный Каммергеръ.

КАММЕРГЕРЪ.

Князь Иванъ Алексѣевичъ! Государь изволилъ проснуться и васъ спрашиваетъ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Доложи Его Величеству, что сейчасъ явлюсь.

ОСТЕРМАНЪ (*тихо*).

Князь Иванъ! утащи своего шалуна куда-нибудь подальше, пока не простынетъ горячка, а то, пожалуй, онъ испортитъ все дѣло.

Долгорукіе уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Остерманъ и Балагиревъ.

БАЛАГИРЕВЪ.

Ну, камарадъ, правду говаривалъ батька нашъ, Петръ Алексѣевичъ, что кто тебя обманетъ, тотъ двухъ дней

не проживетъ: славно ты спровадилъ этихъ нахаловъ! Данилычъ велѣлъ-было мнѣ ихъ выжить отсюда, да я провозился бы съ ними до обѣденъ.

ОСТЕРМАНЪ (*съ улыбкою*).

Мы вѣдь, камарадъ, въ одной школѣ съ тобою учились.

БАЛАГИРЕВЪ.

Только по разной азбукѣ: я по Русской, а ты по Нѣмецкой — я болтать, а ты смѣкать.

ОСТЕРМАНЪ.

Ха, ха, ха! за болтовню, камарадъ, больно бьютъ.

БАЛАГИРЕВЪ.

Бьютъ, да не за всякую....

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Князь и Княгиня Меньшиковы и Княжна Марія.

ОСТЕРМАНЪ (*притворясь хворымъ, опирается на клюку*).

Пріймите, Свѣтлѣйшій Князь, искреннѣйшее поздравленіе съ исполненіемъ всеобщаго желанія Россіи. Припадаю къ стопамъ Ея Высочества.

Цѣлуетъ руку Княжны.

МЕНЬШИКОВЪ (*надмѣнно*).

Признаюсь, любезный Баронъ, я замедлилъ нѣсколько выполненіемъ воли покойной Императрицы и желанія народа, по малодушію, изъ непростительнаго ре-

бячества: мнѣ хотѣлось, чтобы невѣста Императорская была, по крайней мѣрѣ, дочь владѣтельнаго Герцога.

ОСТЕРМАНЪ.

Неужели титулъ Россійскаго Генералиссимуса, у котораго въ повелѣніи двѣсти тысячъ побѣдоноснаго войска, ниже какого ни есть Курляндскаго, или Малороссійскаго Владѣтельнаго Герцога? Это самъ по себѣ шагъ въ Короли, и Польша, напримѣръ, съ восторгомъ станетъ просить Императорскаго тестя, знаменитаго Полтавскаго героя, главу министерства Россійскаго, дядю Императора Австрійскаго, Герцога Кассельскаго, возложить на себя корону Ягеллоновъ.

МЕНЬШИКОВЪ *(съ самодовольствомъ трепплетъ Остермана по плечу).*

Нѣтъ, любезный Андрей Ивановичъ, въ головѣ у меня вертится другой, надежнѣйшій, самый блестящій планъ для доставленія короны моему дому. Ужо мы съ тобою объ этомъ потолкуемъ, на свободѣ, а теперь скажи, каковъ ты въ своемъ здоровьѣ? Что твоя подагра?

ОСТЕРМАНЪ.

Она пропадаетъ, исчезаетъ, когда я могу быть слѣпымъ исполнителемъ исполинскихъ предпріятій Вашей Свѣтлости.

МЕНЬШИКОВЪ.

Я знаю, что ты меня любишь искренно и не предашь, а потому нѣтъ ничего у меня отъ тебя завѣтнаго. Бьюсь объ закладъ, что ты въ минуту разрѣшишь всѣ препятствія къ достиженію моего намѣренія: то, что̀ другому

невозмножно, удивительно, для изобрѣтательнаго ума твоего легко, бездѣлка! По пословицѣ, Баронъ, куй желѣзо, пока горячо; надо намъ воспользоваться счастливыми минутами: заботы государственныя не по лѣтамъ Императора, тягостны для юноши, даже могутъ разстроить его слабое здоровье, и мы, старые слуги и ученики его дѣдушки, мы должны потрудиться за него и устроить все къ лучшему въ государствѣ.

ОСТЕРМАНЪ.

Его Величество совершенно полагается на Вашу Свѣтлость.

МЕНЬШИКОВЪ.

Прежде всего нужно заняться измѣненіемъ нѣкоторыхъ законовъ. Почему намъ не перенять иного у иноземцовъ? Почему, напримѣръ, моему сыну не жениться на Натальѣ Алексѣевнѣ?

ОСТЕРМАНЪ *(въ сторону)*.

Ужасный честолюбецъ!

БАЛАГИРЕВЪ *(въ сторону)*.

Жаль, Данилычъ, что батька унесъ съ собою дубовую дубинку свою, а то за новыя затѣи стоило бы повозить твои свѣтлѣйшія косточки....

МЕНЬШИКОВЪ *(кинувъ грозно взглядъ на Балагирева;-Остерману)*.

Андрей Ивановичъ! прочитай эту бумагу въ моемъ кабинетѣ, да приготовь свое мнѣніе. Я сейчасъ къ тебѣ прійду.

Остерманъ уходитъ, кряхтя.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, безъ Остермана.

КНЯГИНЯ.

Ради Бога, любезный другъ, оставь дальнѣйшіе планы своего честолюбія! Отвѣчаю тебѣ за себя и за дѣтей нашихъ, что мы не желаемъ ни какого болѣе возвышенія. Вспомни, что ты окруженъ врагами, завистниками.

МЕНЬШИКОВЪ *(съ самодовольствомъ).*

Вы, женщины, всего боитесь; вы неспособны ни къ какимъ высокимъ мыслямъ, великимъ предпріятіямъ. Пожалуй, и Машинька станетъ увѣрять, что была бы счастливѣе въ хижинѣ съ своимъ пастушкомъ, чѣмъ Императрицею безпредѣльнаго Русскаго царства....

КНЯЖНА МАРІЯ.

Еще разъ повторяю вамъ, батюшта, что чувства мои никогда и ничѣмъ не измѣнятся. На всю жизнь я останусь имъ вѣрною, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдержу и данное вамъ обѣщаніе: не только словомъ, но даже вздохомъ никому не открывать тайны своего сердца.

МЕНЬШИКОВЪ.

Этого довольно на первый случай. Свадьба ваша, по малолѣтству Императора, отложена еще на два года, а въ это время Богъ знаетъ что̀ можетъ перемѣниться, и Князь Алексѣй найдетъ себѣ другую невѣсту.

КНЯЖНА МАРІЯ *(съ жаромъ).*

Нѣтъ, батюшка! я ручаюсь за Долгорукова: онъ не измѣнитъ своей клятвѣ.

МЕНЬШИКОВЪ.

Но если онъ искренно любитъ тебя, то, безъ сомнѣнія, не захочетъ разрушить твоего счастія, когда узнаетъ о невозможности обладать тобою.

КНЯЖНА МАРІЯ.

О! безъ сомнѣнія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я увѣрена, что онъ, подобно мнѣ, не поклянется ложно передъ алтаремъ Божіимъ.

МЕНЬШИКОВЪ (*гнѣвно*).

Маша! ребячество твое исцѣлится временемъ и обстоятельствами; но я еще повторяю мое приказаніе, чтобы съ сей минуты прекращены были всякія между вами сношенія. — Княгиня! я на васъ полагаюсь.

КНЯГИНЯ.

Кажется, мой другъ, я не подавала тебѣ поводу сомнѣваться въ исполненіи твоихъ желаній.

МЕНЬШИКОВЪ.

Но ты, какъ женщина, можешь на сей разъ послушать болѣе сердца чѣмъ разсудка, и погубить всѣхъ насъ.

КНЯГИНЯ.

Не опасайся. Вполнѣ понимаю всю важность необдуманнаго твоего поступка, и если бы ты посовѣтовался со мною прежде, то, безъ сомнѣнія, я отговорила бы тебя. Я покровительствовала ихъ взаимной любви не иначе, какъ по твоей собственной волѣ, и потому что находила Долгорукова достойнымъ руки нашей дочери;

узнавъ его душу, его правила, я убѣдилась, что онъ составилъ бы счастіе милой нашей Машѣ.

МЕНЬШИКОВЪ *(смѣшавшись нѣсколько)*.

Но я никогда не давалъ ему формальнаго слова, онъ никогда не сватался за дочь нашу; стало быть, я могу располагать ею, какъ отецъ, имѣю право, не спросясь ни кого, устроивать ея счастіе. — *(Обращаясь къ Княжнѣ)* Марья Александровна! съ сей минуты вы перестаете быть Княжною Меньшиковою Помните, что вы невѣста Императора Россійскаго! *(Грозно)* Помните, коли дорожите свободою и жизнію Долгорукова.... Горе, если и онъ забудетъ это, хоть на одну минуту! Ни что не укроетъ его отъ моего гнѣва; изъ почивальни Государевой вырву его — изъ подъ алтаря Божіяго достану!... Всѣ знаютъ, какъ умѣю и какъ могу я наказывать ослушниковъ и враговъ своихъ! (Уходитъ въ кабинетъ).

БАЛАГИРЕВЪ.

Ай да, Данилычъ! знай нашихъ? Теперь, сударыни, подумайте, да погадайте, да насъ не забывайте! (Къ партеру) Видно и черезъ золото слезы текутъ.... (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Княгиня и Княжна.

КНЯЖНА *(кинувшись къ матери въ объятія)*.

Матушка, другъ мой! наставьте меня, подкрѣпите меня; я никогда не имѣла болѣе надобности въ вашей помощи, въ вашемъ утѣшеніи...

КНЯГИНЯ.

При подобныхъ ударахъ и скорбяхъ, другъ мой Машинька, одно прибѣжище — вѣра! Станемъ молиться Богу, да отвратитъ бурю, нанесенную на наше семейство честолюбіемъ отца твоего, да смиритъ Онъ его душу и помилуетъ насъ!

КНЯЖНА.

Ваша правда, матушка! Я не перенесла бы сегодня своего несчастія, если бы всевышняя благодать не внушила мнѣ мысли спасти себя — отъ клятвопреступленія, васъ — отъ позора, его — отъ мщенія.

КНЯГИНЯ (*встревожась*).

Боюсь, какая нибудь новая мечта, обманчивая игра воображенія....

КНЯЖНА (*рѣшительно*).

Нѣтъ, матушка, не мечта, а единственный способъ, остающійся мнѣ, какъ утопающей — древесная вѣтка, спасти себя и васъ отъ погибели! Я обдумала его и жду вашего благословенія. Матушка! благословите меня посвятить себя Богу; келья укроетъ меня и примиритъ всѣхъ.

КНЯГИНЯ (*испугавшись*).

Можетъ быть, я одобрила бы твое намѣреніе въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ; но теперь это совершенно невозможно; отецъ твой никогда на то не согласится.

КНЯЖНА.

Ахъ! матушка, если бы вы на меня не разсердились, если бы не разлюбили меня, я повѣдала бы вамъ....

КНЯГИНЯ (*растрогавшись*).

Говори, говори, дитя мое! Развѣ ты не видѣла, сколько слезъ, какихъ мученій стоило мнѣ честолюбіе твоего отца! Я готова перенесть для тебя еще бо̀льшія огорченія, еще сильнѣйшія страданія: открой мнѣ свое сердце; не упреки встрѣтятъ твои заблужденія, а состраданіе и совѣтъ нѣжной матери.

КНЯЖНА МЕНЬШИКОВА.

Матушка! я рѣшилась оставить васъ безъ вѣдома вашего.

КНЯГИНЯ (*подумавъ*).

Понимаю твои мысли и даже одобряю, но съ условіемъ, милая Машинька, чтобы ты не прежде выполнила свое предпріятіе, какъ черезъ годъ, а до того должна помнить, что ты невѣста Императора, что одно неосторожное слово, одно необдуманное движеніе твое, повлечетъ несчастныя слѣдствія на всѣхъ, кто дорогъ твоему сердцу.

КНЯЖНА.

И вы почитаете меня въ состояніи нести годъ такую личину? И не подумаетъ ли онъ, что я продала любовь мою, клятвы мои — за блескъ короны?

КНЯГИНЯ.

Что дѣлать, Машинька! Лучше оставить его въ заблужденіи, чѣмъ погубить. Ты знаешь неумолимый нравъ твоего отца: ты сама плакала у ногъ его за тетку свою, Дивіеръ, родную сестру его, и не могла испросить, не

только помилованія ея мужу, но даже малѣйшаго облегченія ихъ наказанія.

КНЯЖНА.

Вы меня ужасаете....

КНЯГИНЯ.

Да, мой другъ! это ужасно, но нѣтъ другаго стособа спасти его. Когда убѣдишься ты въ этой мысли, тебѣ будетъ легче нести свой крестъ; должно желать даже, чтобы Долгорукій разсердился на тебя, чтобы повѣрилъ твоей измѣнѣ. Богъ милостивъ! Твоя покорность судьбѣ можетъ получить награду и въ семъ мірѣ.... (*Слышанъ звонокъ*). Удалимся отсюда; теперь всѣ глаза будутъ устремлены на тебя.... (Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

ОСТЕРМАНЪ (*выходя изъ кабинета съ бумагами*).

Правду сказалъ какой-то мудрецъ, что «честолюбецъ походитъ на слѣпца, котораго могутъ водить и мальчикъ и старуха». Лелѣй только его несбыточныя мечты, ласкай его дерзкія затѣи, и онъ въ повелѣніи у самаго ничтожнаго, пошлаго льстеца! — Меньшиковъ ухищряется побѣдить свое счастіе. Да, благодѣтель! Остерманъ пособитъ тебѣ въ этой пріятельской послугѣ; онъ никогда не позабудетъ пріятнаго привѣтствія, отпущеннаго тобою при распечатаніи подложной духовной Императрицы, и отплатитъ кровавымъ комплимен-

томъ. Остерманъ отъучитъ всесильнаго Генералиссимуса отъ милыхъ татарскихъ привычекъ. Увидимъ, кто съ кого живаго сдеретъ кожу?

ЯВЛЕНІЕ X.

Остерманъ и Меньшиковъ.

МЕНЬШИКОВЪ *(выглядываетъ въ дверь).*

Андрей Иванычъ! ты еще здѣсь?

ОСТЕРМАНЪ *(смѣшавшись).*

Я остановился, чтобы привесть въ порядокъ бумаги и отмѣтить повелѣнія Вашей Свѣтлости

МЕНЬШИКОВЪ.

Тѣмъ лучше: обдумавъ твое представленіе, я нахожу, что ты правъ. Точно: удаленіемъ Долгорукихъ отъ Двора, можно огорчить Императора, — Онъ такъ къ нимъ привыкъ!

ОСТЕРМАНЪ *(съ ироническою улыбкой).*

Могутъ ли быть опасны для Вашей Свѣтлости надмѣнные честолюбцы?

МЕНЬШИКОВЪ.

Да, я оставлю Долгорукихъ при Государѣ. Однако, для всякой предосторожности, мы обставимъ Императора своими людьми, такъ, чтобы не только сказать, — помыслить никто не посмѣлъ противу насъ!

ОСТЕРМАНЪ.

Это всего вѣрнѣе, лучше.

МЕНЬШИКОВЪ.

На лѣтнее время я намѣренъ перевезть Императора завтра же къ себѣ на дачу, въ Ораніенбаумъ, а чтобы дать видъ совершенной свободы, стану отпускать его на день, или на два, охотиться въ Петергофскій паркъ.

ОСТЕРМАНЪ.

Съ такими мудрыми мѣрами Ваша Свѣтлость можете быть совершенно спокойны.

МЕНЬШИКОВЪ.

Да, добрый Остерманъ! горькая опытность научила меня быть осторожнымъ. Ты помнишь, чай, какую было яму выкопали мнѣ враги мои въ отсутствіе мое въ Курляндію при покойной Императрицѣ. Думаю, что впередъ имъ это не удастся.

ОСТЕРМАНЪ.

Но зато, какъ торжественно Ваша Свѣтлость одержали надъ ними побѣду, и какъ строго наказали за ихъ дерзновеніе.

МЕНЬШИКОВЪ (*съ самодовольствомъ*).

Чтобы отбить у всѣхъ охоту кабалить противъ меня, я не далъ никому пощады,–не помиловалъ мужа родной сестры моей!

ОСТЕРМАНЪ.

Твердость, достойная мужа, рожденнаго повелѣвать народами!...

МЕНЬШИКОВЪ (*съ улыбкою самодовольства*).

Коли Богъ потерпитъ грѣхамъ, то я надѣюсь дока-

зать свѣту, что эта рука умѣетъ хорошо управлять и своею колесницей.

ОСТЕРМАНЪ.

Все зависитъ отъ воли Вашей Свѣтлости.

МЕНЬШИКОВЪ.

Правда! Но сколько жертвъ должно принесть еще для достиженія нашей цѣли! Сколько пролить крови, чтобы оковать страхомъ дерзкіе языки, усмирить строптивость Долгорукихъ и подобныхъ имъ честолюбцевъ!

ОСТЕРМАНЪ.

Ваша Свѣтлость, какъ опытный генералъ, согласитесь, что въ битвахъ, особенно столь отчаянныхъ, нельзя обойтись безъ крови и урона.

МЕНЬШИКОВЪ.

Прощайте, Баронъ; поспѣшите выполнить указъ Его Императорскаго Величества

Остерманъ уходитъ, кряхтя и сугорбясь, а Меньшиковъ садится на приготовленныя въ углубленіи сцены богатыя кресла, въ родѣ царскаго трона, подъ балдахиномъ и княжескою короной, гдѣ, гордо развалясь, принимаетъ поздравленія отъ входящихъ вельможъ и генераловъ. Посреди сихъ церемоній занавѣсь опускается.

КОНЕЦЪ І-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

Полночь. Луна свѣтитъ изъ-за черныхъ тучъ, то скрываясь, то выказываясь изъ-за нихъ. Монплезиръ въ Петергофѣ. Буря на морѣ; волны страшно плещутъ на каменную террасу.

Княжна Марія и Балагиревъ.

(Первая въ черномъ нарядѣ странницы, а другой въ крестьянскомъ кафтанѣ).

КНЯЖНА.

Любезный Балагиревъ! употреби весь свой умъ вызвать осторожно Долгорукаго отъ Императора, увидѣться со мною. Всѣ мои брилльянты твои.

БАЛАГИРЕВЪ.

Ты ошибаешься, Княжна, если думаешь, что Балагиревъ служитъ тебѣ изъ корысти. Нѣтъ! Мнѣ тебя стало жалко, сердечную, и я готовъ жизнь свою положить для тебя изъ одного спасибо....

КНЯЖНА МАРІЯ.

Виновата! Я тебя судила наравнѣ съ другими. Поди же, добрый, благородный Балагиревъ, не теряя времени, открой тайну нашу, если не будетъ другаго способа....

БАЛАГИРЕВЪ.

Молись Богу, Машинька. Балагиреву и не въ этакихъ бѣдахъ удавалось помогать бѣднякамъ при покойномъ Государѣ Петрѣ Алексѣевичѣ. Только изволь

спрятаться отсюда подальше, хоть въ Самсонову Пещеру, чтобы никто тебя не увидалъ, и ты не испортила бы всего дѣла; чуръ, и тамъ нишкни, ни гугу! а я позову тебя какъ надо будетъ.. . Дорогу до Богатыря ты вѣдь найдешь, даромъ что темно, а бояться не кого; во дворцѣ нѣтъ живой души.

КНЯЖНА МАРІЯ.

Ты правъ, Балагиревъ; мнѣ нечего страшиться за себя; я только боюсь за матушку и за Долгорукаго, чтобы имъ не навлечь какой напасти.

Балагиревъ уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

КНЯЖНА, *одна.*

Боже всемогущій! отпусти слабости моего бѣднаго сердца. Ты зришь, что оно не можетъ быть посвящено Тебѣ безъ сей послѣдней жертвы человѣчеству. Я увижу его, оправдаю себя въ гнусномъ подозрѣніи и кинусь въ объятія Твои, милосердый Господи! Ты не отринешь спокойнаго сердца, невмѣщающаго ни какого другаго чувства, кромѣ чистой любви къ Тебѣ! Ты пріймешь сердце, промѣнявшее съ радостью сей мрачный, лживый свѣтъ, на ясный, лучезарный міръ, окружающій Твое лико! Въ дремучихъ Желтоводскихъ лѣсахъ, въ тѣсной кельѣ уединенной обители — алчу погребсти себя навѣкъ. Добрый Балагиревъ одинъ не убоялся показать мнѣ путь въ мою могилу, и онъ умретъ съ моею тайною. О! я увѣрена въ его скромности; я знаю, какое благородное, безкорыстное сердце бьется

подъ этою обманчивой оболочкою, какъ мало знаютъ его люди, и будутъ ли умѣть оцѣнить впослѣдствіи? Слышенъ шорохъ, — пора удалиться.

ЯВЛЕНІЕ III.

ОСТЕРМАНЪ (*закутанный въ плащъ*).

Ужасное положеніе! Болѣе часа прошло послѣ условленнаго знака, и никто не является отъ Императора. Ужь не провѣдалъ ли Меньшиковъ о нашемъ заговорѣ? Бѣда! Мы пропали всѣ безвозвратно. Онъ, пожалуй, сдержитъ свою угрозу; велитъ съ живаго меня содрать кожу.... Бррръ!!—Но теперь-то и показать присутствіе духа и гибкость ума (*задумывается*). Мудрено вывернуться въ случаѣ неудачи!.... Правда, въ Долгорукихъ я совершенно увѣренъ: они не измѣнятъ, не откажутся отъ своего предпріятія: за одного ручается родовая ненависть къ Меньшикову и соперничество, за другаго, — уязвленное самолюбіе и обманутая любовь, не менѣе сильныя побужденія къ мести. Меньшиковъ не повѣритъ, чтобы я былъ здѣсь; онъ считаетъ меня теперь въ постели; я вчера отговорился жестокою подагрою отъ приказанія его пріѣхать за какимъ-то важнымъ государственнымъ дѣломъ.... Чу! кто-то идетъ изъ Монплезира! Спрячусь за дерево.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Остерманъ и Князь Алексѣй Долгорукій (ищетъ глазами).

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ.

Неужели Остерманъ не имѣлъ терпѣнія подождать меня!

Подаетъ знакъ въ свистокъ.

ОСТЕРМАНЪ (*выходя изъ-за дерева*).

Нѣтъ, имѣлъ; но не ожидалъ съ вашей стороны такой неаккуратности въ столь опасномъ предпріятіи.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ.

Ты простишь насъ, Баронъ, когда узнаешь причину нашей неисправности: болѣе трехъ часовъ не можемъ уговорить Императора рѣшиться сбросить съ себя оковы Меньшикова.

ОСТЕРМАНЪ.

Какъ же вы увѣрили меня, что успѣли убѣдить Его Величество въ необходимости сей мѣры, и что онъ охладѣлъ къ Меньшикову? Ужь не боится ли Государь бури?

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ (*иронически*).

Нѣтъ! Море ему не такъ страшно, какъ мысль прогнѣвить своего будущаго тестя. Вообрази, Андрей Иванычъ, что Его Величество нѣсколько разъ надѣвалъ на себя плащъ и шляпу, съ полною рѣшимостью сѣсть въ пріуготовленную шлюпку, но съ порога опять возвращался назадъ и раздумывалъ. Если ты своимъ краснорѣчіемъ не убѣдишь Государя безъ отлагательства выполнить его благородное намѣреніе, то мы всѣ погибли. Каждую минуту должно ждать предательства, или подсылки, по осторожности недовѣрчиваго пестуна!....

ОСТЕРМАНЪ.

Точно, каждая минута дорога; я бѣгу къ Императору, надѣясь представленіями своими подѣйствоватъ на его рѣшимость; а ты, Князь Алексѣй, останься здѣсь

и смотри во всѣ глаза, чтобы насъ не подстерегли. Въ двухъ шагахъ стоятъ мои гайдуки; имъ приказано хватать всякаго приближающагося къ Монплезиру. До скораго свиданія!

ЯВЛЕНІЕ V.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ.

Еще минута и—все кончится для меня въ семъ мірѣ; угаснетъ и послѣдній лучъ надежды, озарявшій мое жалкое бытіе!... Марія отгадаетъ тайнаго врага своего отца, но отгадаетъ ли причину его паденія? Отгадаетъ ли, что не гнусная месть, но презрѣнная зависть водили рукою, поразившею вѣроломнаго горделивца? Нѣтъ! я тогда былъ бы недостоинъ любви ея, любви, которою дорожу болѣе своей жизни; но мнѣ не остается другаго средства обладать Маріею, какъ потрясти величіе ея отца, и въ ничтожествѣ его искать своего счастія.... А если я ошибусь въ моихъ разсчетахъ? если униженія ея семейства не укротятъ, а возвысятъ эту гордую душу? если она меня подлинно забыла, разлюбила?—О, нѣтъ! этому быть нельзя. Она меня любитъ, и столь же пламенно, какъ и прежде.—Марія! ты притворяешься изъ любви ко мнѣ. Нѣтъ! роковыя слова послѣдняго письма твоего «Все кончилось между нами» вынуждены честолюбивымъ отцомъ твоимъ. Нѣтъ! любовь наша, клятвы наши не могутъ кончиться иначе, какъ со смертію.... Не вѣрю я твоему холодному равнодушію, приводившему меня столько разъ въ отчаяніе, не вѣрю искренности очаровательныхъ улыбокъ прили-

чія, заставлявшихъ меня неразъ проклинать женщинъ! Двѣ, три искры, подстереженныя мною въ эту безконечную годину, изъ потупленныхъ глазъ твоихъ, зажигали свѣтильникъ потухавшей жизни моей, измѣняли твоей волѣ.... Да! я кинусь къ ногамъ твоимъ, ты простишь меня! Кинусь къ ногамъ твоего родителя, отдамъ ему свои титулы, свои богатства.... Мнѣ только тебя одну надобно: съ тобою скроюсь отъ свѣта, съ тобою буду богатѣе всѣхъ въ бѣдности, всѣхъ счастливѣе въ хижинѣ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Князь Алексѣй и Балагиревъ.

БАЛАГИРЕВЪ *(подкрадывается къ нему).*

Наконецъ я подстерегъ тебя, удалая головушка! На силу напалъ на одного.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ.

Измѣна!

(Два сильныхъ гайдука, кинувшихся на Балагирева, съ платкомъ на лицо и на ротъ, не допустили его вымолвить ни одного слова больше. Онъ остается неузнаннымъ за ихъ стражею, въ нѣкоторомъ отдаленіи).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Остерманъ (подходя съ поспѣшностью).

ОСТЕРМАНЪ.

Побѣда, побѣда, Князь Алексѣй! Скорѣе бѣги на шлюпку... Ба! да, что съ тобою сдѣлалось! Ты стоишь какъ окаменѣлый!...

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ.

И такъ жребій мой брошенъ....

ОСТЕРМАНЪ.

Полно бредить, Князь! И смѣшно, и опасно! Или ты хочешь своею глупостью всѣхъ насъ погубить?

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ *(опомнясь).*

Бѣгу! Куда нужно?

ОСТЕРМАНЪ.

На шлюпку, скорѣе на шлюпку! Смотри: Императоръ уже вышелъ изъ дворца съ твоимъ братомъ. А! Видно мои молодцы подхватили лазутчика? За мною!...

(Въ углубленіи сцены видно, какъ юный Петръ, закрывшись плащемъ, робко приблизился къ пристани и сѣлъ на шлюпку; какъ легкій челнъ сильно ударился о ярыя волны и полетѣлъ на парусахъ въ глубину моря).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

КНЯГИНЯ МЕНЬШИКОВА.

Къ счастію, я открыла слѣды моихъ бѣглецовъ; но хорошо ли дѣлаю, что преслѣдую ихъ? Не оставить ли Машу судьбѣ ея? Если цѣлый годъ она не могла покорить своей страсти, то лучше всего заточить ее въ монастырской кельѣ. Теперь мнѣ можно смѣло утверждать, что не знаю гдѣ она, не знаю куда она скрылась. Но открывъ ея пристанище, боюсь измѣнить себѣ и ей. Да, это свыше силъ моихъ: я не переживу вѣчной разлуки съ милымъ дѣтищемъ своимъ; мнѣ необходимо нужно знать, по крайней мѣрѣ, мѣсто ея жительства; мнѣ нужно

переноситься къ ней мыслями, бесѣдовать съ нею, лелѣять ее; мнѣ нужно непремѣнно еще увидѣться съ Машею, наглядѣться на нее, благословить ее! Боже! куда зашла я? Здѣсь въ Монплезирѣ Императоръ; съ нимъ вѣрно и Долгорукіе. Неужели Машинька искала съ нимъ свиданія? Ужасная мысль! Она измучитъ меня.... Но какой странный голосъ слышится съ той стороны? Какъ будто кто проситъ помощи..... Чѣмъ могу я пособить другому, когда сама едва имѣю силы держаться на ногахъ!... Однако грѣшно было бы отказать несчастному и въ малѣйшей послугѣ. Чего мнѣ бояться? Съ Машею я теряю все свое счастіе, жизнь свою... *(Приближается къ Монплезиру)*. Ахъ! Боже мой! Да это нашъ бѣдный Балагиревъ привязанъ къ дереву и умоляетъ о помощи!

Скрывается.

ЯВЛЕНІЕ IX.

КНЯЖНА МАРІЯ *(входитъ съ противоположной стороны)*.

Не стало болѣе терпѣнія! Видно, что съ Балагиревымъ случилось что-нибудь; иначе онъ не оставилъ бы меня такъ долго страдать въ мучительной неизвѣстности, дожидаться одной посреди глухаго лѣсу? Здѣсь скорѣе узнаю я судьбу свою. Время дорого. Вотъ ужь занялась заря, предвѣщая красное утро. Матушка можетъ проснуться ранѣе обыкновеннаго и хватиться. Кажется, она стала подозрѣвать меня въ послѣднее время... Тогда простите, мечты мои и надежды!

ЯВЛЕНІЕ X.

Княжна, Княгиня и Балагиревъ.

КНЯЖНА.

Боже мой! что я вижу? Матушка съ Балагиревымъ! (Бѣжитъ на встрѣчу къ нимъ и кидается на шею къ матери).

КНЯГИНЯ.

И ты, жестокая, хотѣла оставить меня не простясь!...

КНЯЖНА МАРІЯ (*плачетъ*).

Ради Бога, пощадите меня, матушка! Ахъ, если бы вы знали, чего стоило моему бѣдному сердцу это ужасное насиліе! сколько разъ я колебалась, раскаивалась!

КНЯГИНЯ.

Довольно, мой другъ! забудемъ все! Предчувствіе мое мнѣ не измѣнило: я эту ночь не могла уснуть; твой прощальный поцѣлуй жегъ меня, какъ раскаленнымъ желѣзомъ; непонятная грусть терзала грудь мою, и я пошла къ тебѣ разогнать тоску свою. Письмо, заложенное въ кіоту противъ лампады, бросилось мнѣ прежде всего въ глаза. Я прочла его, и, не разсуждая о послѣдствіяхъ, кинулась по слѣдамъ твоимъ, и чуть-чуть васъ не догнала у Петергофской калитки. Вотъ тебѣ исторія моего преслѣдованія. Теперь нескоро вырвешься изъ моихъ объятій.... Неужели ты не сжалишься надъ сиротствомъ твоей матери? У нея не останется друга; ей некому будетъ повѣдать и раздѣлить своихъ горестей и радостей!

КНЯЖНА МАРІЯ (*рыдая*).

Матушка, милая матушка! Я ваша, ваша навсегда! Никогда съ вами болѣе не разстанусь. Но будемъ ли мы счастливѣе? Перенесете ли вы скорби вашей дочери?

БАЛАГИРЕВЪ.

И, Машинька, все будетъ къ лучшему! Напримѣръ, кабы эти плуты Долгорукіе не велѣли привязать меня къ соснѣ, а послушались Остермана и бросили меня въ море съ камнемъ на шеѣ, то не видать бы мнѣ ихъ проказъ, и нечего бы порасказать ужо Данилычу, какъ станетъ дремать послѣ обѣда!

КНЯГИНЯ (*нѣсколько встревожась*).

Не торопись, любезный, а напередъ лучше позабавь насъ!...

БАЛАГИРЕВЪ.

Вишь, Данилычъ при мнѣ отправлялъ Его Величество сюда съ Долгорукими, потѣшиться охотою, а они вздумали катать его по морю, да еще по ночамъ и въ бурю. Долго ли до бѣды? А въ отвѣтѣ будетъ пестунъ.

КНЯЖНА МАРІЯ.

Стало быть, ихъ здѣсь нѣтъ?

БАЛАГИРЕВЪ.

И вѣдомо, нѣтъ! Даромъ-что завязали мнѣ глаза, да я сквозь платокъ видѣлъ, какъ Императоръ-то съ Долгорукими сѣлъ въ шлюбку, а Остерманъ повернулъ рулемъ шибче боцмана нашего, Ныркова, даромъ, что

при Данилычѣ все кряхтѣлъ, да кашлялъ — словно чахоточный.....

КНЯГИНЯ.

Точно ли ты увѣренъ, Балагиревъ, что они теперь катаются?

БАЛАГИРЕВЪ.

Катаются, или гостятъ у рыбъ на днѣ морскомъ, сказать не умѣю, а точно они еще не вернулись. Правду молвить: молодой-то Царь пошелъ по дѣдушкѣ. Какъ волна-то подыметъ лодку, ино волосъ дыбомъ встанетъ со стороны, а ему и горя мало....

КНЯГИНЯ.

Машинька! не увѣдомить ли поскорѣе Князя объ отсутствіи Императора изъ Петергофа? Мнѣ что-то эта прогулка по морю, среди бурной ночи, весьма подозрительна, а болѣе того еще участіе и дѣйствія хитраго Остермана. Какимъ образомъ и зачѣмъ онъ очутился при Императорѣ, когда мы полагали его лежащимъ при смерти въ постели? Нѣтъ! Тутъ должно крыться что-нибудь важное, непріятное для отца твоего.

КНЯЖНА МАРІЯ.

Я то же думаю, матушка! У меня какое-то злое предчувствіе! *Уходятъ*.

КОНЕЦЪ II-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Зала передъ Императорскимъ кабинетомъ; у дверей стоятъ часовые.

ЯВЛЕНІЕ I.

МЕНЬШИКОВЪ. хочетъ войти въ кабинетъ; часовые не допускаютъ его, положа ружья на крестъ.

ЧАСОВОЙ.

Нельзя!

МЕНЬШИКОВЪ.

Развѣ вы меня не узнали? Развѣ не знаете, что Князю Меньшикову входъ къ Императору вездѣ и всегда открытъ?

ЧАСОВОЙ.

Знаемъ, но нельзя!

МЕНЬШИКОВЪ (*съ досадою*).

Развѣ вы не знаете, что Генералиссимусу подвластны всѣ войска, и ослушаться его никто не можетъ и не смѣетъ?

ЧАСОВОЙ.

Знаемъ, но самъ Императоръ отдалъ повелѣніе не впускать никого къ себѣ, подъ смертною казнію.

МЕНЬШИКОВЪ.

Пустое, — я войду силою!

ЧАСОВОИ.

Мы тебя убьемъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Князь Иванъ Долгорукій.

ДОЛГОРУКІЙ.

По волѣ Его Императорскаго Величества объявляется арестъ Генералиссимусу Князю Меньшикову.

МЕНЬШИКОВЪ.

Не можетъ этого быть! Это гнусныя интриги ваши; мнѣ стóитъ только увидѣть Государя.

ДОЛГОРУКІЙ (*съ издѣвкою*).

Этого- то и не будетъ! За дверьми стоитъ рота Преображенскаго полку, чтобы проводить Вашу Свѣтлость домой по-фельдмаршальски, съ подобающею честью.

МЕНЬШИКОВЪ (*злобно*).

Торжествуйте, господа Долгорукіе, торжествуйте, но надолго ли—увидимъ!

ДОЛГОРУКІЙ.

Хорошо. Разочтемся послѣ, а теперь изволь убираться изъ дворца.

МЕНЬШИКОВЪ.

Нѣтъ! не выйду отсюда! Хочу непремѣнно видѣть Императора и открыть ему гнусный заговоръ противу спокойствія государства....

ДОЛГОРУКІЙ.

Старая пѣснь, Ваша Свѣтлость! Теперь на этомъ конькѣ не выѣдешь и не населишь Сибири тысячами..

МЕНЬШИКОВЪ.

Князь Иванъ! Ты дорого платишь за свою дерзость.... Вспомни, съ кѣмъ ты разговариваешь такъ грубо?

ДОЛГОРУКІЙ (*насмѣшливо*).

Какъ не помнить: кажется, съ бывшимъ Княземъ Меньшиковымъ, съ разжалованнымъ Генералиссимусомъ, съ отставнымъ тестемъ Императорскимъ. Ха, ха, ха!

МЕНЬШИКОВЪ (*испугавшись*).

Что это значитъ?

ДОЛГОРУКІЙ (*насмѣшливо*).

Скоро узнаешь. Какой нетерпѣливый!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Княгиня и Княжна Меньшикова.

КНЯЖНА.

Батюшка! все кончилось; мы погибли!

КНЯГИНЯ.

Враги твои восторжествовали.

МЕНЬШИКОВЪ (*съ надмѣнностью*).

Успокойтесь! Это тучка, которая разсѣется небольшимъ дожжичкомъ....

ДОЛГОРУКІЙ (*иронически*).

Не ошибись, Александръ Даниловичъ: часто изъ небольшихъ тучекъ родятся вихри и раздаются самые сильные удары.

КНЯГИНЯ (*перебивая*).

Мы были у Великой Княжны; умоляли ее войти въ посредничество между тобою и Государемъ.

КНЯЖНА.

Но Наталья Алексѣевна рѣшительно отказалась отъ всякаго участія....

КНЯГИНЯ.

Она тобою за что-то очень недовольна.

КНЯЖНА.

И совѣтуетъ не безпокоить Государя, чтобы не раздражить противъ себя болѣе Его Величество.

ДОЛГОРУКІЙ.

Я то же думаю, Александръ Даниловичъ, чтобы не было хуже! Государь оставляетъ тебѣ всѣ твои богатства, а приказываетъ только выѣхать изъ столицы, какъ можно скорѣе.

МЕНЬШИКОВЪ (*въ сторону*).

Еще не все пропало! Князь Иванъ Алексѣевичъ, доложите Его Величеству, что мнѣ нужно не болѣе трехъ дней для выполненія его воли. Пойдемте готовиться къ отъѣзду (выходитъ спѣсиво).

Занавѣсъ опускается.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Полночь. Театръ представляетъ кабинетъ Меньшикова. Онъ укладываетъ свои сокровища, любуясь на нихъ съ нѣжностью и заперши всѣ двери кругомъ.

МЕНЬШИКОВЪ.

Теперь я могу отдохнуть на свободѣ, могу позабыться отъ досадъ и огорченій. Нѣтъ! у меня еще не все отня-

ли люди, мнѣ еще осталась вѣрная, надежная помоцъ: осталось то, для чего я жертвовалъ и душевнымъ спокойствіемъ, и любовью, и славою, ха, ха, ха! Какъ же обманулись жалкіе злодѣи мои, думая поразить меня самымъ чувствительнымъ ударомъ. Ха, ха, ха! Ложные друзья оставили мнѣ друзей неизмѣнныхъ. Да, я жаждалъ богатства, но жаждалъ его для власти, и богатство возвратитъ мнѣ утраченную власть; золотой ключь отомкнетъ запертыя двери самаго ада.... Еще свѣтъ увидитъ меня, болѣе чѣмъ въ прежней силѣ и могуществѣ. Несчетны были труды мои и пожертвованія для пріобрѣтенія богатствъ. О если бъ знали, какъ я еще силенъ, то съ жадностью бросились бы на сундуки мои съ золотомъ, схватили бы векселя мои Амстердамскіе, разграбили бы мои алмазы и жемчуги. Дѣти бываютъ зачастую ослушными, друзья предателями, облагодѣтельствованные неблагодарными: одно ты, милое золото, не подвержено несовершенствамъ человѣчества; ты служишь всѣмъ съ одинаковымъ усердіемъ и постоянствомъ, награждаешь дружбою, любовью, почестями, побѣдою—самою славою, не только своихъ любимцевъ и поклонниковъ, но всѣхъ, кто умѣетъ овладѣть тобою, какимъ бы ни было образомъ. И послѣ того глупцы называютъ жажду богатствъ страстью низкою, презрѣнною! Посмотрятъ они, какую громаду поверну я моимъ золотымъ рычагомъ. (слышится тихій стукъ) Я слышу стукъ, и въ такое позднее время. Кто бы осмѣлился? Не посягаютъ ли на мои сокровища! Не подкапываются ли подъ своды моей кладовой. Но я дешево ихъ не выдамъ! (беретъ пистолеты; стукъ увеличивается въ дверь) Кто тамъ? Отвѣчай скорѣе.

ГОЛОСЪ ЗА ДВЕРЬЮ.

Мнѣ нужно сказать слово наединѣ Князю Александру Даниловичу.

МЕНЬШИКОВЪ (*говоритъ скоро, убирая брилліанты*).

Кто ты? Какая надобность? Не время теперь.

ГОЛОСЪ ЗА ДВЕРЬЮ.

Я Князь Алексѣй Долгорукій, и мнѣ важное до тебя дѣло.

МЕНЬШИКОВЪ (*подумавъ*).

О! это безсребренникъ! Онъ не страшенъ: предъ нимъ разсыпь всѣ сокровища Могола, онъ и не взглянетъ на нихъ (отпираетъ дверь).

ЯВЛЕНІЕ V.

Князь Меньшиковъ и Князь Алексѣй Долгорукій.

МЕНЬШИКОВЪ.

Надобно, чтобы у тебя была большая до меня нужда, что ты пришелъ такъ рано?

ДОЛГОРУКІЙ.

Пребольшая.

МЕНЬШИКОВЪ.

Въ чемъ же дѣло? прошу сказать.

ДОЛГОРУКІЙ.

Князь Александръ Даниловичъ! сознайся, что ты жестоко со мною поступилъ: ты отнялъ у меня мое счастіе, жизнь мою, мою собственность....

МЕНЬШИКОВЪ (*насмѣшливо*).

Ни какъ ты, Князь Алексѣй, бредишь съ просонка. или изволишь надо мною шутить. Кажись, ты не умеръ. Вы съ братомъ первые любимцы Государевы; я ни копѣйки у тебя не бралъ, не занималъ—что за ахинею несешь ты?

ДОЛГОРУКІЙ.

Напрасно притворяться безпонятнымъ, Князь Александръ Даниловичъ. Ты въ жизнь свою ошибался только въ томъ, что думалъ быть всѣхъ хитрѣе.... Ты отгадалъ причину моего прихода, кой часъ услышалъ мой голосъ.

МЕНЬШИКОВЪ (*продолжая притворяться*).

И до сихъ поръ не понимаю въ чемъ дѣло. Не нужда ли тебѣ въ деньгахъ?

ДОЛГОРУКІЙ.

Оставь при себѣ свои сокровища, возьми всѣ мои: отдай мнѣ то, что давно мнѣ принадлежитъ, чего ты лишилъ меня такъ жестоко — отдай мнѣ Марію!

МЕНЬШИКОВЪ.

Развѣ ты забылъ, она невѣста Императора?

ДОЛГОРУКІЙ.

Была, но со вчерашняго дня она свободна. Государь всенародно отрекся отъ обязательства, исторгнутаго тобою у него въ малолѣтствѣ.

МЕНЬШИКОВЪ.

Какое торжество для Долгорукихъ! Они не только низпровергли Меньшикова, но у дочери его отняли ко-

рону, назначенную ей судьбою и волею покойной Императрицы.

ДОЛГОРУКІЙ.

Развѣ она была бы счастливѣе на тронѣ?

МЕНЬШИКОВЪ (*съ насмѣшкою*).

А! Ваше Сіятельство приняли на себя трудъ позаботиться объ ея благополучіи! Впрочемъ, я не знаю, можетъ ли нарѣченная невѣста Императора быть когда нибудь женою частнаго человѣка? Маша довольно богата составить партію и владѣтельному Нѣмецкому Принцу.....

ДОЛГОРУКІЙ.

Чтобы Вашей Свѣтлости опять не ошибиться въ разсчетахъ! (съ жаромъ) Теперь я вижу, что Меньшиковъ достоинъ своей участи: кто для тщеславія жертвуетъ своими дѣтьми, тотъ не стоитъ сожалѣнія, и только для твоего семейства я рѣшаюсь предупредить тебя—возьми мѣры сохранить что ни есть изъ своихъ сокровищъ...

МЕНЬШИКОВЪ. (*недовѣрчиво*).

Благодарю за милость....

ДОЛГОРУКІЙ.

Богъ свидѣтель, я говорю правду: чрезъ часъ, много черезъ два, явятся коммиссары, для описи въ казну твоего имущества движимаго и недвижимаго.

МЕНЬШИКОВЪ. (*встрѣвожась*).

Какъ! возможно ли?

ДОЛГОРУКІЙ.

Указъ уже подписанъ Государемъ, и отправленъ въ Правительствующій Сенатъ для исполненія.

МЕНЬШИКОВЪ (*приходя въ отчаяніе*).

Этого уже я не ожидалъ! Долгорукій! ты меня обманываешь; я не хочу тебѣ вѣрить, я не перенесу удара — я пропалъ, уничтоженъ! Они догадались. Предательство, измѣна окружаютъ меня.

ДОЛГОРУКІЙ.

Теперь ты почувствовалъ, Александръ Даниловичъ, какъ жестоко не имѣть ни одного друга?

МЕНЬШИКОВЪ (*продолжая завертывать драгоцѣнности, говоритъ самъ съ собою скоро*).

Постой! Тише! не достанутся же имъ богатства Меньшикова. Вотъ вексель на десять мильоновъ рублей, положенныхъ въ Венеціянскій Банкъ. Я подпишу на нихъ передачу. На кого? На Долгорукова. Но не дамъ ли я ему средства къ могуществу? не вложу ли ему въ руку противъ себя самого кинжалъ, котораго не въ состояніи буду отразить?.. Какое мученіе!.. Десять мильоновъ и самаго безкорыстнаго человѣка могутъ поколебать....

ДОЛГОРУКІЙ (*въ сторону*).

Я увѣренъ, что онъ ни на что не рѣшится, боясь минутою ранѣе выпустить изъ рукъ ненаглядное свое сокровище, и доведетъ до того, что у него все возмутъ силою. Всякому другому, кромѣ Меньшикова, я предложилъ бы себя для столь ничтожной послуги, но онъ такъ подозрителенъ....

МЕНЬШИКОВЪ (*подойдя быстро къ Долгорукому*).

Князь Алексѣй! Ты точно женишься на Машѣ, хотя бы она ни чего не имѣла?

ДОЛГОРУКІЙ.

Странный вопросъ!

МЕНЬШИКОВЪ.

И ни боишься ни родныхъ своихъ, ни немилости при Дворѣ? (слышенъ стукъ у дверей) Кто тамъ? Не коммиссары ли? А я еще ничего не успѣлъ сдѣлать!

ГОЛОСЪ ЗА ДВЕРЬЮ.

Я, мой другъ, съ Машинькою, пришли съ тобою посовѣтоваться.

МЕНЬШИКОВЪ.

Это княгиня. Сей-часъ отопру (Тихо Долгорукому). Выйдь, пожалуста, въ гардеробную; она не заперта. (въ сторону) Тяжело бремя на душѣ моей, а передать его еще тяжелѣе.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Князь, Княгиня, Княжна Меньшиковы.

КНЯГИНЯ.

Ты разстроенъ! Ужь не новое ли несчастіе постигло насъ?

МЕНЬШИКОВЪ.

Я не спалъ всю ночь.

КНЯГИНЯ.

Мы пришли просить тебя о большой милости.

МЕНЬШИКОВЪ.

Говорите.

КНЯГИНЯ.

Прикажи, ради Бога, уменьшить свиту нашу. Въ нашемъ положеніи приличнѣе простота и смиреніе, чѣмъ

пышность. Народъ ходитъ толпами на дворъ, смотрѣть на великолѣпные экипажи, готовые для отъѣзда нашего, и Богъ знаетъ что толкуетъ.

КНЯЖНА.

Не лучше ли намъ, батюшка, выѣхать изъ столицы вечеромъ?

КНЯГИНЯ.

У тебя столько непріятелей при Дворѣ; пожалуй и это безвинное, но, правду сказать, неумѣстное тщеславіе доведутъ до Императора въ превратномъ видѣ.... Но ты молчишь, не отвѣчаешь.... Кажется, тебѣ дурно.

КНЯЖНА (*подавая стулъ*).

Сядьте, батюшка. Вы отдохнете.... Боже мой! какъ онъ блѣденъ.

МЕНЬШИКОВЪ.

Друзья мои! я погубилъ васъ всѣхъ. Вы ничего больше не имѣете, не имѣете насущнаго пропитанія!

КНЯГИНЯ.

Другъ мой! что такое?

МЕНЬШИКОВЪ.

То, что по указу Царскому, мы лишены всего нашего имущества.

КНЯГИНЯ.

Боже мой! какъ же ты узналъ объ этомъ?

МЕНЬШИКОВЪ.

Меня предувѣдомилъ Князь Алексѣй.

КНЯЖНА.

Возможно ли? Тотъ, кто былъ причиною вашего паденія? Не кроются ли тутъ новые противъ васъ замыслы?

МЕНЬШИКОВЪ.

Нѣтъ! онъ предупредилъ меня, чтобы я успѣлъ сохранить что нибудь для будущаго нашего существованія.

КНЯГИНЯ.

Ты, вѣрно, воспользовался его совѣтами?

МЕНЬШИКОВЪ.

Воспользуюсь.... Я хочу передать векселя на Венеціянскій Банкъ, но ты знаешь, какъ трудно найти человѣка, которому можно бъ было ввѣриться. Насъ всѣ предали.

КНЯГИНЯ.

Мнѣ кажется, Богъ посылаетъ тебѣ такого человѣка.

МЕНЬШИКОВЪ.

Кто же онъ?

КНЯГИНЯ.

Тотъ, кто поступилъ съ тобою такъ благородно, великодушно, не смотря на личную къ тебѣ непріязнь. О, я ручаюсь, что Князь Алексѣй сохранитъ и выполнить твою тайну, какъ лучшій другъ нашъ!

КНЯЖНА.

Нѣтъ, матушка, лучше остаться въ нищетѣ, чѣмъ быть обязаннымъ признательностью первому виновнику несчастія батюшки....

ДОЛГОРУКІЙ (*въ дверяхъ*).

И это награда за любовь мою! Княгиня справедвѣе... Клянусь....

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Князь Алексѣй, Князь Иванъ Долгорукіе, и Коммиссары.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

По волѣ Его Императорскаго Величества, объявляю, что Князь Меньшиковъ, за лихоимство и многія беззаконныя стяжанія, лишается всего своего имущества, которое поступаетъ въ казну. Изволь выдать господамъ Коммиссарамъ документы на недвижимое имѣніе, а остальное, что ни найдется при васъ, въ вашемъ домѣ, въ кладовыхъ и подвалахъ, опишется, и ко всему приложится дворцовая печать. (Коммиссарамъ) Приступайте къ дѣлу. (Одни отбираютъ вещи, бывшіе при Князѣ перстни, табакерку, часы; другіе печатаютъ конторку, и проч.),

МЕНЬШИКОВЪ.

Нельзя ли повременить исполненіемъ указа? Я чувствую себя весьма нездоровымъ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ (*съ насмѣшкою*).

О, не безпокойтесь, Александръ Даниловичъ! Гг. Коммиссары не допустятъ васъ ни до какихъ болѣе хлопотъ и заботъ. Они и безъ васъ все найдутъ и укладутъ.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ.

Князь Иванъ Алексѣичъ! не прибавляй оскорбленій къ несчастію.

МЕНЬШИКОВЪ.

Теперь я вижу, что мы погибли безвозвратно; непріятели мои не ограничатся тѣмъ, что захватятъ въ руки свои силу и кредитъ, пріобрѣтенные мною вѣрною службою тремъ Монархамъ, на ратномъ полѣ и въ дѣлахъ посольскихъ и государственныхъ (съ насмѣшкою на Долгорукихъ), а не на паркетѣ....Имъ еще нужны мои богатства, купленныя также кровію и трудами неусыпными для славы и пользы отечества. О, они не успокоятся, пока не уморятъ меня со всѣмъ семействомъ голодною смертію!

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Позднія жалобы! Съ голода вы не умрете: вамъ пойдутъ кормовыя деньги, а заслуги ваши обсужены уже въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ.

КНЯЖНА.

Успокойтесь, батюшка. Мы не допустимъ васъ до крайности; мы будемъ работать для васъ день и ночь.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ.

Братецъ! пощади несчастнаго....

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Меньшиковъ самъ никого не щадилъ.

МЕНЬШИКОВЪ (*въ отчаяніи*).

Княгиня! возьми съ собою дѣтей; поди къ Государю; кинься къ нему въ ноги, проси, умоляй, да позволитъ мнѣ предстать предъ себя, изобличить коварство враговъ моихъ! Скажи, что я не переживу его немилости... Неужели онъ будетъ глухъ къ воплямъ семей-

ства, за нѣсколько часовъ ему столь близкаго? Не тронется слезами той, которую готовъ былъ назвать на вѣкъ своею?... О нѣтъ!.. Я знаю доброе сердце юнаго Монарха нашего; ему неизвѣстно, какому униженію, какимъ мукамъ предали насъ враги наши, исхитившіе предательски его согласіе на мою погибель, безъ всякой вины моей....

КНЯГИНЯ.

Готова, мой другъ, выполнить волю твою; истощу послѣднія силы въ угодность твою; выпью послѣднюю чашу униженія! Но не предвѣщаю никакого успѣха: насъ къ Государю не допустятъ! (ослабѣваетъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Баронъ Остерманъ.

КНЯЖНА.

Не отчаявайтесь, матушка! Вѣрно, Андрей Иванычъ является къ намъ съ утѣшительною вѣстью....

КНЯГИНЯ.

Напротивъ, Машинька, предчувствую, что онъ пришелъ вѣстникомъ новаго, жесточайшаго удара.

КНЯЖНА.

Быть не можетъ, чтобы Баронъ, облагодѣтельствованный батюшкою болѣе всѣхъ, увѣрявшій при всѣхъ насъ въ вѣчной преданности своей и благодарности, чтобы онъ измѣнилъ ему, а тѣмъ болѣе принялъ на себя непріятное къ нему порученіе!

КНЯГИНЯ.

Какъ же ты худо знаешь свѣтъ, Машинька! Этого

рода люди возвышаются на паденіи своихъ благодѣтелей и всѣхъ усерднѣе роютъ имъ яму.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ.

Ради Бога, Баронъ, потерпите не много; сжальтесь надъ состояніемъ бѣдной Княгини; она не перенесетъ новаго удара.

ОСТЕРМАНЪ (*иронически*).

Напротивъ, гораздо безжалостнѣе оставлять друзей своихъ въ ожиданіи приговора.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Нельзя медлить. Съ разсвѣтомъ дня, Меньшиковы должны быть вывезены изъ столицы. (съ издѣвкою) Ужь и Чухонскія колесницы стоятъ у крыльца.

ОСТЕРМАНЪ (*Меньшикову*).

Мнѣ, право, очень жаль, Александръ Даниловичъ, быть исполнителемъ рѣшенія Верховнаго Тайнаго Совѣта.

МЕНЬШИКОВЪ (*въ испугѣ и разстройствѣ*).

Что еще? Не голова ли моя нужна вамъ?

ОСТЕРМАНЪ.

Нѣтъ! жизнь тебѣ дарована отъ щедротъ Его Императорскаго Величества, а Верховный Совѣтъ присудилъ, за многія твои преступленія, въ томъ числѣ за причиненіе несчастія Царевичу Алексѣю Петровичу, за тайную переписку съ Шведскимъ Сенатомъ, во время болѣзни покойной Императрицы, за притѣсненія Герцога Голстинскаго и разныя казенныя похищенія и злоупотребленія, лишить тебя всѣхъ чиновъ и титуловъ и сослать на вѣчное заточеніе въ Березовъ.

МЕНЬШИКОВЪ.

Все ли? Доканчивай скорѣе....

ОСТЕРМАНЪ (*съ издѣвкою*).

Кажется, довольно и того. Теперь прошу сложить ордена свои, и вмѣсто фельдмаршальскаго мундира облачиться въ патріархальный нарядъ. Онъ спокойнѣе для столь дальняго путешествія. (Княгиню и Княжну выводятъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, безъ Княгини и Княжны.

МЕНЬШИКОВЪ (*подумавъ нѣсколько*).

Принимайте, только не падите сами подъ давленіемъ этихъ свѣтилъземныхъ. (Снимаетъ постепенно свои ордена). Вотъ орденъ Андрея Первозваннаго: я получилъ его въ одно время съ Петромъ Великимъ; мы вошли рука объ руку на Шведскій фрегатъ, по висячей лѣстницѣ, подъ градомъ пуль и картечь. Этотъ Датскій орденъ Слона надѣлъ на меня съ плеча своего Фридрихъ IV, за взятіе Теннингена и разбитіе Штейнбока. Чернаго Орла купилъ я у Прусскаго Короля за Штеттинъ. Бѣлымъ Орломъ отплатилъ мнѣ Августъ за престолъ Польскій. Возьмите и бриллянтовую трость, пожалованную мнѣ за побѣду подъ Калишемъ? снимите съ меня и фельдмаршальскій мундиръ, надѣтый на полѣ Полтавскомъ, но оставьте мнѣ портретъ моего отца благодѣтеля.—Ахъ? я предъ нимъ болѣе всѣхъ виновенъ, но Петръ взвѣшивалъ преступленія съ заслугами, милость хвалилась на судѣ его. Онъ, вѣрно, простилъ меня

и на томъ свѣтѣ. (На него надѣваютъ сѣрый армякъ, горько улыбаясь) Человѣкъ обыкновенно превращается въ первобытное свое состоянiе, въ горсть пыли по смерти, а со мной совершилось преобразованiе при жизни. Ахъ! еслибы возвратилось мнѣ и сердце непорочной юности! (Кидается въ кресла и закрывает лицо рукою).

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ.

Онъ падетъ подъ ударомъ.....

ОСТЕРМАНЪ.

А сколькихъ онъ самъ угостилъ подобными ударами! По крайней мѣрѣ, собственная совѣсть докладываетъ Меньшикову, что наказанiе вполнѣ имъ заслужено и великодушно, а бѣдные Дивiеръ, Писаревъ, Бутурлинъ, Толстой, Ушаковъ, Нарышкинъ безжалостно, безвинно отторгнуты имъ изъ семействъ, поруганы и разосланы въ заточенiе, за то только, что казались ему опасными по уму!

ЯВЛЕНIЕ X.

Тѣже и Княжна (*одѣтая въ сарафанъ и душегрѣйку*).

КНЯЖНА.

Батюшка! намъ сказали, что вамъ сдѣлалось дурно.

МЕНЬШИКОВЪ (*вставая съ необыкновенною бодростью*).

Было дурно, очень дурно, мой другъ, но съ тѣхъ поръ, какъ сложилъ съ плечъ своихъ вериги суеты мiрской, мнѣ стало гораздо легче; я чувствую себя не-

обыкновенно здоровымъ, твердымъ и спокойнымъ. Ба, Машинька! Да какъ же ты хороша въ новомъ своемъ нарядѣ! Ты не была такъ прелестна и въ царской порфирѣ! Признаюсь, однако жь, что часомъ прежде ты привела бы меня въ отчаяніе. Господа! вотъ вамъ практическій урокъ превратности міра сего.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ.

Когда кончилось бореніе страстей, я могу, кажется, ходатайствовать за чувство самое чистое, святое.. .

КНЯЗЬ ИВАНЪ (*отвадывая его*).

Чтò ты хочешь сказать, Алексѣй?

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ.

То, братецъ, что любовь моя къ Маріи не только не уменьшилась при ея нынѣшнемъ положеніи, но усилилась, если только можетъ усилиться самая чистая, пылкая страсть.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Безумецъ! чего ты желаешь?

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ (*съ твердостью*).

Своего счастія, и кто меня любитъ, вѣрно, не воспрепятствуетъ въ томъ, вѣрно будетъ содѣйствовать ему. Александръ Даниловичъ! неужели и теперь я недостоинъ руки твоей дочери? неужели и теперь не довѣришь чистотѣ и постоянству моихъ чувствъ къ Маріи?

МЕНЬШИКОВЪ.

Я съ моей стороны готовъ, для счастія Машиньки, забыть въ тебѣ злѣйшаго врага своего.

КНЯЖНА.

Но можетъ ли быть счастлива дочь ваша съ виновникомъ вашего несчастія? Можетъ ли она покинуть васъ и матушку въ вашемъ положеніи, тогда, какъ она для васъ столь необходима?... Князь Алексѣй! ты самъ сталъ бы не уважать, презирать меня, если бы я оставила моихъ родителей, если бы я иначе поступила... Мы терпѣли, потерпимъ еще....

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ *(въ отчаяніи)*.

И такъ, Марія, я ошибался въ твоихъ ко мнѣ чувствахъ: ты никогда меня не любила!...

КНЯЖНА.

Богъ видитъ, какъ я тебя любила и — люблю... (*Закрывъ лицо руками, убѣгаетъ.*)

ОСТЕРМАНЪ.

Вотъ чувства, достойныя лучшей участи! Мы не знали Маріи...

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ КАРТИНЫ.

ИЗГНАННИКЪ.

КАРТИНА ТРЕТІЯ.

(Сибирь, въ 1730 году.)

*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Меньшиковъ, Александръ Данилычъ.

Александръ, сынъ его.

Маша.
Саша. } дочери его.

Витусъ Берингъ, мореходецъ.

Графъ Дивіеръ, зять Меньшикова.

Сандакъ, Остякъ.

Алексѣй Долгорукій, бывшій оберъ-егерьмейстеръ.

Приставъ изъ **Нѣмцовъ**.

Казаки.

Домочадцы.

Якуты и **Остяки.**

ИЗГНАННИКЪ.

КАРТИНА ТРЕТІЯ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ внутренность чистой Руской избы. Меньшиковъ, съ топоромъ въ рукѣ, дѣлаетъ лопату; Марія, въ фартукѣ, стряпаетъ у печки, а сестра ея, Саша, въ другомъ углу штопаетъ бѣлье.

МЕНЬШИКОВЪ (*воздѣвъ глаза къ небу*).

Господи! прости невольному ропоту души моей, тогда, какъ одни благословенія должны вылетать изъ груди, недостойной наслаждаться тѣмъ счастіемъ, которое ниспосылаешь Ты по единой своей благости. Но Тебѣ открыто мое сердце, Ты видишь причину моей скорби и простишь родительскому чувству. Съ нѣкотораго времени я замѣчаю, что Машинька таетъ какъ свѣчка; боюсь отгадать причину ея грусти, боюсь и спросить ее, но не могу болѣе выдержать. Можетъ быть, она посовѣстится признаться въ своей слабости при

сестрѣ; надобно удалить ее отсюда. *(Подумавъ, обращается къ Сашѣ)* Сашинька! отнеси топоръ мой къ Михайлу, и пособи ему повострить его на точилѣ.

САША.

Слушаю, батюшка! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Меньшиковъ и Марія.

МЕНЬШИКОВЪ.

Маша! Зная твое возвышенное сердце, я увѣренъ, что ты давно простила меня за то униженіе, въ которое ввергло васъ мое самолюбіе. Должно быть другому чувству, которое тяготѣетъ надъ тобою, которое не въ состояніи ты побѣдить ни какими усиліями разсудка.

МАРІЯ.

Вы не ошиблись, батюшка. Ничто, ни молитвы, ни собственный примѣръ вашъ, не могутъ успокоить моего бѣднаго сердца, не могутъ спасти меня отъ раскаянія.

МЕНЬШИКОВЪ *(болѣе съ кротостію чѣмъ съ удивленіемъ)*.

Отъ раскаянія? Неужели есть въ чемъ тебѣ раскаяваться, добрый мой ангелъ!

МАРІЯ.

Во многомъ, очень во многомъ! Я не могу равнодушно видѣть васъ, батюшка, съ топоромъ въ той рукѣ, которая повелѣвала жезломъ фельдмаршальскимъ.

МЕНЬШИКОВЪ.

А развѣ я самъ не покорился чистосердечно судьбѣ своей? Развѣ не примирился я съ несчастіемъ, которое

столь достойно заслужилъ? Нѣтъ! Развѣ я не счастливѣе въ этомъ смуромъ кафтанѣ простолюдина, чѣмъ былъ въ золотомъ мундирѣ фельдмаршальскомъ! Развѣ грудь моя, опоясанная этимъ грубымъ ремнемъ, не свободнѣе дышитъ, чѣмъ подъ алмазными звѣздами? И какъ бы ты могла остановить правосудіе Божіе?

МАРІЯ (*стыдливо*).

Если бъ я приняла предложеніе Князя Алексѣя....

МЕНЬШИКОВЪ (*перерывая*).

И ты думаешь — онъ рѣшился бы мнѣ испросить прощеніе у Государя, избавилъ бы насъ отъ ссылки? — О! ты ошибаешься, другъ мой Машинька! Долгорукіе не допустили бы его до такого великодушія....

МАРІЯ (*съ жаромъ*).

Ахъ! батюшка, вы еще доселѣ не знаете Алексѣя; ошибочно цѣните его чувства....

МЕНЬШИКОВЪ.

Но я лучше тебя знаю сердце царедворцовъ, временщиковъ. Съ потерею уваженія, онъ потерялъ бы къ тебѣ самую пламенную любовь. Обладая тобою, онъ скорѣе бы еще забылъ тебя, чѣмъ теперь, въ чаду мишурнаго своего величія и отравы обманчивой славы. По крайней мѣрѣ, теперь, если когда-нибудь онъ вспомнитъ о тебѣ, то вспомнитъ безъ презрѣнія, отдастъ невольно дань справедливости жертвѣ, которую ты принесла для своихъ родителей, (*со слезами*) которая усладила послѣднія минуты жизни твоей матери! Душа ея отлетѣла изъ сей юдоли, веселясь, что оставила въ тебѣ ангела

утѣшителя своему семейству.... И послѣ того, ты можешь раскаяваться?....

МАРІЯ.

Батюшка! вѣрно, худо я выразилась: справедливѣе было бы сказать, что я мучусь сожалѣніемъ, не принеся себя въ жертву для спасенія моего семейства; что вообраjеніе мое упрекаетъ меня, какъ виновницу бѣдствія брата и сестры,—бѣдствія, которое, можетъ быть, стоило жизни незабвенной нашей матери. Ахъ! это ужасно....

МЕНЬШИКОВЪ (*цѣлуя ее*).

Успокойся, милое дитя мое! и вѣрь, какъ истинная христіанка, что ничья рука не могла спасти меня отъ праведнаго наказанія милосердаго Судіи. Какъ добрая дочь, радуйся за отца своего: изъ презрѣннаго раба страстей онъ сдѣлался человѣкомъ; онъ имѣетъ надежду искупить прежнія свои заблужденія и преступленія душевнымъ раскаяніемъ и молитвою. Онъ простилъ врагамъ своимъ, и чистосердечно сознается, что недостоинъ ни одного друга на землѣ; не ропщетъ на забвеніе людей, коимъ онъ сдѣлалъ столько зла, тогда, какъ имѣлъ столько возможности быть полезнымъ, и, вмѣсто проклятій, унесть съ собою благословенія, купить, по крайней мѣрѣ, сожалѣніе соотечественниковъ къ страданіямъ своего семейства....

МАРІЯ.

Не будьте такъ несправедливы къ себѣ и людямъ. Вы имѣете еще и друзей благодарныхъ. Можетъ быть, страхъ заставляетъ ихъ скрываться и ограничиваться малыми намъ пособіями....

МЕНЬШИКОВЪ.

А, понимаю! Ты хочешь сказать о томъ небольшомъ стадѣ рогатаго скота и домашнихъ птицъ, коими снабдила насъ въ сей плачевной странѣ какая-то благодѣтельная рука, и избавила, можетъ быть, отъ голодной смерти.

МАРІЯ.

Неужели вы доселѣ не узнали, кто этотъ скрытный другъ нашъ? Надобно, чтобы, кромѣ возможности сдѣлать благодѣтельное пожертвованіе, онъ имѣлъ и большую власть, заставивъ мѣстное начальство втайнѣ содѣйствовать своему благодѣянію. Иначе, какъ-бы перевесть этихъ добрыхъ животныхъ черезъ безконечныя, холодныя степи и лѣса, раздѣляющіе насъ отъ жилаго свѣта?

МЕНЬШИКОВЪ.

Нѣтъ, не узналъ; но догадываюсь, и, кажется, мы съ тобою одного мнѣнія.

МАРІЯ (*потупивъ глаза*).

Признаюсь, батюшка, что одного Долгорукаго я считаю способнымъ на столь доброе дѣло; увѣрена даже, что онъ втайнѣ старается помочь вамъ....

МЕНЬШИКОВЪ.

Наконецъ, я довелъ тебя до признанія, жестокая! И такъ, я отгадалъ причину твоей скорби и болѣзни? Ты его любишь, столь же горячо, пламенно....

МАРІЯ.

Люблю, точно люблю, какъ нельзя больше, но....

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и молодой Меньшиковъ.

МОЛОДОЙ МЕНЬШИКОВЪ (*вбѣжавъ запыхавшись*).

Батюшка! я прибѣжалъ за помощію. Давича на свѣту пробирался я черезъ черный боръ на Обь, ставить привады для песцовъ, какъ послышались мнѣ человѣческіе стоны въ Шайтанской Балкѣ. Съ помощію Божіей спустился я на дно и нашелъ два полузамерзшія тѣла, недалеко одно отъ другаго. Одно лежало подъ издохшимъ оленемъ, а другое на каменьяхъ. Видно, бѣдняковъ сбросило въ оврагъ вчерашнею бурей, которая переломала множество деревъ и скатила каменныя горы въ пропасть.

МЕНЬШИКОВЪ (*съ нетерпѣніемъ*).

Сказывай скорѣе, чтò ты съ ними сдѣлалъ?

МАРІЯ.

Живы ли они? Побѣжимъ къ нимъ поскорѣй!

МОЛОДОЙ МЕНЬШИКОВЪ.

Оба очнулись ото льду, которымъ теръ я имъ головы болѣе двухъ часовъ, и одного, чтò былъ подъ оленемъ, вывелъ уже на боръ, но другому безъ сильной помощи не выкарабкаться изъ оврага: онъ постарѣе офицера.

МЕНЬШИКОВЪ.

Такъ дадимъ же ему помощь. Кликни Осипа и Михайла; они поздоровѣе: можетъ быть, нужно будетъ вынести бѣднаго странника.

МАРІЯ.

Батюшка! возьмите и меня съ собою, и я могу вамъ быть полезна при этомъ случаѣ.

МЕНЬШИКОВЪ.

Нѣтъ, душенька, ты нужнѣе и полезнѣе здѣсь. Приготовь добрый завтракъ. Это часто, лучше заморскихъ лекарствъ возстанавливаетъ силы усталыхъ и избитыхъ путешественниковъ. (*Помолясь Богу, надѣваетъ шляпу и уходитъ съ сыномъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАРІЯ.

Братъ сказалъ, что одинъ изъ несчастныхъ странниковъ, офицеръ. Ужь не изъ Петербурга ли онъ? Не узнаю ли я чего объ немъ? — Сердце мое изныло неизвѣстностію, ожиданіемъ.... Каждаго Остяка, пробѣгающаго на лыжахъ по лѣсу, я готова встрѣтить какъ радостнаго вѣстника; съ каждымъ дикаремъ, летящимъ на собакахъ по сугробамъ — думаю получить отрадную вѣсть.... И вотъ болѣе двухъ лѣтъ обольщаю себя надеждою, стараюсь оправдывать его.... Но, нѣтъ! Если бы онъ любилъ меня такъ, какъ увѣрялъ, какъ клялся, то могъ ли бы самъ оставаться столь долго въ неизвѣстности обо мнѣ? могъ ли равнодушно видѣть наше изгнаніе? могъ ли бы предаваться веселью и милостямъ дворскимъ? Нѣтъ! Окруженная собственнымъ своимъ Дворомъ, вознесенная на первую ступень человѣческаго величія — я объ немъ одномъ думала, я

предпочла бы его и тогда всѣмъ на свѣтѣ, хотя бы онъ былъ въ самой низкой долѣ..... (*Закрываетъ въ отчаяніи лицо руками*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Марія, Меньшиковъ и Берингъ.

МЕНЬШИКОВЪ.

Я боюсь, Г. офицеръ, что въ бѣдномъ жилищѣ моемъ, ты не найдешъ спокойствія и пособій, которыя желалъ бы я тебѣ доставить. По крайней мѣрѣ, отъ всего сердца предлагаю тебѣ теплый уголъ для отдохновенія, а мѣсто врача замѣнитъ, вотъ, дочь моя, большая охотница собирать цѣлебныя травы и составлять изъ нихъ мази и настойки.

БЕРИНГЪ.

Благодарствуйте. Это уже гораздо болѣе, чѣмъ я могъ ожидать въ Березовѣ.....

МАРІЯ.

Не ушиблись ли вы, Г. офицеръ? Не имѣете ли надобности въ какомъ пособіи?

БЕРИНГЪ.

Благодарю покорно; но, кажется, я отдѣлался счастливѣе, чѣмъ полагалъ, слетѣвъ вмѣстѣ съ моимъ рогатымъ конемъ въ такую пропасть и пролежавъ подъ нимъ цѣлую ночь.

МЕНЬШИКОВЪ.

Неужели ты странствуешъ съ однимъ только товарищемъ по этимъ дремучимъ, безконечнымъ лѣсамъ,

гдѣ часто самые опытные звѣроловы теряются и гибнутъ!

БЕРИНГЪ.

Нѣтъ, *Годдемъ!* Съ нами изъ Охотска откомандировали цѣлый экипажъ Остяковъ, Якутовъ, оленей, собакъ. Но бездѣльники разбѣжались, какъ Остъ-Индскіе корабли отъ корсара, при первомъ ревѣ бури и медвѣдей, оставя насъ на произволъ судьбы и, трусливыхъ, какъ они же, оленей, а эти проклятыя животныя и завезли насъ въ ровъ, гдѣ бы лежать намъ, можетъ быть, до втораго пришествія, если бы не добрый, безстрашный твой сынокъ....

МЕНЬШИКОВЪ.

Онъ выполнилъ только свою обязанность.

БЕРИНГЪ.

Какая чортъ обязанность, *Годдемъ!* Кубыремъ катиться на дно бездонной пропасти, спасать мертвецовъ, когда самому на каждомъ шагу предстояла смерть! Видно, вы не въ столицѣ учились обязанностямъ гражданина? Ха, ха, ха! Тамъ, братцы, и друзья смотрятъ, какъ бы не вытащить изъ пропасти лучшаго друга своего, а попроворнѣе столкнуть еще поглубже туда, чтобы самому было попросторнѣе.

МЕНЬШИКОВЪ.

Дай Богъ этого не знать, не только видѣть!

БЕРИНГЪ.

Хоть на недѣльку отвезъ бы тебя, старинушка, во дворецъ спѣсиваго нашего Князя Александра Даниловича

Меньшикова, и посмотрѣлъ бы потомъ, *Годдемъ!* что̀ бы сталъ ты называть обязанностями гражданина!

МАРІЯ *(въ сторону).*

Боюсь, чтобы какимъ-нибудь непріятнымъ воспоминаніемъ, онъ не помутилъ спокойствія батюшки, и опять не разстроилъ его на долгое время.... *(Къ Беренгу)* Господинъ путешественникъ, не угодно ли вамъ подкрѣпить ваши силы деревенскимъ завтракомъ—чѣмъ Богъ послалъ?

МЕНЬШИКОВЪ.

Изволь кушать, на здоровье, а мы сходимъ къ твоему товарищу. Маша! не забудь взять съ собою скляночку спирту, да муравьинаго масла.

БЕРИНГЪ *(садясь за столъ).*

Ступайте себѣ куда угодно, а я останусь, *Годдемъ!* кажется, въ доброй компаніи, и отомщу лихо надъ этою масляною кашею посту у проклятыхъ Вогуловъ, которыхъ всѣхъ стоило бы искрошить въ кашу. Да, не лучше ли, старинушка, и тебѣ подсѣсть ко мнѣ? Неужели ты не усталъ еще? Я вѣдь слышалъ, какъ ты кряхтѣлъ, вытаскивая на своихъ плечахъ моего товарища изъ пропасти, и только дивился. Я и безъ ноши, при помощи твоего сынка, насилу изъ нея выкарабкался на свѣтъ Божій. И что за охота была тебѣ, право, изъ доброй воли нести этого старика, когда могли бы избавить тебя отъ такого труда тѣ двое дюжихъ мужиковъ, которыхъ ты привелъ съ собою?

МЕНЬШИКОВЪ.

На такія дѣла Богъ даетъ силу.

Уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

БЕРИНГЪ.

God bless my soul! Чѣмъ больше я вглядываюсь въ лицо этому старику, тѣмъ болѣе кажется онъ мнѣ знакомымъ.... Но, безъ сомнѣнія, это одно сходство, одна игра природы, нерѣдко дивной въ своихъ явленіяхъ. Да, я скажу самому Князю Александру Даниловичу, что на краю снѣжной Сибири встрѣтился съ его двойникомъ, и если бы не чудная свѣжесть и крѣпость Сибиряка по его лѣтамъ доказывали его давнишнюю привычку къ полевымъ работамъ, еслибы не написаны были рѣзкими чертами на лицѣ его душевное спокойствіе и умѣренность, незнаемыя царедворцамъ: то можно бы принять его за нашего надмѣннаго, неприступнаго фельдмаршала. (*Съ улыбкою*) Но, можетъ быть, и этотъ честный, добрый поселянинъ не уступилъ бы Меньшикову въ тщеславіи, корыстолюбіи и мстительности,–окружи только его льстецами и завистниками... Какъ теперь вижу Его Свѣтлость, развалившимся на золотомъ стулѣ своемъ, при отправленіи меня въ Охотскъ, хотя прошло тому три года. *Годдемъ!* Надобно имѣть серьёзное съ нимъ дѣло, чтобы разгадать геній этого необыкновеннаго человѣка, и понять причину неограниченной любви и довѣренности къ нему нашего Великаго Петра, не смотря на его слабости. *Годдемъ!*

Онъ меня стараго, моряка, не разъ приводилъ въ изумленіе глубокими познаніями въ кораблестроеніи, навигаціи и политикѣ.... Конечно, Князь Александръ Даниловичъ теперь еще спѣсивѣе, еще не преступнѣе; можетъ быть, щеголяетъ въ герцогской или маркграфской коронѣ. Тѣмъ хуже для вельможъ и враговъ его, но для меня это лучше: онъ сильнѣе поддержитъ мои представленія Государю, и доставитъ случай довершить предпріятіе для славы Россіи и наукъ...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Берингъ, Меньшиковъ и нѣсколько Остяковъ.

МЕНЬШИКОВЪ.

Ну, слава Богу, товарищъ твой внѣ всякой опасности; я пустилъ ему кровь и перенесъ его въ теплую избу.

БЕРИНГЪ.

Пойти взглянуть на него.

МЕНЬШИКОВЪ.

Нѣтъ, дай ему успокоиться; покой всего ему нужнѣе. Кстати, вотъ явились и твои храбрые вожатые, Витусъ Егорычъ! (*Остяки и Якуты кидаются Берингу въ ноги, онъ ихъ пинаетъ*).

БЕРИНГЪ.

Ты знаешь мое имя? Кто сказалъ тебѣ, какъ зовутъ меня?

МЕНЬШИКОВЪ.

Мы старинные съ тобою пріятели.

БЕРИНГЪ.

God damn! неужели подозрѣнія мои справедливы? неужели ты, впрямъ, Свѣтлѣйшій Князь Меньшиковъ?

МЕНЬШИКОВЪ.

Я точно былъ Княземъ Меньшиковымъ, когда ты меня зналъ въ Петербургѣ, а теперь просто рабъ Божій Александръ Меньшиковъ. Сынъ мой изъ Оберъ-Каммергера сталъ искуснымъ плотникомъ, а дочь моя Маша, которая приготовила тебѣ завтракъ, изъ обрученной невѣсты Императора Петра II, сдѣлалась доброю хозяйкою и стряпухою.

БЕРИНГЪ (*съ удивленіемъ*).

Императора Петра II! А Государь Петръ I, а Императрица Екатерина Алексѣевна?

МЕНЬШИКОВЪ.

Ахъ! любезный Витусъ! сколько перемѣнъ произошло въ Россіи со времени отсутствія твоего? Ты у береговъ Америки не видалъ подобныхъ бурь, какія свирѣпствовали при Дворѣ! Вскорѣ послѣ твоего отъѣзда, отечество лишилось Великаго своего Преобразователя; за нимъ послѣдовала и супруга Его, Императрица Екатерина Алексѣевна. Теперь царствуетъ внукъ ихъ Петръ II, сынъ несчастнаго Царевича Алексѣя Петровича.

БЕРИНГЪ (*закрывъ лицо руками*).

Боже мой! И такъ я не увижу болѣе Великаго Царя, не услышу изъ устъ Его безцѣннаго спасибо, не получу отъ него поцѣлуя въ чело, для коихъ съ такою радостію

боролся я со льдами и бурями, съ безстрашіемъ шелъ на явную смерть! Но какимъ образомъ нахожу я здѣсь Вашу Свѣтлость? Какъ случилось чудное превращеніе съ свѣтлѣйшею фамиліею вашею?

МЕНЬШИКОВЪ.

Длинная исторія, любезный Берингъ; ужо, на досугѣ, сообщу тебѣ ее, а теперь скажу только, что если бы не потеря доброй жены, и не безпокойство о будущей судьбѣ дѣтей моихъ, то я считалъ бы себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, благословлялъ бы судьбу свою.

БЕРИНГЪ.

И такъ нѣтъ уже на свѣтѣ нашей доброй, благодѣтельной Княгини Дарьи Михайловны?

МЕНЬШИКОВЪ.

Да, какъ истинная Христіанка перенесла она ударъ судьбы, но не выдержала трудностей пути. (Со слезами) Скажи, однако же, Витусъ, когда будешь въ Петербургѣ, Долгорукимъ, что она чистосердечно простила жестокость ихъ... Вообрази: ее, бѣдную, посадили на телѣгу, не позволили покрыться даже рогожею отъ дождя и непогоды! (Плачетъ).

БЕРИНГЪ.

Это ужасно! Кажется, не было человѣка, кому бы не сдѣлалъ добра этотъ добрый ангелъ.

МЕНЬШИКОВЪ.

Перестанемъ, ради Бога, говорить о томъ, добрый Витусъ; я невольно дѣлаюсь преступникомъ передъ

Богомъ и людьми, позволяю себѣ роптать, тогда, какъ долженъ благословлять за великодушіе, коего я недостоинъ. (Оправясь) Скажи-ка мнѣ лучше, любезный Витусъ, успѣлъ ли ты въ своемъ предпріятіи? открылъ ли предполагаемый проливъ между Америкою и Сибирью? Ты помнишь, какое принималъ участіе я въ семъ великомъ дѣлѣ.

БЕРИНГЪ.

Кажется, мнѣ удалось разрѣшить трудную загадку, хотя опасеніе, чтобы не быть затертымъ льдами въ столь позднее время года, не допустило меня пробраться въ Сѣверный Океанъ.

МЕНЬШИКОВЪ.

Ахъ! съ какою радостію встрѣтилъ бы тебя Великій нашъ Благодѣтель, - царство Ему небесное! - съ какимъ торжествомъ извѣстилъ бы Онъ Голландскихъ Своихъ пріятелей и Французскую Академію, что просьба ихъ выполнена съ успѣхомъ!

БЕРИНГЪ.

По крайней мѣрѣ, я увѣренъ, что при помощи твоей, покойный Императоръ легко убѣдился бы въ необходимости довершить полезное предпріятіе.

МЕНЬШИКОВЪ.

О, безъ сомнѣнія... Петръ ничего не любилъ только начинать.

БЕРИНГЪ.

Между прочимъ и потому, что Онъ зналъ нравъ Своего народа. Петръ зналъ, что Рускій въ состояніи

выдержать самый сильный физическій и нравственный переломъ, не испытуй только его терпѣнія, не требуй отъ него желѣзнаго постоянства нашей братьи, Нѣмцовъ.

МЕНЬШИКОВЪ.

Правда! — Но для чего же оставилъ ты свое предпріятіе неоконченнымъ?

БЕРИНГЪ.

Для того, чтобы восторжествовать надъ всѣми препонами и самою природою. Практика всегда выше теоріи. Я убѣдился на опытѣ, что на худомъ кораблѣ, подобномъ моему Орлу, безразсудно бъ было въ другорядь пускаться далѣе 67 градуса сѣверной широты — отыскивать, между вѣчными льдами и туманами, неизвѣданные берега Америки и Азіи. Нѣтъ! надобно выстроить въ Камчаткѣ особеннаго рода корабль, или привесть такой изъ Англіи. Но сколь это ни важно для славы и пользы Россіи, я везу другія предположенія, несравненно еще большей важности и занимательности.

МЕНЬШИКОВЪ.

Весьма желалъ бы ихъ слышать. Вѣришь ли, любезный Витусъ, что мое сердце, охладѣвшее для всего мірскаго, суетнаго, сильно еще бьется при имени пользы, или славы отечества.

БЕРИНГЪ.

Очень вѣрю, Александръ Даниловичъ, и ты повѣрь, что и съ новыми предложеніями я болѣе всего на тебя надѣялся, зная, что ты поддержалъ бы ихъ. Я намѣренъ обратить вниманіе Правительства на рѣку Амуръ и пред-

ложить изслѣдовать устье сей золотой рѣки, а потомъ открыть по ней судоходство, которое должно принести въ Россію богатства Индіи, Китая и Японіи, собравшихъ со всего свѣта, Древняго и Новаго, всѣ драгоцѣнные металлы и камни.

МЕНЬШИКОВЪ.

Планъ твой не былъ бы новымъ для покойнаго Императора. Знаешь ли, что Петръ не рѣдко со мною разсуждалъ объ этомъ предметѣ и было время, когда онъ колебался даже между Сибирью и Финляндіею для избранія новой столицы Имперіи..... Отдаленность его не устрашила бы....

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, Марія и молодой Меньшиковъ.

МОЛОДОЙ МЕНЬШИКОВЪ.

Батюшка! больной старикъ нашъ убѣжалъ изъ горницы и ищетъ оленя, чтобы уѣхать.

МЕНЬШИКОВЪ *(весело)*.

Я ожидалъ этого. — За чѣмъ же ты, Машинька, не уговорила его?

БЕРИНГЪ.

God damn! Это довольно странно!

МАША.

Мы съ Александромъ старались всячески останавливать его, но онъ, какъ будто ничего не слышитъ, ничего не понимаетъ, что-то вспоминаетъ и содрагается.

БЕРИНГЪ.

God damn! Это похоже на припадки бѣлой горячки.

МЕНЬШИКОВЪ.

Нѣтъ, друзья, онъ не боленъ горячкою, а вѣрно узналъ меня. Образъ мой, подобно кровавому привидѣнію, пугаетъ его воображеніе, напоминая мою жестокость, мои злодѣянія.... Знайте: это родной дядя вашъ, Дивьеръ. Я не смѣю приблизиться къ нему, не смѣю просить у него прощенія, котораго я недостоинъ. — Бѣгите, падите ему въ ноги, заклинайте его, чтобы онъ вернулся, чтобы сжалился надъ моимъ мученіемъ и раскаяніемъ.....

БЕРИНГЪ.

Пойду и я съ вами; можетъ быть, онъ меня послушаетъ.

Уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Меньшиковъ и Остяки.

МЕНЬШИКОВЪ.

Я узналъ Дивіера съ перваго взгляда, не смотря на сѣдины его и сильное измѣненіе въ чертахъ! Сердце мое сказало, что я вижу передъ собою жертву преступнаго моего величія и власти.... О, какъ страшно вздрогнулъ онъ, когда на рукахъ моихъ, открывъ впервые глаза свои, устремилъ ихъ на меня! Могильный трепетъ пробѣжалъ по охладѣвшимъ членамъ его: я думалъ, что ликъ мой, ликъ его палача, убьетъ несчастнаго, и воскресеніе его обрадовало меня болѣе собственной

моей жизни. Нѣтъ! Ты не уѣдешь отсюда, жестокій, не простя меня.... Неужели собственныя страданія не смягчили праведнаго твоего гнѣва (Ходитъ скорыми шагами по горницѣ)

ОСТЯКЪ.

Скажи, бачка, Аксакулу, виновата: онъ и приказать не много спину содрать.

МЕНЬШИКОВЪ (*машинально*).

Да, другъ, я готовъ вытерпѣть всякое наказаніе, лишь бы Дивіеръ простилъ меня.....

ОСТЯКЪ.

Уменъ, бачка, больно уменъ; я глупа Остякъ, не люблю палка на спинъ, и мы сказать тебѣ спасибо: вели ему побить себя харашо за насъ—мы виновата.

МЕНЬШИКОВЪ (*съ горькою улыбкою*).

И въ большомъ свѣтѣ не также ли переводятъ заслуженныя палки на чужія спины, только поискуснѣе, не столь откровенно, какъ этотъ сынъ дикой природы?.....

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, Дивіеръ и Маша.

МЕНЬШИКОВЪ (*бѣжитъ къ нему съ распростертыми объятіями*).

Братъ! ты простилъ меня?

ДИВІЕРЪ.

Надобно быть каменнымъ, родиться съ желѣзнымъ сердцемъ, чтобы отказать въ чемъ нибудь этому ангелу

(*указывая на Машу*). Признаюсь, она побѣдила меня, она примирила насъ. Итакъ, Александръ, забудемъ прежнее, забудемъ все, кромѣ того, что мы братья и были нѣкогда друзьями (*обнимаются*).—Меньшиковъ, мнѣ возвращено имѣніе, по милости Государя Императора Петра II. Ты ничего не имѣешь, но ты несравненно меня богаче, обладая такимъ сокровищемъ! (*Цѣлуетъ Машу*).

МЕНЬШИКОВЪ.

Добавь; и счастливѣе ею въ нищетѣ своей и ничтожествѣ, чѣмъ ты, возвращающійся къ богатствамъ и почестямъ.

ДИВІЕРЪ.

Душевно радуюсь, что ты такъ чувствуешь, что ты умѣлъ забыть бывшее свое положеніе. Но неужели ты можешь сносить равнодушно мысль, что погребъ съ собою въ снѣгахъ Сибирскихъ сокровище, созданное для украшенія свѣта! Неужели не страшитъ тебя судьба невинныхъ дѣтей твоихъ?....

МАША.

Дядюшка! не безпокойтесь объ насъ: наше счастіе зависитъ совершенно отъ здоровья и спокойствія батюшки.

МЕНЬШИКОВЪ.

Ты правъ, Дивіеръ: до сей минуты участь дѣтей моихъ отравляла послѣдніе дни моей жизни. Знаешь ли, что не разъ покушался я отыскивать тебя среди непроходимыхъ лѣсовъ Сибири, увѣренъ будучи, что ты не отказалъ бы мнѣ въ прощеніи для моихъ сиротъ; у нихъ, кромѣ тебя, не остается на землѣ ни одного покро-

вителя, ни одного роднаго. Теперь я умру спокойно, оставляя имъ ангела хранителя.

ДИВІЕРЪ.

Да, друзья мои! первымъ дѣломъ моимъ въ Петербургѣ будетъ кинуться къ стопамъ Его Величества и просить помилованія злѣйшему врагу моему....

МЕНЬШИКОВЪ.

И ты испортишь все дѣло, любезный Дивіеръ: при имени Меньшикова, Долгорукіе не допустятъ тебя ничего сдѣлать добраго для его семейства. Имъ страшна тѣнь моя.

МАША (*застѣнчиво*).

Можетъ быть, батюшка, время охладило ихъ вражду къ вамъ.

МЕНЬШИКОВЪ.

Тебѣ Машинька, менѣе всѣхъ слѣдовало бы, защищать Долгорукихъ!

ДИВІЕРЪ.

Этотъ упрекъ заставляетъ меня просить растолковать его значеніе.

МЕНЬШИКОВЪ.

Да, братъ, ты долженъ все знать; у насъ ничто не должно быть для тебя тайною.

МАША.

Батюшка! пощадите....

МЕНЬШИКОВЪ.

Его? Нѣтъ! Онъ не стóитъ ни какой пощады.

МАША.

А если вы понапрасну обвиняете своего ближняго. Я знаю, вы никогда себѣ не простите ошибки въ обиду другаго, и всѣхъ строже на себѣ взыщите.

МЕНЬШИКОВЪ.

Стòитъ взглянуть на тебя, чтобы не побояться такого упрека. Богъ свидѣтель, что я давно примирился съ Долгорукими; но могу ли за тебя не питать къ нимъ невольнаго негодованія? Можетъ ли что извинить Князя Алексѣя передъ тобою?

МАША.

Вспомните, батюшка, что мы сами лишили его всякой надежды; можетъ быть, онъ думаетъ.....

МЕНЬШИКОВЪ (*прерывая ее*).

Лучше бы тебѣ, Машинька, самое себя обманывать, чѣмъ насъ. Довольно, говорю я, взглянуть на тебя, чтобы прочитать твои мысли, твое положеніе, а мнѣ чтобы считать его злѣйшимъ врагомъ своимъ, татемъ, посягающимъ на гибель лучшаго сокровища моего, моего счастія, моей жизни....

ДИВІЕРЪ (*съ жаромъ*).

Что! какъ! Ради Бога, растолкуйте мнѣ: я хочу, я обязанъ все знать. Кровь знойнаго неба не остыла еще въ жилахъ моихъ отъ Сибирскихъ морозовъ, и рука эта еще не устала отъ топора владѣть мечемъ: она сумѣетъ наказать обманщика, измѣнника....

МЕНЬШИКОВЪ.

Выйдемъ, братъ, на свободу: здѣсь мнѣ душно. Кровь клокочетъ въ моемъ сердцѣ, и грудь хочетъ треснуть! Тамъ, на чистомъ воздухѣ, я перелью въ тебя мое горе, и мы вмѣстѣ испросимъ у Господа помощи и заступленія.

Уходятъ.

МАША (*въ слѣдъ*).

Батюшка! пощадите меня....

ЯВЛЕНІЕ XI.

Маша, одна.

Позднія старанія! Дядюшка не успѣетъ доѣхать до Петербурга, а я уже успокоюсь вѣчнымъ покоемъ. (*Подумавъ*) Если Господь допускаетъ смертныхъ предаваться невозможнымъ желаніямъ, то мое было бы передъ смертнымъ часомъ испустить послѣдній вздохъ на рукахъ Алексѣя, простить его, благословить, сказать ему, что я умираю для него и — его.....

КОНЕЦЪ І-ГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

Внутренность прежней горницы. Маша сидитъ въ болѣзненномъ положеніи.

МАША.

Батюшка! увѣряю васъ, что мнѣ лучше, гораздо лучше. Ради Бога, успокойтесь вы сами, лягьте, вотъ здѣсь, усните хоть часокъ, а я посижу подлѣ васъ.

МЕНЬШИКОВЪ.

Спасибо, мой другъ, я еще не чувствую большой усталости.

МАША.

Невозможно: вы трое сутокъ не сомкнули глазъ съ глазомъ у моей постели.

МЕНЬШИКОВЪ.

Нѣтъ! мы перемѣнялись съ братомъ твоимъ и сестрою. Вотъ и теперь они поочереди отдыхаютъ.

МАША.

Отъ чего же, батюшка, я васъ однихъ видѣла предъ собою, всякій разъ, какъ открывала глаза въ послѣдніе три дня?

МЕНЬШИКОВЪ.

Такъ случалось. Впрочемъ, они люди молодые, здоровые, а потому требуютъ болѣе отдохновенія, чѣмъ я, человѣкъ старый, дряхлый; для меня достаточно трехъ часовъ добраго сна, а имъ нужно, по крайней мѣрѣ, семь.

Притомъ ты была такъ дурна, что я ни на кого не могъ положиться въ постоянномъ присмотрѣ за тобою. Дай-ка мнѣ свою руку, Машинька, посмотримъ, каковъ у тебя пульсъ?

МАША.

Я чувствую, что кровь во мнѣ кипитъ по прежнему; посмотрите, какъ бьется у меня сердце....

МЕНЬШИКОВЪ *(щупая пульсъ).*

Твой пульсъ удивляетъ меня: не знаю только, радоваться ли чудной перемѣнѣ его, и что онъ предвѣщаетъ, совершенное твое выздоровленіе или припадокъ нервической лихорадки?

МАША.

О, конечно, первое! Какая-то благотворная теплота разливается по моимъ жиламъ; давно незнаемое спокойствіе, райское веселье наполняютъ мою душу.

МЕНЬШИКОВЪ *(глядя на нее съ умиленіемъ).*

Изъ мщенія желалъ бы, чтобы Князь Алексѣй взглянулъ на тебя въ эту минуту. О! онъ сошелъ бы съ ума! Знаешь ли, Машинька! что ты никогда не была такъ прекрасна, какъ теперь, никогда щечки твои не пылали такимъ нѣжнымъ, яркимъ румянцомъ, никогда глаза твои не блистали такимъ яснымъ, свѣтлымъ огнемъ.... *(вздрогнувъ и отскочивъ въ сторону)* Прочь, прочь, ужасная мысль! Нѣтъ! это не признакъ близкаго разрушенія....

МАША *(не подымая глазъ).*

Батюшка! съ кѣмъ вы тамъ разговариваете?

МЕНЬШИКОВЪ.

Ни съ кѣмъ, мой другъ, вѣрно, шумъ бури приняла ты за говоръ мой. Кстати, я вспомнилъ, что скоро мы можемъ получить вѣсти отъ нашего добраго Дивіера. Вотъ уже болѣе девяти мѣсяцевъ, какъ онъ насъ оставилъ.....

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, молодой Меньшиковъ и Остякъ.

МОЛОДОЙ МЕНЬШИКОВЪ.

Буря загнала къ намъ прежняго знакомца нашего, что провожалъ дядюшку.

МЕНЬШИКОВЪ *(съ усмѣшкою).*

Ужь не уходилъ ли ты опять кого нибудь, храбрый Сайдакъ, въ Шайтанову балку?

ОСТЯКЪ.

Мой, бачька, не ходилъ, а ѣхала на собакъ! О, насъ много, много, какъ звѣзда на небѣ: одинъ, два, пять, десять. Все казакъ, сердитой, бьетъ съ нагайка на правъ, на лѣвъ; веземъ изъ падишахъ три бальшой человѣка, въ тяжелъ желѣзъ на ноги.

МЕНЬШИКОВЪ.

А! новые выходцы изъ столицы. Должно однакожь отдать справедливость Долгорукимъ—въ ихъ управленіе край сей мало населяется.

МОЛОДОЙ МЕНЬШИКОВЪ.

Куда же дѣвались твои спутники?

ОСТЯКЪ.

И! бачка, вырой себѣ яму глубокъ въ снѣгу и храпитъ.

МОЛОДОЙ МЕНЬШИКОВЪ.

Отъ чего же ты не улегся вмѣстѣ съ своими товарищами и собаками въ такую мягкую постель?

ОСТЯКЪ.

Мой собакъ почуй твой дымъ, да и не услышать хозяинъ, опрокинуть нарта и примчать меня одинъ въ твой юрта.

МАША.

Стало быть, ты везъ кого нибудь другаго!

ОСТЯКЪ.

Сидѣлъ въ мой нарта большой человѣкъ, съ тяжелъ желѣзъ на ноги.

МАША.

Гдѣ же онъ?

ОСТЯКЪ.

Свалился, бачка, и чай спитъ теперь хорошъ въ снѣгу. Ужо вѣтра тиха и я пошелъ его отыскать.

МЕНЬШИКОВЪ.

Да, онъ до тѣхъ поръ замерзнетъ, окоченѣетъ!

ОСТЯКЪ.

Не бось, бачка, онъ высокъ задула, цѣлый гора снѣгъ, и ему тепло, какъ у чувала.

МОЛОДОЙ МЕНЬШИКОВЪ.

Какъ же ты найдешь его, коли надуетъ на него такъ много снѣгу, и отъ мятели не останется малѣйшаго слѣда отъ твоей нарты?

ОСТЯКЪ.

Мой искать въ снѣгъ дырка, ставить ухо и рыть человѣкъ.

МЕНЬШИКОВЪ.

Развѣ ты не слыхалъ, Александръ, что здѣшніе дикари съ удивительною остротою открываютъ свою братью подъ снѣгами, гдѣ они спасаются отъ бурь, по едва примѣтной скважинѣ, образующейся отъ дыханія человѣка? Далеко ли свалился твой товарищъ съ саней?

ОСТЯКЪ.

Не далекъ: знаешь Ханскій Курганъ, тамъ за Обью.

МЕНЬШИКОВЪ.

Саша, возьми Сандака съ собою, да двухъ трехъ изъ нашихъ ребятъ посильнѣе, и сходите на лыжахъ поискать несчастнаго. Я самъ пустился бы съ вами съ радостію, да боюсь оставить Машу, и чувствую какую-то слабость отъ безсонницы.

МОЛОДОЙ МЕНЬШИКОВЪ.

Не лучше ли переголить немного, а то теперь такая ужасная пурга, что зги Божіей не видно и вѣтеръ захватываетъ дыханіе.

МЕНЬШИКОВЪ.

Богъ дастъ вамъ силы побороть всѣ трудности для спасенія человѣка. Вспомни, Александръ, что одна минута промедленія можетъ стоить жизни этому несчастному; онъ долженъ быть изъ числа людей, непривыкшихъ къ нашимъ Сибирскимъ морозамъ, и подъ снѣгомъ найдетъ скорѣе смерть, чѣмъ пріютъ

МОЛОДОЙ МЕНЬШИКОВЪ.

Я замѣтилъ, батюшка, о погодѣ не изъ робости, или нехотѣнія, а полагаю, что успѣшнѣе могу выполнить ваше приказаніе, когда она нѣсколько утишится. Прощайте! Я бѣгу (Уходитъ вмѣстѣ съ Остякомъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Меньшиковъ и Маша.

МЕНЬШИКОВЪ.

Какъ мнѣ жаль, что я не могу самъ идти съ ними на поискъ этого несчастнаго. Правда, Саша неутомимъ и жалостливъ, но неопытенъ, и, пожалуй, лѣнивый Сайдакъ его ослушается и уляжется въ снѣгъ. Если скоро они не вернутся, я не вытерплю, пущусь одинъ за ними....

МАША.

Нѣтъ, батюшка, я васъ не пущу: при вашей слабости, вамъ подумать нельзя вытти изъ дому въ такую погоду.

МЕНЬШИКОВЪ.

Неужели сноснѣе мучиться отъ одной мысли, что можетъ быть, я упустилъ случай спасти несчастнаго?

МАША.

Богъ милостивъ, и безъ васъ обойдется!

МЕНЬШИКОВЪ.

Не могу придумать: кого Богъ намъ даетъ въ товарищи? Но онъ долженъ быть государственный преступникъ, если такъ далеко заѣхалъ....

МАША.

И, батюшка! неужели одни преступники заслуживали гоненіе судьбы....

МЕНЬШИКОВЪ (встревожась).

Маша! ты невиннымъ образомъ нанесла мнѣ самый чувствительный ударъ, наказала меня за мою несправедливость самымъ тяжкимъ воспоминаніемъ былаго! Да, ты права, совершенно права: менѣе всѣхъ долженъ я былъ дѣлать такое заключеніе. Но перестанемъ объ этомъ говорить; употребимъ всѣ средства, всѣ старанія усладить участь бѣднаго узника, если найдутъ его живаго.

МАША.

Можетъ быть, мы узнаемъ отъ него что нибудь о дядюшкѣ!

МЕНЬШИКОВЪ.

И о Долгорукихъ... Повѣришь ли, Маша, что я имѣю какое-то предчувствіе, утѣшительное для тебя...

МАША (горько улыбаясь).

Теперь моя очередь, батюшка, просить васъ не говорить объ этомъ болѣе... Я хочу забыть....

МЕНЬШИКОВЪ (*съ улыбкою*).

И такъ мы квитъ съ тобою. Хочется мнѣ сходить на вышку взглянуть въ слѣдъ за нашими странниками! Не увижу ли чего нибудь? Я сей часъ вернусь.

МАША.

Надѣюсь, батюшка, что вы не выйдете со двора въ такое ненастье?

Занавѣсъ опускается.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Страшное сѣверное сіяніе. Снѣжная буря; медвѣди съ ревомъ пробираются по лѣсу; хижина, занесенная снѣгомъ; изъ едва выказавшейся трубы выходитъ дымъ. Съ горы сходитъ на сцену, съ большимъ трудомъ, высокій мужчина, завернутый въ нагольный тулупъ и въ подвязной шапкѣ.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ДОЛГОРУКІЙ.

Еще пять минутъ долѣе, и я выбился бы изъ силъ, не въ состояніи бы былъ бороться съ снѣгами и вьюгою, и дотащиться до этого отраднаго дыма, предвѣщающаго жилье человѣческое. Но смѣю ли я показаться на глаза самому дикарю въ проклятыхъ кандалахъ, измучившихъ меня совершенно, протершихъ мнѣ ноги до костей? Смѣю ли попросить крова у послѣдняго поселянина? Меня примутъ за варнака, убѣжавшаго съ каторжной работы, или за разбойника, сорвавшагося съ цѣпи, на которой провожаютъ ссыльныхъ въ Нерчинскія рудокопни, и, вмѣсто гостепріимства и сострадания, встрѣтятъ презрѣніемъ и отвращеніемъ! Какъ собакѣ, которую всякій имѣетъ право убить безнаказанно, кинутъ кусокъ черстваго хлѣба и сгонятъ со двора. Нѣтъ! лучше замерзну здѣсь, лучше сдѣлаюсь добычею волковъ и медвѣдей, чѣмъ войду съ такою адскою музыкою въ хижину. Если бы, по крайней мѣрѣ, удалось мнѣ разбить мои желѣзы, но онѣ такъ крѣпко заклепаны, что деревомъ нѣтъ возможности ихъ разогнуть, а камня не отроешь въ цѣлыя сутки подъ этими сугробами. — Ба! да вотъ, кажется, вьюга

помогаетъ моему горю: сдутый съ пригорка снѣгъ обнажилъ цѣлую груду камней. Попробую! (беретъ камень въ руку, оглядывается боязливо во всѣ стороны и начинаетъ сбивать оковы; желѣзо уступаетъ усиліямъ. Онъ кидаетъ въ сторону кандалы.) Но какъ я оправдаюсь предъ жестокимъ моимъ Приставомъ, если онъ не замерзъ еще? Повѣритъ ли черствая душа этого Нѣмца, что я снялъ мои оковы отъ одного стыда, не смѣя въ нихъ войти въ домъ поселянина, а не помышлялъ о побѣгѣ?.. (Подумавъ) Почему же не воспользоваться случаемъ, предлагаемымъ самою судьбою для полученія свободы? Счастливая мысль! Должно ее выполнить, во что бы ни стало; пожертвую всѣмъ, что ни имѣю. Конечно, не будетъ другаго времени, гдѣ бы лучше пригодились сокровища, которыя доселѣ удалось мнѣ укрыть отъ алчности моихъ стражей. При счастливыхъ обстоятельствахъ, когда буря раскидала половину изъ нашего конвоя и переморозила, пропажа меня не обратитъ большаго вниманія Правительства, а одинъ, два брилльянта не только заставятъ молчать бѣднаго крестьянина, но и выведутъ меня за границу. Если онъ откажется, или измѣнитъ — большой бѣды не будетъ: участь моя ни въ какомъ случаѣ не можетъ облегчиться, скорѣе кончится позорною смертію! Можно ли ожидать великодушія или сострananiя отъ свирѣпаго Бирона? Онъ, какъ тигръ, до тѣхъ поръ не укротится, пока не упьется кровію Долгорукихъ и другихъ патріотовъ, посягнувшихъ для блага отечества оковать его деспотизмъ правами разума и человѣчества. А если мнѣ удастся пробраться на свободу, то еще могу насладиться жизнію, новою, счастливѣйшею жизнію...

Я возвращусь сюда подъ чужимъ именемъ, отыщу Меньшикову, исторгну у ней прощеніе и скроюсь съ нею отъ свѣта. Обворожительныя мечты! вы воспламенили кровь мою посреди хлада Сибири; чувствую, что окоченѣлыя мышцы мои опять сдѣлались гибкими и сильными. Но куда бѣжать? Вотъ самая мудреная задача! Подозрительные, фальшивые Китайцы оберутъ и выдадутъ. У Персіянъ безопаснѣе, но пока доберешся до нихъ, Киргизы двадцать разъ ограбятъ и убьютъ за копѣйку; отъ чутья ихъ не укроешь червонца подъ кожей.... Не лучше ли испытать открытіе Беринга, и черезъ Чукотскій мысъ пробраться на байдаркѣ въ Америку, а тамъ, у дикихъ Колюжей, ожидать Европейскаго корабля? Предпріятіе трудное, дерзкое, но если что невозможное для человѣка съ желѣзною волею и постоянствомъ, съ тѣлесною силою и обольстительными надеждами? Начнемъ дѣйствовать.... (Подходитъ къ воротамъ хижины и стучится.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Меньшиковъ и Долгорукій.

МЕНЬШИКОВЪ *(отворяетъ калитку.)*

Что угодно?

ДОЛГОРУКІЙ.

Крова отъ холода и мятели....

МЕНЬШИКОВЪ.

Милости просимъ. (Всматриваясь вскрикиваетъ) Долгорукій!

ДОЛГОРУКІЙ.

Меньшиковъ!

МЕНЬШИКОВЪ.

Какими судьбами попалъ ты сюда?

ДОЛГОРУКІЙ.

Идя твоею дорогою.

МЕНЬШИКОВЪ (*съ кротостію*).

Желаю, чтобы она привела тебя къ душевному раскаянію и примиренію съ небомъ и человѣчествомъ.

ДОЛГОРУКІЙ (*въ сторону*).

Скоро рушились мечты мои! Здѣсь нельзя ожидать имъ никакого пособія. (Надѣваетъ на себя кандалы.)

МЕНЬШИКОВЪ (*въ сторону*).

Радоваться или печалиться неожиданной встрѣчѣ? Какъ сказать Машѣ?

ДОЛГОРУКІЙ.

Александръ Даниловичъ! взгляни, въ какомъ униженіи встрѣчаешь ты одного изъ наперсниковъ, друзей Императора, любимца счастія, и прости его — хоть изъ сострâданія!

МЕНЬШИКОВЪ.

Давно примирился я съ Долгорукими за себя, признавая въ нихъ орудіе справедливаго карателя гордыни; но могу ли простить тебѣ, Князь Алексѣй, за ту, которая мнѣ дороже моей жизни — ты самъ посудишь....

ДОЛГОРУКІЙ (*съ жаромъ*).

Какъ? Я не увижу болѣе Маріи?

МЕНЬШИКОВЪ.

Нѣтъ! увидишь, но въ такомъ положеніи, что если ты еще любишь ее, если клятвы твои были не пустая игра словъ, то....

ДОЛГОРУКІЙ (*прерывая*).

Не договаривай! Умоляю тебя, заклинаю всѣмъ, что ни есть для тебя священнаго: позволь мнѣ скорѣе ее видѣть, кинуться къ ногамъ ея, оправдаться! (Порывается войти).

МЕНЬШИКОВЪ.

Это не такъ легко сдѣлать, какъ ты думаешь. Маша очень слаба, и малѣйшее душевное потрясеніе можетъ имѣть самыя плачевныя послѣдствія.

ДОЛГОРУКІЙ (*въ отчаяніи*).

Неужели ты, Александръ Даниловичъ, не зналъ никогда любви, не вѣришь силѣ, волшебству пламенной страсти?.... Ахъ! изъ любви къ Машѣ, изъ жалости ко мнѣ позволь мнѣ ее скорѣе видѣть! Если она на краю гроба, я вырву ея изъ челюстей смерти, удержу ея душу въ прекрасной ея оболочкѣ, вдохну въ нее новую жизнь.... или сойду съ ума, если хоть минуту удержишь....

МЕНЬШИКОВЪ.

Подожди не много; дай мнѣ приготовить ее къ вашему свиданію. Да, вотъ вернулся и Саша, съ посланными отрывать тебя изъ снѣга! (Вдали на лыжахъ бѣгутъ люди.)

ДОЛГОРУКІЙ (*съ удивленіемъ*).

Какимъ чудомъ узнали вы обо мнѣ?

МЕНЬШИКОВЪ.

Твоего вожака притащили собаки къ нашему дому, часа два тому назадъ, и онъ объявилъ, что потерялъ своего сѣдока, а потому я тотчасъ послалъ съ нимъ Сашу и нѣсколько служителей, на лыжахъ, отыскивать тебя, боясь, чтобы ты не замерзъ въ такую стужу и мятель.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, молодой Меньшиковъ и Сандакъ.

МОЛОДОЙ МЕНЬШИКОВЪ (*показывая на Долгорукаго*).

И такъ мы не обманулись. Человѣческій слѣдъ, безпрестанно пропадавшій изъ глазъ и открываемый только чутьемъ Сандака, довелъ насъ безошибочно сюда, и кажется, странникъ нисколько не пострадалъ отъ труднаго пути своего? Странно только, какъ мы разошлись съ нимъ.

ДОЛГОРУКІЙ.

Вѣрно, вы пробѣжали мимо меня въ давишнюю пургу, когда и въ двухъ шагахъ ни чего не было видно.

САНДАКЪ (*подойдя къ Долгорукову*).

Я радъ, бачька, ты не окалѣла, а то казакъ больно бить мою спинъ съ нагайка.

МЕНЬШИКОВЪ.

Саша! проводи гостей въ теплую избу; пусть они отогрѣваются, а я схожу къ Машѣ и тотчасъ къ вамъ ворочусь.

(Занавѣсъ опускается.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Театръ представляетъ прежнюю горницу. Маша по прежнему сидитъ на своей постелѣ.

Маша и Меньшиковъ.

МЕНЬШИКОВЪ.

Поиски Саши увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ.

МАША (*болѣзненно*).

Онъ нашелъ несчастнаго, вѣрно, замерзшимъ, пострадавшимъ отъ мятели? Батюшка, окажите ему всякое пособіе. Какъ жаль, что я не въ состояніи сама перевязать его раны!

МЕНЬШИКОВЪ.

Не безпокойся, мой другъ; уже все сдѣлано, что нужно. (Въ сторону) Ужасная перемѣна! Какъ она слаба, блѣдна, спокойна! Худое предзнаменованіе! Испытаю послѣднее средство оживить ея. (въ слухъ) Знаешь ли, Машинька, что предчувствіе мое сбылось....

МАША.

Вы узнали о Долгоруковѣ?

МЕНЬШИКОВЪ.

Болѣе чѣмъ узналъ: я видѣлъ Князя Алексѣя.

МАША (*спокойно*).

Зачѣмъ онъ заѣхалъ въ наши лѣса и болота?

МЕНЬШИКОВЪ.

Онъ тебя отыскиваетъ.

МАША.

Поздно: уже я не его, а вотъ чья! (Указывая на небо).

МЕНЬШИКОВЪ.

Богъ милостивъ; не должно отчаяваться.

МАША.

Я чувствую свое положеніе лучше другаго?

МЕНЬШИКОВЪ.

Позволишь ли Князю Алексѣю видѣть тебя?

МАША *(спокойно).*

Пусть войдутъ сюда и всѣ наши родные и домашніе; я хочу проститься съ вами. (Меньшиковъ уходитъ

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МАША.

И такъ выполняется послѣднее желаніе мое: я испущу духъ мой на рукахъ Алексѣя. Господи! чѣмъ я заслужила такія милости твои?

ЯВЛЕНІЕ IX.

Маша, Долгорукій, Меньшиковъ, сынъ его, Саша, Сандакъ и домочадцы, а потомъ Приставъ.

ДОЛГОРУКІЙ *(ставъ передъ Машею на колѣни и взявъ ея руку).*

Какое наказаніе можетъ быть жесточе, какъ видѣть тебя въ такомъ положеніи!

МАША.

Будемъ благодарны Провидѣнію и за то, что оно допустило насъ еще увидѣться....

ДОЛГОРУКІЙ.

Къ чему такое отчаяніе, милый, безцѣнный другъ мой! Дастъ Богъ, ты оправишься, и мы можемъ еще надѣяться на счастіе неразлучной жизни.

МАША.

Позднія надежды! Провидѣніе не судило намъ наслаждаться этимъ счастіемъ въ здѣшнемъ мірѣ; но мы принадлежали другъ другу узами, которыхъ ни какая человѣческая сила разорвать не могла, которыя унесемъ съ собою и за предѣлы гроба. Другъ мой! покоримся неисповѣдимымъ законамъ рока. Смертный не можетъ противиться его предопредѣленіямъ: имъ часто ставятся преграды самымъ пламеннымъ желаніямъ нашимъ, ниспосылаются препоны въ исполненіи самыхъ священныхъ обязанностей.

ДОЛГОРУКІЙ (*въ отчаяніи*).

Клянусь тебѣ, Маша, что всѣ помышленія мои стремились къ тебѣ одной, что душа моя тебѣ одной принадлежала, что среди суетнаго тщеславія, торжествъ честолюбія и самыхъ горькихъ минутъ жизни, я думалъ о тебѣ одной; образъ твой, какъ ангелъ хранитель, никогда не разлучался со мною, всегда носился предъ глазами моими, и на яву и во снѣ....

МАША.

Довольно! Мы сдержали обѣтъ свой, исполнили, по

мѣрѣ силъ нашихъ, предназначеніе судьбы...И мое сердце, подъ золотою порфирою и сарафаномъ крестьянки, билось для тебя одного, всегда тебя оправдывало....

ДОЛГОРУКІЙ.

И ты меня прощаешь?

МАША (*вдохновенно привставъ съ постели*).

Забудемъ прошедшее, устремимъ всѣ наши помыслы на священную минуту соединенія съ небомъ. Я чувствую, что душа моя оставляетъ уже бренную свою оболочку; она летитъ въ лучшій, совершеннѣйшій міръ.... Ахъ! какое блаженство!.... Мы тамъ скоро увидимся, милый другъ мой.... Тебѣ готовится казнь, ужаснѣйшая казнь....Но не страшись истязаній тѣлесныхъ; онѣ искупятъ заблужденія душевныя, отворятъ врата милосердія.....

МЕНЬШИКОВЪ.

Князь Алексѣй! Провидѣніе вѣщаетъ тебѣ судьбу твою устами небожительницы.

ДОЛГОРУКІЙ (*содрогаясь*).

Ужасное предвѣщаніе....

МАРІЯ (*прежнимъ прорицательнымъ голосомъ*).

Батюшка! прими послѣднее мое лобызаніе.... Алексѣй, милый другъ мой! прощай до скораго свиданія!

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ.

Теряя Марію, могу ли о чемъ жалѣть въ жизни!

Радуюсь грозному своему предопредѣленію, которое соединитъ насъ....

МАША.

Братецъ, сестрица! вспоминайте почаще о Березовѣ, и вы можете быть счастливы посреди суеты мірской! (обращаясь къ служителямъ) Друзья мои! усердіе ваше и привязанность къ намъ оцѣнитъ Верховный Судія.

(Среди тихихъ рыданій и мертвой тишины раздается сильный стукъ у воротъ; вскорѣ потомъ съ шумомъ вбѣгаетъ буйная толпа казаковъ, съ арестантами въ кандалахъ, за Офицеромъ, который кричитъ съ запальчивостію исковерканнымъ Русскимъ языкомъ.)

ПРЕСТАВЪ.

Здѣсь, здѣсь должна быть арестанта. Вездѣ, батушка, смотрѣть карашо, всѣ угла жарить, ставить камень на камень... Да фотъ и сама дезертиръ! Схватай его репята, пери скорѣй, куй рука и нога въ желѣзъ.....

Казаки кинулись было на Долгорукова, но, увидя его спокойно стоящимъ на колѣняхъ предъ умирающею прекрасною женщиною, равно и всѣхъ прочихъ въ умилительномъ положеніи, не обращающими на нихъ никакого вниманія, невольно поражаются благоволеніемъ къ сей картинѣ, и также становятся на колѣни.

МАША *(продолжаетъ).*

Вы принесли большую жертву, слѣдуя добровольно за нами въ пустыни Сибирскія, вы приняли для насъ много нужды и труда; но добрыя дѣла и чувства никогда не остаются отъ Него безъ награды въ семъ мірѣ и будущемъ. Прощайте! (Обращаясь къ отцу) Не надолго!

МЕНЬШИКОВЪ *(падая на колѣна и воздѣвъ глаза къ небу).*

Благодарю тебя, Господи, за сей новый даръ твоей благости. Я давно жажду предстать предъ тобою.... О подай и мнѣ столь же мирную, христіанскую кончину! И дерзну ли еще вознести къ тебѣ одну молитву—да благоденствуютъ Россія и потомки Петра Великаго!

(Вскакиваетъ, какъ бы озаренный лучемъ небеснаго вдохновенія, и съ необыкновеннымъ чувствомъ и жаромъ говоритъ):

Что вижу!... Сладкое страдальцу упоенье!
Гдѣ я? Отрадный свѣтъ, величественный видъ!
О Петръ!.. возрадуйся! Руки твоей творенье,
Россія, цѣлый міръ величіемъ дивитъ!....
Ты кинулъ утлый челнъ на Невскія пучины,
И лѣсъ Россійскихъ мачтъ возникнетъ на моряхъ,
И Русскіе пройдутъ зной Юга, Норда льдины!
Уже дрожитъ Царьградъ, но пощаженный врагъ,
За ихъ же твердыми укроется щитами.
Но кто, я зрю, летитъ съ Полтавскими орлами,
Блестящій юностью, небесной красотой?
Потомокъ то Петра: на подвигъ онъ святой
Подъялъ свой свѣтлый мечъ — Европы на спасенье!
Но вотъ Великій самъ.... О чудное видѣнье!
Онъ будто вновь предсталъ, стремяся довершить
Судьбы Россіи, имъ созданной, вознесенной.
Могучъ, величественъ, рожденный міръ дивить,
Нежданный, онъ ужь тамъ, громами окриленный,
Гдѣ долгъ его зоветъ измѣну поражать,
Иль царства падшія отъ гибели спасать!
Такъ канетъ въ вѣчность вѣкъ—возстанетъ вновь Великій!

Отвсюду блескъ побѣдъ, отвсюду славы клики!
Одинъ былъ въ мірѣ Петръ.... Теперь двухъ вижу я,
Не можетъ вынести восторгъ душа моя!...

Падаетъ на руки окружающихъ его.

Занавѣсъ опускается.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ И ПОСЛѢДНЕЙ КАРТИНЫ.

ДУРОЧКА.

ДУРОЧКА.

I.

Москва, Москва! Она близко — только одна станція отдѣляетъ меня отъ Москвы, милой, прекрасной, родной Москвы — да, что мнѣ до тебя, милая, старинная Москва! Въ Москвѣ *она*, моя Паулина, и съ такимъ же нетерпѣніемъ скакалъ и мчался бы я въ Колу, въ Нерчинскъ, въ Олонецъ, съ какимъ скачу, спѣшу теперь въ Москву — *тамъ* — нѣтъ! теперь уже почти *здѣсь*, моя Паулина! — Здѣсь!.... О Боже! голова моя кружится; сердце мое бьется, такъ сильно, какъ будто ему тѣсно стало, тутъ, въ груди моей....

Я не могъ ѣхать далѣе — остановился на Черной Грязи, велѣлъ отвести себѣ комнату, и вотъ уже цѣлый часъ хожу, сижу, ничего не дѣлаю, ничего не думаю. О чемъ мнѣ думать? Одна мысль моя: *Паулина*. И на одну такую мысль не достанетъ мнѣ вѣчности....

Какая-то глупая рожа приходила и спрашивала меня: «Не хочу ли я ѣсть, либо пить?»

— Развѣ у васъ останавливаются только для ѣды и питья? — Нѣтъ ли у васъ уголка, гдѣ живутъ только счастьемъ, только мечтою о счастьи?

Мечтой! Что за вздоръ! Еще недавно, оно было для меня мечтой, а теперь перешло въ чудную существенность..... О, Паулина! ты — *моя*.....

Съ какимъ безумнымъ нетерпѣніемъ поскакалъ я изъ Петербурга и мчался опрометью всю дорогу; какъ бѣсился я на людей, задерживавшихъ меня тамъ, въ ихъ великолѣпномъ ледникѣ — они хотѣли, чтобы я замерзъ, какъ они..... Богъ съ вами! Если за свободу мнѣ можно откупиться золотомъ — возьмите его и дайте мнѣ поскорѣе отогрѣться подлѣ моей Паулины. Разсчетъ вѣренъ, кажется: вамъ золото; мнѣ — воля и Паулина!.....

И какъ перемѣнились всѣ мои отношенія, и отчего? Отъ мѣшка имперіяловъ. — За мѣсяцъ, я погибалъ. Безнадежность счастья губила меня. Какъ тяжко было мнѣ смотрѣть на міръ Божій, на людей, на радость! То не зависть была: такое отвратительное чувство для меня не понятно! Но тяжко мнѣ было смотрѣть и видѣть все такимъ счастливымъ, видѣть неисчерпаемые источники блаженства въ мірѣ Божьемъ, въ жизни, въ сердцѣ моемъ, и горѣть адскимъ огнемъ безпривѣтнаго горя. Медленной мукой томительной жизни видѣлъ я себя осужденнымъ страдать, томиться до одинокой могилы, или..... не смѣю сказать!

И все измѣнила горсть золота!

Мнѣ иногда приходило въ мысль: стать на колѣни передъ людьми, и благоговѣйно преклониться передъ

высокимъ доказательствомъ небеснаго ихъ происхожденія.

Если оцѣнить страшное увлеченіе очаровательнаго, звѣнящаго демона, если оцѣнить, что за него все покупаютъ люди, что передъ нимъ склоняются всѣ страсти ихъ, всѣ приличія, отношенія ихъ, разрушаются всѣ связи сердца, души, родства, дружбы — какъ не трепетать: чего не сдѣлаютъ люди для золота? Какъ не благоговѣть передъ ними послѣ того, что они такъ мало дѣлаютъ для золота? Что удерживаетъ? что спасаетъ ихъ? Стало быть, есть въ душѣ ихъ что-то выше, то, что удерживаетъ руку убійцы, терзаетъ потомъ преступника болѣе всякой казни? Есть оно и неистребимо въ душѣ человѣка — его не отгонитъ оттуда звонъ золота, его не заслѣпитъ блескъ роскоши, его не заглушитъ кликъ самыхъ бѣшеныхъ страстей! Иначе каждый червонецъ, блеснувшій передъ глазами нищаго, былъ бы смертнымъ приговоромъ тому, у кого въ рукахъ этотъ червонецъ....

Я помирился теперь съ людьми. Какъ легко мириться счастливому! ....

Зачѣмъ я остановился здѣсь? Неужели разрѣшать нравственныя задачи жизни человѣческой?

Нѣтъ! мое сердце было такъ полно чувствами, что я не могъ ѣхать далѣе — мнѣ надобно было передохнуть здѣсь — міръ счастья душилъ меня! Мнѣ надобно было облегчить душу мою думой, и я пріѣхалъ бы притомъ въ Москву ночью, и цѣлую вѣчную ночь мнѣ надобно было провести въ одномъ съ нею городѣ и не видѣть ее — нѣтъ! не выносимо! Тутъ еще двадцать верстъ

раздѣляютъ насъ — въ одинъ часъ перелечу я ихъ, и первый шагъ мой въ Москвѣ будетъ къ ея жилищу, первая встрѣча моя будетъ съ нею..... Святотатство любви было бы встрѣтить кого нибудь другаго, кромѣ нея, итти не къ ней первой....

Томительные часы охрамѣли, не бѣгутъ, а кое-какъ ковыляютъ, кажется...... Ночь длиннѣе Лапландской зимней ночи.. .. Неужели въ Москвѣ измѣнился до того климатъ, что заря загарается здѣсь въ девять часовъ утра.... но она *послѣдняя* ночь разлуки! Завтра я засну съ радостною мыслью, что съ каждымъ днемъ могу я видѣть мою Паулину.... Пусть же она тянется медленно, послѣдняя ночь скорби.... Она усладительна для меня, какъ послѣдняя капля горечи изъ сосуда прошедшаго бытія....

Я растворилъ окно. Какое чудное время, какая теплота въ воздухѣ! Милая ночь! Кажется, она ласкаетъ меня, лелѣетъ меня..... И вотъ говорятъ, что только въ Италіи знаютъ прелесть лѣтнихъ ночей... Я не знаю вашей «Итальянской» ночи, но тамъ не можетъ быть ночей лучше..... И какъ кстати теперь мрачное, грустное положеніе гостинницы, какъ будто для того, чтобы прелесть земли не увлекала взоровъ моихъ отъ неба, чтобы въ небо только улеталъ мой взоръ съ усладительною думою души.... Странное дѣло! но мнѣ хотѣлось бы теперь даже немного какого нибудь горя — я встрѣтилъ бы его съ улыбкой.....

Дитя! ты спасенъ изъ рѣки, и опять не боишься играть на берегу ея, кидать камешки по грозному пространству водъ, которое чуть было не погло-

тило тебя..... Ты уже забылъ тѣ страшныя безсонныя ночи, въ которыя ты даже плакать не могъ.....

Припомни ихъ..... ихъ *много* было! Ты терялъ въ нихъ счетъ..... Да, я содрогаюсь теперь при мысли, какъ близокъ я бывалъ къ отчаянію, и — сколько разъ?

Нѣтъ! теперь я остановлю брата моего, когда..... когда коснется душѣ его страшная мысль самоубійства! Я скажу ему: «Остановись — не отчаявайся! Міръ надежды безконеченъ, какъ міръ любви!»

Но была ли мнѣ надежда? Ни какой! Пропасть дѣлила меня и Паулину.....

Не знаю..... Мнѣ пересказать почти нечего, если бы кто нибудь спросилъ меня о прошедшемъ: я любилъ, я былъ любимъ, и у меня не было даже и надежды назвать *моею* ту, которую любилъ я. Что жь тутъ необыкновеннаго?

Да, что такое называете вы необыкновеннымъ? Какая ваша трагедія сравнится съ зрѣлищемъ отца, въ глазахъ котораго умираетъ милый сынъ — матери, у которой голодныя дѣти просятъ куска хлѣба, а у нея между тѣмъ нѣтъ куска хлѣба..... И все повторяется каждый день въ великолѣпномъ городѣ вашемъ, да вы не видите, вы не знаете тѣхъ мѣстъ, гдѣ тѣснится горе, гдѣ живутъ безотрадныя матери съ голодными дѣтьми..... Сколько разъ, погибая самъ безотрадною тоскою, я бѣгалъ съ Невскаго Проспекта, далеко, туда, гдѣ скорбь и нищета гнѣздятся въ глуши, далеко отъ глазъ шумнаго свѣта..... Я былъ тамъ среди братьи моей, среди такихъ же, какъ я, нищихъ.....

И какъ часто, идя по какому нибудь грязному переулку на Петербургской Сторонѣ, думалъ я: «Друзья мои! я бѣднѣе васъ! Не смотрите, что на мнѣ не лохмотья надѣты; за то вы не знаете, какимъ счастливцемъ могъ бы я быть, если бы судьба удѣлила мнѣ хоть немного, такъ щедро разбросаннаго ею столь многимъ — вы *не знаете*, и — вы богаче меня.....

Если бы каждый, многіе, по крайней мѣрѣ, могли передать намъ исторію ихъ душевной грусти — какой романъ, какое произведеніе поэзіи могли бы съ нею сравниться? А между тѣмъ, на гробѣ иного человѣка нечего написать, кромѣ словъ: *родился..... умеръ*..... годъ, мѣсяцъ и число.

Легкимъ облакомъ пролетаетъ теперь у меня по ясному, свѣтлому настоящему память о прошедшемъ..... Но слава Богу, что оно *прошло*.....

Я помню, какъ умиралъ мой отецъ — я былъ тогда дитя, но я помню послѣднія слова его, помню, какъ онъ говорилъ моей плачущей матери: «Неужели они не простятъ тебѣ и малюткѣ нашему, когда уже меня не будетъ? Неужели они не дадутъ вамъ куска хлѣба, за то, что ты отдала руку свою бѣдняку и тѣмъ оскорбила горделивое, знатное родство? Дядя твой человѣкъ добрый.....»

Но *добрый дядя* не явился къ матери моей, когда умеръ отецъ мой. Честолюбіе было непримиримо. — Помню, какъ шелъ я за гробомъ отца, какъ мнѣ жаль стало, когда въ гробъ его застучала земля; я не зналъ, что на землѣ бываетъ иногда тяжелѣе, нежели подъ

землею. Праведному тамъ легко. Страдальцу тамъ отраднѣе.....

И она умерла, и я остался безпріютенъ.....

Зачѣмъ такія мрачныя воспоминанія пробудились въ душѣ моей теперь? Мнѣ было такъ сладостно и весело..... но они послѣдняя память былому, грустному и тяжкому.....

Если бы не такова была моя судьба, я не узналъ бы тебя, Паулина..... Пути Провидѣнія неисповѣдимы.....

Только за чѣмъ такъ страдали, и такъ безотрадно умерли отецъ мой и мать моя?.... Неужели за то, что онъ, благородный бѣднякъ, осмѣлился любить дочь знатнаго и богача, и она отдала ему руку свою спрашиваясь только у своего сердца, а не у богатыхъ дядей и тетокъ?.... Если бы онъ и она были теперь живы.... моя жизнь, и любовь моя, и любовь Паулины вознаградили бы ихъ за страданія.....

Помню, какъ дядя мой не хотѣлъ видѣть меня, но сдѣлался какимъ-то незримымъ провидѣніемъ моей жизни — милующимъ и карающимъ по его желанію. Меня взялъ къ себѣ отецъ Паулины; я росъ и учился съ дѣтьми его. Тамъ я увидѣлъ, узналъ тебя, Паулина.....

Какъ мнѣ не любить тебя, Паулина, когда узнавши тебя, я свѣдалъ первыя радости жизни! Съ воспоминаніемъ первыхъ впечатлѣній юности моей, твой образъ вездѣ со мною, подлѣ меня.....

А когда въ первый разъ сказалось душѣ моей, что непостижимое чувство, сливавшее насъ въ радости и

горѣ, заставлявшее насъ дѣлиться жизнью — была любовь.....

«Антонинъ!» говорилъ мнѣ отецъ Паулины, когда однажды пришли мы къ нему утромъ, по обыкновенію — «ты завтра поѣдешь въ Петербургъ. Ты хорошо учился. Дядя твой доволенъ тобою. — Но онъ хочетъ, чтобы ты былъ человѣкомъ дѣловымъ, порядочнымъ, и если ты пріобрѣтешь себѣ мѣсто въ свѣтѣ, будущая судьба твоя будетъ обезпечена моимъ добрымъ другомъ.»

— Неужели онъ не позволитъ мнѣ теперь увидѣть его?

«Онъ не хочетъ. Тогда только, когда Антонинъ будетъ достоинъ любви моей, оправдаетъ себя поведеніемъ — я прощу ему и его матери — онъ будетъ мой наслѣдникъ. — Теперь ты будешь получать достаточное содержаніе. Вотъ тебѣ нѣсколько писемъ въ Петербургъ, по которымъ встрѣтятъ тебя ласково и откроютъ тебѣ дорогу къ будущему..... Помни, что во мнѣ всегда найдешь ты отца и друга.» — Онъ заплакалъ и мы всѣ заплакали.....

Этотъ день святъ въ моей памяти: Паулина и я поклялись другъ другу вѣчно любить другъ друга.....

И какъ орелъ въ небо, полетѣлъ я въ Петербургъ — *служить*. — Голова моя горѣла мечтами славы и любви.....

Черезъ три года мнѣ уже надобно было *отдохнуть*. *Достаточнаго содержанія* едва доставало мнѣ на вицъ-мундиръ, и на то, чтобы не замерзнуть зимою и не сидѣть въ потьмахъ.

Письма, которыя должны были *открыть мнѣ дорогу къ будущему*, открыли мнѣ только двери въ Департаментъ.

Работа моя была тяжкая; отрады сердцу моему не было. Мечты мои опустили крылья. Я дичалъ и жилъ одинокимъ.

Я вырвался наконецъ въ Москву и увидѣлъ ее. — Какъ перемѣнилась она въ три года! Вмѣсто красивой дѣвочки, веселой, рѣзвой шалуньи, она была дѣвушка чудная — украшеніе лучшихъ обществъ. Я не смѣлъ сказать ей: *ты*; я увидѣлъ всю свою неловкость — былъ глупъ, неуклюжь передъ нею. Я увидѣлъ въ Паулинѣ дочь богатаго человѣка, блестящую, прелестную, очаровательную, а въ себѣ — бѣднаго чиновника департаментскаго. Меня по прежнему ласкали — какъ добраго сироту, какъ знакомаго семьянина; говорили мнѣ, что я долженъ стараться быть честнымъ хорошимъ человѣкомъ, что мной довольны начальники.... Разтерзанный убѣжалъ я изъ Москвы....

Но я унесъ съ собой сладостное убѣжденіе, что она любитъ меня, любитъ..... Мы не говорили ничего другъ другу — я не смѣлъ говорить, — но я видѣлъ, что она меня любитъ.....

Съ той поры прошло три года. Они были мучительны. — Не знаю, какая безумная мысль — уравнять свое образованіе съ свѣтскимъ образованіемъ Паулины, увлекла меня въ большой свѣтъ.... Нелюдимый съ товарищами до тѣхъ поръ, я завелъ знакомство, дружбу съ ними. Между нами были свѣтскіе шалуны — я подалъ имъ руку, и они увлекли меня за со-

бою. Какъ не найти чего ищешь, и я сдѣлался всегдашнимъ гостемъ на раутахъ, вечерахъ и балахъ.....

Но дорога была расплата! Какъ часто совѣстился я, видя себя въ толпѣ бездушныхъ щеголей, ужасался пустоты въ великолѣпныхъ, набитыхъ народомъ залахъ и гостиныхъ, пугался блестящихъ, свѣтскихъ женщинъ, которыя издали, съ высоты своей, казались такъ обольстительны..... Ссора за *визави* въ кадрили была лучшею моею рекомендаціею у многихъ.....

Но кровожаднаго червя, который глодалъ меня, грызъ мнѣ сердце и обливалъ его палящею кровью, никто не зналъ, кромѣ меня самого! Страшное чувство мое пойметъ только тотъ, кто бросился въ свѣтъ не имѣя на то ни правъ рожденія, ни правъ богатства — другихъ правъ въ свѣтѣ не знаютъ, и всякій, кто явится безъ нихъ въ свѣтъ, будетъ рабомъ его, рабомъ самымъ жалкимъ, ничтожнымъ, такимъ, что какъ блага будетъ онъ просить, какъ милости умолять забвенія, что у него есть душа, есть сердце, есть умъ — просить, чтобы душа его замѣнилась эгоизмомъ, сердце безчувственностью, умъ приличіями..... Въ большомъ свѣтѣ, гдѣ всѣ кажутся такъ равны, такъ равно веселы, такъ равно богаты, тма степеней раздѣляетъ людей, и нигдѣ нѣтъ такъ низко и такъ высоко разставленныхъ въ глазахъ своихъ товарищей.... Вы не знаете, что за иную изъ великолѣпныхъ каретъ, которыя подъѣзжаютъ къ подъѣзду бальной залы, заплачено такъ дорого, какъ не платятъ люди за высшее блаженство въ мірѣ; вы не знаете, что инаго чело-

вѣка, такъ щегольски одѣтаго, по пріѣздѣ съ вечера, дома ждетъ безсонная подушка должника, что съ бала могутъ отвориться для него двери въ тюрьму, что послѣ великолѣпнаго ужина грозитъ ему голодное завтра...... Ужасна бѣдность, ужасно униженіе, вездѣ ужасны онѣ, но ни гдѣ онѣ такъ не ужасны, какъ въ большомъ свѣтѣ. Не думайте, чтобы свѣтъ указывалъ на нихъ — нѣтъ! но если онъ не говоритъ, не думайте, чтобы онъ и не понималъ, не зналъ ихъ, и молча, неподвижный, безстрастный, не давалъ чувствовать каждому своему страдальцу, что онъ все видитъ и знаетъ..... Боже! когда всѣ такъ равно, такъ весело становятся въ кадриль — бездна раздѣляетъ двухъ рядомъ стоящихъ партенеровъ одной кадрили, и отчаяніе сердца, позоръ бѣдности прикрыты у одного изъ нихъ только моднымъ фракомъ.....

Но я былъ увлеченъ, я не могъ возвратиться, и все приносилъ въ жертву кумиру свѣтской жизни — страдалъ, терпѣлъ, забывалъ свои обязанности, вошелъ въ неоплатные долги..... Грозное письмо дяди напомнило мнѣ, что скоро лишенъ я буду, можетъ быть, насущнаго хлѣба — онъ свѣдалъ о моей разсѣянной жизни..... А куда мнѣ было послѣ того броситься!.... въ Неву?....

Только немногими днями подарило меня Провидѣніе, не много дало мнѣ дней радостныхъ въ ужасные три года: отецъ Паулины былъ проѣздомъ въ Петербургѣ; онъ ѣхалъ съ семьею за границу, и я увидѣлъ ее, и она изумилась увидя меня. Мой внѣшній видъ, мои пріемы, мое обхожденіе показали ей во мнѣ не

прежняго неловкаго чиновника департаментскаго..... Она не стыдилась теперь любви моей — не стыдилась видя меня подлѣ себя..... — Три дня, и къ счастью, мы провели ихъ не на балахъ, не въ собраніяхъ — три дня мы были вмѣстѣ, были счастливы.....

Но взглядъ Паулины снова раскрылъ мнѣ гибель сердца моего и страшное разстояніе, раздѣлявшее меня, бѣдняка, отъ нея — богатой, свѣтской дѣвушки. — Неужели мнѣ повторить исторію отца моего?..... Никогда!

Окаменяющій взоръ отчаянія, когда я разстался опять съ Паулиною, могъ я отогнать только безумнымъ разсѣяніемъ.....

На другой день послѣ того, когда тюрьма угрожала мнѣ за долги, когда мнѣ велѣно уже было подать въ отставку, когда отвратительный эгоизмъ раскрылся мнѣ во всѣхъ меня окружавшихъ — я сдѣлался наслѣдникомъ всѣхъ богатствъ моего дяди..... Меня увѣдомили о внезапной смерти его. Я даже не обрадовался тому сначала. Быстрый переходъ изъ отчаянія ко всему возможному на землѣ блаженству оглушилъ меня..... Старикъ, старикъ! ты томившій меня столько лѣтъ — если бы еще нѣсколько дней..... кто знаетъ? На всѣ дары счастья, которые бросилъ ты мнѣ изъ могилы, служилъ бы отвѣтомъ полицейскій рапортъ: «Рѣченный Антонинъ N. N. прекратилъ жизнь свою самопроизвольно»..... А какой рапортъ подали бы мы съ тобою тамъ — въ вѣчности?.....

Слава Богу! это *прошедшее*.

Но у меня волосы становятся дыбомъ при одной мы-

сли..... Спрашиваю самъ себя: точно ли все прошло? Точно ли я близъ Москвы? Точно ли я близко къ Паулинѣ?

Заря загарается на небѣ..... Прочь все, что миновалось — настоящее мое! Лошадей, скорѣе лошадей! Въ Москву, въ Москву!

Какъ они изумятся, какъ *она* изумится! Она ничего не знаетъ — на что мнѣ было писать? На что было медлить лишнимъ часомъ пребыванія въ Петербургѣ? Они подумаютъ, что къ нимъ явился прежній, бѣдный Антонинъ, а я — я вдругъ предложу ей богатства мои — сердце ея принадлежитъ мнѣ равно — тому шесть лѣтъ, какъ она сказала мнѣ о томъ. Послѣ того ни однажды не смѣлъ я говорить ей, напомнить ей, но она меня понимала; ея взоръ сказывалъ мнѣ все, чего не хотѣли мы говорить.

Колокольчикъ звенитъ! Какой виртуозъ игралъ для меня когда нибудь усладительнѣе этого колокольчика..... Бѣгу, бѣгу!..... Мчись скорѣе, Антонинъ.....

II.

Вотъ чего я не ожидалъ — такой *веселой* встрѣчи съ Паулиною!..... Однакожъ — мнѣ досадно.

Чуть не загналъ я чудную тройку моего ямщика на двадцати верстахъ; едва успѣлъ я кое какъ одѣться, и чрезвычайно изумился, когда подъѣхавши къ дому отца Паулины, увидѣлъ ворота и окна запертыми — такъ еще было рано, что всѣ спали въ домѣ! — Только

старый дворникъ мелъ улицу. Онъ узналъ меня и обрадовался мнѣ. — «Въ Москвѣ ли баринъ?» — былъ первый мой вопросъ — не нелѣпость ли: до тѣхъ поръ не подумалъ я, что они могли уѣхать въ деревню; но, слава Богу, они въ Москвѣ.

— Неужели у васъ еще спятъ? Баринъ всегда прежде вставалъ такъ рано.

— «Со времени послѣдней болѣзни, онъ очень ослабѣлъ,» — говорилъ мнѣ старый Михайло, и подробно началъ онъ разсказывать о болѣзни старика барина, и о томъ, что онъ встаетъ нынѣ очень поздно. — Я готовъ бы былъ проговорить съ Михайломъ, пока всѣ встанутъ въ домѣ, если бы не спросилъ: «здорова ли барышня?» — «Здорова, слава Богу, но ее нѣтъ теперь дома — она гоститъ.» — Я поблѣднѣлъ — «у тетушки своей Прасковьи Ивановны, которая теперь живетъ на дачѣ, въ Останьковѣ.» — Чуть не закричалъ я отъ досады. Прасковьи Ивановны Свистуновой я никогда терпѣть не могъ....

Что мнѣ было теперь дѣлать? Я пошелъ поспѣшно, безъ плана, безъ цѣли, и самъ не помню, какъ дошелъ до Кремля. Здѣсь я опомнился.

Странное дѣло. Теперь, когда оборвалась такъ неожиданно надежда, которою жилъ и дышалъ я въ послѣднее время, мнѣ было теперь все равно, раньше ли, позднѣе ли увидѣться съ семьею Паулины. И я принялся осматривать Кремль, какъ добрый провинціялъ, пріѣхавшій въ первый разъ въ Москву, глядѣлъ на Царь-пушку, на Царь-колоколъ, полѣзъ на Ивана Великаго.... И когда я безъ всякаго чувства смотрѣлъ

на чудную панораму Москвы съ башни Годуновской, внезапная мысль: «А, можетъ быть, она пріѣдетъ сегодня утромъ въ Москву, и теперь она уже дома?» такъ поразила меня, что я опрометью бросился съ колокольни, чуть не свалился съ лѣстницы, и черезъ полчаса былъ уже въ домѣ отца Паулины.

Я нашелъ большія перемѣны въ его, столь знакомомъ мнѣ домѣ: старая мебель была замѣнена на половину новою, готическою; комнаты отдѣланы на новый ладъ; я не узнавалъ ни комнатъ, ни мебелей. Старикъ также совсѣмъ перемѣнился. Полуразбитый параличемъ, онъ неподвижно сидѣлъ въ своихъ креслахъ. Но онъ встрѣтилъ меня по прежнему.

«Вѣрно по командировкѣ?» сказалъ онъ.

— Надѣюсь, что ты не тратишь времени по пустому и не по неволѣ оставилъ Петербургъ? — Голосъ его выражалъ полу-упрекъ. — Я понялъ, улыбнулся, засмѣялся, увѣрилъ, что посланъ по дѣламъ въ .....скую губернію. Совѣсть старика успокоилась. Онъ обнялъ меня.

«Что дядя?»

— Вы знаете, что я получаю отъ него одно письмо въ годъ.

«А я и того не получаю.»

Начались разговоры о Петербургѣ, и скоро узналъ я, что Паулина пріѣдетъ сегодня вечеромъ къ балу, который даютъ въ Дворянскомъ Собраніи. Скоро простился я, отказался отъ обѣда, и вечеромъ явился на балъ. Кадрили уже начались. Тотчасъ отыскалъ я Паулину и какъ не отыскать Паулины — спросите, по-

смотрите сами, кто первая въ собраніи? Это, вѣрно, будетъ она.

Паулина танцовала съ какимъ-то гусаромъ, и такъ весело, такъ мило разговаривала.

Кадриль кончилась. Я бросился къ ней.

«Боже мой! я васъ не узнала бы, Антонинъ! Радуюсь, что вы здоровы, и, кажется, веселы?»

Я не смѣлъ отвѣчать. Новая кадриль. Опять гусаръ и опять разговоры съ нимъ.

Бѣдная дѣвушка! Какъ ее мучили приличія! Скрывая чувства, она почти не замѣчала меня. Гусаръ, казалось, увлекалъ все ея вниманіе. Что это за гусаръ? Онъ молодъ, хорошъ, богатъ, знатенъ — бальный человѣкъ.

Паулина вздумала рекомендовать насъ другъ другу, какъ будто ей хотѣлось оправдаться въ глазахъ гусара, сказать, что́ я за человѣкъ и почему такъ просто мы разговариваемъ съ нею; ей какъ будто хотѣлось сказать ему.... Богъ знаетъ, что́ хотѣлось ей сказать.....

Мы весело смѣялись, но мнѣ было досадно. Боже мой! такъ ли думалъ я встрѣтиться?

И опять гусаръ и уже не на балѣ, а въ домѣ, и какъ добрый, любезный гость, и я ни слова не могъ сказать ей! Онъ, въ самомъ дѣлѣ, такой милый, такой ловкій..... Да, зачѣмъ онъ здѣсь?

Опять балъ гдѣ-то завтра и она осталась для того дома. — А за чѣмъ же не осталась она вчера съ полубольнымъ отцомъ?..... Паулина! это мнѣ не нравится.....

Съ балу она уѣхала прямо въ Останьково къ теткѣ. — Поѣдемъ туда; подышимъ свѣжимъ воздухомъ тамошнихъ болотъ.

Прасковья Ивановна облапила меня, какъ добрый коршунъ, вопросами о Петербургѣ, о дѣлахъ, о своемъ дѣлѣ, о моей службѣ, и мнѣ забавно было, что она говоритъ со мной, какъ съ бѣднымъ сиротой Антониномъ, бѣднымъ чиновникомъ. Она вынесла бумаги, заставила меня читать. Паулина возвратилась съ прогулки съ большимъ обществомъ, и — гусаръ опять былъ съ нею.....

Я готовъ былъ спросить: по какому праву безотвязная любезность его вѣчно съ Паулиною?

Но, слава Богу! я подглядѣлъ нѣсколько взглядовъ, украдкою брошенныхъ на меня. Ты думаешь, Паулина, я не замѣтилъ ихъ? Въ нихъ сказывалось мнѣ твое чувство. Съ гусаромъ ты смѣешься только, шутишь. Если бы я могъ поговорить съ тобою полчаса....

Я говорилъ съ нею, я осмѣлился напомнить ей объ нашемъ дѣтствѣ, о нашей любви..... Она слушала и молчала....

— «Паулина!» сказалъ я — «Если бы я теперь осмѣлился потребовать отъ васъ исполненія той клятвы, какую вы тогда мнѣ дали.....»

Она посмотрѣла на меня съ удивленіемъ.

— «Я не измѣнился, Паулина — семь лѣтъ я только и жилъ вами, только и помнилъ объ васъ — я люблю васъ, Паулина, люблю страстно.....»

Она была въ страшномъ замѣшательствѣ и ничего не умѣла отвѣчать. Но отъ чего она улыбнулась?

Разговоръ нашъ перервался приходомъ Прасковьи Ивановны.

— «Что жъ ты, Антонинъ, медлишь здѣсь, и что ты живешь въ Москвѣ?» спросилъ меня утромъ отецъ Паулины, когда я пришелъ къ нему. — «Вообще, въ послѣднее время, я слышалъ о тебѣ много такого.... Ты, братъ, и теперь что-то не по состоянію одѣтъ.... Это мнѣ не нравится, Антонинъ! Мы съ тобой поссоримся — я привыкъ любить тебя, какъ сына, а ты чуть ли не зашалился.... И ты еще посмѣиваешся при моихъ словахъ!»

Нашъ разговоръ прервала Прасковья Ивановна. Она сказала мнѣ, что ей надобно поговорить со мною. Да что она за хозяйка такая сдѣлалась въ семьѣ Паулины?

О чемъ хочетъ она «поговорить со мною?»

— Я увѣрена, что говорю съ благороднымъ молодымъ человѣкомъ, который помнитъ, чѣмъ обязанъ онъ здѣшнему дому, и потому охотно взяла я на себя обязанность объяснить вамъ неприличіе вашихъ поступковъ. *Мы*, конечно, не обязаны требовать у васъ отчета въ вашей жизни, и въ томъ, какъ вы располагаете вашимъ *каррьеромъ*, хотя искренно желаемъ вамъ добра, но вы позволяете себѣ слишкомъ короткое обращеніе съ моею племянницею Паулиною, и *мы* просимъ васъ вспомнить, что такимъ обращеніемъ вы можете повредить нашимъ семейнымъ распоряженіямъ.

Вы должны были замѣтить, что она почти невѣста (Прасковья Ивановна наименовала гусара), и *мы* просимъ васъ оставить мою племянницу въ покоѣ.....

«Развѣ Паулина говорила вамъ что нибудь?»

— А развѣ ей было что нибудь вами сказано?

«А развѣ она согласна отдать руку свою этому жениху?»

— А развѣ вы имѣете право спрашивать о томъ?

«Почему жь нѣтъ, Прасковья Ивановна? Я люблю Паулину; мы воспитывались вмѣстѣ, и почему не могу я также быть ея женихомъ?»

Прасковья Ивановна поглядѣла на меня съ изумленнымъ видомъ, помолчала, и потомъ сказала:

— Мы надѣемся, что вы скоро оставите Москву?

«Нѣтъ! я жду здѣсь приказаній моего начальства, и проживу здѣсь еще мѣсяцъ.»

— Въ такомъ случаѣ, *мы* просимъ уволить насъ отъ чести вашего посѣщенія.

Я поклонился, не сказалъ ни слова и ушелъ.

III.

Несчастливъ ли я? Не знаю — кажется, несчастливъ? Но отъ чего же горесть не терзаетъ меня и сердце мое не разрывается грустью? Презрѣніе и негодованіе замѣнили во мнѣ любовь и печаль.

Онѣ уѣхали въ свою Подмосковную деревню. Я не могъ видѣться съ нею. Она не старалась, не хотѣла, стало быть, видѣть меня — она не любила меня, или

тутъ есть какая нибудь тайна. Боже мой! или я ошибался въ ея чувствѣ? Это было легкое впечатлѣніе, привычка дѣтскихъ лѣтъ....

Я вовсе не грущу, но однакожь боюсь за себя. Такая пустота въ душѣ, такая пустота вокругъ меня. Она ужасна! Уѣду въ деревню свою, не выгляну на людей, не пущу ихъ никого къ себѣ. Я старъ уже теперь добиваться почестей и служить. И то семь лѣтъ погибли у меня въ Петербургѣ. А въ Москвѣ что мнѣ дѣлать?

Странное впечатлѣніе!

Мнѣ надобно было повидаться и переговорить съ однимъ изъ знакомыхъ моего дяди. Я нашелъ добраго старика, не сказалъ ему ничего о смерти дяди, назвалъ себя, и старикъ припомнилъ, что онъ знавалъ когда-то отца моего и мать. Мы разговорились, какъ старые пріятели. Бесѣду нашу прекратилъ какой-то незнакомецъ. Его синій, старый сюртукъ, палка, зеленый картузъ, лицо, походка, разговоръ, все бросилось въ глаза мнѣ, отвыкшему отъ такихъ оригиналовъ въ Петербургѣ.

Мой оригиналъ подошелъ къ хозяину, взялъ его за руку, посмотрѣлъ на него съ минуту, и сказалъ: «Въ двадцать первый разъ поздравляю тебя — поздравлю ли въ двадцать второй — Богъ знаетъ!» Слезы навернулись у него на глазахъ; онъ отворотился. «Экая дрянь!» сказалъ онъ, утирая глаза. «Прощай до вечера! Я вѣдь къ тебѣ со всѣми?»

— Разумѣется; если бы Рудольфъ не пріѣхалъ къ

старику Смыслинскому, у Смыслинскаго и именины были бы не въ именины. Да куда жь ты спѣшишь? Постой!»

«Нѣкогда. До вечера!»

И незнакомецъ ушелъ поспѣшно.

«Вы удивляетесь моему знакомому?» сказалъ мнѣ Смыслинскій.

— Совсѣмъ нѣтъ, но я желалъ бы знать.....

«А вотъ видите — это добрѣйшее созданіе, какое только есть въ мірѣ, господинъ Рудольфъ; не дивитесь, что онъ такъ чисто говоритъ по Русски: Рудольфъ мой Нѣмецъ только по имени; отецъ его былъ лекаремъ, а сынъ родился и выросъ между Русскими. Онъ самъ разсказываетъ, какъ онъ учился медицинѣ, и славно было выучился, но совѣсть не допустила его сдѣлаться медикомъ. Онъ пошелъ въ статскую службу, не умѣлъ выслуживаться, и вотъ двадцать пять лѣтъ, какъ онъ въ отставкѣ, поселился въ Москвѣ, завелъ перчаточную фабрику, шьетъ и кроитъ перчатки, и былъ бы счастливѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ, если бы не многочисленное семейство, не честность, не юношеская пылкость, которой не потушили въ немъ годы. Его обманываютъ, обкрадываютъ; онъ смѣется и не заботится о томъ, говоря, что, слава Богу, сытъ. Пару морщинъ провели у него только въ послѣдніе годы койкакія семейныя обстоятельства....»

Словоохотный старикъ готовъ былъ разсказать мнѣ всю исторію своего стараго пріятеля, если бы я не перебилъ его вопросомъ, что значили слова: «Поздравляю въ двадцать первый разъ?»

«Значитъ то, что двадцать лѣтъ сряду онъ поздравляетъ меня съ именинами и проводитъ вечеръ именинъ у меня. Надѣюсь видѣть васъ также въ числѣ добрыхъ моихъ гостей? Въ восемь часовъ, даже и въ семь, мы рады вамъ будемъ.»

— Я боюсь быть въ тягость.....

«А по чему бы такъ? Вы, молодые люди, попляшете, а мы посмотримъ..... А тамъ и о дѣлѣ поговоримъ.....»

Не знаю что-то привлекало меня къ старику и къ его пріятелю. Мнѣ въ первый разъ случилось увидѣть такое отсутствіе всѣхъ *формъ*, что-то такое грубое, но честное и доброе, старинное дѣдовское — мнѣ казалось, что я читаю Лафонтеновъ романъ. Я пришелъ къ Смыслинскому на вечеръ.

Въ добромъ былъ я расположеніи, и ничто не казалось мнѣ смѣшнымъ, можетъ быть, отъ того, что мнѣ такъ ужь надоѣли великолѣпные *будуары* и салоны. Чистый, свѣтленькій, мѣщанскій домикъ, простота обхожденія, простыя лица, громкій хохотъ, шутки, для меня непонятныя, но не знаю чѣмъ смѣшившія все собраніе, двѣ скрыпки и басъ, затѣснившіе маленькую прихожую, гости по очередно цѣловавшіе всѣхъ и каждаго, свой міръ разговоровъ, молодежь въ коричневыхъ фракахъ, съ фигурными свѣтлыми пуговицами, въ жилетахъ съ бархатными отворотами, дѣвушки такія плотныя, краснощекія, матери, сидѣвшія рядкомъ, отцы, засѣвшіе играть по грошу въ бостонъ, пуншъ, поданный въ стаканахъ — ничто не казалось мнѣ смѣшно. Весь собравшійся народъ совершенно зналъ другъ друга. Каждый изъ гостей от-

водилъ кого нибудь въ сторону и спрашивалъ обо мнѣ, просто указывая на меня пальцомъ. Скрыпки наконецъ запищали: «Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ» — все, что могло плясать, стало въ ряды, и при топотѣ мужчинъ началась кадриль. Соло было выдѣлываемо со всею танцорскою тщательностью. Обо мнѣ забыли, и я могъ наблюдать изъ уголка. Къ счастью, я былъ въ сюртукѣ, отказался отъ танцевъ, и много мыслей пролетѣло въ моей головѣ. Безпечное веселье, Богъ знаетъ гдѣ, въ Таганкѣ, смѣсь образованія, модъ, лицъ безъ страстей и выраженій, и главное: чему они тутъ радуются, чѣмъ они тутъ веселятся? Вотъ что занимало меня.

«И неужели въ этой толкотнѣ ни одной души, ни одного сердца?» подумалъ я. «Мнѣ знакомы блестящія гостиныя и великолѣпные салоны Петербургскіе, гдѣ сердце вытравлено, а душа изгнана; знакомы Московскія собранія, гдѣ то и другое заплыло жиромъ, а здѣсь, въ такомъ собраніи честныхъ мѣщанъ и мелкихъ чиновниковъ Московскихъ, куда ихъ дѣвали?

Противъ меня стала въ кадрили какая-то пара. Кавалеръ былъ превосходный: молодой человѣкъ, завитый въ циріюльнѣ, въ вицъ-мундирѣ, въ пестромъ жилетѣ, въ манишкѣ съ фигурными складками, въ замаранныхъ, желтыхъ, лайковыхъ перчаткахъ. Дѣвушка, съ нимъ танцовавшая, поразила меня чѣмъ-то особеннымъ.

Лицо ея не было красиво, но, разсматривая его, не возможно было осудить ни одной черты. Большіе го-

лубые глаза, съ прекраснымъ выраженіемъ, когда она поднимала ихъ къ верху; свѣжее бѣлое лицо; русые волосы. Одежда также отличала ее отъ другихъ; на ней было бѣлое кисейное платьицо, такъ просто, такъ мило сшитое, безъ всякой пестроты, не гроденаплевое, не пестрое кисейное, не красное, какъ на другихъ. Оно обрисовывало прехорошенькую талію; маленькая ножка, въ черномъ башмачкѣ, видна была безъ всякихъ претензій выказать ее. Дѣвушка танцовала такъ легко, такъ просто. Но странность какая-то являлась у нея безпрестанно и во всемъ. Едва начиналъ говорить съ нею кавалеръ, она какъ будто пугалась, вспыхивала, потупляла глаза; кромѣ того, безпрестанно мѣшалась она въ кадрили и краснѣла еще больше; казалось, она робѣетъ чего-то, боится, рука ея дрожитъ. И только тогда, какъ ее оставляли въ покоѣ, никто не подходилъ къ ней, никто не говорилъ съ нею, лицо ея дѣлалось милымъ, задумчивымъ, привлекательнымъ.

Я обратился къ моему сосѣду съ вопросомъ: кто эта дѣвушка?

— Это дочь Ивана Ивановича Рудольфа, перчаточнаго фабриканта, Людмилла Ивановна.

«Она, кажется, премилая.

— Не дурна бы, да жаль.....

«Что такое?

— Она *дурочка*.

«Какъ дурочка?

— Видите — предобрая, преумная, много училась, но дурочка. Давно бы ей быть за-мужемъ, да она дурочка.

«Что вы разумѣете подъ такимъ названіемъ?

— Какъ вы изволите говорить, что такое, то есть, что разумѣю? Я не понимаю васъ. Спросите у всѣхъ, и всѣ вамъ скажутъ, что она дурочка.

Дѣвушка кончила кадриль и ушла въ другую комнату. Въ сердцѣ моемъ зашевелилось чувство, похожее на жалость. «Бѣдное созданіе!» думалъ я, «неужели въ самомъ дѣлѣ ты лишена ума, и твое милое личико прикрываетъ пустой черепъ?»

Она не выходила танцовать, хотя балъ разгарался болѣе и болѣе; кавалеры стучали немилосердо и пыль поднималась облакомъ, а отъ духоты оплывали сальныя свѣчки по стѣнамъ. Я поспѣшилъ въ другую комнату, гдѣ оставалось немного народа — нѣсколько старухъ и нѣсколько престарѣлыхъ дѣвъ, которыхъ не приглашаютъ на танцы. Дурочка была тутъ. Она сидѣла въ углу, задумчивая и, право, премилая. Голова ея склонилась на грудь; глаза были потуплены; два локона небрежно раскинулись по плечамъ; въ рукахъ держала она розу и общипывала съ нея листочки. Мнѣ пришла на мысль Стернова *бѣдная Марія*: такъ онъ видѣлъ ее, тихую, кроткую, безумную, съ цвѣткомъ въ рукѣ. Но Марія любила, страдала и потеряла разсудокъ, а ты, бѣдное, милое, хорошенькое созданіе, неужели ты лишена природою того, чѣмъ отличается человѣкъ отъ животнаго? Ты дура — не сумасшедшая!..... Она тяжело вздохнула, подняла глаза къ небу — они были прекрасны..... Нѣтъ! не можетъ быть, чтобы она была дура.....

Мои размышленія прервалъ приходъ Ивана Ивановича, отца Людмиллы.

«Что ты здѣсь дѣлаешь, Дурочка?» сказалъ онъ, потрепавши по щекѣ дочь свою.

Она смѣшалась, покраснѣла; мнѣ показалось, будто на глазахъ ея навернулись слезы. Однакожъ это безчеловѣчно, отецъ, и вы, добрые люди! Если она въ самомъ дѣлѣ дурочка, зачѣмъ же выставлять ея безуміе передъ всѣми? Зачѣмъ безпрестанно напоминать ей объ немъ? А если въ душѣ ея сохранилось, или пробудилось отъ вашихъ словъ чувство потери такого отличія человѣческаго отъ животныхъ.... Страшно подумать!

Голова моя закружилась, и я ушелъ тихонько; мнѣ несносно стало въ собраніи *умныхъ* людей.....

Что за вздоръ такой! Лицо Дурочки безпрестанно мерещится у меня передъ глазами. Мнѣ, право, становится такъ жаль ее.....

Умный и *дуракъ*! Мы безпрестанно слышимъ эти два слова, но многіе ли изъ насъ думали надъ ихъ значеніемъ? Не удивительно ли? Я замѣчаю, что я самъ только въ первый разъ разбираю ихъ порядкомъ. Сколько разъ дураками называли при мнѣ такихъ людей, которые не имѣли только извѣстныхъ формъ общественныхъ. Развѣ Руссо не казался дуракомъ въ ряду бархатныхъ маркизовъ и пустоголовыхъ Французскихъ щеголей своего времени? Сколько разъ встрѣчалъ я ужасающую глупость въ людяхъ, прикрытыхъ щеголеватыми фраками, и ихъ никто не называлъ дурака-

ми. И они умники. А педантическіе парики, морщиноватые лбы стариковъ, пошлыя приличія свѣтскости, изученная важность столько разъ заслоняли отъ людей пустоту — пустоту черепа совершенную! И кто не покажется дуракомъ, если сильная страсть увлекаетъ его? Какой поэтъ не дуракъ въ минуты восторга? Какой любовникъ не дуракъ передъ своей красавицей? И гдѣ различіе между умомъ и безуміемъ, по которому едва на цыпочкахъ пройдетъ мысль человѣческая? И что такое нашъ умъ? Неужели все было освѣщено умомъ, что прыгало вчера вокругъ бѣдной дѣвушки? Умъ, умъ!..... Одинъ толчекъ вышибаетъ тебя изъ головы человѣческой, и потомъ человѣку даютъ микстуры, и онъ опять получаетъ тебя, таинственный даръ, и лучъ неба опять свѣтится въ немъ..... Я щупаю себя за голову и ничего не могу сообразить — а все она — эта *Дурочка*! Да, не можетъ быть! Она не дура. — Люди не понимаютъ ее; можетъ быть, она страстно любитъ — несчастная страсть сводитъ ее съ ума — она не смѣетъ сказать — препятствія, бѣдность разлучаютъ ее.....

Прекрасная мысль! Почему не быть страстямъ и въ нихъ, страстямъ сильнымъ, пламеннымъ, рѣшающимъ на жизнь и смерть? Если только неравенство состоянія, если только деньги разлучаютъ ее съ тѣмъ, кого она любитъ — я дамъ имъ денегъ — пусть будетъ она *умна* и счастлива. Въ самомъ дѣлѣ, у меня такое множество денегъ и мнѣ не надобны онѣ. Я радовался было имъ, какъ Божьему благословенію, я погибалъ, когда ихъ у меня не было, а теперь — на

что онѣ мнѣ..... О Паулина, Паулина! какъ счастливъ я былъ, и что ты со мной сдѣлала!..... Лучше отдать ихъ Дурочкѣ — пусть онѣ хоть одного человѣка на свѣтѣ осчастливятъ.....

Надобно узнать. Лицо ея такъ много мнѣ говорило вчера — ея кроткая задумчивость, безпрестанное сознаніе своего сиротства, своего одиночества, своей..... Нѣтъ! не смѣю сказать..... И мнѣ что-то намекалъ старикъ Смыслинскій *о семейныхъ обязательствахъ* Рудольфа.....

Узнаю все. Мнѣ даже досадно, если точно несчастная любовь дала ей названіе Дурочки.....

Что если бы она была просто дурочка? Она такая хорошенькая, такая тихая — я женился бы на ней. Теперь мнѣ все равно. Паулина для меня умерла и другія не живутъ. Почему не быть мнѣ счастливымъ съ красивой дурой? Вѣдь берутъ же куколъ въ добавокъ къ приданому? А я сказалъ бы ей: «Цѣлый свѣтъ отвергалъ тебя — одинъ я не отвергъ тебя, Дурочка! Да, ты потому-то и мила мнѣ, что ты дурочка, что въ тебѣ нѣтъ ненужнаго людямъ, ненужнаго женщинамъ, хотѣлъ я сказать, чего-то такого, что называютъ люди *умомъ* и чего по сихъ поръ они еще не опредѣлили.» — И она любила бы меня, была бы подругой моего уединенія, я былъ бы счастливъ, увѣрилъ ее въ нашемъ счастьи.....

Какія нелѣпости пришли мнѣ въ голову..... Паулина! прости меня! Но я хочу узнать ее, узнать, какъ нѣчто любопытное. Это, право, очень любопытно. И превосходный планъ! Хорошо, что я не сказалъ

Смыслинскому о моемъ наслѣдствѣ и не познакомился съ Рудольфомъ; я притворюсь теперь дуракомъ и бѣднымъ, и посмотрю на тебя, Дурочка.....

Чудо! Я не могъ не засмѣяться, смотря на себя въ зеркало въ моемъ новомъ нарядѣ? Судите послѣ того о людяхъ по наружности.....

Рѣшась познакомиться съ Рудольфомъ и получше узнать мою интересную дуру, я вздумалъ одѣться по дурацки и отправился въ Зарядье. Тамъ, на большой доскѣ, видѣлъ я золотую надпись: *Иностранецъ военнои и протикулярнои Паръ-тнои Рахмановъ изъ Санпитербурха.* Этотъ *Паръ-тнои* одѣваетъ всѣхъ заѣзжихъ провинціяловъ, которые останавливаются въ Зарядьѣ и заказываютъ себѣ платья, какими щеголяютъ потомъ въ своихъ городахъ. *Иностранецъ изъ Санпитербурха* оказался чистый Русакъ.

— Зачѣмъ ты подписалъ на вывѣскѣ, будто ты иностранецъ? — спрашивалъ я его.

«Не льзя, сударь,» — отвѣчалъ онъ. «Это какъ-то *поделикатнѣе*. Ну, кто бы изъ пріѣзжихъ сталъ мнѣ заказывать, подпиши только я: *вѣчно цеховой?*»

Мы составили совѣтъ, и мой Русскій иностранецъ рѣшилъ, показывая мнѣ картинку, которую выдралъ изъ стараго Московскаго журнала, купленнаго имъ на толкучемъ рынкѣ, что если мнѣ одѣться по щегольски, такъ надобно цвѣтной коричнево-табачнаго цвѣта фракъ, съ бархатнымъ воротникомъ и желтыми пуговицами, съ бычачьими головами, желтый жилетъ съ бѣлыми

отворотами и полосатыя брюки. Прекрасно. Потомъ въ Панскомъ ряду накупилъ я себѣ манишекъ съ манжетами, пуговокъ на манишки съ цвѣтными стеклами, атласныхъ дѣланыхъ ошейниковъ, съ большими бархатными бантами, купилъ толстую цѣпочку на часы, навѣсилъ множество печатокъ, надѣлъ зеленыя перчатки. И когда цирюльникъ завилъ меня большими хохлами на двѣ стороны, я не отличилъ бы себя отъ лучшаго франта Александровскаго Сада — такъ глупа сдѣлалась моя рожа и такъ смѣшна стала моя фигура. Лучшимъ доказательствомъ послужило мнѣ то, что когда явился я къ старику Смыслинскому, съ ухватками провинціяла, онъ съ улыбкой сказалъ мнѣ: «Э, мой почтеннѣйшій! да, какъ вы *разфрантились*! А я вѣдь почелъ было васъ *философомъ*, когда вы въ прошедшій разъ видѣлись со мной!»

Тутъ выдумалъ я, будто мой знакомый, большой экономъ, заводитъ фабрику для выдѣлки лайки; что ему надобенъ мастеръ, и прочее, и прочее.

«Да чего лучше» — сказалъ Смыслинскій — «я познакомлю васъ съ Рудольфомъ; поѣдемте къ нему. Что вы давно мнѣ не сказали? Это по его части, и ужь онъ тутъ все такъ хорошо знаетъ, и отрекомендуетъ вамъ, и разскажетъ....»

Черезъ полчаса, мы тряслись по неровной мостовой, на *калиберѣ* съ маленькими рессорами, Московскаго изобрѣтенія. Насъ завезли, Богъ знаетъ куда, къ Спасу въ Спасскую, къ Троицѣ въ Троицкую. Калиберъ остановился у воротъ деревяннаго домика.

«За чѣмъ я здѣсь?» — думалъ я — «что за вздор-

ныя затѣи? Чего я ищу?» — Плыви моя лодка! Будь, что будетъ!.....

IV.

Мы застали семейную картину, какихъ никогда я не видывалъ. Старикъ Иванъ Ивановичъ Рудольфъ, въ колпакѣ и въ жилетѣ, сидѣлъ подлѣ круглаго стола, съ большою трубкою; подлѣ него, по обѣ стороны, сидѣло человѣкъ семь или восемь мальчиковъ и дѣвочекъ, а противъ него Дурочка; нѣсколько книгъ лежало подлѣ нея на столѣ. Въ Москвѣ не знаютъ колокольчиковъ и не запираютъ дверей — ни кто не докладывалъ объ насъ; мы вошли прямо. Дурочка поднялась было съ мѣста, но увидя Смыслинскаго, ласково привѣтствовала его и сѣла по прежнему. Я скромно слѣдовалъ за нимъ и почти не былъ замѣченъ ею. Рудольфъ протянулъ руку не вставая, и тогда, какъ Смыслинскій началъ рекомендовать ему меня, Дурочка тревожно поглядѣла на меня, но я кланялся такъ неловко, глядѣлъ такъ смирно, одѣтъ былъ такъ глупо, что она спокойно обратилась къ своей книгѣ и не занималась мной. Того-то я и хотѣлъ.

«Вотъ, братъ, рекомендую, сынъ стараго пріятеля, Антонинъ Петровичъ — прошу полюбить — малый славный и добрый.»

— Радъ сердечно — полно-те кланяться, садитесь-ка, будьте какъ дома.

«Ну что ты дѣлаешь?

— Да, вотъ слушаю, какъ ребятишки учатся; вѣдь

моя Дурочка на что другое не то, а на это молодецъ.

Она такъ мило усмѣхнулась.

«А вы, дѣти? учитесь?» сказалъ Смыслинскій. «Ну, что вы? здоровы ли? Маманъ гдѣ?» продолжалъ онъ, обращаясь къ Дурочкѣ.

Она отвѣчала безъ замѣшательства, смотрѣла на него ясно, прямо, и кротко унимала дѣтей, которыя то и дѣло шалили.

«Учитесь?» продолжалъ Смыслинскій. «Ну, ты, карапузикъ, говори: въ Испаніи какой главный городъ?»

— Мадритъ! — закричало нѣсколько голосовъ.

«Врете! Кострома!»

Всѣ дѣти захохотали. «А кто построилъ стѣны Вавилонскія?»

— Семирамида! — закричали дѣти.

«Отвѣчай одинъ кто нибудь» — замѣтила имъ кротко Дурочка.

— Да, чего имъ отвѣчать? Какая тебѣ Семирамида! — Вавилонскія стѣны строилъ Илья Муромецъ! Они все врутъ — вотъ чему вы учите ихъ, Людмилла Ивановна? а?»

Всѣ захохотали пошлымъ шуткамъ Смыслинскаго.

«Ты все прежній балагуръ,» сказалъ Рудольфъ: «А, знаешь ли: я самъ бываю всегда при урокѣ ихъ въ среду послѣ обѣда. У меня положено по средамъ, чтобы Дурочка читала имъ Библію, и изъясняла значеніе того, что читаетъ.»

— Мы, стало, перервали васъ — продолжайте — сказалъ Смыслинскій.

«Въ самомъ дѣлѣ! Продолжай-ка, Дурочка, а тутъ пришло такъ хорошо.»

Дурочка оглянулась кругомъ; посмотрѣла на меня; я потупилъ глаза, сидѣлъ на кончикѣ стула, вертѣлъ часовой ключикъ, и она начала читать трогательное мѣсто Евангелія, гдѣ Спаситель говоритъ о блаженствѣ за гробомъ, о томъ, что плачущіе здѣсь утѣшатся тамъ; что кроткіе сердцемъ узрятъ Бога; что блаженъ будетъ тотъ, кого поносятъ, изженутъ, и на кого рекутъ всякъ золъ глаголъ Бога ради, ибо многая будетъ мзда его на небесахъ.

Нѣжнымъ, немного дрожащимъ голосомъ прочитала она текстъ, стала переводить по Русски и объяснять дѣтямъ значеніе словъ и мыслей. Ахъ! какъ она показалась мнѣ хороша, очень хороша! Мы всѣ молчали; отецъ оставилъ трубку; дѣти смотрѣли на нее почтительно. Она говорила такъ просто, такъ понятно. Душа сказывалась въ словахъ ея, и вдругъ оробѣла она, какъ будто испугалась вниманія нашего, испугалась, что такъ смѣло высказываетъ свою чистую, прекрасную душу.

— «На сей разъ довольно!» сказала она, и въ замѣшательствѣ начала прибирать книги.

— «Еще, сестрица миленькая!» — сказала дѣвочка, съ голубыми глазами и русыми волосами, бросаясь на шею къ Дурочкѣ.

Шумъ послышался въ передней. Тамъ раздался чей-то громкій, грубый голосъ: «Самовара еще не поставили, а я гостей привела? Гдѣ же Дурочка?»

— «Э, э! гости!» — вскричалъ Рудольфъ — и моя благовѣрная супруга! Пойдемте скорѣе въ кабинетъ!»

Бѣдная Дурочка! какъ она испугалась, поблѣднѣла, спѣшила убирать книги и столъ. Рудольфъ убѣжалъ поспѣшно. Мы остались. Ввалилась толстая фигура, въ пестромъ платьѣ, въ оранжевой шляпкѣ, и за ней вползли еще три женскія фигуры.

«Что это значитъ? Что ты до сихъ поръ дѣлала? Гдѣ Палашка? аль Филька? опять пьянъ? Вы что тутъ толпитесь, огарыши?»

Все это сыпалось скоро и быстро изъ устъ первой фигуры, въ которой я имѣлъ удовольствіе узнать супругу Рудольфа.

Смыслинскій началъ раскланиваться, рекомендовалъ меня. Дурочка ушла въ безмолвіи. Дѣти въ испугѣ убѣжали. Диванъ за столикомъ заняли гости. Мы ушли въ ту комнату, которую хозяинъ называлъ кабинетомъ. То была каморка въ сторонѣ, съ однимъ окномъ, гдѣ на столѣ лежало нѣсколько бумагъ, разбросаны были обрѣзки лайки, перчатки, а вокругъ на стѣнахъ, на пòлкахъ, лежали перчатки дюжинами, и въ углу на одной полкѣ стояло десятка два истасканныхъ книгъ. Хозяинъ надѣвалъ сюртукъ. — «Гости!» — говорилъ онъ — «Дамы! Нельзя, братецъ въ халатѣ! Извините! Прошу садиться!» Я обратился къ книгамъ; то были старыя изданія Гёте, Шиллера, Лессинга.

— Это еще остатки старые — все растерялось — возьмутъ почитать, да и разрознятъ, потеряютъ — те-

перь уже я Дурочкѣ препоручилъ — все у нея..... А вы знаете по Нѣмецки?

«Нѣтъ!» отвѣчалъ я.

— А по Французски?

«Нѣтъ!» отвѣчалъ я.

— А знать языки не худо, и по дѣламъ полезно, а иногда и отъ скуки почитаешь, знаете, что нибудь. Вотъ я Дурочкѣ моей такъ ужь запрещаю.»

«А вѣдь она какъ хорошо толковала» — сказалъ Смыслинскій — «ей, ей! такъ трогательно!»

— Вѣдь пасторская внучка. То-то и бѣда, братецъ, что ума-то только въ ней нѣтъ, а вотъ читать, либо на фортепіанахъ — такъ, чудо, да и только!

«Ну, а мы вѣдь къ тебѣ за дѣломъ. Садитесь-ка по просту. Видишь, вотъ этому молодому человѣку препоручили.....

Тутъ начались разговоры о перчаткахъ, объ лайкѣ, о мастерахъ. Рудольфъ разговорился, постарался выказать все свое искусство и перчаточное знаніе. Тоненькій, робкій голосокъ раздался за дверью: «Папенька пожалуйте чай кушать; маменька ждетъ васъ.....» Это была Дурочка. Рудольфъ продолжалъ еще толковать.....

«Что это значитъ, сударь? Васъ надобно дожидаться — чай простылъ!» раздался громкій голосъ изъ гостиной. Мы побѣжали на призывъ. «Кланяйтесь, сударь! Мишель! не шали! — Ты, что тамъ въ углу забился, Гришка?»

Такими словами встрѣтила насъ супруга Ивана Ива-

новича, сидя на диванѣ и воеводствуя надъ чаемъ, который страшно тянули гостьи.

Хозяйка была неутомима: говорила, ѣла, пила, мазала масло на хлѣбъ, наливала, подчивала.

Мой Рудольфъ присмирѣлъ; грозно сыпались между дѣломъ брань, слова, сплетни, крики на дѣтей, которые не знали куда дѣваться. Только одинъ Смыслинскій былъ неизмѣняемъ; онъ шутилъ, говорилъ, смѣшилъ всѣхъ.....

А бѣдная Дурочка? Мнѣ жалко ея стало, я не узнавалъ ея; она сидѣла въ углу, блѣднѣла, дрожала, закуталась въ какой-то полосатый платокъ, и я самъ испугался, когда отъ грознаго возгласа мачихи, она уронила и разбила чашку..... Глаза супруги Ивана Ивановича страшно сверкнули. Умоляющій взоръ мужа обратился къ ней — «*Пошла вонъ!*» вскричала мачиха..... Дурочка повиновалась.

Мнѣ горько стало смотрѣть на тиранку добраго семейства. Я взялъ шляпу, просилъ позволенія притти еще разъ, и ушелъ.....

Двѣ недѣли живу я въ Москвѣ, и не странно ли? Меня развлекло, заняло семейство Рудольфа перчаточнаго фабриканта. Смыслинскій разсказалъ мнѣ семейныя обстоятельства своего знакомаго.

Онъ женился уже въ немолодыхъ лѣтахъ, на Нѣмкѣ, дочери пастора, также немолодой дѣвушкѣ. У нихъ родилась дочь: то была Людмилла. Мать ея

умерла вскорѣ потомъ. Иванъ Ивановичъ поплакалъ, увидѣлъ необходимость хозяйки въ домѣ, и плѣнился дородною дочерью сосѣда, секретаря уѣзднаго суда, Ѳедорой Савишной. Бракъ ихъ былъ благословенъ полудюжиной, или больше дѣтокъ, и Ѳедора Савишна вскорѣ умѣла сдѣлаться хозяйкою вполнѣ. Все затрепетало передъ ней и мужъ сталъ первымъ рабомъ ея. Удивительное дѣло: онъ даже такъ привыкъ къ своему рабству, что умѣлъ увѣрить себя, будто онъ счастливъ въ семействѣ, и добрый нравъ, и простой умъ свой умѣлъ примирить съ вздорливымъ нравомъ, охотой къ гульбѣ и неопрятности по хозяйству своей супруги. Ѳедора Савишна первая открыла, что маленькая Людмилла *дурочка*, и вскорѣ согласились съ нею всѣ домашніе, всѣ сосѣди, всѣ знакомые, и наконецъ согласился самъ отецъ. Имя Дурочки замѣнило имя Людмиллы. Въ самомъ дѣлѣ, она всегда была молчалива, не умѣла ни говорить, ни стать, ни сѣсть, и только водилась съ маленькими братьями и сестрами, которые любили ее, какъ послушную служанку. Тетка Людмиллы, содержательница пансіона, уговорила отца отдать племянницу ей. Людмилла прожила у тетки нѣсколько лѣтъ и только подтвердила въ пансіонѣ названіе Дурочки. Ни на одномъ экзаменѣ она не отличилась, ни одной награды не получила. Всѣ подруги любили ее, всѣмъ услуживала она, поправляла, подсказывала уроки. Тетка опредѣлила ее наконецъ гувернанткою въ пансіонѣ своемъ, а Людмилла все таки осталась дурой. Тетка умерла. Дурочку взяли домой; она сдѣлалась управительницей кухни и хозяйства, учитель-

ницей сестеръ и братьевъ, а все таки называлась Дурочкой.

«Да, почему же такъ?» спрашивалъ я Смыслинскаго.

— Да, потому, что она дурочка. Ни слова сказать, ни отвѣчать не умѣетъ, чуть только чужой человѣкъ, и готова заплакать, если на нее поглядѣть пристально. Дурочка, сударь, она, а какая хозяйка, и предобрая. И сватались за нее, да посмотрятъ и въ сторону! Къ тому же у бѣднаго Рудольфа нечего дать въ приданое, а куда нынѣ невѣсты безъ приданаго? И Ѳедора Савишна любитъ таки помотать и одѣться, а вѣдь Дурочкѣ-то ничего не даютъ; она сама на себя выработываетъ.

Нѣсколько разъ являлся я послѣ того у Рудольфа, и къ счастью, ни однажды не заставалъ дома Ѳедоры Савишны. Мы скоро сблизились съ Иваномъ Ивановичемъ. Я нашелъ въ немъ точно добраго, но какого-то нелѣпаго человѣка. Смѣсь стараго образованія съ животною жизнью въ настоящемъ, безразсудная добродѣтель безъ всякаго взгляда на жизнь, и чувство ума, заглушенное мелочами жизни. За чѣмъ бросила сюда такого человѣка судьба? Онъ могъ быть не тѣмъ, что былъ теперь.

Дурочки я не понимаю, и мнѣ досадно. Какъ безотчетно ея лицо, такъ какъ-то безотчетна она вся. Она совсѣмъ не красавица, но мало видалъ я такихъ милыхъ лицъ. Глаза ея *бываютъ* иногда такъ хороши, но обыкновенно они безцвѣтны; выраженіе даетъ цвѣтъ глазамъ. Когда нѣтъ мачихи, нѣтъ посторон-

нихъ, она ловка, мила, даже не похожа на мѣщанку, и — не только мѣщанка, но трепещущая рабыня бываетъ она, когда есть гости, или когда является мачиха. Страшное слово: *Дурочка,* она переноситъ равнодушно, откликается на него.

Мнѣ кажется, что обстоятельства Ивана Ивановича плохи. Я придумалъ средство лучше сблизиться съ нимъ; сказалъ ему, что у меня есть двѣ тысячи рублей, которые желалъ бы я положить въ какое нибудь заведеніе, располагая перейти на службу въ Москву. Иванъ Ивановичъ предложилъ мнѣ товарищество. Я просилъ его принять деньжонки мои изъ процентовъ. Это хорошо сблизило насъ, и я сдѣлался домашнимъ человѣкомъ въ домѣ Рудольфа. Дурочка смотритъ на меня, какъ на Смыслинскаго.

Нѣтъ! не такъ, какъ на Смыслинскаго..... Иногда думая, что я не замѣчаю, она задумчиво устремляетъ на меня взоръ свой, и долго глядитъ, и какое-то чувство, какъ будто жалости, скорби какой-то тогда на лицѣ ея. Если бы она могла понимать.... Я продолжаю разыгрывать роль простяка, притворяюсь невѣждой. Отецъ, думая, что я не знаю по Нѣмецки, при ней однажды сказалъ Нѣмцу своему пріятелю, на вопросъ: «кто я?» — «Добрякъ, честный, но простой малый!» — Дурочка покраснѣла. Такъ и я записанъ въ *дурачки* ими, умниками? — Въ другой разъ, тотъ же Нѣмецъ спросилъ у него при мнѣ (Дурочки на тотъ разъ не было): «Я у тебя часто его видаю? Или онъ женихъ твоей дочери?» — «Нѣтъ!» добродушно отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ — «Какой женихъ! Онъ очень простъ,

да и не богатъ; куда же имъ, и какъ жить и чѣмъ жить?»

Я едва удержался отъ смѣха, когда гость Нѣмецъ важно прибавилъ: — «О, ja!» — Нѣмецъ былъ богатый кожевникъ, и я видѣлъ его дочку, которая почти такъ же высока и квадратна, какъ боченокъ сельдей.

Можетъ быть такъ говорится и при Людмиллѣ; можетъ быть, ей приходитъ въ голову: «Онъ такой же, какъ я — дурачокъ; мы съ нимъ родные! Насъ Богъ свелъ!» И чувство дружбы и ласки выражается въ словахъ ея.....

Мнѣ непонятны однако жь знакомства и отношенія Рудольфа. Меня онъ не знаетъ, а называетъ пріятелемъ. На допросъ Ѳедоры Савишны, изъ моихъ и Смыслинскаго рѣчей, они составили себѣ понятіе, что я бѣднякъ, которому даетъ немного богатый дядя; что я чиновникъ, присланный по дѣламъ какимъ-то въ Москву, и рѣшившійся остаться въ Бѣлокаменной. Я хожу къ нимъ и обо мнѣ не заботятся: мнѣ ставятъ въ похвалу, что я не пьяница, не мотъ, умѣлъ скопить деньжонокъ немного, и какъ ни глупъ я кажусь — я любезный гость ихъ. Каковы же ихъ гости! Бѣдная Дурочка — и при такой мачихѣ — нѣтъ! Она ни въ кого не влюблена, и не дура она, а только одурѣла..... А въ ней есть что-то — я все еще помню ее на вечерѣ у Смыслинскаго, и потомъ, когда она давала урокъ братьямъ и сестрамъ...... Но, что мнѣ до того? Такъ! Ничего — она занимаетъ меня — а что бы сталъ я дѣлать теперь въ деревнѣ?..... Тоска, грусть убили бы меня..... О Паулина, Паулина!

Забавныя слѣдствія!

Вчера пришелъ я къ Рудольфу послѣ обѣда. Онъ спалъ. Дурочка сидѣла одна и что-то шила. Ласково, какъ обыкновенно, встрѣтила она меня, и просила подождать, пока проснется отецъ. Мы оба молчали.

У меня не доставало какъ-то духу играть мою роль простяка. Дурочка, казалось, была въ замѣшательствѣ, въ какомъ-то безпокойствѣ; грудь ея сильно волновалась; на щекахъ выступалъ румянецъ — она была такъ мила...... Какъ будто что-то хотѣлось ей скрыть или высказать. Противъ обыкновенія, она сама начала разговоръ.

«Долго ли вы проживете еще въ Москвѣ?»

— Самъ не знаю — отвѣчалъ я.

«Я слышала, вы хотѣли опредѣлиться здѣсь на службу?»

— Полагаю. Москва мнѣ нравится.

«А Петербургъ не нравился?»

— Нѣтъ, и онъ нравился.

Дурочка улыбнулась. Въ самомъ дѣлѣ, я говорилъ довольно глупо.

«Скажите, Антонинъ Петровичъ, чѣмъ же вы теперь занимаетесь здѣсь?»

— Я? Почти ничѣмъ.

«И вамъ не бываетъ скучно?»

Тутъ былъ случай пуститься въ *комплименты*, которые даже и глупость позволяетъ себѣ говорить, если не отъ нея только они и происходятъ. Но, право, я нисколько не думаю волочиться за Дурочкою, и теперь

особливо, выраженіе лица ея было такъ дѣтски простодушно, рѣчи ея были такъ младенчески сердечны.....

— Иногда, очень скучно бываетъ — отвѣчалъ я.

«Не потому ли, что вамъ нечѣмъ заняться?»

— Правда, сударыня.

«Для чего же не пріищете вы себѣ какого нибудь занятія?»

— Какого же?

«Напримѣръ, чтеніе. Вотъ самое пріятное упражненіе.»

— Я и то, сударыня, записался въ библіотеку и читаю. Я люблю читать.

«Что же вы читаете?»

—Романы.

«Это значитъ терять время по пустякамъ.»

— Помилуйте! Да развѣ вы ихъ читывали?

«Весьма немного, по выбору папеньки. Но есть столько полезныхъ книгъ, которыя вамъ надобно бы..... Можетъ быть вамъ не худо бы прочитать..... Мнѣ жаль, Антонинъ Петровичъ, что вы вообще не любите ученья!.....

— Сударыня! — сказалъ я съ замѣшательствомъ — я любилъ бы его, но вѣдь меня не учили ничему.....

«Начните сами теперь учиться.»

— Мнѣ будетъ стыдно.

«Никогда не стыдно учиться. Повѣрьте, Антонинъ Петровичъ, я принимаю въ васъ участіе, какъ въ родномъ. Папенька очень любитъ васъ. Начните учиться. Начните читать полезныя книги. Вамъ онѣ понравятся.»

— Сударыня! если вамъ угодно......

«Я желаю вамъ добра», сказала она, такъ добродушно, что и тѣни кокетства тутъ не было.

— Выберите мнѣ сами что нибудь.

— «Вы согласны?» сказала она весело.

Послышался голосъ Рудольфа. Онъ вошелъ съ своими обыкновенными шутками.

«Папенька!» — сказала Дурочка — «я удержала Антонина Петровича.»

— И хорошо сдѣлала.

«Мы разговаривали съ нимъ.»

— О чемъ же?

«Онъ проситъ у меня книгъ.»

— Вотъ? Это новость — примись, братъ, за книги — худа не будетъ! Давай-ка чаю, да трубку, Дурочка.»

Она весело убѣжала. — «Предобрая ты!» сказалъ старикъ, глядя въ слѣдъ за нею. Онъ былъ теперь въ добромъ расположеніи, и началъ говорить мнѣ о пользѣ образованія, о выгодахъ его, даже для службы. Пришли вѣчные гости его, Нѣмецъ кожевникъ и еще Нѣмецъ колбасникъ. Я сталъ прощаться. Дурочка подошла ко мнѣ.

«Вы хотѣли, чтобы я выбрала вамъ книгу?»

— Ахъ! сударыня.....

«Возмите, вотъ эту книгу на первый случай.»

То былъ Робинсонъ Кампе. Я взялъ его съ поклономъ. Но у меня не достало духу ни тогда, ни потомъ смѣяться. Она хочетъ пріучить меня къ чтенію, какъ

дитя, и ея дѣтское желаніе такъ просто и такъ добродушно въ ней.....

Чувствую, что свѣтъ еще не погубилъ души моей.

Я возвратилъ ей Робинсона черезъ три дня, и благодарилъ ее, увѣряя, что многое тутъ было для меня совершенною новостью.

«Нѣтъ ли у васъ еще чего нибудь? Признаюсь, мнѣ стыдно показалось, сударыня, что до сихъ поръ читалъ я только романы.»

— Въ самомъ дѣлѣ? — радостно вскричала Дурочка. — Папенька! это добрый знакъ — онъ полюбитъ чтеніе и станетъ учиться — сказала она по Нѣмецки отцу своему.

«И хорошо сдѣлаетъ!» былъ отвѣтъ старика. — Опять долженъ былъ я выслушать рѣчь его о томъ, какъ полезно образованіе, даже и для службы. Дурочка вручила мнѣ, кажется, Дѣтскую Энциклопедію какую-то.

Черезъ два дня, я принесъ ей микроскопъ.

«Сударыня!» сказалъ я — посмотрите. Такія чудеса я начиталъ въ вашей книгѣ, и такъ мнѣ стало любопытно, что нарочно купилъ я — и какія тутъ диковинки я увидѣлъ!»

Радостно изумилась Дурочка. Она поглядѣла на меня пристально; какъ опытный ученый, взяла она потомъ микроскопъ, и цѣлые два часа изъясняла мнѣ, отцу и братьямъ разныя чудеса, такъ хорошо, такъ подробно. Теперь былъ мой чередъ изумляться.

Передача книгъ продолжалась. — «Для чего не учи-

тесь вы языкамъ?» сказала мнѣ Дурочка. — «На Русскомъ языкѣ еще такъ мало книгъ написано.....»

— Вы говорили мнѣ, сударыня, что не худо учиться языкамъ, сказалъ я ей черезъ недѣлю. — Знаете ли, что я беру теперь уроки Нѣмецкаго языка?

«Въ самомъ дѣлѣ?»

— И уже начинаю читать.....

«Ахъ! прочитайте мнѣ что нибудь!»

Она подала мнѣ какую-то учебную Нѣмецкую книжечку; я началъ читать; нарочно ошибался; она поправляла меня — и въ забывчивомъ усердіи, сѣла такъ близко подлѣ меня, что локонъ ея, скатившись съ ея головы, касался лица моего — русый, прелестный локонъ, и пестрая косыночка небрежно свалилась у нея съ плеча. Каждое душевное движеніе всегда оживляетъ лицо ея такимъ живымъ румянцемъ. Теперь оно алѣло отъ радости. Дочь природы! Она не умѣетъ скрывать своихъ чувствъ, какъ другія. Прошло нѣсколько минутъ, она оглянулась сама на себя, поправила локонъ и косынку, и потупила глаза.....

«Ахъ! сударыня!» сказалъ я — «учите меня, сдѣлайте милость — я какъ-то у васъ такъ легко понимаю.....»

— Вы шутите — сказала она, смѣясь.

Новость о моихъ познаніяхъ въ Нѣмецкомъ языкѣ была пересказана отцу и заставила его восклицать: «Браво, браво!»

Теперь я учусь у Дурочки.

Она меня обманывала — эта Дурочка! Какъ ученикъ, оставаясь иногда съ нею, когда нѣтъ отца, я заслушиваюсь рѣчей ея — такъ увлекательно и умно говоритъ она. Не думалъ я никогда, чтобы молоденькая дѣвочка, мѣщанка могла такъ говорить....

Но меня очаровываетъ при томъ въ ней простота, добродушіе, какихъ я также не видывалъ. Преступная мысль не смѣетъ явиться передъ нею.....

Боюсь, чтобы мнѣ не влюбиться въ нее. Чувствую, что въ тотъ день, когда не побываю я у моего перчаточника, мнѣ уже чего-то не достаетъ.

Мое положеніе становится затруднительно. Я долженъ выйти изъ моей роли простяка. Какое странное сцѣпленіе случайностей завело меня къ Рудольфу! Могутъ открыть мое притворство. Чѣмъ оправдаться? Лгать? Изъ чего же? Я не люблю, я не могу любить ее..... Боюсь любить кого нибудь.... О Паулина, Паулина! у меня нѣтъ сердца для другихъ, послѣ того, какъ ты отняла и разтерзала его....

— Антонинъ Петровичъ! для чего вы всегда такъ пестро одѣваетесь? — сказала мнѣ Дурочка.

«Вамъ не нравится?»

— Да, мнѣ кажется, черный фракъ былъ бы лучше для васъ.

Черезъ два дня явился я въ черномъ красивомъ фракѣ; Дурочка посмотрѣла на меня съ изумленіемъ и сказала: «Какъ вамъ идетъ этотъ фракъ — вы «выглядите» другимъ человѣкомъ!»

Мечтательность, мнѣ кажется, шестое чувство у Нѣмокъ, и Дурочка моя не измѣнила своему Нѣмецкому происхожденію. Ея маленькая головка также кипитъ идеалами и мечтами.

Мы разговорились съ ней объ ея матери, которую она едва помнитъ, и я также едва помню мою бѣдную мать..... Память объ ней меня всегда трогаетъ; наше сиротство сблизило насъ; мы казались другъ другу братомъ и сестрой. Я забылся и говорилъ такъ, что у бѣдной Дурочки навернулись слезы.

«Не можетъ быть, чтобы изъ-за гроба не было намъ отвѣта отъ тѣхъ, кого мы любили, кого мы здѣсь любимъ, и чтобы они въ лучшей жизни забыли объ насъ.....» сказала она.

— Но какой бываетъ отвѣтъ?

Мы заговорили о предчувствіяхъ, сочувствіяхъ, явленіяхъ покойниковъ; перешли къ ворожбѣ. Дурочка всему вѣритъ, убѣждена въ своей вѣрѣ, и чуть меня не обратила въ *духовѣрцы*. Она утверждала, что умомъ нашимъ мы тутъ ничего не разгадаемъ, и пересказала мнѣ нѣсколько повѣстей о томъ, чего человѣкъ никакъ изъяснить не можетъ. Я спорилъ; она досадовала и ссылалась, между прочимъ, на общее повѣрье всѣхъ народовъ къ чудесному. Мнѣ хотѣлось доказать ей, что у Русскихъ нѣтъ такихъ повѣрьевъ. Вотъ случай, который пересказала она мнѣ послѣ того, когда я утверждалъ, что святочная ворожба наша просто игрушка для Русскихъ дѣвушекъ:

— Давно когда-то, въ Новѣгородѣ, помнится, была у боярина, или богача какого-то, дочь красавица. Она

ни кого еще не любила, хоть всѣ женихи на нее заглядывались. — «Что ты, моя матушка, не погадаешь о своемъ суженомъ?» — говорила ей няня старуха. — Я не вѣрю гаданью, отвѣчала красавица. — «Какъ не вѣрить ему, матушка: испытай; авось и тебѣ скажется твой суженый.» — Красавица согласилась. Около полуночи, няня и красавица ушли въ отдаленную комнату, постлали скатерть на столъ, поставили два прибора, зажгли двѣ свѣчи; красавица сѣла на одномъ стулѣ; другой, противъ нея остался для незнаемаго гостя. Ударило полночь. Повѣялъ легкій вѣтерокъ, и на стулѣ сѣлъ какой-то гость, мужчина, молодецъ собой, только такой печальный, что красавицѣ грустно стало. Ей казалось, будто она гдѣ-то видѣла своего гостя; подумала она даже, что гость нарочно призванъ няней, и почти увѣрилась въ томъ, когда гость подошелъ къ ней, протянулъ руку, и молча указалъ ей на дверь, какъ будто звалъ ее уѣхать съ собою. Тихонько отрѣзала она лоскутъ отъ его богатаго зеленаго кафтана, встала, хотѣла подать ему руку, какъ вдругъ запѣлъ пѣтухъ, и гость пропалъ, будто его и не бывало. Красавица проснулась; видитъ въ окно, что уже свѣтаетъ; свѣчи догорѣли; няня спитъ въ сторонѣ. Красавица подумала, что все то былъ пустой сонъ, но въ рукахъ ея остался лоскутъ, который она отрѣзала отъ зеленаго кафтана суженаго. Тутъ она задумалась и долго послѣ того искала и не находила того, кого видѣла она во снѣ или на яву, сама она не могла сказать. Вотъ къ отцу ея опять пріѣхали свататься за красавицу. Она слышать не хотѣла. Отецъ говорилъ ей, что

женихъ ея молодецъ, красавецъ, богачъ. — «Пусть онъ пріѣдетъ» — отвѣчала красавица — «я посмотрю.» — Пріѣхалъ женихъ, съ большимъ поѣздомъ; красавица взглянула на него, затрепетала и сказала, что идетъ за него. Онъ былъ тотъ самый, кого видѣла она во снѣ. Свадьба была великолѣпная; долго шелъ пиръ. На другой день молодые стали собиратся къ отцу и къ матери на красный столъ. Мужъ красавицы задумался — «Какой кафтанъ надѣть мнѣ?» — говорилъ онъ. — Нѣтъ ли у тебя зеленаго кафтана? Надѣнь зеленый кафтанъ — сказала ему красавица. Тутъ взглядъ его сдѣлался угрюмъ. — «Я не надѣну зеленаго кафтана — сказалъ онъ. — Почему-же? — «Такъ. У меня съ роду былъ одинъ такой кафтанъ, да съ нимъ какое-то чудо сдѣлалось.» — Какое чудо? — «Богъ вѣсть: только что сшили мнѣ его; о святкахъ я хотѣлъ его надѣть; посмотрѣлъ: на кафтанѣ прорѣха, точно, какъ будто кто нибудь ножемъ вырѣзалъ — мыши не могли такъ проѣсть.» — Что же ты сдѣлалъ? — «Не къ добру показалось мнѣ — я посовѣтовалъ съ знахарями, и они сказали мнѣ, чтобы я сжегъ кафтанъ, а не то быть худу.» — И ты сжегъ его? — «Нѣтъ! онъ и теперь у меня цѣлъ.» — Покажи мнѣ его, авось я наворожу тебѣ на него счастье. — Мужъ и красавица пошли въ кладовую, гдѣ хранились у него платье, конская сбруя и оружіе. — «Вотъ кафтанъ» — сказалъ онъ, снимая его съ гвоздика и показывая молодой женѣ. Красавица вынула лоскутокъ изъ кармана, приложила, и онъ какъ разъ пришелся къ кафтану. — «Ты колдунья проклятая!» вскричалъ

*

мужъ. — «Ты заколдовала меня, не даромъ я полюбилъ тебя такъ сильно, что отбился отъ хлѣба и соли!» Онъ выхватилъ острую саблю, и съ одного маха отрубилъ голову красавицѣ.

— Что же? Изъ вашего разсказа я одно понимаю, что любовь можетъ быть въ самомъ дѣлѣ колдовствомъ, и что прекрасные глаза точно насъ приколдовываютъ.»

Говоря, я смотрѣлъ на Дурочку. Слово: «любовь,» какъ будто испугало ее; она замолчала и задумалась.

Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, что Дурочка меня приколдовываетъ какимъ-то чувствомъ страннымъ, непонятнымъ. — Нѣтъ! оно очень понятно..... Паулина, невѣрная Паулина! простишь ли ты меня? — Я люблю Дурочку! И почему мнѣ не любить ея?..... Нѣтъ! я не хочу ни любить ни влюбляться. Мое знакомство зашло слишкомъ далеко; завтра же уѣду..... Въ чемъ пропало у меня нѣсколько мѣсяцевъ? Вступлю опять въ службу, поѣду въ Петербургъ. Нѣтъ! Мнѣ пора ѣхать въ деревню..... А мнѣ хотѣлось бы еще разъ встрѣтиться съ Паулиной..... Гдѣ она теперь? Счастлива ли она?»

Я простился съ Рудольфомъ; сказалъ старику, что ѣду въ Петербургъ и ворочусь скоро въ Москву. Онъ обнялъ меня дружески. Дурочки на сей разъ не было дома; не знаю почему я порадовался.....

V.

Какая тоска, какая грусть въ такой глуши, въ степной деревнѣ дяди моего! Хозяйствомъ заниматься я не умѣю, и что за занятія въ овинахъ и стогахъ сѣна? И на что мнѣ деньги? И безъ того мнѣ дѣвать ихъ нѣкуда.....

У дяди нашелъ я огромный запасъ хлѣба и наливокъ, и ни одной книги — я сталъ бы хоть читать, помня совѣтъ Дурочки...... Что-то она теперь дѣлаетъ, милая Дурочка?

Невольно приходитъ мнѣ въ голову, что едва ли то время, которое провелъ я въ знакомствѣ моемъ съ Рудольфомъ, не было самымъ веселымъ временемъ жизни моей. Я забылся тогда въ какомъ-то дѣтскомъ чувствѣ.....

А вѣдь она мила! Любить она не можетъ, но можетъ сдѣлать счастливымъ своего мужа. Не знаю, какъ люди женятся безъ любви и бываютъ счастливы, но счастливитъ ли насъ любовь? А если она меня любитъ, съ ея мечтательной головкой..... Вотъ, что пришло мнѣ въ первый разъ на мысль!

Женщины загадка непостижимая; любовь ихъ еще болѣе запутываетъ..... Какъ любилъ я тебя, Паулина, и что ты любила меня, въ томъ я не смѣю сомнѣваться..... Но, какъ мгновенно, какъ безотчетно, безмолвно разошлись мы съ тобой, когда мнѣ надобно было броситься въ объятія другъ друга.....

Нѣтъ! ты не любила меня, Паулина! Зачѣмъ же такъ мучила ты меня?.....

Мысли мои безсвязны. Чувствую, что нынѣшнее житье мое, уединеніе, пустота души моей — сведутъ меня съ ума. Наступитъ зима, поѣду въ Москву, опять увижу Рудольфа и Дурочку, скажу ей, что я люблю ее; въ самомъ дѣлѣ, я ее люблю..... какъ любятъ дѣтскія проказы и шалости. Но что же такое и любовь и жизнь? Шалость.....

Какъ? Быть на канунѣ своего счастія, своего блаженства, а не знать о томъ? Для чего же, судьба, даришь ты насъ и бѣдами и радостями, не давая приготовиться ни къ тому ни къ другому? Развѣ отъ счастья нельзя такъ же задохнуться, какъ и отъ бѣдствія умереть?.....

Съ чего мнѣ начать? Какъ все случилось? И какъ весело однакожь отдавать себѣ отчетъ въ нашемъ счастьи, припоминать себѣ всѣ его подробности.....

Мнѣ надобно было съѣздить въ нашъ губернскій городъ. Тамъ познакомился я съ нашимъ Предводителемъ. Онъ звалъ меня къ себѣ. Пріѣзжаю, и — первый предметъ, который встрѣтилъ я у него, была Прасковья Ивановна. Видъ этой женщины заставилъ меня испугаться! Какъ же изумился я, когда она встрѣтила меня радостными восклицаніями:

«Что это, батюшка, Антонинъ Петровичъ? Васъ ли я вижу? Сколько времени мы не видались съ вами?»

— Мнѣ показалось, сударыня — отвѣчалъ я — что времени вы не могли замѣтить.....

«Вотъ ужь это грѣшно — помнить старое! Можетъ

быть и точно, Господь наказалъ меня, что я хотѣла перехитрить все умомъ своимъ, и не видѣла руки его всемогущей, которая противъ воли ведетъ насъ къ добру.....»

Она утерла глаза платкомъ. Тутъ только замѣтилъ я, что она въ трaурѣ.

«Сударыня!» сказалъ я — «вы кого нибудь лишились?»

— Да, Господь не помиловалъ!

«Неужели Паулина.....» Я не могъ договорить.

— Нѣтъ! Мы лишились отца ея; нашъ добрый старичекъ отправился въ царство небесное.....

«По крайней мѣрѣ» — сказалъ я, отдыхая — «вы можете порадоваться на счастье вашей племянницы.....»

— Какое счастье? Видѣть, какъ она крушится и умираетъ, что цвѣточикъ, скошенный на полѣ.....

«Паулина? Что это значитъ? Развѣ ея супружество.....»

— Какое супружество? Вы меня удивляете. Неужели вы не слыхали.....

Тутъ помѣшали намъ говорить. Я былъ, какъ на иголкахъ, смотрѣлъ на Прасковью Ивановну и не узнавалъ ее. Вмѣсто гордой, нахальной женщины, я видѣлъ смиренную, печальную старушку. Неизвѣстность о судьбѣ Паулины терзала меня..... Тутъ только узналъ я, что я все еще люблю ее..... Едва могъ я дождаться, пока можно было опять заговорить мнѣ съ Прасковьею Ивановною.

«Вы помните, что я, грѣшная, вздумала тогда располагать судьбою моей племянницы. Мои все были

затѣи. Гусарскій ротмистръ графъ *** казался мнѣ достойною партіею; онъ былъ первый женихъ по Москвѣ.....»

— Мнѣ казалось, онъ былъ влюбленъ въ Паулину.....

«О! да какъ еще влюбленъ!»

— И что она любила его.....

«То-то и бѣда, что нѣтъ!

— Она его не любила?

— Каюсь — я располагала такъ, что всякая любовь то же для дѣвушки, что куклы, которыми она играетъ въ дѣтствѣ; что Паулина подумаетъ о томъ, какой блестящій *каррьеръ* ей откроется, какую *прекраснѣйшую партію* она сдѣлаетъ..... И что же, сударь, вышло? Думая, что все дѣло уже слажено, я приняла предложеніе графа, сказала Паулинѣ, а она отказала мнѣ на чисто! Я разсердилась на нее, а она наговорила мнѣ Богъ вѣсть чего — «Хочу любить того человѣка, которому отдамъ руку — хочу быть имъ любима.....

«Она говорила вамъ?»

— Да, и такъ притомъ плакала, что я подумала: не влюблена ли ужь она въ кого нибудь..... Простите, я вѣдь съ вами, какъ съ роднымъ говорю; привыкла считать васъ семьяниномъ.....

«Сударыня..... но Паулина.....»

— Она ничего мнѣ не сказала, какъ я ни спрашивала ее — она только плакала, сдѣлалась больна.....

Я не смѣлъ спросить.....

— Вотъ, графу мы отказали, хоть вся Москва дивилась такому отказу. Тутъ батюшка Паулины скончал-

ся — царство ему небесное! Немного осталось послѣ старика. Любилъ пожить, да и семья большая — чего стоило одно воспитаніе..... Я напомнила Паулинѣ о графѣ, о томъ, какъ бы она была теперь богата и счастлива..... Да, подите переувѣрьте упрямыя головы. — «Богата была бы я,» тетенька, сказала она мнѣ, но не была бы счастлива — мое счастье не съ нимъ!» — Съ кѣмъ же? — Вмѣсто отвѣта, она заплакала только и замолчала. — «Но вѣдь теперь у тебя нѣтъ приданаго..... Ты бѣдная невѣста.....» Видите, я не сказала ей, что все мое имѣньишко я ужь укрѣпила ей — на всякій случай — часъ воли Божьей неизвѣстенъ. У меня дѣтей нѣтъ, а я люблю Паулину, какъ дочь, и пять сотъ душъ все-таки имѣніе, такъ, что, если бы точно выбрала она по сердцу человѣка, и у него ничего не было, имѣніе не должно ее останавливать.....

«Прасковья Ивановна! васъ ли я слышу?»

— Не такъ прежде я думала. — Ахъ! горе, батюшка, и обстоятельства измѣняютъ многое. И добрая Паулина, съ тѣхъ поръ, какъ живетъ со мною, такъ перемѣнила она меня — какая ангельская душа.....

«Вы живете въ Москвѣ еще?»

— Нѣтъ! я разсталась съ Москвою, а теперь ѣду туда, окончить только разныя дѣлишки, и на всегда потомъ поселиться въ деревнѣ моей.....

«Но какъ же я имѣю удовольствіе видѣть васъ здѣсь?»

— Вы забыли развѣ, что деревня моя въ сорока верстахъ отсюда; завтра я ѣду въ Москву; зайдите ко

мнѣ, Антонинъ Петровичъ; Паулина рада будетъ васъ видѣть.....

«Развѣ она здѣсь?» спросилъ я, едва удерживая трепетное движеніе сердца.

— Здѣсь, и мы не разстаемся съ нею, и сколько разъ она у меня спрашивала объ васъ...... Она васъ помнитъ..... Вѣдь я не говорила ей о томъ, что такъ грубо и дерзко отказала вамъ отъ нашего дома. Паулина надивиться не могла, куда вы дѣвались и почему перестали вы ходить къ намъ?.....

О! въ какомъ ясномъ свѣтѣ предстала тогда мнѣ и какъ оправдалась передо мною Паулина, и какъ жаль стало мнѣ бѣдной старухи, Прасковьи Ивановны, которая такъ истинно сознавалась въ винѣ своей передо мною.....

Но я не смѣлъ еще вѣрить, не смѣлъ даже думать.... хотя изъ словъ старухи понималъ..... Видѣть, видѣть еще Паулину, хотѣлъ я и увѣриться.....

Ждать ли утра? Въ провинціяхъ люди обходятся проще и сближаются легче, а, можетъ быть, завтра онѣ уѣдутъ.....

«Дома ли, Прасковья Ивановна?» спросилъ я въ передней. — Ихъ нѣтъ у себя — отвѣчалъ мнѣ слуга, и вдругъ закричалъ радостно: «Вы ли, Антонинъ Петровичъ?» — Я узналъ стараго каммердинера отца Паулины. — «Откуда, сударь, вы взялись, нежданный гость! Пожалуйте, пожалуйте. Барышня дома — она гуляетъ въ саду — позвольте, я позову ее.....»

— Нѣтъ! — сказалъ я — я самъ пойду туда. И

съ волненіемъ сердца пошелъ я въ небольшой садикъ. Какъ встрѣтимся мы съ ней? Что она скажетъ? Неужели.....

Я увидѣлъ ее; въ черномъ платьѣ, въ простой шляпкѣ, тихо, задумчиво шла она по аллеѣ. Она, все та же, чудная, очаровательная Паулина, но еще лучше, еще очаровательнѣе прежняго, въ простомъ платьѣ, съ задумчивостью на лицѣ. Она оборотилась и казалась изумленною.

«Вы не узнали меня, Паулина?»

Она закраснѣлась, потупила глаза, тяжело вздохнула. — «Васъ не узнать?»

Какъ пролетѣли потомъ часа два, я не помню. Уже темно становилось, когда мы услышали голосъ Прасковьи Ивановны. Паулина ахнула, заговорившись со мною; она не замѣтила, что я держалъ руку ея и цѣловалъ ея прекрасную руку. Мы говорили о прошедшемъ, о лѣтахъ нашего дѣтства. Мы свидѣлись, какъ братъ съ сестрой. Паулина разсказывала мнѣ о томъ, какъ надоѣла ей шумная жизнь Московская, какъ рада она укрыться въ деревню!.....

«Вамъ ли могла надоѣсть Москва? Вы царствовали тамъ!» сказалъ я.

— Будто вы не знаете, что такъ угодно было моему папенькѣ; онъ не могъ жить нигдѣ, кромѣ Москвы.

Я хотѣлъ говорить, хотѣлъ броситься къ ногамъ ея, сказать ей все, и не смѣлъ.....

Мы пошли съ теткой въ комнату. Старушка была

такъ говорлива, такъ добродушна; десять разъ принимался я за шляпу и десять разъ бросалъ ее.

«Вы ѣдете завтра?» спросилъ я наконецъ.

— Рано утромъ. Мы теперь простимся съ вами.

«Нѣтъ!» — вскричалъ я внѣ себя — «я не прощусь съ вами; мы не разстанемся болѣе!»

— Я васъ не понимаю, сказала съ изумленіемъ Прасковья Ивановна.

«Паулина! и вы не понимаете?»

Она потупила глаза и закрыла ихъ платкомъ.

«Что это значитъ, Паулина? Вы плачете!»

— Я начинаю понимать, — сказала съ улыбкою Прасковья Ивановна. — Такъ не съ нимъ ли ты надѣялась быть счастлива?

Вмѣсто отвѣта, Паулина бросилась къ ней на шею. Я упалъ на колѣни передъ старушкою.

— Полноте, полноте, дѣти! — сказала она — сядьте, Антонинъ Петровичъ; садись, Паулина! Избави меня Богъ противиться вашему счастью; теперь я понимаю, о комъ вздыхала ты, Паулина, но подумали ль вы о будущемъ? — Жизнь, друзья мои, требуетъ много! — Паулина! вѣдь ты знаешь, что у тебя ничего нѣтъ.

«Мой Антонинъ ничего не потребуетъ,» — отвѣчала она. — «Онъ бѣденъ, я также; онъ можетъ служить, я могу работать. Онъ получитъ мѣсто.....»

— Ты работать? — вскричалъ я — Нѣтъ, нѣтъ! чудная Паулина! Тебѣ не надобно будетъ работать — я богатъ!

Съ изумленіемъ взглянули на меня обѣ. Я долженъ

былъ разсказать о полученномъ наслѣдствѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, поцѣлуй жениха былъ залогомъ вѣчнаго счастья моей жизни.....

VI.

*Отрывокъ изъ письма Графа *** къ его пріятелю, въ Одессу.*

..... а въ самомъ дѣлѣ, милый George, Москва охотница женить. Женитьба въ Москвѣ, что чума въ Царьградѣ. Твой вѣтренный другъ чуть было не попался въ когти свахъ. Невѣста моя была, въ самомъ дѣлѣ, хороша какъ, какъ..... пріищи самъ сравненіе. Клянусь тебѣ, что она была первая въ Московскихъ собраніяхъ, такъ хороша, что я завздыхался по ней, хоть сама она вовсе не охотница вздыхать, хохотала и кокетничала со мной, и до того вскружила мнѣ голову, что чуть было я не предложилъ красивому ея личику руки и сердца, и пустаго портфеля, гдѣ у меня куча старинныхъ грамать и страшный недородъ ассигнацій. Къ счастью, я скоро одумался, провальсировалъ съ ней любовь мою; остатки моей страсти выдохлись на дорогѣ до Петербурга; слѣды пропали въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ. Впрочемъ, какъ подлѣ каждаго яда, природа ставитъ и лекарство, такъ и подлѣ *невѣстъ* всегда находится лекарство самое вѣрное — *тетки*, должность которыхъ состоитъ въ изысканіи средствъ показывать товаръ лицомъ. Не понимаю, какъ находятся еще дураки, которые попадаютъ въ грубыя сѣти, какія

разстилаютъ имъ тетки невѣстъ. Съ усиленнымъ просвѣщенiемъ, такой способъ сбывать невѣстъ непремѣнно измѣнится. Лучшею забавою моею въ Москвѣ было заставлять работать умы тетокъ, сбивать ихъ съ толку, путать и ссорить ихъ между собою. У моей красавицы чудная тетка, какая-то madame Свистунова, Драгунова, или что-то на то похожее. Тетушка работала на славу, и умѣй только я писать комедiи, мой первый сюжетъ былъ бы: «Тетка, или искуство сбывать племянницъ». Воображаю себѣ, mon cher George, какъ легко можетъ попасть неопытный молодой человѣкъ, и какъ легко женитъ его такая тетка на спазмахъ и мигреняхъ въ видѣ красивой невѣсты, съ придачею душъ, заложенныхъ въ Ломбардѣ, даже — страшно подумать — вовсе безъ приданаго, хоть невѣста въ такомъ случаѣ похожа на выпитую бутылку Шампанскаго.....

Отрывокъ изъ письма Прасковьи Ивановны Свистуновой къ ея прiятельницѣ, въ Кострому.

..... По крайней мѣрѣ, я не даромъ ѣздила, и, слава Богу, mon coeur, дѣло порѣшили и Полиньку пристроили. Худыя времена приходятъ; на хлѣбъ все недородъ, а на невѣстъ такое обилье; молодежи много, а жениховъ со свѣчкою ищешь — кто промотался, кто пошелъ въ философы, кто самъ ловитъ, какъ бы жениться повыгоднѣе, а не то, чтобы по любви, какъ бывало ищутъ только сердца, да души, а не приданаго,

да душъ. Ужь этотъ мнѣ Графъ ***, примѣромъ сказать: чуть было не провелъ меня! Хороша бы я была, взявшись устроить участь Полиньки, да отдала ее за его гусарскую щегольскую одежду, когда у молодца-то есть ли полно что нибудь, кромѣ сіятельнаго титула! Вѣдь только и ждала, что *предложеніе* сдѣлаетъ, а какъ послѣ разузнала, такъ сама ахнула и руками схлопнула. За кого было приняться? Оставался *Фитюлькинъ* — малой-бы и туда и сюда — ну, да вѣдь ужь такъ глупъ, mon coeur, изъ рукъ вонъ, а Курочкинъ проигрался на чистую, разбойнику Утюжникову. Правду и то сказать, что Полинька была сама черезъ чуръ бойка и ловка, и по три зимы являлась первою невѣстой; все разбирала, да выбирала, и *рисковала* было явиться на четвертую зиму въ Собраніи. Боже сохрани! если бы изъ-за нея, да появилась какая нибудь въ первыя — долго ли въ засидѣлыя попасть! А на разсчеты была она плоха—все вѣтренничала, и не помогала ни мнѣ, ни отцу къ устройству счастія и судьбы. Да и отъ старика отца, когда еще и параличъ-то его не разбивалъ, толку было мало. Настоящій увалень, прости Господи! О дѣлѣ не подумаетъ только Клубъ, да вистъ. Ужь, кажется, во всѣ глаза глядишь, и тутъ, право, ладу не приладишь, а эти люди сидятъ сложа руки, да хотятъ, чтобы дочери ихъ замужъ выходили! Ну, какъ таки имъ и объ Антонинѣ не знать, что малой наслѣдство получилъ? Нынѣ ужь и съ сотнями появится, такъ съ руками оторвешь, а тутъ вѣдь тысяча, да какой народъ крестьяне, посмотрѣла я! Послѣ, какъ узнали, такъ на

меня же вскинулись: «Ты прогнала его, ты отказала ему!»—Господи Боже мой! какъ же не отказать было? Съ одной стороны графъ, съ другой голой молодецъ вздыхаетъ, ѣздитъ, ухаживаетъ и вздумалъ ужь и поговаривать..... Полинька стала жаловаться, что любовь этого подьячаго ее *компрометируетъ*. Я ему и отшибла разомъ крылья — онъ пропалъ куда-то. Но если и была я невинной причиной, такъ успѣла потомъ и устроить все, и въ совѣсти моей теперь чиста! Развѣдавши, что онъ живетъ въ деревнѣ, я очень испугалась. Долго ли до бѣды! Отъ скуки женится на какой нибудь деревенской пирожницѣ. Ждать было нѣчего; я вспомнила, что у меня тамъ кстати деревнишка; не облѣнилась, взяла Полиньку, сѣла въ карету и поѣхала сама. Славу Богу! все такъ устроилось, какъ я желала. Предводитель мнѣ дальняя родня; я у него успѣла свидѣться, и, знаешь, подноровилась подъ характеръ нашего женишка, что онъ, какъ угорѣлый, тотчасъ и прибѣжалъ. Ужь я тебѣ лично потомъ разскажу, какъ трогательно было, mon coeur; какъ увидѣвши его, что онъ бѣжитъ, я не сказалась дома, Полиньку послала въ садъ, будто гуляетъ, и его велѣла туда же провести. Полинька такъ ужь умно тутъ себя вела, что онъ безъ ума сталъ. И какъ сказали ему, что будто ѣдемъ на другой день, онъ и въ ноги мнѣ. Право, ужь и я наплакалась, какъ было трогательно, mon coeur! Поскорѣе просилъ сыграть свадьбу; вмѣсто Москвы отправились мы въ его деревню, да тамъ и свадьбу сыграли. Женихъ на радостяхъ просилъ меня уничтожить запись на имя Поли-

ны моего имѣнія, а записи-то, правду сказать, вовсе и не было; я ужь ему такъ сказала, чтобы не выставить ее вовсе безъ приданаго. Полинька очень плакала, разставаясь со мною; ей хотѣлось въ Москву, но я подтвердила, чтобы они годъ, либо два, не выѣзжали изъ деревни. Пусть наглядятся другъ на друга, и тѣмъ веселѣе будетъ имъ пріѣхать потомъ, пожить и погулять. Ну, Богъ съ ними! пусть себѣ живутъ, да проживаютъ — охъ! бишь: наживаютъ — ошиблась, тороплюсь отправить письмо.. ... Обнимаю тебя, mon coeur! ....

VII.

По Тверской, или по Никитской, не знаю, катилась карета и остановилась у подъѣзда богатаго дома. Лакей въ галунахъ отворилъ дверцы. Изъ кареты выпорхнула прелестная, богато одѣтая дама; за нею вышелъ мужчина. Можно было биться объ закладъ, что то были мужъ и жена. Сидя въ каретѣ, онъ угрюмо прижался въ уголъ съ лѣвой стороны; она глядѣла разсѣянно въ правое окно кареты; онъ спокойно смотрѣлъ потомъ, какъ лакей помогалъ дамѣ выходить, тихо вылѣзъ, что-то проворчалъ на лакея и медленно поплелся по широкой лѣстницѣ, не думая догонять дамы, которая летѣла впередъ перелетнымъ вѣтеркомъ. Звонокъ изъ швейцарской далъ знать о пріѣздѣ гостей. Хозяйка сидѣла въ своей гостиной; подлѣ нея стояла кормилица съ маленькой дочерью на рукахъ.

— Ахъ! какая малютка! какой амурчикъ! — сказала гостья, весело лаская ребенка, послѣ первыхъ привѣтствій. — У васъ много дѣтей, княгиня?

«Какъ-же, есть съ полдюжины!»

— Покажите мнѣ ихъ! Хочу всѣхъ ихъ видѣть и разцѣловать!

Княгиня дернула за звонокъ.

«Вели мамзель Рудольфъ привести сюда дѣтей!» — сказала она вошедшему слугѣ.

При сихъ словахъ, казалось, ожило лицо гостя, мужа красавицы. Онъ сидѣлъ безмолвно въ креслахъ до тѣхъ поръ, полусловами прибавляя кое что къ рѣчамъ жены, которая смѣялась и разговаривала съ княгинею.

«А у васъ, Паулина, нѣтъ дѣтей?» спросила княгиня гостью, усмѣхаясь.

— Нѣтъ! — отвѣчала гостья, мило улыбнувшись.

Тутъ вошли дѣти княгини. Съ ними вошла молодая гувернантка. Она была дѣвушка хорошенькая, стройная, одѣтая просто и мило.

Пока гостья ласкала и цѣловала маленькихъ княженъ и княжатъ, мужъ гостьи съ изумленіемъ смотрѣлъ на гувернантку, какъ будто узнавалъ въ ней что-то знакомое. Вниманіе, движеніе его, видно, были чѣмъ-то необыкновеннымъ. Жена его занималась малютками, а между тѣмъ взоръ ея успѣлъ скользнуть мимоходомъ по лицу мужа, обратился незамѣтно на молоденькую гувернантку, замѣтилъ блѣдность на ея лицѣ, и потомъ жаръ, вспыхнувшій на щекахъ ея. Если безъ любви можетъ быть ревность, если на прекрасномъ

лицѣ можетъ выражаться злость, мы сказали бы, что взоръ гостьи-красавицы выражалъ то и другое. Улыбка не слетѣла съ устъ ея, но къ княгинѣ повернулась улыбка ея ласкою, а къ мужу какимъ-то презрѣніемъ.

Какая длинная исторія заключалась въ мимолетныхъ взглядахъ, которые незамѣтно бросили другъ на друга три человѣка!

Мужъ казался въ замѣшательствѣ, и какъ будто не зная что дѣлать, неожиданно обратился къ гувернанткѣ:

«Mademoiselle Roudolff..... charmé..... de vous rencontrer.....»

Она низко присѣла.

«Вашъ папенька. ...»

— Я лишилась его, уже давно — сказала она, дрожащимъ голосомъ.

«Онъ скончался?»

— Да, онъ умеръ уже больше года.

Княгиня съ любопытствомъ поглядѣла на гостя и на свою гувернантку. — «Вы знакомы съ мамзель Рудольфъ?»

— Я имѣлъ честь знать ея папеньку—почтенный человѣкъ, — сказалъ гость, стараясь показаться невнимательнымъ.....

Визитъ продолжался недолго. — Мужъ съ женой молчали потомъ, сидя въ каретѣ.

«Мнѣ очень было пріятно увидѣться съ одной изъ прежнихъ вашихъ знакомыхъ» — сказала жена.

Мужъ молчалъ.

«Вкусъ вашъ былъ очень не дуренъ.....»

Онъ все еще молчалъ.

«Она дочь какого-то сапожника, сказала мнѣ княгиня.....»

Карета поравнялась съ Англійскимъ Клубомъ. — «Стой!» — закричалъ мужъ — «высади меня здѣсь!» — Онъ вылѣзъ изъ кареты. — «Къ княгинѣ Сплетниной!» — сказала жена, поправляя свое дорогое боа, когда лакей захлопнулъ дверцы кареты.

Карета помчалась по улицѣ. — Многіе заглядывались на прекрасный экипажъ и на прелестную женщину, которая сидѣла въ такой щегольской каретѣ.....

Мѣсяца черезъ два, тотъ самый мужъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ; наступала осень; каминъ топился; онъ былъ одинъ, сидѣлъ въ большихъ креслахъ и безмолвно смотрѣлъ на огонекъ въ каминѣ. Ловкій каммердинеръ его вошелъ, и съ таинственнымъ видомъ подалъ ему какое-то письмо. Тотъ схватилъ письмо, далъ знакъ каммердинеру выйтти, съ жадностью прочелъ письмо, и опять сѣлъ неподвижно, какъ будто вся жизнь его уничтожилась на то время.....

— «Вы требуете отвѣта, Антонинъ! Вамъ мало того, что свиданіе съ вами заставило меня измѣнить несчастной, рсковой тайнѣ моей; вы хотите отвѣта; вы говорите, что вы несчастливы, что слово мое васъ осчастливитъ; вамъ мало видѣть: вы хотите слы-

шать, что я васъ *люблю*; вы услышите теперь мое признаніе — въ *первый* и въ *послѣдній* разъ, но вы не *увидите* меня болѣе — никогда, никогда..... Мы можемъ оба погибнуть; я и безъ того давно погибла для самой себя....... Теперь, при началѣ вѣчной разлуки, Антонинъ! слушайте: я васъ люблю, люблю больше жизни моей! Можете скрыть мое письмо, можете показывать его всѣмъ, женѣ вашей, цѣлому міру..... Хоть одинъ разъ въ жизни, я скажу смѣло людямъ, что ни ихъ воля, ни воля судебъ, ни что не властно запретить мнѣ любить васъ.....

«Но слово: *люблю*, будетъ послѣднимъ прощальнымъ словомъ; послѣ него, вы не услышите отъ меня ни одного слова—никогда не увидите меня.....

«Антонинъ! за что вы погубили меня? Что я вамъ сдѣлала такое, что вы стали для меня карою небесною? Искала ли я васъ? Звала ли я васъ..... Не вы ли сами нашли меня, не вы ли увлекли меня въ бездну страсти, въ которой уничтожилось для меня все бытіе мое? — Будущее для меня не существуетъ — прошедшее отравлено — настоящее..... ужасно!..... — Но, нѣтъ, Антонинъ! благодарю васъ: вы были моимъ ангеломъ оживителемъ; вы показали мнѣ цѣну бытія; вы показали мнѣ, какъ *можетъ*, *могъ бы быть* счастливъ человѣкъ на землѣ..... Съ высокой горы видѣла я обѣтованную землю — страшная бездна раздѣляетъ меня отъ той земли — что нужды! Я видѣла роскошные сады ея; на меня навѣвало райскимъ благоуханіемъ заповѣдныхъ ея рощей.....

«Неужели я не права передъ Богомъ, передъ людь-

ми, передъ моими родными, передъ вами, передъ собою? Оправдываться мнѣ трудно; мірской судъ тяжелъ, но есть судъ другой..... тамъ оправдаютъ меня..... Въ послѣдній часъ бытія моего буду я молиться только о томъ, чтобы передъ *тѣмъ* судомъ никто не былъ обвиненъ за меня -- пусть лучше я страдаю за всѣхъ.....

«Иногда, даже теперь, думаю: за что была суждена мнѣ такая страшная судьба? Чѣмъ я виновата, что съ колыбели моей легло на меня знаменіе Каинова проклятія?..... Всѣмъ были радости на свѣтѣ, всѣмъ было счастье..... но я казалась сиротой среди родныхъ, и съ насмѣшкой люди заклеймили меня названіемъ *дуры* — да, я точно была дура..... Но и у меня сыскалось свое счастье. Развѣ не счастье было то, что я утѣшала отца моего, когда разтерзанный горестями по дѣламъ, страданіями въ семействѣ, онъ видѣлъ мое сострaданіе, мою любовь къ нему? И какъ часто слеза еще катилась по его щекѣ, а моя ласка уже возвращала на уста его улыбку, и онъ смѣясь говорилъ мнѣ: «*дурочка?*» — Не счастье ли было и то, когда я просиживала ночи за ученьемъ, думая, что потомъ могу образовать братьевъ, сестеръ своихъ, когда потомъ учила ихъ, передавала имъ понятія о Богѣ, о человѣческомъ достоинствѣ.... Они не забудутъ меня.... Они вспомнятъ дурочку, сестру свою.... Не счастье ли было и то, когда я могла потомъ трудами своими помогать бѣдному отцу, раззоренному, лишенному всего, на старости, подъ конецъ тяжкой жизни...., Такъ, и для меня было счастье, но для чего вылетѣла я изъ-за той очарованной черты, которую обвела вокругъ меня судьба, —

для чего потребовала любви сердцу моему, отвѣта душѣ моей..... Быть дурой было мое назначеніе.....

«Да, я ли была въ томъ виновата? Вы, Антонинъ, явились передо мною. И теперь не понимаю, для чего было вамъ такъ зло шутить, такъ обманывать мое легковѣріе? Для чего? Изъ безчеловѣчнаго желанія посмѣяться надо мною?.... Чѣмъ могла я обольстить васъ! Обольщала ли я васъ, безчеловѣчный? Измѣнилъ ли мнѣ хоть одинъ взглядъ..... и могъ ли онъ измѣнить! Сама я не знала, не замѣтила, какъ вы овладѣли моею душею и отняли ее у меня.....

«Я отличила въ васъ человѣка между нечеловѣками, которыхъ видала; на прекрасномъ, благородномъ лицѣ вашемъ, казалось мнѣ, я читала такъ много, и радостно думала я, что душа ваша должна сказаться самой себѣ; я кликнула ее, и мнѣ показалось, что она отозвалась на голосъ мой..... Помните ли тотъ день, когда я въ первый разъ уговаривала васъ учиться, читать? И вы такъ лукаво притворились передо мною — я думала быть Пигмаліономъ для статуи..... Мечты мои, адскій подарокъ человѣку..... но.....

«Для чего вспоминать мнѣ былое? Для чего говорить, что ваше удаленіе, непонятное бѣгство ваше раскрыло мнѣ, что вы заколдовали меня, что я люблю васъ..... Я разссорилась послѣ того и съ жизнью моею и съ собою.

«И какой ужасъ обнялъ меня, когда я узнала, что вы были не то, чѣмъ казались, что вы человѣкъ богатый, свѣтскій, образованный.....

«А!..... проклятыя мечты! зачѣмъ предалась я вамъ

тогда.... вы меня погубили! Безумная мысль зажгла мнѣ голову; я думала, что вы любили меня, что вы скрывались нарочно, чтобы только узнать меня..... Я ждала васъ, я жила вашимъ ожиданіемъ, слухомъ объ васъ.... О Боже! если бы вы тогда явились передо мной, если бы я увидѣла васъ, какъ безпрестанно видала въ мечтѣ моей, во снѣ, на яву — съ любовью въ глазахъ, съ обручальнымъ кольцомъ жениха — я не пережила бы, я умерла бы, но какъ умерла — духи неба позавидовали бы мнѣ тогда, пожалѣли, что они безсмертны..... Я перестала существовать для всего другаго, перешла только въ одну мысль, и кто увидѣлъ бы меня тогда, тотъ назвалъ бы меня не дурой, но сумасшедшей.....

«А люди, которые обрекли меня дурой, не дремали — ихъ языки сняли съ меня имя *дурочки*, чтобы назвать меня *преступницей*; говорили, что вы были..... что я была..... У меня нѣтъ силъ выговорить, написать ихъ слова. Только отецъ мой не повѣрилъ ничему. Онъ долго смотрѣлъ на меня, заплакалъ и сказалъ: «Ты невинна; не знаю, что значитъ поступокъ этого человѣка, зачѣмъ онъ ходилъ къ намъ, а ты невинна..... однакожь, тебѣ не льзя болѣе жить съ нами.....»

«Я перешла въ большой свѣтъ, какъ въ пустыню; я скрылась между дѣтьми, которые еще не свѣтскіе люди, но дѣти — все равно и въ чертогахъ вельможи, и въ хижинѣ поселянина.....

«Но и здѣсь теперь мнѣ нѣтъ мѣста. Вы явились — мнѣ уже не куда убѣжать..... Но зачѣмъ же вы не скрыли, что знаете меня?.... Ахъ, Антонинъ! я вѣрю,

что ты не могъ скрыть, вѣрю, что ты любилъ меня, что ты любишь меня — письмо твое — слова твои — зачѣмъ ты старался видѣть меня..... Не виню, не виню тебя: ты несчастливъ; вѣрю, что неизбѣжная судьба заковала тебя въ неразрывныя цѣпи, и если признаніе мое можетъ тебя хоть на мгновеніе осчастливить (неужели и тому мнѣ не вѣрить?)..... Антонинъ! *я люблю тебя.....*

«Но ты болѣе меня не увидишь. Завтра разстаюсь я съ княгинею — мнѣ нельзя здѣсь болѣе оставаться — любовь твоя будетъ твоимъ и моимъ преступленіемъ, твоею и моею погибелью, а безъ нея — на что мнѣ жить? И гдѣ мнѣ жить? Мнѣ нѣтъ мѣста въ мірѣ..... въ *Москвѣ* — хотѣла я сказать — здѣсь, жена твоя — тамъ, мачиха моя...... Да, у меня нѣтъ уже семейства, нѣтъ крова, гдѣ отецъ могъ прижать меня къ груди своей, и если бы цѣлый свѣтъ говорилъ о моемъ позорѣ, сказать мнѣ: «ты невинна!»

«Молюсь за тебя, молюсь за всѣхъ..... И тяжко мнѣ, Антонинъ, тяжко — только одинъ разъ испытала я такое страданіе, когда умиралъ отецъ мой, всѣми оставленный, когда безчеловѣчные выгнали его изъ дома, и всѣ, всѣ забыли его, кромѣ меня.....

«Не старайся узнать обо мнѣ. Ты ничего и никогда не узнаешь — есть на землѣ убѣжище, куда люди не смѣютъ входить..... гдѣ не услышимъ мы рѣчей ихъ.....

«Антонинъ! неужели ты не жалѣешь обо мнѣ, или любовь твоя опять притворство?....»

«А гдѣ же ваша мамзель Рудольфъ?» — спросила черезъ нѣсколько дней у княгини одна гостья. — «Вы, кажется, были довольны ею?»

— Очень, но она сама не захотѣла у меня жить, и не знаю гдѣ дѣвалась. Она была такая странная: добрая, тихая, но, право, иногда можно было подумать, что она.... какъ бы вамъ сказать,.... *дурочка!*» отвѣчала княгиня, улыбаясь, и стараясь смягчить выраженіемъ названіе, какого удостоила свою бѣдную гувернантку.

Хвалятъ Московскія окрестности. Я не согласенъ, чтобы всѣ онѣ были равно хороши. Ничего не знаю скучнѣе многихъ изъ нихъ — Марьиной рощи, Кускова, Останькова, Преображенскаго, Перова. Искуство можетъ вездѣ дѣлать чудеса: изъ милліона, который посѣяли на кирпичныхъ ямахъ подлѣ Петровскаго замка, выросли чудесный паркъ, рощицы, театръ, воксалъ, аллеи, дачи, но тамъ одно искуство! Есть, однакожь и такія мѣстечки подлѣ самой Москвы, гдѣ прихотливая природа не спрашивалась искуства, и является красавицей въ свѣтлыхъ водахъ, зеленыхъ рощахъ, волнистомъ мѣстоположеніи. Не говорю о Симоновѣ, о Поклонной Горѣ — тамъ все вниманіе увлекаетъ, всю красу составляетъ Москва, видъ на ея золотыя головы. Но подите въ Царицыно, въ Коломенское — еще ближе: въ Лужники, туда, гдѣ съ одной стороны лугъ съ Новодѣвичьимъ монастыремъ, съ другой Нескучное и Васильевское, съ третьей Воробьевы горы и совершеннымъ полукругомъ обвилась около нихъ Москва

рѣка; въ сторонѣ тихо извивается Сѣтунь и вливается въ Москву рѣку; неправильными изломами сдвигаются къ ней Воробьевы горы. Мельница, кирпичные заводы, Троицкое съ патріаршескою церковью, извивъ Сѣтуни съ безконечнымъ лугомъ; вдали селенія, домики, поля; кругомъ все дико, задумчиво. Но то не печаль Сибири, не ужасъ пустынь Финляндскихъ — то слеза на глазахъ милой дѣвушки, задумчивость первой грусти, которая даже нравится своимъ нежданнымъ посѣщеніемъ..... Тамъ нѣкогда любилъ я гулять, мечтать, смотрѣть на заходящее солнце, смотрѣть, какъ при закатѣ его отражались въ Сѣтуни колокольни Новодѣвичьяго монастыря, и когда потомъ вечернія тѣни налегали на окрестности — ходить тамъ, смотрѣть, какъ луна плавала и дробилась въ струяхъ Сѣтуни и въ ближней рощѣ свисталъ и щелкалъ соловей..... О мое милое, грустное — *невозвратимое* прошедшее....

Тамъ, въ одинъ лѣтній вечеръ, ходилъ человѣкъ, еще не старый, но печальный, какъ будто утомленный жизнью. Онъ любопытно глядѣлъ кругомъ. Видно было, что онъ неожиданно зашелъ сюда и радовался новому впечатлѣнію. Такой подарокъ душѣ казался ему рѣдкостью. Трудно было разгадать, что состарѣло этого человѣка: лицо его не было покрыто морщинами труда и думы, не было опустошено и глубокими страстями: какое-то безчувствіе, онѣменіе чувства выражало лицо его. Можно было подумать, что жизнь душила его, какъ душитъ Кикимора, когда между тѣмъ во снѣ представляются спящему, будто онъ гуляетъ въ роскошныхъ, великолѣпныхъ чертогахъ....

Онъ долго сидѣлъ на крутомъ пригоркѣ къ Сѣтуни, тамъ гдѣ густыя ивы склонились на воду и закрыли ее..... Вечеръ наступалъ; все кругомъ было тихо и пустынно. Желтые листья падали и хрустѣли, взвѣваемые легкимъ вѣтеркомъ. Вниманіе его обратилось на старушку, которая стояла на колѣняхъ у самаго берега Сѣтуни, молилась и плакала. Онъ подошелъ къ ней.

«Что ты плачешь, милая? Что съ тобой сдѣлалось?»

— Ничего, сударь.

«Но ты плачешь?»

— Нельзя не плакать, да не объ себѣ только.

«О комъ-же? Развѣ у тебя нѣтъ *своего* горя?» — сказалъ незнакомецъ, горестно улыбаясь.

— Какое-же мое горе? Слава Богу! сыта, обута, одѣта — радуюсь на дѣтей. Но здѣсь видѣла я горе такое, которое видно велико было: не перенесла его, голубушка.....

«Кто такая?»

— Не знаю, сударь, и никто не знаетъ.

И старуха разсказала, какъ два года прежде, въ этотъ самый день пришла къ ней молодая дѣвушка, хорошенькая, но блѣдная, какъ смерть, и попросила позволенія отдохнуть въ ея хижинѣ; какъ гостья ласкала ея дѣтей и плакала, и потомъ долго читала какую-то книжку и опять плакала.

«Видно было, что она барышня — она была одѣта такъ хорошо и дала мнѣ двадцать пять рублей, когда я разсказала ей про мои недостатки, и потомъ

пошла она гулять, и долго сидѣла тамъ, гдѣ вы сидѣли, сударь, и сошла вотъ сюда къ берегу, и долго смотрѣла на воду — перекрестилась.....»

Старуха перекрестилась сама, заплакала и сказала: «Упокой, Господи, ея душу!»

Незнакомецъ молчалъ.

«И ты не могла узнать, кто она была?» спросилъ онъ мрачно.

— Богъ вѣсть — никто не явился къ бѣдняжкѣ — ее зарыли тамъ въ лѣсу, какъ грѣшницу, а я увѣрена, что она была предобрая; видно, злой человѣкъ погубилъ ее. Я отдала на поминъ души деньги ея, и только оставила у себя книжечку, которую она читала, да батистовый платочикъ, которымъ утирала она слезы.....

«Покажи ихъ мнѣ» — сказалъ незнакомецъ.

— Вотъ они.

Онъ взялъ въ руки книжечку — то былъ Нѣмецкій молитвенникъ. На бѣломъ листочкѣ у него было написано по Нѣмецки:

«*Дурочкѣ моей* (Meinem Närrchen), *отъ любящаго ея отца, да молится она, когда Господь посѣтитъ ее печалями.*»

«Платокъ!» — вскричалъ незнакомецъ. Онъ схватилъ его, взглянулъ на уголокъ и прочиталъ на немъ буквы: L. R.

Свѣтло отражалась луна въ водахъ зеркальной Сѣтуни Незнакомецъ сидѣлъ на берегу и не плакалъ. Поздно было, когда онъ побрелъ черезъ лугъ къ Смоленской заставѣ. Старушка стояла въ сторонѣ и не

смѣла ничего сказать. — «Молись за нее» — сказалъ незнакомецъ, и положилъ ей въ руку сторублевую ассигнацію. «Книжечку и платокъ возьму я себѣ!» — Старушка молча поклонилась.

Вѣроятно, онъ утѣшился потомъ. И какъ было ему не утѣшиться? Вѣдь онъ былъ богатъ, женатъ на молодой, прекрасной женщинѣ, уваженъ въ свѣтѣ, и притомъ, «какъ намъ, добрый читатель, сказать:

Къ сожалѣнью, иль къ счастью, что наше
Горе земное не надолго? Здѣсь разумѣю я горе
Сердца, глубокое, нашу всю жизнь губящее горе,
Горе, которое съ милымъ потеряннымъ благомъ сливаетъ
Насъ во едино, которымъ утрата для насъ не утрата,
Смерть въ двоемъ бытіе, а жизнь порывъ непрестанный
Къ той чертѣ, за которую милое наше изъ міра
Прежде насъ перешло! Есть, правда, много избранныхъ
Душъ на свѣтѣ, въ которыхъ святая печаль, какъ свѣча предъ иконой,
Ярко горитъ, пока догоритъ; но она и для нихъ ужь
Все не то подъ конецъ, какою была при началѣ,
Полная, чистая..... Много, много инаго, чужаго,
Между утратой нашей и нами уже протѣснилось.....
Вотъ, наконецъ, и всю измѣняемость здѣшняго въ самой
Нашей печали мы видимъ..... И такъ скажу, къ сожалѣнью —
Наше горе земное не надолго.....

О БУМАГАХЪ

и

ЗАМѢТКАХЪ, ОСТАВШИХСЯ ПО КОНЧИНѢ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ВЪ ЕГО СОБСТВЕННОМЪ КАБИНЕТѢ

О БУМАГАХЪ И ЗАМѢТКАХЪ,

ОСТАВШИХСЯ

ПО КОНЧИНѢ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ВЪ ЕГО

СОБСТВЕННОМЪ КАБИНЕТѢ.

Самое смѣлое воображенiе останавливается, изумленное, когда произносятъ имя Петра. Генiй его могутъ постигнуть только — или благоговѣйное удивленiе, или умъ, испытанный изученiемъ Исторiи и глубокою думою о судьбѣ Человѣчества. Безъ размышленiй о таинственномъ жребiи судебъ человѣческихъ, безъ вѣры въ великое, непонятны многiя громадныя явленiя Исторiи въ разныхъ вѣкахъ и у разныхъ народовъ. Непостижимѣе всѣхъ ихъ Петръ — одно изъ самыхъ огромнѣйшихъ явленiй Человѣчества. Скажемъ откровенно: въ настоящее время, намъ, *Русскимъ*, не достаетъ народной гордости. Говорю не о той дѣтской хвастливости, которая, указывая на игрушку свою, восклицаетъ: *мое лучше!* Такой перiодъ нацiональнаго дѣт-

ства мы пережили, и — слава Богу! — Но изъ огня въ поломя попасть ничуть не легче. Мѣсто дѣтскаго хвастанья заступило у насъ какое-то равнодушіе, сомнѣніе, совѣстливость какая-то въ томъ, что должно составлять основаніе народности нашей — мы какъ будто стыдимся себя. Мы готовы отказаться отъ достовѣрности нашихъ лѣтописей; готовы повѣрить первому лепетуну чужеземному, который станетъ утверждать, что только съ Запада идутъ величіе и умъ; что только тѣ, кто учился исторіи по Эллински и по Римски, суть истинные Европейцы; что нашъ Сѣверъ есть царство какой-то окаменѣлости души, такъ, какъ онъ есть смерть вещественной природы — мы всему готовы повѣрить. — «Вы не Католики, вы не Западные, вы не потомки Феодализма, слѣдственно *у васъ не было и Исторіи*» — неужели вѣрить? — «Вы Скиѳы,» — говорятъ намъ — «вы громада вещественнаго!» продолжаютъ говоруны — и мы повторяемъ: «мы Скиѳы, мы громада вещественности!» И торжественно послѣ сего говорятъ намъ: «въ вашей Исторіи не было эпохъ; ваши войны и побѣды были набѣги, завоеванія — у васъ не было великихъ людей!» И даже при такой клеветѣ, сердца наши не кипятъ гордою ревностью, и мы печально, какъ будто готовы отвѣчать: «Да, у насъ не было великихъ людей!»

Знаете ли, какое это состояніе? Состояніе юноши, который вступилъ въ свѣтъ, видитъ, слышитъ, чувствуетъ, робѣетъ за свое происхожденіе, свое образованіе, свои дарованія, юноши, который не понимаетъ еще пустозвучія словъ, выученнаго умничанья, идей,

истертыхъ, хотя и общихъ въ томъ кругу, куда ступилъ онъ, не умѣетъ отвѣтить на нихъ своимъ прошедшимъ и не постигаетъ еще своего будущаго. Такое состоянiе означаетъ естественный переходъ отъ дѣтства, но будьте осторожны въ семъ переходѣ. Именно въ такомъ переходѣ всего легче увлечься блестящимъ софизмомъ, отказаться отъ вѣрованiя, потерять свою нравственную гордость — залогъ всего великаго.....

Споръ нашъ съ Европою оружiемъ конченъ. Мы побѣдили. Теперь идетъ споръ ума. Не уступайте, Русскiе!

Если люди, у которыхъ *была Исторiя*, если потомки Римлянъ, дѣти Феодализма и Общинъ, Католицизма и Реформацiи, народы, которые причислили къ великимъ людямъ такую толпу своихъ, и Богъ знаетъ кого не причислили къ нимъ, осудятъ васъ — не бойтесь: вѣрный признакъ — они робѣютъ насъ! Имъ хочется повторить съ нами тоже, что нѣкогда дѣлала побѣжденная Грецiя съ побѣдительнымъ Римомъ. Истина вездѣ и всегда безпристрастна. Она умѣетъ оцѣнять великое, чье бы оно ни было и гдѣ бы оно ни было. Если хотите опровергнуть ихъ *въ прошедшемъ* — изучайте свою Исторiю; если хотите уличить ихъ въ настоящемъ — узнайте лучше самихъ себя, а для будущаго — за него не опасайтесь! Пусть мы Скиѳы, пусть мы жители безжизненнаго Сѣвера, пусть не было у насъ Исторiи! — Что за дѣло, если глубокая идея судебъ Провидѣнiя раскрывается въ лѣтописанiяхъ нашихъ; что за дѣло, если Россiя является цѣлымъ мiромъ, отдѣльная своею Исторiею, вѣрою, языкомъ —

бѣда: она не подходитъ подъ выкройку Западныхъ системъ — что же намъ дѣлать? Поклонимся Западу, да только не *повѣримъ* ему, а *повѣримъ* его — пусть онъ умничаетъ; постараемся жить не *чужимъ*, а *своимъ умомъ*.

Свой умъ *царь въ головѣ*, по присловью нашихъ грубыхъ предковъ; ученье, о которомъ предки наши говаривали, что оно *свѣтъ, а не ученье тма*, отдавая *трехъ неученыхъ за одного ученаго*, и — главное: вѣра, вѣра въ свое достоинство, суть основанія всего прекраснаго и великаго въ народѣ, какъ любовь къ отцу и сознаніе своего достоинства ручательства за нравственное величіе каждаго человѣка. Вотъ что намъ необходимо.

Сіи великія истины зналъ и въ силу ихъ дѣйствовалъ нашъ Петръ Великій. Извѣстно ли вамъ, что онъ самъ начерталъ меркаторскую карту земнаго шара, подвинулъ на ней надпись: *Европа*, къ западу, надпись: *Азія*, къ югу, и на пространствѣ отъ Чукотскаго мыса до Нѣмана и отъ Архангельска до Арарата поставилъ надпись: *Россія*, такими же крупными буквами, какими на картѣ написано было: *Европа*, *Азія*. — «Всѣ ошибаются, называя Россію государствомъ» — сказалъ Петръ — «она *часть свѣта*.»

Какъ высоко долженъ былъ стать тотъ, кто такъ понималъ назначеніе земли своей и самого себя! — И Петръ сталъ на высоту недостижимую.....

И такова должна быть основная мысль каждаго Русскаго — только умѣйте оправдать ее своею жизнью. Исторія будущаго мы сами. Напишемъ грядущую нашу Исторію великими дѣлами. Ни одинъ народъ не

подражалъ другому въ томъ, что составляло его самобытное величіе. Разгадайте же свое великое въ будущемъ, настоящемъ и прошедшемъ, неотвергаемомъ пророчествѣ будущаго.....

Здѣсь-то всего необходимѣе чувство собственнаго достоинства. Благоговѣю предъ полудикимъ Монголомъ, который думаетъ, что тѣнь Чингисъ Хана до нынѣ шумитъ грозою надъ лѣсомъ, выросшимъ на его могилѣ. Презираю того, кто презираетъ своего предка. Прекрасное и великое не изучаютъ — его творятъ. Здѣсь начало самобытныхъ ума, поэзіи и общественнаго блага. Геніи всѣ были самоучки. Укажите мнѣ человѣка, который выучился быть геніемъ. Нѣтъ! они заставляютъ другихъ изучать ихъ, и изъ законовъ ихъ самобытности выводить законы народовъ и Человѣчества, знаній и ума человѣческаго.

Въ такомъ отношеніи нѣтъ ничего поучительнѣе полнаго, сколько возможно, изученія людей, самобытно великихъ, въ томъ или другомъ народѣ. И что же послѣ сего можетъ быть поучительнѣе *для Русскаго*, если не изученіе нашего Великаго Петра?

Будетъ время, когда Петръ сдѣлается знаменіемъ величія для историка, великою тайною провидѣнія для философа. А для народа Русскаго? О, храмъ славы Петра будетъ безмѣренъ, когда въ преддверіи его станутъ племена полуміра, и гимнъ благоговѣнія взыдетъ предъ изображеніемъ его отъ конецъ земли, и во прахъ лягутъ передъ нимъ безсильная зависть и высокоумная систематика Запада! Великій постигалъ Россію — Россія постигнетъ Великаго. Потомки станутъ

изучать лѣтопись дѣяній его, какъ святыя скрижали, на которыхъ рука судьбы чертила гіероглифы, непонятные для его современниковъ и близкаго потомства, но поясненные опытами вѣковъ.....

Между тѣмъ неужели молчаливо пройдти вѣку нашему мимо изображенія безсмертнаго? — Если мы не осмѣливаемся, не надѣемся на силы свои для рѣшенія вопроса о геніи Петра, сохранимъ предъ нимъ хоть то безотчетное, святое чувство, какое ощущаетъ человѣкъ, созерцая безконечность Океана, снѣга Альповъ и скалы Гималайскія. Важный трудъ предоставленъ намъ: мы должны приготовлять матеріялы, изъ которыхъ будущіе вѣка создадутъ лѣтописи жизни и дѣлъ Петра. Нашъ долженъ быть сей трудъ, наша работа, по свѣжимъ, горячимъ слѣдамъ еще неостывшихъ событій. Все, что касается Петра, должны мы подвергнуть изслѣдованію, обозрѣнію, все, что можетъ указать намъ на то, что сокрыто было въ душѣ его, и открывалось только единому Богу сердцевѣдцу, но ясно въ Исторіи.

Такая мысль побудила насъ обратить на сей разъ вниманіе соотечественниковъ на драгоцѣнный матеріялъ для будущаго историка Петра Великаго, для каждаго, благоговѣющаго передъ его памятью. Мы хотимъ говорить *о бумагахъ, оставшихся по кончинѣ* Петра *въ его собственномъ кабинетѣ*. Сіи бумаги извѣстны намъ изъ реестра, напечатаннаго Голиковымъ въ XVI-мъ томѣ *Дополненій къ дѣяніямъ* Петра Великаго (стр. 241-462). Къ сожалѣнію, реестръ сей краткокъ, и огромное количество бумагъ заставляло людей,

дѣлавшихъ имъ опись, обозначать ихъ немногими словами. Большая часть ихъ безъ означенія годовъ и чиселъ и суть черновые списки, писаны *большею частію* рукою самого Петра, или правлены имъ, перечерчены и измѣнены. Слѣдовательно, на всѣ сіи бумаги устремленъ былъ его орлиный взоръ, и каждая изъ нихъ обращала на себя его вниманіе.

Какая драгоцѣнность! Если все, что только напоминаетъ Великаго Петра, стòитъ полнаго и благоговѣйнаго вниманія потомковъ, какъ любопытно, какъ усладительно было бы историку-наблюдателю углубиться въ разсмотрѣніе сихъ именно бумагъ! Здѣсь, въ собственномъ кабинетѣ своемъ, Петръ хранилъ то, что почиталъ нужнымъ сохранить; здѣсь его намеки, очерки, не одно *дѣловое*, но все что занимало его въ часы досуга, тайныхъ думъ о благѣ народа; здѣсь его *записныя тетрадки,* мимолетныя замѣчанія. Наблюдатель увидитъ въ семъ собраніи молитву, списанную его рукою (*), планы крѣпостямъ, зданіямъ, рисунки машинъ, счеты съ его отмѣтками, распоряженія о гуляньи въ Екатерингофѣ, записки о способностяхъ чиновниковъ, ему извѣстныхъ, отмѣтки о порядкѣ собственныхъ его занятій (**), самыя мелочныя распоряженія (о уборкѣ двухъ комнатъ въ Монплезирскомъ Двор-

---

(*) Она начивается такъ: «Боже великій, вѣчный и святый!»

(**) Вотъ одна изъ такихъ замѣтокъ его, 1 ноября 1721 года: «Понедѣльникъ, вторникъ, середа, четвертокъ, дѣлать уставъ адмиралтейскій; пятница въ Сенатѣ; субботнее утро чужестранныя дѣла, а когда рѣка станетъ, тогда, если много будетъ дѣлъ, четвертокъ прибавить къ Сенатскимъ дѣламъ.»

цѣ дубовымъ деревомъ, о мѣстѣ для свозки нечистотъ въ Петербургѣ, объ обитіи корабля досками съ шерстью, *для пробы*) и важные предметы, которые хотѣлъ онъ обдумать, которыми распоряжался, или хотѣлъ распорядиться (о наслѣдствѣ старшему сыну послѣ отца, о необходимости удержать Ингерманландію, объ управленіи Курляндскимъ герцогствомъ, о предполагаемомъ бракѣ Россійской Царевны съ Французскимъ Королемъ). Разбирая кабинетъ Петра, сколько, можетъ быть, открыли бы матеріяловъ для Исторіи, сколько, можетъ быть, открылъ бы наблюдательный взоръ тайныхъ предположеній и идей Великаго....

Но скажутъ намъ, что прибавила бы сотня самыхъ любопытныхъ записокъ къ славѣ Петра? Къ славѣ его — такъ, но мы пріобрѣли бы въ нихъ драгоцѣнность, мы разгадали, пояснили, прибавили бы еще нѣсколько чертъ къ его изображенію.

Какъ ни трудно изъ упомянутаго нами краткаго реестра судить о сущности бумагъ, оставшихся послѣ Петра въ его собственномъ кабинетѣ, какъ ни трудно дополнять догадкою такой недостаточный реестръ, но мы рѣшаемся однакожь обозначить здѣсь нѣсколько чертъ, которыя, можетъ быть, пригодятся для Исторіи, дополнятъ нѣчто къ понятію о характерѣ и дѣлахъ Петра.

Описывавшіе кабинетъ, раздѣлили реестръ свой на девять отдѣленій: *Дѣла по духовной части; дѣла по воинской части; дѣла по флоту; дѣла по гражданской части; дѣла по слѣдственному судопроизводству; дѣла по торговой части; дѣла по строительной ча-*

сти; *чертежи и планы*; *дѣла смѣшенныя*. Наконецъ, особенно отмѣчено ими тринадцать небольшихъ записныхъ тетрадокъ, всегда бывшихъ у Петра Великаго, гдѣ все отмѣчалъ онъ для памяти, и сіи тетрадки составили послѣднее отдѣленіе.

Не наблюдая такого раздѣленія, мы приведемъ заглавія бумагъ изъ всѣхъ отдѣленій, безъ разбора, по отношеніямъ слѣдующихъ предметовъ, точными словами описывателей кабинета:

ГРАЖДАНСКОЕ УСТРОЙСТВО.

1. «Новоуказныя статьи весьма истребить, и кто станетъ въ челобитьяхъ оныя писать, учинить наказаніе, а ежели чего не будетъ (т. е. доставать) въ Уложеньи, то чинить пункты и прикладывать къ Уложенію.»
2. «Чтобъ то слово, что *недовольно*, *что указъ данъ*, написать въ адмиралтейской книгѣ и въ другихъ мѣстахъ.»
3. «О рапортѣ всякихъ указовъ по вся пятницы, *что сдѣлано*, или *нѣтъ*, и *за чѣмъ*.»
4. «*О срокѣ коллегіямъ*, чтобы совершенный анштальтъ чинили.»
5. «О рапортахъ, *что учинено по указамъ въ Сенатѣ*, и о человѣкѣ, который бы старался объ указахъ, чтобы исполнены были.

Въ слѣдствіе сего:

6. «О учиненіи при Сенатѣ такого чина, который бы

за неприсылку рапортовъ и за неисполненіе, экзекуцію чинилъ.»

7. «О прикрытіи въ должностяхъ и о похлѣбствѣ.

8. «Объ особливомъ человѣкѣ, который бы выбиралъ и представлялъ Сенату *людей годныхъ въ земское служеніе.*»

9. «Президентамъ однимъ не подписывать, но всей коллегіи.»

10. «Буде фискалъ вѣдая пропуститъ, казнь.»

11. «Сдѣлали ль по указу о подъемныхъ младенцахъ, какъ у Новгородскаго архіерея Іова было.»

УСТРОЙСТВО ВОЙСКА И ФЛОТА.

12. «Офицерамъ всѣмъ дворянство и первое мѣсто.»

13. «Объ указѣ коммендантамъ: *держаться до послѣдняго человѣка.*

14. «Объ артиллерійскихъ офицерахъ *Русскихъ*, по нужнымъ городамъ.»

15. «О мундирѣ *изъ своихъ суконъ*, а Бранденбургскіе въ примѣръ.»

16. «О браньѣ Черемисъ и прочихъ малыхъ въ рекруты по гарнизонамъ.»

17. «*Собственноручныя записки*, сколько въ зимнихъ квартирахъ одному человѣку потребно въ день пищи.»

18. «Грамата Патріарха Царяградскаго о разрѣшеніи на мясо войску въ посты; указы о томъ за архіерейской рукою послать потомъ во всѣ полки.»

19. «Изъ полковыхъ старыхъ пушекъ отвѣдать пять или шесть: оттереть короче одну другой.»

20. «О пушечномъ желѣзномъ мастерѣ противъ мѣдныхъ.»

21. «О воженьи пушекъ для скорой стрѣльбы.»

22. «О выниманіи трубокъ изъ бомбъ и набиваніи трубокъ въ бомбы.»

23. «О гранатахъ бумажныхъ, изъ бумаги лить.»

24. «Не забыть отвѣдать о зажиганіи парусовъ.»

25. «О великихъ судахъ подъ мостъ, изъ кожи, или полотна, *сдѣлать самому*.»

26. «О ботикахъ, что кругомъ вертятся.»

27. «Дать всякому корабельщику по два человѣка ребятъ маленькихъ обучать, не только на морѣ, но и дома по моделямъ.»

28. «О солдатахъ на флотѣ особливыхъ.»

29. «О волосяныхъ мѣшкахъ на галеры для сухарей, а крупу и соль, или въ бочкахъ, или въ холщевыхъ мѣшкахъ, а рогожъ, ни на галерахъ, ни на корабляхъ отнюдь не было бъ.»

30. «Изъ всякаго пѣхотнаго полка, по два капральства съ офицерами, жить въ Петербургѣ, для галернаго обученія во время мира.»

31. «Чтобы не отговаривались, что не знаютъ, кои были довольно на галерахъ.»

32. «Мастеровымъ прибавлять тѣмъ жалованья, которые тщатся, а убавлять у лѣнивыхъ.»

ТОРГОВЛЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

33. «Указъ о публикованіи, дабы купоросу, красокъ, бакана и муміи, иголъ, и прочаго, что дѣлается въ Россіи, изъ-за моря не вывозили.»
34. «Тщиться товары свои продавать болѣе на деньги, нежели мѣнять товаръ на товаръ.
35. «О жидахъ изъ Азова, торговать и мѣсто давать.»
36. «О торговлѣ свободной всѣмъ, съ достойною пошлиною.»
37. «О компаніи Сибирской.»
38. «О томъ, чтобы послать въ Англію для ученія дѣланію кожъ, сапоговъ, слесарной работы.»
39. «О сысканіи мастеровъ, которые знаютъ какъ дѣлать масло на Голландскій манеръ.»
40. «О написаніи въ Голландію, чтобы нашелъ человѣка искуснаго, который хаживалъ за овцами, и зналъ, какъ шерсть ихъ умягчать, и другія сысканы ль такіе люди, которые овецъ водить умѣютъ.»
41. «О мастерахъ, кои дѣлаютъ кожи и лосины.»
42. «Въ Парижъ, оыскѣ и наймѣ мастера шарнернаго.»
43. «О наймѣ такихъ мастеровъ, которые дѣлаютъ кожи и подошвы съ ворвеннымъ саломъ.»
44. «Сапожниковъ изъ Курляндіи.»
45. «О выписаніи изъ Брабантіи кружевныхъ мастерицъ.»
46. «О шляпныхъ мастерахъ.»
47. «О присылкѣ изъ Астрахани на пробу тамошняго вина.»

48. «О мельницахъ, чѣмъ стекло точатъ.»
49. «О заведенiи китовой ловли, *для прибыли и матрозовъ.*»

РАЗНЫЯ УЧРЕЖДЕНIЯ.

50. «Купить секретъ, какъ кишки заливныя дѣлать.»
51. «Выписка о машинѣ, огонь угашающей.
52. «Писать о кишкѣ, которую обвязываютъ вокругъ себя, какъ черезъ воду ходятъ.
53. «О дѣланiи въ Смоленскѣ домовъ мазанковыхъ.
54. «О неначинанiи строенiя *по указамъ* безъ порядка, не сдѣлавъ прежде, *кѣмъ* и *чѣмъ* оныя содержать.
55. «Чтобы три дня не хоронили.
56. «О гуляньѣ въ Екатерингофѣ и другихъ мѣстахъ.
57. «Пункты, какъ сдѣлать дорогу, и по сдѣланiи раздѣлить по дистанцiямъ тамошнимъ жителямъ для поправокъ, а изъ городовъ опредѣлить надсмотрщиковъ, которые надзирали бы за ними.
58. «На загородныхъ дворахъ, вмѣсто заборовъ, сажать ольху.
59. «О ботикахъ Финскихъ или иныхъ тому подобныхъ, выдумать для бѣдныхъ людей вмѣсто лодокъ.
60. «О сдѣланiи для извощиковъ образцовыхъ саней.
61. «Объ осмотрѣ дубу на Волховѣ.

ПРОСВѢЩЕНIЕ И ОБРАЗОВАНIЕ.

62. «О счастiи и несчастiи все печатать, что дѣлается, и не утаивать ничего.

63. «Чтобы присылали Французскія газеты.

64. «О краткой исторіи, для внушенія молодымъ послѣ азбуки.

65. «О сочиненіи для простаго народа краткой о законѣ регулы.

66. «О надсмотрѣ за солдатами, чтобы по барабанному бою собирались на молитву, и не вмѣняли бы того въ одну только церемонію.

67. «Объ обученіи ребятъ грамотѣ возлѣ монастырей.

68. «Написать книгу о ханжахъ и изъяснить блаженства (кротость Давидову, и проч.), что не такъ какъ они думаютъ, и приплесть въ требники, а въ предисловіи явить то дѣльцомъ Ростовскаго съ товарищи.

69. «О Греческомъ паденіи отъ презрѣнія войны.

70. «Римское паденіе отъ раззоренія Карѳагена.

71. «Написать о войнѣ, какъ началась, и о нравахъ и случаяхъ, какъ и кѣмъ дѣлана.

72. «Объ отправленіи сюда законника Севастіана де-Анго, Францискана реформата.

73. «Писать объ исторіяхъ Латинскихъ, которыя переводятъ въ академіяхъ.

74. «Пункты Шафирова: какія ему потребны извѣстія къ писанію о исторіи, съ отмѣтками Петра Великаго.

75. «Для исторіи: въ которыхъ числахъ гдѣ былъ.

76. «Какіе журналы отъ кого взять для исторіи.

77. «Объ исторіи: не лучше ль оную напечатать на подобіе Бароніевой?

78. «Реестръ политическимъ книгамъ, продающимся въ Гагѣ, съ *приписками* рукою Петра Великаго.
79. «О пословицахъ на Голландскомъ языкѣ.
80. «О пословицахъ Русскихъ.
81. «О лексиконѣ Русскомъ.
82. «О присылкѣ рисунка присланнымъ изъ Тавастгуста кирпичамъ.
83. «Объ опредѣленіи офицера въ Тавастгустъ, для отысканія двухъ съ старинными письменами досокъ.
84. «О найденныхъ крестьяниномъ каменьяхъ.
85. «О карусели водяной.
86. «Учрежденіе объ ассамблеяхъ (собственноручное.)
87. «Достать въ Римѣ мраморную статую Венеры.
88. «О покупкѣ хорошихъ картинъ.
89. «О статуяхъ и раковинахъ.
90. «О строеніи дома готической архитектуры.
91. «О пріисканіи въ Нѣмецкой землѣ комедіянтовъ.

ЧАСТНЫЯ ЗАМѢТКИ.

92. «Тетрадки съ надписью: *пробовательная хитрость*.
93. «Объ изобрѣтателѣ въ Гданскѣ нѣкоторыхъ полезныхъ секретовъ: узнать *въ чемъ состоятъ*.
94. «О нѣкоторомъ вымышленіи, черезъ которое многія разныя таинства можно открывать.
95. «О смотрѣніи въ полдень на солнце.
96. «Роспись рѣдко виданнымъ животнымъ.

97. «Спросить красокъ, что купили въ Лондонѣ, также кои походятъ на золото.

98. «Нефть утушать стекломъ и купоросомъ. Концы обжечь.

99. «Лютеръ родился въ 1483 году, умеръ въ 1546, живота его было 63 года, тому 165 лѣтъ.

100. «258 лѣтъ, какъ взятъ Царьградъ.

101. «О Запорожскомъ уемѣ не забывать.

102. «Не забывать о Персіи.

103. «Буде мнятъ законы смышленые, то для чего животныя одно другое ѣдятъ, и мы на что имъ такое бѣдство дѣлаемъ?

104. «Записки сновидѣніямъ своимъ и Государыни.

105. «Стихи, писанные собственноручно карандашемъ, начинающіеся такъ:

«Предвѣдѣніе Божіе намъ открываетъ,
Еже время по волѣ его исполняетъ.»

106. «Посмотрѣть къ Коринѳянамъ, зачало 139.

Остановимся здѣсь и взглянемъ на исчисленное нами. Александръ Благословенный, обозрѣвая Сардамскій домикъ Петра Великаго, сказалъ: «*Для великаго человѣка нѣтъ ничего малаго.*» Если Петръ поучителенъ, какъ пересоздатель Русской земли, если обширные замыслы его на Персію, Китай, Мадагаскаръ, Бухарію, Хиву, на всю Европу, заставляютъ трепетать воображеніе наше, если мы изумляемся его предпріятіямъ, каковы были: прорытіе на сто верстъ Ладожскаго канала, соединеніе Дона съ Волгою, экспедиція Беринга въ Америку, въ бумагахъ, оставшихся въ кабинетѣ Петра Великаго, не видѣнъ ли тотъ же

Петръ, тотъ же генiй великiй? Сотня замѣтокъ, выписанныхъ нами, не подтверждаютъ ли сказаннаго нами выше, не поясняютъ ли характеристики его, не прибавляютъ ли онѣ новыхъ чертъ къ изображенiю Петра? Не генiй ли онъ даже въ оставшихся послѣ него запыленныхъ лоскутьяхъ бумагъ, въ замѣткахъ его, какъ искры свѣтящихся въ пыли ста лѣтъ, протекшихъ съ тѣхъ поръ, какъ лежатъ они забытыя, забвенныя потомствомъ?

Бросимъ легкiй взглядъ на исчисленное нами, постараемся угадать намёки Великаго, которые могли бы яснѣе раскрыться изъ подробнѣйшаго обзора самыхъ бумагъ.

ГРАЖДАНСКОЕ УСТРОЙСТВО. Создавая законы, учреждая новыя присутственныя мѣста, составляя штаты имъ, объясняя цѣль основанiя, Петръ Великiй, въ дополненiе всего, какъ видимъ изъ замѣтокъ, касательно гражданскаго устройства, предполагалъ между прочимъ:

1. До составленiя полнаго собранiя законовъ, всѣ новыя узаконенiя собирать, располагать систематически и прiобщать къ Уложенiю, какъ основному началу Рускаго законодательства — мысль, исполненная въ наше время и положившая прочную основу законовѣдѣнiю въ Россiи!

2. «Не довольно того, что указъ данъ« — говоритъ онъ — достопамятное изрѣченiе! Для надзора за исполненiемъ указовъ, онъ хотѣлъ назначить срокъ, въ какой исполненiе каждаго долженствовало быть учи-

нено, предполагалъ еженедѣльные рапорты о томъ, *что сдѣлано, или нѣтъ и зачѣмъ*, и наконецъ хотѣлъ учредить особеннаго чиновника, который наблюдалъ бы только за исполненіемъ указовъ.

3. Отдѣльная мысль: назначеніе особаго чиновника, *для выбора людей*, годныхъ въ земское служеніе.

4. Находимъ, что онъ хотѣлъ установить строжайшее взысканіе за умышленное пропущеніе прокуроромъ дѣлъ при ревизіи — казнь. Наконецъ,

5. Видимъ, что мысль объ учрежденіи Воспитательныхъ Домовъ была уже предметомъ его заботливости.

ВОЙСКО И ФЛОТЪ. Создавъ флотъ и войско, но безпрерывно мысля о дальнѣйшемъ устройствѣ ихъ, Петръ полагалъ:

1. Почтить особеннымъ первенствомъ военные чины, каждаго офицера признавая дворяниномъ.

2. Въ главныхъ мѣстахъ Россіи думалъ онъ опредѣлить артиллерійскихъ офицеровъ непремѣнно изъ Русскихъ.

3. Обязанность мужества: поставить въ непремѣнный долгъ коммендантамъ — держаться въ осадѣ «*до послѣдняго человѣка.*»

4. Изъ Черемисовъ и другихъ малорослыхъ иноплеменниковъ производить наборы для гарнизоновъ.

5. Учредить особенныхъ морскихъ солдатъ, а между тѣмъ изъ всѣхъ полковъ отдѣлять по два капральства, которыя должны обучаться службѣ на морѣ; кромѣ того устроить модели кораблей, по которымъ могли бы

учиться малолѣтные на берегу, образуя потомъ ловкихъ матросовъ.

6. Простирая заботливость на все, онъ самъ исчислялъ, сколько потребно пищи солдату, и видя невозможность держать посты въ походахъ, но боясь потревожить робкіе умы, требовалъ разрѣшительной грамоты отъ патріарховъ, которая могла успокоить ихъ.

7. Замѣтимъ другія мелкія замѣтки его: устройство мундировъ, по образцу Прусскихъ: *изъ своихъ суконъ*, прибавляетъ онъ; литыя бумажныя гранаты; испытаніе выстрѣла пушки длиною ея; испытаніе желѣзныхъ пушекъ; усовершенствованіе трубокъ въ бомбы. — Такъ касательно флота, онъ предполагалъ: уничтоженіе рогоженныхъ кулей на флотѣ; опытъ съ какими-то *вертящимися* ботиками; опытъ особеннаго зажиганія парусовъ; опытъ коженныхъ, или холстинныхъ плашкоутовъ подъ мосты (*сдѣлать самому* — прибавляетъ Петръ). Наконецъ —

8. Важное изобрѣтеніе конной артиллеріи (*моженье пушекъ для скорой стрѣльбы*) занимало уже геній Петра Великаго.

ТОРГОВЛЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. Не изумительно ли и то, что главнѣйшіе предметы государственной промышленности, только въ наше время обратившіе на себя заботливость нашу, уже были предметами вниманія Петра? Онъ думалъ уже о разведеніи тонкошерстныхъ овецъ, о винодѣліи въ Астрахани и заведеніи китовой ловли (*ради прибыли и матросовъ* — извѣстно, что китоловство почитается лучшею шко-

лою мореходцовъ Англійскихъ.) Въ тоже время, онъ мыслилъ о выдѣлкѣ кожъ и подошевъ на Англійскій манеръ, приготовленіи масла на Голландскій, заведеніи въ Россіи выработки Брабантскихъ кружевъ, мельницъ для точенія стеколъ, шляпныхъ мастерахъ, выпискѣ изъ Курляндіи сапожниковъ и изъ Парижа шарнернаго мастера.....

Если въ двухъ замѣткахъ по части государственнаго хозяйства находимъ не совсѣмъ вѣрную мысль (запретить ввозъ того, что дѣлается въ Россіи, и стараться продавать товаръ на деньги, а не на мѣну), то вспомнимъ, что сіи обѣ мысли были общія его времени. За то самобытная проницательность Петра видна въ предположеніяхъ его: учредить компанію для торговли Сибирской и дозволить жидамъ поселеніе и торговлю въ Азовѣ. Наконецъ, какая свѣтлая является у него мысль: «*дозволить свободную торговлю всѣмъ, съ платежемъ приличныхъ пошлинъ.*»

И между тѣмъ, великій хозяинъ простираетъ всюду свое попеченіе. Такъ замѣчаетъ онъ:

РАЗНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ. 1. Подтвердить, чтобы мертвыя тѣла не хоронить три дня.

2. Думаетъ о томъ, какъ замѣнить неудобныя Русскія лодки Финскими ботиками. Образъ постройки рѣчныхъ судовъ въ Россіи обращалъ всегда его особенное вниманіе. Карамзинъ писалъ, что въ 1802 году видѣлъ онъ модель барки, или струга, по которой велѣлъ Петръ строить въ Дѣдловѣ сплавныя барки. «Самъ Петръ дѣлалъ модель», прибавляетъ Карамзинъ — «ее

показываютъ любопытнымъ, *но ей давно уже не слѣдуютъ.* Я смотрѣлъ съ душевнымъ довольствіемъ на сей памятникъ Великаго Императора.» Далѣе —

3. Онъ предполагалъ замѣнить неудобныя извощичьи Русскія сани новыми.

4. Осмотрѣть дубъ на Волховѣ (замѣчаетъ Петръ); онъ самъ разводилъ и садилъ его тамъ.

5. Въ Смоленскѣ велѣть строить мазанковые домы.

6. Для размноженія лѣса и для красы, на загородныхъ дворахъ велѣть садить ольху, вмѣсто заборовъ.

7. Петру говорили, что изобрѣтенъ какой-то снарядъ для хожденія по водѣ — «*писать о томъ*,» замѣчаетъ онъ для себя, и въ тоже время заботится о пожарныхъ инструментахъ, устройствѣ дорогъ въ Государствѣ, и наконецъ —

8. Замѣчательное повелѣніе: «*Запретить строенія, если предварительно неизвѣстно, какъ и чѣмъ содержать ихъ по постройкѣ.*»

Мы отнесли къ предметамъ касательно *просвѣщенія* и *образованія*, слѣдующія отмѣтки:

1. Онъ полагалъ полезнымъ сочинить небольшую дѣтскую Исторію, для чтенія послѣ Азбуки; хотѣлъ издать краткую книжку для народа о законѣ; завести по монастырямъ школы — здѣсь новыя доказательства противъ тѣхъ, кто утверждаетъ, будто Петръ заводилъ Академіи, не думая о первоначальномъ образованіи своего народа.

2. Строго соблюдая благочестіе, онъ хотѣлъ особенно внушить солдатамъ, что молитвы, ими совершаемыя,

«не должно вмѣнять въ одну только церемонію,» но отправлять ихъ благоговѣйно. Между тѣмъ предполагалъ онъ написать особенную книгу о ханжахъ, и велѣть приплести ее къ церковнымъ требникамъ, для всеобщаго употребленія.

3. Поддерживая воинственный духъ государства, онъ хотѣлъ написать еще книгу о началѣ и исторіи войны вообще. Любопытны замѣтки его о подробностяхъ, вѣроятно по сему предмету: «Паденіе Царяграда отъ презрѣнія войны» — «паденіе Рима отъ уничтоженія Карѳагена» — послѣднее составляетъ мысль глубокую!

4. Между тѣмъ видимъ, что Петръ помышлялъ о составленіи обширной исторіи по плану Баронія, и заботясь о переводѣ историческихъ книгъ съ Латинскаго, думалъ уже о составленіи лексикона Русскаго; собственноручно отмѣчая книги, продающіяся въ Гагѣ, онъ замѣчаетъ къ тому: выписать Французскіе журналы. Въ Тавастгустѣ открыты какіе-то камни съ надписями — онъ требуетъ ихъ; не забываетъ притомъ о какихъ-то найденныхъ крестьяниномъ каменьяхъ, и предполагаетъ собрать Русскія пословицы и перевесть Голландскія пословицы, видя въ нихъ памятники духа народнаго.

5. Петръ предполагалъ также сочинять и современную Исторію, и какъ видно, препоручалъ сіе дѣло Шафирову. Рѣшая пункты его о томъ, что ему для Исторіи потребно, онъ предполагалъ самъ записывать: «*въ которыхъ числахъ гдѣ былъ*,» и какіе журналы для того взять, и отъ кого. Драгоцѣнна замѣтка его:

«*О счастіи и несчастіи все печатать*, *что дѣлается*, *ничего не утаивая*.

6. Самъ составляя уставъ *ассамблеямъ*, гдѣ Русскіе учились общежитію, Петръ мыслилъ и о другихъ средствахъ, могущихъ служить къ изящному образованію вкуса и совершенствованію его: выпискѣ статуй и картинъ, постройкѣ дома въ готическомъ стилѣ, учрежденіи *карусели на водѣ*, и заведеніи театра (*пріискать въ Нѣмецкой землѣ комедіянтовъ*, замѣтилъ онъ).

Переходимъ къ послѣднимъ, *частнымъ замѣткамъ*. Здѣсь еще дополненія къ характеристикѣ Петра: передъ вами *стихи* его; записки о сновидѣніяхъ его и Екатерины; тетрадка съ надписью: *Пробовательная хитрость;* записка *о рѣдковиданныхъ животныхъ*. Ему доносятъ, что въ Данцигѣ есть человѣкъ, знающій полезные секреты: «*узнать, въ чемъ состоятъ*,» замѣчаетъ онъ; записываетъ «*о нѣкоторомъ вымышленіи*,» посредствомъ коего открываются «разныя таинства.» И между тѣмъ онъ помнитъ о Лондонскихъ краскахъ, о томъ, чтобы въ полдень посмотрѣть на солнце. «*Концы обжечь!*» — замѣчаетъ онъ (вѣроятно, у столбовъ для какого-нибудь строенія), и между тѣмъ, «*о Персіи помнить!*»—Передъ его взорами всѣ выгоды завоеванія Закавказскаго края, а въ то же время, онъ записываетъ способъ, «какъ тушить нефть купоросомъ.« «Не забывать о Запорожскомъ уемѣ,» замѣчаетъ онъ, и отмѣчаетъ, «*когда родился Лютеръ* и *когда взятъ Царьградъ*. Мысль приходитъ ему: *почему животныя истребляютъ другъ друга?* Вѣроятно, онъ хотѣлъ на

досугѣ о томъ подумать, такъ же, какъ для размышленія замѣтилъ онъ: «*посмотрѣть къ Коринѳянамъ зачало 139-е*» (гдѣ говорится о безбрачной жизни).

Заключимъ: наше осмотрѣніе реестра бумагъ, оставшихся въ кабинетѣ Петра Великаго, не подтверждаетъ ли мысли, въ началѣ сказанной нами, что подробное обозрѣніе ихъ могло бы доставить новые матеріялы для историка, новыя пояснительныя черты для познанія характера безсмертнаго нашего Петра? По крайней мѣрѣ счастливыми себя почтемъ, если слова наши убѣдятъ хоть кого нибудь въ томъ, что на все относящееся къ памяти безсмертнаго преобразителя Россіи, мы должны смотрѣть съ чувствомъ благоговѣнія: онъ великъ въ великомъ — великъ и въ маломъ; геній, ангелъ хранитель Россіи, образецъ земныхъ владыкъ — онъ вездѣ Петръ Великій!

Александровъ

СѢРНЫЙ КЛЮЧЪ.

СѢРНЫЙ КЛЮЧЪ.

(ЧЕРЕМИССКАЯ ПОВѢСТЬ).

«Боже мой! Какая скука! Что дѣлать? Чѣмъ заняться? Куда дѣвать столько празднаго времени? Книги, да прогулка, прогулка да книги! Отъ этого голова пойдетъ кругомъ!..... Правда, здѣсь много прекрасныхъ, любезныхъ, дѣвственно-свѣжихъ и веселыхъ дамъ. Но я хотѣлъ бы знать, что можетъ быть несноснѣе вѣчной свѣжести и веселости? Мнѣ она до смерти надоѣла! Хотя бы на минуту поблѣднѣли лица румяныя. Хоть на полчаса грусть омрачила бы черты, столь прекрасныя. Какъ были бы онѣ плѣнительны!..... Такъ нѣтъ: какъ на зло, цвѣтутъ и смѣются отъ утра до вечера, отъ вечера до утра. И вечеромъ и утромъ, и въ полдень и въ полночь, въ дождь и въ ясную погоду, въ пятнадцать лѣтъ и въ шестьдесятъ, все одно и тоже! И въ самую вѣчность пойдетъ съ ними одно и тоже! Какъ сравнять ихъ съ плѣнительными Варшавянками! Тѣ Апрѣльская погода, со всѣми ея прелестными и быстрыми перемѣна-

ми!..... Тамъ нѣкогда ни обезпечиться, ни увѣриться. Нужны безпрерывное вниманіе, всегдашняя осторожность. И это даетъ столько занятія уму и сердцу; нѣтъ мѣста томительному равнодушію, когда боишься потерять что нибудь милое, а особливо если милое мило всегда, и именно потому, что никогда не бываетъ одинаково..... Прелестный край!.....»

Такими-то мечтами и воспоминаніями обуревалась голова молодаго Лѣнина, уланскаго ротмистра, возвращавшагося, часу въ девятомъ вечера, съ всегдашней своей прогулки на *Холмахъ*; такъ называлось одно изъ лучшихъ мѣстоположеній въ окрестностяхъ города ****. Неблагодарный молодой человѣкъ пробѣгалъ поспѣшно и безъ вниманія мѣстà, на которыя нельзя было смотрѣть безъ восхищенія, и которыя были мѣстомъ его рожденія. Мысль его летала, то по великолѣпнымъ гостинымъ въ Варшавѣ, то по низкимъ болотистымъ полямъ Гродненской губерніи; въ первыхъ свѣтило его солнце, во второй квартировалъ полкъ. Впрочемъ, и то надобно сказать, что какъ бы ни было что прекрасно, но если смотрѣть на него всякій день нѣсколько недѣль сряду, то можно уже въ иную пору оставить и совсѣмъ безъ вниманія. Всесильная привычка, уравнивающая все, дѣлающая прекрасное обыкновеннымъ, безобразное сноснымъ, заставила и молодаго Лѣнина смотрѣть равнодушно на величественную рѣку, обширные лѣса, высокія горы, зеленые луга, усѣянные всѣми возможными цвѣтами; мимо всего онъ шелъ такъ скоро и въ такой задумчивости, что наконецъ набѣжалъ на ограду кладбища. Онъ остановился. Гродцен-

скія поля и Варшавскія залы съ ихъ очарованіемъ исчезли — Лѣнинъ увидѣлъ себя на поляхъ своей родины, у кладбища, и въ двухъ шагахъ отъ могилы несчастнаго Сендомирскаго: на ней ярко блистала золотая надпись на черной доскѣ. Лѣнинъ зналъ Сендомирскаго; они были друзья; зналъ причину его преждевременной, трагической смерти. Молодой человѣкъ съ горестью облокотился на памятникъ, надъ могилою прежняго друга. Она такъ много, такъ внятно говорила его сердцу. Лѣнинъ закрылъ лицо руками и отдался мыслямъ, которыя, смѣняя одна другую, перенесли наконецъ его, отъ плачевной судьбы Сендомирскаго, къ славѣ, блеску, силѣ, богатству, цвѣтущему состоянію, смутамъ, раздорамъ, междоусобнымъ войнамъ, упадку его отечества, Польши.... Легкое прикосновеніе къ плечу заставило его вздрогнуть. Всѣ призраки воображенія разлетѣлись. Исчезла Польша съ своими пышными садами, замками, войсками, грудами червонцевъ, и проч. Передъ нимъ стояла молодая Исправница Лязовецкая, любезнѣйшая и вмѣстѣ прекраснѣйшая изъ дамъ уѣзднаго городка, гдѣ уланъ Лѣнинъ томился въ отпуску.

— «Что вы дѣлаете здѣсь? — Съ четверть часа уже, какъ вы стоите такъ неподвижно, что васъ можно бы счесть за принадлежность къ памятнику Сендомирскаго. О чемъ вы такъ задумались? Покойникъ былъ вамъ знакомъ?»

— «Онъ былъ мнѣ другъ. — Но не его собственно участь такъ заняла меня. Да, впрочемъ, Богъ съ ними со всѣми! Разскажите мнѣ лучше, гдѣ вы были все это

время? Я не видалъ васъ болѣе мѣсяца: куда вы ѣздили?»

— «На воды.»

— «Нѣтъ, безъ шутокъ: неужели въ округу съ мужемъ?»

— «Я совсѣмъ не шутя говорю, что ѣздила на воды.»

— «Какъ можно!.....»

— «Вы, право, забавны съ вашимъ: какъ можно!..... А почему жь не можно? Что вы тутъ находите невозможнаго?»

— «Ничего, разумѣется, но вы сдѣлали это такъ секретно, что никто ничего не зналъ! Не было ни толковъ, ни заключеній, ни даже малѣйшаго слуха, а вѣдь у васъ такое событіе, какъ, напримѣръ, поѣздка на воды, не бездѣлица! У васъ оно служитъ эпохою, отъ которой ведете вы ваши лѣтосчисленія, какъ отъ....»

— «Полно, полно, молодой человѣкъ! Поберегите ваши остроты до возвращенія въ Гродно, а въ нашей глуши онѣ не имѣютъ цѣны.»

— «Такъ разскажите жъ мнѣ, куда, въ самомъ дѣлѣ, вы ѣздили? За чѣмъ? Что тамъ дѣлали? Что видѣли?»

— «Говорю вамъ, что ѣздила на воды, на Сѣрный Ключъ, близъ селенія *Курцемъ*.»

— «Что за гармоническое названіе! Въ какой же это странѣ свѣта? Имя не Русское.»

— «Это деревня Черемисская, и не далѣе восьмидесяти верстъ отсюда.... Но пойдемте въ городъ; солнце совсѣмъ уже закатилось. Дорогою я разскажу вамъ о своемъ путешествіи. Да, что вы такъ разсѣяны сего-

дня, Лѣнинъ? Вы, кажется, еще и не замѣтили, что со мною дѣти мои? Поцѣлуйте ихъ.»

Лѣнинъ тогда только увидѣлъ, что Лязовецкая вела за руки двухъ своихъ сыновей, прекрасныхъ какъ Амуры. Перецѣловавъ дѣтей, онъ извинялся въ своей невнимательности, ссылаясь на то, что поѣздка ея на какія-то небывалыя воды свела его съ ума. Они пошли обратно къ городу.

— «И такъ, вы не вѣрите» — начала говорить прекрасная спутница Лѣнина — «чтобы я была на водахъ? Не вѣрите существованію нашего Сѣрнаго Ключа, который кипитъ и клокочетъ въ восьмидесяти верстахъ отъ невѣрующихъ обитателей нашего пещанаго, морскаго дна, какъ вамъ угодно называть нашъ городъ?

— «Въ восьмидесяти верстахъ! Но вѣдь это такъ близко, что даже противъ воли можно было бы знать объ вашемъ ключѣ, если бы онъ въ самомъ дѣлѣ былъ!... Нѣтъ, воля ваша, вы шутите, или тутъ какое нибудь иносказаніе.»

— «Полно вамъ съ вашими иносказаніями! Вы слышали и сами объ нашемъ ключѣ, но забыли. Объ немъ были большія хлопоты, развѣдыванія; окружный лекарь обратилъ вниманіе на необыкновенный вкусъ воды, и найдя, что она наполнена сѣрными частями, увѣдомилъ объ открытіи свое начальство; слухи носились, что цѣлительность водъ его не уступаетъ заграничнымъ, но въ послѣдствіи все затихло.»

— «По чему жь?»

— «Говорятъ, что пока смотрѣли и разсматривали,

ворочали и переворачивали донесенiе окружнаго лекаря, онъ умеръ; на мѣсто его прiѣхалъ другой, который не имѣлъ такой вѣры къ ключу.....

— «Я не понимаю, что за радость была прежнему лекарю заботиться, чтобы ключъ признали годнымъ?

— «Вы смѣшны, Лѣнинъ! Какъ что за радость лекарю, что оказался годнымъ Сѣрный Ключъ въ его округѣ? Вѣдь къ такимъ мѣстамъ ѣздятъ обыкновенно лечиться, а гдѣ лечатся, тамъ, я думаю, лекарь главное дѣйствующее лицо. Нынѣшнiй лекарь, можетъ быть, не надѣялся удержаться тогда на своемъ мѣстѣ, и потому не хотѣлъ хлопотать для другаго. Думаю, что предчувствiе или опасенiе были главною причиною его безпечности. Удержаться на мѣстѣ можно было бы легко, но только не З***.»

— «Ахъ! такъ это З***. Я знаю его. Онъ женатъ на Полькѣ. Какая красавица жена его!

— «Да, у него только и хорошаго, что красавица жена.»

— «Ваша правда. Вотъ человѣкъ, въ которомъ вовсе нѣтъ ничего худаго, но нѣтъ и ничего хорошаго! Мнѣ кажется, что природа и сама не знаетъ, какъ сотворила его.»

— «Ну, нѣтъ! Въ немъ есть одно замѣчательное качество.»

— «Вы хотите сказать, что онъ скупъ?»

— «Да »

— «Это правда: скупъ онъ единственнымъ образомъ, ему одному только свойственнымъ! Я разскажу вамъ смѣшной анекдотъ объ его разсчетливой философiи: какъ-

то заболѣли у меня зубы; вы знаете, что въ этомъ только одномъ случаѣ вся моя твердость исчезаетъ.....«

— «Знаю, что вы нѣженка — что жь далѣе?»

— «Я пошелъ къ З***, просить какого нибудь снадобья, какъ говоритъ одна изъ вашихъ знакомыхъ.»

— «Оставьте ее въ покоѣ — у насъ такъ говорятъ.»

— «Я пришелъ къ нему въ часъ по полудни; пора, въ которую всѣ благочестивые провинціялы обѣдаютъ; насилу я достучался; наконецъ отперли. Гдѣ лекарь? спросилъ я кухарку, которая отворила мнѣ дверь. — Кушаетъ. — Проведи меня къ нему. — Извольте итти сами. Изъ залы дверь направо въ столовую. Я пошелъ, и увидя дверь на право, отворилъ ее и вошелъ въ тѣсный, гадкій чуланъ, гдѣ за мискою какой-то Спартанской похлёбки сидѣлъ З*** съ своимъ ангеломъ, съ прелестною Черкешенкою.....»

— «Ну, однимъ словомъ, съ своею женою!» прервала Лязовецкая, нѣсколько нетерпѣливая. Лѣнинъ покраснѣлъ.

— «Думаю, появленіе ваше привело его въ замѣшательство?»

— «Худо вы его знаете, если такъ думаете: это кратесъ, который хвалится своимъ цинизмомъ. Съ величайшимъ хладнокровіемъ, онъ всталъ изъ-за стола и просилъ меня въ залу; но будучи довольно уменъ, угадывая, какъ должны были удивить меня его обѣдъ и та собачья канура, въ которой онъ такъ роскошно пируетъ, онъ сказалъ мнѣ: «Вы, вѣрно, удивляетесь моей укромной столовой и слишкомъ умѣренному обѣду?

Не думайте, чтобы это было отъ скупости! Нѣтъ, я вѣдь имѣю достатокъ, но поступаю такъ сообразно понятію, какое имѣю о не совсѣмъ-то благородной естественной потребности — ѣсть.

— «Не совсѣмъ благородной?..... Что за чудакъ! Почему жь не совсѣмъ благородной?»

— «Я думаю, онъ и самъ не знаетъ почему, а такъ вралъ, чтобы только сказать что нибудь въ оправданіе своей cochonnerie.»

— «А, не смѣете же сказать по-Русски такого деликатнаго словца!..... Что жь еще говорилъ З***? Какое понятіе имѣетъ онъ о неблагородной потребности ѣсть?»

— «Онъ говоритъ, что человѣкъ долженъ удовлетворять эту потребность просто, гдѣ нибудь, какъ нибудь и чѣмъ нибудь, и что нѣтъ ничего неблагопристойнѣе, по его мнѣнію, какъ званые обѣды, роскошь, изысканность, утонченность, пышность, блескъ, дороговизна. И все для того только, чтобы удовольствовать грубую потребность, доказывающую ничтожность человѣческой природы!.....» — Лязовецкая захохотала.

— «Что жь вы отвѣчали на такое прекрасное разсужденіе?»

— «Ничего. Но мнѣ очень хотѣлось спросить: одного ли съ нимъ мнѣнія жена его?»

— «Однакожь не спросили?

— «Какъ можно! За кого жь вы меня считаете?»

— «За вѣтренника въ отпуску.»

— «Богъ съ вами! Однако жь теперь не угодно ли по-

квитаться: я разсказалъ вамъ анекдотъ о скупомъ; разскажите мнѣ ваше путешествіе.»

— «Теперь уже нѣкогда. Вотъ мы въ городѣ, но пойдемте ко мнѣ ужинать; мужъ мой гдѣ-то завоевалъ стерлядь, отъ которой онъ въ восторгѣ, и вотъ ея великолѣпное описаніе — передаю вамъ его слово въ слово: янтарная, около пуда вѣсомъ, въ Петербургѣ дали бы за нее тысячу рублей для стола, напримѣръ, хоть Ш***. И мы будемъ ѣсть такую рыбу? Какой соблазнъ! Какое мотовство! Развѣ нельзя грубую потребность, доказывающую ничтожество природы нашей, удовольствовать кускомъ хлѣба?»

— «Предоставимъ такую роскошь З***. Идите впередъ съ дѣтьми, а я подойду только вотъ къ этому дому, постучу въ окно; здѣсь мужъ мой. Спрошу его: будетъ ли онъ съ нами ужинать?»

Пока красавица Лязовецкая говорила съ мужемъ, Лѣнинъ съ двумя мальчиками ушелъ впередъ. Старшій изъ дѣтей началъ говорить:

— «Мы пили сѣрную воду изъ ключа! Какая она нехорошая! Маменька водила насъ каждое утро къ этому ручью и приказывала пить по три стакана гадкой воды его.»

— «И вы пили?»

— «Пили. Миша всякій разъ плакалъ!»

— «А ты?»

— «Я нѣтъ. А одинъ разъ, такъ и маменька плакала.»

— «Объ чемъ же?»

— «Не знаю! Она привела насъ къ ручью, напоила водою и приказала играть и бѣгать, а сама сѣла на берегу, прямо противъ какого-то зеленаго бугра, смотрѣла на него долго, не сводя глазъ, и плакала; я видѣлъ, какъ она безпрестанно прикладывала платокъ къ глазамъ.»

«А послѣ?»

«Послѣ повела насъ домой и не плакала уже болѣе.»

Лѣнинъ шелъ тихо, желая дать время Лязовецкой присоединиться къ нимъ; она и мужъ ея скоро догнали ихъ. — Лязовецкая сказала, что по неограниченной власти, какую всякая благоразумная жена должна имѣть надъ своимъ мужемъ, она отняла его у товарищей, съ которыми онъ расположился было выпить бутылку Шампанскаго.

— «Скоро неограниченная власть твоя ограничится,» сказалъ Лязовецкій, шутя. «Восемь лѣтъ, какъ мы принадлежимъ другъ другу; тебѣ минуло уже двадцать пять лѣтъ, пора, въ которую власть жены, хотя не примѣтна еще, а все таки начинаетъ уже уменьшаться.»

— «Ну, тамъ увидимъ!.... А что вы тутъ щебетали, мои колибри?» — спросила Лязовецкая, наклонясь къ дѣтямъ и цѣлуя ихъ. «Я слышала, вы что-то разсказывали?»

— «Да, они выдали мнѣ вашъ секретъ, и я теперь знаю, что вы плакали на берегу ручья противъ зеленаго бугра.»

— «Представьте, какъ дѣти примѣтливы! А мнѣ и въ умъ не приходило, что они замѣчаютъ мои поступки.»

— «О чемъ же вы плакали?»

— «Ахъ! это слишкомъ горестная исторія!»

— «Вы въ долгу у меня: обѣщали разсказать о поѣздкѣ на воды, такъ нельзя ли вмѣстѣ и горестную исторію?»

— «Хорошо, я разскажу вамъ все послѣ ужина, а теперь пойдемте скорѣе.»

Черезъ полчаса всѣ были уже за столомъ, на которомъ дивила взоръ и услаждала обоняніе хваленая стерлядь. — Лязовецкій сказалъ женѣ, что какъ она увела его отъ Шампанскаго, то чтобы приказала подать бутылку этого вина; что онъ не хочетъ терять своего, и что грѣшно было бы ѣсть такую стерлядь не запивая Шампанскимъ. Вино явилось, и довольный хозяинъ говорилъ, что у самого Лукулла никогда не бывало такой рыбы на его роскошныхъ пирахъ.

По окончаніи ужина, всѣ разошлись по приличію: Исправникъ ушелъ въ кабинетъ заниматься дѣлами; дѣти легли спать; молодой ротмистръ помѣстился въ Вольтеровскихъ креслахъ, близъ круглаго столика передъ диваномъ; прекрасная хозяйка сѣла на диванъ и взяла свое вязанье, говоря, что она можетъ работать и разсказывать.

— «Болѣзнь моихъ малютокъ заставила меня совѣтоваться съ многими лекарями; всѣ они сказали, что лучшее средство вылечить ихъ совершенно и прочно дѣлать для нихъ сѣрныя ванны. Ѣхать на Кавказъ я не могла, какъ по небогатому состоянію моему, такъ

и по невозможности оставить надолго свое хозяйство безъ собственнаго присмотра. И такъ я рѣшилась испытать цѣлительную силу Сѣрнаго Ключа въ селенiи *Курцемъ*; выбрала время, когда мужу надобно было долѣе обыкновеннаго пробыть въ округѣ, собралась и поѣхала. Въ деревнѣ я заняла домъ крайнiй къ полю, чтобы ближе было ходить на ключъ. Разумѣется, квартирою моею была простая крестьянская изба, которой всѣ удобства состояли въ лавкахъ и палатяхъ; впрочемъ, она была изъ лучшихъ, то есть, просторна и свѣтла. Каждое утро, въ пять часовъ, ходила я къ ключу, протекавшему не далѣе, какъ въ полуверстѣ отъ моей хижины; тутъ я купала своихъ дѣтей; заставляла ихъ пить по три стакана воды, и послѣ бѣгать и играть на берегу самаго ручья. Окрестности его очаровательны: зеленые луга, множество цвѣтовъ, душистыхъ травъ, тѣнистыя рощи, тма соловьевъ и прекрасные виды въ даль, дѣлаютъ это мѣсто раемъ, съ которымъ я разставалась всегда не охотно и всегда какъ можно позже; я тутъ вязала, читала, рвала цвѣты, убирала ими своихъ двухъ Амуровъ и убиралась сама.....»

— «Какъ ихъ маменька?» — прервалъ Лѣнинъ.

— «Признайтесь, Лѣнинъ» — сказала Лязовецкая, «что вы довольнѣе сказавъ мнѣ свое привѣтствiе, нежели я получа его?»

Изъ кабинета послышался смѣхъ. Лѣнинъ немного надулся, немного отодвинулся..... Но Лязовецкая такъ мила, такъ добродушно смотритъ своими темноголубыми глазами, такъ ангельски улыбается!.. .. Лѣ-

пину только двадцать четыре года..... Онъ опять придвинулся.

— «Будетъ продолженіе?» — спросилъ онъ.

— «Будетъ, если вы не устали слушать.»

— «Опять эпиграмма! Да, полно вамъ, ради Бога!»

— «Слушайте же и не прерывайте уже болѣе, а то я не кончу до разсвѣта.»

— «Въ одинъ день вздумалось мнѣ пройти нѣсколько далѣе по теченію ручья, за рощу, которая примыкала къ противоположному берегу его, и такъ близко, что крайнія деревья были подмыты водою и наклонились въ нее вѣтвями; роща была высока, густа и занимала большое пространство. Мнѣ очень хотѣлось видѣть, что тамъ еще за нею скрывается; я взяла съ собою дѣтей и пошла; обошедъ рощу, я была поражена какимъ-то благоговѣйнымъ страхомъ при видѣ грознаго, необозримаго сосноваго лѣса; не смотря на ясный полдень, на яркій свѣтъ Іюньскаго солнца, въ дремучемъ лѣсу царствовала глубочайшая ночь! Содрогаясь, смотрѣла я, съ какимъ-то непонятнымъ для меня ощущеніемъ ожиданія и любопытства, въ непроницаемую, черную глубь! Казалось, что не было ни какой возможности пройти туда человѣку: такъ плотны были между собою всѣ деревья и такъ густо сплелись они вѣтвями; только что хотѣла я подойти поближе къ лѣсу, какъ вдругъ услышала пѣніе. Я остановилась. Не знаю почему, звуки эти испугали меня; я прижала къ себѣ дѣтей и стала вслушиваться; черезъ минуту мнѣ стало стыдно неосновательности своего испуга. Необыкновенная пріятность и унылость голоса скорѣе

могли разтрогать, нежели испугать. Къ тому жь въ полѣ были люди: женщины брали землянику; мужчины расчищали мѣсто для засѣва на будущій годъ. Ободрясь всѣмъ этимъ, я рѣшилась подойти къ самой опушкѣ лѣса; дѣтей однакожь не взяла съ собою, но отдала ихъ подъ присмотръ своей хозяйки, тутъ же бравшей землянику, и отправилась къ лѣсу, вдоль по теченію ручья, катившаго свѣтлыя воды свои подъ непроницаемую тѣнь дебри, въ которую я такъ храбро собиралась войти; однакожь дошедъ до лѣса, я остановилась и минуты съ двѣ думала: погрузиться ли въ этотъ мракъ, или возвратиться назадъ? Но вѣдь любопытство, говорятъ, сильнѣе всего въ нашемъ полѣ. Я уступила непреодолимой власти его, вошла въ лѣсъ, и слѣдуя извилинамъ ручья, углубилась въ самую чащу; поющая сирена не умолкала, и по мѣрѣ, какъ я подвигалась впередъ, голосъ становился явственнѣе; слова не Русскія, но голосъ — какой голосъ!..... Я плакала!..... Наконецъ усматриваю предметъ моего любопытства, поисковъ, а теперь живѣйшаго состраданія: то была дѣвица, Черемиска, лѣтъ семнадцати, или восемнадцати, блѣдная, какъ бѣлый мраморъ, но невыразимо прекрасная; большіе глаза ея были черны и блестящи; ротъ хотя казался нѣсколько великъ, надобно думать отъ чрезмѣрной ея сухощавости, но былъ однакожь свѣжъ, какъ роза и до плѣнительности хорошъ, и какъ она была крестьянка, то не удивительно, что ровные прекрасные ея зубы были бѣлы, какъ слоновая кость; на ней былъ бѣлый полотняный шабуръ, вышитый красными, зелеными и синими цвѣтами.»

— «Что такое шабуръ?»

— «Родъ тюника. Молодая Черемиска сидѣла на берегу, наклонясь очень близко къ ручью. Она пѣла, плакала и безпрестанно опускала въ воду свои длинные, свѣтлорусые волосы, прекрасный золотой отливъ которыхъ былъ разительно противоположенъ ея чернымъ бровямъ и рѣсницамъ. Не удивляйтесь такому подробному описанію: я, по крайней мѣрѣ, съ полчаса стояла неподвижно на одномъ мѣстѣ и разсматривала ее, не отводя глазъ ни на минуту. Она продолжала пѣть, плакать и опускать въ воду свои волосы; она вынимала ихъ, жала, терла руками и опять опускала въ воду. Я не смѣла заговорить съ нею. Наконецъ она встала; ея красивый ростъ, стройный и легкій станъ, отвѣчали совершенно красотѣ лица. Она пошла изъ лѣса тою же тропинкою, по которой я пришла къ ней, и на которой теперь стояла. Отсторонясь, чтобы дать ей дорогу, я увидѣла, что она ни на что не смотритъ вокругъ себя, и не сводитъ глазъ съ волосъ своихъ, которые держала въ рукѣ. Давъ ей время отдалиться, я пошла за нею слѣдомъ, не теряя ея изъ вида; вышедъ изъ лѣса, она продолжала итти все по берегу ручья, и наконецъ пришла къ рощѣ; тутъ тихо склонилась на какую-то возвышенность, родъ могилы, обняла ее руками, прижалась къ ней лицомъ и осталась такъ неподвижною. Дѣти, завидя меня, прибѣжали съ крикомъ — «Маменька, маменька! посмотрите, сколько у насъ земляники!» — Я думала, крикъ ихъ испугаетъ молодую Черемиску, но она лежала, какъ камень. — «Что вы смотрите, барыня?» спросила моя хозяйка, по-

дошедшая ко мнѣ, въ слѣдъ за дѣтьми. Я указала ей на лежащую дѣвушку. — «А, это наша бѣдная Зеила, сумасшедшая! Она по цѣлымъ часамъ моетъ свои волосы, плачетъ и причитаетъ что-то.» — Для чего жь она моетъ ихъ? — «Ей все кажется, что на нихъ кровь.» — Ахъ! Боже! какой ужасъ! Отъ чего жь ей кажется! — Хозяйка разсказала мнѣ тогда длинную исторію, которую я постараюсь сократить для васъ, потому что, кажется, я уже усыпила васъ своимъ разсказомъ.

— «Нѣтъ, нѣтъ! ради Бога, не сокращайте! Съ чего вы взяли, что разсказъ вашъ можетъ усыпить меня? Напротивъ, онъ становится чрезвычайно интересенъ.»

— «Зеила осталась отъ отца и матери трехъ-лѣтнимъ ребенкомъ, но столь восхитительно прекраснымъ, что всѣ крестьяне единодушно взялись кормить ее, одѣвать и доставлять выгоды и удовольствія, какихъ не имѣли собственныя ихъ дѣти. Всѣ крестьяне не иначе называли ее, какъ «наша дочь, наша Зеила», и дитя тоже всякую женщину въ деревнѣ звала матерью. Она жила у кого хотѣла; во всякой избѣ была дома, у себя; могла распоряжать всѣмъ, могла ничего не дѣлать, если не хотѣла. Ее столько всѣ любили и лелѣяли, что никому и на мысль не приходило заставлять ее что нибудь работать. Но дѣвочка, одаренная красотою, невиданною между Черемисами, была одарена также и добродѣтелями. Она была кротка и ласкова, охотно бралась за все, что было по силамъ ея, и помогала всѣмъ маменькамъ въ ихъ работахъ. Съ восторгомъ смотрѣли

на нее молодые и старые Черемисы, когда она, положивъ на стройныя плеча свои коромысло съ ведрами, протягивала по немъ бѣлыя, какъ атласъ гладкія свои руки, и легкою поступью отправлялась на ключъ за водою, на тотъ самый ключъ, въ которомъ она теперь моетъ свои прекрасные волосы, тщетно стараясь смыть съ нихъ кровь, которою, кажется ей, они покрыты.

Сначала, когда Зеилѣ было только четырнадцать лѣтъ, она ходила за водою больше для того, чтобы погулять, тѣмъ болѣе, что ея рѣшительно не хотѣли допускать ни до какихъ трудовъ. Красота ея столько очаровывала всѣхъ, что даже самыя зависть и скупость обратились въ доброжелательство; для нея никто ничего не жалѣлъ, и она въ полной нѣгѣ и довольствѣ возрастала роскошно, какъ юная роза въ кустарникѣ. Но вотъ красавицѣ минуло шестнадцать лѣтъ; въ ней оказалась непонятная для всѣхъ странность. Она непремѣнно хотѣла одна носить воду для живущихъ на краю деревни, говоря, что ей вовсе нечего дѣлать, что то не трудъ, а прогулка для нея, и что наконецъ она проситъ такого порученія, какъ милости. Хозяйки тѣхъ домовъ, которые Зеила взялась снабжать водою, хохотали простодушно надъ ея капризомъ, цѣловали свою милую «работницу», какъ онѣ называли ее шутя, и отдали въ ея волю и полное распоряженіе свои ведра и коромысла.

Зеила ревностно принялась за исполненіе своей добровольной должности. Она вставала до зари, брала ведра и отправлялась на ключъ; съ восходомъ солнца во всѣхъ шести домахъ, которые были къ полю, нахо-

дился уже полный запасъ воды для утреннихъ надобностей, какъ-то: стряпни, мытья, умыванья. Къ полудню опять гнулось коромысло на бѣлыхъ, красивыхъ плечахъ Зеилы, опять лилась вода съ шумомъ и блескомъ въ кадочки, приготовленныя старательными хозяйками.

Не смотря на то, что крестьянамъ, всегда занятымъ работою, нѣкогда терять времени на толки, пересуды и догадки, и что имъ нѣкогда ничему слишкомъ долго удивляться, странность Зеилы занимала ихъ почти съ недѣлю. Они выходили смотрѣть, когда она шла съ водою и пожимали плечами; женщины смотрѣли за нею въ слѣдъ, когда она шла на ключъ съ пустыми ведрами, но не видали ничего болѣе, какъ только то, что она, зачерпнувъ воды, въ ту жь минуту шла обратно. Наконецъ, имъ наскучило выходить смотрѣть; онѣ опять занялись обычными работами, и предоставили Зеилѣ полную власть надъ ключемъ и своими ведрами, рѣшивъ единодушно, что то просто фантазія молодой головы, и болѣе ничего. Но если бы добрыя женщины встали, какъ Зеила, до зари, и взглянули бы въ слѣдъ черноокой сироты своей, тогда тайна пристрастія ея носить воду объяснилась бы въ глазахъ ихъ; но онѣ спали, и все оставалось покрыто непроницаемою завѣсою до развязки.

Ключъ близъ деревни Курцемъ не принадлежитъ собственно ей, но отдѣляетъ только ея поля отъ полей деревни Бугры, тоже Черемисской, и служитъ имъ границею. Близость обширнаго лѣса, въ которомъ водилось много звѣрей, заставила жителей деревни Бугры

избрать пастуха для стадъ своихъ; выборъ, весьма естественно, палъ на сироту, не имѣвшаго ни отца, ни матери, ни родныхъ, ни друзей, ни поля, ни скота, однимъ словомъ — ничего. Молодой Дукморъ былъ вскормленъ міромъ, то есть, жителями всей деревни, и его прочили при первомъ наборѣ въ солдаты. Но хотя онъ былъ бѣднѣйшее существо въ свѣтѣ, хотя долженъ былъ работать съ утра до вечера за кусокъ хлѣба, хотя бѣлый холстинный шабуръ его былъ единственнымъ одѣяніемъ зимой и лѣтомъ, однакожъ природа была для него самою нѣжною матерью. Она дала ему высокій ростъ, стройность, необычайную силу и красоту лица, никогда еще невиданную въ семъ народѣ, по большей части, малорослымъ и неуклюжемъ.

Дукморъ не былъ такъ счастливъ, какъ Зеила, и не только что не внушалъ участія своимъ соотечественникамъ, но, напротивъ, его превосходство надъ ними возбуждало ихъ зависть, заставляло ненавидѣть, и съ нетерпѣніемъ ожидать набора, чтобы отдать его въ солдаты. Бѣдный юноша, столь блистательно отличный отъ своихъ земляковъ, что не могъ быть ими терпимъ, обрадовался, когда ему сказали, что деревня избираетъ его пастухомъ стадъ своихъ. Выборъ давалъ ему возможность отдѣлиться отъ неблагонамѣренныхъ товарищей своихъ, и возблагодарить нѣкоторымъ образомъ жителей деревни, вскормившихъ его, хотя не охотно, но все таки вскормившихъ. Дукморъ принялъ стадо счетомъ, и всякій день, отъ зари до зари, пасъ его на обширныхъ лугахъ, лежащихъ между сосновымъ лѣсомъ и Сѣрнымъ Ключемъ, границею деревень *Курцемъ* и *Бу-*

гры. Онъ ходилъ за стадомъ, играя на какой-то дудкѣ, въ родѣ флажолета, своего изобрѣтенія. Надобно думать, что природный вкусъ заставлялъ его извлекать пріятные тоны изъ инструмента, потому, что слышавшіе его невольно останавливались и заслушивались долѣе, нежели позволяло рабочее время. Любимымъ мѣстомъ его былъ берегъ Сѣрнаго Ключа, тамъ, гдѣ роща примыкаетъ къ самой водѣ его. Отсюда могъ онъ видѣть все стадо, обѣ деревни и сосновый лѣсъ.

Въ началѣ той самой весны, когда Дукморъ былъ выбранъ въ пастухи, Зеилѣ минуло шестнадцать лѣтъ. Оба они никогда не видали другъ друга и не имѣли даже понятія о существованіи одинъ другаго, хотя сходство судьбы ихъ, сиротство, дивная красота и должны бъ были, кажется, сдѣлать ихъ извѣстными другъ другу, но таковъ бытъ деревенскій, особливо у Черемисовъ, и прочихъ, имъ подобныхъ, полудикихъ народовъ: они родятся, растутъ, живутъ и старѣются, не зная никогда, что̀ дѣлается за версту отъ нихъ, если только какой нибудь случай не приведетъ ихъ въ ту сторону. — Чрезъ недѣлю послѣ того, какъ Дукморъ вступилъ въ должность пастуха, Зеила пошла, около полудня, на ключъ за водою. — Она остановилась въ изумленіи, услыша пріятные и тихіе звуки флажолета. Они неслись къ ней изъ глубины рощи, примыкавшей къ ручью, и слышались то тише, то явственнѣе. Зеила стояла неподвижно.... Надобно знать, что ключъ изстари слылъ очарованнымъ, вѣрно потому, что не замерзалъ, и что вода его была не совсѣмъ обыкновеннаго вкуса. Жители не хотѣли было

брать воды изъ него, но время и необходимость ознакомили ихъ съ мыслью, что очарованіе ключа безвредно; въ послѣдствіи они увѣрились, что оно даже и благодѣтельно, потому, что скотъ, пасшійся на берегахъ его, былъ крупнѣе скота другихъ деревень, и наконецъ, переходя изъ одной крайности въ другую, они стали думать, что ключъ находится подъ покровительствомъ одного изъ добрыхъ духовъ.»

— «Какъ духовъ?» — спросилъ съ удивленіемъ Лѣнинъ. — «Развѣ они не христіяне?»

— «Христіяне по наружности, то есть, они крещены, ходятъ въ церковь, пріобщаются и соблюдаютъ посты, но всѣ усилія нашихъ священниковъ и правительства не могутъ истребить совершенно духъ идолопоклонства въ народѣ; они скрываются въ самыхъ мрачныхъ и непроходимыхъ лѣсахъ для отправленія таинственныхъ обрядовъ, изъ которыхъ иные ужасны и кровавы. Гибель тому, кто засталъ бы ихъ въ такомъ дѣйствіи! Всѣ они имѣютъ въ нравахъ своихъ свирѣпость дикихъ народовъ. Дремучіе лѣса, въ которыхъ они строятъ всегда свои жилища, много способствуютъ, какъ исполненію варварскихъ обрядовъ ихъ, такъ и сохраненію неизмѣняемой дикости нравовъ.

И такъ преданіе о ключѣ было таково, что воды его имѣютъ волшебную силу; повѣрье утвердилось болѣе еще отъ развѣдыванія и участія, какое принялъ тутъ окружный лекарь. Но когда пріѣхали и взяли въ бутылку воды изъ ихъ ключа, когда сказали Черемисамъ, что пошлютъ въ губернскій городъ воду, когда они узнали, что къ ихъ ручью будутъ пріѣзжать лечить-

ся, тогда-то взволновались тяжелые умы Черемисскаго поколѣнія! Они сходились по вечерамъ толпами на берегъ своего ключа, толковали, ужасались и расходились, поникнувъ головами. Они полагали, что цѣль всей тревоги была та, чтобы уничтожить власть добраго духа, покровителя ихъ ручья. — «Вотъ, вѣрно, наѣдутъ господа изъ города, и тогда злой Кереметъ завалитъ его пескомъ и землею. Что мы будемъ дѣлать? Гдѣ будемъ поить скотъ свой?».... Такъ толковали и горевали жители деревни Курцемъ, но благодаря обстоятельствамъ, о которыхъ я говорила вамъ сначала, опасенія дикарей уничтожились, и ключъ ихъ прыгалъ и клокоталъ по прежнему, не обращая на себя болѣе ни чьего вниманія. Спустя уже два года послѣ того тревожнаго времени случилось, что Зеила пошла за водою, и услышала, никогда еще ею неслыханные, звуки невѣдомаго инструмента.

Она все еще стояла неподвижно, какъ прелестнѣйшая изъ статуй; между тѣмъ звуки приближались, становились явственнѣе. Зеила едва дышала, устремя взоръ въ глубь рощи, откуда слышалась ей игра Дукмора.... Наконецъ, онъ вышелъ изъ рощи, увидѣлъ Зеилу, и остановился, такъ же неподвижно, какъ и она. Кто опишетъ чувства ихъ!.... Оба въ цвѣтѣ лѣтъ, одаренные красотою, никогда еще невиданною въ ихъ сторонѣ, оба напитанные всѣмъ суевѣріемъ народа, къ которому принадлежали, сошедшись на берегу ручья, съ давнихъ временъ считавшагося волшебнымъ, что могли думать, за кого почитать себя взаимно?... Не могу разсказать вамъ, чѣмъ кончилась первая

ихъ встрѣча; мнѣ самой очень неудовлетворительно разсказывала хозяйка, у которой Зеила съ того дня предпочтительно основала свое жилище. Кажется, что они сошли къ самымъ берегамъ ручья, сѣли и смотрѣли другъ на друга, не смѣя начать говорить, но въ послѣдствіи они освоились, перестали считать одинъ другаго чѣмъ-то сверхъестественнымъ, разсказали себѣ взаимно о своемъ сиротствѣ, одиночествѣ, и полюбили одинъ другаго со всѣмъ огнемъ юныхъ, чистыхъ, дѣвственныхъ сердецъ своихъ. Съ того-то времени, Зеила выпросила себѣ обязанность носить воду для шести крайнихъ домовъ деревни. Разумѣется, ей нуженъ былъ только предлогъ ходить къ ключу за дѣломъ, а безъ того ее стали бы провожать подруги, чего она болѣе всего на свѣтѣ боялась. Приходя къ ключу на зарѣ, она могла съ полчаса сидѣть на берегу противъ своего друга, и говорить съ нимъ, о чемъ только имъ обоимъ на мысль вспадало. Зима не прекращала ихъ свиданій; ключъ не замерзалъ, и такъ не удивительно, что трудолюбивая Зеила ходила по прежнему за водою, по крайней мѣрѣ, хоть для той хозяйки, у которой жила. Дукморъ тоже улучалъ свободную четверть часа, чтобы прибѣжать къ ключу въ самую пору, когда Зеила наливала свои ведра. Хотя ручей по прежнему раздѣлялъ молодыхъ людей, но они по прежнему говорили одинъ другому, что любятъ другъ друга болѣе всего, болѣе жизни, болѣе будущаго блаженства, однимъ словомъ, любятъ невыразимо. Послѣ того они расходились до завтра, и

такъ прошла зима. Настала опять весна. О любви и свиданіяхъ Дукмора и Зеилы никто не имѣлъ никакого понятія, и не знаю, чѣмъ бы она кончилась, если бы злой рокъ не вмѣшался въ игру. Дукмора назначили въ солдаты, а Зеилу всѣ въ деревнѣ желали называть невѣсткою, снохою, золовкою, женою. Ни одна дѣвка въ деревнѣ Курцемъ не вышла замужъ съ того времени, какъ Зеилѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ; всякій изъ молодыхъ Черемисовъ льстился надеждою быть ея мужемъ; она одна только ничего не замѣчала и продолжала ходить къ любимому ручью. Съ нѣкотораго времени однакожъ какая-то грусть запала въ ея душу. Раза два думала она, что слышитъ въ страшномъ сосѣднемъ лѣсу зловѣщій хохотъ Кeремета. (По ихъ вѣрѣ, хохотъ его бывалъ всегда предвѣстіемъ какого нибудь ужаснаго бѣдствія, и всегда слышится только тому, съ кѣмъ оно должно было случиться). Къ умноженію грусти ея, Дукморъ сказалъ, что также слышалъ по двѣ ночи ужасный смѣхъ ихъ злаго духа. Любовники грустили, сами не зная о чемъ. Зеила плакала, Дукморъ смотрѣлъ на нее уныло; они сходились печально, расходились еще печальнѣе. Такъ прошло время до половины лѣта; настали жары, рабочая пора; деревни опустѣли; все, что имѣло силу работать, вышло въ поле; въ деревняхъ оставались только дѣти и дряхлые старики, да оставалась еще Зеила въ деревнѣ Курцемъ, жители которой ни за что не хотѣли позволить своей черноглазой красавицѣ работать на солнцѣ и портить бѣлизну прелестныхъ рукъ и лица. Теперь она могла

почти весь день проводить на берегу ручья, подъ тѣнью деревъ того края рощи, который примыкалъ къ противоположному берегу, и гдѣ Дукморъ пасъ свое стадо. Она брала туда свое шитье и занималась строченьемъ разныхъ узоровъ, слушала трогательные звуки флажолета и плакала. Съ той ночи, въ которую Зеилѣ послышался хохотъ Керемета, она всякій день плакала. — «Ахъ! слышу я, слышу, что идетъ ко мнѣ бѣда!» говорила она, смотря на Дукмора глазами полными слезъ.

Въ одинъ день, молодые люди пробыли у ключа долѣе обыкновеннаго; солнце давно уже закатилось; мѣсяцъ еще не выходилъ; стадо Дукмора спокойно ѣло росистую траву, самъ онъ сидѣлъ противъ Зеилы и оба молчали, слушая соловья, который, надъ самыми ихъ головами, щолкалъ, стоналъ, свисталъ и очаровывалъ всю природу своимъ ни съ чѣмъ несравнимымъ пѣніемъ.... Вдругъ дикій хохотъ раздался въ чащѣ бора.... Зеила съ глухимъ стономъ упала на траву. Дукморъ въ ужасѣ поднялся съ мѣста. — «Горе намъ! Это Кереметъ! Погибли мы!....» Зеила ломала руки, Дукморъ стоялъ неподвижно. — «Бѣги, Зеила!» — вскричалъ онъ наконецъ — «бѣги скорѣе! Я постою здѣсь, пока ты добѣжишь до своей избы. Бѣги, не бойся ничего: я не уйду съ мѣста, пока ты не будешь дома.» — «Ахъ, прости, Дукморъ! мы болѣе не увидимся. Это ужасный Кереметъ. Мы погибли!» — «Бѣги же, Зеила, ради Бога! Завтра я приду сюда на разсвѣтѣ, но теперь бѣги, какъ можно скорѣе, бѣги отсюда! Я подожду, пока ты до-

бѣжишь.» Зеила, какъ легкій Зефиръ, перелетѣла пространство, отдѣляющее деревню отъ ключа, и молодой человѣкъ вздохнулъ свободно, увидя свою любезную подъ кровомъ и внѣ опасности. Онъ оборотился съ гордымъ и мужественнымъ видомъ къ сторонѣ лѣса, посмотрѣлъ съ презрѣніемъ въ черную глубь его, и пошелъ твердымъ и спокойнымъ шагомъ собирать стадо свое, чтобы гнать его въ деревню. Прикликавъ къ себѣ вѣрныхъ товарищей пастушеской своей жизни, двухъ огромныхъ и сильныхъ собакъ, Зиглора и Зуррая, съ безпокойствомъ замѣтилъ онъ, что онѣ, ворча и ощетиня шерсть, жались къ нему съ какимъ-то страхомъ. Стадо его, пыхтя и озираясь, тѣснилось все вмѣстѣ и начинало бѣжать къ деревнѣ. Пока онъ торопливо старался разглядѣть, какой предметъ могъ такъ испугать ихъ, стадо его пустилось во весь духъ къ деревнѣ, испуская жалобный ревъ. Собаки, рыча, жались къ встревоженному Дукмору; въ лѣсу раздался трескъ, какъ будто что нибудь съ силою ломало сучья. Для юноши Черемиса это было очень понятная примѣта: лѣсомъ шелъ медвѣдь, и слыша близость стада, вѣрно, искалъ добычи. Сердце молодаго человѣка закипѣло мужествомъ.

Извѣстно, что полудикіе народы, всегдашніе обитатели непроходимыхъ лѣсовъ, ни сколько не боятся единоборства съ медвѣдемъ; разумѣется, что на такой опасный подвигъ пускаются только молодцы, а то у нихъ есть много и другихъ способовъ ловить и убивать медвѣдей.

— «Да, слыхалъ и я о различныхъ хитростяхъ ихъ, но что значитъ единоборство?»

— «Единоборство съ медвѣдемъ верхъ ужаса для меня. Вотъ что мнѣ разсказывали объ этомъ: когда узнаютъ, что въ лѣсу появился медвѣдь, и если его величина, сила и лютость обратятъ на себя вниманіе всей окрестности, на сорокъ, или болѣе верстъ кругомъ, тогда изъ всѣхъ окружныхъ молодыхъ людей одинъ кто нибудь, родъ богатыря у нихъ, рѣшается, не говоря о томъ никому, вступить въ единоборство съ ужаснымъ звѣремъ. Въ случаѣ успѣха, смѣлый ратоборецъ покрывается неувядаемою славою, и сверхъ того продаетъ кожу побѣжденнаго звѣря, что бываетъ иногда довольно цѣнно. Въ случаѣ жь неудачи, онъ платитъ своею жизнію, и о предпріятіи его узнаютъ только по остаткамъ бѣлаго шабура и нѣсколькимъ костямъ.»

— «Ужасно! — Неужели Дукморъ рѣшился на такой уединенный бой, среди лѣса, съ лютымъ и сильнымъ медвѣдемъ?»

— «Да. — Но я еще не разсказала вамъ о способѣ сражаться одинъ на одинъ съ свирѣпымъ жителемъ лѣсовъ. — Герой, или безумецъ, не знаю какъ назвать того, кто противъ кожи медвѣдя ставитъ свою жизнь, иногда столь богатую радостями, забравъ себѣ въ голову отыскать медвѣдя, убить его, снять кожу, продать, разбогатѣть, и сверхъ того всю жизнь уже слыть отличнымъ молодцомъ, идетъ, услаждаясь такими мечтами, въ лѣсъ, отыскиваетъ обычную тропу медвѣ-

дя и становится на ней, не имѣя другаго оружія, кромѣ большаго широкаго ножа, съ обѣихъ сторонъ остраго, какъ бритва; наконецъ, онъ слышитъ трескъ сучьевъ, предвѣстіе приближенія противника, и вотъ они видятъ другъ друга лицемъ къ лицу; медвѣдъ реветъ, становится на заднія лапы и идетъ къ человѣку, человѣкъ къ нему, и въ то самое мгновеніе, когда медвѣдь обхватываетъ его лапами, чтобы смять подъ себя, смѣлый и мужественный Черемисъ, какъ молнія, распарываетъ его ножемъ, отъ ногъ до груди, и въ ту жь секунду звѣрь падаетъ бездыханенъ, съ вывалившеюся внутренностью, прямо на своего побѣдителя. Подвигъ геройскій, но требующій неимовѣрнаго проворства и присутствія духа.»

Дукморъ не сомнѣвался, что причиною испуга стадъ его было появленіе медвѣдя, но желалъ также узнать, будетъ ли онъ стòитъ того, чтобы пуститься съ нимъ на смертный бой. И такъ онъ рѣшился ждать, какъ огласитъ его молва. На зарѣ пошелъ онъ къ ключу, какъ обѣщалъ Зеилѣ, но ея не было. Отъ испуга и горестныхъ предчувствій Зеила занемогла. Дукморъ жалобно игралъ на флажолетѣ, ходилъ за стадомъ съ поникшей головой, и безпрестанно взглядывалъ къ деревнѣ Курцемъ, не выйдетъ ли Зеила. ... Насталъ вечеръ; ее нѣтъ. У Дукмора навернулись слезы на глазахъ. — «Что съ тобой, моя Зеила?» — думалъ онъ, и нога за ногою гналъ стадо свое домой.

Вѣсть о появленіи въ лѣсу медвѣдя, какъ быстрый потокъ, разлилась по всѣмъ окружнымъ селеніямъ.

Все встревожилось, но рабочая пора не дозволила принимать ни какихъ мѣръ, кромѣ того, чтобы запирать стада на ночь въ оградахъ и спускать всѣхъ собакъ.

— «А что, Дукморъ?» — говорили молодые люди селенія Бугры, сойдясь вечеромъ съ юнымъ Черемисскимъ Аполлономъ. — «Не хочешь ли попробовать счастія противъ незванаго гостя въ лѣсахъ нашихъ? Кстати, у тебя на зиму нѣтъ тулупа, а его шуба и красива и тепла. Право, братъ, рѣшись; мы помогли бы тебѣ, да видишь, намъ нѣкогда; къ тому жь ты силачъ, какихъ у насъ въ деревнѣ никто и не запомнитъ; ножъ не свернется въ рукѣ твоей. А знаешь ли, каковъ медвѣдь? Стóитъ чести быть убитымъ твоей рукой! Чудовище ужаснѣйшее, какое когда либо появлялось въ священныхъ лѣсахъ нашихъ. Столѣтніе старики говорятъ, что и отъ дѣдовъ своихъ не слыхали, чтобъ когда нибудь заходилъ въ нашу сторону подобный медвѣдь. — Дукморъ молчалъ. Широкій ножъ его былъ такъ уже выостренъ, что перерубалъ волосъ на воздухѣ, и онъ почти рѣшился итти въ боръ отыскивать ужаснаго врага и сразиться съ нимъ, но ему хотѣлось прежде увидѣть Зеилу; онъ самъ не зналъ для чего хотѣлъ того, но..... Кровь его леденѣла при мысли итти на столь опасный подвигъ, не взглянувъ еще хоть разъ на Зеилу..... Злой рокъ былъ неумолимъ. Зеила не показывалась у ключа; она лежала за мертво на нарахъ, и была окружена старухами, которыя шептали надъ нею всякій вздоръ, перебирали всѣхъ идоловъ по именамъ, не забывая и Кере-

мета, и всякій разъ Зеила, услыша его имя, вздрагивала и металась по постели. Наконецъ молодость и природа взяли свое; чрезъ недѣлю Зеила могла вставать и даже выходить. Первое, что она услышала, была вѣсть о появленіи страшнаго медвѣдя, наводившаго ужасъ на всю окрестность и дѣлавшаго опустошенія въ стадахъ..... Сердце ея замерло. Не твердыми шагами пошла она, какъ могла скорѣе, къ ключу. Стада паслись разсыпавшись по лугамъ..... Дукмора не было!..... Сердце Зеилы облилось кровью. Она угадала все!..... Ломая руки, бросилась она въ отчаяніи на траву.

Дукморъ, тщетно приходя каждое утро къ ключу, чтобы увидѣть Зеилу, рѣшился наконецъ, именно въ тотъ день, когда Зеила въ первый разъ оставила свою хижину, итти на гибельный подвигъ; онъ просилъ одного изъ стариковъ посмотрѣть въ тотъ день за его стадомъ, отдалъ ему Зиглора и Зуррая, разсказалъ, гдѣ лучше трава и къ какому мѣсту ручья пригонять пить. Обезпеча такимъ образомъ довольство ввѣреннаго ему стада, и дождавшись, когда старикъ зашелъ съ нимъ за рощу, Дукморъ приблизился къ ручью, остановился на берегу его и долго смотрѣлъ на деревню. — Наконецъ, простирая руки къ хижинѣ, подъ кровомъ которой цвѣлъ прелестный цвѣтокъ его, плѣнительная Зеила, онъ воскликнулъ: «Зеила! можетъ ты придешь сюда завтра, можетъ еще сегодня, но я уже не встрѣчу тебя..... И увы! кто знаетъ: встрѣчу ль я тебя когда нибудь?..... Прости, Зеила, прости!» повторилъ онъ, ударяя себя руками въ грудь. «Ужасный Кереметъ да-

ромъ не смѣется! Оба слышали мы страшный хохотъ его, а онъ..... онъ всегда окупается кровью!.....»

Дукморъ пошелъ тропинкой, пролегавшей вдоль ручья и ведущей въ самую глубь лѣса; онъ шелъ все по одному направленію, пока наконецъ дошелъ до такого мѣста, гдѣ и ключъ и тропинка исчезали въ болотахъ и непроходимой чащѣ. Тутъ онъ остановился, осматривая внимательно всѣ окружающіе его предметы; между валежникомъ, заросшимъ кустами малины, тянулась едва примѣтная, узкая тропа; въ ней опытный глазъ смѣлаго Черемиса не могъ обмануться. Это была тропа медвѣдя. Мужественный молодой человѣкъ отдалилъ мысль свою отъ Зеилы, забылъ зловѣщій хохотъ Керемета, и взявъ твердою рукою ножъ свой, сталъ бодро на тропѣ, которою необходимо надобно было итти свирѣпому животному. Ожиданіе его длилось не болѣе часа. Гулъ, пыхтѣнье и трескъ сучьевъ, раздающіеся по всему лѣсу, дали знать Дукмору, что настало время. Медвѣдь необъятной величины показался на тропѣ, и въ ту жь минуту сталъ на заднія лапы; то былъ знакъ, что онъ увидѣлъ человѣка. Звѣрь съ ревомъ шелъ на Дукмора. Дукморъ шелъ къ нему. Уже лапы чудовища были на стройныхъ плечахъ Черемиса; ножъ Дукмора былъ во внутренности медвѣдя!..... Но, увы! несчастная Зеила!..... Ножъ свернулся!..... Мгновенія довольно было лютому звѣрю. Дукморъ палъ безъ образа и жизни!..... Чудовище, смертельно раненое, упало близъ него, каталось по землѣ, и истекая кровью, ревѣло неистово!.... Дикій

ревъ издыхающаго звѣря раздавался по всему лѣсу, оглашалъ окрестность и заставлялъ все живущее съ трепетомъ укрываться въ самыя неприступныя мѣста. Стадо, дико озираясь, неслось, какъ вихрь, къ селенію, вбѣгало въ него, жалось, тѣснилось къ домамъ. Собаки съ визгомъ подлѣзали подъ мостовины, подъ печь, подъ лавки и, трясясь всѣмъ тѣломъ, жалобно выли. А люди?..... Все, что только было въ полѣ, кинулось въ деревню. Женщины съ воплемъ бѣжали къ оставленнымъ дѣтямъ; мужчины, вооружась чѣмъ попало, палкою, дубиною, жердью, вилами, косою, жались однако жь въ тѣсную толпу и такъ подвигались къ своимъ селеніямъ. Наконецъ дикій ревъ вдругъ замолкъ.... Всѣ Черемисы остановились и съ изумленіемъ смотрѣли другъ на друга. «Кто жь жизнью своею выкупилъ нашу безопасность?» спрашивали они одинъ другаго. — «Медвѣдь издохъ — нѣтъ сомнѣнія, но онъ изломалъ своего противника, и въ этомъ также нѣтъ сомнѣнія: медвѣдю нѣкогда ревѣть, когда ножъ пойдетъ удачно; онъ умираетъ безгласно и въ одну секунду, а то видно ножъ свернулся. Но кто жь бы это? — Наши всѣ здѣсь» — говорили они, пробѣгая взорами по всѣмъ лицамъ. — «А Дукморъ?» — сказалъ кто-то въ толпѣ. «Дукморъ!» — повторило нѣсколько голосовъ, и въ первый разъ еще имя злосчастнаго юноши произносилось съ участіемъ. — «Дукморъ, нашъ силачъ, красавецъ, молодецъ, о какихъ у насъ до сего времени и не слыхивали! Ахъ! какъ жаль!.....» — «Вотъ бѣда!» — шептали между собою молодые люди Дукморовыхъ

лѣтъ. — «Вотъ бѣда, если въ самомъ дѣлѣ онъ! Говорятъ, наборъ будетъ непремѣнно зимой! Отъ нашей деревни слѣдовалъ одинъ только рекрутъ: ужь сказали бы спасибо за такого красавца, а теперь — бѣда!....» — «Ну кто жь виноватъ? Вѣдь сами подстрекали, иди да иди, шуба тепла и красива!.....» сказалъ одинъ изъ пожилыхъ Черемисовъ, вслушавшись въ слова ихъ — «ну, вотъ теперь надѣнь эту шубу, да и ступай въ солдаты!» — «Ну, что жь — и пойдетъ, кому очередь!» — перервалъ староста.

«Полно-те! Ступайте въ поле! нечего уже теперь толковать — все кончено; пошлите приволочь трупъ медвѣдя и похоронить того, кто былъ его побѣдителемъ.» — Всѣ возвратились въ поле, исключая трехъ молодыхъ ребятъ, которыхъ жители деревни Бугры послали въ лѣсъ за медвѣдемъ и Дукморомъ.

Но Зеила? Что съ нею? Гдѣ она была въ то время?..... Бѣдная Зеила лежала на берегу ручья и плакала, какъ вдругъ раздался ужасный ревъ медвѣдя, ревъ, въ которомъ слышалась ей смерть ея любезнаго.

Она вскочила въ ужасѣ; съ минуту стояла неподвижно, трепеща всѣмъ тѣломъ; въ глазахъ ея изобразилось помѣшательство; вдругъ она пошла быстро по теченію ручья, прямо въ лѣсъ, не бѣжала, но шла чрезвычайно скоро, расплетая торопливо свою шелковистую, свѣтлорусую косу, достающую за колѣна; расплетя и распустя волосы по вѣтру, она пустилась бѣжать съ быстротою гонимой лани. Я никакъ не могла доспроситься у жителей: чему они приписываютъ это

странное дѣйствіе ея? Былъ ли то родъ какихъ нибудь чаръ, или просто признакъ начинающагося сумасшествія? Зеила бѣжала по той самой тропинкѣ, по которой, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, прошелъ злополучный Дукморъ. Солнце было уже близко къ закату, но не страшась болѣе мрачныхъ тѣней, не страшась уже ничего въ мірѣ, Зеила продолжала бѣжать лѣсомъ, и наконецъ, закричавъ пронзительно, упала на землю..... Въ пяти шагахъ отъ нея лежало раздавленное и изковерканное тѣло Дукмора! Оно все было въ крови, выбрызнувшей, выжатой изъ всѣхъ поровъ, изъ всѣхъ мѣстъ растерзанной кожи его!..... Несчастная Зеила влеклась къ нему по землѣ, испуская глухіе стоны. Приползши, она обняла тѣло, судорожно сжала его, и безпрестанно обтирала кровь съ лица и головы Дукмора своими волосами. Такъ застигла ея ночь. Несчастная уже ничего не понимала: для нея не было ночи, не было мрака, не было ужасовъ!..... Кроткая, робкая и суевѣрная Черемиска сидѣла одна, въ дремучемъ лѣсу, въ глубокую полночь, близъ мертваго тѣла и въ десяти шагахъ отъ издохшаго медвѣдя чудовищной величины! Примѣтно было, что ужасъ, сосредоточившійся въ душѣ ея, превышалъ всѣ ужасы въ мірѣ. Она продолжала стонать глухо, дико, и то отирала кровь волосами, то прижимала ихъ къ глубокимъ язвамъ мертваго Дукмора.

Трое молодыхъ Черемисовъ, отправленныхъ изъ деревни Бугры, застали ее въ такомъ положеніи; они чуть не убѣжали, сочтя несчастную обаяніемъ Керемета.

Но тяжкій стонъ Зеилы и чарующая красота ея одержали верхъ надъ суевѣрнымъ страхомъ. Проникнутые глубочайшимъ сожалѣніемъ, они подошли къ ней, убѣждая оставить плачевные останки юноши и итти съ ними домой. Несчастная не понимала ихъ, даже не смотрѣла на нихъ. Наконецъ, видя безполезность убѣжденій своихъ, и не имѣя духа разлучить ее силою съ бездыханнымъ предметомъ любви ея, они отошли отъ нея, и зацѣпя трупъ медвѣдя веревками, потащили въ деревню. Приволокши свою добычу, одинъ изъ нихъ пошелъ въ Курцемъ, сказать, что видѣлъ Зеилу въ лѣсу, сидящую надъ тѣломъ Дукмора. Всѣ женщины, въ сопровожденіи своихъ мужей, братьевъ, сыновей, пошли толпою въ лѣсъ, нашли бѣдную Зеилу, все въ одномъ положеніи, стенящую и обтирающую волосами кровь съ лица и головы своего Дукмора. Горько плача, взяли они ее на руки и понесли домой; она не дѣлала ни какого сопротивленія и только стонала. Мужчины подняли тѣло Дукмора, донесли до рощи, и тамъ похоронили, недалеко отъ ключа.

На другой день Зеила пришла въ совершенное разслабленіе; она не стонала болѣе, лежала безъ движенія и безъ всякаго признака жизни, исключая чуть примѣтное дыханіе. Послѣ трехъ недѣль шептанья, колдованья и невнятнаго бормотанья всѣхъ деревенскихъ шамановъ и шаманокъ, съ утра до вечера дежурившихъ у наръ Зеилы, юная Черемиска возвратилась къ жизни, но разсудокъ ея навсегда разстроился; она осталась сумасшедшею, и съ того времени вотъ ея родъ

жизни: зиму всю она прилежно работаетъ, но ни говоритъ ни съ кѣмъ ни слова; когда же настанетъ весна, сойдетъ снѣгъ, покажутся трава и цвѣты, Зеила беретъ ведра и идетъ на ключъ; наполнивъ водою, ставитъ ихъ на землю, и стоитъ нѣсколько времени неподвижно на одномъ мѣстѣ, устремя глаза въ глубь рощи; послѣ начинаетъ прислушиваться; ужасъ рисуется въ глазахъ ея, и наконецъ, вскрикнувъ пронзительно, бѣжитъ съ быстротою вѣтра по извѣстной тропинкѣ, прямо въ лѣсъ, достигаетъ мѣста, гдѣ лежало тѣло Дукмора, бросается на землю, стонетъ, мечется, наконецъ садится на берегу ручья, опускаетъ въ него свои волосы и моетъ ихъ тщательно, припѣвая слова, которыя я, сколько ни старалась, не могла переложить въ стихи, такъ, чтобы сохранить смыслъ и чувство, какіе въ нихъ находятся. Вотъ что поетъ Зеила, смывая мнимую кровь съ кудрей своихъ:

Бѣжитъ, гремитъ, кипитъ, клокочетъ
Волшебный ключъ моей страны!
Злой Кереметъ въ лѣсу хохочетъ
Въ часы полночной тишины!

Бѣжитъ, гремитъ, по камнямъ скачетъ
Волшебный ключъ моей страны!
На берегу дѣвица плачетъ
Въ часы полночной тишины!

Бѣжитъ, гремитъ, волной сверкаетъ
Волшебный ключъ моей страны!
Съ кудрей дѣвица кровь смываетъ
Въ часы полночной тишины!

Послѣ двухъ или трехъ часовъ безпрерывнаго полосканья своихъ волосъ, Зеила идетъ къ могилѣ Дукмора, обнимаетъ ее, прижимается къ ней лицомъ, покрываетъ волосами, и остается такъ, безмолвно и неподвижно, до тѣхъ поръ, пока которая нибудь изъ ея названныхъ матерей придетъ взять ее и отвесть домой. Безъ малѣйшаго сопротивленія, она повинуется и идетъ послушно за тою, которая придетъ сказать ей: «Полно, Зеила, пойдемъ въ деревню — тебя ждутъ.» — Зима прекращаетъ все. Зеила остается въ избѣ, не ходитъ на ключъ, не моетъ волосъ и никогда не поетъ своей пѣсни. Тиха, покорна, трудолюбива, она съ утра до вечера занимается дѣломъ, и даже самыми тяжелыми работами; по наружности, казалось бы, что она спокойна, но ужасная сухощавость, смертная блѣдность, всегда потупленный взоръ и безпрерывное молчаніе показываютъ невыразимую тяжесть сердечныхъ мукъ и близкій конецъ жизни. Тщетно всѣ женщины, на рукахъ которыхъ она выросла и которыя любили ее почти болѣе своихъ собственныхъ дѣтей, тщетно старались не допускать ея къ тяжелымъ работамъ: не было на это средствъ, и онѣ, наконецъ, не смотря на свою простоту, поняли, что терзанія души ея превзойдутъ мѣру, если она останется хоть на одинъ день въ праздности, поняли, что безпрерывное занятіе для нея необходимо, и дали ей волю поступать, какъ она хочетъ. Въ первые дни послѣ ея грустнаго выздоровленія, онѣ хотѣли было утѣшить ее, разговорить, заставить сказать хотя одно слово. — «Да, успокойся, Зеила, дитя наше!» гово-

рили онѣ, плача и обнимая ее — «безцѣнное дитя наше! скажи намъ что нибудь! Скажи намъ, что у тебя болитъ? что тебѣ надобно? Скажи намъ хоть слово, дай намъ, ради Бога, услышать голосъ твой! Послушайся же насъ, Зеила, не мучь такъ бѣдныхъ матерей своихъ!....» Все было безполезно. На ихъ ласки, слова и плачъ Зеила отвѣчала молчаніемъ, томнымъ взоромъ, и тѣмъ, что прилегала на грудь той изъ нихъ, которая сидѣла къ ней ближе; послѣднее дѣлала она машинально, по какому-то темному воспоминанію дѣтской привязанности, которую имѣла ко всѣмъ женщинамъ деревни, ее воспитавшимъ, но примѣтно было, что теперь она не узнавала ни одной изъ нихъ. — Ужасное состояніе! Приближеніе весны дѣлало въ ней ощутительную перемѣну. Глаза и всѣ черты лица оживлялись; наружное спокойствіе исчезло; она была въ безпрерывномъ волненіи и какомъ-то нетерпѣливомъ ожиданіи. — На лицѣ ея изображалось иногда чувство радости, кроткаго веселья, увѣренности въ счастіи (увы! навсегда минувшемъ!). — Но вдругъ вся физіогномія ея измѣнялась; испугъ и страданіе рисовались въ глазахъ ея и во всѣхъ чертахъ лица — страданіе столь жестокое, что женщины, сидѣвшія съ нею, ломая руки, убѣгали прочь....»

— «Боже мой! Вы разтерзали мое сердце вашею повѣстью, но продолжайте, продолжайте, прошу васъ, будьте такъ милостивы и не милостивы вмѣстѣ!»

— «Повѣсть моя приходитъ къ концу. — Въ помѣшательствѣ Зеилы было еще одно замѣчательное обстоятельство. Хотя она зимою никогда не пѣла своей пѣ-

сни, но всегда болѣзненно вздрагивала, если слышала кого нибудь поющаго.»

— «Неужели имѣлъ кто нибудь безчеловѣчіе пѣть при ней тѣ слова, которыми она оплакивала свое несчастіе?»

— «Какъ можно! Нѣтъ, да суровые Черемисы къ тому и неспособны. Но какъ они поютъ всѣ одинаково жалобно, въ родѣ какого-то завыванья, то не мудрено, что который нибудь изъ звуковъ напоминалъ Зеилѣ ея пѣсню, а съ ней и страшную картину полночи въ лѣсу, смерти, ранъ, крови, картину ея ужаснѣйшаго злополучія.»

— «Мнѣ однакожь странно, что Зеила сочинила пѣсню, видно такъ, какъ дѣлаютъ лунатики, что для меня всегда было и будетъ не понятно.»

— «Для такой пѣсни, какую сочинила Зеила, не нужно умѣнья, а просто природная способность къ поэзіи, которою въ высшей степени одарены всѣ Черемисы.»

— «Черемисы поэты, и еще въ высшей степени! Богъ вамъ судья! Вы хотите заставить меня смѣяться, когда у меня слезы на глазахъ.»

— «Вольно вамъ и плакать и смѣяться не въ попадъ: вы не вѣрили, что у насъ есть Сѣрный Ключъ, не вѣрили, что я ѣздила на воды! Но вотъ, теперь, вы убѣдились въ двухъ истинахъ; также будетъ и съ поэзіей Черемисовъ. Слушайте со вниманіемъ и вникните въ то, что буду вамъ разсказывать.... Что вы улыбаетесь? Я не шучу: повѣрьте, что этотъ народъ — поэты, да еще какіе? импровизаторы!»

— «Отъ часу не легче!»

Взглядъ Лязовецкой заставилъ ротмистра кинуться цѣловать ея руку.

«Виноватъ. Право мы, квартируя по деревнямъ, привыкаемъ, Богъ знаетъ, къ какимъ выраженіямъ. Не гнѣвайтесь: я готовъ вѣрить, дивиться и благоговѣть предъ Черемисами поэтами, импровизаторами, но докажите мнѣ хоть малѣйшую возможность такого чуда, не употребляя однакожь, для убѣжденія меня, власти вашего пола, требующей безусловнаго довѣрія.»

— «Неисправимый человѣкъ! — И такъ слушайте: образъ жизни Черемисовъ, ихъ нравы, обычаи, языкъ, тайная привязанность къ идолопоклонству, выборъ мѣста для жилищъ всегда среди лѣсовъ, отдѣляютъ ихъ совершенно отъ другихъ племенъ и осуждаютъ на всегдашнее одиночество. Черемисъ природно грустенъ; его не развлекаетъ ни одно изъ тѣхъ упражненій, которыми занимаются его сосѣди Татары, какъ то: торговля, мѣна, переѣздъ изъ одного города въ другой; онъ не выращиваетъ, не холитъ коня, не шьетъ халата, не выдѣлываетъ ергака; онъ только пашетъ землю и зимою ловитъ бѣлокъ, чтобы продавъ ихъ кожу, купить себѣ соли. Вотъ весь кругъ его дѣятельности. Разумъ его, не занятый житейскими заботами, имѣетъ весь досугъ погружаться въ таинственность нелѣпыхъ обрядовъ давней вѣры, что дѣлаетъ его мрачнымъ, скрытнымъ, недовѣрчивымъ; онъ молчаливъ даже въ своей семьѣ и дышитъ свободно тогда только, когда остается одинъ. Онъ уходитъ въ лѣсъ, свое отечество, свою сти-

хію, углубляется въ чащу его, и тамъ безъ помѣхи предается вполнѣ природной меланхоліи. Тамъ онъ чувствуетъ себя, какъ нельзя ближе къ доброй матери своей природѣ, и съ восторгомъ поетъ красоты ея. Онъ воспѣваетъ, хвалитъ всѣ предметы, на какіе только устремляется взоръ его. Смотря на красивую березу, могучій дубъ, высокую сосну, онъ поетъ, что дерево пріятно для глазъ, что зелены и густы его листья, какъ снѣгъ бѣла его кора, прохладна тѣнь и гибки вѣтви, по которымъ скачетъ проворная бѣлка. Въ дубѣ хвалитъ онъ другія преимущества, его крѣпость, долговѣчность, и даже назначеніе.»

— «Желалъ бы я слышать: какими именно словами онъ привѣтствуетъ дубъ?»

— «Онъ говоритъ: «О дубъ, дубъ крѣпкій, долговѣчный! судьбой ты назначенъ для дальныхъ путей. Ты видишь смерть, несешь богатства, и съ вѣтромъ буйнымъ ты въ вѣчной борьбѣ!» — О соснѣ поетъ, что она высока, пряма, вѣчно зелена, что неизмѣняемость ея зелени похожа на постоянство его любви?»

— «Какъ? Онъ и любовь тутъ вмѣшиваетъ?»

— «Разумѣется. Страненъ вопросъ вашъ, Лѣнинъ?»

— «Почему жь страненъ? Можно быть поэтомъ безъ любви, можно и любить и не имѣть ни какого понятія о поэзіи.»

— «На первое еще могу я согласиться, но послѣднее не возможно. Нѣтъ! не возможно, было бы даже что-то уродливо. Но возвратимся къ моимъ Черемисамъ. Убѣдились ли вы теперь, что они имѣютъ даръ пѣть и со-

чинять въ одно время? И не права ли я, утверждая, что Черемисы поэты и импровизаторы вмѣстѣ?»

— «Ахъ! въ чемъ вы не будете правы! Но какъ я уже всему теперь повѣрилъ, не будете ли имѣть снисхожденія досказать о Зеилѣ?»

— «Злая иронія! Повѣсть Зеилы уже досказана. Зеила покоится теперь подлѣ своего Дукмора. Одна зеленая насыпь покрываетъ ихъ обоихъ.»

— «Такъ она умерла?»

— «Да, одинъ изъ нашихъ чиновниковъ былъ въ тѣхъ мѣстахъ, и возвратясь разсказывалъ, что при немъ принесли Зеилу мертвую съ Дукморовой могилы. Въ тотъ день была она блѣднѣе обыкновеннаго, но такъ же, какъ и всегда, пришла къ ключу, набрала воды, поставила ведра на землю и стала прислушиваться; такъ же, какъ и всегда, вскрикнула, полетѣла, будто стрѣла, въ лѣсъ, но прибѣжавъ на мѣсто, гдѣ нашла нѣкогда мертвое тѣло Дукмора, не стонала, не металась по землѣ, а сѣла спокойно, тихо, оставалась съ полчаса погруженною въ мысли; потомъ наклонилась къ землѣ и съ нѣжностію цѣловала ее нѣсколько разъ; наконецъ встала, и не подходя уже къ ключу, пошла медленно въ обратный путь. У могилы Дукмора, она затрепетала, упала на нее, съ восторгомъ обняла, и такъ сильно прижалась къ ней лицемъ, что когда подняли уже ее съ могилы, мертвую, то увидѣли, что сухія растенія прокололи ей лицо и вонзились до костей.»

«Бѣдная!»

— «Послѣднее время, женщины, замѣчая по необы-

чайной блѣдности и худобѣ Зеилы, что конецъ ея уже не далекъ, не выпускали ея изъ вида. Всегда одна изъ нихъ ходила за нею слѣдомъ; онѣ очередовались въ своей печальной должности, и моя бывшая хозяйка, болѣе всѣхъ ее любившая, имѣла горестное преимущество ходить за нею въ послѣдній день ея жизни, поднять ее мертвую съ могилы, и на рукахъ своихъ принести къ себѣ домой.....»

Лязовецкая замолчала. Ротмистръ также молчалъ. Печаль закралась въ его душу. Въ воображеніи его рисовались, то прелестная, блѣдная Зеила съ черными глазами и длинными свѣтлорусыми волосами, то стройный, высокій Дукморъ, гордо стоящій на тропѣ, съ блестящимъ ножемъ, то слышалось мелодическое пѣніе Зеилы, то плескъ ручья, то ревъ медвѣдя, то хохотъ злаго духа Черемисскаго.... Однимъ словомъ, онъ погрузился въ глубочайшую задумчивость.

— «Не хотѣла бы я разсказывать еще разъ въ жизни своей этой исторіи,» сказала наконецъ Лязовецкая, вставая съ дивана и свертывая свою работу.

— «Бѣдственная участь двухъ молодыхъ сиротъ!....»

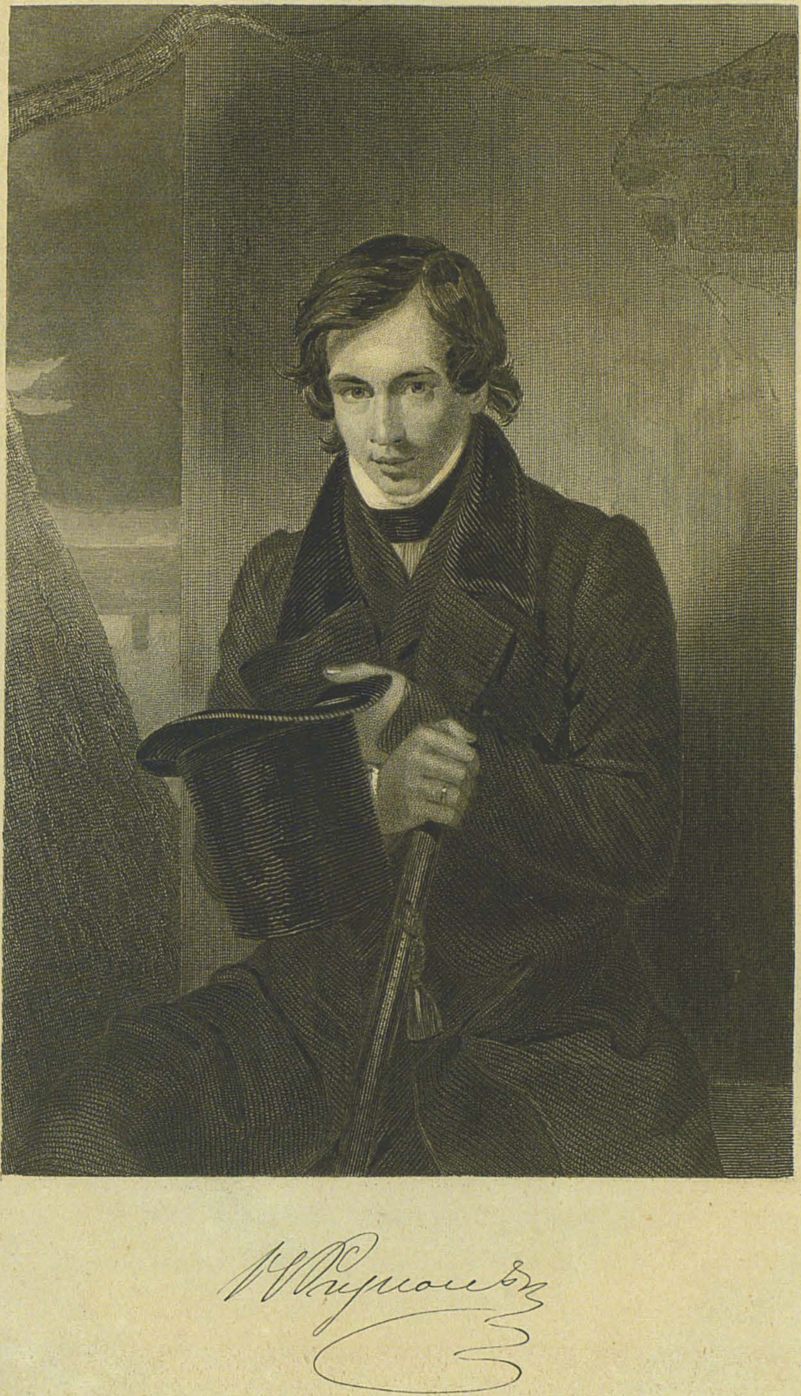
— «Маменька! да, что вы не ложитесь спать!» сказалъ съ плачемъ одинъ изъ мальчиковъ. «Посмотрите, вѣдь уже день!»

Ротмистръ и прекрасная хозяйка оба взглянули въ окно. Востокъ начиналъ уже алѣть.

— «Ахъ! какъ я виноватъ!» вскричалъ ротмистръ, торопливо схватывая свою фуражку. «Я употребилъ во зло ваше снисхожденіе! Можете ли вы простить меня?»

— «Мнѣ не въ чемъ прощать васъ,» сказала простодушно Лязовецкая. «Я сама находила удовольствіе разсказывать, увлекаясь интересностью происшествія.»

Лѣнинъ, хотя торопливо, но нѣжно и пламенно поцѣловалъ бѣлую ручку милой хозяйки и ушелъ. Когда дверь затворилась за молодымъ уланомъ, Лязовецкая подошла тихонько къ двери кабинета, легонько отворила ее, и видя, что супругъ ея спитъ глубокимъ сномъ на своей походной постелѣ, опять притворила. Подошедъ къ кроваткѣ меньшаго изъ сыновей, не перестававшаго звать ее, она прилегла къ нему. Успокоенное дитя обняло лебединую грудь матери, и оба въ ту жь минуту заснули.

ІОАННЪ АНТОНЪ

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗІЯ

ВЪ ПЯТИ АКТАХЪ, СЪ ЭПИЛОГОМЪ, ВЪ ПРОЗѢ.

(Писано въ 1837 году.)

ПОСВЯЩАЮ

ЛЮДВИГУ АНДРЕЕВИЧУ

ГЕЙДЕНРЕЙХУ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Кто-то сказалъ (и не правду), будто великое чувство :
Дружба бываетъ въ единственномъ только числѣ. Но по счастью
Опытъ въ противномъ увѣрилъ меня. Семьею богатой
Добрыхъ друзей окружило меня Провидѣнье — и славу
Небу благому сердце поетъ въ благодарномъ восторгѣ!
Другъ въ трудахъ вдохновенья вмѣстѣ судья и помощникъ.
Дружба не страсть, отъ пристрастій свободна и взоромъ суровымъ
Святость труда, чистоту помышленій хранитъ неподкупно,
Пестуетъ каждое слово, чувствуетъ каждое чувство,
Знаетъ основы созданья и тайну задуманной цѣли......
Сердца избранники, вамъ открываю завѣтныя думы,
Съ вами смиренно любуюсь на зерна далекихъ созданій;
Каждый изъ васъ въ твореньяхъ моихъ имѣетъ любимца.
Дорогъ мнѣ другъ воспріемникъ и каждому, добрые други,
Я посвящаю любимца на память бесѣдъ о любимцѣ.
Весело въ жизни много исполнить трудовъ вдохновенныхъ,
Но веселѣе — *каждый* — именемъ друга украсить.

ЮАННЪ АНТОНЪ

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Герцогъ.
Герцогиня.
Іоаннъ Антонъ Лейзевицъ.
Клара, его сестра.
Луиза, его жена.
Карлъ, его сынъ.
Готгольдъ Евфраимъ Лессингъ.
Іоаннъ Іоакимъ Эшенбургъ.
Іоаннъ Христофъ Фридрихъ Шиллеръ.
Августъ Вильгельмъ Иффландъ.
Іоаннъ Давыдъ Бейль, актеръ.
Фридрихъ Людвигъ Шредеръ, содержатель и директоръ Гамбургскаго театра.

Жоржъ, **Минцъ**, **Моръ**, **Венлеръ**,	актеры Гамбургской труппы.

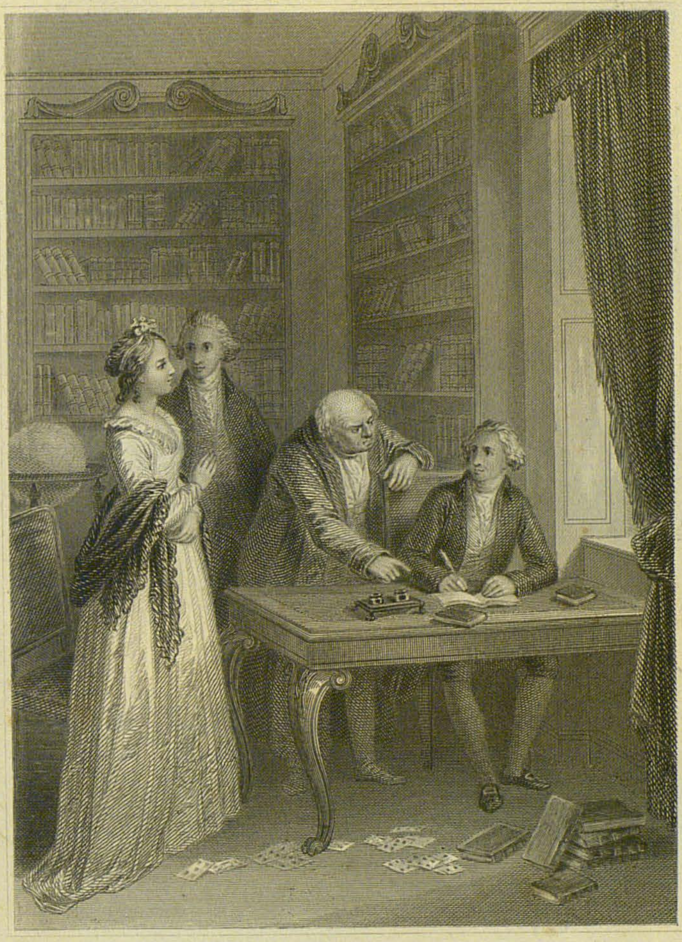
Амалія Клейнъ, **Жанета Реде**, **Эмилія Ризекуръ**,	актрисы той же труппы.

Іоаннъ Мальвицъ, Венгерскій Графъ.
Докторъ Мессеръ.
Директоръ Брауншвейгскаго театра.
Врачъ.
Себастіанъ, слуга Лейзевица.

Трау, **Маули**,	кочующіе картежники.

Гретхенъ, служанка Амаліи.
Фрицъ, каммердинеръ Графа Мальвица.
Гансъ, швейцаръ въ домѣ Шредера.
Книгопродавцы Брауншвейгскіе.
Нищая.
Ея дочь.
Слуга Лессинга.
Сторожъ въ Брауншвейгскомъ театрѣ.
Жители Гамбургскіе и Брауншвейгскіе.

Дѣйствіе первое — въ Гамбургѣ; остальныя — въ Брауншвейгѣ.

ІОАННЪ АНТОНЪ

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Въ Гамбургѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ гостинницѣ.

ВЫХОДЪ 1.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ и КЛАРА.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

И такъ ты теперь совершенно счастлива, Клархенъ! Черезъ три, четыре дня твой женихъ прилетитъ изъ Любека; увезетъ тебя женой.... ты счастлива, но я не завидую твоему счастію. Мужъ, жена, свадьба, все это драматическіе, ничтожные отрывки; ты можешь имѣть только одинъ характеръ, мужъ твой также только одинъ характеръ, у меня ихъ тма! Мое семейство многочисленно, какъ звѣзды; я могу казнить безъ закона, умерщвлять безъ преступленія; я правитель огромнаго, неизмѣримаго государства; я могу!.... Господи, чего не можетъ драматическій писатель!

Я могу человѣка живаго — одѣть въ мантію Императора Августа и дать ему слова и привычки этого владыки древняго міра; я могу свѣту показать живую Клеопатру, не портреты нѣмые и безъ движенія, нѣтъ, людей съ костями, съ тѣломъ, съ живымъ голосомъ, какъ двойники покойныхъ. Они будутъ ходить, говорить, дѣйствовать, — жить! Какъ волхвъ, я могу воскрешать мертвыхъ; въ душу тирана влагать кротость и смиреніе и въ чистѣйшей невинности волновать преступныя чувства.... Думаю, раздумываю, нѣтъ конца моимъ думамъ, нѣтъ конца моей власти.

КЛАРА.

Послушай, драматическій писатель! Мнѣ кажется, ты считаешь это званіе какою-то публичною должностью въ родѣ пастора, судьи, и тому подобное.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Почти такъ, Клархенъ. Писатель лице должностное, какъ судья и пасторъ. Онъ долженъ трудиться перомъ для народной нравственности, для успѣховъ народнаго просвѣщенія, какъ судья трудится для той же цѣли сохраненіемъ справедливости, а пасторъ убѣдительнымъ словомъ своей проповѣди. Писателю нѣтъ вещественной награды за исполненіе высокаго долга, но если онъ употребитъ во зло свое призваніе — его казнятъ многіе вѣка; онъ бы заплатилъ всею славою своей жизни за холодное забвеніе по смерти..... О, я буду служить вѣрно моей Германіи, до конца моей жизни; всѣ мгновенія мои соберу въ размышленія для пользы моего отечества. Напишу библіотеку сочине-

ній, и въ каждое вложу зерно блага, согрѣю его теплотою чистаго чувства, и оно возраститъ плодъ сладкій на могилѣ моей!

КЛАРА.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю начала твоей службы. Доброе сердце твое и несомнѣнный талантъ должны тебѣ доставить почетную извѣстность, тихую жизнь, а это главное. Что слышно о твоемъ Юліѣ?

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Сегодня рѣшается судьба моего Юлія; утромъ я опять заходилъ къ Шредеру.....

КЛАРА.

Кто это Шредеръ?.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Ты забыла всѣ фамиліи, Клархенъ, кромѣ одной! Шредеръ — директоръ, содержатель здѣшняго театра Во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный человѣкъ! Его жизнь — богаче самыхъ занимательныхъ Французскихъ романовъ съ убѣдительнымъ заглавіемъ: les aventures. Жаль, что Лессингъ оставилъ Гамбургъ; вотчимъ Шредера, Аккерманъ, не похожъ на пасынка; онъ бы поладилъ съ Шредеромъ; хорошій писатель, лучшій Германскій актеръ, онъ бы умѣлъ уважать Реформатора, Лютера нашей сцены. Жаль, что уваженіе къ матери не позволяетъ Шредеру дѣйствовать совершенно независимо. Г-жа Аккерманъ привыкла къ Русской восточной роскоши, полюбила деньги, и для денегъ готова жертвовать чистотою сцены; едва, едва она не погубила собственнаго сына; по ея милости, онъ былъ уже плясуномъ; не доставало несчастнаго случая, она

бы сдѣлала его паяцомъ. Г-жа Аккерманъ предсѣдательница во всѣхъ совѣтахъ; не знаю, понравится ли ей мой Юлій?

КЛАРА.

Понравится! Никакого сомнѣнія! Сегодня его прочтутъ, примутъ, въ двѣ недѣли разучатъ, съиграютъ и.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Сыграютъ! Сыграютъ моего Юлія! Я увижу, услышу себя; мою душу осуществятъ въ живой картинѣ! Тысяча глазъ устремится въ священный сумракъ волшебной камеры, гдѣ такъ таинственно, такъ торжественно совершаются жертвы Мельпомены.

Чудныя впечатлѣнія! Васъ не разскажешь! Воздухъ надъ Лессинговой Сарой странно сладострастенъ; кажется, невидимые струны протянуты въ писанныхъ облакахъ театра, играютъ сладостныя пѣсни, глаза прикованы къ этимъ живымъ мертвецамъ, душа въ обаяніи, сердце тонетъ въ слезахъ, слушаешь голоса съ другаго свѣта..... упадетъ занавѣсъ..... будто отъ сладкаго сна разбудили вѣстію о смерти любимаго человѣка.....

Я не шучу, Клара! Нѣтъ, не шучу..... Повѣрь, въ театрѣ воздухъ напитывается мыслями, чувствами, мечтами поэта..... онъ согрѣваетъ толпу..... Юлій, мой Юлій! Что если не согрѣешь, не прослезишь, не утѣшишь никого..... Съ шумомъ принесешь отцу своему — одну насмѣшку..... Нѣтъ..... Двѣ, три сцены выкупятъ остальное. Я читалъ Юлія Бойэ, онъ человѣкъ опытный, со вкусомъ.....

КЛАРА.

Что-жъ Бойэ? Хвалитъ?.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Онъ въ восхищенiи!..... Мало Бойэ; я посылалъ моего Юлiя во всѣ концы Германiи ко всѣмъ членамъ Геттингенскаго союза литераторовъ. Ты помнишь Бюргера? — Чудакъ! Ему больше всего понравилась сцена, когда отецъ Юлiя съ братомъ архiепископомъ пьютъ вино предъ картиной Анхиза и Энея. Но любовь братьевъ соперниковъ ему не по сердцу; онъ бы желалъ Горацiанской Оды въ лицахъ. Вотъ его драма!.....

Стольберги очень довольны; особенно мой милый Любекскiй посланникъ, Графъ Фридрихъ, онъ знаетъ многiя сцены наизустъ.

Да что, Клара! Набожный Миллеръ, будущiй Меланхтонъ, и тотъ хвалитъ исполненiе; ему не нравится фатализмъ, разлитой во всемъ созданiи, но эта неизбѣжность смерти даетъ чудныя тѣни; кажется, видишь какъ смерть дышитъ въ рѣчахъ Гвидо, въ заботливости отца, въ совѣтахъ Аспермонте; во всемъ, вездѣ смерть глядитъ на зрителей, жаждущихъ развязки и тайно изъ подъ черной мантiи показываетъ имъ книжалъ; но кому назначенъ этотъ книжалъ, Юлiю или Гвидо?.... Неизвѣстно!.....

Бѣдный Гёльти — умеръ! А какъ онъ искренно желалъ видѣть представленiе моего Юлiя; какъ пастушески онъ восхищался сценой въ монастырѣ, какъ простодушно любилъ онъ Бланку, сердился на нее, ссорился какъ съ другомъ.... Милая идиллiя, Гель-

ти..... умеръ отъ любви! Умеръ за то, что женщина вышла зåмужъ! Умеръ отъ того, что сердце искренно любило и поэзію и женщину, а двѣ истинныя, неподдѣльныя страсти въ одно и тоже время, въ одномъ и томъ же сердцѣ..... Спаси меня, Господи!

КЛАРА.

О другъ мой, придетъ и твоя пора; будетъ время.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Вотъ самая пошлая пословица, созданная человѣчествомъ въ извиненіе самыхъ мелкихъ слабостей, животненныхъ наклонностей..... Пословицы! Мудрость народная!..... Человѣчество любитъ повторять свои глупости и свои умныя рѣчи — равно; глядь, — пословица; грѣхъ короля, потворная лесть придворныхъ, соблазнительная прелесть для толпы — и мудрость народная умножилась еще одною глупостью..... Будетъ время..... Нѣтъ, любовь къ женщинѣ не посѣтитъ моего сердца.

КЛАРА.

Не забавно, а досадно слушать подобныя тирады изъ небывалой драмы. А на лицѣ какія доказательства, что сердце твое совершенно приготовлено къ самой пылкой, можетъ быть, безумной любви..... Вспомни сцену въ монастырѣ, эту истинно удивительную сцену!

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

А ты ее любишь?

КЛАРА.

Еще бы я не любила лучшаго мѣста въ трагедіи моего брата; за слезы всѣхъ женщинъ тебѣ поручится

Клара, а женщины умѣютъ чувствовать; эта сцена произведетъ такое глубокое, раздирающее впечатлѣніе, какого ты и самъ подозрѣвать не можешь. Не будетъ рыданій, не будетъ шумнаго вопля взволнованной толпы, но за то глаза каждаго будутъ украшены слезами горькаго умиленія; ты ихъ увидишь; сцена продолжительна; ты увидишь эти слезы; никто не успѣетъ скрыть твоего тріумфа.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Тріумфа!..... И ты надѣешься.....

КЛАРА.

Одна эта сцена поставитъ тебя на ряду съ Лессингомъ.

Не думаешь ли ты, что нравится одно превосходное?..... Не думаешь ли ты, что въ знаменитыхъ образцахъ твоего искуства все совершенно? Весьма не многія мѣста; но эти молніи, поразивъ единожды, заставляютъ вѣрить изяществу самыхъ обыкновенныхъ тирадъ и положеній. Побѣжденный зритель изъ благодарности ищетъ новой пищи къ удивленію; онъ увѣренъ, что ты въ силахъ растрогать его вездѣ, гдѣ угодно, и эту силу онъ замѣчаетъ въ самыхъ незначащихъ словахъ и считаетъ обязанностью быть въ постоянномъ восторгѣ.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Сестра моя, утѣшительница, мой Лессингъ. Ты вѣрно читала его драматургію, ты вѣрно замѣтила тамъ одну мысль, въ которой заключено почти тоже; постой; Лессингъ всегда со мной; я отыщу это мѣсто.

(роется въ чемоданѣ.)

КЛАРА.

Полно! Прочти мнѣ лучше сцену любимицу; сегодня она принадлежитъ еще не многимъ, а завтра — она будетъ собственностію цѣлаго свѣта.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, схвативъ и перелистывая тетрадь Юлія.

Изволь! Изволь! Вотъ неожиданный вызовъ! Читать эту сцену, сто разъ.... тысячу разъ..... и такому критику..... Гдѣ же она?.... Ахъ! вотъ....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ читаетъ:

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНІЕ ВТОРАГО АКТА

ИЗЪ ТРАГЕДІИ

ЮЛІЙ ТАРЕНТСКІЙ.

Декорація: пріемная комната въ монастырѣ Св. Юстины.

МОНАХИНЯ И ЮЛІЙ входитъ и говоритъ:

Позовите игуменью! *(монахиня уходитъ)* Я долженъ съ нею видѣться, хотя бы ангелъ съ огненнымъ мечемъ стоялъ у дверей ея кельи. *(входитъ игуменья)* Я хочу говорить съ сестрою Бланкою.

ИГУМЕНЬЯ.

Принцъ, вамъ извѣстно запрещеніе вашего родителя.

ЮЛІЙ.

Игуменья, сегодня отцу моему совершилось 77 лѣтъ, а я его наслѣдный Принцъ.

ИГУМЕНЬЯ.

Я понимаю васъ, но я знаю мои обязанности. И вашему сыну въ подобныхъ обстоятельствахъ я дамъ тотъ же отвѣтъ.

ЮЛІЙ.

Вы мнѣ отвѣчаете за Бланку! Я хочу отвести ее въ мой домъ.

ИГУМЕНЬЯ.

Я могу только сожалѣть объ васъ.....

ЮЛІЙ.

Я сказалъ вамъ, вы за нея отвѣчаете! Не трудно видѣть послѣдствія обыкновенной печали, но если я замѣчу, что огорченіе на лицѣ ея вдавило глубже хотя единую черту, я разорю, замѣтьте это Игуменья, я разорю вашъ монастырь.

ИГУМЕНЬЯ.

Принцъ! Мы только овцы; у насъ есть пастырь!

ЮЛІЙ, нѣсколько разъ прошедъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

Давно ли вы въ монастырѣ?

ИГУМЕНЬЯ.

Девятнадцать лѣтъ.

ЮЛІЙ.

Что̀ разлучило васъ со свѣтомъ — благочестіе или только эти стѣны? Вы никогда не знали любви, вы были монахиней прежде, нежели женщиной?

ИГУМЕНЬЯ.

Перестаньте, Принцъ. *(плачетъ)* Я плакала девятнадцать лѣтъ и еще слезы!

ЮЛІЙ.

Не правда ли, онъ проливалъ слезы у этой рѣшетки, и потомъ умеръ? Не такъ ли?

ИГУМЕНЬЯ.

О мой Рикардо! *(послѣ мгновеннаго молчанія, уходя)* Вы увидите Бланку!

КЛАРА, схвативъ за руку Лейзевица.

Театръ зарыдаетъ или люди безчувственны.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, продолжаетъ читать:

ВТОРАЯ СЦЕНА.

ЮЛІЙ, одинъ.

Чего не сдѣлаетъ любовь! Какъ много можетъ надъ этой женщиной одно воспоминанье, тѣнь любви; чего же не возможетъ исполнить во мнѣ надежда, ея душа! О, кто въ силахъ просуществовать этотъ мѣсяцъ!.....

Лишиться престола, для Бланки — это не жертва, а освобожденіе; ради тебя, я готовъ многіе годы моей жизни про-

*

вести въ мрачной темницѣ, куда бы отъ блистательнаго солнца проникало столько свѣту, сколько нужно для освѣщенія твоего лица! Увидѣть Бланку! Увидѣть въ эту минуту! Знаю, за это свиданіе, я заплачу моимъ спокойствіемъ. Гм!..... Но что оно? Жалкій остатокъ прошедшаго спокойствія, а одинъ взоръ ея стóитъ самаго глубокаго покоя величайшаго изъ мудрецовъ.

(Бланка съ Игуменьей входятъ; Юлій бѣжитъ къ нимъ на встрѣчу.)

ЮЛІЙ.

О, моя Бланка!

БЛАНКА, отступая.

Принцъ, не оскорбляйте святыни.....

ЮЛІЙ.

Бланка, не нарушай клятвы!

БЛАНКА.

Да, я надѣюсь сдержать слово, данное Небу.

ЮЛІЙ.

Твои обѣты клятвопреступны. Можетъ ли вторая клятва уничтожить первую! Такъ что же вѣрность въ любви, запечатлѣнная клятвою? Сокровище подъ замкомъ, отъ котораго ключъ у всякаго вора. Но ты не клялась Небу. Твои обѣты до него не достигли. Геній, хранитель нашей любви, удержалъ ихъ и въ день брака возвратитъ ихъ тебѣ, какъ свадебный подарокъ.

БЛАНКА.

Я отреклась предъ алтаремъ навсегда и отъ васъ и отъ свѣта; къ подножію алтаря сложила я вѣнецъ невѣсты, принесла въ жертву небу себя, еще болѣе, мою любовь! Ахъ, я вся была проникнута любовью, она была для меня — все...... Если бы я, посвящая себя небу, не пожертвовала моею любовью, тогда бы я не принесла ему въ даръ ничего, кромѣ насмѣшки. Въ тотъ торжественный день, это покрывало — пало стѣною-разлучительницею между мною и свѣтомъ. Ни одинъ вздохъ, ни одно желаніе не смѣетъ туда возвратиться..... Когда захочу предаться пріятнымъ мечтамъ, я должна думать о вѣчности; когда захочу говорить съ чувствомъ, я должна молиться. У меня тѣсное сердце. Любовь къ вамъ и

любовь къ небу въ одно и то же время не могутъ въ немъ помѣститься..... Я невѣста, обреченная небу. Ахъ, Юлій, вы знаете, я не умѣю любить въ половину!

ЮЛІЙ.

Я знаю, я вполнѣ увѣренъ, что въ этотъ день ты обманула небо, обманула невинно.

БЛАНКА.

Но я теперь еще разъ повторяю мое отреченіе, въ вашемъ присутствіи, и только для этого согласилась васъ видѣть.

ЮЛІЙ.

Твои слова могли бы убить меня, если бы ты говорила правду. Любовь слила насъ въ одно единственное существо; мы можемъ погибнуть вмѣстѣ, но разлучиться — никогда. Дѣва, дѣва, нѣкогда вся твоя жизнь была заключена въ любви ко мнѣ!

БЛАНКА.

Да, но та жизнь излилась въ молитвѣ и воздыханьяхъ; я живу другою жизнію. Возьмите вашъ портретъ, послѣдній единственный остатокъ нашей любви. Возьмите! Мнѣ нельзя имѣть при себѣ изображенія мужчины.

ЮЛІЙ.

Никогда! Никогда! Я не могу взять его, хотя бы ты мнѣ возвратила и мое сердце и мое спокойствіе.

БЛАНКА, отдавая портретъ игуменьѣ.

А вы, глядя на мой портретъ, не забывайте, что оригинала уже нѣтъ, что проливаетъ слезы уже другая Бланка. Простите на вѣки! Я знаю ваше сердце, Принцъ; осчастливьте имъ скорѣе другую дѣву; я буду молиться и за васъ и за вашу супругу.

ЮЛІЙ.

Если такъ, молись за себя. Человѣкъ единожды родится и любитъ единожды.

БЛАНКА.

Для себя я буду просить силы забыть прошедшее.... Простите!

ЮЛІЙ, удерживая ее.

Бланка, вспомни невинные дни нашей юности! Припомни

все дарованное намъ любовью, печали и радости, дѣйствительность и мечты, жизнь и дыханіе; вспомни, какъ любовь наша облегчала самыя тяжелыя обязанности и придавала важность самымъ пустымъ!

Но ты не можешь ихъ помнить! Такому чувству не даровано воспоминаній..... Блаженствуя вчера, мы вѣрили, что нѣтъ конца нашимъ радостямъ; сегодня вчерашняя страсть обратилась въ холодность. Но и блѣдный образъ, все таки образъ..... О, Бланка, вспомни о нашихъ бесѣдахъ въ Лимонной рощѣ; вспомни о слезахъ при встрѣчѣ, о слезахъ при разлукѣ!.....

БЛАНКА, *въ глубокой задумчивости.*

Странно! И вамъ это снилось; мнѣ снилось то же.

ЮЛІЙ.

И я клянусь тебѣ, эти дни должны возвратиться, подъ нашими лимонными деревьями, или подъ пальмами Азіи или подъ сѣверными соснами, гдѣ, не знаю, но все равно. Я приду къ тебѣ, хотя бы путь къ твоей кельѣ былъ труднѣе пути ко славѣ, хотя бы по сторонамъ въ кустарникахъ рычали тигры, истомленные голодомъ и жаждой. Только смерть можетъ воспрепятствовать моему намѣренію; но нѣтъ, я чувствую всю свою силу; ея станетъ на столѣтія.

БЛАНКА.

Молю васъ, оставьте меня.

ЮЛІЙ.

Придетъ время, когда отъ всѣхъ твоихъ настоящихъ страданій останется только грустное воспоминаніе, и то, чтобы придать болѣе занимательности вечерней бесѣдѣ о прошедшемъ. На этихъ рукахъ я вынесу тебя изъ твоей темницы; первое чувство твое — будетъ похоже на радость пробужденнаго, когда онъ увѣряется, что страшный сонъ его былъ только сонъ.

БЛАНКА.

Оставьте меня. Вы слышите, звонятъ къ молитвѣ.

ЮЛІЙ.

Но ты должна мнѣ оставить что нибудь на память о сегодняшнемъ свиданіи. *(беретъ ея четки)* Залогъ монастырской

любви, о какъ ты мнѣ дорогъ, ни за что не отдамъ его; развѣ за утренній поцѣлуй въ день нашего брака; вотъ цѣна, а тогда онъ сдѣлается лучшимъ твоимъ свадебнымъ украшеніемъ.

БЛАНКА.

День моего брака — уже минулъ.

ЮЛІЙ.

Разорви свое покрывало, Бланка; я хочу вступить въ великую борьбу. Я знаю, что ты меня любишь, но я хочу это услышать изъ твоихъ устъ, теперь же; заклинаю тебя днями прошедшей и будущей радости; увѣрь меня въ этомъ еще разъ *(обнимаетъ ее)*.

БЛАНКА, падая въ обморокъ.

Игуменья! Помогите!....

ЮЛІЙ.

Она любитъ меня! Видите, Игуменья; вотъ вамъ доказательство, достойное нашей любви. Дѣйствительно, она меня любитъ! Да, если бы ангелъ положилъ перстъ на книгу судебъ и рекъ: клянусь, Бланка любитъ Юлія; — его слова не были бы такъ вѣрны, какъ мое доказательство.

ИГУМЕНЬЯ.

Умоляю васъ, оставьте насъ.

ЮЛІЙ.

Уйду, когда она откроетъ божественные глаза.

(Бланка приходитъ въ себя.)

ЮЛІЙ.

Довольно, благодарю, Игуменья. Вы не увидите меня болѣе въ такомъ отчаяньи!

КЛАРА.

О довольно! Довольно! Эти строки безсмертны! Я смотрю на нихъ съ невольнымъ уваженіемъ.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, цѣлуя ея руки.

О Клара! Если бы я могъ высказать всю бурю моего сердца: твое одобреніе для меня въ эти мгновенія — райское чувство; мнѣ воображается, что теперь именно прочитали мою сцену у Шредера, что даже старуха

Аккерманъ похожа на мою игуменью, что я торжествую..... Боже!... Смотри..... Нѣсколько минутъ — и все совершилось..... Я побѣгу къ Шредеру..... Францъ Вейлеръ, актеръ, въ родѣ секретаря Шредера, обѣщалъ меня увѣдомить ровно въ 10 часовъ о успѣхѣ моего Юлія..... Я знаю, я убѣжденъ..... первыя сцены выдержатъ самую строгую критику, дѣйствіе быстро, языкъ блистателенъ, разговоръ плавенъ, естественъ; не соскучатъ и это мнѣ поможетъ.....

О Господи, дай мнѣ себя увидѣть, услышать! Возврати меня, Господи, моей стихіи! Мое отечество — театръ; мое поле — на этомъ дрожащемъ полу; скрыпъ каждой половицы имѣетъ для меня свою пріятную мелодію; шелестъ кулиссъ, какъ птицѣ ропотъ листьевъ; подымется занавѣсъ, я проснулся, живу; — упадетъ, я сплю, утопаю въ сновидѣньяхъ..... Исторія мимо глазъ моихъ ведетъ свои великія тѣни; каждую я бросаю на этотъ магическій полъ; мѣрю; годится! И странно! Все въ мірѣ мнѣ кажется созданнымъ для театра; онъ — повтореніе міра; но между безчисленными предметами есть любимцы; душа ихъ носитъ, сердце голубитъ, разумъ хлопочетъ о малѣйшихъ подробностяхъ любимца; много въ душу западаетъ высокаго..... Плодородныя зерна, дай Богъ возлелеять васъ безъ бури, безъ града.....

КЛАРА.

Что ты намѣренъ писать послѣ Юлія?.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Агриппину, Клара, Агриппину!..... Чудная трагедія! — Какой помощникъ, Тацитъ! а люди, эти желѣз-

ные развратники, съ философіей и съ соблазномъ; съ познаніемъ Платона и съ насмѣшкой надъ его любовью! Какія лица! — Неронъ! — Не Рассина; это звучный тиранъ и только! Нѣтъ; Неронъ Тацита, кровавый, какъ его тога, поэтъ героическихъ подвиговъ; малодушный мучитель во дворцѣ; ученикъ Сенеки, питомецъ Бурра, сынъ Агриппины, повелитель міра..... Сенека! — Драматическій писатель для развратнаго Рима; философъ афористическій; съ будущею необыкновенною смертію, великій льстецъ ничтожнаго Нерона, или Бурръ, говорящая сталь; или Дворъ Нерона: невольницы, эти одушевленные мраморы Эллады, страстныя пѣсни Испаніи или эти буйныя Египтянки живой огонь, палящія чары; — толпа нахлѣбниковъ, прославленныхъ развратомъ, силой или удачной пѣсней. — Не забудь, характеръ времени обложитъ античной рамой всю трагедію; вѣкъ Нерона станетъ въ театрѣ со своей религіей, философіей, понятіями, обычаями, нравами, даже мебелью и сосудами и посреди этого разгульнаго, сладострастнаго, блистательнаго міра — вдругъ возвысится колоссальная статуя олицетвореннаго честолюбія; безъ страстей; ихъ поглотила одна; безъ чувствъ — ихъ стёрло честолюбіе; блѣдная, желтая, мертвая статуя; въ ней нѣтъ жизни — но она взглянетъ, и эти взоры ярче солнца небеснаго, глубже бездоннаго моря.

Давно уже, на яву и во снѣ я вижу Агриппину; то она честолюбствуетъ, какъ женщина; — то какъ женщина, какъ матерь поетъ пронзительныя жалобы на сына; кинжалъ и ядъ въ рукахъ ея, какъ два древніе

диска; и она мѣтко играетъ въ игру, которую только Агриппина или ея достойный сынъ могутъ назвать игрою..... Вдругъ сомнѣніе заглянуло въ честолюбивую душу и началась великолѣпная трагедія. — Два человѣческія чувства, — въ одно и то же время, животненныя и нравственныя, — материнское и сыновнее брошены подъ жерновъ обстоятельствъ. — Что изъ этого выйдетъ? думаетъ зритель. Кто будетъ хитрѣе въ злобѣ, изворотливѣе въ борьбѣ, ужаснѣе въ побѣдѣ? «Я» говоритъ громко Агриппина; «Я» глухо стонетъ Неронъ — и вотъ барка везетъ Агриппину въ Байю; она разрушается; волны поглощаютъ многихъ; остальныхъ скрываетъ мракъ ночи. — Декорація перемѣняется.

Неронъ торжествуетъ смерть матери; условленные огни дали знать о разрушеніи барки, то есть о вожделѣнной кончинѣ; Неронъ обнимаетъ ужасныхъ участниковъ въ развратѣ, какъ братьевъ, послѣ долгой разлуки; Бурръ не одобряетъ поступка, но доволенъ послѣдствіями; Сенека уже придумываетъ для Нерона рѣчь, которую онъ долженъ по случаю смерти матери говорить въ Сенатѣ. «Не мучь напрасно старой и пьяной головы, учитель,» говоритъ вполнѣ пьяный Неронъ, «рѣчь моя давно готова. Вотъ она.»

«Кто?» спрашиваетъ Сенека, поблѣднѣвъ и выкативъ глаза.

«Моя рѣчь!» отвѣчаетъ Неронъ.....

«Погоди!» дрожащимъ голосомъ говоритъ испуганный философъ. «Погоди. Эта тѣнь можетъ быть заставитъ перемѣнитъ рѣчь и будетъ говоритъ сама за тебя и

о тебѣ.» Всѣ оглянулись и кубки посыпались на полъ; собесѣдники превратились въ каменную группу, а тѣнь съ растрепанными и мокрыми волосами, въ одеждѣ влажной и сбѣжавшейся вокругъ тощаго тѣла, медленно близится къ Нерону..... И здѣсь я хочу опустить занавѣсъ четвертаго акта.

Пятый..... *(Бьетъ десять часовъ)*. Совершилось! Клара, совершилось! Не обвиняй меня, не смѣйся; я бѣгу къ Шредеру.... Я доскажу Агриппину послѣ, завтра, сегодня, но прежде я долженъ узнать судьбу Юлія.... *(убѣгаетъ. Клара беретъ со стола свѣчу и провожаетъ его)*.

ВТОРОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Прихожая въ домѣ Г-жи Аккерманъ.

ВЫХОДЪ 1.

ШРЕДЕРЪ и МИНЦЪ. ГАНСЪ въ углу спитъ.

ШРЕДЕРЪ.

А! Г. Минцъ! Рано же вы пришли читать піэсы, присланныя въ Конкурсъ. Все кончено!

МИНЦЪ.

Простите, Г. Директоръ! У меня жена больна.

ШРЕДЕРЪ.

Уважительная причина! Я самъ ничего не слышалъ и не слушалъ, моя жена также больна..... И я безпрестанно бѣгалъ изъ залы въ спальню, и теперь иду туда.....

МИНЦЪ.

Такъ она больна?..... А какъ же безъ нея пойдутъ спектакли; дѣло невозможное! Г-жа Ризекуръ стара, надоѣла, никто не поѣдетъ, а блаженной памяти дѣвица Гартъ, нынѣ госпожа Шредеръ, не даромъ называлась Петербургской волшебницей. Знаете ли, Г. Директоръ, Г-жа Аккерманъ, почтенная родительница ваша, дѣвица Гартъ, нынѣ ваша много уважаемая супруга, такъ много хорошаго наговорили мнѣ о Петербургѣ, что я хочу сдѣлать художническое путешествіе въ этотъ городъ; тамъ говорятъ очень насъ любятъ. Кто ни пріѣдетъ оттуда, всѣ съ деньгами; а мы здѣсь бьемся какъ рыба оба ледъ, а все плохо.....

ШРЕДЕРЪ.

Позвольте, Г. Минцъ, одно замѣчаніе. Люди съ талантами всегда найдутъ честный кусокъ хлѣба въ отечествѣ; но есть таланты особаго рода, объ нихъ надо хлопотать, помогать имъ уѣхать не только въ Россію, а въ Америку.....

МИНЦЪ.

Конечно, весьма справедливое замѣчаніе. Но чѣмъ же кончился Конкурсъ?.....

ШРЕДЕРЪ.

Истинно не знаю. Болѣзнь жены свела меня съ ума. Матушка распорядилась сегодня нашимъ Комитетомъ. Читалъ Жоржъ, Моръ, Амалія Клейнъ. — Ахъ! вотъ новость, Г. Минцъ! Мы ангажировали премиленькую дѣвицу на первыя роли. Прелесть..... Я боюсь за жену; въ дѣвицѣ Клейнъ она найдетъ опасную соперницу.....

МИНЦЪ.

Слышалъ, слышалъ! Два первые дебюта совершенно удались; что-то будетъ дальше. Когда третій?

ШРЕДЕРЪ.

Да вотъ сегодня рѣшили. Она будетъ играть Лессингову Сару.....

МИНЦЪ.

Ого! Роль вашей супруги и Г-жи Ризекуръ. Неосмотрительность! Ужасная неосмотрительность! Будетъ бунтъ, революція, а вы сами будете играть Мелефонта!

ШРЕДЕРЪ.

Нѣтъ, Жоржъ! Мы будемъ играть въ очередь; разъ мы съ женой, другой разъ Жоржъ съ Амаліей.

МИНЦЪ.

Очень хорошо, Г. Директоръ! но когда же наши новые балеты?....

ШРЕДЕРЪ.

Не говорите мнѣ объ этихъ глупостяхъ. Г. Аккерманъ отказался отъ содержанія театра потому, что я перестaлъ плясать по его дудкѣ Амура и Прометея. Матушка тоже на меня сердита, но какъ имъ угодно; теперь я хозяинъ; балеты будутъ, но изрѣдка; ни въ одну трагедію не допущу вставочныхъ танцевъ; какъ имъ угодно; этихъ пошлостей допускать нельзя. По милости нашего гаерства мы лишились Лессинга; онъ назвалъ Гамбургъ столицей паяццовъ и уѣхалъ въ Вольфенбютель..... Я надѣюсь на вкусъ публики, и увѣренъ, что она меня поблагодаритъ за то, что я рѣшился питать душу сочной и умной пищей и перестaлъ дурачить глаза разноцвѣтными огнями. Можетъ быть,

меньше денегъ, но за то больше чести и честности. Мы можемъ объявить три четыре конкурса въ годъ и всегда будемъ имѣть столько же истинно прекрасныхъ драматическихъ произведеній.....

МИНЦЪ.

Весьма справедливо! Но чѣмъ же кончился первый конкурсъ?

ШРЕДЕРЪ.

Войдите въ залу, прошу васъ; тамъ все узнаете, а я не понялъ ничего, бѣдная моя жена весьма страдаетъ.... Я побѣгу къ ней. Войдите, Г. Минцъ. Войдите.... *(уходитъ)*.

ВЫХОДЪ 2.

МИНЦЪ, одинъ.

Это презабавно! Молодые супруги! Самый дѣятельный, страстный директоръ потерялъ голову отъ минутной болѣзни жены. Онъ бредилъ этимъ конкурсомъ, удивилъ всѣхъ директоровъ, ему прислали цѣлую библіотеку трагедій — и въ самый день суда — Г. Судья не у дѣлъ, а мѣсто его заступаетъ женщина, для которой трагедія безъ балета — опіумъ..... Но вотъ уже всѣ расходятся..... Любопытно, кто побѣдитель?.....

ВЫХОДЪ 3.

МИНЦЪ, и толпа актеровъ и актрисъ разбираютъ плащи и салопы и расходятся.

ЖОРЖЪ.

Что это, Минцъ? Неужели на конкурсъ!

МИНЦЪ.

Именно! Говори, Жоржъ, кто побѣдитель?

ЖОРЖЪ.

Разумѣется, Клингеръ.

МИНЦЪ, уходя и хлопнувъ дверью.

Надоѣлъ.

ЖАНЕТА.

Жоржъ! Вы съ нами!

ЖОРЖЪ.

Нѣтъ, съ вашего позволенія. — Да впрочемъ вамъ нечего бояться. Ужъ васъ вѣрно никто не обидитъ! Васъ всѣ знаютъ.

МОРЪ.

Что касается до Жанеты, то она дѣйствительно пользуется огромною извѣстностью. И Жоржъ правъ! Амалія всего два раза показалась на сценѣ и требуетъ еще почти вездѣ путеводителя (*уходитъ*).

АМАЛІЯ.

Жоржъ, растолкуйте, что онъ хочетъ сказать!

ЖОРЖЪ.

Милая Амалія! Учитесь не понимать. Въ вашемъ званіи и съ вашей красотой это иногда необходимо

АМАЛІЯ.

Ушелъ! Но за что онъ на меня сердится, Жоржъ?

ЖОРЖЪ.

За то, что васъ любитъ. Почти всегда мы сердимся на другихъ за собственныя глупости. Оно и выгоднѣе.

РИЗЕКУРЪ.

Амалія! и вы рѣшились играть Сару? Правду ли я слышала, могу ли этому повѣрить?

ЖОРЖЪ.

А почему же нѣтъ? — Видите, госпожа Ризекуръ, Амалія молода, Лессингова Сара также; — роль Сары

требуетъ всѣхъ цвѣтовъ невинности, а для этого мало однихъ воспоминаній.

РИЗЕКУРЪ, съ крикомъ.

Жоржъ! кого же вы играете въ этой трагедіи?

ЖОРЖЪ.

Въ которой, madame! Теперь я играю роль суфлера и готовъ подсказать Амаліи такія рѣчи, что ручаюсь за самый блистательный эффектъ, только не трагическій.

АМАЛІЯ.

Перестаньте, Жоржъ! — Я буду играть миссъ Сару Сампсонъ по желанію господина Директора.

РИЗЕКУРЪ.

А Жоржъ, вѣроятно, также по волѣ Директора играетъ роль Мелефонта, ея любовника.

ЖОРЖЪ.

Точно такъ, madame! Роли розданы весьма удачно. Вамъ назначена роль Марвудъ, старой любовницы Мелефонта.

РИЗЕКУРЪ, съ возрастающимъ бѣшенствомъ.

Что вы этимъ хотѣли сказать?

ЖОРЖЪ.

Неужели это непонятно?

РИЗЕКУРЪ.

Что вы этимъ хотѣли сказать?

ЖОРЖЪ.

Да не кричите, madame! Я знаю, что господинъ Вейлеръ слишкомъ васъ уважетъ, чтобы выбѣжать изъ залы къ вамъ на помощь. О! я знаю его, онъ весьма остороженъ!

РИЗЕКУРЪ.

Вы безстыдный клеветникъ, Жоржъ!

ЖОРЖЪ.

По крайней мѣрѣ не мстительный любовникъ.

РИЗЕКУРЪ.

Къ кому это относится?

ЖОРЖЪ.

Ко мнѣ.

РИЗЕКУРЪ, внѣ себя уходя.

Къ чорту!

ЖОРЖЪ.

Можетъ быть и къ нему, если мои слова должны кромѣ меня еще къ кому нибудь относиться.

АМАЛІЯ.

Пойдемъ, Жоржъ!

ЖОРЖЪ.

Да вы не одѣлись, Амалія! Васъ испугала эта воплощенная ревность! Привыкайте и учитесь. Дай Богъ, чтобы васъ миновали эти глупыя страсти, которыми теперь такъ невинно гнушаетесь. Но, увы, это невозможно. Эта женщина, которую теперь можетъ быть презираете, эта женщина ваше зеркало черезъ десять, пятнадцать лѣтъ. — Вы поблѣднѣли, вы испугались. Гм! Видно, что вы даже не дочь актрисы.

ВЫХОДЪ 4.

АМАЛІЯ, ЖОРЖЪ, ВЕЙЛЕРЪ и ГАНСЪ (спитъ).

ВЕЙЛЕРЪ.

Гансъ!

ГАНСЪ, просыпаясь.

Чего изволите?

ВЕЙЛЕРЪ.

Помнишь ли ты, сегодня по утру приходилъ къ намъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати въ коричневомъ кафтанѣ съ большими стальными пуговицами, какъ у нашего режиссера Эккерта?

ГАНСЪ.

Слушаюсь.

ВЕЙЛЕРЪ.

Его зовутъ Лейзевицъ.

ГАНСЪ.

Слушаюсь.

ВЕЙЛЕРЪ.

Онъ, вѣроятно, скоро придетъ за обѣщаннымъ отвѣтомъ. Отдай ему эту рукопись и скажи, что она не принята. Слышишь, не принята. Я не могу долѣе оставаться, а если я буду нуженъ, такъ пошли за мной къ г-жѣ Ризекуръ.

ГАНСЪ.

Слушаюсь.

ВЕЙЛЕРЪ.

На, возьми тетрадку..... Э! да ты пьянъ Гансъ?

ГАНСЪ.

Слушаюсь.

ВЕЙЛЕРЪ.

Амалія, Жоржъ, вы еще здѣсь?

ЖОРЖЪ.

Женскій туалетъ, Г. Вейлеръ, вездѣ и всегда продолжителенъ. Притомъ же Амаліи не куда спѣшить.

ВЕЙЛЕРЪ.

Особенно, если при ней Жоржъ Однако, прощайте, мнѣ нѣкогда.

ВЫХОДЪ 5.

АМАЛІЯ, ЖОРЖЪ и ГАНСЪ, опять спитъ.

ЖОРЖЪ.

А главное — не хочется встрѣтить бѣднаго автора, которому по утру вѣроятно было обѣщано всякое зависящее отъ него содѣйствіе. Помилуйте, Амалія, вы до сихъ поръ не готовы..... Весь домъ скоро пройдетъ мимо насъ рунтомъ, а у меня истощатся отвѣты на ихъ дерзкіе вопросы.

АМАЛІЯ.

Я задумалась.

ЖОРЖЪ.

О чемъ, Амалія?.....

АМАЛІЯ.

О бѣдномъ авторѣ, какъ вы назвали. Не знаю почему мнѣ ужасно совѣстно, что и я участвовала въ несправедливомъ дѣлѣ.

ЖОРЖЪ.

Въ какомъ, Амалія?

АМАЛІЯ.

Юлій — несравненно лучше Близнецовъ.

ЖОРЖЪ.

За чѣмъ же вы молчали? Помилуйте! Ваше одно слово, и Юлій былъ бы принятъ единогласно съ мужской стороны, за это ручаюсь.

АМАЛІЯ.

Какъ?

ЖОРЖЪ.

Да, такъ. Юлій, какъ вы сами говорите, несравненно лучше Близнецовъ; мужскія роли превосходны, но

женскія слабы, не блистательны и для васъ ровно нечего играть. Въ Близнецахъ есть роль и для васъ и не дурная; во вторыхъ Клингеръ уже извѣстенъ какъ хорошій писатель, а Лейзевицъ какъ воздушный камень упалъ въ Гамбургскую Дирекцію; въ третьихъ Клингеръ другъ молодаго Гете; успѣхъ Клингера можетъ быть заставитъ и его друга писать для Гамбургскаго театра; въ четвертыхъ, Клингеръ сообразился съ персоналомъ нашей труппы; роли, какъ по мѣркѣ, выкроены и сшиты, каждый можетъ блеснуть лучшей стороной своего таланта; наконецъ Клингеръ знакомъ съ Аккерманами и Шредеромъ, а Лейзевицъ нѣтъ. Вотъ почему прочитавъ Близнецовъ и видя, что эта пьеса можетъ быть сыграна не безъ эффекта, ни кто уже не заботился о Юліѣ и едва ли кто, кромѣ васъ, слушалъ чтеніе.

АМАЛІЯ.

Однако жь, кромѣ васъ, всѣ смѣялись надъ восторженностью Юлія, надъ благоразуміемъ Аспермонте, и ненавистью Гвидо.

ЖОРЖЪ.

И вы полагаете, смѣялись отъ души?

АМАЛІЯ.

А какъ же?

ЖОРЖЪ.

Отъ души! Вы развѣ не примѣтили, что посторонній разговоръ разрывалъ чтеніе; Шредеръ полупрослушалъ Клингеровыхъ Близнецовъ, бѣгалъ къ больной женѣ, воротился къ третьему акту Юлія, когда уже Г-жа Аккерманъ рѣшила выборъ; припомните предметы насмѣшекъ были оторванныя выраженія. — По

чему не было ни одной справедливой эпиграммы? Потому что сатирики не слѣдовали за ходомъ пьесы. — Если бы вы раза два въ началѣ остановили чтеніе восклицаніями, удивленіемъ, вздохомъ, улыбкой — о! ручаюсь, горизонтъ бы измѣнился, наши артисты поважнѣли; головы ихъ, какъ тучи приняли грозный видъ, и чтеніе Юлія окончилось бы бурей и громомъ. — Въ Близнецахъ мы всѣ нашли для себя роли, и такъ какъ это случается весьма рѣдко, мы всѣ успокоились; намъ нужна не драма. Богъ съ нею! Намъ нужны роли. — Что въ томъ, если авторъ представитъ какого нибудь урода; всѣ несовершенства его облечетъ въ совершеннѣйшій образъ правды; изумитъ занимательностью въ ходѣ, блескомъ въ отдѣлкѣ, я ее играть не стану; не буду мучить себя изученіемъ уродливой натуры для того, чтобы играть роль, въ которой и станъ мой, и ловкость ни къ чему не послужатъ; вѣрю, великая заслуга въ искуствѣ; Лессингъ заплящетъ въ креслахъ и закричитъ браво на весь театръ, но публика и Лессинга и меня уйметъ свистомъ. Говорятъ, молодой Шлегель, котораго пьесы мы раза по два сыграли, вы я думаю видѣли *нѣмую красавицу и торжество добродѣтельной женщины*; это *его!* Шлегель, говорятъ, оставилъ оригинальное поприще (*и въ добрый часъ*)! и принялся переводить Шекспирова Венеціянскаго Мавра. Вѣрю, эта пьеса превосходна, но я Отелло играть не буду.

АМАЛІЯ.

Отъ чего? Неужели Мавръ не можетъ быть изященъ?.....

ЖОРЖЪ.

Только не въ Европѣ, гдѣ ихъ еще показываютъ за деньги; но вы готовы, Амалія. Пойдемте; я такъ и жду новой встрѣчи. Какъ разъ!

ВЫХОДЪ 6.

Тѣ же и **ЛЕЙЗЕВИЦЪ.**

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Осмѣлюсь спросить, господинъ секретарь, господина директора Гамбургскаго театра, Францъ Вейлеръ здѣсь?

ЖОРЖЪ.

Былъ здѣсь, но, кажется, вышелъ. Гансъ, проснись! Спрашиваютъ господина Вейлера.

ГАНСЪ, въ просонкахъ.

Она не принята. Слышишь, не принята! Въ коричневомъ фракѣ съ стальными пуговицами! Что вамъ угодно?

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Господинъ Вейлеръ здѣсь?....

ГАНСЪ.

Въ коричневомъ фракѣ съ стальными пуговицами.... Это ваше? (*показываетъ тетрадь*).

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Да. Но....

ГАНСЪ.

Ну, если ваше, такъ возьмите себѣ, да и ступайте съ Богомъ! Я думаю, двѣ полуночи прошло, какъ на крыльцѣ въ трактирѣ, спать не даютъ....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Но я отдалъ мою пьесу въ дирекцію; я отдалъ ее

господину Шредеру; мнѣ обѣщалъ господинъ секретарь.....

ГАНСЪ.

Да отвяжись, громъ, буря! Говорятъ тебѣ не принята!

АМАЛІЯ.

Ради Бога уйдемъ. Онъ поблѣднѣлъ; сдѣлайте одолженіе, Жоржъ, уйдемъ.....

ЖОРЖЪ.

Точно, положеніе его незавидное.....

АМАЛІЯ.

Боже! И я участвовала въ этомъ дѣлѣ!

ВЫХОДЪ 7.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ и ГАНСЪ.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Не принята! То есть, какъ не принята? То есть, она хуже другихъ, или можетъ быть требуетъ передѣлокъ, или можетъ быть длинна. Но я спѣшилъ къ конкурсу, я не могъ обработать послѣднихъ сценъ съ такимъ тщаніемъ, и длинноты есть, ни слова. ... Но не принять моего Юлія мнѣ казалось невозможнымъ. Пожалуйста доложи господину Вейлеру, пусть онъ мнѣ скажетъ.....

ГАНСЪ, привставъ.

Приходи завтра, а сего дня, чортъ возьми, она не принята. Понимаешь ли, не принята! Восемь часовъ читали, я не могъ уснуть, такъ ревѣлъ старый Моръ, благородный отецъ когда то, теперь играетъ лакеевъ и наперсниковъ. Ну, прощай! Спокойной ночи.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Не принята!... Что же въ ней не понравилось Гг. артистамъ?

ГАНСЪ.

Напротивъ, понравилось, все время смѣялись.. Знать, комедія очень хороша, да прежняя лучше....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Смѣялись. Комедія!....

(заливается слезами).

Я не стыжусь моихъ слезъ! Но душевная твердость избавитъ меня отъ второй неудачи и стыда. Пишите! Играйте, что хотите, я ни писать, ни смотрѣть не буду! Міръ Божій усѣянъ безчисленными предметами для дѣятельности человѣка. Не одно, такъ другое! Прости, Поэзія! Горьки слезы нашего прощанія. Прости!

ГАНСЪ, также утираетъ слезы.

Прощайте, милостивый государь! Я ей Богу ни въ чемъ невиноватъ! По мнѣ всегда лучше веселое, нежели печальное; но Гг. артисты иначе судятъ!.....

(Лейзевицъ уходитъ, хлопая дверью).

ВЫХОДЪ 7.

ГАНСЪ, одинъ.

Удивительно! Самъ господинъ Директоръ такъ сердитъ не бываетъ. Должна быть важная особа! Совсѣмъ изъ сна выбился. Сочинитель! Удивительный народъ! По кафтану видно, что гроша за душой, а какъ павлинъ и ходитъ и смотритъ и покрикиваетъ! Ни гроша на пиво. Актеры ужь куда бѣдны, а всегда старику или стаканъ пива или что нибудь изъ денежнаго, а чаще старую шляпу, или сапоги, или камзолъ, все таки есть пожи-

ва..... А сочинители, Господи прости, просто жиды; не дастъ, а возьметъ, и то стыдно говорить за что, — за начканую бумагу. А торгуются, какъ на аукціонѣ. Ставятъ пьесу; то и дѣло снимай да подавай плащъ и шляпу; руки отмозолишь отпирать да запирать двери... а онъ то бѣгаетъ, какъ почтовая лошадь. И бѣгаютъ то за чѣмъ? У того не такія перчатки, у того голова не такъ причесана; тотъ надѣлъ Турецкую саблю вмѣсто Французской шпаги; тотъ наклеилъ носъ больше противу мѣрки; словомъ, кухарки за такой вздоръ не поссорятся, а я все таки отворяй и запирай двери, снимай и подавай плащъ, и за все за это нѣсколько десятковъ ословъ и тому подобныхъ учтивостей. Правда, бѣда, когда пьеса не принята; сердится на Директора, обругаетъ меня; да ужь по крайней мѣрѣ единожды и съ рукъ долой; а если принята..... Я ужь и такъ каждый день молю Бога, чтобы люди перестали писать. Да и на что! Слава Богу, мало написано!! Три шкафа у хозяина набито этими книгами, а говорятъ и тамъ еще не все. Опять кто-то идетъ. Потушить огонь, а то конца не будетъ.

(Задуваетъ лампу и ложится).

Гансъ ложится спать и занавѣсъ опускается.

Одного боюсь, чтобы меня не вызвали.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Улица въ Гамбургѣ.

ВЫХОДЪ 1.

АМАЛІЯ поспѣшно сходитъ съ крыльца, за нею **ЖОРЖЪ**.

АМАЛІЯ.

Какъ ты неосторожен, Жоржъ!.....

ЖОРЖЪ.

Ты?! О сохраните этотъ братскій языкъ! первый разъ это слово вырвалось изъ устъ вашихъ; какъ залогъ....

АМАЛІЯ.

Тише..... Тише..... Подходятъ.

ВЫХОДЪ 2.

Тѣже и ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Теперь я могу свободнѣе плакать. — Смѣялись надъ моей комедіей!.....

(на пути, довольно близко проходя мимо Жоржа.)

Кто же? Эти бездушныя статуи, которыя, какъ Египетская мѣдь, говорятъ чужимъ звукомъ, чувствуютъ по нотамъ трагика; плачутъ и смѣются по скобкамъ, гдѣ имъ указано. Актеры, актрисы, вы не будете смѣяться надъ Лейзевицемъ! О нѣтъ, не будете! Вы не стоите этой чести!

ЖОРЖЪ.

Господинъ Лейзевицъ, будьте осторожнѣе!

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Гдѣ же опасность?

ЖОРЖЪ.

Въ присутствіи людей, которыхъ вы оскорблять не имѣете права.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Такъ вы актеръ? — И я не имѣю права? О выслушайте, выслушайте, Аристархъ! Вотъ мой отвѣтъ на ваши шутки, смѣхъ и судъ. Ни одной строчки! Ровно ни одной строчки! У меня есть талантъ, въ душѣ моей безко-

нечный рядъ предметовъ; я хотѣлъ ими украсить Нѣмецкіе театры; я хотѣлъ слить съ ними свое существованіе..... Понимаете ли вы это, можете ли вы понять? Все останется у меня; и клянусь Богомъ ни одной моей строчки не увидитъ, не услышитъ ни кто въ свѣтѣ. Вы смѣялись! Вы называли мою трагедію комедіей; вы, можетъ быть, не удостоили выслушать всего; вы можетъ быть.... о да вы дѣти незаконной гордости; чужія перья украшаютъ васъ; вы самозванцы мучители; и бѣденъ тотъ духомъ, кто, покоряясь чарамъ вашего волшебнаго міра, не можетъ отказаться отъ служенія вашему прихотливому своенравію. Ни одной строчки, слышите, ни одной строчки! Да изсохнетъ рука моя при началѣ перваго стиха; да обратится въ страшный мучительный сонъ — мое воображеніе, если я осмѣлюсь одну мечту его бросить на пищу человѣческому лицепріятію!

ЖОРЖЪ.

Г. Лейзевицъ!.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Молчите. Я не прерывалъ вашего смѣха, я не опровергалъ вашихъ обвиненій, дайте жъ и мнѣ возможность насладиться вашимъ смущеніемъ. Но какая разница! Теперь темно, ни кто не увидитъ того румянца, который я зажегъ на вашемъ лицѣ.... А я!.... О стыдъ!.... Я долженъ былъ плакать передъ пьянымъ лакеемъ!

АМАЛІЯ.

Позвольте, Г. Лейзевицъ....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

О не прерывайте меня, молю васъ. Семь лѣтъ я но-

силъ въ душѣ моей святыя вдохновенія; я любилъ міръ, какъ превосходный оригиналъ безцѣнной картины; больше, я любилъ міръ даже въ его недостаткахъ, и въ нихъ я находилъ поэзію; я любилъ людей и одобрительную улыбку ихъ цѣнилъ дороже солнечнаго свѣта; я любилъ книги, находя въ нихъ образцы и соперниковъ; я любилъ *себя!*..... а теперь что̀ я, что̀ вы со мною сдѣлали. Отдайте мнѣ мои восторги, мое счастіе, мое спокойствіе!.....

ЖОРЖЪ.

Уйдемте, Амалія. Я не выдержу. Между нами будутъ непріятности.....

АМАЛІЯ.

Ради Бога, Жоржъ.....

ЖОРЖЪ.

Такъ уйдемте же; онъ не примѣтитъ въ толпѣ, что мы скрылись.

ВЫХОДЪ 3.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ и проходящіе.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Вдругъ постарѣть десятью годами; вдругъ охладѣть къ лучшимъ и чистѣйшимъ наслажденіямъ, перестать сообщаться съ небомъ и на ничтожной землѣ вѣрить только своему ничтожеству! О за чѣмъ науки вмѣшались въ мое воспитаніе? За чѣмъ волшебныя пѣсни поэтовъ коснулись моего слуха?..... За чѣмъ я не умеръ написавъ послѣднюю строчку моего Юлія?.....

ИЗЪ ТОЛПЫ.

Да что съ вами случилось? Скажите ради Бога! Мы слушаемъ, слушаемъ и ничего не понимаемъ.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

И никогда не поймете этого чувства! Не испытавъ нельзя повѣрить его горечи! О если между вами есть юноши; если въ нихъ духъ словолюбія тревожитъ струну поэзіи, слушайте, моя клятва послужитъ вамъ спасительнымъ урокомъ! Клянусь предъ лицемъ всей Германіи не писать ни строчки для свѣта, ни строчки! Я погребу мой талантъ во глубинѣ души, куда не допущу ни друга, ни сестры, ни жены, ни дѣтей! Я не могу жить безъ любви, а несправедливое лицепріятіе можетъ зародить въ душѣ ненависть и мщеніе! Не ищите славы! Вѣнецъ ея блеститъ свѣтомъ оскорбительнымъ для человѣчества! Молю васъ, изъ любви къ вамъ, вдохновенные юноши; разбейте ваши лиры; эхо вашихъ очаровательныхъ звуковъ принесетъ къ вамъ насмѣшку или презрѣніе. Клянитесь со мной сохранить въ себѣ и для себя силу поэзіи!

(послѣ мгновеннаго молчанія)

Всѣ разошлись. Ни кто меня не слушаетъ. Слава Богу! Тутъ не было ни одного поэта!

ВЫХОДЪ 4.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ и НИЩІЕ.

ДОЧЬ.

Я устала, маменька!....

МАТЬ.

Поспѣшимъ, Ганхенъ, поспѣшимъ! Запрутъ калитку кладбища; намъ не гдѣ будетъ ночевать.

ДОЧЬ.

Неужели, маменька, и сегодня подъ этой старой дыравой крышей?.....

МАТЬ.

Насъ боятся и добрые люди. Мы бѣдны

ДОЧЬ.

И опять безъ ужина?

МАТЬ.

Не умремъ съ голоду; а до завтра постъ не великъ.

ДОЧЬ.

А завтра.....

МАТЬ.

Опять просить милостыню. Смотри, въ калитку промелькнула тѣнь! Это вѣрно та сумасшедшая, что сегодня ночевала съ нами. Не мы однѣ несчастны, Ганхенъ!

ВЫХОДЪ 5.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, один.

Къ моему несчастію этого только не доставало. Тайнаго, неумышленнаго состраданія — отъ нищихъ!.....

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО АКТА.

АКТЪ ВТОРОЙ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ квартирѣ Лессинга въ Брауншвейгѣ.

ВЫХОДЪ 1.

За столомъ сидятъ ЛЕССИНГЪ, АМАЛІЯ, ДОКТОРЪ МЕССЕРЪ, ТРАУ и МАУЛИ, (ТРАУ держитъ въ одной рукѣ карты, другою допиваетъ стаканъ теплаго вина; всѣ прочіе съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, пока онъ допьетъ).

ЛЕССИНГЪ.

Скорѣе, Трау, скорѣе! Молодой человѣкъ, а какъ дѣвушка церемонится съ стаканомъ вина, въ которомъ болѣе мускату и лимону, нежели виноградныхъ капель.

МЕССЕРЪ.

Въ самомъ дѣлѣ, Трау, мнѣ надо на завтра приготовить проповѣдь, а я еще на третьей милѣ.....

ЛЕССИНГЪ, улыбаясь.

А до станціи сколько всего?

МЕССЕРЪ.

Шесть миль; я называю милями части ораторской рѣчи....

ЛЕССИНГЪ.

О! и въ Нѣмецкой Ѳеологіи правила Французскаго театра! Мнѣ ужь видно пришлось, по предопредѣленію, бороться и на театрѣ и на каѳедрѣ съ безумнымъ порядкомъ, чтобы воцарить умный безпорядокъ; дать

права чувству говорить какъ чувствуется, а не такъ какъ учили.

Выигралъ! 17 червонцевъ на 35..... Чего ужь тутъ жалѣть?

МАУЛИ.

Господину Лессингу везетъ.....

ЛЕССИНГЪ, вскочивъ.

Кто васъ проситъ говорить? Завидно, что ли? Я не мѣшаюсь въ вашу игру; не скажите, я непремѣнно бы выигралъ.

Идетъ простая.

Вамъ скучно, Амалія!

АМАЛІЯ.

Напротивъ; я смотрю на вашу игру съ непонятнымъ для меня чувствомъ. Любопытно, хотя не всегда пріятно, видѣть обороты счастія.

МАУЛИ.

А это дѣйствителвно справедливо говоритъ Г. Лессингъ, что у постороннихъ зрителей есть иногда симпатія къ играющимъ; они попеременно принимаютъ участіе, то въ одномъ, то въ другомъ, и счастіе повинуется ихъ симпатіи.

АМАЛІЯ.

Правда ли, Г. Лессингъ?

ЛЕССИНГЪ, не обращая на нее вниманія.

Правда, совершенная правда!

Седьмая карта убита!

АМАЛІЯ.

Въ такомъ случаѣ общая выгода не допускать зрителей.

МАУЛИ.

Не всегда это можно.

АМАЛІЯ.

Отъ чего же? Если золото имѣетъ для нихъ такую привлекательность, значитъ оно просится къ нимъ въ руки; я увѣрена, что чувство, которое дѣлаетъ игру столь занимательною, есть предчувствіе выигрыша.

ЛЕССИНГЪ, вскочивъ.

Проигралъ!

Кто же вамъ мѣшаетъ! Играйте, играйте! Можетъ быть, ваше предчувствіе будетъ попятнымъ камнемъ для его счастія.

ТРАУ, улыбаясь.

Испытайте! Карты заставляютъ вѣрить независимости счастія; ни какой умъ не можетъ оковать его полета.

АМАЛІЯ.

Если Г. Лессингъ позволитъ. Ваша игра мнѣ нравится, но я не знаю, прилично ли нашему полу.

ЛЕССИНГЪ.

Пустяки! пустяки! Это игра, понимайте слово; шутка; не разбой, не обманъ; тутъ все основано на честности и доброй волѣ.

АМАЛІЯ, покраснѣвъ, ставитъ карту.

Червонецъ!.....

ЛЕССИНГЪ, развеселясь.

Какъ скромно и невинно! — Всегдашнее начало нашихъ страстей! Но я шучу; я знаю, что вы никогда не будете, что называется, вести игры.... Что̀ въ Гамбургѣ Амалія? Аккерманы, я думаю, разбогатѣли. Удача! А они право не сто̀ятъ такого счастія. Я издавалъ дра-

матургію, и безъ хвастовства скажу, по моей милости, Гамбургскій театръ получилъ первенство..... И какая благодарность! Съ меня же взыскали деньги, кажется, сто талеровъ..... Не потому, чтобы я не хотѣлъ болѣе писать, а потому, что мои пьесы начали выходить изъ моды..... Впрочемъ сынъ Г-жи Аккерманъ..... Шредеръ..... Про него говорятъ много добраго..... Но матушка, эта балетчица, она не дастъ ему воли возвратить сценѣ должное достоинство.

МАУЛИ.

Г. Лессингъ! Я слышалъ, что разговоръ посторонній во время игры помогаетъ счастію, какъ средство симпатическое.

ЛЕССИНГЪ.

Если вы это слышали, такъ держите про себя, для себя, для собственнаго употребленія!

Шестьдесятъ червонцевъ!.....

АМАЛІЯ.

Сто двадцать!

Гамбургъ неблагодарный городъ; я вступила въ дирекцію въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ.

ЛЕССИНГЪ.

Значитъ, это было вчера.....

АМАЛІЯ.

Нѣтъ! Четыре года тому назадъ.

ЛЕССИНГЪ.

Чтó же Гамбургъ?

АМАЛІЯ.

О! Гамбургъ принялъ меня съ необыкновеннымъ торжествомъ; я затмила, уничтожила соперницъ, а онѣ

уже пользовались по пяти по шести лѣтъ постояннымъ расположеніемъ публики..... Не прошло двухъ лѣтъ, появилась молоденькая дѣвушка съ самымъ ограниченнымъ талантомъ, не дурной наружности, и я должна была несправедливо дѣлить торжество..... Но я нашла возможность предупредить совершенную холодность Гамбурга, и съ тѣхъ поръ ни одинъ театръ не будетъ видѣть меня на своихъ доскахъ болѣе года.....

ЛЕССИНГЪ.

Что же вы, Г. Трау?

ТРАУ.

Я заслушался.....

ЛЕССИНГЪ.

Ваше дѣло играть, а не слушать; я горю нетерпѣніемъ; шестьдесятъ червонцевъ.....

АМАЛІЯ.

Выиграла!

ЛЕССИНГЪ.

Проигралъ!..... Послѣдніе шестьдесятъ.....

АМАЛІЯ.

Много ли я выиграла всего?

ТРАУ.

Двѣсти двадцать червонцевъ.

АМАЛІЯ.

Сколько же всего остается?

ТРАУ.

Еще столько же.

АМАЛІЯ.

На все!

Но, васъ Г. Лессингъ, я не надѣялась застать въ Брауншвейгѣ.

ЛЕССИНГЪ.

Въ Вольфенбютелѣ могутъ жить только отверженные. Это содомъ. И отъ кого же? Отъ этихъ неугомонныхъ сектаторовъ, которымъ предназначено удобрять поле проповѣди.

МЕССЕРЪ.

Помилуйте, тамъ есть ученые пастыри.

ЛЕССИНГЪ.

Ученые злодѣи!..... Они не могли поразить меня словомъ и хотѣли отнять жизнь. Я ночью долженъ былъ бѣжать изъ Вольфенбютеля; ночью; они узнали; стерегли въ лѣсу; но обманулись въ дорогѣ; и я здѣсь, живъ, здоровъ и цѣлъ, играю съ друзьями въ карты, проигрываю..... (*вскочивъ*). Чортъ возьми! Я самъ накликалъ на себя бѣду..... Возьмите все!..... Возьмите!..... Я знаю..... Тутъ все было честно!..... Ни какого обмана!..... Просто глупость — итти на перекоръ счастію..... Шестьдесятъ!..... Говорю вамъ шестьдесятъ!..... Считаетъ..... Кажется, я не плутъ!.....

ВЫХОДЪ 2.

Тѣ же и СЛУГА.

СЛУГА.

Письмо къ вамъ, требуютъ отвѣта.

ЛЕССИНГЪ, спрятавъ письмо въ карманъ.

Хорошо! Пусть обождетъ.

(Ходитъ по комнатѣ и говоритъ самъ съ собою).

Послѣдніе шестьдесятъ!..... Если бъ не Амалія, у меня есть двое часовъ; одни не нужны..... Они ее обыграютъ!..... Надо смотрѣть за пальцами Трау.....

ТРАУ.

Г. Лессингъ.....

ЛЕССИНГЪ.

Не мѣшайте мнѣ! Я думаю!.....

ТРАУ.

Не хотите ли еще. ... мы вамъ повѣримъ.....

ЛЕССИНГЪ.

Нѣтъ! Нѣтъ! Боже сохрани! Это просто соблазнъ.

(опять ходитъ).

Амалія! пожалуйста смотрите за вашей игрой; иначе вы проиграли..... Нѣтъ!..... Я играть не буду.....

(Подходитъ къ нему; барабанитъ пальцами по стеклу, въ полголоса припѣвая).

Мой сосѣдъ; сорокъ лѣтъ
Былъ богатъ мой сосѣдъ;
Потолокъ расписной,
Весь карнизъ золотой,
Сто картинъ па стѣнахъ,
Сто ковровъ на полахъ,
На дворѣ у крыльца
Слышенъ стукъ жеребца,
Изъ Арабскихъ сторонъ
Жеребецъ приведенъ.....
Пробѣжитъ ночи тѣнь,
Во дворцѣ бѣлый день
Отъ огней, отъ свѣчей,
Отъ зеркальныхъ лучей,
И снаружи, кругомъ
Освѣщенъ будто днемъ,
Тихо дремлющій садъ;
Съ цвѣтниковъ ароматъ
И прохладу отъ водъ
Вѣтеръ въ окна несетъ.....

(Игра останавливается; всѣ смотрятъ на Лессинга.

А въ палатахъ жена,
Чтó на небѣ луна.
Ярче свѣта горитъ,
Краше неба глядитъ;
Но соскучилъ сосѣдъ,
Жизнь вести сорокъ лѣтъ
Безъ лукавой бѣды,
Безъ коварной нужды.....
Заперся отъ гостей,
Отъ жены, отъ дѣтей;
. . . .
И тузы, короли
Серебро разнесли.....

АМАЛІЯ, вставъ.

Странная пѣсня! Я не хочу болѣе играть.

ТРАУ.

Извините, надо окончить игру.

ЛЕССИНГЪ, про себя.

Забавно! Я написалъ мудраго Наѳана и самъ разбойничаю; игрокъ тотъ же разбойникъ; и это сравненіе никогда не можетъ быть старо; по чему? Оно истинно! — Мнѣ скажутъ, въ игрѣ равный рыскъ; а въ разбоѣ — или богатство или висѣлица; въ игрѣ нѣтъ самоотверженія, одно малодушное отчаянье, и потому игра подлѣе разбоя. — (*громко*, *приближаясь къ столу*). Амалія, перестаньте играть.... (*про себя*) Особенно въ женщинѣ отвратительна эта страсть. (*громко*) Да будетъ ваше преступленіе въ первый и въ послѣдній разъ..... (*про себя*) Какой адскій соблазнъ!.... Она уже умѣетъ ни кого и ни чего не слышать. Съ какимъ вниманіемъ глаза ея вковались въ руки Трау; прекрасная

душа ея уже омрачилась; она заражена недовѣрчивостью. (*громко*) Амалія, ради Бога, перестаньте играть.

АМАЛІЯ.

Выиграла!

ЛЕССИНГЪ, съ досадою.

Неужели? Я никогда не былъ такъ счастливъ?

ТРАУ, взявъ шляпу, съ величайшимъ хладнокровіемъ, про себя.

Выиграла! Трудно, Амалія, выиграть безъ обмана, и можетъ быть за эту горсть золота ты проиграла всю свою будущность.

ЛЕССИНГЪ.

Что жь это? Вы уходите?.....

ТРАУ.

Пора, Г. Лессингъ, пора; я безъ денегъ никогда не играю, а у васъ, я думаю, сегодня занять нельзя; женщина оставила и васъ и насъ безъ денегъ...., Такъ и быть должно. Это ихъ роль .... Прощайте!.....

ВЫХОДЪ 3.

ЛЕССИНГЪ и АМАЛІЯ.

ЛЕССИНГЪ.

Прощайте! Чортъ васъ возьми! Картежники! Піявки! Онѣ отпадаютъ, когда насытятся. Что жь вы, Амалія, не радуетесь своему счастію, призадумались, пріуныли въ минуту, когда неожиданное золото, какъ подарокъ богача, лежитъ передъ вами.

АМАЛІЯ.

Какое ужасное, но вѣрное сравненіе! Подарокъ богача! Онъ требуетъ за него гнусной платы. Нѣтъ! я не возьму этого золота....

ЛЕССИНГЪ.

Что вы? что вы? (*про себя*) Боже сохрани! если она оставитъ у меня эти деньги; узнаютъ, подумаютъ, что я выманилъ у невинной дѣвушки..... узнаютъ же, что у меня не осталось ни гроша!..... (*громко*) Нѣтъ, пожалуйста возьмите его.

(Вырываетъ платокъ и завязываетъ золото.)

Вотъ такъ!

(Хватаетъ ея мѣшокъ и прячетъ въ него золото.)

Возьмите! это подарокъ женщины, фортуны, чистый, безъ крови, безъ слезъ.....

АМАЛІЯ

Здѣсь пять сотъ червонцевъ! Хорошая, красная плата за трагедію..... Не правда ли, Г. Лессингъ?

ЛЕССИНГЪ.

За три, Амалія! Въ наше время и сто червонцевъ съ трудомъ платила Гамбургская директорша, а ежедневные сборы съ дешевыхъ пьесъ часто достигали до двухъ тысячъ талеровъ. Если бы платили по пяти сотъ червонцевъ за трагедію, можетъ быть и я изрѣдка возвращался бы къ драматическому перу.....

АМАЛІЯ.

Можетъ быть, вы сами виноваты, Г. Лессингъ. Я увѣрена, ваши драмы покупали бы на вѣсъ золота. Напишите мнѣ трагедію къ бенефису, я не спрашиваю ни о сюжетѣ ни о пространствѣ. Вотъ вамъ пять сотъ червонцевъ впередъ..... Мало?..... я готова.....

ЛЕССИНГЪ, со смѣхомъ.

Мнѣ писать для театра?..... Мнѣ?..... Старому ветерану, у котораго осталось столько огня, сколько моя

кухарка оставляетъ на очагѣ на ночь, чтобы утромъ не безпокоить сосѣдей! И для денегъ? И еще въ такое время, когда мнѣ деньги нужны?..... Я знаю, Амалія, вы не думали меня обидѣть, и потому мнѣ только смѣшно.....

ВЫХОДЪ 4.

Тѣ же и СЛУГА.

СЛУГА.

Человѣкъ отъ Эшенбурга, проситъ позволенія воротиться....

ЛЕССИНГЪ.

Ахъ, да! Проклятыя карты! Гдѣ оно?

(читаетъ письмо)

«Любезный Лессингъ! Что ты дѣлаешь? Занятъ или нѣтъ? Я хотѣлъ тебѣ представить молодаго человѣка, съ которымъ ты будешь очень радъ познакомиться. Онъ теперь у меня. Отвѣчай откровенно: свободенъ ли ты? Жду съ нетерпѣніемъ отвѣта. Эшенбургъ.»

Скажи, что прошу, ожидаю. Слышишь, пусть бѣжитъ, летитъ, эта записка не даромъ; ну, иди!

(опять читаетъ)

P. S. Предупреждаю. Ты проигралъ закладъ.....

ВЫХОДЪ 5.

АМАЛІЯ и ЛЕССИНГЪ.

ЛЕССИНГЪ.

Какой закладъ! У меня ихъ такъ много. Преглупый характеръ. Я весьма недоволенъ самъ собою; моя живость когда нибудь погубитъ меня; я Французъ по характеру и врагъ Французовъ по уму, по убѣжденію, а эти Нѣмцы такъ и ловятъ меня.....

Но, Амалія, о чемъ мы говорили? Да! Мнѣ писать для театра? мнѣ служить моему врагу, который сдѣлалъ меня извѣстнымъ, славнымъ, знаменитымъ, для того, чтобы послѣ грязью забросать свое твореніе и обстричь его славу подъ модную мѣрку? Мнѣ писать для театра? Зачѣмъ? Чтобы дать пищу молодежи, кипящей жизнію и вдохновеніемъ ругаться старому разуму, закаленному въ самому прозаическомъ опытѣ. Заставить зѣвать старыми совѣтами или правдивыми картинами; и тѣ и другія не могутъ нравиться юной Германіи, потому, что онѣ истинны; и тамъ, гдѣ съ помощію Божіею, трудами, размышленіемъ и примѣрами, мнѣ удалось водрузить знамя поэтической правды, увы! тамъ, подъ тѣмъ же знаменемъ, прославляя свободу, мною дарованныхъ драматическихъ правилъ, молодое поколѣніе буйно празднуетъ Сатурналіи; какое-то необузданное пьянство ослѣпило глаза, и ликъ правды на моемъ знамени отуманился. Да, Амалія, я понималъ драму; я понималъ жизнь сценическихъ произведеній; я постигалъ изученіемъ древнихъ Грековъ, и потому старался рѣшительными ударами ниспровергнуть Французскихъ идоловъ. Греки! Греки! О, для васъ, Амалія, непонятно ихъ величіе! Вамъ нужно современныхъ впечатлѣній; вамъ легче постигать и передавать поэзію Германской баронессы, нежели Клитемнестру, эту царицу — рабу — любовницу — преступницу, гремящую лирическими стихами жалобы античнаго сердца. Ахъ, это сердце было изящно! Исторія его не похожа на глупыя повѣсти рыцарскихъ дамъ; сами боги вмѣшивались въ семейныя дѣла Агамемнона и въ дѣтской простотѣ

ихъ рѣчи ловило искуство и передало потомству, какъ божественную сказку. Взгляните на Лаокоона; въ немъ выразилась вся Греческая трагедія, какая сила и правда, всѣ боги Греціи пламенной тутъ, у подножія мрамора; Элладой дышитъ грудь старца; эти дѣти подъ небомъ Эллады выросли; страшно, а взоръ прельщается мукой предсмертной Лаокоона.... Амалія, вы не видали группы безсмертной.... Возьмите самый стихъ трагедіи античной; какъ плавенъ, какъ могучь, — какъ злато мысль объемлетъ, въ немъ сила съ простотой, естественная важность: — дѣйствительно тотъ стихъ однимъ богамъ приличенъ, героямъ да царямъ.... Какъ для спокойныхъ чувствъ онъ выразителенъ, какъ для живыхъ движеній, для пламенныхъ страстей, онъ кратокъ, силенъ, сжатъ; для хора какъ хорошъ; не хоръ, скрижаль судебъ Софоклъ и Эврипидъ — стихомъ своимъ писали.... Не даромъ древній стихъ былъ языкомъ боговъ.

А мы?.... Нѣтъ, нашъ удѣлъ проза; потому, что въ нашей крови нѣтъ гармоническаго біенія, въ слухѣ нѣтъ музыкальнаго чувства; привыкшіе къ сѣвернымъ бурямъ, намъ нужны и въ слогѣ не ровные порывы — скрипъ дерева, согнутаго бурей, карканье нашихъ птицъ, свистъ нашего вѣтра; — наши пѣсни поетъ замороженное горло; вслушайтесь въ мелодіи Германской земли и всего сѣвера; нѣтъ южной плавности; грусть, тоска, не блаженство въ этихъ звукахъ; безпрерывные вводные тоны, въ гармоніи раззвучія не говорятъ ли намъ ясно о зимѣ, о стужѣ, о вьюгѣ..... и

мы добиваемся стиха, мы хотимъ писать стихами!! Пародія! Пародія!

ВЫХОДЪ 6.

Тѣ же, ЭШЕНБУРГЪ и ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

ЭШЕНБУРГЪ.

Какая пародія!

ЛЕССИНГЪ.

А!.... милости просимъ!.....

ЭШЕНБУРГЪ.

Позволь, мой другъ, тебя познакомить съ новымъ моимъ пріятелемъ.....

ЛЕССИНГЪ, *подходя къ Лейзевицу.*

Слѣдственно и моимъ..... Душевно радъ васъ видѣть.....

ЭШЕНБУРГЪ.

Это Г. Лейзевицъ.

АМАЛІЯ, *поспѣшно вставъ съ мѣста.*

Лейзевицъ!.....

ЭШЕНБУРГЪ.

Ахъ, Амалія, вы здѣсь! День ото дня прелестнѣе! И вамъ не скучно съ моимъ старикомъ, а онъ, не къ чести его сказать, все еще всѣхъ насъ моложе.

ЛЕССИНГЪ.

Это по чему?

ЭШЕНБУРГЪ.

Бьется объ закладъ съ людьми, которые идутъ навѣрное. Это все одно, что играть въ карты съ записными.....

ЛЕССИНГЪ.

Оставь шутки..... Но о какомъ закладѣ ты говоришь?

ЭШЕНБУРГЪ.

Помнишь? Юлій Тарентскій, по твоему, сочиненіе Гёте.....

ЛЕССИНГЪ.

Ну чтожь? Я и теперь тоже утверждаю. Правда, въ Юліѣ обработка лучше, нежели въ Гецѣ; болѣе зрѣлости въ расположеніи; фактура слога болѣе чиста, словомъ видно, что Гёте идетъ впередъ.....

ЭШЕНБУРГЪ, смѣясь.

Хвали, хвали! Это все одно, что за глаза..... Иначе Г. Лейзевицъ могъ бы слова твои почесть лестью.....

ЛЕССИНГЪ.

Какъ?..... Что?

ЭШЕНБУРГЪ.

Мнѣ не дали кончить рекомендаціи. Имѣю честь представить отцу Германской драмы одного изъ лучшихъ сыновей его, Іоанна Антона Лейзевица, сочинителя трагедіи «Юлій Тарентскій».....

ЛЕССИНГЪ.

Какъ?..... Что? Вы?..... Да это быть не можетъ..... Признавайтесь, молодой человѣкъ, говорю вамъ, признавайтесь!..... Вы написали Юлія?....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Милостивый Государь! Если мой Юлій заслужилъ ваше вниманіе, — мнѣ не стыдно признаться....

ЛЕССИНГЪ.

Молодой человѣкъ! Говорите правду.... Прошу васъ..... дѣло важное..... Вмѣсто одного у меня будетъ два Гёте.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Мнѣ совѣстно....

ЛЕССИНГЪ.

Ага!.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Я, — Г. Лессингъ, простите смѣлости, никогда не лгалъ.....

ЛЕССИНГЪ.

Да скажите мнѣ, точно ли вы написали Юлія?

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Я!

ЛЕССИНГЪ.

Вы!..... (*обнимаетъ его нѣсколько разъ*) Удивительно хорошо..... весьма хорошо..... знаете ли..... вы будете со временемъ первоклассным писателемъ..... Ей Богу! Вы можете побѣдить Гёте..... да, да! Въ Юліѣ много таланта.....

ЭШЕНБУРГЪ.

Что за чудакъ! Не ты ли сію минуту отдавалъ преимущество Юлію?

ЛЕССИНГЪ, Эшенбургу.

Тише, тише! Ты видишь, какъ онъ еще молодъ; жалѣю, что ты меня не предувѣдомилъ. Того и гляди, онъ пойдетъ теперь писать съ плеча.....

ЭШЕНБУРГЪ.

Нѣтъ! Онъ не то поетъ..... Г. Лейзевицъ, какъ бы ты думалъ, что намѣренъ теперь дѣлать.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Печатать новое свое произведеніе.....

ЭШЕНБУРГЪ.

Несуществующее и которое никогда существовать не будетъ. ...

ЛЕССИНГЪ.

Я ничего не понимаю!

ЭШЕНБУРГЪ.

Г. Лейзевицъ далъ честное слово самому себѣ: никогда не писать ничего для публики!.....

ЛЕССИНГЪ.

Это что! Неблагодарный! Развѣ мы недостойно привѣтствуемъ вашего первенца? развѣ не полна Германія вашимъ именемъ, не ждетъ ли она отъ васъ новыхъ трудовъ болѣе достойныхъ и отечества и васъ?

ЭШЕНБУРГЪ, садясь въ кресла.

Хорошо, Лессингъ, хорошо! Я привелъ его къ тебѣ, какъ къ пастору! Проповѣдуй!.....

ЛЕССИНГЪ.

Прочь шутки. Я говорю дѣло. И кто вамъ далъ право пренебрегать даромъ великаго Бога, пославшаго васъ?

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Я имѣю свои причины.....

ЛЕССИНГЪ.

Причины?! Ребенокъ, знаете ли вы, что одна мысль эта уже воровство! Отдайте намъ, вылейте свой талантъ — онъ нашъ; Богъ вложилъ его въ ваше сердце не для васъ; отдайте высокіе помыслы ума, отдайте все, что вамъ даровано сверхъ способностей, какія даны каждому обыкновенному человѣку..... и тогда идите жить и дѣйствовать какъ и куда хотите..... (*протягиваетъ къ нему руку*) Молодой человѣкъ! Какое нибудь мгновенное огорченіе, не выгодный отзывъ любимой

женщины, сомнѣнье лукаваго друга часто отталкивали цѣлебную спасительную чашу отъ устъ отравленнаго. — Стыдно — обширное царство человѣческой дѣятельности отдать на откупъ раздражительному самолюбію. Покраснѣлъ!..... Видите! Покраснѣлъ! Правъ старикъ! Я пострадалъ не даромъ на великомъ поприщѣ и можетъ быть за васъ и вамъ подобныхъ!

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Meister! Ваши отеческія слова заставляютъ меня быть откровеннымъ. — Я любилъ искуство какъ можетъ быть и вы сами его не любили; я любилъ безумно.... Божій міръ, люди, существенность, сны и мечтанія стояли въ очахъ моихъ въ постоянномъ радужномъ блескѣ. Я писалъ Юлія, какъ пишутъ письмо къ любимой женщинѣ отъ полноты взаимности, и признаюсь, я былъ счастливъ; я любилъ мои дѣйствующія лица, какъ друзей, какъ братьевъ; я любилъ каждое слово моей трагедіи; кромѣ Юлія я не читалъ ни чего; кромѣ Юлія я не мечталъ ни о чемъ... Увѣренный въ успѣхѣ, я принесъ ее въ Гамбургскую Дирекцію (*Амалія садится къ окну, отворачиваясь отъ собесѣдниковъ*).

ЛЕССИНГЪ, съ досадной улыбкой.

Въ Гамбургскую Дирекцію къ Г-жѣ Аккерманъ и ея пьяному мужу, этому неучу, который готовъ во время самой патетической сцены зажечь на театрѣ фейерверкъ, лишь бы содрать съ Гамбурга лишній талеръ! Аккерманы! Канатные плясуны; они готовы закупорить всѣ литературныя знаменитости Германіи въ банки и показывать ихъ, но только за тройную пла-

ту! Отравить всѣхъ литераторовъ Германіи, если бы нашли это выгоднымъ для своей кассы… . И вы оскорбились ихъ судомъ? Да знаете ли вы Аккермановъ? Это невѣжи. Они считаютъ театръ загороднымъ трактиромъ; барышники, съ тою разницею, что они торгуютъ умственными издѣліями….. Знаете ли, они готовы на сценѣ показывать образцы соблазна и порока, травить человѣка звѣрьми….. Аккерманы! Знаете ли, что она собственнаго сына несчастнаго Шредера забросила, какъ кошку на чужой дворъ. Когда онъ отыскалъ свою дорогую матушку, она ломала его молодое тѣло танцмейстерской палкой, и нужно было вмѣшательство судьбы, чтобы измѣнить печальную участь молодаго Шредера….. И вы могли оскорбиться судомъ подобныхъ людей! Они не нашли патріотизма въ Гецѣ и ума въ Дидеротовскихъ драмахъ, а ставили пошлые фарсы своихъ незаконныхъ сыновей и балеты выгодные только для ихъ любовниковъ и любовницъ. — И Гамбургъ былъ въ восхищеніи, въ восторгѣ, потому что въ одной пьесѣ увидѣлъ вдругъ три солнца, въ другой водопадъ Ніагары, въ третьей бриллiантовый огонь какой-то заѣзжей кометы…..

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Но, Г. Лессингъ! Судили и осудили меня артисты….

(Амалія вздрагиваетъ.)

ЛЕССИНГЪ.

Ха, ха, ха, ха! Да они и не слушали вашего Юлія.

(Амалія къ нимъ подбѣгаетъ.)

Они вели по угламъ посторонніе разговоры, любезничали; Г. Аккерманъ ухаживалъ за какой нибудь

молоденькой танцовщицей, училъ ее театральной морали, и въ этомъ урокѣ вѣроятно было поругано все, что украшаетъ душу человѣка. Г-жа Аккерманъ, эта отцвѣтшая президентша картоннаго Олимпа и въ Комитетѣ играла роль Венеры, побѣждая какого ни будь балетнаго Марса, и все это не мѣшало чтенію; оно шло, двигалось, какъ почтовая коляска. Пассажиры доѣхали до города и разошлись; вотъ и все тутъ.....

АМАЛІЯ.

Истинно такъ, Г. Лессингъ; мы ничего не слышали, Г. Шредеръ былъ занятъ болѣзнію жены, безпрестанно оставлялъ собраніе и навѣщалъ больную, а Г-жа Аккерманъ съ самаго начала сказала намъ: «Это какая-то глупость, а прочесть надо, нечего дѣлать, для формы!.....»

ЛЕССИНГЪ.

Видите ли?.... Да вотъ, между прочимъ, одна изъ членовъ вашего судилища. Спросите у нея? Она безъ ума отъ вашего Юлія, а она, рекомендую, дѣвушка съ отличнымъ вкусомъ, съ глубокимъ чувствомъ (*на ухо Лейзевицу*) — Актриса, я не знавалъ подобной. (*громко*) Спросите у меня!

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Я не намѣренъ и спорить съ вами! Всѣ обстоятельства, о которыхъ вы говорили, совершенно справедливы: но они не могли не подѣйствовать на молодаго человѣка, неприготовленнаго ни къ Аккерманамъ, ни къ путямъ подобной славы; я твердо вѣровалъ въ то время, что нечистотѣ, интригамъ, нѣтъ мѣста въ искуствѣ; что и тамъ золото блеститъ, а мѣдь зеленѣетъ; въ воспален-

номъ, можетъ быть недужномъ состояніи — я не могъ снести хладнокровно удара; а онъ былъ нанесенъ съ смертельною ловкостью. Я получилъ мою рукопись изъ рукъ пьянаго слуги съ лаконическимъ припѣвомъ: «она не принята.» — Мало! Онъ мнѣ разсказалъ, что артисты смѣялись надъ моимъ произведеніемъ и сочли его комедіей. Конечно, я поступилъ тогда, какъ ребенокъ.....

ЛЕССИНГЪ.

Эшенбургъ! Соглашается, соглашается....

(Садится въ кресла и слушаетъ Лейзевица, какъ судья подсудимаго.)

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Нѣтъ, Г. Лессингъ! Въ теченіи четырехъ лѣтъ я нѣсколько разъ повторилъ роковое слово; но уже по другимъ причинамъ, по зрѣломъ размышленіи, руководствуясь Исторіей и современными примѣрами. Расинъ былъ мученикъ представленій и печати! Корнель далъ Ришелье росписку въ томъ, что онъ признаетъ своего Сида произведеніемъ плохимъ, ничтожнымъ. Драмы Дидерота, съ которыми вы такъ изящно насъ познакомили, принесли ему одни огорченія; Сенека преждевременною смертію обязанъ своей извѣстности. Вы скажете: за чѣмъ писать драмы? Вы мнѣ укажете другія отрасли; я вамъ укажу другіе примѣры. — Искать извѣстности — значитъ итти въ чумную больницу. — Доставляетъ ли она спокойствіе бѣдной душѣ, страдавшей надъ каждымъ стихомъ, надъ каждымъ словомъ, какъ женщина въ родахъ? Всѣ муки созданія, всѣ труды исполненія, всѣ хлопотливыя послѣдствія оконченной работы — чѣмъ наградитъ за

все это блистательная извѣстность? Завистью, сплетнями, клеветой. Благодарные читатели посягнутъ даже на гражданскія и семейственныя качества. И будто весело торжествовать надъ бѣшенымъ соперникомъ.

ЛЕССИНГЪ.

Весело, весело, не говорите, ей Богу весело.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

О нѣтъ! Я уступилъ бы ему половину моей славы, лишь бы успокоить, залечить сердце, изъѣденное завистію..... Виноватъ ли онъ въ мѣрахъ Господнихъ даровъ, а первенствовать чувство просто человѣческое; одолѣть его трудно. — Не хочу быть побѣдителемъ такого человѣка изъ любви къ нему, но съ другой стороны не хочу быть и побѣжденнымъ, изъ любви къ самому себѣ. — Впрочемъ это самая дурная сторона моей мысли; тутъ еще вмѣшивается эгоизмъ, хотя и самый слабый, безвредный. — Возьмемъ теперь положеніе литератора безъ связей и поклоновъ. Радушный, не подкупленный привѣтъ первому произведенію еще ничего не значитъ; оно, какъ обновка, радуетъ всѣхъ, даже людей завистливыхъ. Но со вторымъ произведеніемъ уже нельзя итти въ путь независимо, — безъ связей и поклоновъ, хотя бы и дружескихъ. Вашъ трудъ пройдетъ безъ впечатлѣній во все, если не возбудитъ всеобщаго неудовольствія. Непремѣнно опредѣлитесь въ касту, найдите для себя разрядъ и приготовляйтесь къ войнѣ неминуемой съ другими племенами литературной области. Бѣгите къ книгопродавцу, покупайте Вольтера, запирайтесь въ кабинетъ и учи-

тесь, какъ должно защищать собственные ваши недостатки.

(Лессингъ съ важнымъ видомъ рукою дѣлаетъ знакъ, какъ будто бы хотѣлъ сказать: «Продолжайте.»)

А ихъ тьма, неизбѣжныхъ; если вы добросовѣстны, хотите совершенства, вы никогда не издадите ничего; если рѣшаетесь пустить въ ходъ ваше произведеніе, не исправляйте недостатковъ, а приготовляйтесь колкою шуткой, обидой другому, часто уничтоженіемъ третьяго—обратить ихъ хотя во временныя достоинства; тогда извѣстность вашего таланта можетъ быть грѣхомъ, а не заслугой предъ Господомъ. Самоотверженія, самоотверженія нужно для чистоты таланта, но оно не всякому дано! И въ какой степени должно сохранить чувство собственнаго достоинства и согласить его съ убѣжденіемъ въ необходимости самоотверженія. Боже мой! И что такое талантъ? Вы говорите даръ неба обществу. Сомнѣваюсь; талантъ поэтическій то же, что даръ счастливаго голоса, физической силы, математической смѣтки..... Онъ не имѣетъ положительнаго вліянія на общество; смѣло вы можете сохранить его у себя, въ кабинетѣ, между бумагами; и нѣтъ грѣха, и нѣтъ потери. Можно ли сравнить милліоны звучныхъ стиховъ, новыхъ свѣжихъ поэтическихъ мыслей съ простою милостынею, не говорю уже съ важнымъ филантропическимъ подвигомъ. Какая поэма принесетъ столько пользы, какъ исторія двух-лѣтняго царствованія Тита?..... Поэзія — мечта; ея плоды — мечты; они нужны для утомленной дѣятельности человѣка, какъ одобрительная улыбка жены на трудъ мужа. Человѣчество

любитъ поэзію, но и то въ дѣтскомъ возрастѣ, и весьма естественно.... она ребячество.... Я счелъ бы себя преступникомъ, если бы отвратилъ руку помощи, даже отъ неблагодарнаго, но считаю благоразумнымъ не раздражать, не оскорблять и не мучить людей, показывая лучше, нежели они — Китайскія тѣни!.....

(Всѣ снимаются съ мѣстъ.)

Meister. Вы дѣйствовали на самомъ обширнѣйшемъ поприщѣ, съ несомнѣнною пользою, съ признанною честностію, и все это потому, что самоотверженіе ваше даже усталые враги должны ставить въ образецъ. У васъ спрошу я: не роптали ли вы на судьбу, которая, по вашему мнѣнію, обратила васъ на эту дорогу? — не досадовали ли вы на себя, за чѣмъ впервые стали говорить печатно?..... Никогда?.....

(Лессингъ ходитъ по комнатѣ взадъ и впередъ; Лейзевицъ за нимъ.)

ЛЕССИНГЪ.

Я — дѣло другое..... Я — печальный примѣръ.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

За чѣмъ перестали писать для созданнаго вами театра. Неужели у васъ злое сердце? Хотите и меня заставить пить чашу горестей, которой и сами допить не можете? Развѣ не васъ хотѣли зарѣзать въ Вольфенбютелѣ? Богаты ли вы? Можете ли спасти семейство отъ голода, выкупить изъ клѣтки невиннаго раба?..... Зима на волосахъ, библіотека сочиненій, бюсты Лессинга во всѣхъ театрахъ, университетахъ; а много ли благодарныхъ?..... Не рвутъ ли уже одеждъ учителя мятежные ученики?

ЛЕССИНГЪ.

Полно, полно, пожалуйста полно..... Печальныя истины!..... Оставимъ этотъ разговоръ.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Вы имѣли полное право быть моимъ обвинителемъ, я полную обязанность оправдать себя. — Еще одно слово въ немъ все; я далъ себѣ честное слово ничего не печатать — *тогда* по инстинкту, *теперь* по разсчету. Повторяю мое слово въ вашемъ присутствіи, и васъ призываю въ свидѣтели, что если измѣню....

ЛЕССИНГЪ, оборотясь къ нему скороговоркой.

Тогда я первый влѣзу на Брауншвейгскую колокольню, ударю въ набатъ и пошлю народъ въ соборъ благодарить Бога за излеченіе Лейзевица.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Какъ! А я полагалъ, что слова мои хотя нѣсколько васъ убѣдили.....

ЛЕССИНГЪ.

Меня? Меня убѣдить? Развѣ ножемъ, а не словами..... Я увѣренъ, что всѣ эти глупости влѣзли вамъ въ голову отъ того, что вы не увѣрены въ собственныхъ силахъ, боитесь неудачь, не видали представленій своего Юлія, не вкусили радостей сценическаго тріумфа..... Гдѣ въ первый разъ былъ представленъ Юлій?

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Это несчастіе пока миновало моего Юлія; но послѣ моей смерти....

ЛЕССИНГЪ.

Сдѣлайте завѣщаніе заживо. Подарите мнѣ Юлія....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Да онъ уже напечатанъ.

ЛЕССИНГЪ.

Все равно. Подарите.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Но зачѣмъ?

ЛЕССИНГЪ.

Неужели я не стою и этой жертвы! Правда, много на свѣтѣ неблагодарныхъ..... и вы — изъ первыхъ.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Пожалуй, я вамъ дарю его, но какія условія.....

ЛЕССИНГЪ.

Ни какихъ? Что за подарокъ на условіяхъ! На вѣчныя и потомственныя времена; съ правомъ продать, заложить, подарить, etc, etc.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, пожимая плечами.

Если я что нибудь понимаю.

ЛЕССИНГЪ.

Дарите, что ли?.... Нѣтъ! Такъ Богъ съ вами!..... Да отвѣчайте!..... Господи Боже мой!.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Извольте.

ЛЕССИНГЪ.

Честное слово.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Честное слово!

ЛЕССИНГЪ, вынимаетъ книжку изъ шкафа.

Надпишите! (*Лейзевицъ надписываетъ; Лессингъ отдаетъ книжку Амаліи*) Амалія! Вотъ вамъ піеса на бенефисъ!..... Прощайте!

ВСѢ.

Какъ, что?

ЛЕССИНГЪ, уходя въ спальню.

Спокойной ночи, друзья мои, спокойной ночи!

КОНЕЦЪ ВТОРАГО АКТА.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Разъѣздныя сѣни въ Браунштейгскомъ театрѣ.

ВЫХОДЪ 1.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, одинъ.

Великій часъ! Еще гремитъ толпа,
Германія волнуется восторгомъ;
Вся нація вмѣщается въ театрѣ;
Въ театрѣ образованность народа,
Какъ озеро измѣрить, можно.....
Клятва!.....
За чѣмъ она? Я самъ, безъ Божьей воли,
На свой талантъ проклятье наложилъ!
Правъ, Лессингъ. Мой поступокъ святотатство.
Но..... Клятву эту знаютъ люди. Стыдно,
Когда я самъ ея разсторгну цѣпи!
Успѣхъ минутный, можетъ быть случайный,
А можетъ быть пристрастіе къ актрисѣ
Любимой, уважаемой актрисѣ.....
Вліянье Лессинга и Эшенбурга....
Ихъ преждевременныя похвалы....
Ребенокъ! Я толпѣ людей повѣрилъ!
Но кто она, таинственная дѣва?
Душа ея свѣтла, какъ сонъ ребенка,

И чувство въ ней невиннѣй и сильнѣй,
Чѣмъ въ самой простодушной поселянкѣ.
Неужели притворство и разсчетъ!
Неужели Амаліи наружность
Не говоритъ о чистотѣ души?!.....
И этотъ взоръ, невинная улыбка,
Рѣчь простодушная — и это все обманъ,
Игра способностей и опыта кокетки.....
Жаль .... Къ ней душа стремится по неволѣ,
Но благо мнѣ; не омрачится разумъ
Змѣйной прелестью придуманныхъ рѣчей!
Я изгоню мечты объ ней изъ сердца,
Случайныя заблудшія мечты.....
И снова тихъ, спокоенъ и свободенъ
Пойду одинъ по новому пути.

ВЫХОДЪ 2.

СЛУШАТЕЛИ выходятъ изъ театральной залы въ сѣни. — **ЛЕЙЗЕВИЦЪ** исчезаетъ за колоннами.

ПЕРВЫЙ.

Вы довольны?

ВТОРЫЙ.

Очень!

ТРЕТІЙ.

Не правда ли, она въ чтеніи лучше?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Я не могу съ вами согласиться. Эта трагедія имѣетъ свои недостатки, но первый опытъ.... Мнѣ она нравится болѣе, нежели Гёте въ Гецъ; — она обѣщаетъ новую, независимую школу; она обѣщаетъ другаго Гёте, если не больше.

ТРЕТІЙ.

Я съ вами не смѣю спорить, но многими мѣстами я былъ не доволенъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Виноваты актеры. Особенно роли стариковъ разыграны весьма неудачно.

ТРЕТІЙ.

За то Жоржъ, Амалія и Кларисъ; всѣ трое были по моему выше автора.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

А по моему это дѣло невозможное. Можно испортить роль, сыграть неудовлетворительно, слабо, преувеличить; но чѣмъ лучше играетъ актеръ, тѣмъ болѣе приближается къ автору; можно скрыть неловкость положенія, съѣсть дурной стихъ, вотъ помощь артиста поэту, но не болѣе.

ДАМА.

Восхитительно! Удивительно! Я все время проплакала. Когда ее будутъ играть во второй разъ?

ПРЕЗИДЕНТЪ.

Послѣ завтра.

ДАМА.

Непремѣнно поѣдемъ. Правда, Луиза?

ЛУИЗА.

Нѣтъ, маменька, я не вынесу во второй разъ этой пьесы.

ДАМА.

Отъ чего? Она такъ мила, трогательна! Я все время проплакала.

ПРЕЗИДЕНТЪ.

А ваша дочь пространа? Вы вздохнули?

ДАМА.

Что жъ ты, Луиза, не отвѣчаешь господину Президенту?

ПРЕЗИДЕНТЪ.

Тутъ не нужно отвѣта. Этотъ вздохъ понятенъ. Жаль, что авторъ не слышалъ его; подобные вздохи иногда имѣютъ важныя послѣдствія. Герцогъ, добрый нашъ Герцогъ!

ВЫХОДЪ 3.

Тѣ же и ГЕРЦОГЪ проходитъ со свитою къ подъѣзду.

ГЕРЦОГЪ, задумчиво.

Memento mori! Странный конецъ!

(ушелъ.)

ПЕРВЫЙ.

Да! конецъ не хорошъ. Что за эффектъ въ этихъ двухъ старикахъ! Холодно.....

ВЫХОДЪ 4.

Тѣ же и ГЕРЦОГИНЯ съ дамами и ЛЕССИНГОМЪ проходятъ также въ глубокой задумчивости.

ГЕРЦОГИНЯ

Memento mori! Какъ это ново, просто, трогательно! — Но признайтесь, Г. Лессингъ — страшно!

ЛЕССИНГЪ.

Слѣдственно, хорошо.

ГЕРЦОГИНЯ.

О, ни какого сомнѣнія! Приведите Лейзевица къ намъ. Герцогъ очень будетъ радъ и не допуститъ его оставить нашихъ владѣній. Не правда ли, любезный Лессингъ, онъ умѣетъ удерживать при себѣ великихъ людей, и

повѣрьте, я не хочу вамъ сказать комплимента. Вы къ намъ!

ЛЕССИНГЪ.

Какъ прикажетъ ваша свѣтлость.

ГЕРЦОГИНЯ, уходя.

Мы васъ ожидаемъ къ ужину. Простите.

ВЫХОДЪ 5.

ЛЕССИНГЪ и публика. **ЛЕЙЗЕВИЦЪ** за колоннами, **СТОРОЖЪ** у дверей.

ПЕРВЫЙ.

Вы знаете автора?.....

ЛЕССИНГЪ.

Еще бы! Есть ли въ Германіи одна порядочная голова, которой бы не зналъ Лессингъ? Ну, что каковъ Юлій?

ПЕРВЫЙ.

Такъ хорошъ, что хвалить страшно.

ЛЕССИНГЪ.

Именно. Я, не смотря на все мое нетерпѣніе, воздерживался отъ похвалъ въ продолженіе всего спектакля; я не хотѣлъ моимъ мнѣніемъ поддерживать пьесы; я былъ увѣренъ въ собственныхъ ея силахъ; и Эшенбургъ велъ себя честно; — молчалъ; — мы разговаривали только глазами и прислушивались къ размѣрамъ впечатлѣній.

(улыбаясь)

Знаете ли вы, что это такое размѣры впечатлѣній? У меня своя терминологія, и потому многое требуетъ поясненія, несмотря на то, что я почти полъ-вѣка только то и дѣлаю, что поясняю! — Это не приноситъ чести

Германской понятливости; однако, слава Богу, кажется, мы уже начинаемъ отказываться служить вьючными животными французскаго легкомыслія; дастъ Богъ, откроемъ и собственные родники.

Но объ чемъ мы говорили? Да, о размѣрахъ!..... Вотъ видите впечатлѣніе бываетъ *тихое*, *взрывъ*, *полное*, *разорванное*, *прилагательное* и *ложное*; только первыя три важны для автора и актера; первое *тихое*, самое важное и наименѣе примѣтное для неопытнаго; его признакъ — глубокая тишина. Всегда въ театрѣ, не смотря на то, что, кажется, всѣ слушаютъ, есть легкій шепотъ дамъ, движеніе ногъ, повороты тѣла и тому подобные случаи; они не препятствуя слушать, все однакоже производятъ шумъ; но коль скоро глубина мысли, широко развиваемой, а еще скорѣе вѣрно изображенный наростъ страсти или мѣтко схваченныя ея подробности — дѣлаются замѣтными для слушателей, какъ будто по условію, все умолкаетъ, тишина дѣлается совершенная, и *эту-то совершенную тишину* я называю *тихимъ* эффектомъ; произвести его въ публикѣ столь же трудно, какъ возбудить чистую, истинную любовь въ развратной женщинѣ.

Взрывъ дѣло другое; одно слово можетъ быть порохомъ, но за то это слово должно быть мастерски приготовлено и сжато въ самую счастливую форму. — Корнель лучше всѣхъ умѣлъ приготовлять *взрывы*; за то переводить его почти нѣтъ ни какой возможности; я пытался.

Полное впечатлѣніе принадлежитъ только окончательнымъ мѣстамъ; когда монологъ, отдѣльная сцена,

актъ, наконецъ вся пьеса оставляютъ въ душѣ нашей удовольствіе, досаду, скорбь, радость, словомъ, однородное или отрицательное чувство тому, которое въ насъ хотѣлъ возбудить авторъ. — Оно иногда противорѣчитъ частнымъ впечатлѣніямъ; нерѣдко не замѣтно ни тихихъ эффектовъ, ни взрывовъ; думаешь: пьеса падаетъ..... ни чуть не бывало... по окончаніи одобреніе дѣлается бурнымъ мятежемъ; унять волненіе нѣтъ ни какихъ способовъ. И на оборотъ.... взрывъ за взрывомъ!.... Къ исходу публика устаетъ и уходитъ какъ дѣвушка съ бала; во все время она весьма счастливо вела свою интригу, исполнилась самыхъ пріятныхъ надеждъ и только уѣзжая замѣтила, что ее обманывали.

Разорванное впечатлѣніе есть тайный, но неумышленный споръ разнороднаго образа мыслей слушателей; это случается большею частію тогда, когда авторъ касается политическихъ или философскихъ вѣрованій публики; когда потворствуетъ современному пороку и т. п. Оно весьма походитъ на впечатлѣніе *прилагательное*. Но *послѣднее* добывается только пасквилемъ личнымъ, брошеннымъ въ извѣстнаго человѣка, или похвалой народнаго любимца; каждое личное quiproquo производитъ мое *прилагательное* впечатлѣніе, часто невыгодное для автора.

Наконецъ впечатлѣніе *ложное*. Это подкупъ, похвала или охужденіе, купленное пріязнію, завистью или ревностью. — Видите ли теперь, сумма этихъ разнородныхъ впечатлѣній составляетъ современное достоинство пьесы; современное, говорю я, потому, что въ потомствѣ другая оцѣнка по различному отраженію красотъ

произведенія въ обстоятельствахъ и образѣ мыслей и жизни потомковъ. Истинное достоинство опредѣляется долголѣтіемъ произведенія; нѣтъ нужды, что иногда цѣлое столѣтіе пьеса будетъ погребена и забыта. — Превосходная воскреснетъ; посредственная почти не переживаетъ своего автора. Мы судьи, и можетъ быть пристрастные, но только для нашихъ предковъ; а для современниковъ мы только толкователи, коллекторы современныхъ мнѣній. Одно намъ позволено — сравненіе съ прошедшимъ.

ПЕРВЫЙ.

Какъ же ваша система прилагается къ Юлію?

ЛЕССИНГЪ.

Тихихъ впечатлѣній множество; *взрывовъ* не много, но *всѣ* мастерскіе; зритель не утомленъ; *полное* впечатлѣніе исполняетъ душу горькимъ, но изящнымъ состраданіемъ, отъ котораго организмъ не страждетъ; *разорванныхъ* — было два, три небольше, и то случайные, неумышленные; *прилагательнаго* ни одного; а за *ложныя* вамъ поручится Лессингъ. Я промолчалъ все время, а считаю себя лучшимъ другомъ Лейзевица. Замѣтимъ еще, что авторъ кромѣ меня, Эшенбурга и артистовъ своего театра, не знаетъ въ Брауншвейгѣ никого.

ПЕРВЫЙ.

И такъ....

ЛЕССИНГЪ.

И такъ это современно превосходная трагедія; что скажетъ потомство, узнаемъ, если намъ это будетъ дозволено.

ВЪ ПУБЛИКѢ.

Правъ, правъ Лессингъ! Какъ всегда, правъ....

ПЕРВЫЙ.

Какъ вы находите игру актеровъ?

ЛЕССИНГЪ.

Плохо, кромѣ золотой нашей Амаліи. Смотря на нее, я всегда радуюсь, что мнѣ шестьдесятъ лѣтъ! — Кто изъ васъ, молодые люди, не влюбленъ въ нее, въ томъ я не признаю чувства. — Надо быть драматическимъ писателемъ и *именно такимъ*, котораго терзали дурные актеры, чтобы оцѣнить Амалію. Слава Богу, что мнѣ шестьдесятъ лѣтъ: старость имѣетъ свои привиллегіи; я разцѣлую ее.

ГРАФЪ МАЛЬВИЦЪ.

Завидная привиллегія!

ЛЕССИНГЪ.

Послушайте, любезный Графъ! Если вы на ней женитесь, о чемъ уже доходили до меня слухи, я васъ вызову на дуэль, напишу на васъ сатиру, выставлю на театръ, словомъ не дамъ вамъ покою ни когда и ни гдѣ!

ГРАФЪ.

Это похоже на ревность.

ЛЕССИНГЪ.

Ревность, но ее раздѣляетъ вся Германія; для личнаго удовольствія отнять удовольствіе у цѣлой націи. И по какому праву? Талантъ принадлежитъ отечеству, и какимъ бы то ни было образомъ отрывать его отъ блистательнаго поприща по моему все одно, что разграбить государственную казну. Слышите, мы всѣ, и я старикъ съ перомъ въ рукѣ впереди вооружимся на обща-

го непріятеля. — Послѣ представленія Юлія я считаю Амалію моею дочерью; подобное совершенство мнѣ не снилось. — Который часъ? О! я еще успѣю разцѣловать ее и разсказать объ этомъ за ужиномъ Герцогинѣ и ея сахарнымъ дамамъ. — А Лейзевица поминайте въ вашихъ молитвахъ; я задушу его завтра въ объятіяхъ. — Я въ любовномъ расположеніи духа и надѣюсь до утра надѣлать столько милыхъ глупостей, сколько не удавалось самому бѣшеному любовнику. — Начнемъ съ Амаліи!.....

Да, я не сказалъ вамъ ничего о другихъ актерахъ; правда, и сказать нечего. Плохо, очень плохо, тѣмъ крѣпче я прижму къ груди моей Лейзевица. — Удивительное дѣло — первое представленіе! Повѣрите ли, любезный мой пріятель, я думаю, ни чего не чувствовалъ, ничего не понималъ..... Пока не обнаружилось первое одобреніе, онъ умиралъ отъ досады на актеровъ на меня, на Эшенбурга, на себя, но съ той поры онъ забылъ всѣхъ насъ. Всѣ актеры, ему показалось, играютъ превосходно, публику онъ счелъ огромной умницей, себя достойнымъ ея любимцемъ, надѣлалъ тьму блистательныхъ предположеній, надеждъ, и все еще дрожалъ отъ ожиданія, пока послѣдній громъ не оглушилъ всѣхъ его способностей!..... Нѣсколько представленій онъ еще будетъ боленъ радостью, но когда привыкнетъ къ славѣ, тогда только почувствуетъ, что кромѣ Амаліи, все было дурно, непонято, исковеркано умничаньемъ и безталантливостью

ПЕРВЫЙ.

Но кто же ставилъ пьесу?

ЛЕССИНГЪ.

Я! Я самъ! Но я знаю, что вы хотѣли сказать. За чѣмъ я не далъ благихъ совѣтовъ, за чѣмъ не научилъ того, другаго, не такъ ли? Дайте мнѣ хорошихъ актеровъ, и я вамъ поставлю Софокла съ большимъ эффектомъ, нежели любимѣйшую, современную драму. — Хорошему актеру не нужно говорить, толковать, объяснять, показывать; онъ дружнѣе меня съ авторомъ, онъ по чувству больше съ нимъ знакомъ, нежели ученѣйшій критикъ; а по искуству онъ полководецъ, а я его солдатъ; и онъ меня насильно поведетъ за собой куда ему угодно.

Постановщикъ, такой, знаете, хозяинъ при постановкѣ пьесы, необходимо нуженъ; для чего? сглаживать ходъ дѣйствія, замѣчать неловкость положенія, выхода, жеста, перемѣны декорацій, именно быть недѣйствующимъ, постороннимъ, запаснымъ актеромъ. Вы скажете: на это *режиссеръ*. Нѣтъ! Режиссеръ — полиція и только; а полицеймейстеромъ долженъ быть непремѣнно человѣкъ ученый. — Актеръ вмѣстѣ съ авторомъ отвѣчаютъ за правду положеній и хода страстей. Постановщикъ вмѣстѣ съ авторомъ отвѣчаютъ за современную вѣрность костюма, декорацій и частныхъ подробностей вѣка? Терпѣть не могу, когда рыцарь въ пылу страсти беретъ за руку даму; ненавижу, когда Катонъ выходитъ на сцену въ Венгерскихъ сапожкахъ, со шлемомъ XVI вѣка на головѣ, съ кирасирскимъ палашемъ; — когда на пиру, у Клеопатры за столомъ ананасы и готическіе стулья изъ зàмка Нѣмецкаго Барона старыхъ временъ; — хорошій актеръ не обязанъ всего

этого знать, да и не нужно; но постановщикъ во время репетицій, можетъ шутя, не уча, сообщить ему характеръ вѣка и дѣйствующихъ лицъ, согласно съ исторіей; открыть ему тьму подробностей, изъ коихъ онъ возметъ въ соображеніе только нужныя, а прочія дастъ ученому сдачи, на сохраненіе до случая. Особенно въ наше время, когда Англійскій театръ и Нѣмецкіе литераторы сдѣлали реформу во всей драматургіи, — постановщикъ необходимъ. У Французовъ онъ не нуженъ; они не могутъ даже читать трагедіи не въ стихахъ. Гермильи, желая познакомить Францію съ Виргиніей, трагедіей Испанскаго драматика Лигандо, не посмѣлъ ее перевести цѣликомъ, а сократилъ, сдѣлалъ краткую выписку, извиняясь, и справедливо, тѣмъ, что она въ прозѣ! Точеныя драмы Французовъ не требуютъ даже режиссера; выходятъ пѣвцы и начинаютъ провозглашать стихи съ нѣкоторымъ музыкальнымъ тактомъ; кончилъ одинъ, начинаетъ пѣніе другой; но какъ большая часть трагедій состоитъ изъ подобныхъ дуэтовъ, рѣдко терцетовъ, то исполненіе легко можетъ итти безъ капельмейстера. Драмы Дидерота, которыя я имѣлъ удовольствіе перевести, признаюсь не безъ важныхъ затрудненій, которыя имѣли рѣшительное и выгодное вліяніе на нашъ театръ и ни какого на Французскій, не понравились ни актерамъ, ни публикѣ; онѣ уже требовали режиссера, въ нѣкоторомъ отношеніи даже постановщика, и еще болѣе требовали хорошаго вкуса въ публикѣ и натуры въ актерахъ. Слѣдственно драмы Дидерота во Франціи были анахронизмомъ.

Актеру нѣтъ стыда, если въ его успѣхѣ учавствуетъ по-

стороннее лице; напротивъ, честь; — постановщикъ — его библіотека, потому, что хорошій актеръ не имѣетъ времени вести систематическое чтеніе и рыться въ подробностяхъ, когда надо учить, переучивать, изучать и обдумывать роль. Я зналъ на моемъ вѣку такихъ актеровъ, которые лично для себя заводили тѣсное знакомство съ учеными, антикваріями, профессорами, философами и филологами. Я помню актиру Левенъ; она появилась на Гамбургскомъ театрѣ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ перваго дебюта, въ ролѣ Меланиды. Пустая пьеса Нивеля де ла Шоссе, передѣланная изъ романа Mlle de Bontemps. И знатоки и незнатоки были въ восхищеніи! Что же вы думаете? Не смотря на всю силу своего таланта, Левенъ объѣздила въ Гамбургѣ почти всѣхъ ученыхъ и писателей, пускалась въ самыя тончайшія психическія пренія; у одного у меня въ теченіи послѣдней недѣли, она была три раза съ такими вопросами, которыхъ я ей никакъ не могъ объяснить, а она объяснила мнѣ ихъ на сценѣ поразительно! Кинъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ Томпсономъ, а это не шутка! И всегда хорошій актеръ найдетъ вспомогательные источники. Онъ полновластный султанъ, но все однако же слушаетъ мнѣнія мудрыхъ улемовъ, авось пригодятся. Хорошій актеръ — существо дорогое, отрадное для автора, постановщика, режиссера и публики; онъ можетъ быть въ ссорѣ только съ однимъ директоромъ; но хорошіе актеры рѣдки, а дурные — это Эвмениды, которые могутъ согласно ревѣть только подъ палку Глюка, когда испортить великолѣпный хоръ нѣтъ никакой возможности; но во всѣхъ другихъ слу-

чаяхъ — змѣи, огонь и пронзительные вопли заставятъ театръ счесть адомъ.

СТОРОЖЪ.

Господа, пора театръ запирать! Наше дѣло служебное, раньше всѣхъ вставай, позже всѣхъ ложись!

ЛЕССИНГЪ, нетерпѣливо.

Сейчасъ, сейчасъ, любезный другъ!

СТОРОЖЪ.

Какъ бы не такъ. Вы ужъ тутъ говорите часа два о директорѣ, о режиссерѣ, о актерахъ; пока доберетесь до театральныхъ лакеевъ, будетъ утро.

ЛЕССИНГЪ.

Сейчасъ, сейчасъ, мой другъ! Я кончу коротко. На чемъ мы остановились! Да, на дурныхъ актерахъ. Казалось бы объ нихъ и говорить нечего; а между тѣмъ напротивъ. Они то и составляютъ все, какъ глупцы театральную массу; одинъ актеръ не значитъ ни чего, какъ въ публикѣ, одинъ знатокъ. Но эта язва имѣетъ ядовитыя качества, которыхъ, слава Богу, лишена большая часть глупыхъ слушателей. — Это гордость, неприступная, обидчивая, щепетильная, раздражительная, мелочная, злопамятная, мстительная, насмѣшливая, еслибы я истощилъ, какъ Аретино, весь лексиконъ прилагательныхъ, и тогда бы не нашелъ точнаго эпитета, а я именно люблю *точность* въ эпитетахъ и больше *двухъ* для меня уже казнь, дурной слогъ; — однимъ словомъ — это гордость дурныхъ актеровъ. — Совѣтъ — имъ обида, замѣчаніе — оскорбленіе, правда — вызовъ на поединокъ. И знаете, что всего досаднѣе, между этими дурными актерами есть и недурные по

натурѣ. Но вотъ въ чемъ бѣда! Каждый хочетъ играть или выше своихъ средствъ или выше своего автора; усиливается отдѣлить себя отъ прочихъ, и какъ нарочно похвастать своими недостатками. Онъ не думаетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ назначенъ по списку дѣйствующихъ лицъ. Нѣтъ. Онъ играетъ продавца вѣтошекъ Агамемнономъ, а Эдипа — нищимъ изъ богадѣльни.

Эти актеры казнь для автора, постановщика, режиссера и для публики; они дороги для одного только директора, по своей дешевизнѣ. Они казнь и для хорошихъ актеровъ.

Соперничество на театрѣ самое полезное. Мѣра самолюбія актеровъ не можетъ быть опредѣлена Лейбницемъ; математика теряетъ числа и пространства. Между хорошими актерами — геніальному легче играть; ходъ чувства вѣрнѣе, потому, что онъ услышитъ отголоски на свои порывы, и въ сочувствіи почерпаетъ новыя силы, новое одушевленіе, тогда какъ иногда дурной актеръ однимъ словомъ, однимъ жестомъ замораживаетъ весь пылъ только что развившейся страсти; крылья таланта чувствуютъ недостатокъ воздуха и орелъ часто падаетъ отъ невозможности парить въ атмосферѣ, исполненной саранчи.

ПЕРВЫЙ.

Неужели вы хотите, чтобы всѣ второстепенныя роли можно наполнить первоклассными актерами?

ЛЕССИНГЪ.

Совсѣмъ нѣтъ! Я хочу, чтобы всѣ второстепенныя роли исполнялись второстепенными актерами, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы эти актеры были дурны.

У инаго милліоны, у другаго тысячи, но одинъ богатый вельможа, другой богатый дворянинъ. Всякой не долженъ жить выше своего состоянія; тогда не будетъ банкротовъ. — На счетъ второстепенныхъ актрисъ у меня есть странная мысль: я бы не желалъ въ нихъ встрѣчать первоклассныхъ красавицъ; по моему и наружная красота должна соразмѣряться съ душевными сокровищами; къ несчастію это рѣдко случается, а искуство отъ того весьма страждетъ. Красота замѣнитъ другія достоинства.....

СТОРОЖЪ.

Какъ вамъ угодно, господа; я тушу послѣднюю лампу; скоро полночь. На дворѣ тепло; и тамъ можете кончить.....

ЛЕССИНГЪ, съ досадой.

Въ самомъ дѣлѣ, вечеръ прекрасный, пойдемъ, мнѣ же нѣкогда, дорогой окончимъ нашъ разговоръ..... Спасибо Лейзевицу! Я никогда такъ тріумфально не оставлялъ театра, даже во дни представленія собственныхъ моихъ пьесъ.

ВЫХОДЪ 6.

СТОРОЖЪ и ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

СТОРОЖЪ.

Благодареніе Богу!..... Ушли!..... Экой говорунъ!..... А какъ посмотрѣть, такъ умирать собирается; потушить огонь, не то воротится, пожалуй, чего добраго.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Постой! Гдѣ живетъ Амалія Клейнъ?

СТОРОЖЪ.

А ты откуда?

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Я..... какъ тебѣ сказать.... мнѣ нужно.... я.... Лейзевицъ!

СТОРОЖЪ.

Извините, милостивый государь! Позвольте васъ поблагодарить; я также плакалъ, очень пріятно плакалъ. Но за чѣмъ вамъ къ Амаліи, теперь поздно, вы можете помѣшать.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Чему?

СТОРОЖЪ.

Да такъ. Можетъ быть у ея милости теперь гости; она, знаете, картежница.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Слава Богу! Это еще не бѣда; но гдѣ живетъ она? Моя благодарность не можетъ быть отложена!

СТОРОЖЪ.

Кажется, не вамъ благодарить слѣдуетъ.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Но гдѣ живетъ она, ради Бога!

СТОРОЖЪ.

Въ улицѣ Терезы, домъ купца Кенигстарка, гостинница подъ вывѣской Бѣлаго Слона.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Знаю! Знаю!..... Она еще не спитъ,..... она еще не можетъ спать..... я тамъ найду еще минуту счастія.....

ВЫХОДЪ 7.

СТОРОЖЪ, одинъ.

Вотъ что! — Понимаемъ! Понимаемъ!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Комната въ гостинницѣ Бѣлаго Слона.

ВЫХОДЪ 1.

АМАЛІЯ и **ЖОРЖЪ**. (*Амалія сидитъ за столомъ при большой лампѣ съ тетрадкой въ рукѣ; Жоржъ ходитъ по комнатѣ*).

ЖОРЖЪ.

Неужели и теперь вы будете учить роль! Усталость...... слава...... и другія послѣдствія бенефиса.....

АМАЛІЯ.

Не могу отклонить отъ обязанностей; у меня нѣтъ праздника, кромѣ тѣхъ дорогихъ вечеровъ, когда я на сценѣ..... Одиночество меня пріучило къ труду.....

ЖОРЖЪ.

Одиночество! Амалія, надо слить два одиночества вмѣстѣ и оба уничтожатся! Съ той печальной поры, когда мы познакомились, я, какъ спутникъ великолѣпной планеты, объѣхалъ съ вами всю Германію; пожертвовалъ славой, слѣдственно и выгодами, потому, что при васъ блѣднѣютъ даже сильные таланты; молва насъ даже обвѣнчала; но, увы! Германія несправедливо завидовала моему счастію; я потерялъ даже вашу дружбу.

АМАЛІЯ.

Съ той поры, когда она тебѣ наскучила?

ЖОРЖЪ.

Мнѣ? Мнѣ, Амалія?

АМАЛІЯ.

Кому же? Когда ты захотѣлъ быть моимъ мужемъ, признаюсь, ты потерялъ мое уваженіе и послушай,

Жоржъ! Въ послѣдній разъ я откровенна. Я никогда не буду замужемъ.

ЖОРЖЪ.

Правда, это оковы для вѣрности, клѣтка для.....

АМАЛІЯ.

Договаривай, и мы кончимъ нашу бесѣду.

ЖОРЖЪ.

Четыре года любить и писать надежду!.....

АМАЛІЯ.

Которую четыре года я старалась уничтожить.... Виновата ли я?

ЖОРЖЪ.

О нѣтъ, нѣтъ, Амалія! Ваши глаза, таланты, сердце, все, все въ васъ виновато, но вы нѣтъ, вы невинны. — Я долженъ только сожалѣть о себѣ.

АМАЛІЯ.

И я то же!

ЖОРЖЪ.

Безъ насмѣшки, Амалія!

АМАЛІЯ.

Я не шучу, Жоржъ. Жаль, что я лишаюсь дружбы твоей въ самое то время, когда она мнѣ нужна наиболѣе.....

ЖОРЖЪ.

Ради неба, забудьте, Амалія, о моихъ словахъ! Если моя помощь, совѣтъ, рука, могутъ быть вамъ полезны.....

АМАЛІЯ.

Тебя воспитали рыцарскія драмы и я; мнѣ понятно твое самоотверженіе, но увы! оно непостоянно и завтра

нечаянное слово возобновитъ нашъ разговоръ и снова непріятности, которыя кончатся нашимъ разрывомъ.

ЖОРЖЪ.

Никогда, Амалія!

АМАЛІЯ.

Тридцати-лѣтній ребенокъ! Четыре года быть любимицей Германіи и вѣрить мужчинѣ? Это ужь слабоуміе..... Но все равно, если мое признаніе тебя не исправитъ, дай мнѣ слово, не преслѣдовать Амаліи. Она далеко уйдетъ отъ тебя.....

ЖОРЖЪ.

Амалія.....

АМАЛІЯ.

Мнѣ не нужно словъ..... Ты далъ мнѣ руку, и я вѣрю чувству, хотя актриса наименѣе на то имѣетъ права. Актриса и чувство..... два полюса, которымъ никогда не назначено сходиться — ногою на театральный полъ и все начинаетъ разочаровывать; тогда только узнаешь, что весь міръ тотъ же театръ, съ ложными кулисами; все въ немъ основано на оптическомъ обманѣ, все чужое, замаскированное, а правда только, когда упадетъ спасительная занавѣсъ. Тогда конецъ притворству и подражанію; но, увы! начало осадкѣ любителей таланта и красоты. Въ первое время успѣховъ, для актрисы нуженъ ревнивый любовникъ, или лучше сказать другъ, исполненный надеждъ на повышеніе въ нашемъ сердцѣ; потомъ, когда мало по малу привычка притворяться и привычка спасать невинность обманомъ даетъ умѣніе играть людьми не только на сценѣ, но и въ гостинной, тогда нуженъ обширнѣйшій

дворъ, большее число льстецовъ, обожателей, друзей, любителей таланта; надежды, какъ облака, должны плавать надъ этой толпой; но, никогда, ни ясный лучъ, ни громовой ударъ не долженъ вырываться изъ неба ожиданій. Неизвѣстность должна волновать и усиливать искательства, ревность кипятить кровь; послѣдствіе одно — моя слава!

Неужели ты думаешь, что мнѣ дорога моя независимость! Что одиночество мнѣ не въ тягость? (*со вздохомъ*) Трудно сердцу изнывать въ полнотѣ чувства и не желать раздѣлить его съ милымъ человѣкомъ..... Но актриса, если хочетъ сохранить свою славу, больше, съ каждымъ днемъ умножать ее, должна перестать быть женщиной. Это воплощенное честолюбіе! Чѣмъ неприступнѣе, чѣмъ холоднѣе въ жизни эта богиня, тѣмъ больше поклонниковъ: всѣ они могутъ питать надежду, всѣ волноваться и служить глашатаями ея славы..... Мужъ, какъ темница, поглощаетъ ея сіяніе; надежды идолопоклонниковъ рушились; ревность дѣлается тайною ненавистью и мнѣ хлопаютъ, меня хвалятъ по воспоминаньямъ. Любовникъ не такъ страшенъ для моихъ поборниковъ; они знаютъ, что это Калифъ на часъ; но я теряю уваженіе, то есть половину моей славы; тогда каждый добивается Калифата съ дерзостью, а это ведетъ къ насмѣшкамъ, и часто къ унизительнымъ сценамъ.....

Замужство въ нашемъ званіи имѣетъ еще другую дурную сторону..... Это охлажденіе къ искуству. Цѣль жизни исполнилась, и хотя желаніе нравиться не можетъ совершенно оставить нашего сердца, но когда

усилія мои не принесутъ мнѣ ни одной новой побѣды, когда мои успѣхи публика принимаетъ какъ должную дань, а не какъ подарокъ моего великодушія; когда неудачу мою уже не спасаетъ пристрастіе, напротивъ меня преслѣдуютъ..... О! желаніе усовершаться исчезаетъ, искуство перестаетъ быть святою цѣлію, а средствомъ пошлымъ, дюжиннымъ къ пріобрѣтенію денегъ..... Теперь я съ любовію учу мою роль, часто утро застаетъ меня передъ зеркаломъ съ тетрадкой въ рукѣ..... а тогда я засыпала бы на каждой строчкѣ; и только дѣти безпрерывными просьбами заставляли бы меня просыпаться и красными глазами, и тупою памятью заучивать только слова и не искать въ нихъ ни смысла, ни чувства.

ЖОРЖЪ.

Неужели Амалія всѣ замужнія актрисы.....

АМАЛІЯ.

Кто же тебѣ говоритъ: всѣ; я веду рѣчь про себя..... Я такъ сознала правила своей жизни и дала обѣтъ имъ послѣдовать.....

ЖОРЖЪ.

Надо слишкомъ любить искуство.....

АМАЛІЯ.

Я его люблю наравнѣ съ моею жизнію. И если бы несчастія заставили отъ него отказаться, я бросилась бы въ объятія посторонняго человѣка съ единственной мольбой — никогда не ходить въ театръ, никогда объ немъ не говорить, устранять малѣйшій намёкъ на искуство въ словахъ и лицахъ, словомъ помочь мнѣ забыть мое прежнее счастіе.

ЖОРЖЪ.

Амалія! можно подумать.....

АМАЛІЯ.

Что можно подумать?

ЖОРЖЪ.

Что вы приговариваетесь къ этому молодому Графу....

АМАЛІЯ.

Можетъ быть.....

ЖОРЖЪ.

Можетъ быть?!..... Нѣтъ! Это положительно такъ, это не догадка..... Я вижу, что и со мной разыграна комедія, и, нечего сказать, превосходно.....

АМАЛІЯ.

Въ этомъ вся моя слава.

ЖОРЖЪ.

Амалія, вы не шутите?

АМАЛІЯ.

Объ этомъ я хотѣла спросить тебя, да не стоитъ....

ЖОРЖЪ.

Простите. Мы, кажется, договорились до конца.

АМАЛІЯ.

Кажется.

ЖОРЖЪ.

И такъ.....

АМАЛІЯ.

Тамъ кто-то пришелъ. Жоржъ, скажи Гретхенъ, чтобы она ни кого.....

ВЫХОДЪ 2.

Тѣ же и ГРЕТХЕНЪ.

ГРЕТХЕНЪ.

Г. Лейзевицъ.

АМАЛІЯ, вскочивъ и оправляясь передъ зеркаломъ.

Проси, проси! Подай свѣчей, здѣсь такъ темно; подай мнѣ шаль, есть ли тамъ въ прихожей огонь? Иди же, Гретхенъ?....

ЖОРЖЪ.

Мнѣ кажется, я буду лишній....

АМАЛІЯ, у зеркала.

Ты любишь догадываться, я не мѣшаю.

ЖОРЖЪ.

Я уйду.

АМАЛІЯ.

Независимость и свобода — боги Амаліи.

ЖОРЖЪ.

Я не понимаю.

АМАЛІЯ.

Потрудитесь подумать.....

ЖОРЖЪ.

Вы.... *вы*.... на *вы*.... О я понялъ все! Простите, Амалія! Мы не увидимся никогда, даже на вашей свадьбѣ.

АМАЛІЯ.

Въ послѣднемъ я увѣрена.

ЖОРЖЪ.

Простите!

АМАЛІЯ, съ досадою.

Господи Боже мой, прощайте, прощайте!

ВЫХОДЪ 3.

АМАЛІЯ, одна, безпрестанно подбѣгая къ зеркалу, то приводя въ порядокъ вещи на столѣ.

Нечего дѣлать!.... Слава Богу!.... Пока душа и сердце мое были совершенно спокойны.... я любила его,

какъ друга.... какъ брата.... Но теперь.... мнѣ скучно съ нимъ, досадно.... восторженныя рѣчи.... его пылающіе ɪзоры.... не отъ него желала бы я.... Ахъ, Г. Лейзевицъ!....

ВЫХОДЪ 4.

АМАЛІЯ и ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, бросаясь передъ нею на колѣни.

У ногъ вашихъ!....

АМАЛІЯ.

Помилуйте! Что съ вами? Встаньте!..... Прошу васъ.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Нѣтъ! Ни за что! Дайте мнѣ вашу руку, позвольте дерзкимъ устамъ.....

АМАЛІЯ, стараясь заставить его встать.

Не такъ, не такъ! Мы имѣемъ свои домашнія привиллегіи, за которыя никто насъ не осудитъ..... Я актриса!....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, вскочивъ и отступивъ въ размышленіи.

Актриса!..... Но все равно моя благодарность...

АМАЛІЯ, съ досадой.

Перестаньте!..... Мнѣ досадно, что я необдуманно заставила васъ проснуться, упасть съ поэтическихъ облаковъ въ уборную ничтожной притворщицы, недостойной этой дѣтской восторженности чистой души поэта.... Да! И мирнаго воина боится поселянинъ, и честному судьѣ несутъ подарокъ! Вы не виноваты.... Вы меня не знаете? (*отирая слезу*) За чѣмъ эти слезы? Ихъ оскорбитъ ваша недовѣрчивость!.... (*садясь*) Садитесь,

Г. Лейзевицъ; въ свѣтской учтивости — вы отказать пока не имѣете права.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

О Амалія..... мое движеніе, невольное, глупое, не изъ этого источника..... Но здѣсь замѣшаны тяжкія воспоминанія, мучительное, но великое слово, котораго никогда не нарушу, даже послѣ сегодняшняго тріумфа!

АМАЛІЯ, вскочивъ.

Боже великій! Я знаю, я слышала его; это слово, какъ громовое проклятіе пало на меня; я сообщница ужаснаго событія, я лишила Германію великаго поэта.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, съ улыбкой.

Амалія?!.....

АМАЛІЯ.

Да! Я тогда была въ труппѣ Аккермановъ, я отвергла Юлія, я была свидѣтельницей вашего стыда въ передней, я приняла во тмѣ на улицѣ ваши проклятія... Лейзевицъ, Лейзевицъ, возвратите совѣсти моей спокойствіе; возмите перо, Богомъ вамъ дарованное, и пускай Амалія на сценѣ тщательнымъ исполненіемъ ролей, созданныхъ кистію великаго мастера, хотя нѣсколько заплатитъ за печальное преступленіе ея юности.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Добрая Амалія! Вы извиняетесь въ томъ, что нечаянно сдѣлали мнѣ благодѣяніе.... Но молю васъ, оставимъ этотъ разговоръ..... Каждый день я слышу тѣ же воззванія къ перу, каждый день защищаю мою независимость и, признаюсь, надоѣло. — Съ вами осо-

бенно я не хотѣлъ бы говорить объ этомъ; съ вами не легко спорить.....

АМАЛІЯ, съ упрекомъ.

И вы умѣете говорить комплименты.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

О какіе комплименты! Я зашелъ къ вамъ не спорить о домашнихъ моихъ дѣлахъ, а принести дань удивленія какъ зритель и благодарности какъ авторъ. Я увивлялся, Амалія, собственному созданію, я не вѣрилъ моимъ словамъ; все мнѣ казалось волшебно преображеннымъ, и не одинъ разъ, простите признанію, я чувствовалъ въ себѣ прежній жаръ поэзіи, жажду созданія. — Простите, еще разъ простите, я забылъ васъ, забылъ приличія, все, все..... и вы видѣли меня у ногъ вашихъ....

АМАЛІЯ, шепотомъ.

Изъ благодарности!.... (*громко*) Что долго ли вы намѣрены пробыть здѣсь?

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Я хочу здѣсь остаться навсегда, но какъ, еще не знаю.

АМАЛІЯ, про себя.

Изъ удивленія!..... (*громко*) Прекрасный городъ, добрый герцогъ, очаровательная герцогиня, веселый дворъ, можетъ быть любимая женщина....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, пристально глядя на нее.

О нѣтъ! Быстро я прожилъ періодъ любви; въ одинъ годъ совершились во мнѣ всѣ событія страсти; любовь ушла, остались только стихотворенія; я ихъ доканчиваю теперь на покоѣ, заучиваю и жгу....

АМАЛІЯ.

Какъ? Когда все совершилось, все миновалось! Вы пишете стихи?.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, помолчавъ.

Пора любви, пора стиховъ
Неодновременно приходятъ.....
Зажжется стихъ, молчитъ любовь,
Придетъ любовь, стихи уходятъ.
За чѣмъ, когда моя мечта
Любимый образъ представляла,
Молчали мертвыя уста
И память риѳмъ не открывала.
Нѣтъ! Я любилъ ее безъ словъ,
Я говорилъ объ ней слезами.....
Повѣрьте, звучными стихами
Не выражается любовь.....
Какъ память сладкаго страданья
Стихи во слѣдъ любви идутъ
И какъ могилы — берегутъ
Одни воспоминанья!

АМАЛІЯ.

Странная мысль! И такъ октавы Тасса, сонеты Петрарки.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Я говорю о себѣ, добрая Амалія..... О какъ блѣдны мои воспоминанья! Чувство любви..... О слава, слава Богу, что тяжелая болѣзнь излечила меня отъ смертельной.....

АМАЛІЯ.

Неужели и вы не знали взаимности?..... Простите

моей нескромности, но меня извиняетъ дружескій тонъ вашей бесѣды....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Взаимности!..... О Боже, Боже! Какъ бы я желалъ еще разъ испытать эту адскую муку, украсть взаимность и уже не хворать самому, а заставить женщину выкупать жизнь — горячкой.....

АМАЛІЯ, съ трепетомъ.

Мстить?!..... И не разсуждая, кому достанется эта месть..... другой женщинѣ..... не правда ли, жестокій человѣкъ, вамъ все равно.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

О простите, простите! Минута невольнаго негодованія; благодарю, вы напомнили безумцу долгъ человѣка.... Отъ чего это, Амалія, при васъ сердце потеряло послѣднее чувство, — чувство мести; мнѣ такъ легко..... Неужели сбудется моя Утопія; я буду безстрастенъ.

АМАЛІЯ.

И къ чему эти желанія?

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Любовь къ человѣчеству, по моимъ понятіямъ, требуетъ совершеннаго безстрастія къ лицамъ; иначе не возможно безусловное и прочное блаженство.....

АМАЛІЯ, схвативъ Лейзевица за руку съ жаромъ.

Мечтатель! Блаженство человѣка — только въ объятіяхъ любимой женщины..... Вашъ путь — былъ моимъ, съ тою разницей, что я не находила кого полюбить со всею полнотою чувства; и я создала себѣ новый

міръ и я обманывалась въ надеждахъ; прекрасенъ мой міръ, но увы, мнѣ скучно, горько — одиночество..... Лейзевицъ, я несчастна.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Амалія! Долгъ любви къ человѣчеству велитъ мнѣ предложить вамъ мою руку, совѣтъ, помощь, все.....

АМАЛІЯ, выразительно.

Кромѣ любви?..... Безумецъ! Безсильная дружба — масло въ пожарѣ!..... чувства, любви, страсти, взаимности!..... Станетъ ли силъ вашихъ, честности, добродѣтели на всѣ эти жертвы..... Господи Боже мой, что я говорю..... о не вѣрьте мнѣ, забудьте мои слова, помните — я актриса!

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, покраснѣвъ.

Это ужъ упрекъ, Амалія!

АМАЛІЯ.

Я исполнила вашу просьбу, исполните мою, перестанемъ говорить объ этомъ..... Я васъ измучила, а уже не рано.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Вы меня гоните.

АМАЛІЯ, съ живостью.

А вамъ не скучно?.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

По крайней мѣрѣ *я* не актеръ..... Амалія.....

АМАЛІЯ, вставъ съ мѣста.

Постойте!..... Вы богаты?

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Напротивъ!

АМАЛІЯ.

Женаты?

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Нѣтъ!

АМАЛІЯ.

У васъ есть родители, родственники?

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Ни кого!

АМАЛІЯ

Чѣмъ вы занимаетесь?

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Пока ни чѣмъ!

АМАЛІЯ.

Вступите въ актеры!

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

За чѣмъ?

АМАЛІЯ, заливаясь слезами и падая на грудь Лейзевица.

Мы будемъ равны!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО АКТА.

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Дѣйствіе происходитъ въ 1790 году.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Площадь предъ Брауншвейгскимъ соборомъ.

ВЫХОДЪ 1.

Множество экипажей подъѣзжаютъ и увозятъ молельщиковъ изъ церкви; толпы пѣшеходовъ наполняютъ площадь; между ними ИФФЛАНДЪ, ШИЛЛЕРЪ, ТРАУ и МАУЛИ. Разговоръ постороннихъ.

ПЕРВЫЙ.

Вы поздравляли Лейзевица?

ВТОРОЙ.

Какъ же.

ТРЕТІЙ.

Съ чѣмъ это?...

ПЕРВЫЙ.

Сегодня его рожденіе...

ТРЕТІЙ.

Какъ это досадно. Я ничего не зналъ. Побѣгу въ соборъ, онъ еще тамъ, принимаетъ поздравленія...

ПЕРВЫЙ.

Бѣгите, бѣгите, еще успѣете....

ТРАУ.

А кто это Лейзевицъ, осмѣлюсь спросить?

ПЕРВЫЙ.

Вы не знаете Лейзевица?!..

ТРАУ.

Извините, мы люди пріѣзжіе!.....

ПЕРВЫЙ.

Да кто же въ Германіи не знаетъ Лейзевица, автора Юлія Тарентскаго; надворнаго совѣтника въ тайной канцеляріи герцога и благодѣтеля всѣхъ несчастныхъ. Скоро въ Брауншвейгѣ не будетъ ни одного нищаго. Дни и ночи посвящаетъ онъ облегченію судьбы бѣдныхъ; малыми средствами, онъ умѣетъ дѣлать великое добро, и государство и государь благодарятъ покойнаго Лессинга; его рекомендація; его выборъ; онъ былъ единственнымъ другомъ Лессинга.

ТРАУ, улыбаясь.

Не говорите! У Лессинга было много друзей; въ томъ числѣ вотъ и мы....

ПЕРВЫЙ.

Странное дѣло! Вотъ человѣкъ безъ завистниковъ! Въ соборѣ сегодня былъ почти весь городъ; всѣ съ такими веселыми лицами, глаза обращены на Лейзевица; видно было, что его стѣсняло общее участіе, а когда добрый пасторъ взялъ за текстъ «вѣра безъ дѣлъ мертва есть» — въ концѣ рѣчи обратился къ Лейзевицу и отъ имени страждущаго человѣчества благодарилъ его, не только онъ, жена покраснѣла....

ВТОРОЙ.

А жена хороша?.....

ПЕРВЫЙ.

Ангелъ душей и наружностью, а не смѣешь завидовать.

ВТОРОЙ.

А ужъ какъ хороша! Смотришь на нихъ, такъ и видишь Божіе благословеніе; цвѣтутъ, полнѣютъ день ото дня; а дѣти — точно картинки.....

ПЕРВЫЙ.

Любопытно, что сдѣлаетъ магистратъ въ день его рожденія.....

ВТОРОЙ.

Какъ! Развѣ вы не знаете! Вы ничего не пожертвовали!

ПЕРВЫЙ.

Помилуйте, что вы это! Пять талеровъ, пять талеровъ, за недѣлю еще отдалъ въ комитетъ, самъ, безъ спросу.

ВТОРОЙ.

Да и всѣ принесли сами; магистрату очень легко было въ этотъ разъ собирать деньги. Собрали семь тысячъ талеровъ.....

ТРАУ и МАУЛИ.

Семь тысячъ талеровъ!

ВТОРОЙ.

Герцогъ пожаловалъ отъ себя тысячу; принесли поутру къ Лейзевицу..... Принялъ..... и отослалъ тотчасъ же въ коллегію для бѣдныхъ съ запиской: такому-то выдать столько, изъ тюрьмы выпустить столько, три тысячи талеровъ на новую богадѣльню съ тѣмъ, чтобы она непремѣнно была достроена еще въ этомъ году; растасовалъ всю сумму, себѣ ни гроша.

ПЕРВЫЙ.

Однакоже будутъ народныя увеселенія, какое нибудь гулянье.

ВТОРОЙ.

Все это сдѣлается само собой; онъ съ женой будетъ обѣдать у герцога, оттуда поѣдутъ въ театръ; послѣ театра Лейзевицъ отправится домой къ дѣтямъ, по крайней мѣрѣ ото всѣхъ предложенныхъ вечеровъ онъ отказался.

ПЕРВЫЙ.

А что даютъ сегодня на театрѣ?

ВТОРОЙ.

Коварство и любовь, Шиллера, любимую пьесу Лейзевица. Иффландъ, Бейль, Бекъ и Каролина Бекъ, нарочно и по доброй волѣ пріѣхали изъ Мангейма; говорятъ, что и самъ Шиллеръ здѣсь, по incognito, на два дня; будетъ однакоже сегодня обѣдать у герцога.

ПЕРВЫЙ.

Каролина Бекъ! Каролина Бекъ! Я ее видѣлъ въ Мангеймѣ! Чудо, просто совершенство!....

ШИЛЛЕРЪ.

Скажите, пожалуйста! Неужели Лейзевицъ въ самомъ дѣлѣ съ 1776 года не пишетъ ничего?.....

ВТОРОЙ.

По крайней мѣрѣ не слышно. Вотъ теперь только по должности моей инспектора почтъ, я замѣчаю въ его корреспонденціи особенную и совершенно новую дѣятельность. Письма летятъ во всѣ концы Германіи и все къ ученымъ людямъ, большею частію, занимающимся исторіею. Мы съ нимъ сосѣди. Не знаю, какъ дошло до свѣдѣнія моей жены, что Лейзевицъ собираетъ матеріялы для исторіи Тридцатилѣтней Войны.

ШИЛЛЕРЪ.

Чудное поле! Въ эти тридцать лѣтъ Германія прожила три столѣтія, выковалась и закалилась какъ сталь; съ той поры дубъ сталъ приличнымъ ея девизомъ..... Помоги, Господи, Лейзевицу!

ВТОРОЙ.

Вотъ и онъ.

ШИЛЛЕРЪ и ИФФЛАНДЪ.

Гдѣ? гдѣ?

ВТОРОЙ.

Кажется, легко узнать. Вотъ впереди съ молодой женщиной; это его жена.

ШИЛЛЕРЪ.

А съ ними кто?

ВТОРОЙ.

Вотъ, что на право; — это наслѣдный принцъ Брауншвейгскій; а двое на лѣво, это Нассау-Оранскіе принцы, всѣ трое ученики Лейзевица. Прекрасные молодые люди!....

ИФФЛАНДЪ.

И неудивительно! Они прощаются..... Лейзевицъ идетъ сюда.....

(Народъ почтительно кланяясь, даетъ имъ дорогу.)

ВЫХОДЪ 2.

Тѣ же, **ЛЕЙЗЕВИЦЪ** и **ЛУИЗА.**

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Луиза! Луиза! Посмотри на право, молодой человѣкъ, бѣлый лицемъ какъ женщина, въ нѣжныхъ чертахъ болѣзненная томность. Видишь?

ЛУИЗА.

Вижу, вижу....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Это Шиллеръ.....

ЛУИЗА.

Не можетъ быть.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Мнѣ показали принцы, но просили не измѣнять тайнѣ. Онъ причудливъ; хочетъ до обѣда сохранить incognito, а за обѣдомъ съ кубкомъ въ рукѣ поздравить меня стихами.... Спасибо ему! Натура волка въ лѣсъ тянетъ; люблю еще полусумасшедшихъ поэтовъ, а особенно его. Помяни мое слово. Онъ страдалецъ, проживетъ какъ мученикъ, защищая человѣчество отъ людей, и умретъ, оставивъ міру обширную сокровищницу полезныхъ, благотворныхъ обмановъ (*останавливается*).

Бѣдный, онъ веселъ, душа въ немъ еще дѣтски играетъ; не знаетъ судьбы своей; но пусть идетъ, пусть погибнетъ; мечты его — благодѣянія; онѣ завянутъ, если горе не будетъ обливать его нѣжнаго сердца. Искренній плачъ его утѣшитъ многихъ; есть нравственные нищіе, онъ ихъ насытитъ и обогатитъ; пускай идетъ. Эти страдальцы за человѣчество необходимы..... Благодарю Творца, чаша печалей мимо прошла..... Пойдемъ, Луиза. Карлъ еще спалъ, какъ мы вышли, теперь безъ насъ вѣрно шалитъ.....

ЛУИЗА.

Дѣтская рѣзвость.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Ахъ! Луиза, а если это первые листки сильнаго энергическаго характера. Лучше бы ему не родиться.... Но, я надѣюсь съ помощію Божіею, многое передѣлаетъ воспитаніе.....

ЛУИЗА.

Неблагодарный! Посмотри на плоды твоей собственной энергіи; оглянись. Неужели народная любовь тебя не утѣшаетъ!

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Ни мало. Мнѣ сегодня много принесли и еще много принесутъ огорченій. Вся эта благодарность для меня отвратительна.

ЛУИЗА.

Это почему?

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Потому, другъ мой, что всѣ эти люди могутъ, а не хотятъ дѣлать тоже; мое поведеніе въ ихъ глазахъ, сверхъестественная заслуга, геніяльный порывъ — и все это для того только, чтобы какъ-нибудь извинить свой недѣятельный эгоизмъ.... Ахъ, моя Луиза! По разсчету оставилъ я поэзію, избралъ утѣшительную по наружности стезю благотворителя. Не сожалѣю, но не могу безъ грусти вспомнить объ одномъ. Поэзія заставляла меня любить, а благотворительность, прости мнѣ, Луиза, принуждаетъ презирать людей. По утру я поливаю цвѣтки съ истиннымъ удовольствіемъ, питаю ихъ жизнь, и они благодарны, а подаю милостыню холодною, ледяною рукою, сердце не стукнетъ; я исполняю мою по наружности столь отрадную должность, какъ деревенскій сторожъ поднимаетъ и опускаетъ заставу, не заботясь, кто, куда и откуда проѣхалъ; часто сонными глазами онъ и не видитъ путниковъ, часто, не смотря на привычку, негодуетъ на ихъ докучливость..... Смотри! смотри! Карлъ уже на улицѣ!.... Здравствуй, шалунъ!

ВЫХОДЪ 3.

Тѣ же и КАРЛЪ *бѣжитъ къ нимъ на встрѣчу.*

КАРЛЪ.

Поздравляю васъ, папенька!.... Няня долго меня учила, да я все позабылъ.... Поздравляю васъ, папенька, будьте здоровы и веселы, вотъ и все тутъ.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

И прекрасно, мой другъ. Больше не надо.... Я и *(беретъ его на руки)* тебѣ только этого желаю.....

КАРЛЪ.

Папенька! Я видѣлъ сонъ, пресмѣшной. Вы знаете у меня два конька, оба небывалые, одинъ красный, другой голубой. Мнѣ снилось, что вы ѣздили на моихъ конькахъ, то на одномъ, то на другомъ; но это ничего, а вотъ что смѣшно, папенька: сами то вы ѣздили, а на меня кричали: «Смотри, не ѣзди на этихъ конькахъ, Боже тебя сохрани!» Вотъ глупый сонъ.....

ЛУИЗА, ударивъ по плечу Лейзевица.

Однако жь кое-что да значитъ!....

КАРЛЪ.

А что же, маменька, значитъ этотъ сонъ?.....

(уходятъ въ ворота.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Особый нумеръ въ Брауншвейгской гостинницѣ.

ВЫХОДЪ 1.

Два **ЛАКЕЯ** *вынимаютъ изъ чемодановъ вещи;* **ФРИЦЪ** *поспѣшно чиститъ платье.*

ЛАКЕЙ.

Что, братъ, баринъ твой такъ давно не былъ въ нашемъ городѣ?....

ФРИЦЪ.

Не говорите и не спрашивайте! Это просто сумасшедшій. Десять лѣтъ на охотѣ, не можетъ подстрѣлить глупую дѣвчонку.....

ЛАКЕЙ.

Да кто же она?

ФРИЦЪ.

То то и есть! Стыдно сказать! Актриса. Матушка графа, какъ узнала объ этомъ, умерла съ досады; не тѣмь будь помянута, зла была покойница; нашла ему въ Венгеріи пять невѣстъ, одна другой богаче, въ Австріи семь, одна другой щедушнѣе; насильно хотѣла женить; не тутъ то было; она пишетъ къ сынку въ Гамбургъ, а сынокъ улизнулъ за проклятой актрисой въ Мангеймъ; она пишетъ въ Мангеймъ, а сынокъ въ Мюнхенъ, все за колдуньей; нечего дѣлать, сама въ Мюнхенъ, а мы въ Берлинъ; графиня въ Берлинъ, на бѣду актриса обыграла семерыхъ картежниковъ, знатносъ въ карманъ, дурь въ голову; поѣхала путешествовать въ Италію; ну и мы, я съ графомъ, а графиня съ тремя фурами горничныхъ побрели за нею; да графиня не доѣхала, похоронили въ Тріестѣ; еще передъ смертью, наканунѣ, поколотила мою племянницу Гретхенъ..... Въ Италіи намъ не повезло, порядкомъ поразмоталась актриса и тихонько уѣхала; мы въ Неаполь, въ Палермо, туда, сюда, нигдѣ нѣтъ; и слѣдъ простылъ; хотѣли ѣхать въ Турцію, да припомнили, что тамъ карты не въ модѣ. Если бъ не Аугсбургскій какой-то листокъ, мы бы вѣрно отправились въ Америку, да выручилъ проклятый листокъ; знаете

тамъ прописали: «Амалія Клейнъ проѣхала сегодня ночью черезъ нашъ городъ»..... Бѣдный графъ чуть съ ума не сошелъ отъ радости, а я съ досады; вотъ думалъ я: «Слава Богу пропала; авось и мы погорюемъ, да и усядемся въ помѣстьяхъ.» Какъ бы не такъ! Вынурнула, и мы пошли опять колесить по Германіи.....

ЛАКЕЙ.

Да что жъ она въ самомъ дѣлѣ не сдается..... Вѣрно, скупится графъ.....

ФРИЦЪ.

Кто? баринъ?..... Не только ни какихъ денегъ не беретъ отъ него, куда — не хочетъ быть графиней!

ЛАКЕЙ.

Что ты это? Неужели графъ хочетъ жениться на актрисѣ.....

ФРИЦЪ.

На, поди, говори! Боже сохрани, если бы она была нашей графинею; такая спѣсивая, никакихъ подарковъ не носи. Разъ послалъ меня графъ съ какими-то курьозными фруктами. Не приняла! Я на окно поставилъ! Выбросила!

ЛАКЕЙ.

Да и она, видно, сумасшедшая.....

ФРИЦЪ.

Подъ пару, нечего сказать, Его Сіятельству. Признаться очень была хороша съ молоду. И теперь, когда мы послѣдній разъ ее видѣли, будетъ года три, все еще красавица, привѣтливая, умница, да спѣсива, спѣсива.....

ЛАКЕЙ.

И графъ десять лѣтъ все также ее любитъ!

ФРИЦЪ.

На, поди, говори! Какъ дуракъ, любитъ; жить безъ нея не можетъ, цѣлую ночь сегодня не вздремнулъ въ коляскѣ! На минуту по пяти разъ спрашивалъ: далеко ли до Брауншвейга?

ЛАКЕЙ.

Да развѣ она здѣсь?.... На афишкѣ ея нѣтъ, а у насъ сегодня пріѣзжіе актеры..... Стало быть..... Да впрочемъ, можетъ быть проѣздомъ.... И что жъ? Графа, такого молодца, такого богатаго, она и видѣть не хочетъ....

ФРИЦЪ.

Вотъ то-то и бѣда, что нѣтъ. Они на дружеской ногѣ: каждый день ссорятся.....

ЛАКЕЙ.

Да за что?.....

ФРИЦЪ.

Тотъ все тащитъ ее за себя замужъ, а она ему въ глаза: не могу; я васъ люблю, какъ всякаго добраго и благороднаго человѣка, а въ мужья: отваливай! На! Поди! Говори!

ЛАКЕЙ.

Да что за чортъ! Развѣ она ужъ такъ богата, понабралась знать подарковъ....

ФРИЦЪ.

Какъ бы не такъ. Въ театрахъ ей знатно платили; жила бережливо, пошла играть въ карты, разбогатѣла; говорятъ вамъ, семерыхъ картежниковоъ оббрала, а лю-

бовника, нечего говорить, не замѣтили; вѣдь мы десять лѣтъ на сторожѣ.....

ВЫХОДЪ 2.

Тѣ же и ТРАУ.

ТРАУ.

Здѣсь остановился Графъ Мальвицъ?

ФРИЦЪ.

Здѣсь? А что вамъ угодно?

ТРАУ.

Я имѣю къ нему важное дѣло. Доложи!

ФРИЦЪ.

Нечего докладывать. Тутъ у насъ все: и прихожая, и гостиная. Садитесь! Придетъ! Доложите сами о себѣ....

ВЫХОДЪ 3.

Тѣ же и ГРАФЪ.

ГРАФЪ.

Фрицъ! Лошадей!

ФРИЦЪ.

Ваше Сіятельство! Хоть бы денекъ отдохнуть!

ГРАФЪ.

Отдохнешь, когда догонимъ.... Покажи афишку; можетъ быть она играетъ подъ чужимъ именемъ; можетъ быть меня обманулъ проклятый жидъ..... Нѣтъ! Каролина Бекъ..... это слишкомъ извѣстная актриса..... Проклятый жидъ!.....

ТРАУ, таинственно.

Графъ!

ГРАФЪ, сухо.

А! Здравствуйте! Что, каково идутъ ваши дѣла?

ТРАУ.

Какъ нельзя хуже. Графъ, вы не одни, а у меня есть небольшое дѣло, весьма важное для васъ.....

ГРАФЪ.

Что можетъ быть между нами общаго, Г. Трау? Одна учтивость принуждаетъ меня съ вами разговаривать; а сколько причинъ у меня ненавидѣть и презирать.....

ТРАУ.

Графъ.....

ГРАФЪ.

Тысяча талеровъ, одна тысяча талеровъ оставалась у нея; вы не умѣли ихъ выиграть; вы хотѣли высосать достояніе Амаліи; весь механизмъ гнуснаго мошенничества былъ въ дѣйствіи, и вы не могли сдѣлать ее нищею, пустить по міру и можетъ быть заставить постучаться у дверей моихъ.... Еслибы вы ограбили ее на большой дорогѣ.... я, можетъ быть, благословлялъ бы васъ, можетъ быть въ мои объятія упала бы Амалія..... Нѣтъ! Вы потеряли всѣ средства, вы раззорили всю свою шайку, всѣ деньги свои уложили въ ея почтовую коляску, обезпечили ея независимость и у меня не осталось никакой надежды. — Не видя другихъ средствъ, любя ее больше жизни моей, десять лѣтъ, постоянно, пламенно, даже смѣшно, мнѣ оставался одинъ путь къ ея сердцу. Я хотѣлъ купить ея руку. Уже пять лѣтъ я учусь отвратительнымъ способамъ; много переплатилъ я искуснѣйшимъ Италіянскимъ игрокамъ. Запершись, одинъ, цѣлыя ночи проводилъ я надъ картами, упражняя глаза и руки въ адскомъ механизмѣ; слезы мѣшали мнѣ смотрѣть, глаза горѣли, но другаго сред-

ства не оставалось; я уже былъ близокъ къ моей цѣли; она узнала о моемъ намѣреніи, спаслась бѣгствомъ и вотъ болѣе году я не вижу ее, нигдѣ не могу найти ее; попалъ наконецъ на слѣдъ, спѣшу сюда; повѣрилъ, какъ ребенокъ, можетъ быть, подкупленному жиду — и какъ ужасно обманутъ.....

ТРАУ, на ухо Графу.

Графъ! Васъ не обманули! Она здѣсь?

ГРАФЪ.

Здѣсь, она здѣсь! Г. Трау! Я дорого плачу за все, даже за шутку.....

ТРАУ.

Я и не сомнѣвался въ вашей щедрости! Нищій, по милости вашей Амаліи, я надѣялся на это извѣстіе, какъ на вѣрныя руки Маули, когда онъ не пьянъ. Графъ! мы не одни, я не могу продолжать....

ГРАФЪ.

Фрицъ! Оставь насъ!

ВЫХОДЪ 4.

ГРАФЪ и ТРАУ.

ТРАУ.

Она здѣсь; сегодня вы увидите ее въ театрѣ, но не прежде. Всѣ мѣста разобраны, заплатите вчетверо, не достанете; вотъ вамъ билетъ.....

ГРАФЪ.

Трау! Ты еще умѣешь быть сострадательнымъ! Гнусное ремесло не совсѣмъ подавило въ тебѣ человѣческія чувства. Что тебѣ дать за этотъ подарокъ?.....

ТРАУ.

Пока ничего. Мы разочтемся. Да не въ этомъ сила;

мнѣ васъ не жаль, признаюсь откровенно; вы презираете меня за недостатокъ, за страсть, глупую, преступную; вы имѣете полное право, но и я могу ли уважать сумасшедшаго? И чѣмъ ваша страсть лучше моей? Не та же ли глупость источникъ нашихъ пороковъ? Нѣтъ! Я пришелъ къ вамъ, какъ разбойникъ къ разбойнику.....

ГРАФЪ, отираетъ потъ съ лица.

Извергъ!

ТРАУ.

Теперь всѣ имена будутъ точны; мы одни. Слушайте! Подѣлимся Амаліей!

ГРАФЪ, схвативъ его за горло.

Трау! Еще одно слово.....

ТРАУ, оттолкнувъ его.

Бѣшеный! Слушай! Подѣлимся Амаліей! Мнѣ деньги, тебѣ — она!

ГРАФЪ.

О! если бы я умѣлъ вѣрить такому злодѣю, если бы даже могъ на одно мгновеніе примириться съ отлетѣвшей мечтой! Нѣтъ, она никогда не будетъ моею.....

ТРАУ, съ увѣренностію.

Будетъ! Жаль, что клятвы мои убѣждать васъ не могутъ и не должны; мы знаемъ другъ друга! Но вотъ вся моя тайна: я плачу за откровенность. Обыгранные проклятой дочерью порока, безъ гроша, я и Маули, хуже нищихъ провели нѣсколько лѣтъ; три года мы служили въ гостинницѣ простыми слугами; на небольшія заработанныя нами деньги мы покупали карты и, по вашему, и, признаюсь, съ тою же цѣлію, многія ночи на пролетъ упражнялись въ отрадномъ иску-

ствѣ. Однажды какой-то проѣзжій, влюбленный дуракъ, зоветъ Маули и умоляетъ его отвезти и тайно отдать записку одной дамѣ, за три мили отъ города..... Маули не глупъ: въ торгъ; согласился за сорокъ талеровъ; уѣхалъ. Въ моемъ нумерѣ гостей не было; запершись лежалъ я на постели, приготовленной для случайнаго гостя; играть не съ кѣмъ; свѣчки не было; лежу; началъ дремать; во снѣ карты такъ и перекидываются; кровь взволновалась; я проснулся. Вдругъ, мысль, геніяльная мысль! Я вскочилъ, побѣжалъ въ буффетъ, выпросилъ огарокъ, запираюсь, повѣряю разъ, два, тысячу разъ; — точно, никакого спасенія. О графъ! Будьте же и вы человѣкомъ. Не смѣйтесь, не ужасайтесь движеніямъ бѣшеной страсти. Я цѣловалъ мои карты, я плакалъ какъ ребенокъ, разговаривалъ съ дьяволомъ, какъ докторъ Фаустъ, плясалъ, какъ вѣдьма на Гарцѣ. Время промелькнуло молніей; слышу въ корридорѣ голосъ Маули — «Сюда, сюда!» Что такое? «Теперь я могу не дать ни одной карты.» Грустно, страшно исказилось утомленное дорогою лице бѣднаго Маули. Онъ посмотрѣлъ на меня съ отчаяннымъ состраданіемъ и схватилъ меня одной рукой за руку, другой за голову. Добрый другъ! Первая мысль — не сошелъ ли я съ ума... Трудно мнѣ было его успокоить; но когда мы заперлись, когда неисчетное число картъ, поставленныхъ Маули, были убиты... О! Вообразите себѣ ту минуту, когда впервые Амалія будетъ въ вашихъ объятіяхъ!

ГРАФЪ.

Трау, пощади меня!

ТРАУ.

Представьте себѣ блаженство, какое только можетъ умѣститься въ вашемъ воображенiи! Нашъ восторгъ превосходилъ счастiе безумца; мы бросились другъ другу въ объятiя и радостныя слезы впервые брызнули изъ красныхъ очей. На утро мы оставили гостинницу, мы уже считали себя богачами; но на сорокъ талеровъ мы не могли заманить никого; между тѣмъ и самый капиталъ нашъ, при всей бережливости, каждый день уменьшался. Сегодня шестой день послѣ открытiя Америки, и кладъ уже началъ тяготить насъ. Какъ вдругъ, вчера ввечеру, у старой гостинницы, гдѣ пристаютъ и питаются только нищiе и бѣглецы, мы видимъ знакомаго слугу.... Невольно въ одно и то же мгновенiе мы оба улыбнулись и, глядя другъ на друга, съ невыразимымъ удовольствiемъ, прошептали «судьба»! Точно, мы не обманулись. Это была Амалiя. Мы узнали ея лакея. Въ гостинницу; она уже въ нумерѣ; мы къ ней; она разговаривала съ хозяиномъ и распрашивала объ васъ.

ГРАФЪ.

Обо мнѣ?....

ТРАУ.

Именно, объ васъ. Приказала нанять слугу, который бы вездѣ распрашивалъ объ васъ, и какъ только узнаетъ о вашемъ прiѣздѣ, бѣжалъ бы за лошадьми.

Мы вошли; Амалiя затрепетала! Правда, совѣстно было и смотрѣть на насъ, особенно ей; мы походили на лакеевъ, прогнанныхъ хозяиномъ поутру, когда они не успѣли еще нарядиться въ порядочное платье. «Конечно, вы не ожидали насъ видѣть?» сказалъ Маули. —

«И особенно въ такомъ народѣ» смутясь, отвѣчала она. «По вашей милости, по вашей милости», продолжалъ Маули. «Но мы надѣемся завтра же получить деньги отъ графа Мальвица, сообщивъ ему весьма важное извѣстіе!» Амалія догадалась, вспыхнула, вскочила со стула и съ необыкновенной поспѣшностію сказала: «Господа! за это извѣстіе вѣрно графъ Мальвицъ не дастъ больше ста талеровъ; вотъ они! Только спасите меня отъ его преслѣдованій!»

ГРАФЪ.

Странная женщина!

ТРАУ.

Маули если бы не былъ моимъ товарищемъ, то вѣрно бы сидѣлъ совѣтникомъ въ какомъ нибудь политическомъ комитетѣ. «Благодаримъ васъ, сказалъ онъ съ достоинствомъ, но мы не привыкли къ милостыни; деньги беремъ, но взаймы; благодарность заставляетъ исполнить ваше желаніе; но эти деньги сегодня же ночью будутъ проиграны, или приведутъ многочисленныхъ плѣнниковъ. Но простите моему удивленію; я не могу понять, какимъ образомъ графъ Мальвицъ могъ поселить въ васъ такое къ себѣ отвращеніе!»

«Отвращеніе! Отвращеніе! сказала она. Да, я питала къ нему это чувство, и не убѣгала отъ него; но десятилѣтняя приверженность можетъ тронуть каменное сердце. Я слишкомъ дорожу моею независимостью; для свободы я оставила театръ. Завтра послѣдняя жертва, справедливѣе сказать, упрекъ, мщеніе.... и то капризъ моей независимости; пока у меня есть состояніе, я могу сохранить мое счастіе....

ГРАФЪ.

Трау, Трау, все ли сказалъ ты?

ТРАУ.

Нѣтъ! Не все! Замѣчаете ли, она васъ любитъ.....

ГРАФЪ.

Трау! Я озолочу тебя, если это правда!

ТРАУ.

Вполовину, пока у ней деньги семи моихъ товарищей; отнимемъ у нея состоянiе и она — ваша.....

ГРАФЪ.

Но какъ.....

ТРАУ.

Садитесь, графъ! (*Вынимаетъ изъ кармана карты.*)

ГРАФЪ.

Прочь соблазнитель!

ТРАУ.

Безъ денегъ, безъ денегъ! Вы ни чѣмъ не рискуете! Ставьте семь картъ. Теперь тасуйте, какъ хотите, мою колоду, снимите нѣсколько разъ; мечите сами; разъ!

ГРАФЪ, мечетъ.

Убита!

ТРАУ.

Два, три, четыре.

ГРАФЪ.

Удивительно!

ТРАУ.

Пять, шесть, семь!

ГРАФЪ.

Что за дьявольщина?

ТРАУ, съ гордостью.

Дьявольщина! Нѣтъ, величайшій подвигъ ума! Ставьте теперь какъ хотите!

(Графъ ставитъ карты, Трау мечетъ.)

ГРАФЪ.

Это непостижимо! Но какимъ образомъ?

ТРАУ.

Какимъ образомъ? Этого не знаетъ даже Маули, и если у меня когда нибудь будетъ жена, дѣти, я унесу мою тайну въ могилу и не отдамъ никому такого ужаснаго наслѣдства. Но не о томъ рѣчь. Вы видѣли, убѣдились? Дайте же мнѣ теперь пять или шесть тысячъ талеровъ взаймы; завтра я вамъ ихъ отдамъ, вмѣстѣ съ Амаліею.

ГРАФЪ.

Тебѣ, первому плуту.....

ТРАУ.

И вотъ благодарность! Я увѣренъ, что завтра вы мнѣ подарите вдвое больше, а сегодня боитесь дать въ займы, подъ вѣрный залогъ.....

ГРАФЪ.

Какой залогъ! Это что?

ТРАУ.

Наши паспорты. Въ случаѣ малѣйшей измѣны вы можете сжечь наши паспорты и объявить насъ бродягами. Видите, я больше вѣрю вашей честности.....

ГРАФЪ.

Но если обыгранная догадается и вмѣсто любви, наградитъ меня за десять лѣтъ мученій — справедливымъ презрѣніемъ.

ТРАУ.

Это какимъ образомъ? Впрочемъ юакъ хотите. Зна только одно. Если мы не обыграемъ ее еще сегодняшнею ночью, завтра вы уже не будете знать, куда уѣхала Амалія. Тогда уже и Трау и Маули должны принять ея сторону.

ГРАФЪ.

Давай паспорты!

ТРАУ.

Давайте деньги!

ГРАФЪ.

Но если она узнаетъ..... то клянусь прахомъ отца моего.....

ТРАУ.

Поменьше угрозъ, побольше денегъ и довѣренности.....

ГРАФЪ, беретъ свой бумажникъ и шляпу.

Черезъ часъ ты получишь деньги.....

ТРАУ, провожая его.

Черезъ двадцать четыре часа вы получите Амалію или Маули — оселъ, а Трау открылъ Америку — во снѣ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Уборная Иффланда въ Брауншвейгскомъ театрѣ.

ВЫХОДЪ 1.

ИФФЛАНДЪ и БЕЙЛЬ.

БЕЙЛЬ.

Что же ты не одѣваешься?

ИФФЛАНДЪ.

Нельзя; жду Лейзевица, вѣрно зайдетъ.

БЕЙЛЬ.

Кто? Этотъ надворный совѣтникъ, полуминистръ? Онъ презрѣлъ поэзію, ты ожидаешь отъ него уваженія къ актерамъ?

ИФФЛАНДЪ.

Ожидаю, любезный Давидъ, и можетъ быть въ душѣ моей требую. Но отъ чего ты такъ спѣшишь представленіемъ? Вѣрно сманили тебя какіе нибудь новые друзья. Добрый Бейль! Опять въ карты.....

БЕЙЛЬ, съ примѣтнымъ неудовольствіемъ.

Боже сохрани! Нѣтъ. Такъ Я видѣлъ сегодня старую знакомую; да, полно, перестань..... Вѣчные распросы.... Одѣвайся. Ручаюсь, что этотъ ренегатъ литературный не придетъ.....

ВЫХОДЪ 2.

Тѣ же, ШИЛЛЕРЪ и ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

ШИЛЛЕРЪ, отворяя дверь.

Можно ли?

ИФФЛАНДЪ.

Войдите, сдѣлайте одолженіе.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Мы на одно мгновенье! Я просилъ моего молодаго друга провести меня въ вашу уборную? Я никогда не бывалъ въ этихъ вертепахъ, даже когда Лессингъ ставилъ моего Юлія.....

БЕЙЛЬ.

Вертепъ..... Вертепъ..... вы вѣрно давно оставили перо литератора, не заглядывали въ книги?..... Говорится: «Вертепъ разбойниковъ, мошенниковъ,» но наши

бѣдныя уборныя, гдѣ мы приготовляемся быть обезьянами неблагодарныхъ мечтателей.....

ШИЛЛЕРЪ, Иффланду.

Чѣмъ онъ обидѣлся?

ИФФЛАНДЪ.

Мой добрый Бейль вѣрно имѣлъ сегодня непріятную исторію съ какимъ нибудь полупьянымъ сынкомъ богатаго графа; по привычкѣ хлеснулъ его эпиграммой; а тотъ неучтиво напомнилъ ему наше несчастное сословіе.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Это господинъ Бейль? Познакомьте насъ?

ИФФЛАНДЪ.

Нѣтъ ничего легче, у него каждый день новые друзья, но я убѣжденъ, что ваше знакомство не доставитъ ему лишняго друга — врага.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, Бейлю.

Позвольте увѣрить васъ въ искреннемъ уваженіи; съ нетерпѣніемъ я жду минуты, когда васъ увижу сначала на сценѣ, а потомъ у себя въ домѣ.....

ИФФЛАНДЪ.

Вотъ видишь, сороколѣтній повѣса! Г. Лейзевицъ уважаетъ актеровъ.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

А вы сомнѣвались?

БЕЙЛЬ.

Простите, сомнѣвался. Вамъ развѣ неизвѣстно, какъ смотрятъ въ Германіи на наше сословіе? Эти распудренные попугаи въ полосатыхъ чулкахъ, подадутъ ли руку знаменитѣйшему актеру въ публичномъ мѣстѣ? Эти

дамы, которыя никогда не сходятъ съ комической сцены и не снимаютъ ложнаго костюма, удостоятъ ли словомъ Каролину Бекъ, образецъ искуства и нравственности? Не похожи ли мы на племя Паріи, отверженное, огороженное предразсудками свѣта, какъ зачумленный кварталъ города? Кто отважится посѣтить насъ, не боится ли говорить объ этомъ сестрѣ, знакомой дамѣ, какъ будто онъ былъ въ игорной залѣ?

ИФФЛАНДЪ.

Бейль правъ! Земледѣльцу нѣтъ презрѣнія; нѣтъ презрѣнія ни одному сословію, кромѣ насъ? И за что насъ смѣшали съ плясунами на канатѣ, и за что насъ заставляютъ кочевать какъ цыганъ, уединяться въ собственномъ обществѣ; мы должны избѣгать презрительной улыбки глупца, дерзости сластолюбца, невнимательности даже магистратовъ и Германской полиціи. Какъ журавли, мы въ вѣчномъ походѣ; на могилахъ нашихъ предшественниковъ нѣтъ крестовъ; они спятъ не на кладбищахъ.

ШИЛЛЕРЪ.

Помилуйте, Иффландъ, вамъ ли это говорить? Васъ ли не уважаютъ не только всѣ сословія, но даже державные герцоги и графы. Не вамъ ли Король Прусскій предлагаетъ званіе директора всѣхъ его театровъ и орденъ краснаго орла? (*) Предразсудки уничтожились въ просвѣщенномъ классѣ людей, а если невѣжество не умѣетъ различить поэта отъ нищаго съ бандурой, музыканта отъ слѣпаго уличнаго скрипача, живописца отъ

(*) Впослѣдствіи данный Иффланду.

комнатнаго маляра, актера отъ паяцца, стóитъ ли объ этомъ заботиться, огорчаться... Вы, Богъ знаетъ, за чѣмъ удержали меня отъ этого поприща, а сами ополчились такъ побѣдительно противу предразсудка, который питало столько столѣтій; не вамъ ли принадлежитъ слава возвращенія цѣлому сословію, можетъ быть произвольно, утраченныхъ правъ.....

ИФФЛАНДЪ.

Произвольно, совершенно произвольно! Всѣ низкія страсти, даже такія, которыхъ нѣтъ въ самомъ обществѣ, живутъ у насъ, — и безъ маски; ихъ сдѣлали законными беззаконные обычаи; намъ даютъ, мы беремъ больше денегъ, нежели сколько нужно; какъ будто платятъ за наше безславіе; наши лишенія мы стараемся вознаградить пагубной вольностью домашней нравственности; какъ будто хотимъ этимъ залечить раны, нанесенныя сосѣдями оскорбителями; и не имѣя достаточно нравственной силы, — побѣдительно дѣйствовать на общество, мы стараемся поддѣлаться подъ вкусъ, подъ мнѣнія нашего тирана.

БЕЙЛЪ.

О! не говорите! Прежде я игрывалъ вельможъ, но когда всмотрѣлся въ наше положеніе, не хочу играть даже простыхъ дворянъ; невольно тянетъ въ карикатуру; сарказмы сами подскакиваютъ подъ слова твердо заученной роли; я ихъ бросаю въ глаза моимъ врагамъ, они считаютъ мой вызовъ — шуткой; смѣются, довольны и часто бѣшенство заглушаетъ слова роли дурака, который въ пьесѣ и думать не умѣетъ.

ИФФЛАНДЪ.

Бейль! Ты достоинъ своей участи! Ты высокомѣренъ! Ты оскорбилъ многихъ истинно просвѣщенныхъ людей безмѣрнымъ самолюбіемъ; повѣрите ли, Г. Лейзевицъ, онъ разъ по имени назвалъ одного своего критика и украсилъ его приличнымъ эпитетомъ; другой разъ въ рецензента, который давно ему надоѣлъ своими нелѣпыми требованіями и дѣйствительно былъ глупый педантъ, недоученый студентъ, Бейль бросилъ въ него деревяннымъ апельсиномъ со сцены, замѣтивъ, что онъ не раздѣляетъ всеобщаго къ нему восторга и не хлопаетъ, — и прибавилъ: «Вотъ эпиграмма — мѣткая и вполнѣ достойная столь ученаго критика.» Публика будто умерла, такъ стало тихо; черезъ секунду все расхохоталось до такой степени, что не было возможности продолжать пьесы; самъ начальникъ полиціи, который пришелъ объясниться съ Бейлемъ, долго не могъ отъ смѣха сдѣлать выговора и арестовать нарушителя порядка.... Послѣ этого онъ требуетъ уваженія; въ какой порядочный домъ можно допустить человѣка, когда всякій считаетъ его дерзкимъ шутомъ и боится.

БЕЙЛЬ.

Замѣтьте, Г. Лейзевицъ! Иффландъ пятью годами моложе меня и я сношу подобныя дерзости.

ИФФЛАНДЪ.

И будешь сносить пока я живъ, а ты со мной, и будешь слушаться, и сегодня не пойдешь играть въ карты къ Амаліи Клейнъ.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, поблѣднѣвъ.

Амалія! Развѣ она здѣсь ...

ИФФЛАНДЪ, Бейлю.

Чортъ побери тебя, Бейль. Чуть было ты не разрушилъ всего сюрприза. (*громко*) Здѣсь, Г. Лейзевицъ! Здѣсь! Я не знаю, благодарить ли васъ или упрекать за поступокъ съ Амаліей. Она любила васъ! Простите! У насъ подобныя происшествія такъ обыкновенны; она любила васъ и готова была принести всѣ возможныя жертвы, лишь бы Лейзевицъ принялъ ея любовь; она считала все позволеннымъ, но только для васъ; въ любви ея еще черта достойная всеобщей благодарности; она надѣялась счастливаго любовника приковать къ сценѣ и переселить его за кулисы съ перомъ въ рукахъ.... Но вы не могли любить ее.... Вы страшнымъ словомъ, котораго никогда не проститъ женщина, лишили чувствъ Амалію; вы убѣжали; оставили въ обморокѣ безпомощную слабую женщину.... Утромъ она перестала быть актрисой; стыдъ вчерашняго признанія окаменилъ ее сердце, уничтожилъ въ ней всѣ женскія страсти... Она въ замѣнъ всѣхъ утраченныхъ чувствъ, сохранила одно..... Богъ вамъ судья, благородный человѣкъ, вы не хотѣли походить на враговъ нашихъ, вы хотѣли и въ актрисѣ уважать полъ и нравственность; такъ, благородный, честный Лейзевицъ... Она сдѣлалась картежницей и на всегда...

ШИЛЛЕРЪ, обнявъ Лейзевица.

Нельзя, не должно преступленіемъ спасать отъ преступленія.....

ИФФЛАНДЪ.

О простите, простите, утѣшитель человѣчества! Потеdя Германскаго театра въ Амаліи была слишкомъ вели-

ка..... Я не могъ, и не умѣлъ скрыть моей печали; еще одно оправданіе, Г. Лейзевицъ; я упрекалъ ее, я писалъ къ ней письма во всѣ концы Европы; отвѣты ея только оскорбляли меня, но вчера, она впервые нашла наперсника, и это сердце приняло половину горестей.... Простите, простите моей нескромности!! Что съ вами, Г. Лейзевицъ!

(Блѣднаго Лейзевица сажаютъ въ кресла.)

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, ловитъ ихъ руки.

Друзья мои! Я любилъ ее.

ВСѢ.

Вы любили ее!

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Безумно! Ужасъ, не презрѣніе, какъ пламя охватилъ меня въ ея объятіяхъ! Боже великій, страшно признаться, демонъ сомнѣній шепнулъ мнѣ роковое слово; я не вѣрилъ ея невинности; отъ нея выходилъ такъ поздно Жоржъ, рѣчи ея такъ были похожи на роль.... Долго, долго я страдалъ послѣ этого свиданія; и теперь еще..... О спасите меня..... я женатъ.... у меня есть дѣти.... .

ВЫХОДЪ 3.

Тѣ же и ДИРЕКТОРЪ.

ДИРЕКТОРЪ, отворивъ двери.

Господа, пора начинать.....

(Видъ на сцену; Амалія въ одеждѣ монахини ходитъ по сценѣ.)

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Что я вижу!.... Шиллеръ, Шиллеръ, уведите меня изъ этого вертепа.

(Амалія исчезаетъ за кулисами.)

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, уходя за Шиллеромъ.

Безумецъ! Я мечталъ, что воображеніе мое на вѣки уснуло, что страшные призраки....

ШИЛЛЕРЪ.

Не туда, не туда, Г. Лейзевицъ.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Спасайте меня! Это ваше дѣло! Ваше предназначеніе!

ВЫХОДЪ 4.

БЕЙЛЬ и ИФФЛАНДЪ.

БЕЙЛЬ.

Онъ увидѣлъ Амалію. Что̀, если догадается?

ИФФЛАНДЪ.

Одѣваться! Мы не дадимъ ему опомниться!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Внутренность Брауншвейгскаго театра; герцогская ложа устроена по серединѣ залы; по бокамъ, надъ и подъ ложею — амфитеатръ. Небольшой оркестръ. Занавѣсъ опущена, Въ залѣ освѣщеніе весьма слабое, едва можно различить лица. Весь свѣтъ обращенъ на сцену. Въ ложѣ герцогъ, герцогиня и наслѣдный принцъ Брауншвейгскіе; два принца Нассау-Оранскіе, Лейзевицъ, жена его, Шиллеръ, и нѣсколько придворныхъ дамъ и мужчинъ. Музыка играетъ симфонію. Въ половинѣ симфоніи выходитъ Бейль изъ-за занавѣса въ длинномъ гороховомъ сюртукѣ, скрывающемъ его настоящій костюмъ.

ВЫХОДЪ 1.

БЕЙЛЬ.

Почтеннѣйшая публика! Возвѣщенная трагедія «Коварство и любовь» по особенно важной причинѣ, (*въ полголоса*) Господа, не приказано говорить, но вы всѣ знаете эту важную причину, (*снова громко и важно*) дана быть не можетъ. Вмѣсто оной, Мангеймскіе артисты

исполнять знаменитую трагедію: Юлій Тарентскій, сочиненіе господина Іоанна.

(Аплодиссементъ заглушаетъ его.)

ПУБЛИКА.

Да здравствуетъ Лейзевицъ и да цвѣтетъ его потомство!

БЕЙЛЬ.

..... Трагедію Юлій Тарентскій.....

(Снова крики и аплодиссементы.)

Господа! Неучтиво перебивать рѣчь; будьте вѣжливы и слушайте; я вамъ скажу весьма много важнаго.... Во первыхъ мы будемъ играть сегодня (*скороговоркой*) Юлія Тарентскаго, трагедію въ пяти актахъ, сочиненіе Іоанна Антона Лейзевица.... (*опять медленно*) А такъ какъ ваши старыя афишки не годятся, то я пожалуй на сегодня могу вамъ предложить свои услуги. Записывайте, кто не надѣется на свою память (*Многіе вынимаютъ бумажники и записываютъ.*)

Константина, князя Тарентскаго, играю — *я*; (*кланяется*) Бейль, за неимѣніемъ лучшаго. Юлія — Иффландъ. Гидо — Бекъ. Архіепископа — Шноръ, за неимѣніемъ худшаго. Графиню Цецилію Нигретти — Каролина Бекъ.

ВСѢ.

Кто же будетъ играть Бланку, Бланку....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, хватаетъ за руку Шиллера.

Я уйду Шиллеръ!....

БЕЙЛЬ.

Графа Аспермонте — хотѣлъ играть Бейль, но его пожаловали въ князья, а въ графы произведенъ мой кумъ

— Тюхтигъ. Игуменью — дѣвица, comme de raison, Икъ. Врача — Масъ....

ВСѢ.

Но Бланку? Бланку?.....

БЕЙЛЬ.

Нѣкому! Хоть зарѣжьте, было нѣкому. Выписали изъ Италіи актрису, давно оставившую сцену.... Амалію Клейнъ....

(Громогласное браво!)

ШИЛЛЕРЪ, поблѣднѣвшему Лейзевицу.

Скрѣпите ваше сердце! Ваша блѣдность можетъ обратить вниманіе....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, схвативъ и цѣлуя руку жены.

Добрая Луиза, я счастливъ! Не вѣрь моей блѣдности, холоду рукъ; я здоровъ, я счастливъ....

(Всѣ въ ложѣ смотрятъ съ изумленіемъ на Лейзевица.)

БЕЙЛЬ, громогласно.

Амалія Клейнъ!

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, вскочивъ съ мѣста.

Какой онъ нахалъ! Неужели Мангеймъ терпитъ подобныя шутки?

БЕЙЛЬ.

Амалія Клейнъ! Но афишка еще не кончена. Въ заключеніе спектакля артисты произнесутъ благодарственныя рѣчи, разумѣется тѣ, которыхъ вызовутъ. Меня прошу не безпокоить, потому, что я не приготовилъ ни слова, а in promptu говорить не умѣю. Все! Теперь вы можете предаться вашимъ восторгамъ, сколько угодно, и я первый вамъ помогу: Да здравствуетъ, Лейзевицъ!

(Толпа повторяетъ восклицаніе съ необыкновеннымъ восторгомъ. Бейль уходитъ. Оркестръ продолжаетъ симфонію.)

ЛУИЗА.

Что съ тобой сдѣлалось, мой милый другъ!

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Я говорилъ тебѣ, Луиза, что мнѣ принесутъ сегодня еще весьма много огорченій..... Они не кончились..... А вотъ и Иффландъ!

(Занавѣсъ подымается; мертвая тишина. На сценѣ представлена галлерея княжескаго дворца въ Тарентѣ. Выходятъ — Юлій, Иффландъ и Аспермонте — Тюхтигъ.)

АСПЕРМОНТЕ.

«Непостижимо! Вы было совершенно исцѣлились «отъ любви, даже меланхолія исчезла; весь этотъ мѣ-«сяцъ прошелъ такъ покойно»..... и проч. (*)

(*) Объ этомъ представленіи мы имѣемъ весьма достовѣрное извѣстіе. Не смотря на опасенія трехъ новыхъ друзей Лейзевица, онъ во все продолженіе пьесы сохранилъ совершенное хладнокровіе и полное присутствіе духа; шутилъ съ женой, съ герцогиней и съ своими учениками; выходъ Амаліи во второмъ актѣ не произвелъ на него ни какого видимаго впечатлѣнія, такъ, что поведеніе Лейзевица въ этотъ разъ совершенно испортило мою сцену; спектакль кончился, согласно съ предсказаніемъ Бейля, благодарственными рѣчами Иффланда и Амаліи, которая также на бѣду мою, вела себя слишкомъ благоразумно. Зрители разошлись въ полномъ восторгѣ; Лейзевицъ благодарилъ своихъ покровителей за все вниманіе ихъ съ полною признательностью, простился съ друзьями и Шиллеромъ весьма ласково и ушелъ съ женой домой пѣшкомъ, такъ спокойно, какъ будто ничто особенное въ этотъ день не возмутило его сердца. Шиллеръ пошелъ къ Иффланду; Бейль къ Амаліи; графа Мальвица, Трау и Маули насильно оттащили отъ подъѣзда, на который должна была вытти Амалія и проводили до его комнаты. — Ночь скоро усыпила Брауншвейгъ; въ одномъ только окнѣ виденъ былъ свѣтъ, именно въ кабинетѣ Лейзевица, куда мы попросимъ мысленно перейти и нашихъ читателей.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО АКТА.

АКТЪ ПЯТЫЙ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Кабинетъ Лейзевица; шкафы съ книгами вокругъ стѣнъ. По срединѣ большой столъ; на немъ прямо противу креселъ бюстъ Лессинга; на столѣ восемнадцать весьма обширныхъ in magno folio черныхъ сафьянныхъ футляровъ съ замками; почти всѣ отперты, множество тетрадей разложено по столу. Свѣчи горятъ въ разныхъ мѣстахъ кабинета. На дворѣ уже давно разсвѣло.

ВЫХОДЪ 1.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, сидитъ въ креслахъ и погруженъ въ чтеніе одной тетради..... Переставъ читать.

Нѣтъ! Ни когда бы я не былъ хорошимъ историкомъ. Драма жила въ крови моей; что̀ бы сказалъ Лессингъ, если бы я ему прочелъ мою Агриппину, или Германна, или какую нибудь изъ семи моихъ трагедій! Признаюсь, этотъ вопросъ заставляетъ меня иногда сожалѣть о забавномъ обѣщаніи; но, благодареніе Богу, эти минуты рѣдки, и не смущаютъ полноты моего счастія!

Прошла пора, когда люди вооружались противъ меня на театрахъ, въ обществахъ, даже въ церквахъ. Добрый пасторъ! Цѣлую проповѣдь о зарытомъ талантѣ!.... Но съ помощію Бога, во имя котораго онъ обвинялъ меня, я могъ оправдать себя лучшими подвигами. Всегда на глазахъ людей — я успѣлъ убѣ-

дить ихъ, что дѣятельность моя слишкомъ обширна, что у меня нѣтъ времени предаваться безполезнымъ, но сладостнымъ бесѣдамъ съ Музой.....

Сладостнымъ!..... Боже великій, какіе памятники передъ моими глазами! Я сравниваю мою Музу съ Елеонорой Гвіенской! Цари гордились ея любовью; Великіе Міра сего — торжествовали шумными праздниками, великолѣпными турнирами, смертію, кровію — перемѣны любимцевъ. Тщеславіе Раймонда — вотъ поэтическая слава!

Нѣтъ, знаменитые рыцари и бароны, вы не были счастливы! Какъ убійственно измѣняла вамъ новая Клеопатра; какъ смертельно оскорблялъ васъ торжествующій соперникъ; какъ стыдно, какъ больно встрѣчались вы съ нею, когда на легкомъ конѣ, передъ толпою очарованныхъ рыцарей, въ присутствіи обманутаго супруга, Елеонора отличала новаго любимца и все ласкало его, глотая зависть и презрѣніе...

Но былъ счастливецъ, кому прекрасная дарила втайнѣ, искренно, съ полною, безумною любовью волшебныя бесѣды, упоительныя свиданья; глаза ревнивыхъ соперниковъ не видѣли его, а онъ неотлучно слѣдовалъ за Музой и тайно радовался переворотамъ тщеславія; онъ не возносился и не боялся паденія; для него только понятенъ былъ вполнѣ каждый взоръ, улыбка, слово Елеоноры; смерть подошла къ нему и сказала: «Разочтемся: ты былъ безвѣстенъ, за то блаженствовалъ; ты былъ достоинъ тайной и неизмѣнной любви, потому, что ты умѣлъ сохранить ее втайнѣ и понялъ, что тщеславіе не умножаетъ блаженства; пора; всему есть

предѣлы»... О какъ спокойно выслушалъ счастливецъ для другихъ столь ужасный приговоръ! «Постой, отвѣчаетъ онъ спокойно; у меня есть дѣти; я сковалъ ихъ уста клятвой, но я умру, и честь Елеоноры.... Нѣтъ! Они должны умереть со мною. Унеси насъ вмѣстѣ»... Исчезли..... И даже исторія не знаетъ, кто былъ счастливецъ, и гдѣ его дѣти; современники замѣтили въ очахъ Елеоноры слезы нѣсколько дней сряду; искали и не находили причины; умирающія уста благодарили кого-то за продолжительную тайну; и все поглотила могила.....

И эта мысль — гордость, тщеславіе (*оглядывается*).

Но кто обвинитъ меня?....

—

Странное дѣло! седьмой нумеръ вѣчно на верху.... Какъ будто упрекаетъ меня, за чѣмъ я не кончилъ; правда; оставалось двѣ, три главы.... Нѣтъ ни чего труднѣе конца. Не только въ происшествіи, въ словахъ даже надо отыскать эту окончательную тяжесть, вѣсъ, громъ. Шиллеръ хорошо окончилъ своего Донъ Карлоса....

—

Восемнадцатый нумеръ почти пустъ. Мало еще матеріаловъ; а это займетъ меня лѣтъ на десять. И какъ это Богъ хорошо располагаетъ лѣстницу нашего трудолюбія; какую исторію напишетъ двадцатилѣтній юноша, какую оду — сорокалѣтній резонеръ, какую трагедію — глубокомыслящій старецъ, кому опытъ обнажилъ пути человѣческой дѣятельности и поселилъ не соболѣзнованіе, но презрѣніе къ страстямъ....

—

Элеонора въ дни юности безумно любила счастливца, и рѣчи ихъ бесѣдъ заключали вѣрно болѣе лирическаго восторга, нежели оды Руссо; въ дни зрѣлаго возраста о чемъ ихъ бесѣды? Отчетъ въ безумной когда-то страсти, разборъ жизни, дума зрѣлая какъ противодѣйствовать морю несчастій, готовыхъ обрушиться; и наконецъ финалъ — торжество въ надежной пристани; вотъ предметы ихъ драматически-дружескихъ бесѣдъ; но въ старцѣ кого любила она? — Отца дѣтей своихъ, исторію прошедшаго....

Нѣтъ, мнѣ не писать еще исторіи! Вотъ по чему ты пустъ, мой восемнадцатый! Будемъ, другъ, собирать, копить матеріалы; нашъ возрастъ — драматическій, встрѣтимъ трагедію, и не одну еще, пока не придетъ за мною и за вами — великая смерть....

Лира, драма, исторія — три возраста, а Муза одна! Клянусь небомъ, Муза новаго міра единственна! Прости, великій Лессингъ! Но я не отдамъ ее за всѣ девять древнихъ Музъ, съ самимъ Аполлономъ. Тамъ раздѣльное чувство, тамъ много алтарей, а наше счастіе такъ цѣльно, такъ невозмутимо ....

А вчера?.... Какъ люди искусно вооружились противу моего спокойствія; составили обдуманно опасный заговоръ; напомнили блаженство шумнаго пира юности; позлатили воспоминанія.... я колебался; имъ хотѣлось унизить мою гордость; успѣли; успѣли — и цѣлая ночь на кладбищѣ моей умственной дѣятельности, емежду могилъ живѣйшихъ ощущеній всей моей жизни два могила успокоить волненіе злопамятнаго духа... ,

Но если Амалія дѣйствительно обняла смертельный грѣхъ, и я, хотя и невольно столкнулъ ее въ эту пропасть.... мнѣ остается исповѣдать вину передъ Господомъ, молиться новыми благотвореніями и просить твердости....

Твердости? Да! У меня еще много враговъ..... шумъ.... люди дали покой Лейзевицу только въ день его рожденія; но страшный день прошелъ, – они опять стучатся въ дверь и безстыдно просятъ помощи — у человѣка!

(Собираетъ и запираетъ портфели, устанавливаетъ все въ шкафъ, запираетъ одну дверь; на оборотѣ полки съ разными книгами, потомъ другая дверь со стеклами).

Я и не замѣтилъ. Солнце взошло.... Это, вѣрно, добрый мой Себастіанъ убираетъ въ прихожей.....

ВЫХОДЪ 2.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ и СЕБАСТІАНЪ.

СЕБАСТІАНЪ.

А! Вы не спите! Не спали! Свѣчки догорѣли! Эхъ, баринъ, далеко ли до пожара?... (*тушитъ*) Тамъ пришла несчастная женщина....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Чего же ты медлишь?

СЕБАСТІАНЪ.

Я думалъ, вы спите! Вчера такъ васъ славно уходили; устали, я думалъ, а нечего дѣлать. Вы мнѣ сказали: «Врачи и Лейзевицъ отказались отъ права спать когда имъ угодно;» иду васъ разбудить.... А вы....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Ну, видишь, мой другъ, я не сплю! Исполняй же и ты свою должность....

СЕБАСТІАНЪ, уходя.

Иду, иду! Нашъ домъ точно аптека! Когда хочешь, приходи! Себастіанъ всегда на ногахъ, слово порошки дѣлаетъ, а господинъ аптекарь.....

ВЫХОДЪ 3.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, одѣваясь.

Аптека! Тебѣ досадно, что всѣ лекарства у насъ даромъ, потому, что самимъ ничего не стòятъ..... (*къ зеркалу*) Что значитъ привычка? Какъ будто выспался, глаза безъ красноты; волоса въ порядкѣ....

ВЫХОДЪ 4.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ и АМАЛІЯ.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, оборачиваясь.

Боже великій! Этого я не ожидалъ....

АМАЛІЯ, покраснѣвъ.

Конечно, Г. Лейзевицъ! Я и сама не знаю чтò дѣлаю, не лучше ли мнѣ воротиться.... (*молчаніе*)

Въ самомъ дѣлѣ, это униженіе!.... Прощайте, благородный мой мучитель; я васъ обезпокоила, но вы сами виноваты; впередъ не довѣряйте актерамъ. Вамъ измѣнили....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Амалія! Какой ужасный умыселъ! Вы забыли, что сердце мое имѣетъ законнаго властелина, что Богъ укрѣпилъ нашу связь дѣтьми!...

АМАЛІЯ, закрывъ лицо руками.

О! Я сгорю отъ стыда! За кого вы меня принимаете!... Нѣтъ! Я оставила васъ, Лейзевицъ, когда молодость и красота могли побѣдительно соперничествовать съ первѣйшими красавицами Германіи, когда душа моя не облита была адскою страстію, которая лишила меня всего.... кромѣ способности проклинать себя и человѣчество! Тогда я имѣла возможность преслѣдовать ваше сердце, а теперь я хотѣла обратиться къ вамъ, какъ къ государственному сановнику и старому знакомому....

(Лейзевицъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ.)

Нѣтъ! Ваша помощь отяготитъ только совѣсть мою, а ей такъ тяжело; у меня остался путь ко спасенію, честный, хотя и ненавистный; блистательное ярмо украситъ непокорную, мятежную противницу семейственной жизни; — лучше умереть въ клѣткѣ безъ пѣсень, нежели на волѣ пѣть подъ окномъ вашимъ о милостынѣ.... Прощайте! Я къ вамъ пріѣду, къ вашей женѣ, вамъ будетъ пріятно видѣть меня въ блескѣ несчастія! Я докажу вамъ, что я незлопамятна....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Амалія, ради Бога, что съ вами?

АМАЛІЯ.

По какому праву этотъ вопросъ? Вы хотите, чтобы беззащитная, нищая женщина стала молить васъ о помощи. Вамъ будетъ стыдно подарить мнѣ то, что вы расточаете разбойникамъ! Благодѣяніе, сдѣланное Амаліи, не украситъ вашего тщеславія новымъ подвигомъ. Что скажетъ жена ваша, герцогъ, сограждане? Они улыбнутся *такъ*, что вы потеряете охоту къ благотво-

реніямъ. Теперь еще вы безъ причины питаете ко мнѣ ненависть; но тогда.... тогда.... сколько разъ уста ваши произнесутъ проклятіе Амаліи? Нѣтъ! Я лучше васъ. Я не разрушу во второй разъ второй стихіи вашего существованія! Если вы могли обвинять меня въ Гамбургѣ, что я лишила васъ поэзіи, то да не падетъ на меня упрекъ Германіи, что я отвратила сердце ваше отъ благотворительности....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Именемъ всемогущаго Бога, успокойтесь! Въ вашихъ рѣчахъ я слышу отчаянье! Что вамъ нужно? Скажите, я исполню мой долгъ....

АМАЛІЯ.

Скажу, скажу, но съ тѣмъ, чтобы тронуть ваше сердце. Да, отчаянье привело меня въ вашъ домъ; какъ во снѣ я прибѣжала къ Лейзевицу, котораго я любила и можетъ быть.... Слова Иффланда меня обманули. — Я встрѣтила холодное презрѣніе, оскорбительное равнодушіе, пробудилась, но отчаяніе перешло изъ сердца на уста.. .. Слушайте! Я васъ любила, не переставала любить, ушла на край свѣта, услышавъ о вашемъ частіи; но когда глупый разсудокъ убѣдилъ меня, что страсть моя миновалась, когда случайно я пріѣхала въ Брауншвейгъ на канунѣ вашего рожденія, когда Иффландъ предложилъ мнѣ участвовать въ представленіи.... все воскресло! Ваше признаніе Иффланду довершило мое блаженство; но я хотѣла сохранить ваше спокойствіе; въ это мгновеніе я должна была уѣхать далеко и навсегда; но въ эту же ночь, ужасную ночь, я лишилась всего моего состоянія; мало; къ вечеру я должна

заплатить четыре тысячи талеровъ, проигранныхъ на слово; — я не имѣю средствъ ни заплатить, ни уѣхать.... Прощайте, Г. Лейзевицъ! Я лучше васъ; — за почтовую коляску, я заплачу всею моею будущностію.

(Амалія уходитъ въ то самое время, какъ Лейзевицъ подбѣжалъ къ шкатулкѣ.)

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Постойте, Амалія! Тутъ только восемьдесять талеровъ, Амалія, Амалія!.... Себастіанъ! Удержи ея, запирай двери!..... Жена, Луиза!..... Она уже на улицѣ.

(отворяетъ окно)

Амалія!..... Нѣтъ!..... Клянусь Богомъ, этого не будетъ..... Карты! Карты! Я ей подалъ въ руки проклятыя карты! Жена, Луиза!

(бѣжитъ въ смежную гостиную комнату)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Гостиная комната въ квартирѣ Лейзевица.

ВЫХОДЪ 1.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ изъ кабинета, а **ЛУИЗА** изъ спальни поспѣшно входятъ въ гостиную.

ЛУИЗА.

Что съ тобою, другъ мой! Совсѣмъ одѣтъ и такъ рано?....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Карты! Проклятыя карты!.....

ЛУИЗА.

Ты проигрался? Ты всю ночь просидѣлъ у этой пріѣзжей картежницы! Вчера съ неудовольствіемъ смотрѣли на нее и герцогъ и герцогиня. Такъ и есть! Ты попался въ сѣти къ этой проклятой.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Не проклинай ее, милая Луиза! Я не игралъ въ карты, я не былъ у нея; я просидѣлъ всю ночь одинъ, въ моемъ кабинетѣ; сводилъ генеральный отчетъ; меня мучила безсонница и досада на ложную благодарность человѣчества....

ЛУИЗА.

Я отдыхаю..... Но эти карты.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Другъ мой, Луиза! Мнѣ стыдно говорить тебѣ о томъ, о чемъ слѣдовало сказать еще до свадьбы. Я любилъ Амалію Клейнъ.

ЛУИЗА.

Я это знала.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Какъ?

ЛУИЗА.

Вчера признались въ старой любви твои глаза и рѣчи....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Луиза! Но эта любовь давно прошла.

ЛУИЗА.

И это знаю.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Но, Луиза.....

ЛУИЗА.

Да я выгнала изъ твоего сердца опасную соперницу, Богъ мнѣ помогъ, и полная взаимность была наградой моихъ усилій....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, съ чувствомъ смотря на нее.

А если ты ошибаешься....

ЛУИЗА.

Мой другъ — въ этомъ и тебѣ не повѣрю!

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Луиза, за чѣмъ наше счастіе омрачаютъ воспоминанія?..... За чѣмъ я долженъ огорчить такую жену?.....

ЛУИЗА.

Это не легко, однако возможно. Ну, дальше; постой я сяду; садись и ты.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

О Луиза! Я спѣшу тебѣ высказать все, но какой-то стыдъ меня удерживаетъ.

ЛУИЗА.

Это потому, что слишкомъ поздно ты рѣшился открыть свое сердце женѣ, отъ которой не должно быть тайнъ, развѣ вотъ эти кабинетныя, счеты и тому подобное.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Ты притворяешься, или въ самомъ дѣлѣ такъ равнодушна къ моей вѣрности и постоянству.

ЛУИЗА.

Ни то, ни другое. Я спокойна и только! Ты могъ любить другую; но полюбивъ меня, ты даже не смѣлъ думать о моей соперницѣ; я старалась искоренить твою старую любовь; почти достигла; я говорю *почти*, но это относится къ твоимъ сочиненіямъ, къ твоему честному слову и я сама не хочу ихъ читать.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Какъ? И это ты знаешь.....

ЛУИЗА.

Нѣтъ, не знаю, а догадываюсь; но въ чемъ же дѣло? Чѣмъ же ты огорчишь Луизу?

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Другъ мой! Она проигралась въ карты, задолжала, пришла просить моей помощи; воспоминанія возмутили несчастную, она убѣжала, не ожидая отвѣта.....

ЛУИЗА.

Надо помочь ей насильно. — Ложный стыдъ можетъ погубить ее; а она достойна лучшей участи потому, что когда-то была достойна любви Лейзевица.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Удивительная женщина!

ЛУИЗА.

Чему ты удивляешься? Да и не время! Сколько ей нужно?

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Четыре тысячи талеровъ, а у меня теперь только восемьдесятъ.

ЛУИЗА.

А у меня двѣсти; у меня есть два брилліантовые перстня; возьми ихъ; но и такъ ты наберешь не болѣе пяти сотъ талеровъ и потеряешь время съ жидами. Я совѣтую итти въ коллегію и взять четыре тысячи талеровъ.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Но что̀ скажутъ господа члены.....

ЛУИЗА.

Во первыхъ, что тебѣ заботиться, что̀ скажутъ Гг. члены; мое одобреніе заставитъ ихъ молчать; во вто-

рыхъ: можно имъ и не говорить для кого и для чего, а выручить Амалію должно, во что бы то ни стало!

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

А если коллегія не дастъ.....

ЛУИЗА.

Иди къ герцогу.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

А если и герцогъ.....

ЛУИЗА.

Сдѣлай все, что можно, а въ успѣхѣ воленъ Богъ. — Знаешь, мой милый, мнѣ самой смѣшно, что я тебя учу, какъ дѣйствовать въ пользу несчастія. — Похвали же меня! Ты мой учитель и успѣхи мои немаловажны.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Луиза, Луиза! Ты достойна лучшаго мужа.

ЛУИЗА.

Это забавно! Онъ самъ хочетъ увѣрить меня, что любовь его къ бѣдной Амаліи не миновалась.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Не то, Луиза! Я отвергъ любовь ея, любя страстно! Она сохранила чистоту сердца, не осквернила его даже порочною мыслію; вышла изъ круга женщинъ; отвергла блистательныя предложенія, отказалась отъ своего счастія — театра и предалась картамъ, какъ будто всѣ страсти прекраснаго сердца сосредоточились въ одной; и эти карты — подалъ Лейзевицъ!

ЛУИЗА.

До сихъ поръ ты еще невиненъ, но если отчаянье доведетъ ее до крайности, мы будемъ отвѣчать за мед-

ленность. Ты знаешь всю опасность ея положенія; ступай въ коллегію.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, обнимая ее.

Луиза, Богъ видитъ твое сердце и я радуюсь за дѣтей нашихъ; добродѣтели матери низведутъ на нихъ благословеніе свыше! Прощай!

ЛУИЗА, держась за ручку двери въ спальню.

Прощай, мой другъ! Одно условіе, отошли деньги съ Себастіаномъ, а самъ не ходи.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, также въ дверяхъ.

Слава тебѣ Господи! Хоть одна искра женскаго сердца!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Декорація перваго явленія сего же акта. (Кабинетъ Лейзевица.)

ВЫХОДЪ 1.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, входитъ въ сильномъ волненіи.

Пусть смѣются люди, пусть краснѣетъ жена, пусть потомъ выкупаютъ дѣти до послѣдняго экземпляра..... Другаго средства не остается..... Надо пожертвовать собственнымъ счастіемъ для счастія другаго..... О Амалія! Въ это мгновеніе во истину я ненавижу тебя.....

Коллегія, герцогъ..... Нѣтъ я въ послѣдній разъ простиралъ къ вамъ просьбу! Довольно! Не стану болѣе бросать зеренъ на камень! Какъ въ крѣпости запрусь въ моемъ домѣ; читайте мою несчастную прозу, осыпайте хулой; хуже, удивляйтесь ей, я не выйду изъ моего дома..... Если у воротъ моихъ будутъ рѣзать котораго нибудь члена коллегіи, я отворю окно и буду

хлопать, какъ изъ ложи вы будете хлопать моей Агриппинѣ..... Когда пожаръ обыметъ Брауншвейгскія улицы, обычная дума: чѣмъ возобновить жилища несчастныхъ, какъ помѣстить ихъ до будущаго лѣта.... Нѣтъ, не эта дума займетъ мое воображеніе; я буду молиться вѣтру и покланяться пламени.

Четырехъ тысячь талеровъ!..... четырехъ тысячь нѣтъ въ коллегіи, нѣтъ у герцога, нѣтъ въ цѣломъ Брауншвейгѣ!! Себялюбцы! Придетъ время — я скажу: у меня нѣтъ сердца, нѣтъ ума, нѣтъ ни чего! Дружески я вамъ протяну руку и съ гордостью шепну каждому на ухо: не просите, у меня нѣтъ ничего, я себялюбецъ!.... Амалія, Амалія! я ненавижу тебя! Но исполню мой долгъ; ты одна имѣешь на него право; я погубилъ тебя, я и спасу; но это послѣдній разсчетъ съ презрѣннымъ свѣтомъ; у меня есть дѣти, я воспитаю ихъ въ ненависти къ человѣчеству; надѣну на нихъ очаровательныя маски, доставлю имъ богатства, въ которыхъ, какъ въ надежныхъ крѣпостяхъ, опочіетъ ихъ себялюбіе.... Человѣкъ - звѣрь, общество - клѣтка, образованіе — цѣпи.... Но когда терпѣніе его истощено, тогда бѣшенство раждаетъ въ немъ сверхестественную силу — клѣтка разсыплется, цѣпи порвутся, какъ гнилыя нитки, а на волѣ — звѣрь не умретъ безъ мести....

Возьмите, возьмите эти презрѣнные плоды воспитанія въ темницѣ.

(Выбрасываетъ на столъ всѣ восемнадцать футляровъ).

Искуство, — ты болѣзнь; оторвите любезные наросты отъ больной души; пускай исходитъ она медленною

смертію; вы питали ее какъ домашнихъ животныхъ для вашей кухни..... Возьмите же плоды вашихъ продолжительныхъ трудовъ..... Все пожираетъ человѣкъ, даже душу себѣ подобнаго..... Отвратительно..... Отвратительно!

(Отходитъ къ окну, отворяетъ его, и отираетъ потъ и слезы.)

А я былъ счастливъ; я самъ создавалъ себѣ призраки несчастія; я самъ любилъ мучить себя, *такъ* я былъ счастливъ!.... И въ одно мгновенье — случай разрушаетъ все; за одно дерзкое слово — я плачу половиною моей жизни. Гдѣ же справедливость?..... Но это слово..... Если бы я былъ на мѣстѣ Амаліи..... съ ея невинностью, съ ея простодушіемъ, услышать роковое слово, узнать къ какой кастѣ причислило ее воображеніе любимаго человѣка..... Охъ, Господи! Я достоинъ твоей казни..... Да будетъ воля твоя!

(Лице его совершенно измѣняется съ приближеніемъ къ футлярамъ, смертная блѣдность покрываетъ его; — мрачно.)

Кого изъ васъ на жертву?

Одинъ изъ васъ долженъ искупить грѣхъ отца; одного изъ васъ должно — продать и предать!!!.....

(Беретъ по порядку футляры и отбрасывая.)

Нѣтъ, ходъ пьесы никому не понравится, романтизмъ теперь, какъ Французская революція, въ полномъ буйствѣ..... Имъ не понятенъ будетъ античный колоритъ и эта важная простота Греческихъ царей.....

—

Тебя не отдамъ ни за какія блага..... Когда писалъ тебя, я былъ Германцемъ; ты моя политическая исповѣдь, и только Богъ можетъ знать твое содержаніе.....

—

Это наша исторія съ Луизой!..... Первыя встрѣчи. Вотъ женихъ и невѣста — славная глава! А вотъ канунъ свадьбы, письмомъ къ Бойе.....

«Добрый другъ! Мы тебѣ посылаемъ наши тайны, какъ подать! Откуда это деспотическое право? Но мы любимъ нашего государя и добровольно исполняемъ обязанности добрыхъ и вѣрныхъ вассаловъ. Я женюсь! Завтра назначенъ божественный обрядъ, раздѣляющій жизнь на двѣ части. Какая странная перемѣна правъ и обязанностей! Сколько новаго, неизвѣстнаго, можетъ быть скучнаго; въ старомъ есть сокровища, о которыхъ невольно сожалѣешь! Что если въ сердцѣ Луизы есть память о другомъ, а это такъ естественно; я самъ любилъ другую».....

(Останавливается; глубокій вздохъ).

«Но это такъ давно; а у нея сердце свѣжее, и всѣ впечатлѣнія должны быть такъ живы..... Она скроетъ отъ меня всѣ воспоминанія свои? Не правда ли? Но что̀, если ревность закрадется въ молодое сердце; *это* такъ естественно. Краснѣю, но я долженъ тебѣ признаться. Луиза прекрасна, простодушна, добра, чувствительна, но особенныхъ способностей ума я въ ней не замѣтилъ.....»

Ха, ха, ха! Вотъ ужь это забавно; это даже сто̀итъ прочесть Луизѣ..... Я ей не покажу всего, а перепишу письмо, и скажу будто нашелъ въ старыхъ бумагахъ. Вотъ будетъ смѣяться.... Она министръ, а я.....

(Продолжаетъ смѣяться.)

ВЫХОДЪ 2.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ и СЕБАСТІАНЪ.

СЕБАСТІАНЪ.

Вы приказали этимъ.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, вскочивъ.

Какъ ты смѣлъ, Себастіанъ, входить сюда? Ты развѣ забылъ мое запрещеніе, за чѣмъ наши колокольчики? Не ты ли меня увѣдомляешь, когда въ мой кабинетъ идетъ жена.....

СЕБАСТІАНЪ.

Вы не заперли дверей! Я думалъ, что вы вошли въ кабинетъ — такъ, и прошли мимоходомъ; а между тѣмъ на дворѣ ярмарка.... пришли книгопродавцы, ссорятся, одинъ другаго увѣряетъ, что вы изволили звать одного, а не семерыхъ.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Книгопродавцы! Зови ихъ, зови скорѣе! Время улетитъ и я ни чѣмъ уже тогда не очищу моей совѣсти.... Постой, Себастіанъ! Я не могу рѣшиться..... Добрый, вѣрный слуга, я видѣлъ твои слезы, когда смертельная горячка испугала тебя; касаясь гроба, я былъ увѣренъ, что могила еще далеко; въ страданіяхъ недуга я былъ счастливъ; когда память возвращалась въ горящую голову — я благодарилъ Творца за жизнь, за продолженіе жизни — и будущность растилалась въ моемъ воображеніи роскошной долиной, украшенной всѣми возможными цвѣтами. Теперь — я здоровъ, не правда ли? Силенъ?.... О Себастіанъ, Себастіанъ! — Я на краю могилы....

СЕБАСТІАНЪ.

Что вы говорите! Какое несчастіе! Надо сказать барынѣ.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, удерживая его за руку.

Другъ, ты не поймешь этой смерти! У меня былъ кладъ, талисманъ; съ нимъ было тѣсно, какъ душа съ тѣломъ, связано мое блаженство.... Я долженъ продать его....

СЕБАСТІАНЪ.

Не продавайте, ради Бога, не продавайте! Гдѣ онъ? Я не выпущу его изъ дому; покажите, гдѣ онъ? Я буду лежать при немъ какъ собака.... Глаза мои не сомкнутся.... Гдѣ онъ, ради Бога, гдѣ онъ?....

(Лейзевицъ указываетъ на футляры.)

СЕБАСТІАНЪ, подходя къ футлярамъ.

Вы шутите! Эти тетрадки.... Развѣ въ серединѣ вы запрятали....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Не тронь! Я говорилъ, ты не поймешь моихъ страданій.... Другъ мой, неразлучный товарищъ моей жизни, ты былъ всегда бережливъ, вѣрно ты скопилъ много денегъ для своей племянницы!

СЕБАСТІАНЪ.

Честность моя не постыдится отъ вашего вопроса! Такъ! Я собралъ довольно денегъ; будетъ съ нея....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Отдай мнѣ ихъ на время, на самое....

СЕБАСТІАНЪ.

Извольте! Я ихъ собралъ трудами и лишеніями, и съ удовольствіемъ отдамъ вамъ на сохраненіе приданое Гретхенъ.... триста талеровъ, четыре золотыхъ....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Триста талеровъ.... а мнѣ нужно четыре тысячи!!...

СЕБАСТІАНЪ.

Четыре тысячи! Если бъ обождать недѣльку; пріѣдетъ вашъ дядя.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Зови книгопродавцевъ.....

СЕБАСТІАНЪ.

Но.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Себастіанъ! Буря собралась, не отмолишься....

СЕБАСТІАНЪ.

Впрочемъ.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Зови ихъ! Я рѣшился! Ни слова болѣе. Видно такъ угодно небу....

СЕБАСТІАНЪ уходя.

Тутъ что-то несчисто!.... Вѣрно, что нибудь да есть!.... Посмотримъ.... посмотримъ....

ВЫХОДЪ 3.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ одинъ.

Что же продать имъ? Чѣмъ пожертвовать? Я теряюсь..... если они замѣтятъ..... уменьшить жертву... по крайней мѣрѣ это возможно..... продать имъ какую нибудь дрянь; для нихъ все одно; имъ нужно имя; тутъ разсчетъ не на новое произведеніе, а на Юлія. Нѣтъ, нельзя, (*пересматриваетъ тетрадки*) тутъ много хорошаго, да несовсѣмъ кончено..... Письма, да что имъ въ письмахъ?.... Критическія замѣчанія на забытыя со-

чиненія..... Они сочтутъ шуткой.... Господи, вразуми меня!...

ВЫХОДЪ 4.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ и **КНИГОПРОДАВЦЫ** входятъ въ величайшемъ почтеніи и безмолвіи....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, оглянулся и поблѣднѣлъ.

Инквизиторы! Не достаетъ черныхъ покрывалъ съ прорѣзанными глазами и факеловъ!...

(Нѣкоторые подвигаются впередъ.)

ЛЕЙЗЕВИЦЪ старается закрыть груду своихъ футляровъ.

Что вамъ угодно, господа, что вамъ угодно?....

ПЕРВЫЙ КНИГОПРОДАВЕЦЪ съ улыбкой.

Да вы изволили заходить, сказывали, что у васъ есть товаръ....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Товаръ! О Господи, часть моей души, сердца, жизни, правилъ, воображенія... Товаръ! О поддержи меня Провидѣніе; я не предвидѣлъ этого упрека... Да, господа! У меня есть небольшое сочиненіе.... (*не оборачиваясь ловитъ одинъ футляръ и показываетъ*); я желалъ бы видѣть его въ печати... Но обязанности мои не позволяютъ.... заняться изданіемъ.... можетъ быть кто нибудь изъ васъ возьметъ на себя трудъ!.... (*рѣшительно*) Но, господа, предупреждаю, мнѣ нужно четыре тысячи талеровъ, сей часъ, сію минуту....

ВСѢ.

Четыре тысячи талеровъ!

ВТОРОЙ.

Это вѣроятно исторія Германіи, о которой мы слышали? будетъ томовъ 12 или и болѣе....

ПЕРВЫЙ.

Съ удовольствіемъ, если она готова вся и оригиналу станетъ на 12 томовъ, въ каждомъ томѣ по десяти печатныхъ листовъ, безъ таблицъ и оглавленій.....

ТРЕТІЙ.

Сообразить не трудно; позвольте посмотрѣть первый томъ.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Что вы? Куда вы? Я долженъ показать вамъ?!..... Да я и самъ не знаю, что это такое.... Нѣтъ это не исторія..... трагедія.....

ПЕРВЫЙ.

Четыре тысячи талеровъ — за трагедію!! Помилуйте! Да сколько же экземпляровъ надо продать, чтобы выручить свои деньги?.... по крайней мѣрѣ пять тысячъ; а вы знаете, что у насъ трагедіи расходятся не весьма сильно..... много, много три тысячи экземпляровъ..... Впрочемъ я могу вамъ предложить тысячу талеровъ....

ВТОРОЙ.

Полторы тысячи!

ТРЕТІЙ.

Двѣ тысячи!

ПЕРВЫЙ.

Пусть онъ покупаетъ; онъ первый далъ эту цѣну; перебивать не стану.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Торгъ! Аукціонъ! Укрѣпи меня, Господи....

ВТОРОЙ.

И барыша то всего много, много триста талеровъ.

ПЕРВЫЙ.

Да если продавать экземпляръ по пяти гульденовъ....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ оборачивается и ловитъ другой футляръ.

Господа!.... Двѣ трагедіи..... четыре тысячи талеровъ..... (*въ изнеможеніи садится на кресла.*)

ВСѢ.

Извольте!....

ВЫХОДЪ 5.

Тѣ же и **СЕБАСТІАНЪ** вбѣгаетъ съ письмомъ.

СЕБАСТІАНЪ.

Та несчастная женщина, что сегодня по утру.....

Лейзевицъ вырываетъ письмо и съ жадностію читаетъ; Себастіанъ въ это время продолжаетъ.

приходила къ вамъ, заѣхала съ какимъ-то мужчиной..... «Дома Г. Лейзевицъ?» Дома. «На отнеси ему это письмо; но скорѣе ради Бога, скорѣе; оно слишкомъ для него важно.....» Мужчина бросилъ мнѣ червонецъ, но онъ еще до сихъ поръ лежитъ на улицѣ..... Ускакали, какъ будто за ними погоня..... Очень хорошая дорожная карета; два лакея одинъ съ кучеромъ, другой на чемоданахъ сзади.....

(Лейзевицъ бросается къ своимъ футлярамъ, поспѣшно ихъ кладетъ въ шкафъ и запираетъ.)

ТРЕТІЙ.

Я первый предложилъ двѣ тысячи, слѣдственно по всей справедливости.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Нѣтъ, господа! Я не торгашъ; принесите милліоны, засыпьте золотомъ домъ мой, ни одной строчки! Я спасенъ! Цѣлуйте это письмо, благословляйте добродѣ-

тель, даже въ актрисѣ; не вѣрьте сословіямъ..... Кровь — принадлежитъ тѣлу, но душа небеснаго происхожденія; она не знаетъ родовыхъ разрядовъ.....

ПЕРВЫЙ.

Г. Лейзевицъ..... это шутка.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Шутка!..... Чувства уже оставили меня; сердце мое не разорвалось, когда вы торговались о душѣ моей, о моемъ блаженствѣ.... Молю васъ, господа, уйдите; забудьте; да, это была шутка....

СЕБАСТІАНЪ, между тѣмъ какъ купцы молча кланяются и уходятъ.

Уходите же, господа; вы видите, мы не продаемъ трагедій; цѣна несходна; прежде разбогатѣйте, а потомъ....

ВЫХОДЪ 6.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, СЕБАСТІАНЪ и ЛУИЗА, входитъ.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, обнимая Себастіана.

Себастіанъ. Мой другъ, Себастіанъ!

ЛУИЗА.

Что тутъ у тебя за ярмарка?.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Ахъ, Луиза! Другъ мой! Читайте, читайте! Я не вѣрю глазамъ моимъ; не ошибся ли я? Прочти, Луиза! успокой меня, возврати мое блаженство.....

ЛУИЗА, читаетъ.

«Милостивый Государь! Только большія несчастія поучительны. Въ нихъ только источникъ спасительнаго излеченія нашихъ пороковъ и недостатковъ. Благодаря

вамъ, я предалась отвратительной страсти; но за то умѣла умертвить всѣ прочія; карты, или лучше сказать, вы — довели меня до раззоренія; — я искала вашей помощи; еще разъ оскорбила васъ незаслуженными упреками; ваше самоотверженіе распространилось, какъ молнія во всемъ Брауншвейгѣ; это молнія поразила только меня! Я почувствовала, что я недостойна такой ужасной жертвы; что къ спасенію моему есть путь кратчайшій и болѣе согласный съ назначеніемъ женщины. Благодарю васъ за истинное благодѣяніе. Вы указали мнѣ спасительный путь..... для меня вы хотѣли пожертвовать тайнымъ и можетъ быть величайшимъ блаженствомъ жизни, а я руководствовалась женскою досадой, преступною прихотью. Простите и на всегда! Но будьте увѣрены, что ни Амалія, ни Графъ Мальвицъ, достойный спутникъ остальной моей жизни не забудутъ вашихъ благодѣяній. Когда вы окончите чтеніе письма, Амалія уже будетъ за Брауншвейгской заставой..... *На всегда!*..... Признаюсь не безъ горькаго сожалѣнія пишетъ послѣднее слово — ваша благодарная Амалія.»

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, бросаясь въ объятія жены.

Луиза!

ЛУИЗА.

Я не ошиблась! Она была достойна любви Лейзевица!.....

КОНЕЦЪ ПЯТАГО АКТА.

ЭПИЛОГЪ.

Дѣйствіе происходитъ 10 сентября 1806 года.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Улица въ Брауншвейгѣ. Домъ Лейзевица. Балконъ съ навѣсомъ и лѣстницей на улицу. Вдали соборъ; улица усыпана соломой; множество пѣшеходовъ.

ВЫХОДЪ 1.

ПРОХОЖІЕ.

ПЕРВЫЙ.

Оцѣпили улицу; каретъ не пускаютъ.....

ВТОРОЙ.

Скоро, скоро по этой соломѣ проѣдетъ печальная цѣпь разнородныхъ экипажей и весь Брауншвейгъ на ногахъ унесетъ эту солому на кладбище.....

ПЕРВЫЙ.

А что? развѣ онъ такъ плохъ?.....

ВТОРОЙ.

«О какъ тяжело — вѣрить своему несчастію» пишетъ Лейзевицъ; но въ наше печальное время повѣришь даже сказочнымъ бѣдствіямъ..... У насъ отняли политическое существованіе; говорятъ, что герцогъ, нашъ добрый герцогъ будетъ удаленъ отъ престола; насъ включатъ въ число подданныхъ Вестфальскаго королевства, а королемъ будетъ братъ завоевателя. — Я увѣ-

ренъ, что печаль о нашихъ бѣдствіяхъ сократила жизнь добраго Лейзевица; 54 года; что за старость!!.....

ПЕРВЫЙ.

А нѣтъ ни какой надежды.....

ВТОРОЙ.

Первые доктора, первые, лучшіе доктора.... Призывали для счету Французовъ..... Ни какой надежды! Но въ домѣ еще ни кто не знаетъ, какъ близокъ онъ къ могилѣ.....

ПЕРВЫЙ.

Это жаль! Президентъ всегда говорилъ о смерти съ такимъ спокойнымъ видомъ, съ такою теплою вѣрою; ему ли бояться смерти; я думаю, онъ искупилъ своею жизнію грѣхи отца, дѣда и прадѣда..... А между тѣмъ онъ умретъ безъ завѣщанія.

ВТОРОЙ.

Душеприкащики — близко; въ двѣ недѣли по мановенію не прошенныхъ опекуновъ мы можемъ всѣ умереть безъ завѣщаній; наше наслѣдство — надо готовить для контрибуцій; медвѣжья шапка Наполеоновскаго гренадера скоро будетъ торчать, какъ побѣдительное знамя надъ всею Германскою землею.... Грѣшная мысль — но я желаю президенту скорѣйшей смерти; безбожная армія посмѣется надъ сыновнимъ вниманіемъ Брауншвейгцевъ къ благодѣтелю. — По этой соломѣ повезутъ пушки противу его отчизны; барабанный бой разбойничьихъ полковъ удержитъ душу отходящаго; тамъ, гдѣ трудами неимовѣрными, жертвуя состояніемъ и здоровьемъ, ему удалось воз-

двигнуть дворецъ для несчастныхъ и облегчить тысячу несправедливыхъ жребіевъ..... Видите ли вы это зданіе, знаете ли, что оно столица множества подобныхъ областей, дарованныхъ президентомъ нищетѣ и несчастію! — Это гордость Брауншвейга — это наша слава, мы всѣ участвовали въ безпримѣрномъ подвигѣ..... И что жъ? Тамъ Французскіе солдаты будутъ торжествовать нашъ стыдъ — буйными отвратительными пѣснями.... О прости мнѣ, Господи, да не увидитъ онъ этихъ ужасовъ; пусть лучше несчастные, изгнанные изъ послѣдняго убѣжища, соберутся на могилу президента проклинать нечестивыхъ пришельцевъ; онъ не услышитъ ихъ жалобъ, а сердца страждущія облегчатся проклятіемъ.....

ПЕРВЫЙ.

Г. Совѣтникъ, вы неосторожны! Вы знаете, Германія усѣяна Французскими шпіонами; Жиды, которыхъ теперь не отличишь ни по одеждѣ, ни по языку, продаютъ насъ тысячами; это новое ремесло; подобно раку, кромѣ верхушки, не видно ничего.

ВТОРЫЙ.

Вы говорите о Лангѣ; но этотъ человѣкъ, кромѣ презрѣнія и наполеондоровъ, не заслужилъ ничего. Кто послушаетъ подкупленнаго журналиста; онъ безвреденъ своимъ ничтожествомъ, но я знаю другаго писателя.....

ТРЕТІЙ.

Посмотрите..... нашъ добрый герцогъ..... выходитъ изъ кареты, идетъ сюда.....

ВЫХОДЪ 2.

ДОКТОРЪ и ЛУИЗА, на балконѣ.

ЛУИЗА.

Можно, можно; солнышко на нашемъ балконѣ; воздухъ довольно теплый; господинъ докторъ, не завѣсить ли съ этой стороны; хотя вѣтеръ очень слабъ.....

ВРАЧЪ.

Не за чѣмъ! Это можетъ освѣжить больнаго, а простуды нельзя опасаться.....

ВЫХОДЪ 3.

Тѣ же и ЛЕЙЗЕВИЦЪ, его выносятъ на креслахъ.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Мои подножки.

ЛУИЗА.

Сейчасъ.....

(На улицѣ глубокая тишина, всѣ снимаютъ шляпы; Лейзевицъ нѣсколько разъ кланяется; народъ окружаетъ балконъ.)

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Любезный докторъ..... Мои подножки.....

(Двое слугъ тащатъ довольно большой сундукъ съ четырмя мѣдными колесками вмѣсто ножекъ.)

ЛУИЗА.

Сейчасъ, мой другъ! Какъ ты не терпѣливъ! Ихъ не легко перетаскивать съ мѣста на мѣсто. Ужасная тяжесть!.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Ты шутишь, Луиза, ты колко шутишь..... Ты вѣрно знаешь!..... Любезный докторъ! Попросите дорогихъ моихъ согражданъ покрыть головы..... День осенній.....

ЛУИЗА.

Это, мой другъ, для герцога?....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, снимая колпакъ и стараясь встать.

А развѣ онъ здѣсь?.....

ЛУИЗА.

Что ты дѣлаешь? Ты больной, у тебя есть привилегіи.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Но гдѣ же герцогъ?.....

ЛУИЗА.

Онъ идетъ сюда.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Какъ? Сюда?.....

ВЫХОДЪ 4.

Тѣ же и **ГЕРЦОГЪ.**

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ!.....

ГЕРЦОГЪ, показываетъ на балконъ и все умолкаетъ; тихо.

Я долженъ съ нимъ проститься; можетъ быть, мы не увидимся съ нимъ никогда.....

ВЪ НАРОДѢ.

А съ нами, отецъ нашъ! Вы насъ хотите оставить....

ГЕРЦОГЪ.

Для вашей пользы! Дѣти мои, для вашей пользы! Если бы каждый изъ васъ могъ обратить въ бѣгство цѣлый полкъ Бонапарте, то и тогда мы бы не могли еще побѣдить его..... Богъ милостивъ! Власть незаконная не можетъ быть долговременна; и я твердо вѣрую, что мы увидимся и будемъ вмѣстѣ молиться о погибшихъ врагахъ Брауншвейга и Европы..... Слѣдуйте моимъ наставленіямъ; вамъ раздадутъ мое письмо, когда (*пока-*

зывая на Лейзевица) *его* не станетъ..... Удержите ваши слезы..... Наше положеніе не должно быть извѣстно Лейзевицу.....

(Герцогъ входитъ на балконъ..... Въ народѣ слышны стоны....)

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, довольно бодро встаетъ и снявъ колпакъ.

Ваша Свѣтлость!.....

ГЕРЦОГЪ, усаживая его въ кресла.

Поберегите себя ради Бога; — всѣ больные имѣютъ права высшія, а вы.....*(къ Луизѣ)* позвольте, добрая Луиза, попросить какого нибудь стула..... А вы *(къ Лейзевицу)* поправились!..... Цвѣтъ лица гораздо лучше.... Глаза веселѣе.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Герцогъ! Не обманывайте и не обманывайтесь! Смерть уже здѣсь; если я доживу до вечера, то не усну, не совершивъ послѣдней обязанности; но что я, что моя жизнь? Дайте мнѣ вашу руку, дайте мнѣ поцѣловать вашу руку!..... Несчастный государь! У меня есть просьба, молитва.... Возьмите съ собой моего Карла; вамъ нуженъ будетъ вѣрный слуга!

ГЕРЦОГЪ.

Какъ, развѣ онъ здѣсь!

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Онъ пріѣдетъ сегодня ночью; легкая рана, пишетъ мой добрый Себастіанъ, позволяетъ ему оставить полкъ не безчестно и служить своему государю въ изгнаніи... О до чего мы дожили!..... *(заливается слезами.)*

ГЕРЦОГЪ.

Кто вамъ сказалъ? Наши дѣла идутъ какъ нельзя лучше.... Бонапарте перемѣнилъ намѣреніе....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Герцогъ, герцогъ! Къ чему это? Неужели я могу вамъ повѣрить, я могу только благодарить васъ, государь, за намѣреніе скрыть отъ меня общее бѣдствіе.... Я знаю все; если мнѣ не говорятъ о нашихъ несчастіяхъ, мнѣ разсказываетъ ихъ во снѣ ангелъ хранитель Германіи. Передъ смертію человѣкъ видитъ внутренними очами гораздо дальше обыкновеннаго своего горизонта. Правда, это залогъ безсмертія души, но вмѣстѣ и явственная вѣсть о близкой разлукѣ съ землею.

ГЕРЦОГЪ.

Скажите лучше — обыкновенная мнительность больныхъ.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

О Государь! Какъ мнѣ благодарить васъ за это вниманіе; какъ будто вы мой семьянинъ; вы стараетесь скрывать отъ меня государственныя печали, какъ Луиза шалости дѣтей и хозяйственныя непріятности..... Но это ваша воля и да святится воля моего государя. Не забудьте, герцогъ, вашего Лейзевица; онъ точно служилъ вамъ искренно, вѣрно — и даже не умѣлъ роптать на ваши несправедливости....

(Жена и докторъ поблѣднѣли.)

ГЕРЦОГЪ, грустно.

Да, ихъ было не мало....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Напротивъ, герцогъ! Исторія не найдетъ ихъ: такъ они малочисленны и маловажны..... Любовь и благословеніе народа пріобрѣтаются иногда обманомъ и хитростью; но я былъ близкимъ свидѣтелемъ вашей жизни и благословляю моего государя.... Эти чувства

иногда добываются изъ народа принужденіемъ, но въ минуты дѣйствительной опасности народъ откровененъ. *(бодро встаетъ съ мѣста)* Посмотрите! Слезы вашихъ подданныхъ теперь не обо мнѣ!

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ нашъ великій герцогъ! Да сохранитъ его Господь, да благословитъ его потомство.....

ДОКТОРЪ и **ЛУИЗА**, стараясь посадить Лейзевица на мѣсто.

Ради Бога!.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Оставьте меня! Такъ герцогъ! Исторія и народъ вамъ благодарны. Но ваше собственное сердце хранитъ можетъ быть раскаяніе о случайныхъ событіяхъ, гдѣ вы увлеклись гордостью сана, соблазномъ власти, самонадѣянностію, излишнею довѣрчивостью къ людямъ, можетъ быть и достойнымъ, но страстнымъ! Когда минуетъ гроза; — а она минуетъ скоро, небо не сдержитъ беззаконныхъ громовъ; — когда съ оливною вѣтвію войдете въ предѣлы вашихъ владѣній, не забудьте въ спальнѣ поставить статую справедливости, такъ, чтобы она была первымъ предметомъ взоровъ вашихъ, когда сонъ отлетаетъ; она вамъ напомнитъ ежедневный долгъ государя и каждый день болѣе и болѣе будетъ уничтожать въ сердцѣ вашемъ прочія страсти, а эти страсти — вамъ не нужны. — О, простите меня, государь!

(падаетъ на колѣни.)

Только справедливый можетъ сдѣлаться справедливѣйшимъ! Только великимъ правителямъ можно и должно говорить правду.... О простите меня, государь! Я достоинъ прощенія! Я умираю!....

ВРАЧЪ.

Обморокъ! Съ нимъ сдѣлался обморокъ!

(сажаютъ его въ кресла)

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, приходя въ себя.

Холодно..... Ужасно холодно.....

ГЕРЦОГЪ.

Унесите его! Затопите каминъ? Вѣдь это не повредитъ, Г. докторъ.....

ВРАЧЪ.

Ни мало!.....

ГЕРЦОГЪ, цѣлуя его въ чело со слезами.

Прости, мой вѣрный слуга и добрый другъ! Я исполню твой прекрасный совѣтъ..... (*Лейзевица уносятъ*) Простите, Луиза!.....

ЛУИЗА, упавъ на колѣни и обнимая ноги герцога.

Герцогъ! возмите съ собой Карла! Моего Карла, послѣ отца, онъ не найдетъ лучшаго наставника.....

ГЕРЦОГЪ.

Я жду его во второмъ часу ночи; проститесь съ нимъ; мы уѣдемъ въ Швецію....

(Слышенъ голосъ Лейзевица)

Луиза..... Мои подножки..... мои подножки.....

(Луиза хочетъ поднять подножки, но не можетъ; герцогъ помогаетъ ей и они вдвоемъ уносятъ ихъ въ комнату.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ВЫХОДЪ 1.

Гостинная. Въ каминѣ огонь. Кресла весьма близко придвинуты къ камину. Ноги Лейзевица на подножкахъ. Врачъ держитъ его за руку. Луиза, облокотясь на карнизъ камина, съ глубокою горестью смотритъ на мужа.

ДОКТОРЪ.

Второй обморокъ сегодня.... Это можетъ ускорить

его кончипу..... Онъ заснулъ. Дыханіе тяжело..... Дай Богъ до вечера.....

ЛУИЗА.

И ни какой надежды?

ВРАЧЪ.

Ни какой!.... Но меня удивляетъ *ваше* спокойствіе!....

ЛУИЗА.

Докторъ! Я пріучила себя повиноваться необходимости. Мои слезы, мои вопли, все это во мнѣ.... Но неужели безвременнымъ отчаяньемъ отнять у него лучшаго слугу, въ то время, когда онъ наиболѣе въ немъ нуждается..... Объ одномъ спрошу: — болѣзнь его угрожаетъ ли мучительною смертью?.....

ВРАЧЪ.

Не полагаю. Онъ слишкомъ слабъ. Дыханіе его лучше, пульсъ также, есть испарина..... Онъ проспитъ съ полчаса..... Вы простите, если я забѣгу на одно мгновеніе къ другой умирающей.... Она живетъ черезъ улицу ....

ЛУИЗА.

Кто это?

ВРАЧЪ.

Одна пріѣзжая, графиня Мальвицъ.

ЛУИЗА.

Графиня Мальвицъ!

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, просыпаясь.

Графиня Мальвицъ? Такъ она за мужемъ?.....

(Луиза дѣлаетъ рукой знакъ молчанія)

Это вѣсть о моей смерти..... Одна мысль какъ то тревожила предсмертную исповѣдь... Теперь я спокоенъ...

Онъ не обманулъ ея, онъ женился..... Господинъ докторъ! *Вы* произнесли ея имя? Или *ты* Луиза?.....

ЛУИЗА.

Господинъ докторъ?

ЛЕЙЗЕВИЦЪ, приподымаясь.

Такъ она здѣсь?..... Давно-ли?..... Что же не навѣститъ насъ?..... Вы знакомы съ ней..... Скажите, что и я и жена моя весьма бы желали съ нею повидаться..... Не правда ли, Луиза?

ЛУИЗА.

Именно я о томъ же просила нашего добраго друга; онъ собирался итти къ ней; она также не совсѣмъ здорова и господинъ докторъ.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Ахъ, поспѣшите, мой почтенный другъ; мнѣ слава Богу легче; я обожду васъ; не говорите ей, что я умираю; мнѣ теперь такъ хорошо; я имѣю надежду прожить нѣсколько лишнихъ дней..... И отъ чего она не хотѣла зайти къ намъ!

ВРАЧЪ.

Она прiѣхала — больная.

ЛУИЗА, перебивая его рѣчь.

И хотя болѣзнь ея совершенно пустая, но выходить изъ дому г. докторъ запретилъ..... Идите же; идите! Вы знаете, какъ горько больному цѣлый день не видѣть своего доктора.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

О! Это мучительно..... Спѣшите..... Спѣшите и не возвращайтесь, пока ей не будетъ легче.....

ЛУИЗА.

Вотъ ваша шляпа..... (*тихо врачу*) Но приходите поскорѣе и помните, что во всякомъ случаѣ она себя чувствуетъ лучше.

ВЫХОДЪ 2.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ и ЛУИЗА.

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Ушелъ?

ЛУИЗА.

Ушелъ, слава Богу! Ну, что мой другъ, каково тебѣ..... Не жарко ли?

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Нѣтъ. Мнѣ очень хорошо, особенно послѣ ея свадьбы..... Признаюсь, меня безпокоили нынѣшніе нравы..... Богъ все устроилъ къ лучшему.....

Но, Луиза!..... Пора проститься. — Садись поближе..... Ну, другъ мой, славно мы пожили! Мы не разлучались ни разу, даже на гулянья ѣздили вмѣстѣ; мирно, тихо, безъ шуму, безъ роскоши, безъ недостатка; — не правда ли, свадьба наша какъ будто была вчера? За чѣмъ мы умираемъ въ очередь? Ты теперь останешься одна, поскучаешь годъ, два; выйдешь замужъ, *такъ*, безъ любви, отъ скуки.....

ЛУИЗА.

Другъ мой! Если Богу угодно отнять тебя у насъ, то и я попрошусь у него за тобой и онъ меня услышитъ. Карлъ выросъ, уѣдетъ съ герцогомъ, что мнѣ въ этомъ свѣтѣ? Жена и дѣти замѣнятъ ему родителей; я пережила все и смерть для меня столь же прекрасна, какъ и протекшая жизнь..... Но разговоръ нашъ страненъ.

Мы разсуждаемъ, когда можетъ быть Господь назначилъ намъ дряхлую старость.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Нѣтъ! Я умираю сегодня. Желалъ бы умереть скорѣе, чтобы Французы не помѣшали моимъ похоронамъ. Ахъ, да! Я написалъ письмо къ Наполеону.

(вынимаетъ письмо и ключи)

Онъ отнимаетъ царства, но умѣетъ уважать людей, которые приносятъ пользу отечеству и не препятствуютъ его замысламъ. — Отдай ему это письмо. Онъ доступенъ. Я написалъ къ нему такъ, что ему стыдно будетъ отказать въ покровительствѣ вдовѣ Лейзевица.....

ЛУИЗА, бросая письмо въ огонь.

Я, дочь оскорбленной Германіи?! Я жена твоя Лейзевицъ и напоминать объ этомъ ни кому не стану..... Всякая несправедливость мнѣ въ честь — а это письмо недостойно Германца.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Тамъ не было ни похвалы, ни лести.....

ЛУИЗА.

Все равно. Писать къ Наполеону о покровительствѣ бѣдной женщинѣ — значитъ покланяться его беззаконному могуществу..... Но письмо сгорѣло. Разговоръ нашъ конченъ. — Скажи мнѣ лучше, какіе это ключи?

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Вотъ этотъ, побольше, отъ моихъ подножекъ. Отвори! (*Луиза отворяетъ*) На каждомъ ключѣ виситъ ярлычекъ съ нумеромъ: такіе же нумера на футлярахъ. Отпирай!

ЛУИЗА, отпирая футляръ.

Отперла!

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Тамъ есть бумаги, бросай въ огонь! (*Луиза медлитъ*) Луиза! Повинуйся!

ЛУИЗА.

Но можетъ быть.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Луиза! Письмо къ Наполеону было невиннѣе этихъ созданій страсти и больнаго воображенія..... Они были нужны, необходимы, пока я жилъ..... Теперь я безъ упрека предъ потомствомъ, съ прекрасной и заслуженной славой и наше имя не умретъ въ Германской землѣ. Жги эти памятники моихъ сомнѣній, страстей, пороковъ; это клеветники! Я былъ лучше моихъ сочиненій, и талантъ мой никогда не могъ меня выразить вполнѣ и въ правдѣ..... Бросай ихъ въ огонь скорѣе, мы догоримъ вмѣстѣ..... Луиза, именемъ матери твоей, заклинаю моимъ благословеніемъ..... (*Луиза бросаетъ все въ огонь*) Вотъ такъ!.... Безъ сожалѣнія! Изо всѣхъ, изо всѣхъ! Простите! Я любилъ ихъ, Луиза, какъ тебя, но мы соединимся; ты придешь въ мою обитель, а ихъ растерзали бы зависть и невѣжество! Чистѣйшія думы уединенія обратились бы въ обвинительные акты уголовнаго процесса. Кто бы сталъ защищать меня? Тѣ, которые умѣютъ чувствовать, а не писать, и говорить..... И добрую память Лейзевица..... Сгорѣли!.....

(начинаетъ забываться)

Какъ пусто въ этомъ мірѣ?.... Луиза, гдѣ мы?....

(встаетъ и роется въ футлярахъ)

Ихъ унесли?..... Они улетѣли!.....

(протягивая руки къ небу)

Вотъ они, прекрасныя тѣни, клубятся легкими облаками.....

(упадаетъ въ кресла)

Луиза, Луиза.....

(прижимаясь къ ея устамъ)

Благодарю за счастіе..... Скажи Графинѣ Мальвицъ.....

(Уста его онѣмѣли; голова поникла на грудь Луизы: Луиза, стараясь привести его въ чувство.)

ЛУИЗА.

Что же сказать графинѣ Мальвицъ?.....

ЛЕЙЗЕВИЦЪ.

Прости, моя Луиза..... (*умираетъ*)

ВЫХОДЪ 3.

Тѣ же и **ВРАЧЪ**.

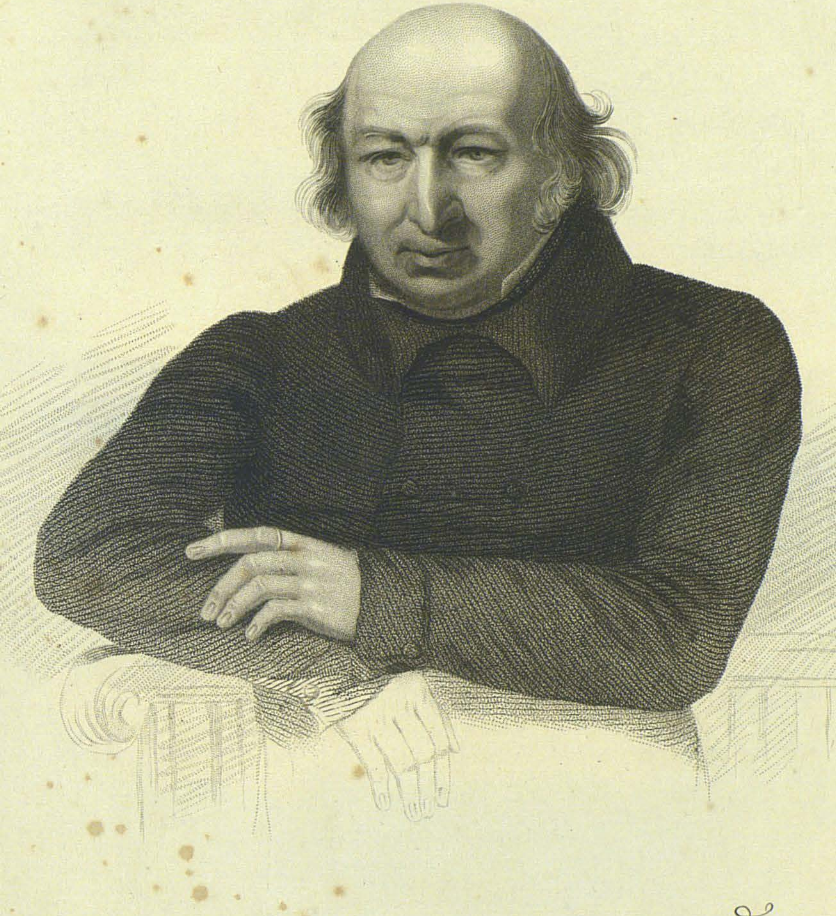
ЛУИЗА, припавъ къ мужу.

Онъ совершенно охладѣлъ, будто ледъ, будто умеръ..... Другъ мой, что же сказать графинѣ Мальвицъ?....

ВРАЧЪ, подходя къ Луизѣ шопотомъ.

Она умерла!.....

КОНЕЦЪ.

МАРУСЯ,

МАЛОРОССІЙСКАЯ САФО.

МАРУСЯ,

МАЛОРОССІЙСКАЯ САФО.

I.

Въ Полтавскомъ посадѣ, на берегу рѣки Ворсклы, гораздо ближе къ плотинѣ, чѣмъ къ оврагу, отдѣляющему Крестовоздвиженскій монастырь, стояла низменная хата, съ садикомъ, вдовы урядника Чурая (*), а на верху горы, противъ собора, красовались хоромы пана Бобренка, Хорунжаго храбраго, только не передъ супругой.

(*) Содержаніе повѣсти основано на историческихъ фактахъ. Гордій Чурай, лихой урядникъ Полтавскаго Охочекомоннаго полку, безпечный въ дому хозяинъ, но усердный сынъ и слуга отечества, вступясь за честь Русскую, изрубилъ Польскаго шляхтича, и бѣжалъ къ Запорожцамъ. Удалый Гетманъ Павлюкъ полюбилъ Чурая, который поспѣвалъ всюду, гдѣ звенѣла сабля казацкая, дрался съ Поляками, былъ захваченъ вмѣстѣ съ Павлюкомъ въ плѣнъ, и казненъ въ Варшавѣ.

Чураевна вскормила своею грудью сына пани Бобренковны, Грица, и любила его не меньше своей дочери, Маруси, которая прославилась въ Малороссіи стихотворческимъ талантомъ, при гетманствѣ Хмѣльницкаго.

По описанію одного соборнаго церковника, дошедшему къ намъ отъ отцовъ, — черныя очи Маруси горѣли, какъ огонь въ хрустальной лампадѣ; лицо ея было, какъ воскъ, бѣлое; станъ высокій и прямой, какъ мѣстная свѣча; а голосъ, ахъ, что̀ за голосъ былъ! такого звонкаго и сладкаго пѣнія не слыхано даже отъ Кіевскихъ Бурсаковъ! Всѣ въ Полтавѣ любовались Марусей и любили ее; однѣ только подружки говаривали, что она зазналась и глядѣть ни на кого не хочетъ. Легко станется, что это клевета зависти; не мудрено впрочемъ, ежели чувство своего достоинства неумѣренными похвалами переносилось за границы скромности. Это нѣсколько подтверждается отзывомъ духовнаго отца ея, какъ увѣряетъ тотъ же церковникъ. Однажды-де, нашъ отецъ, Протоіерей Матѳій, послѣ поминокъ за ея душу, отерши слезы, сказалъ при всѣхъ: «А уже и покойница.... прости, Господи!... слишкомъ воскичилась Божіимъ дарованіемъ; видно, врагъ роду человѣческаго, любовнымъ соблазномъ (*), вырывалъ изъ ея сердца сѣмяна, которыя я старался посѣять! Больше году она не была у меня на духу, конечно боясь, или стыдясь, открыть передъ человѣкомъ, чего не могла утаить передъ Господомъ.»

(*) У Маруси былъ любовникъ, молочный братъ ея, Грицо, который обѣщалъ на ней жениться.

Посмотримъ, справедливо ли было замѣчаніе отца Протоіерея?

Случилось, что Маруся, гуляя по Бобренкову саду, зашла, сама не зная какъ, въ самую чащу вишневника, гдѣ задумалась, вѣроятно о томъ, кого съ ней не было. Вдругъ слышитъ, что пани Хорунжевна, сидя подъ любимой вишней, толкуетъ съ большимъ жаромъ своему мужу: *А де-съ ты тодки не мае, що треба худко вдати зъ Богомъ тую вспѣвуню Марусю за тего гайдука; а сежь Значковаго Товарища пана Кондрата* (*). При этомъ словѣ Маруся вздрогнула; а толковательница продолжала: *Не хай она не мѣшае нашему Грицѣ женихатися зъ сестриничкой пана Полковника* (**). Тутъ слезы брызгнули изъ черныхъ глазъ нашей Сафо; одно слово открыло ей все, чего она прежде не знала, и это слово съ рыданіемъ и жаркимъ объясненіемъ было передано Грицѣ. Кровь молодаго казака закипѣла, и онъ, не стерши слезъ съ щекъ своихъ, какъ полоумный, вбѣжалъ въ свѣтлицу, чуть не сшибъ съ ногъ отца, и сказалъ что-то въ попыхахъ матери. Пани тотчасъ догадалась, въ чемъ дѣло, и, не допуская сына до объясненій, вскинулась на мужа, во всѣхъ случаяхъ безъ вины виноватаго; разругала за то, что на ихъ хуторѣ нѣтъ ни за чѣмъ присмотру; ласково приголубила Грицу, а чтобъ

(*) А развѣ ты и догадки не имѣешь, что должно скоро съ Богомъ отдать нашу пѣвуню Марусю за того великана, вотъ того Значковаго Товарица, Г. Кондрата.

(**) Пусть она не мѣшаетъ нашему Грицѣ любиться съ племянницей Г. Полковника.

поправить дурь оспалаго (*) пана, просила его съѣздить съ отцомъ на хуторъ. Грицо любилъ отца за его доброту, и потому легко согласился избавить старика отъ дальняго гамона (**). Между тѣмъ пани мати тихонько приказала мужу продержать Грица дня три на хуторѣ, а сама осталась въ городѣ придумывать, какъ бы поправить свою оплошность, и свалить съ шеи нежеланную Марусю на могучія плечи значковаго товарища.

Она въ тотъ же день нашла средство поссориться (безъ огласки настоящей причины) съ бѣдною вдовой, и при первой встрѣчѣ придралась къ тому, будто матка Чураевна у обѣдни не хотѣла передать ея свѣчки къ образу, а когда она подвинулась впередъ, то чуть не оттерла ея съ мѣста, и даже при выходѣ изъ церкви, ей не поклонилась. Обвиненная клялась, что ей это не въ догадъ было, но прогнѣванная пани слышать не хотѣла оправданій: пустилась попрекать всѣмъ, чѣмъ когда нибудь ей помогала, и наконецъ задѣла память ея мужа, назвавъ его *сорви-голова*. Вотъ ужъ этого-то вдова храбраго урядника никакъ не могла перенести. Упреки полетѣли за упреками; брань разгаралась, и если бы прибѣжавшая на крикъ Маруся не утащила матери домой, то отъ словъ дошло бы и до ручной схватки. Торжествующая пани тотчасъ послала за матерью Кондрата Искры, подучила ее сватать скорѣе за своего сынка Марусю, обѣщая дать ей приданое, какъ родной своей дочери.

(* Соннаго.

(**) Шумъ, крикъ.

Въ эту эпоху сватовства и изгнанія раскрылся поэтическій геній Маруси. Первая думка ея выражаетъ надежду свиданія съ любезнымъ, после ссоры матерей.

Болитъ моя головонька
Видъ самого чола;
Не бачила свого миленького
Ни теперь, ни вчора.

Ой, бачиться не журуся,
Въ тугу не вдаюся;
А якъ выйду за ворота,
Отъ витру валюся!

Ой, бачиться, що не плачу,
Сами слезы льются,
Отъ милаго не ма людей,
Отъ нелюба шлются.

Не ма жъ мого миленького,
Не ма мого сонца,
Нискимъ мини размовляти,
Сидя у оконца;

Не ма жъ мого миленького,
Що карыя очи,
Нискимъ мини размовляти,
Сидя до пилночи.

Не ма мого миленького,
Не ма его тута,
Повзходила по слѣдонькамъ
Шавлія и рута.

Я шавлію пересію,
Руту пересажу,
Таки свого миленького
Къ себѣ перенажу (*).

(*) Пріучу.

Я шавлію пересію,
Руту пересмичу,
Таки свого миленького
Къ соби переличу.

Да вжежъ мини не ходити,
Куды я ходила,
Да вжежъ мини не любити,
Кого я любила.

Во второй думкѣ сочинительница, вѣроятно, мечтала видѣть своего любезнаго, какъ онъ расхаживаетъ въ верхней части Полтавы.

Ишовъ милый горонькою,
Мила пидъ горою,
Зацвивъ милый роженькою,
Мила калиною.
Ой, ты живешь на горинцѣ,
А я пидъ горою;
Чи ты тужишь такъ за мною,
Якъ я за тобою?
Ой, коли бы такъ за мною,
Якъ я за тобою:
Жили бъ, жили бъ, мое сердце,
Якъ рыба зъ водою!
Рыбалочка, по бережку
Да рыбоньку удитъ,
А милая по милому
Бѣлымъ свитомъ нудитъ (*).
Рыбалочка по бережку

(*) Нуда, тоска, нудитъ, тосковать, скучать.

Якъ ласточка вьется;
А милая по милому,
Якъ горлица бьется.
Чи ты, милый, припавъ пыломъ,
Чи мятелицею?
Що до мини ты не ходишь
Сiйю улицею?
Котилися возы съ горы,
Да въ долини стали,
Кохалися, любилися,
Да вже жь перестали.
Кохалися, любилися,
Що мати не знала,
Не дай, Боже, розойтися
Якъ чорная хмара (*).
Чорна хмара розыйдется
И дожу не буде:
Мы зъ тобою розыйдемся,
Любощи (**) не буде.
Ой, у поли конопельки
Верхи зелененьки,
Покидае милый милу,
Вороги раденьки,
Не тиштеся, вороженьки, (***)
Не тиштеся зъ того:
Коли буде Божа воля,
То буду я ёго!

(*) Туча.

(**) Любовныхъ наслажденiй.

(***) Враги.

Въ третьей думкѣ ясно выражается тоска покидаемой любовницы.

Въ огороди хмилинонька
Грядки устилае,
Промежъ людей дивчинонька
Плаче и рыдае.
Що жъ хмилина зелененька,
Що не вьется въ гору?
Що жъ дивчина молоденька
Проклинае долю?
Якъ хмилинѣ въ гору виться —
Тычины не мае;
Якъ дивчинѣ не журиться —
Козакъ покидае!

II.

Знаменитый Полковникъ Мартынъ Пушкарь объявилъ Полтавцамъ повелѣніе Гетмана выступить на смертный бой противъ ненавистныхъ Ляховъ. Ретивыя сердца казаковъ взыграли; жены, дочери ихъ заплакали, и безстрашный Бобренко въ-первые расхрабрился передъ своею пани жинкою, которой не хотѣлось-было пустить на войну сынка, еще не доросшаго по ея словамъ, и сказалъ: *а вже Кулина не бреши; треба робить, що Богъ и панъ Гетманъ скаже. На коня, сынынько, на*

коня!.... Грицо, какъ ни любилъ Марусю, а взрадовался; ея одушевительные пересказы и горькое воспоминаніе о гибели храбраго отца ея, давно уже вскипятили мщеніемъ кровь казацкую. Онъ мигомъ наточилъ старую саблю Гордія Чурая, подаренную ему кормилицей; справилъ свою ратную сбрую; успѣлъ какъ-то проститься съ своею миленькой, и первый выѣхалъ на соборную площадь, гдѣ уже Маруся его поджидала. Вотъ ея прощальная пѣсня.

Засвистàли козачѐнки
Въ походъ зъ полунòчи,
Заплакала Марусѐнька
Свои ясны очи.
Не плачь, не плачь, Марусéнька,
Не плачь, не журúся,
За своего милѐнького
Богу помолися.
Стоитъ мисяцъ надъ горою,
Да сонца не мàе,
Мати сына въ дорòженьку
Слезно провожàе:
«Прощай, милый мой синóчку,
Да не забувàйся;
Чрезъ чотыри недилёньки
До дому вертáйся.»
Ой, радъ бы я, матусѐнька,
Скорийше вернýться,
Да конь мой воронѐнькій
Въ воротахъ спотквýвся.
Ой, Богъ знае, коль я вѐрнусь,
Въ якую годúну;

Прійми жъ мою Марусѐньку
Якъ родну дити́ну!
Прійми жъ ее, матусѐнька!
Все у Божей волѣ,
Бо хто знае, що живъ вернусь,
Чи ляжу у полѣ! —
«Якая жъ бы, мой сынóчку,
Годи́на настáла,
Щобъ чужая дитинóчка
За родную стала?»
Засвистали козаченьки
Въ походъ зъ полуночи:
Заплакала Марусѐнька
Свои чорны ȍчи.

Не смотря однако жъ ни на просьбу матери, ни на страшную примѣту сына, Грицо не только черезъ четыре недѣли, да и черезъ четыре мѣсяца не вернулся домой; а судьба, или, можетъ быть, молитвы родительскія не дали ему лечь на ратномъ полѣ. Молва о Гетмановомъ побоищѣ подъ Корсунью хотя и носилась по Малороссіи, но прямыя вѣсти отъ Хорунжаго и его сына не доходили до Полтавы. Маруся молилась, надѣялась на благость Божію, и могла нѣсколько времени удерживать слезы, чтобы не подать подозрѣнія въ прежнихъ своихъ тайныхъ свиданіяхъ съ милымъ; однако жъ безизвѣстность и долгое жданье одолѣли стыдъ, терпѣніе и гордость. Маруся крѣпилась, крѣпилась, наконецъ слезы прорвались изъ ея свѣтлыхъ очей, а стихи изъ пламеннаго сердца.

Хили́лися густы̀ лȍзы
Видкиль ви́теръ вие,

Диви́лися (*) ка̀ры очи,
Видкиль милый йде.
Хилилися густы лозы —
Да вже жь перестали,
Диви́лися ка̀ры очи
Да й плакати стали.
Въ концѣ гре́бли (**) шумятъ ве́рбы,
Що я насадила;
Не ма жъ того козаче́нька,
Що я полюбила.
Ой, не ма́ козаче́нька,
Поихавъ за Десну:
Рости, рости дѣвчино̀нька
На другую ве́сну.
Росла, росла дивчинонька
Да й на пори стала,
Ждала, ждала козаченька,
Да й плакать стала.
Ой, не плачьте, кары очи,
Така ваша доля!
Полюбила козаченька
Якъ мисяцю сто̀я.
Зелененьки огуро̀чьки,
Жо̀втеньки цвито̀чки,
Не ма мого миленькаго —
Плачутъ кары очки,
Болятъ, болятъ мои очки!
Серденько поны́ло,
Не бачу я миленька̀го
И ди́ло не мило.

(*) Смотрѣли.

(**) Плотина.

Потерявъ надежду, она вдалась въ отчаяніе; домъ и родина ей не взмилились; видъ опустѣлой Полтавы и самый воздухъ, которымъ она дышала, безъ милаго опротивѣли; неизвѣстность и ожиданіе сдѣлались ей нестерпимы; она рада бы, хоть посредствомъ колдовства, проникнуть въ будущее; но ее пугала нескромность колдовщицъ и ворожей, которыя всѣ предались пани Хорунжевнѣ. Впрочемъ, слава Полтавскихъ чаровни́цъ заглушалась разсказами о Кіевскихъ вѣдьмахъ, которыя помыкали Днѣпровскими русалками, какъ своими хлопцами. Конечно, умный духовникъ втолковалъ бы Марусѣ, что не должно вѣрить этимъ нелѣпымъ разсказамъ: да любовь и кручина собьютъ съ толку и не дѣвичій разсудокъ!

Время подходило къ Свѣтлому празднику, на который обыкновенно богомольцы со всей Святой Руси отправляются въ Кіевъ; Марусѣ также туда хотѣлось.

Сосѣдка Ягаевна, у которой не переводились черные коты, черные кочеты, черныя собаки и даже черные козлы́, и потому слыла басоркою (*), отправляясь на богомолье, предложила нашей Сафо, не хочетъ ли съ нею сходить въ святой градъ къ великому празднику помолиться Угодникамъ, поразвѣдать что́ дѣлается въ Польскомъ краѣ, куда уже далеко зашелъ Гетманъ Хмѣльницкій?

Маруся обрадовалась этому предложенію, и надежда тотчасъ смѣнила отчаяніе. Мать сперьва испугалась разлуки съ единственною отрадой; но мысль, что авось

(*) Колдуньею.

Богъ змилуется надъ нею, и убѣжденія сосѣдки рѣшили ее дать небожѐнкѣ (*) благословеніе на дальній путь.

Богомольцы, на пятой недѣлѣ Великаго Поста, съ котомками за плечами, съ посохами въ рукахъ, отправились большою громадой (**) женъ и дочерей походныхъ казаковъ. Одна только сирота, и незамужняя, отличалась отъ всѣхъ унылою прелестью поблѣднѣлаго лица, и стройностью высокаго стана, надъ которымъ накинутая желтымъ платочкомъ голова склонялась, какъ завядшій цвѣтокъ подсолничника. Въ задумчивости, то уходя, то отставая отъ спутниковъ, Маруся принудила матку Ягаевну взять ее за руку, и, чтобы нѣсколько разговорить тоску, отшатнуться съ нею отъ толпы. Богомолки не пропускали между глазъ и ушей поступковъ и рѣчей славной во всей Полтавѣ сочинительницы, и, разойдясь по домамъ, не оставили за душей своихъ замѣчаній. А какъ подробныя воспоминанія о знаменитыхъ людяхъ переходятъ въ наслѣдство ихъ родины, то нашлось много старухъ, которыя съ большою охотой повторяли то, что́ имъ случалось слышать о бѣдной Марусѣ отъ ея пѣшеходныхъ побратимокъ (***). Вона́, небо́за, а́бо ни́шкнула, якъ нима и глуха, и шла нешвидѐнько по стѐжечкѣ, якъ зару́чница зъ нелю́бымъ до шлю́бу, а́бо словами промолвляла, якъ ко́бза игра́е, и шла гарно, якъ бѣла лебедка плавы у панскомъ ставку (****).

(*) Бѣдняжкѣ.

(**) Толпою.

(***) Подругъ.

(****) Она, бѣдняжечка, или не говорила, какъ нѣмая, и глухая шла

Главный повѣствователь любащи и недоли (*) Грицá и Маруси, родной племянникъ сватавшагося къ ней Кондрата Искры, ссылается на разсказъ своего покойнаго дѣда, что спутница Маруси, которую называли брыдкою басоркой (**), такъ ее своими наговорками заворожила, что она сама не знала, чтó съ нею дѣлалось, и зачѣмъ она шла: въ молитвѣ ли искать спасенія, или вѣдьмамъ поклониться? Чрезвычайная живость возмущеннаго вихремъ страсти воображенія, крутой переворотъ судьбы, совершенное отчужденіе отъ всѣхъ кровныхъ и привычныхъ связей, а всего болѣе неминуемый позоръ несчастной, испившей всю сладость и всю горечь любви, вѣроподобитъ подозрѣніе Кондрата Искры. Одна только изъ сохранившихся думокъ нашей Сафо изображаетъ ея сѣтованіе на чужбинѣ.

Вúютъ витры, вúютъ буйны,
Ажъ деревья гнутся;
Ой, якъ бóлитъ мое сéрдце,
А слезы не льются.

Трачу лúта въ лютомъ гóре
И конца не бачу;
Тильки мини легче стане,
Якъ трошки (***) поплачу!

по дороженькѣ, какъ невѣста съ немилымъ подъ вѣнецъ, или говорила, какъ турбанъ играетъ, шла красиво какъ лебедь плыветъ по господскому пруду.

(*) Несчастіе.

(**) Негодною колдуньей.

(***) Немного.

Не поможутъ слезы счастью,
Сердцу легче буде,
Хто счастливъ бувъ хоть часочикъ,
Повикъ не забуде.

Есть же люди, що и моей
Завидуютъ долѣ:
Чи счастлива та былинка,
Що расте у полѣ?

Ой, у полѣ на песочку,
Безъ росы на сонцѣ,
Тяжко жити безъ милаго
На чужой сторонцѣ!

Безъ милаго доли нé ма,
Стане свѣтъ тюрьмою;
Безъ милаго счастья нé ма,
Не ма и спокою:

Де ты милый, чернобривый,
Де ты, озовися?
Якъ безъ теби я горую,
Прійди, подивися.

До кого я пригорнуся
И хто приголубитъ,
Коли нѐ ма тего тута,
Якій мене любитъ.

Полетила бъ я до тебе,
Да крылецъ не маю,
Сохну, чахну я безъ тебе,
Всякъ часъ умираю.

Вотъ наконецъ наши богомольцы приближились къ цѣли своего пѣшеходства. Ахъ, какъ хорошъ златоглавый Кіевъ, древняя столица всей православной Руси! Кто, даже изъ простаго народу, могъ бы смотрѣть безъ благоговѣнія на древнее зданіе Печерской Лавры и на поднебесность стараго Кіева! На немъ виднѣлись церковь Св. Андрея, воздвигнутая Изяславомъ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ Первозванный Апостолъ водрузилъ Животворящій Крестъ; — храмъ Трехъ Святителей, поправшій, волею Святаго Владиміра, Перуново капище, — и златоверхій Михайловскій монастырь, устроенный Великимъ Ярославомъ. Что́ же должна была ощущать, при первомъ взглядѣ на Кіевъ, піитическая душа Маруси? Я воображаю нашу Сафо на плоскомъ берегу Днѣпра, передъ чудеснымъ зрѣлищемъ, никогда ею невиданнымъ, какъ она стоитъ на колѣнахъ съ поднятыми къ небу глазами, на которыхъ блестятъ слезы умиленія. Уста ея отверсты, она хочетъ произнести молитву, но затверженное несильно выразить вполнѣ всѣхъ ощущеній души. Вздохи стѣснились въ ея груди, и только: *Господи, помилуй!* изливается прямо изъ сердца, но въ этихъ двухъ словахъ заключается все, что̀ можетъ человѣкъ сказать Богу, не сомнѣваясь въ Его благости и правосудіи.

III.

Польскіе приверженцы разнесли слухъ, что подъ Замостьемъ Гетманъ Хмѣльницкій разбитъ на-голову, что храбрый Мартынъ Пушкарь, Полтавскій Полковникъ, изрубленъ, и весь его полкъ, гдѣ былъ и Грицо, положенъ на мѣстѣ. Эта молва вдругъ уничтожила довѣренность Маруси къ ворожбѣ. Лучъ неземной надежды воспламенилъ, притушенную грѣховнымъ суевѣріемъ, набожность. Проклиная чародѣйство, въ раскаяніи, Маруся побѣжала въ Лавру, и, не довольствуясь обычнымъ временемъ богомолья въ пещерахъ, обреклась, для умилостивленія прогнѣваннаго ею Бога, провести у входа священной могилы трое сутокъ въ постѣ и молитвѣ, а потому и притаилась въ переходахъ за отгородкою, гдѣ былъ прикованъ бѣснующійся, привезенный родственниками въ святой градъ для исцѣленія (*). Священный трепетъ, изгнавъ изъ ея сердца обыкновенный страхъ, исполнилъ душу ея благоговѣніемъ, и она вся изливалась въ горячихъ слезахъ и молитвахъ Всеблагому Источнику Упованія, какъ вдругъ звукъ цѣпи испугалъ молельщицу, и дикій крикъ прикованнаго потрясъ всѣ ея члены: она вскочила, отбѣжала, оглядѣлась и, образумясь, опять преклонила колѣна и предалась духовному отвлеченію отъ всего, ее окружающаго. Въ наступающій день, посвященный па-

(*) Бѣснующіеся приводились къ столбу, находящемуся въ самой пещерѣ Св. Антонія, и тутъ читали надъ ними молитвы.

*

мяти Св. Іоанна Ветхопещернаго, богомольцы, считая общепечерскимъ сей праздникъ, спѣшили къ заутрени въ подземную церковь Введенія во Храмъ Пресвятыя Богородицы. Наша Сафо вошла въ нее первая, и стала какъ можно ближе къ иконостасу. Во время совершенія таинства и при пѣніи хвалы Богу, молодой Кіевлянинъ, богато одѣтый, подступаетъ къ образу, вышитому, какъ увѣряетъ преданіе, Царевною Греческой, супругою Святаго Владиміра, и послѣ трехъ земныхъ поклоновъ, прикладывается къ оному. Женщина, въ соболей шапочкѣ, въ едомашковомъ (*) кунтышѣ и червонныхъ чеботахъ съ золочеными скобками, подводитъ молодую дѣвушку, убранную въ вѣнокъ изъ весеннихъ цвѣтовъ, и одѣтую во всемъ бѣломъ, съ алыми прошивками и оборками, къ той же иконѣ; заставляетъ ее исполнить тотъ же обрядъ; потомъ становитъ ихъ обоихъ передъ царскими дверьми. Наша Сафо, углубленная въ свою думу, едва ли это замѣтила; но алтарная завѣса, брякнувъ кольцами по мѣдному пруту, пробудила ея вниманіе: она видитъ, что молодая чета сподобляется причастія Святыхъ Тайнъ. Безнадежная любовница стала припоминать, что и въ Полтавѣ велся обычай говенія (**) помолвленныхъ передъ свадьбою или обрученіемъ; слезы брызгнули изъ глазъ

(*) Очень плотная матерія, шелковая, съ узорами того же цвѣту.

(**) Обрядъ обрученія искони совершался отдѣльно отъ вѣнчанія; но по неудобствамъ, происходящимъ отъ сего полубрака для наслѣдства послѣ еще необвѣнчанныхъ, а уже соединенныхъ, нынѣ оба обряда исправляются вмѣстѣ.

ея, и градомъ покатились по блѣднымъ щекамъ, начавшимъ уже расцвѣтать небеснымъ упованіемъ. Сердце несчастной какъ будто перевернулось отъ сильнаго напору крови, и воспарившая душа снова припала къ землѣ. Она завистливо окинула глазами невѣсту, и внимательно посмотрѣла на жениха. Высокій ростъ, стройный станъ, черные очи и чуть пробившійся усъ, оживили въ умѣ ея, убитаго по слухамъ, Грица; и когда она уловила огненный взглядъ жениха, скользнувшій на невѣсту, пробужденная страсть закипѣла во всемъ ея существѣ. Воображеніе стихотворицы, то переносилось въ минуты пламенныхъ удовольствій, то въ холодную могилу, пожравшую всѣ ея отрады; грѣховное отчаяніе прогнало и самую тѣнь святой надежды. Воспоминаніе минувшаго, предугадываніе будущаго возбудили ея негодованіе и на себя, и на всѣхъ. Обѣдня кончилась. Стоящія подлѣ Маруси богомолицы подходятъ къ кресту; она не съ-мѣста. Женихъ проситъ священника отслужить благодарственный молебенъ; но когда его начали, Маруси уже не было въ церкви: она рыдала, притаясь опять подлѣ прокаженнаго, котораго страшный вопль будто радовалъ ея отчаяніе. Между тѣмъ, ночь наступала, и монастырскій послужникъ, убѣжденный просьбами, а можетъ и подаркомъ, дозволилъ Марусѣ переночевать въ переходахъ, обѣщая ей, чѣмъ свѣтъ, принесть просвирку для подкрѣпленія силъ ея.

Въ запустѣлыхъ пещерахъ и переходахъ, единственная собесѣдница бѣснующагося думала, что уже она привыкла къ его крику; разныя воспоминанія забродили въ ея разстроенной головѣ: она почувствовала, что земля

подъ нею распадается: она прибѣгла къ молитвѣ. Тутъ, первый еще въ эту ночь, крикъ безумнаго судорожно стянулъ ея члены; она проворно обвязала голову и уши своею хусточкой (*), преклонилась къ землѣ; но молитва ея, истекавшая полнотою души, уже вспыхивала усиліемъ жара; слова и мысли ея мѣшались; скрежетъ зубовъ, звукъ цѣпей, стонъ и самыя движенія отдѣленнаго отъ нея пугалища, заставляли ее озираться. Священный трепетъ началъ уступать земному страху; наконецъ ужасъ совсѣмъ овладѣлъ душею, неимѣющею уже прежней власти надъ изнуреннымъ тѣломъ. Дѣйствіе голода, безсонницы и страха сильно раздражило воображеніе, и до того уже разстроенное; въ ушахъ ея гулъ Днѣпра сталъ отзываться стономъ задавленныхъ разбойниковъ, которые, по народному преданію, жили нѣкогда въ этихъ пещерахъ; проблескъ лампаднаго свѣту сквозь створъ пещерныхъ воротъ сталъ казаться мельканіемъ огненныхъ глазъ усопшихъ, прогнѣванныхъ ея маловѣріемъ; блѣдныя мерцанія луны сквозь щели тесовыхъ стѣнокъ представлялись ей обезглавленными тѣнями отца и казненныхъ съ нимъ вмѣстѣ старшинъ; крикъ и вой сумасшедшаго превратились для нея въ страшные голоса демоновъ; необыкновенный въ ночное время трезвонъ раздался звукомъ трубы, зовущей ее на Страшный судъ; а вѣтеръ, возбуждаемый ея же быстрыми движеніями, казался ей холоднымъ прикосновеніемъ желѣзныхъ когтей. Вдругъ она слышитъ раздающійся сверху невнят-

(*) Платкомъ.

ный голосъ: это вопль изрубленнаго Грица. Она сильно вырывается изъ воображаемаго ею схвата адской силы, отрываетъ отъ крѣпкаго пояса одну полу своей плохты (*), и бѣжитъ на лѣстницу. Шорохъ шерстяной ткани, прикрѣпленной однимъ концомъ къ поясу, умножилъ испугъ: ей кажется, что за нею гонятся, и на самой верхней ступенькѣ свернувшаяся плахта защемилась между досокъ. Испуганная, почувствовавъ, что ее держатъ, упадаетъ замертво на паперти. Къ счастію, вѣющая прохлада возбудила обмертвѣлыя чувства, и слухъ первый очнулся сладкогласіемъ хорнаго пѣнія. Піитическая душа, одаренная живымъ ощущеніемъ небесной гармоніи, восторглась умилительнымъ благозвучіемъ; но страдалица не могла распутать мыслей своихъ, не зная, гдѣ она, и припоминая одни призраки, сильно поразившіе воображеніе: приднявшись на одно колѣно, вслушивается въ голосà и словà; ей мечтается, что она уже не на землѣ, и небесный ликъ встрѣчаетъ ея душу, — какъ вдругъ, громогласно и внятно, раздалась въ ушахъ ея торжественная пѣснь: *Тебе, Бога, хвалимъ!*... Радостный восторгъ безотчетно воздвигъ ее и устремилъ на слышанное пѣніе. Церковная дверь отворилась, яркій свѣтъ тысячи огней поразилъ ея зрѣніе, рѣсницы невольно сомкнулись; когда же она усильно ихъ раскрыла, видитъ, что изъ свѣта идетъ къ ней.... Но черная свитка послушника ужаснула ту, которая ожидала видѣть бѣлую одежду Ангела Послушникъ, удивлен-

---

(*) Кусокъ шерстяной ткани, которою, вмѣсто юпки, Малороссіянки обвиваютъ свой станъ.

ный внезапною встрѣчей, оглядѣвъ стоящую передъ нимъ, уже извѣстную ему богомолицу, въ безпорядкѣ и какъ-будто окаменѣлую, сказалъ ей ласково: «Богъ съ тобой! чего ты испугалась? Я принесъ тебѣ просвирку.» Человѣческій голосъ образумилъ изступленную; она спросила: «Что́ тамъ поютъ?»—и когда услышала, что поютъ благодарственный молебенъ за побѣду, дарованную великому Гетману, и что слухъ о разбитіи его и истребленіи Полтавскаго полка совершенно ложенъ,—обрадованная, кинулась въ растворенную дверь, и у самаго порогу пала крестомъ ницъ; но уже не могла подняться. Послушникъ, увидя, что она почти бездыханна, именемъ Божіимъ просилъ добрыхъ людей, помочь бѣдняжкѣ, и добрые люди, еще добрѣйшіе на радости, узнавъ отъ Полтавскихъ богомолокъ, кто она такова, вынесли ее изъ церкви, отвезли въ посадъ Оболонъ и сдали съ рукъ на руки маткѣ Ягаевнѣ.

Вскорѣ объяснилось, что Полтавскій Полковникъ, хотя былъ раненъ, но панъ Бобренко, во́-время, отбилъ его отъ непріятеля и вывезъ на конѣ изъ сѣчи, за что́ произведенъ въ Сотники; а сынъ его, за полонъ какого-то Польскаго Воеводы, сдѣланъ на отцовское мѣсто Хорунжимъ.

IV.

Въ Кіевѣ дѣлались распоряженія о встрѣчѣ побѣдоноснаго Гетмана съ трофеями и полковыми хоругвями, стало-быть и съ панами Хорунжими.

Едва затеплился свѣтлый день возвращенія избавителя Малороссіи, весь городъ, а съ нимъ и наша Сафо, спѣшила за Печерскую гору на встрѣчу Гетману Хмѣльницкому, который везъ съ собою въ Кіевъ знамена, отнятыя у непріятеля, и хоругви казацкія, препровождаемыя по одной сотни съ каждаго полка, чтобы внести ихъ въ Софійскій соборъ.

Соборные церковники разсказывали, что въ этотъ незабвенный день они видѣли съ Софійской колокольни притчу во языцѣхъ: дочери чиновныхъ пановъ и простыя казачьки, по ихъ головнымъ уборамъ изъ разныхъ цвѣтовъ и по вѣтвямъ, которыя онѣ несли въ рукахъ, казались ходячимъ садомъ; а сѣдочупрынные, черноусые и пустобородые казаки, въ кунтушахъ изъ разноцвѣтныхъ суконъ и червонныхъ китаекъ, гарцовали по полю, и скача взадъ и впередъ по Васильковской дорогѣ, землю грасовали, какъ Фараоново воинство; стоявшія жъ и сидѣвшія старухи и малыя дѣти обополъ дороги, колышились, будто живая обсатка разными ягодницами. Всѣ глаза были устремлены въ одну сторону; всѣ сердца трепетали ожиданіемъ одного и того же: но едва ли чье сердце такъ сильно билось, какъ нашей

Сафо? Ей сказали, что Полтавская Городская Сотня въѣдетъ съ Гетманомъ; она знала, что этою сотней начальствуетъ панъ Бобренко, а сынъ его, какъ Хорунжій, долженъ везти полковую хоругвь. Ея быстрые взгляды проглядѣли всю даль, а поѣздъ еще не появлялся: нетерпѣливой любовницѣ начало казаться, что Гетманъ, на зло будущему ожиданію, нарочно медлитъ, и что самое солнце, для ея мученія, всходитъ лѣниво; однако жъ она замѣтила, что тѣнь ея, которая сначала ложилась на три или на четыре роста, скоротилась почти на одинъ. Шедшія подлѣ нея горожанки также соскучились дожидаться, и одна изъ нихъ предложила, отъ скуки и въ честь пану Хмѣльницкому, спѣть думку, сочиненную имъ еще въ тяжкое время. Другая, можетъ быть и наша Маруся, сказала, что она знаетъ придѣланный къ ней новый конецъ. Кіевскія пѣвицы обрадовались этой мысли, тотчасъ вытвердили присочиненное, и запѣли:

Ой, бѣда, бѣда
Чайцѣ небо̂зѣ,
Що вывели дѣтки
При битой доро̂зѣ!
Киги, киги злетѣвши въ гору,
Прійшлось втопиться у Черному морю.

Жито поспи́ло,
Приспи́ло дѣло,
Идутъ женцы жати:
Дитокъ забирати.
Киги, киги злетѣвши, и проч.

Ой, ди́ти, ди́ти!
Де васъ поди́ти.
Чи мни втопиться,
Чи съ горя убиться?

Киги, киги и проч.

И куликъ чайку,
Взявъ за чубайку,
Чайка кигиче:
Згинь ты, куличе!

Киги, киги и проч.

А бугай бугу,
Гне чайку въ дугу.
Не кричи, чайко:
Бо буде тяжко!

Киги, киги и проч.

Якъ не кричати,
Якъ не летати,
Дитки мале́ньки,
А я ихъ мати.

Киги, киги, и проч.

Матка вспорхнула,
Крыльцемъ махнула:
Женьцы ворожати —
Га̀йда втикати.

Киги, киги злетѣвши въ гору,
Прійшлось имъ втопиться у Черному морю.

Звонкій голосъ нашей Сафо то вылеталъ яснымъ соколомъ въ поднебесье, то вдругъ робкою голубкой припадалъ къ землѣ. Его, то высылала изъ лебединой груди радость и надежда, то удерживала на сладкихъ устахъ

боязнь и предчувствіе. Рать подъѣзжаетъ, дѣвичьи вѣнки и мужскія еламки (*) закружились надъ веселыми головами. Слава тебѣ, Гетманъ! Честь нашимъ казакамъ! — раздаются крики по городу, возносятся выше Софійской колокольни, и гудятъ по широкому Днѣпру, за Печерскій берегъ. Взглядъ нетерпѣливой Маруси стрѣлой пролетаетъ сквозь густую пыль; онъ не останавливается на величественномъ видѣ Гетмана, скользитъ по толпѣ его приближенныхъ, мелькаетъ по лицамъ первыхъ сотенъ; но не уловляетъ, кого ему надобно. Показалось знамя Полтавскаго полку; сердце Марусино вздрогнуло, ноги чуть не подкосились, но глаза не смигнули съ подъѣзжающихъ. Вотъ проѣхалъ новый Сотникъ Бобренко, и вотъ, его прежнее знамя везетъ... но, увы! не милый Хорунжій Грицо, а нелюбый Значковый Товарищъ Кондратъ Искра. Бѣдняжка невольно вскрикнула: гдѣ же онъ? Оба знакомые ей чиновника оглянулись, но она уже ни ихъ, и ни кого не взвидѣла. Полтавцы давно проѣхали, а она все стояла на одномъ мѣстѣ; подаренная милымъ хусточка, которою она хотѣла примахнуть ему, крѣпко сжалась омертвѣвшею рукой; растворенныя сердечнымъ восторгомъ уста не сомкнулись, и, Богъ знаетъ, сколько бы она простояла въ окаменѣніи, если бы сосѣдка не подхватила ея подъ руку, и толпа бѣгущая за Гетманскимъ поѣздомъ, не увлекла ихъ обѣихъ за собою къ Софійскому собору.

Тамъ, ни крестная встрѣча всемъ православнымъ духовенствомъ, ни звучное пѣніе церковнаго клира, ни даже произнесенное со ступеней храма торжественное про-

(*) Лѣтнія казачьи шапки.

возглашеніе Зиновія Хмѣльницкаго истиннымъ Богданомъ,—ни что́ не трогало ея. Она что́-то видѣла, что́-то слышала, но ни чему не соучаствовала. Сердце и голова были полны только однимъ, и когда по внесеніи въ соборъ хоругвій и по вшествіи Гетмана, всѣ проворные люди ринулись за нимъ, Маруся осталась одна, и что́-то шептала про себя; наконецъ, почти столкнутая съ мѣста молодцомъ, пробивавшимся изъ церкви сквозь толпу, вдругъ громко спросила: *Деже вонъ?—Вже въ Пилтавѣ*, проворчалъ какъ будто ошеломленный этимъ вопросомъ силачъ. *Въ Пилтавѣ?* вскрикнула Маруся.—*Эге, я тобѣ кажу, что вонъ завернувся зъ паномъ Пилковникомъ.* Знакомый голосъ кольнулъ сердце Маруси, и цвѣточный вѣнокъ тряхнулся на головѣ ея; она, какъ будто съ просонья, взглянула, и видитъ передъ собой Кондрата Искру, который, нахмуривъ густыя брови и крутя черный усъ, устремилъ на нее глаза; ихъ вопросительный взглядъ заставилъ бѣдную дѣвушку потупить взоръ.

Кондратъ, замѣтя это, сказалъ: *Же не злякайся и не гнѣвясь на мене, хибо я ему велйвъ: вонъ самъ вдавъ мене свой значекъ, хотивъ лынути у домъ.— Чому?* спросила Маруся, и щеки ея вспыхнули.—*Богъ знае*, отвѣчалъ и самъ, покраснѣвшій до ушей, отвергнутый женихъ: *може що до пане мати, а може що....* —*До кого?* вырвалось изъ нетерпѣливаго сердца нашей Сафо. Это восклицаніе возбудило прежнюю ревность соперника, и онъ, едва ли не въ первый разъ въ жизни, хотѣлъ отомстить за старую обиду, кашлянулъ, оперся на саблю и, поправивъ шапку, сказалъ: *А може що до его зарученной.*

— *Якъ заруч....* Языкъ бѣдняжки не могъ договорить, но быстрые глаза докончили вопросъ, и смущенный Кондратъ, какъ будто принужденный ими, отвѣчалъ: *А той паночки Ганнуси що коли-съ....*

— *Де-съ ты знае....*

— *Ой же не журися: я не хотивъ тибе пригрустите, до що тутъ робите, моя сухотинька, якъ любый тобе покидае?...*

— *А вотъ нелюбаго я сама бѣгу, и не вѣрую ни чому.*

Съ этимъ словомъ отчаянная побѣжала, а изумленный Значко́вый Товарищъ кричалъ ей въ слѣдъ: *Коли я тее, а отъ тее!... то нехай мине, або що Богъ знае, що.... отъ що...*Онъ не успѣлъ кончить всей своей Малороссійской божбы, не зная и самъ, въ чемъ онъ божился, Маруся пропала изъ виду и пробѣжала какъ полоумная мимо крещатика.

Уже выходя отъ вечерни изъ Печерской Лавры, Полтавскіе богомольцы увидѣли ее сидящею на крутомъ берегу; она смотрѣла въ Днѣпръ, покрывавшійся огнями рыбачьихъ лодокъ, какъ небо звѣздами, которыя, глядясь въ тихую воду, будто двойнымъ освѣщеніемъ праздновали незабвенный для нашего отечества день. Маруся просила ночлега у своихъ одноземокъ, не желая ни за что́ въ свѣтѣ возвращаться къ старой колдуньѣ и вдаваться опять въ обманъ, о которомъ дошла до насъ слѣдующая думка:

Прилита̀ла Зозуле́нька
Зъ темного лисо̀чку;
Сила, пала, заковала

Въ зеленомъ садочку.
Ой, якъ вышла Марусенька,
Во ней запытала:
— Скажи мини, Зозуленька,
Довго ль буду въ нудгѣ?
«Будешь, мила Марусенька,
Сей день до вечора!»
— Бо дай же ты, Зозуленько,
Семь лѣть не ковала,
Що ты мини молоденькой
Правды не сказала! —

Между тѣмъ матка Ягаевна, протершись сквозь толпу въ церковь, налюбовавшись великолѣпіемъ соборнаго служенія и надивившись досыта паномъ Гетманомъ, наконецъ вспомнила о своей путевой дочкѣ, искала ее въ толпѣ, прибѣжала домой, дожидалась во всю ночь съ большимъ безпокойствомъ, и только со свѣтомъ собралась итти опять ее отыскивать въ пещерахъ,—какъ по просьбѣ нашей Сафо, вошли въ хату нѣсколько Полтавскихъ богомолицъ съ требованіемъ ея котомки. Досужая сосѣдка, узнавъ гдѣ ея коханочка, сама побѣжала къ ней; однако какъ ее ни уговаривала возвратиться на Оболонь, только не успѣла, и отправилась съ богомолицами въ обратный путь. Ея разговоры мало по малу успокоили легковѣрное сердце влюбленной. Ягаевна согласилась съ Марусей, что Кіевская вѣдьма точно обманщица, а Маруся согласилась съ нею, что презрѣнный Кондратъ Искра, съ досады и ревности, на зло ей сказалъ, будто Грицо вернулся въ Полтаву для полковниковой племянницы, а не для нея.

Къ несчастію нашей Сафо, Кондратъ Искра не говаривалъ пустаго и не томилъ своихъ слушателей долгими разсказами.

V.

Гетманъ Хмѣльницкій, по возвращеніи въ Полтаву, былъ очень обрадованъ привѣтствіемъ съ побѣдами Царскихъ посланцевъ, Михайлова и Ухтомскаго, которые пріѣзжали вѣроятно по слободскимъ дѣламъ, и вслѣдъ за ними отправилъ въ Москву Эсаула Ѳеодора Вешняка, зятя Полтавскаго Полковника, то есть, отца Ганнуси, а при немъ давнишняго знакомца нашего, Сотника Бобренко, съ донесеніемъ къ Государю о желаніи его, *какъ былъ бы онъ и не Гетманомъ, состоять подъ высокою рукою Его Царскаго Величества.*

Пока самые смиренномудрые во всей Полтавѣ мужья отправляли государственныя порученія, — досужія жены ихъ заключили семейственный союзъ, то есть, уладили свадьбы ихъ дѣтокъ, задали большую работу языкамъ Полтавскихъ чиновницъ, и заготовили страшное бѣдствіе нашей Марусѣ и самому Грицу, только уже совсѣмъ не такому, какъ мы его знали. Онъ въ походѣ такъ разгарцовался, что съ перваго взгляду казался непохожимъ на самого себя. Врожденное удальство, заглушаемое прежде крикомъ своевольной матери, и природное непостоянство, усыпленное сердечнымъ магнитиз-

момъ миленькой сестрёньки, начали разгуливаться въ молодомъ казакѣ, по мѣрѣ удаленія его отъ обѣихъ усмирительницъ, и Марусино оживленіе его юности пошло въ прокъ, только не для нея.

Воинское житье, казацкое наѣздничество, похожее на гайдамачество (*), молодецкіе прихваты чужекрайныхъ красавицъ, беззаботная жадность насладиться жизнію, висящею на волоскѣ, послѣ вражеской сабли: словомъ, весь непосѣдный и неугомонный ратный бытъ, поразгорячили буйныя страсти красиваго казака, но порасхолодили прежнюю любовь и позгладили съ его сердца первыя ея впечатлѣнія; а удалой прыжокъ изъ рядовыхъ въ почетный чинъ, хоть у кого бы вытряхнулъ изъ памяти прощальныя просьбы и клятвы! Матушкина кровь брызгнула изъ сердца въ голову новаго пана Хорунжаго, и заготовила новой пани Сотницѣ легкую побѣду надъ поскудною заморокой, какъ она называла нашу Сафо. Совсѣмъ тѣмъ мы увидимъ, что первая страсть, ранняя пробудительница всѣхъ прочихъ, никогда совершенно не можетъ излечиться. Конечно, для молодаго служиваго, при первомъ шагѣ въ люди, разлакомленнаго фортуною, лестно попасть въ ближнее родство къ своему главному начальнику; притомъ богатое приданое кому непригодно? Но Грицо такъ разсуждалъ только до перваго свиданія съ Марусей, а послѣ сердце его сжалось, и онъ сталъ задумываться, повѣряя свои думы темной ноченькѣ и нерѣдко омоченному слезами изголовью.

(*) Разбойничество.

Пани Сотниковна и Эсауловна, какъ ни желали соединенія своихъ дѣтей, но не могли позволить явнаго жениханья до возвращенія отцовъ, которыхъ благословеніе все-таки было необходимо. Мати Бобренковна, смѣтивши, что чиновный сынъ ея не захочетъ согрубить пану Полковнику, придумала какъ схватить его согласіе, а мати Вешняковна, не заботясь о чувствахъ своей дочери, рада была выдать ее за молодаго чиновника и приверженца ея брата. Самъ Полковникъ, полюбя своего радушнаго спутника, намѣкалъ ему объ этой свадьбѣ, которая и прежде затѣялась-было, да отъ чего - то разошлась. Грицо очень зналъ отъ чего, да молчалъ, и все молчалъ, даже и тогда, какъ пани мати, приведя его въ домъ невѣстина дяди, объявила ему общее ихъ желаніе. Сынъ не зналъ самъ хорошенько, желаетъ онъ, или не желаетъ, однако, не чего дѣлать, поклонился, и этотъ поклонъ былъ принятъ за просьбу. Такимъ образомъ сватовство спроворилось, а формальное объявленіе о немъ и *веселье* (*) отложены до возвращенія Гетманскаго посольства изъ Москвы.

Извѣстно, что промолвленное шопотомъ въ вельможескихъ домахъ, разсказывается громко на улицахъ, и что народная молва разлётиста: вотъ такъ она и встрѣтила, на послѣднемъ ночлегѣ, Кіевскихъ богомольцевъ, панскою новостью. Маруся съ помощію матки Ягаевны какъ ни старалась не вѣрить измѣнѣ своего Грица, какъ ни силилась втолковать себѣ, что это отголосокъ прежняго сватовства пани Бобренковны, или ея же разгласка, что-

---

(*) Свадьба.

бы заставить Грица по-неволѣ согласиться на свадьбу, для сохраненія чести племянницы пана Полковника; однако веселость, которою она, для своего ободренія, одушевлялась и одушевляла сопутницъ, вдругъ запала, и наша стихотворица, проходя знакомымъ ей лѣскомъ, пропѣла только въ полголоса:

Якъ зъ тобой мы спознавались —
Сухи дубы развивались;
Якъ любиться перестали —
Однолѣтки сохнуть стали.

И сколько любимая ею побратима Мелаша ни приставала къ ней, Маруся не хотѣла допѣть этой думки, потому она не дошла до насъ; а пропѣтое ею четверостишіе вклеено въ пѣсню, гдѣ оно видимо не на своемъ мѣстѣ.

Вотъ уже пѣшеходцы у воротъ Полтавы: почти весь городъ выбѣжалъ имъ на встрѣчу.... а Грица нѣтъ какъ нѣтъ! Одна кормилица его встрѣтила свою дочь, и, скрѣпя сердце, принуждена была разсказать, что ея вскормленникъ только въ день своего возвращенія забѣжалъ къ ней; раза два, и то украдкою, видѣлся у гребли, проѣзжая въ хуторъ, и однажды, при выходѣ изъ Крестовоздвиженской обители, сунулъ ей въ руку пять дукатовъ. Можно вообразить, какъ горекъ былъ для нашей Сафо этотъ расказъ: она выговаривала своей матери за принятіе денегъ отъ неблагодарнаго, отъ гордеца, отъ.... чѣмъ въ такихъ случаяхъ называютъ невѣрныхъ любовниковъ, минуя настоящее прозвище измѣнника.

Два дня спустя, богатая вдова Полтавскаго Старшины затѣяла вечерницу въ честь радостнаго возвращенія своей дочери, Мелаши, которая не проминула пригласить

свою подругу, лучшую пѣвицу и красу всей Полтавы, Марусю. Она хотѣла отказаться, однако не отказалась. Въ головѣ ея мелькнула мысль: авось на вечерницѣ увидитъ измѣнника, и если не возвратитъ себѣ его сердца, покрайней мѣрѣ покажетъ себя во всемъ блескѣ и уничтожитъ свою соперницу. Не такъ ли думала и древняя Сафо, когда собиралась, со всею силой своего генія, на Истмическія игры? И она также своимъ торжествомъ хотѣла привлечь къ себѣ невѣрнаго. Люди всегда и вездѣ одинаковы! Малороссійская Сафо прибѣгнула-было къ опостылому ей зеркальцу, подарку милаго Грица, и занялась нарядомъ. По бѣлой какъ снѣгъ сорочкѣ, прошитой мережкой (*) на рукавахъ и подолѣ, обвернула исхудалый, но все еще стройный станъ свой голубою кофовой (**) плахтою; увѣшала какъ можно гуще искипѣлую грудь яркими монистами; подвязала подъ нее зàпасочку (***) изъ свѣтло-вишневаго грезета, съ алымъ отливомъ (****); убрала залётную голову васильковымъ вѣнкомъ, сверхъ обручика, связаннаго изъ ея черныхъ косъ, обвитыхъ вмѣсто золотаго позументу, только разноцвѣтными лентами, которыхъ длинные концы спускались бахрамой до посеребреныхъ скобокъ червонныхъ чоботъ. Она не забыла вычистить и выгладить знакомую вамъ хусточку; наконецъ, вырядясь какъ только можно лучше, поглядѣлась, оглядѣлась и улыбнулась давнишнею улыбкой. Самодовольствіе вооружило ее противъ невѣр-

---

(*) Узоромъ.

(**) Кофа или канва, шерстяная ткань.

(***) Передничекъ.

(****) Матерія миньонная, т. е. сотканная изъ двухъ разныхъ цвѣтовъ.

наго двоякимъ самолюбіемъ красавицы и поэта. Вотъ какъ явилась наша сердцевоительница на поприще торжества своего, то есть, на вечерницу, гдѣ уже соперница ея смиренно и важно сидѣла у престолицы (*), подлѣ своей матери, разговаривавшей со вдовою прежде бывшаго Полковника, и очень терпѣливо ожидала своего жениха. Обрадованная сомнительнымъ приходомъ своей побратимы, Мелаша усадила ее подлѣ себя, но скоро мать подняла молодую хозяйку, чтобы подчивать гостей. Вотъ вошелъ новый Хорунжій, и, кланяясь бесѣдѣ, увидѣлъ неожиданно Марусю: щеки его вспыхнули, вѣки опустились, языкъ что́-то прошепталъ хозяйкѣ, которая просила его сѣсть. Онъ почти кинулся на первое порожзее мѣсто, и очутился подлѣ своей прежней невѣсты. Гордость поэта, а можетъ быть довольная любовь, толкуя эту нечаянность въ свою пользу, оживотворила завядавшую прелесть нашей Сафо. Она спрашивала своего сосѣда, съ радушіемъ давнишняго дружества, о его здоровьѣ и славныхъ подвигахъ; напомнила ему мимоходомъ, какъ она всегда любовалась его молодечествомъ. Давно милый и доходящій до сердца голосъ и сладостныя воспоминанія, сильно подѣйствовали на душу легкомысленнаго измѣнника. Она сперва трепетала, потомъ мало по малу возвратилась къ бывалымъ наслажденіямъ, и предалась удовольствію разговора, который отдѣлилъ прежнихъ любовниковъ отъ всего ихъ окружающаго. Мелаша прервала эту опричную бесѣду, обратившую общее вниманіе на ея подругу; а

(*) Столъ подъ образами.

чтобы прекратить уже начинавшіеся перешопоты женщинъ и доставить удовольствіе мужчинамъ, которые какъ будто завидовали и безъ того завидному счастью безбородаго Хорунжаго, она просила нашу Сафо спѣть какую нибудь думку; къ ней присоединились всѣ гости, и она запѣла:

Стели́ся, стели́ся зеленый горо̂ше,
Якъ листъ по во̂дѣ,
Гей вы не тѣштесь, вороженки,
Моей пригодѣ!

Бо моя пригода, бо моя пригода,
Якъ лѣтня роса;
Якъ витеръ повіе и сонце пригріе,
Спаде вона вся.

Гей ты, молоденькій, голубе сизенькій,
Не въ правдѣ живешь;
Минуешь мою хату и мои ворота,
А до иншой идешь.

До иншой идучи, до иншой идучи,
Писеньку поешь,
Мини молоденькой голубцѣ сизенькой
Жалю завдаешь.

Голосъ пѣвицы сначала слабѣлъ и прерывался, но Полтавцы были рады слышать опять знакомые звуки своей родины; а пѣвица, замѣтивъ, какое дѣйствіе произвела пропѣтая пѣсня, была очень довольна своимъ первымъ успѣхомъ, и по вторичной просьбѣ гостей, запѣла бодрымъ голосомъ:

Сидитъ голубь на березѣ,
Голубка на вишнѣ;

Скажи сердце мини правду:
Що маешь на мыслѣ?

Ой, яжъ тоби присягала
Любите якъ душу;
Теперь мине покидаешь,
Я плакати му́шу.

Будь счастливый и съ твоѐю,
Котору кохаешь;
А надъ мине вѣрнѣйшею
На свитѣ не на̀йдешь.

Буду Бога я просити,
Щобъ ты бувъ счастливый!
Чи за мною, чи зъ другою,
Повѣкъ мини милый.

Якъ не схочешь, сердце мое,
Дружиною бу́ти:
То дай мини таке зелье,
Щобъ тебе забути.

Буду пити черезъ силу,
Кропли не упущу;
Хиба тебе я забуду,
Якъ очи заплющу.

Эти стихи сильно растрогали бѣднаго Грицу. Какъ ни крутилъ онъ свои пушистые усы, какъ ни приглаживалъ русую чуприну, какъ ни отиралъ свой лобъ,—не могъ скрыть отъ любопытства слезъ, которыя проблеснули у его на глазахъ при умилительномъ выраженіи: *то дай мини таке зелье, щобъ тебе забути.* Слезы не утаились и отъ той, чьи стихи и голосъ выманили ихъ

наружу. При окончаніи пѣсни, рука пѣвицы, по старой привычкѣ, была уже въ рукѣ молочнаго ея брата; но она тотчасъ ее выхватила; и взглядъ, быстро изобразившій страсть, укоръ и почти презрѣніе, кинутый на важную невѣсту, заставилъ Грица вскочить съ своего мѣста, и только слова хозяйки: *востанься, пане Хоружій!* остановили его побѣгъ, быть можетъ, къ матери, чтобы объявить ей торжественно, что никто, кромѣ Маруси, не будетъ ея невѣсткой. Покрайней мѣрѣ этотъ внезапный порывъ живо напомнилъ его прежней подругѣ ту минуту, когда онъ, въ первый разъ понявъ свою любовь, бросился отъ нея съ такимъ же намѣреніемъ. Восхищеніе и похвалы слушателей скрыли отъ общаго замѣчанія мгновенное движеніе, произведенное обворожительнымъ пѣніемъ, и дали время Грицу нѣсколько оправиться. Никто не замѣтилъ, что изъясняло лице невѣсты, не тронувшейся съ почетнаго мѣста. Старые прудіусы подпили порядочно; жены ихъ нашептались досыта; молодые па̀робки и заручённыя дѣвчины, напѣвшись сколько душѣ угодно, поблагодарили хозяевъ и отправились по домамъ, оставя только заручённыхъ жениха̀ться во всю ночь (*); а Грицо, еще не бывъ объявленъ женихомъ, шепнулъ мимоходомъ Марусѣ: *вранцѣ* (**), и вы можете себѣ представить, какъ это вранцѣ ее восхитило; въ какой безсонницѣ она его ждала; но

(*) Въ Малороссіи обычай, послѣ помолвки, которая бываетъ задолго до свадьбы, помолвленнымъ свыкаться между собою и проводить вмѣстѣ: это называется жениха̀ться.

(**) До утра̀.

къ несчастію, не даромъ говорится, что *завтра* не наше, а Божіе.

На другой день, чуть свѣтъ, явились у своихъ будинокъ, старый Эсаулъ и новый Сотникъ, отлетомъ, на перемѣнныхъ коняхъ, отъ всего посольства, которое продолжало путь свой по прямой дорогѣ. Обрадованныя жены схватили ихъ съ коней, и не давъ хорошенько образумиться, поволокли къ пану Полковнику. Мартинъ Пушкарь не успѣлъ еще узнать хорошенько, что́ дѣлалось въ Москвѣ, что́ отвѣчалъ Царь и зачѣмъ посланцы кружили по Украйнѣ, — какъ матери заставили отцовъ ударить по рукамъ и приказали дѣтямъ поцѣловаться, и жениҳаться въ ожиданіи веселья, которое положили сыграть, когда Гетманъ, или по заключеніи мира распуститъ полки, или уволитъ обоихъ отцовъ для обвѣнчанья помолвленныхъ. Торопливость нагнать свой поѣздъ не допустила посланцамъ совершить церковнаго обрученія. Вечеринка, раздувшая въ сердцѣ Марусина брата притухшій огонь, мечталась ему при невѣстиномъ поцѣлуѣ, а приказъ жениҳаться съ той, кого со всѣмъ богатымъ нарядомъ и важнымъ родствомъ уничтожала бѣдная вдовья дочка, былъ ему какъ ножъ въ сердцѣ; но дѣлать нечего!.... и онъ покрайней мѣрѣ радовался тому, что отложено ни чуть не веселое для него веселье, что можетъ быть миръ не состоится, отецъ не уѣдетъ и ему удастся поразмыкать свое горе въ чистомъ полѣ... а тамъ, что́ будетъ, то будетъ! Ко всему пригодное Малороссійское: *Э ге!* въ этомъ случаѣ замѣнило Великороссійское: *авось*. Не придумавъ ничего рѣшительнаго, и надѣясь на что́-то, нашъ невольный обру-

ченецъ ободрился, вышелъ отъ Полковника, замурлыкалъ припѣвъ любимой тогда всѣми думы Богдана Хмѣльницкаго: *Киги! киги! взлетѣвши въ гору*, *пришлось втопиться у Чорному морю.* Однако пріѣздъ отца, а можетъ быть и совѣсть, не допустили уже обнародованнаго измѣнника въ домъ кормилицы, гдѣ, какъ онъ воображалъ, скоро будетъ извѣстна его помолвка: въ чемъ и не ошибся. Сосѣдка Ягаевна, боясь, какъ послѣ увѣряла всю Полтаву, чтобы какая нибудь болтунья не всполошила вдругъ ея кохaночку, побѣжала къ ней прямо отъ вечерни, гдѣ уже заговорили о помолвкѣ Полковниковой племянницы, и стала приготовлять ее къ горькой вѣсти издалека, обиняками. Маруся, которая только что предалась возвратившейся надеждѣ, никакъ не догадывалась объ этомъ; наконецъ вѣстница, выйдя изъ терпѣнія, съ сердцовъ сказала, что свадьбѣ быть черезъ три дня. Несчастная тутъ же обмерла; устремила неподвижные глаза на лице своей матери, и, не вздохнувъ ни раза, сидѣла, сложа руки, какъ мраморная статуя Агрипины. Старуха вскинулась шопотомъ на сосѣдку, а та, со страху, чтобы опять не попасть въ поклепъ, ушла изъ хаты.

Послѣ долгихъ увѣщаній чадолюбивой матери, полуубитая страдалица покачала головой, и очень тяжко вздохнула; не проливъ ни одной слезы, встала, поцѣловала (что̀ съ ней давно не случалось) руку своей матери, прижала ее къ сердцу, но почти вырвавшись изъ ея объятій, вышла за перегородку, гдѣ стояла кроват, и, не перекрестясь, бросилась на нее. Горемычная старуха сѣла на край своей постели, и сквозь растворенныя двер-

цы на нее глядѣла. Маруся лежала какъ убитая, и какъ будто въ просоньѣ сорвала съ шеи своей любимую хусточку, которую поутру накинула. Можетъ быть, устарѣлая въ несчастіи вдова во всю ночь не свела бы глазъ съ существа, которое привязывало ее къ жизни; но услыша, что кто-то подходилъ къ хатѣ, выбѣжала посмотрѣть, не сосѣдъ ли вздумалъ къ ней зайти; однако, не замѣтивъ никого, кромѣ человѣка въ синей байбаракѣ (*), прытко идущаго къ оврагу, возвратилась и увидѣла съ удивленіемъ, что серпянный пологъ Марусиной кровати былъ спущенъ; подкралась, прислушалась къ дыханію дочери и, судя по немъ, что она, слава Богу, спитъ, а пóлогъ упалъ самъ собою, отошла на цыпочкахъ къ образу, пала предъ нимъ ницъ, благодарила Господа, что успокоилъ ея дѣтище, и наконецъ сама улеглась тихомолкомъ.

Какъ ни крѣпокъ сонъ послѣ трудовъ или истомы душевной, но сердце матери всегда чутко. Послышавшійся въ сѣнцахъ шорохъ разбудилъ старушку. Она бросилась за отгородку, пóлогъ откинутъ, а кроватъ пуста!... Мать въ испугѣ бѣжитъ къ дверямъ и за порогомъ сталкивается съ великорослымъ мужчиною, несущимъ будто мертвое тѣло. Старуха вскрикнула, упала на него; великанъ только пошатнулся и сказалъ: *А сежъ вона жива.* — *Жива!* повторила мать, еще только одною душею узнавшая дочь свою, и тогда увидя помертвѣлое лице, повисшія косы, мокрое платье, съ которыхъ ручьями текла вода, затрепетала, зарыдала; и

(*) Покрытый тулубъ.

между тѣмъ силилась помочь внести ее въ хату и положить на постелю. Тутъ, ощутя дочернее дыханіе, оживленная имъ старуха хочетъ броситься къ ногамъ избавителя, не удосужась еще взглянуть ему въ лице, и уже подхваченная имъ, узнаетъ Кондрата Искру и благодаритъ его. «А вже не мене,» прервалъ избавитель Маруси, «а Бога треба дяковати. Винъ все зробивъ; Винъ уразумивъ пану Обозному, щобъ посłавъ мине вербовати подсусидковъ(*) у сердюки и Охочекомонный повкъ! Винъ сохранивъ мине водъ уражескихъ кулъ и я обѣщався, коли визвернуся къ моей матусѣ, такъ и въ первый день пійду на вутрень въ той монастырь, и пишовъ: заразъ зъ хвортки твоего сидочка плигнула сяя небоженька на греблю: я прихилився къ йвонькамъ и бачу: сежъ вона на греблѣ; слухаю, сежъ якъ що въ воду впало; и тутъ я прытко метнувсь у воду, влучивъ ее въ рѣццѣ и вихотивъ ще слава Богу живу.

«Ахъ! хибо вона сама втопилась? вскричала въ ужасѣ старуха.

«Ма бутъ що сама, а ма бутъ що и самъ дѣдько (**) вспихнувъ, а сежъ вона очи вотворяе!»...

Тутъ боясь, чтобы его присутствіе и самое избавленіе не было въ укоръ презрѣвшей его невѣстѣ, Кондратъ выбѣжалъ за дверь, но не отходилъ отъ нея, пока его

(*) Подсусѣдками назывались крестьяне, не имѣющіе своихъ домовъ и работающіе въ поденьщину; изъ нихъ набирали сердюковъ, т. е. пѣшихъ воиновъ, и охотниковъ въ вольные полки, состоящіе на земскомъ содержаніи и жалованьѣ.

(**) Домовой.

небоженька, (какъ онъ сталъ съ той поры называть Марусю) совсѣмъ не опомнилась; тогда, перекрестясь, пошелъ домой переодѣться къ заутрени.

Утопленница точно открыла глаза, да будто испуганная блескомъ молніи, мигомъ опустила вѣки, потомъ ихъ приподняла и съ недовѣрчивымъ любопытствомъ медленно озирала хату, отбросила назадъ упадшіе на лицо мокрыя косы, судорожно отдернула отъ нихъ свою руку и съ явнымъ безпокойствомъ стала ощупываться. Огнистые глаза ея сверкали между безпрестаннаго смеженія черныхъ рѣсницъ, показывающихъ усиліе разсудка развѣять падшій на него туманъ; наконецъ, вслушавшись въ голосъ матери, несчастная устремила на нее изступленный взглядъ и, быстро кинувъ его на освѣщенный лампадою образъ Спасителя, вдругъ вскрикнула: простите! простите! и бросилась съ кровати на колѣна. Старуха, умиленная раскаяніемъ самоубійцы, приклонила потихоньку ея голову къ самой землѣ, и падши подлѣ нея ницъ, молила милосердаго Господа о помилованіи ея дѣтища; успокоивала какъ умѣла бѣдняжку, раздѣла, отерла и положила въ постель, окутавъ чѣмъ попало. Маруся опомнилась, какъ мать уже стала поправлять ея изголовье, обхватила ее за шею, облила слезами лице и руки, какъ вдругъ почувствовала сильную лихорадку. Испуганная мать бросилась къ сосѣдкѣ Ягаевнѣ, а та и рада случаю показать свое искусство: тотчасъ явилась съ снадобьемъ, начала терѣть, поить, согрѣвать. Къ вечеру больной стало легче; однако мать не открывала настоящей причины болѣзни. Ягаевна догадывалась, не ея ли вѣсточка перевернула всю внутрен-

ность покинутой любовницы; слава Богу, ей и въ голову не приходило утопленіе, а Кандратъ Искра, пришедшій узнать о здоровьѣ Маруси, далъ матери слово скрыть прошедшее; и кто бы въ Полтавѣ не повѣрилъ Кандрату Искрѣ?

На другой и на третій день, казалось, лихорадка начинала отставать, но больная почти безпрерывно впадала въ забытье, которое лекарка почитала цѣлебнымъ сномъ и оставляла воображенію нашей Сафо волю дѣйствовать по своему, въ минуты просонья. На третью ночь открылась воспалительная горячка съ безпрестаннымъ бредомъ; мать, боясь, чтобы какъ нибудь въ безпамятствѣ дочь ея не сказала чего лишняго, хотѣла было отдѣлаться отъ одолженія болтливой сосѣдки, да уже поздно. Ягаевна сдѣлалась полною госпожей въ чужомъ домѣ, помыкала хозяйкой какъ работницей; выбѣгала ненадолго взглянуть на свой обиходъ, и перемолвля, кой съ кѣмъ слова два, три, тотчасъ возвращалась къ изголовью больной. Горячка нашей Сафо, такъ же какъ изступленіе Торквато Тассо, ознаменовалась піитическимъ бредомъ. Больная, во время воспаленія, не только говорила стихами, но пѣла; а особливо часто повторяла, кажется, составившуюся во время развитія болѣзни думку:

Шу́митъ, шу́митъ дуброве̇̈нька!
Плачетъ, тужитъ дѣвчино̇нька!
Во̇на пла̇че и рыда̇е,
И на долю нари́кае:

«Ахъ, ты, доля! всимъ не ми́ла,
Чомъ ты мене не втопи́ла?

Лучше бъ було утопи́ти,
Не нужъ съ ми́лымъ разлучи́ти!

Десь ты мине, моя мати,
Въ борьиньку (*) купала:
Купаючи проклинала —
Щобъ счастья не знала.»

Медикъ сказалъ бы, что слова этой думки сплавились жаромъ поэзіи изъ запасныхъ идей, и вырвались бѣлымъ ключемъ изъ души, какъ вскипяченная вода изъ раскаленнаго сосуда; но этотъ сосудъ былъ близокъ къ совершенному разрушенію. На девятый день горячки, призвали духовнаго отца. Протоіерей Матѳій, найдя больную въ безпрерывномъ бредѣ, отложилъ до благопріятнѣйшаго времени исполненіе Христіанскаго долгу. Кондратъ Искра былъ тутъ же. По выходѣ Протоіерея, онъ спросилъ у него о состояніи больной? «Худо,» отвѣчалъ честный отецъ: «болѣзнь ея зародилась въ сердцѣ: такъ врядъ ли вылечатъ всѣ земныя лекарства.»—Огорченный Кондратъ долго стоялъ потупя голову, наконецъ тряхнувъ Малороссійской чуприной, съ рѣшительнымъ видомъ подошелъ къ окну хаты и махнулъ рукой ея хозяйкѣ. Она вышла, а Кондратъ, оперішись подбородкомъ на палку, въ полголоса молвилъ: «Вже нашу небоженьку, якъ казавъ отецъ Матѳій, не зличитъ ни якая басурка и ея хороба у сердцѣ.... такъ хто его зморивъ, не хай тей и ратуе. Якъ же о симъ гадаешь, мати? а?» Старуха, уби-

(*) Бурьянъ, трава, въ которой по Малороссійскому обычаю купаютъ младенцевъ.

тая горемъ, не понимая хорошенько, къ чему клонятся его слова, отвѣчала на вопросительное междуметіе: а? утвердительнымъ: Э ге! «А коли э ге! такъ и буде э ге!» вымолвилъ съ усиліемъ прежній женихъ умирающей: «и я пійду шукати ликаря.» Послѣднее слово уже было договорено при заворотѣ на берегъ. Изумленная быстрымъ отходомъ, вдова долго смотрѣла ему въ слѣдъ и никакъ не могла домыслиться, чтó значилъ такой скорый уходъ и за какимъ лекаремъ пошелъ онъ?

Между тѣмъ Кондратъ, который чтó разъ заберетъ въ голову, то ужъ во чтò бы ни стало, исполнитъ, отыскивалъ вездѣ Грица; но не находя его ни дома, ни у невѣсты, ни у Полковника, сѣлъ на коня и отправился въ хуторъ, куда, какъ ему разсказали хлопцы пана Сотника, молодой паничь часто ѣздитъ и тамъ проживаетъ сутокъ по двое. Грицо, вѣроятно, угрызаемый совѣстью и мучась отчаянной болѣзнью загубленной имъ любовницы, подъ разными предлогами хозяйства, стрѣльбы или объѣздки коней, удалялся отъ всѣхъ, кого винилъ въ своей винѣ, и бродилъ какъ шальной по рощѣ, принадлежащей къ хутору, гдѣ неожиданно встрѣтилъ Значкóваго Товарища.

Кондратъ, не поздоровавшись, сталъ прямо передъ молодымъ хозяиномъ, кашлянулъ, закинулъ руки назадъ, и схватясь ладоньями, началъ слѣдующій разговоръ:

«Якую ты душу машь, пане Хоружій?»

Удивленный такимъ чуднымъ привѣтствіемъ, Грицо поглядѣлъ ему въ глаза, и видя, что они не посоловѣ-

ли и не смыкаются, а напротивъ, выпученные, уперлись прямо ему въ лицо, улыбнулся и отвѣчалъ:

«Таку, якъ и ты маешь, пане Значковой Товарищъ.

«А вже ни; коли бы я мавъ таку душу якъ твоя, тобѣ вотъ стыда, ни смивъ билаго свита видѣть.

«Що се?

«Ничого, я мовю, что видаю.

«А кому?

«А вже не сій кучерявый берозѣ вона рость соби, Богъ зъ ней, нишкомъ и не згубляя ни кого: вона ни гордовица, ни израдница, ни пагубница, ни..... а вже бисъ знаю що.....

«А бо ты одурився, пане Кондрате?

«Ни, пане Грицо, ли буде хто одурився, тилько ни я; а ты горше чимъ одурився: хто забувъ звои обѣщницѣ и не помятуя Бога, зморивъ брыткой израдой обидную доченьку, звоей мати кормилки....

«Вона вмерла!.....вскричалъ Грицо.

«Що ни вмирла, а вмирни.

«Вмирае!

«Э ге!»

Тутъ Искра разсказалъ, безъ малѣйшей утайки, все, что дѣлалось съ Марусей и перетолковалъ по своему слова отца Матѳія. У Грица на глазахъ навернулись крупныя слезы. Соперникъ его, увидя это, согнулся къ нему на шею, прижалъ голову его къ груди своей, отеръ объ нее слезы съ поблѣднѣлаго лица измѣнника и твердилъ какимъ-то глухимъ клокотомъ: «Идемъ, идемъ до нашей сухотинки, идемъ пане Грицо, идемъ пане Хоружій, идемъ бравій козаче!»

«Эй хлопецъ!» вскричалъ страшнымъ голосомъ Грицо, «Коненька! Худко коненька!»

«Якого?» спросилъ прибѣжавшій на крикъ хлопецъ.

«Того, что воронъ якъ хмара и прутокъ якъ вихорь.»

VI.

Черезъ нѣсколько минутъ раздавалось на Полтавской дорогѣ двуголосное Гай-да! и удары казацкихъ пугъ (*) по крутымъ бедрамъ лихихъ коней: потомъ по пыльной дорогѣ послышался топотъ копытъ. Черезъ полчаса, отъ выскока изъ хутора, кони, забѣленные пѣной, были привязаны къ ивамъ, растущимъ подлѣ знакомой намъ плотины, а одинъ изъ всадниковъ притаился за деревьями, въ ожиданіи, пока выйдетъ другой изъ хаты своей кормилицы. Усердный Кондратъ, взявъ на себя, вопреки природѣ, должность Фигаро, не заставилъ его томиться ожиданіемъ. Въ одну минуту онъ все растолковалъ старухѣ; безъ труда согласилъ ее на послѣднее средство къ облегченію ея дочери; провелъ трепещущаго Грица въ садикъ, спряталъ его въ немъ, приказавъ войти въ хату, какъ только изъ нея выманитъ басорку Ягаевну, которую велѣлъ хозяйкѣ вызвать въ сѣнцо за какимъ-то важнымъ дѣломъ.

(*) Нагайки.

Ягаевна, обрадованная, что въ ней имѣетъ нужду грубіянъ, не хотѣвшій никогда и знаться съ нею, тотчасъ выбѣжала. Кондратъ взялъ ее за руку и, молча, повелъ въ домъ. Вѣроятно, онъ не торопясь торговалъ у нея зарѣчный участокъ земли, за который на другой же день заплатилъ въ тридорога; но дѣло не о томъ, посмотримъ, что̀ происходило съ нашею Сафо. Добрая кормилица не утерпѣла, чтобъ не обнять своего вскормленника, тихонько просила его войти въ хату, и указала на памятную ему дверцу за перегородкой. Онъ осторожно къ ней приближался, какъ вдругъ очень слабый, но все еще мелодическій голосъ пронзилъ его прямо въ сердце. Больная въ бреду силилась пѣть, но духъ ея перерывался, запекшаяся гортань лишилась звучности, однако онъ могъ вслушаться въ унывный напѣвъ, который произносила она тихо и съ передышкою:

Болитъ моя головушка
Видъ самова чо̀ла!....

И тотчасъ затѣмъ:

Хиба я тебе забуду,
Якъ очи заплющу.....

Это начало первой и окончаніе послѣдней думокъ, которыя Грицо слышалъ изъ милыхъ устъ Маруси, живо представило ему прежніе восторги счастливой страсти и недавнее ея очарованіе. Словомъ, сдвигнули въ воображеніи его нѣсколько лѣтъ, и слили вмѣстѣ всѣ сладкіе часы его жизни. Несчастная замолчала, онъ переступилъ порогъ, вошелъ .... и видитъ на смертномъ одрѣ остовъ, обернутый заблеклою оболочкой; всѣ его

*

члены замерли, но любопытный взоръ искалъ, сквозь навѣсъ спутанныхъ волосъ, плѣнявшія его очи; они, какъ раскаленные уголья, сверкнули огненнымъ взглядомъ, котораго уличенный убійца не могъ выдержать.... Лицо его скрылось въ изголовьѣ полумертвой и коснулось ея воспаленныхъ щекъ. Это электрическое прикосновеніе, метнуло искру въ сердце, потрясло мозговыя фибры и прервало тяжкую дремоту души; но земныя чувства не могли вынести слишкомъ сильнаго восторженія: изнуренная Маруся ихъ лишается. Виновникъ и сострадалецъ ея мученія вслушивается.... и не слышитъ дыханія больной; взглядываетъ... и видитъ, что глаза ея закрылись. Тутъ вопль отчаянія испугалъ, едва стоявшую на ногахъ у перегородки, старушку. Она бросается къ дочери, хочетъ узнать, бьется ли еще сердце ея. Грицо предупредилъ ее: онъ уже ощущаетъ, что оно чуть колышется, но вдругъ, будто встрепенулось: глаза обмершей открылись, и рука ея сама легла на руку милаго, который, не смѣя пошевелиться, смотритъ на нее; взгляды ихъ встрѣтились, и Марусинъ, затуманясь слезами, объяснилъ, что она узнала, кто подлѣ нея. Старуха бросилась обнимать воскресшую, расправила ея волосы, и, указывая на своего вскормленника, ласково спросила: Хто се? Несчастная, въ первый разъ съ обманчивой вечеринки, усмѣхнулась и заплакала.—Не плачь, не плачь, мое серденько! твердилъ почти ополоумленный Грицо: не журися, Богъ поможе!

«Чому? спросила больная.

— Твому здоровью.

«Тилько?

— И твому счастью.

«А жина твоя?

— Я не женатъ, подхватилъ быстро успокойтель.

«Винъ не женатъ, повторила мать.

«Ты не женатъ!» Съ этимъ восклицаніемъ промелькнула радость на лицѣ страдалицы; но вдругъ ея брови нахмурились какимъ-то смутнымъ воспоминаніемъ, и она, сбираясь съ мыслями, говорила: «А вже я слышала, бачила, да.... да, винъ зъ нею стоя пидъ винцемъ....

— Тиби то бачилось у огневицъ, прервала мать.

«У огневицъ? Чи то правда?» спросила Маруся, оборотясь къ тому, кто долженъ былъ всѣхъ лучше знать о томъ. Грицо клялся ей всѣми Святыми, что онъ не обвѣнчанъ. Она рада была ему вѣрить, никакъ ни упрекала и любовалась своимъ миленькимъ, который, не смѣя ни молчать, ни сказать правды, старался какъ нибудь ее успокоить. Наша Сафо, схватясь за надежду, какъ утопающій за все что̀ ни попало, сама боялась принудить къ точнымъ выраженіямъ, и пока довольствовалась тѣмъ, что онъ не женатъ, что пришелъ къ ней, пусть хоть изъ жалости, а все жъ ее любитъ.

Постучавшійся легонько въ окно Кондратъ, прервалъ эту не совсѣмъ радостную для него и очень затруднительную для соперника бесѣду. Грицо, по условному знаку избѣгая встрѣчи съ болтливой сосѣдкою, торопливо распрощался и ушелъ. Кондратъ, притаившись въ сѣнцахъ, ожидалъ слѣдствія изобрѣтеннаго имъ леченія, котораго не могъ, или отъ двойнаго нетерпѣнія не хотѣлъ продлить. Маруся, разставшись съ своею отрадой, отъ сильнаго волненія крови впала опять въ

бредъ, тосковала, металась на постели. Иногда убійственная, а чаще живительная, радость облаготворяла переломъ горячки. Больная уснула настоящимъ и продолжительнымъ сномъ: напряженность нервъ ослабла, тѣло смякло, дыханіе освободилось и съ перваго посѣщенія сердечнаго врача — началось не слишкомъ медленное выздоровливаніе.

Сосѣдка возвратилась, но уже къ спящей больной, и объявя, съ самодовольнымъ видомъ, что ее задержало важное дѣло съ паномъ Значковымъ Товарищемъ, котораго за тайну назвала лепеховатымъ бугаемъ (*), отправилась по необходимости домой, а бѣдная вдова радехонька была прикурнуть на своей кровати.

Грицо только еще одинъ разъ бѣжалъ обвѣдать больную и обѣщалъ приходить, какъ ему можно будетъ увернуться отъ матери, никакъ не хотѣвшей помириться съ его кормилицей. Маруся, судя по своему сердцу, не подозрѣвала другой причины; и предавшись упоенію богатой на придумки надежды, всякій день ждала своего миленькаго, но неговорила объ немъ даже съ своею матерью. Лекарка ея заводила издали рѣчь кой-о-чемъ, похожемъ на ея положеніе; однако она всегда умѣла свести разговоръ на постороннее, что очень не нравилось вывѣдчицѣ. Она, догадываясь о причинѣ болѣзни, хотѣла, во чтобы ни стало, добиться до настоящей причины излеченія.

(*) Неповоротливымъ быкомъ.

VII.

Извѣстные читателямъ посланцы, Вешнякъ и Бобренко, не жалѣя старыхъ костей, ни борзыхъ коней своихъ, не замедлили явиться по приказу женъ, какъ можно скорѣе. Черезъ два дня по ихъ пріѣздѣ назначено уже церковное обрученіе, а тамъ въ недѣлю (*) и вѣнчаніе.

Кондратъ Искра, оберегая свою небоженьку отъ малѣйшаго огорченія, чтобы не помѣшать довольно скорому выздоровленію, увѣрилъ даже и старуху, что ея вскормленникъ отъ того къ нимъ не ходитъ, что панъ Полковникъ разсылаетъ его по служебнымъ дѣламъ, а самозванной лекаркѣ запретилъ съ угрозами давать волю языку. Ягаевна, зная, что лепеховатый бугай какъ скажетъ, такъ и сдѣлаетъ, удивительно скромничала о всѣхъ нагорныхъ новостяхъ, однако же не отстала отъ намѣренія потѣшить душеньку свою на счетъ чиновныхъ гордевицъ.

Провожая часто свою больную прогуливаться для поправленія здоровья, она заводила ее все дальше и дальше отъ дому. Однажды, и кажется не безъ умысла, подойдя къ греблѣ, уговорила ее испытать, можетъ ли она взойти на гору. Бѣдная Маруся, въ надеждѣ сойтись съ своимъ настоящимъ лекаремъ, или хотя встрѣтить кого нибудь, кто бы могъ еще больше убѣдить ее

(*) Въ воскресенье.

въ разсказахъ ея матери, тотчасъ согласилась, и, послѣ трехъ отдыховъ, поднялась до половины нагорной улицы, — какъ заслышала отъ соборной площади начало свадебной пѣсни:

Да кланяйся Гàнна своему бòткови нйзко,
Бо къ сéрденьку его ты близко,
А маткòви, да кланяйся еше нйзче,
Бо къ серденьку её еще близче (*).

Не дослушавъ послѣднихъ стиховъ, взволнованная Маруся торопливо вернулась назадъ; пошла-было къ дому, но вдругъ остановившись и озирая вокругъ себя, съ чрезвычайнымъ безпокойствомъ увидѣла мать свою и, по минутномъ молчанiи, спросила ее: «Ты не видаешь.... що тамъ?» — Охъ! видаю, перехватила мать, догадавшись въ чемъ дѣло: и якъ ни грѣхъ было сей брыткой волоцюги (**) пригрустити тибе.

«Грѣхъ,» вскричала наша Сафо: «ни грѣхъ тимъ злодiемъ.... Охъ!.... да треба скончати въ одно разомъ..... да!»... Тутъ она бросилась въ ноги трепещущей старухи и стала ее упрашивать итти къ ея губителю, напомнить ему, что онъ пилъ жизнь свою изъ ея груди, что онъ называлъ ее своею матерью, и молить его всѣми мольбами, чтобы пришелъ въ послѣднiй разъ съ нею проститься. Старуха хотѣла возражать, но дочь уже повелительно требовала, объявить сейчасъ вскормленнику, чтобы онъ непремѣнно завтра же, чуть свѣтъ, пришелъ къ ней, и если онъ исполнитъ ея просьбу, то она,

---

(*) Эта пѣсня поется подругами невѣсты, когда онѣ идутъ убирать ее къ обрученью или къ свадьбѣ.

(**) Побродяги.

Маруся, навсегда съ нимъ примирится, его успокоитъ, проститъ, не будетъ мѣшать его счастію, а если не прійдетъ, то ни кто въ свѣтѣ не удержитъ ея, въ самой церкви, сорвать съ него вѣнецъ, объявить всенародно его клятвопреступленіе, и сбросить на губителей свой срамъ и поношеніе. Устрашенная мать не знала что̀ дѣлать, но чтобы успокоить дочь, обѣщала выполнить ея желаніе.

Разсудокъ нашей Сафо, уже не разъ убиваемый напастями, если и не былъ въ конецъ уничтоженъ этимъ сильнымъ и никакъ неожиданнымъ ударомъ, то совершенно впалъ въ черную манію. Сердце и воображеніе, въ продолженіе многихъ мѣсяцовъ палимыя перемѣнными огнями ничѣмъ непотушаемой страсти, слились въ одно чувство, въ одну мысль; это чувство, эта мысль, поработили весь остатокъ умственныхъ способностей, и испарили, такъ сказать, теплотворъ души. Радость и исступленіе страдалицы были непохожи на человѣческія. Она бросилась на шею своей матери, сжимала ее въ объятіяхъ, бѣгала по хатѣ, смѣялась, рыдала, и всѣ эти чрезмѣрные восторги такъ быстро смѣнялись, что ни глаза̀, ни слухъ изумленной старухи не могли за ними поспѣвать. Наконецъ нѣсколько успокоившись, Маруся спросила, чѣмъ онѣ будутъ подчивать завтрашняго гостя? Старая хозяйка со вздохомъ объявила, что у нея нѣтъ ничего достойнаго пана Хорунжаго. Тутъ Маруся просила ее пойти отыскать самаго лучшаго и самаго сладкаго напитку, которымъ бы и она могла запить вѣчный миръ. Старуха, не пожалѣвъ для своего вскормленника измученныхъ ногъ, безотговорочно пошла на другой конецъ города, и купила на его же деньги вишне-

ваго меду, которымъ славился кумъ ея, пивоваръ. Маруся поблагодарила мать, взяла отъ нея покупку, сказала, что сама уже немножко поѣла, и отправила ее одну ужинать; а чрезъ нѣсколько времени возвратилась изъ саду, поставила тихонько бутылку на полку и, схватя обѣими руками голову, жаловалась на ужасную боль и, затворясь въ отгородкѣ, несчастная положила въ бутылку отраву.

На другой день, съ утреннею зарей, явился жданый гость. Когда послѣ встрѣчи, горевания, упрековъ и разговоровъ, Грицо взялъ поднесенную Марусей кружку, она вскочила съ скамейки, но вдругъ почти падая, уперлась обѣими руками о столъ и въ этомъ положеніи оставалась какъ окостенѣлый мертвецъ: глаза ея не двигались, грудь не дышала и синія губы не сомкнулись. Грицо выхлебнулъ половину кружки и подавалъ ее, по условію, загубленной имъ отравительницѣ; но старуха, видя ея остолбененіе, переняла кружку и за здравіе своего вскормленника поднесла-было ко рту. Тутъ, какъ пробужденная электрическимъ ударомъ, дочь бросилась вырвать смерть изо рта матери, но въ торопливости, вышибла кружку и отрава пролилась. Несчастная кинулась за нею и вскрикнувъ: *Постой смерть, и ты вотъ мене биже*, алчными губами хватила ядъ съ грязнаго полу. На другой день Грицо умеръ, успѣвъ однако исповѣдаться.

Въ ту самую минуту, когда Протоіерей съ соборомъ началъ обрядъ отпѣванія, послышался ужасный шумъ на паперти, и Маруся съ растрепанными волосами, въ разорванномъ платьѣ, за которое видно кто-то хотѣлъ удер-

жать ее, пробивается къ гробу, крича дикимъ голосомъ: *Не хай же Грицо двохъ не кохае, не хай не буде ни той ни мини;* сорвала съ усопшаго покровъ, устремила на него мутные глаза, и вдругъ страшно возопивъ: *Я его сгубила! сгубите мене!* пала на гробъ и такъ ухватилась за него, что на силу могли разнять ея оцѣпенелыя руки. Все взволновалось въ церкви; отецъ Матѳій, духовникъ покойнаго, отирая слезы, запретилъ прерывать священнодѣйствіе, и окончa его, спросилъ: гдѣ сумасшедшая? Ему объявили, что она въ приказной избѣ и съ матерью. Онъ спѣшитъ туда и узнаетъ, что самообвиненіе иступленной дочери не отвергнуто матерью, и что никто не сомнѣвается, чтобы Грицо не былъ отравленъ. Несчастную Марусю предали уголовному суду.

Честный Протоіерей Матѳій, узнавъ на духу отъ Грица всѣ обстоятельства отравленія и привыкнувъ, какъ мудрый наставникъ, проникать глубину человѣческаго сердца, раздѣлялъ чувства Кондрата Искры, разсказавшаго подробно о намѣреніи своей небоженьки утопиться, и о свиданіи съ ея излечителемъ. Сообразя всѣ извѣстныя ему обстоятельства, служитель милосердаго Бога увѣрился, что преступленіе было дѣло сумасшествія, до котораго довели страстную женщину любовь, позоръ, ревность, многократно обманутая надежда и отчаяніе; а потому спѣшилъ все объяснить судьѣ уголовнаго суда, чтобы избавить Марусю отъ угрожавшей ей казни.

Между тѣмъ скованную преступницу представили въ первый разъ для допросу въ полковую канцелярію.

Помѣшанная Маруся стояла передъ судейскимъ столомъ. Полковой канцеляристъ читалъ допросные пункты. Не понимая и не слушая ихъ, она глядѣла въ верхъ съ глухимъ шопотомъ и перебирала звенья своей цѣпи, какъ будто зерны четокъ; когда же услышала очень громко произнесенное имя, съ дѣтства врѣзавшееся въ ея сердце, быстро оглянулась на чтеца и спросила: Тиби жаль его?... и вдругъ сама же отвѣчала: Охъ! жаль, жаль! Обрывки прежнихъ идей заронились въ ея очаженной головѣ, и въ бреду сумасшествія она заговорила, но слова ея были безъ связи, а рѣчи безъ начала и конца.

Судья справедливо заключилъ по слышанному имъ, что человѣкъ не можетъ посягнуть, да еще и отъ любви, на собственную жизнь свою, не сойдя прежде съума, однако жъ подалъ свое мнѣніе, что какъ отравленіе уголовное преступленіе, то по всѣмъ законамъ виновная должна быть казнена смертію; хотѣлъ-было привесть какую-то затверженную имъ латынскую фразу, но вспомня, что отецъ Матѳій силёнъ въ Латыни, довольствовался домолвить: за смерть положена смерть. Кѣмъ? спросилъ его священникъ. —Всѣми законами, отвѣчалъ судья, и отославъ просителя за справками къ пану писарю, заключилъ, что впрочемъ жизнь безъ ума развѣ легче смерти, и что онъ, не могши по своей строгой обязанности, совершенно исполнить желанія первой духовной особы во всемъ Полтавскомъ полку, устроитъ все къ лучшему, и вмѣсто колесованія и потомъ сожженія, какъ бы слѣдовало по закону, пріисканному паномъ писаремъ, онъ осудитъ несчастную просто на сожже-

ніе и дастъ тайный приказъ исполнителю правосудія, чтобы онъ, какъ знаетъ, разомъ кончилъ, то есть, предупредилъ долгія страданія. Затрепетавшій отъ такого милосердія проповѣдникъ Слова Божія, сталъ было доказывать, что оставленіемъ жизни сумасшедшей, еще можно надѣяться спасти погибающую душу; но его не слушали больше.

Передъ тѣмъ, какъ дѣлалось уже распоряженіе къ совершенію казни надъ Марусею, неожиданно явился Кондратъ Искра, неся на головѣ сложенную письмомъ бумагу. Онъ подступилъ гордо къ пану Полковнику, подалъ ему бумагу, присланную Гетманомъ для немедленнаго прочтенія и исполненія. Въ ней содержалось слѣдующее:

«Полковнику, Судьѣ, Старшинамъ и всему Полтавскому полку, наказъ.

«Въ умѣ ни кто съ любви не топится,
Не бьетъ и не губитъ,
Кого крѣпко любитъ,
И наобумъ казнить не тороπиться.

«Потому и зачесть славную голову Гордія Чурая, отрубленную правда врагами и нашими палачами, за одуренную голову дочери его, Марины, загубленную бабьей волей и горькою долей. Впередъ же безъ моей воли смертныхъ приговоровъ не исполнять.»

—

Маруся, по освобожденіи своемъ отъ казни, недолго тяготила землю безполезнымъ существованіемъ своимъ: она скончалась въ вѣчно радостный для нашей родины 1653-й годъ.

Конецъ перваго тома.